

Михаил Сергеевич
ГОРБАЧЕВ

Собрание сочинений

Том **30**

Михаил Сергеевич
ГОРБАЧЕВ

Собрание сочинений

Том **30**

**ВЕСЬ
МИР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 323+327

ББК 66.2

Г 67

НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

1991

Содержание

Заседание Государственного совета СССР	13
<i>14 ноября 1991 года</i>	
Беседа с министром иностранных дел Индии М. Соланки ...	86
<i>15 ноября 1991 года</i>	
Из разговора с А.С. Черняевым и А.С. Грачевым	91
<i>15 ноября 1991 года</i>	
Из интервью журналу «Штерн»	92
<i>15 ноября 1991 года</i>	
Совещание с советниками и помощниками	99
<i>17 ноября 1991 года</i>	
Беседа с эмиром Кувейта шейхом Джабером аль-Ахмедом ас-Сабахом	101
<i>18 ноября 1991 года</i>	
Письмо координатору «большой семерки» Дж. Мейджору	107
<i>Не позднее 19 ноября 1991 года</i>	
Интервью американскому журналу «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт»	108
<i>19 ноября 1991 года</i>	

Из выступления на заседании коллегии Министерства внешних сношений СССР	114
<i>19 ноября 1991 года</i>	
Беседа с представителями государств «семерки»	115
<i>20 ноября 1991 года</i>	
Выступление на втором совместном заседании Совета Союза и Совета Республик первой сессии Верховного Совета СССР нового созыва	123
<i>20 ноября 1991 года</i>	
Поездка М.С. Горбачева в Иркутск и Бишкек	
<i>21–23 ноября 1991 года</i>	
Из беседы с журналистами в самолете	153
20–21 ноября 1991 года	
Встреча в аэропорту Иркутска	155
21 ноября 1991 года	
Посещение Иркутского авиационного завода	156
<i>21 ноября 1991 года</i>	
Из разговоров в цеху	156
Встреча в конференц-зале завода	156
О встрече с ветеранами войны и труда	158
<i>21 ноября 1991 года</i>	
О встрече с руководителями области, народными депутатами областного и городского Советов, руководителями крупных предприятий	159
<i>21 ноября 1991 года</i>	
Из выступления на встрече с преподавателями и курсантами Иркутского высшего военного авиационного инженерного училища	160
<i>22 ноября 1991 года</i>	
Посещение Листвянки	161
<i>22 ноября 1991 года</i>	
Из разговора с директором Байкальского экологического музея Г.И. Галазием	161
Из разговора за «круглым столом» с учеными и деятелями культуры	162
Из разговора с членом-корреспондентом АН СССР В. Хабиевым	162
Пресс-конференция	163

Прибытие в Бишкек	165
22 ноября 1991 года	
Встреча в аэропорту «Манас»	165
О встрече с представителями научной и творческой интеллигенции	166
22 ноября 1991 года	
О посещении Бишкекского завода сельскохозяйственного машиностроения имени М.В. Фрунзе	167
23 ноября 1991 года	
Посещение Кантской машиноиспытательной станции	169
23 ноября 1991 года	
Из разговора с доярками	169
Из разговора со специалистами и руководителями хозяйства	169
Посещение Кеминского района	169
23 ноября 1991 года	
Разговор с чабаном во время незапланированной остановки	169
О посещении фермерского хозяйства «Кызыл-Суу»	170
Встреча с общественностью Кыргызстана	171
23 ноября 1991 года	
Интервью в аэропорту «Внуково» по прибытии в Москву	175
23 ноября 1991 года	
Заседание Государственного совета СССР	176
25 ноября 1991 года	
Пресс-конференция в перерыве заседания Государственного совета СССР	235
25 ноября 1991 года	
Заседание Государственного совета СССР (продолжение)	240
25 ноября 1991 года	
Беседа с министром иностранных дел Исламской Республики Иран А.А. Велаяти	278
26 ноября 1991 года	

Беседа с делегацией конгресса депутатов Генеральных кортесов Испании	287
<i>26 ноября 1991 года</i>	
Совещание с советниками и помощниками	297
<i>26 ноября 1991 года</i>	
Беседа с вице-президентом Федерации экономических организаций Японии Т. Яхиро	300
<i>27 ноября 1991 года</i>	
Из стенограммы заседания Государственного совета СССР	306
<i>27 ноября 1991 года</i>	
Из ответов на вопросы журналистов по окончании заседания Государственного совета СССР	320
<i>27 ноября 1991 года</i>	
Интервью «Народной газете» (Минск)	321
<i>28 ноября 1991 года</i>	
Из беседы с Эрнстом Неизвестным	336
<i>28 ноября 1991 года</i>	
Беседа с обозревателем «Литературной газеты» Юрием Щекочиным	338
<i>28 ноября 1991 года</i>	
Телефонный разговор с Президентом США Дж. Бушем ...	350
<i>30 ноября 1991 года</i>	
Беседа с директором Международного института сравнительных социальных исследований Х. Яничеком	355
<i>3 декабря 1991 года</i>	
Из телефонного разговора с Г. Колем	361
<i>3 декабря 1991 года</i>	
Обращение Президента СССР к парламентариям страны ..	364
<i>3 декабря 1991 года</i>	

Телефонный разговор с Президентом Республики Польша Л. Валенсой	368
<i>4 декабря 1991 года</i>	
М.С. Горбачев о беседе с Премьер-министром Венгрии Йожефом Анталлом	371
<i>5 декабря 1991 года</i>	
Из интервью французской телекомпании ТФ-1 для программы «Семь на семь»	374
<i>6 декабря 1991 года</i>	
Встреча с американской делегацией, прибывшей в СССР на конференцию по экономическому образованию молодежи	378
<i>7 декабря 1991 года</i>	
Интервью Украинскому телевидению	382
<i>7 декабря 1991 года</i>	
Заявление Президента СССР	393
<i>9 декабря 1991 года</i>	
О встрече с руководством Вооруженных Сил СССР	395
<i>10 декабря 1991 года</i>	
Интервью главному редактору «Независимой газеты» В. Третьякову	397
<i>11 декабря 1991 года</i>	
Президент СССР отвечает ученым мира и сам задает вопросы	412
<i>11 декабря 1991 года</i>	
Ответы М.С. Горбачева на поставленные вопросы	412
Вопросы М.С. Горбачева к ученым	415
Встреча с советскими журналистами	416
<i>12 декабря 1991 года</i>	

Заявление Президента СССР в связи с отзывом представителей Республики Беларусь и РСФСР из Верховного Совета СССР	437
<i>12 декабря 1991 года</i>	
Беседа со специальным представителем правительства Великобритании Д. Эплардом	438
<i>13 декабря 1991 года</i>	
Интервью журналу «Тайм»	446
<i>13 декабря 1991 года</i>	
Из телефонного разговора с Дж. Бушем	455
<i>13 декабря 1991 года</i>	
Телефонный разговор с Ф. Миттераном	456
<i>14 декабря 1991 года</i>	
Беседа с государственным секретарем США Дж. Бейкером	460
<i>16 декабря 1991 года</i>	
Беседа с группой участников международной конференции «Анатомия ненависти»	472
<i>17 декабря 1991 года</i>	
Интервью газете «Комсомольская правда»	477
<i>18 декабря 1991 года</i>	
Из разговора с руководителями палат и комитетов Верховного Совета СССР и представителями инициативной группы народных депутатов по проведению Съезда народных депутатов СССР	487
<i>18 декабря 1991 года</i>	
Обращение к участникам встречи в Алма-Ате по созданию Содружества Независимых Государств	489
<i>19 декабря 1991 года</i>	
Из телефонного разговора с Г. Колем	494
<i>20 декабря 1991 года</i>	

М.С. Горбачев о телефонном разговоре с Ф. Миттераном . . .	497
<i>21 декабря 1991 года</i>	
Интервью газете «Московская правда»	499
<i>21 декабря 1991 года</i>	
Из беседы с ведущим телекомпании Эй-Би-Си Тэдом Копполом	508
<i>21 декабря 1991 года</i>	
Телефонный разговор с Премьер-министром Великобритании Дж. Мейджором	511
<i>23 декабря 1991 года</i>	
М.С. Горбачев о беседе с послом Италии в СССР Ф. Саллео	515
<i>24 декабря 1991 года</i>	
Телефонный разговор с Премьер-министром Канады Б. Малруни	517
<i>24 декабря 1991 года</i>	
Телефонный разговор с Президентом США Дж. Бушем . . .	521
<i>25 декабря 1991 года</i>	
М.С. Горбачев о телефонном разговоре с Г.-Д. Геншером . . .	525
<i>25 декабря 1991 года</i>	
Обращение к советским гражданам	526
<i>Выступление по Центральному телевидению Президента СССР</i>	
<i>25 декабря 1991 года</i>	
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	
Заседание Государственного совета СССР	
14 ноября 1991 года	530
<i>Выступления при обсуждении экономических вопросов</i>	530
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	
Договор о Союзе Суверенных Государств, Проект	554
<i>27 ноября 1991 года</i>	

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Заседание Государственного совета СССР	563
(вторая часть)	
25 ноября 1991 года	

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Документы, подписанные руководителями Беларуси, России и Украины в Беловежской Пуше	585
8 декабря 1991 года	
<i>Заявление глав государств Республики Беларусь, РСФСР, Украины</i>	585
<i>Соглашение о создании Содружества Независимых Государств</i>	586

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Заявление, подписанное руководителями среднеазиатских республик СССР на встрече в Ашхабаде	591
13 декабря 1991 года	

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Документы, подписанные руководителями одиннадцати бывших советских республик в Алма-Ате	594
21 декабря 1991 года	
<i>Алма-Атинская декларация</i>	594
<i>Протокол Совещания глав независимых государств</i>	596
<i>Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств</i>	596
<i>Соглашение о координационных институтах Содружества Независимых Государств</i>	597
<i>Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия</i>	597
<i>Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной</i>	599

Примечания	601
Указатель имен	651
Даты жизни и деятельности М.С. Горбачева	686
<i>(14 ноября – 25 декабря 1991 года)</i>	

ЗАСЕДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА СССР

14 ноября 1991 года¹

Горбачев. В порядке вводной, я хочу сказать, чтобы поставить в известность членов Госсовета, что товарищ Кравчук в разговоре с ним сказал, что, по мнению Верховного Совета республики, он должен не участвовать в деятельности Верховного Совета до 1 декабря, пока идут выборы, и не участвовать в работе Госсовета. Это я ставлю вас в известность. Значит, участвовать в заседании Украина не будет. От товарища Каримова были заверения, что он уже рано утром вылетает, но что-то его нет. Я думаю, это прояснится.

Ну, поскольку мы договорились, что собираем только членов Госсовета и небольшую часть экспертов, которые связаны с подготовкой, проработкой этих вопросов, и больше никого, то, собственно, мы можем начинать эту работу. Поблагодарю прессу за то, что она присутствовала на этом начале, и — до встречи по итогам работы, по ходу дня. Спасибо.

Мне сегодня утром Явлинский сказал, что все соглашения он закончил. Ему только требуется от нас, чтобы мы дали ему слово, чтобы он поставил всех в известность, а потом мы направили бы одновременно его документ по этим позициям и председателям правительств. Но он хочет (и весь МЭК просил), чтобы ему дали несколько слов для пояснения, что нужно, чтобы окончательно двигаться вперед...

Мы пришли к выводу — сесть и начать работать. Поскольку всё, что мы прошли, вам известно. По нашей общей договоренности, мы

с Борисом Николаевичем и с экспертами Президента Союза и Президента России уже поработали, ибо вы дали на это согласие, чтобы не выглядело так, что мы были самозваными. На основе этого появился один материал, и потом были ваши замечания...

Мы можем с вами просто идти непосредственно по документу. Так, да? Как мы это делали, поскольку мы уже многое ведь прошли.

Я могу облегчить вашу задачу — у вас под рукой все материалы, и, если вы не возражаете, то можно прямо по преамбуле.

По преамбуле (я хочу напомнить) были замечания и предложения, а потому будет сразу ясно, что мы сделали. Были замечания такие: от Казахстана — восстановить абзац «исходя из провозглашенных ими деклараций о государственном суверенитете и признавая право нации на самоопределение». Это предложение реализовано. И, как видите, в проекте Договора от 5 ноября оно содержится. Прямо с этого и начинается собственно.

И было замечание Российской Федерации — снять абзац, содержащий неясные формулировки — «уроки из прошлого», «изменения в жизни страны и во всем мире».

Ельцин. Учтено...

Горбачев. Концовка преамбулы — изменить в следующей редакции (это Казахстан внес): «решили создать Союз Суверенных Государств». Договорились об этом. То есть там было, помните, Союз Свободных... А теперь так. Вот, собственно, такие замечания были по преамбуле. Они реализованы.

Назарбаев. Создать Союз Свободных Государств?

Горбачев. Нет, минуточку. Договор о Союзе Суверенных Государств. Надо прямо с этого начать. Вы помните, что сначала это был Договор о Союзе Свободных Суверенных Государств.

Ельцин. Нет, республик — СССР.

Горбачев. Да, да. Мы старались подвести под аббревиатуру СССР. Ну это мы дойдем, как его назвать, но 5 ноября восстановили вот это. Что еще по тексту преамбулы осталось? Что по преамбуле, Станислав Станиславович? «Решили на новых началах построить свои отношения в Союзе и договорились о нижеследующем...»

Шушкевич. В каком Союзе имеется в виду — новом или бывшем? Вот для меня лично непонятно это слово.

Горбачев. «...создать Союз Суверенных Государств».

Назарбаев. А здесь — «построить».

Горбачев. А знаете что, тут есть какой-то элемент: «создать» — как будто ничего не было, на пустом месте. Владимир Николаевич, есть эта опасность?

Кудрявцев. Да, здесь есть оттенок... А давайте соединим: «решили на новых началах создать Союз Суверенных Государств».

Назарбаев. Хорошо.

Ельцин. Может, так лучше?

Горбачев. Давайте так... Будут говорить, что там старое было, а мы новое...

Назарбаев. «Решили на новых началах создать Союз Суверенных Государств и договорились о нижеследующем...»

Горбачев. Можно двигаться дальше? Теперь по основным принципам. У меня обобщены ваши замечания. По основным принципам я оглашу всё, что было, а потом начнем смотреть.

От Таджикистана было предложение изменить название Союза. Оно изменилось. Да, «изменить название Союза на Союз Суверенных Государств» — Белоруссия, Казахстан. Реализовано.

«Указать на конфедеративный характер Союза» — Белоруссия. «Указать, на каких принципах (федерация или конфедерация)» — Таджикистан. Это, так сказать, главное. По сути дела, речь идет об изменении названия Союза, называть или не называть — федерация или конфедерация.

По первой части. Это, вы видите, внесено — Союз Суверенных Государств...

Назарбаев. Нет, название, аббревиатура?

Ельцин. Союз Суверенных Государств лучше все-таки. Зачем оставлять СССР?

Горбачев. А если, Борис Николаевич, так же все оставлять как есть, Союз Суверенных Государств, что у нас будет? Там написали в преамбуле и тут. А в скобках пишем (поскольку форма республиканская у всех, все семь республик объединились) — ССР (два «С»). Чтобы не ССГ.

Это не противоречит. Государство в форме республики. Ну, как вы себя называете — Республика? Российская Республика, Белоруссия...

Ельцин. Нет, мы к названию «Российская» еще вернемся. У нас по России сейчас два варианта: или Российская Федерация, или просто Россия и всё.

Мурадов. У нас, Михаил Сергеевич, тоже — Туркменистан, без «республики». Государство Туркменистан.

Горбачев. Но суть-то республиканская?

Ельцин. По-моему, запутаем мы всех и своих, и международных. Будет и Союз Суверенных Государств, и СССР. Зачем двойное название? Пусть будет ССГ. Скажут: по пути потеряли одно «С». (Смех в зале.)

Муталибов. Наши эксперты пишут, что политическим реалиям соответствует предлагаемое в проекте новое название — ССГ.

Горбачев. Ну, что? ССГ будем оставлять?

Назарбаев. ССГос нельзя?

Голоса. Как? (Смех в зале.)

Назарбаев. Чтобы «Г» не было, Борис Николаевич.

Ельцин. Мне кажется, важнее другое здесь: союзное демократическое государство, вот оно что. Союз Суверенных Государств — это понятно. Это — Союз.

Голос. Да. Не государство.

Ельцин. Да. Союз Суверенных Государств, а не государство.

Горбачев. Нет, мы с тобой обсуждали, не возвращаемся... Это уже пройденный этап.

Ельцин. Ну, тут уже сторонники есть.

Горбачев. Ну, сторонник... Я сейчас ему скажу, Станиславу Станиславовичу.

Голос. Да, у нас тоже есть совпадение мнений.

Горбачев. Ну я перескакиваю тогда. Я вижу, там больших препятствий не будет. В конце концов, я лично так смотрю: ССГ — так давайте ССГ. А вот что касается, указывать или не указывать характер — конфедеративный, федеративный... Я думаю, что как раз Союз Суверенных Государств (уже если содержательно его рассматривать) позволяет нам в этой формуле учесть разное, разную степень... Тут, так сказать, распределение полномочий, которые будут вынесены в виде федеративной связи.

Если мы говорим о войсках, о Вооруженных Силах, еще каких-то там... То есть это то, где четко федеративный характер. Есть даже просто конфедеративный. То есть Союз Суверенных Государств. В этом случае, значит, этот первый тезис дает возможность охватить более гибко все реальности. Это первое.

Второе. Что же мы создаем в связи с этим? Государство мы союзное или просто Союз? Я думаю, что всё то, что мы прожили, что у нас за плечами, и то, что нам нужно, — это, конечно, союзное государство. И это не противоречие, потому что это типичная формула. Государства, которые объединяются, могут создавать государство и могут не создавать государства. Я думаю, что мы эту дискуссию за семь предшествующих месяцев прошли. С Борисом Николаевичем потом обменивались... Конечно, нам нужно не что-то такое неясное, аморфное, рыхлое, так сказать, и непонятное, а все-таки реформированное, с глубоким перераспределением полномочий союзное государство с новым Центром, такое, каким оно должно

быть — в пределах того, что оно государство. И с этим государством связана судьба страны. Люди должны получить эту уверенность.

Кстати, все опросы, которые проходят и поступают в последнее время (вчера, позавчера, я ночью последний раз читал), показывают, что за эти месяцы люди высказываются за Союз, за его сохранение больше, чем во время референдума. Потому что жизнь на-верное уже показала. Вот это мы должны четко людям сказать. А если мы выйдем на что-то такое расплывчатое, непонятное, а не союзное государство, то мы так и будем решать вопросы, как сейчас — на переходный период. Но сейчас понятно, мы от одного ушли, другое еще не создали. И если мы что-то аморфное такое создадим, то это будет очень трудное дело. Но я считал, что этот вопрос мы уже прошли. Единственное, что для того, чтобы учесть другую степень децентрализации, которая уже появилась после августа, мы сняли «федерацию». Вы помните, мы писали — федеративное государство, Союз Суверенных Государств, федеративное демократическое государство. Мы написали: союзное государство.

Ельцин. После нашей дискуссии, в том числе с Вами, я тогда оставил за собой, хотя в тексте осталось. Не должно быть Союзной Конституции. Отсюда всё и исходит. Они же завязаны, оба этих вопроса.

Горбачев. Борис Николаевич, мы должны решить главный вопрос. Будем создавать союзное государство или нет? А уж потом обсуждать, что в этом государстве иметь: какие договора, документы и какие институты. Сейчас это главное.

Назарбаев. *Грузии нет, Армении нет... Я думаю, Узбекистан, Средняя Азия, Казахстан — все они будут. Нам надо договориться принципиально. Я только что во всем Западном Казахстане побывал пять дней. Там везде десятки, тысячи коллективов на улицах. У меня складывается впечатление, что люди и без нас все равно придут к этому. Соседние россияне приезжали — из Волгограда, Омска, Оренбурга...*

Я уважаю, как Борис Николаевич сказал, и Кравчука, и Фокина, всех. Сейчас они наобещали и на этой основе их изберут. А они уйдут. Просто они нас за нос водят, чтобы 1 декабря нам сказать: ребята, у нас был референдум, и всё — я не могу, воля народа. Мы же не уверены, что референдум не поддержит отделение Украины. Правильно?

Ельцин. Там фактически печатают свои деньги. Это уже удар по Союзу.

Назарбаев. Тогда надо уже сегодня договорить до конца. Казахстан будет всегда с Россией. Мы уже с Борисом Николаевичем договорились, что бы ни случилось. Потому что я другого разумного хода для наших народов не вижу. И нам тогда надо всем, кто будет в этом политическом союзе,

немедленно изменить деньги. Вы представляете? Это вам не прибалтийские рубли. Они нас задушат в один день.

Ельцин. Безусловно. Сметут все рынки. Выбросят всю рублевую массу к нам.

Шушкевич. Нас душат и прибалтийские.

Назарбаев. Что мы можем сказать сегодня? Я считаю, что отправная точка должна быть — несмотря на то, что не будет того, другого, третьего. Есть воля у сидящих здесь республик создавать политический союз? Есть у нас такая воля?

Ельцин. Союз создать есть воля.

Назарбаев. Да, Союз, политический союз — с единой армией, с единой границей, со всем, что полагается внутри государства. При самостоятельности всех республик, равноправии — это, конечно, без разговоров. Если мы этого хотим, то второй вопрос: какой Союз мы хотим? А тогда уже вести разговор и чего тогда сейчас идти по страницам?

Горбачев. Твоя точка зрения?

Назарбаев. Моя точка зрения остается неизменной, что не надо никого тянуть. Никто из нас не пророк, но я в душе убежден, что обязательно вместо нас придут другие руководители, когда народ созреет. И он объединится без нас. Когда это произойдет, я не знаю. Через год, два... Так давайте будем чуть-чуть мудрее, если мы хотим блага народа нашим.

Никто не говорит об ущемлении суверенитета, независимости, равноправия всех — маленьких и больших народов. Мое предложение: все, кто захочет, все, кто здесь — Россия, Казахстан, Беларусь — те, кто сейчас, давайте будем создавать политический союз и будем смотреть. Мы уже два года всех уговариваем. Мы сначала надеялись, — Вы, Михаил Сергеевич, надеялись, — что и Прибалтику мы притянем, что и весь Кавказ сюда приведем. Ну, нет их. Уже год надеждой живем. Нет их.

Может быть, как раз то, что мы сделаем, лучше будет. Тогда мы, все вместе, скажем самым цивилизованным образом: «Друзья, хорошо, у нас тут Союз, а с вами отношения определены». Я вам все время об этом говорю. Вот мое предложение.

Горбачев. Ну, а вторая часть — какое государство?

Назарбаев. Какое государство — я не знаю. О федерации, я думаю, теперь говорить очень сложно. Надо время пережить это. Вообще, все процессы, которые идут сейчас, это, мне кажется, естественный момент для всех республик, которые пережили при тоталитаризме и теперь хотят понять: они свободны или не свободны будут друг от друга и вообще от имперского дела. Поэтому, естественно, не надо нам и драматизировать. Не знаю, пусть сейчас нам подскажут. Конфедерация?

Федерации нет как таковой — с таким железным государством, с таким Центром, опять эти министерства Федерации... Нет Федерации сегодня. Конфедерация тоже государство. Кстати говоря, ЕЭС сейчас собирается сделать одну конституцию — 12 государств, на всех.

Горбачев. Уже единый паспорт.

Назарбаев. Паспорт нет. Я удивился, что они единую конституцию хотят...

Голос. Доживем!

Назарбаев. Конечно, доживем. Правильно вы говорите. Доживем. Вот если конфедерация? Если пойдем на конфедерацию, успокоимся, каждый свободно объединяется, свободно создает... Создаем, значит, обслуживающий всех нас орган. Ну, возьмем швейцарскую конфедерацию... Если за конфедерацию — я «за». Вот за такую форму государственности.

Горбачев. Вот я лично скажу на этот счет, по содержанию как раз союзной государственности. Ссылаться нам или нет? Тут, знаете, жизнь не лезет ни в какие учебники. Нам нужно думать о реальности. И если говорить о реальности, то я бы такие замечания к тому, что я сказал, еще раз повторил. Если мы откажемся от государства, что это какой-то просто политический союз, оформленный рядом соглашений, то надо прямо сказать, что мы получим некое аморфное международное образование. Никого и ни к чему особо не обязывающее, но и никому в мире особенно и не нужное. Поэтому надо определиться: будем создавать союзное государство? И более того, прямо вам скажу, что международное сообщество предпочитает иметь дело с Союзом как с государством. Тут завязаны и наши долги, помощь, и проблема ядерного оружия, проблема общего рынка, да и крупные мировые проблемы. Это опора современного мира, крупнейшая опора, реальная. Общее государство, я считаю, и в интересах всех республик. У кого остаются страхи и какая-то боязнь Центра — это всё в прошлом. И, вообще говоря, сегодня мы подойдем и будем определять полномочия и определим, узкие эти полномочия, какие нужны. Но это должно быть государство союзное.

Почему я не говорю про федерацию? Есть вещи, которые носят федеративный характер. Есть вещи, которые носят конфедеративный характер. И есть какие-то функции, которые носят ассоциативный даже характер. По сути дела союзное... (раз мы говорим — создаем политический союз и хотим иметь государство), то от Союза и идет как бы само название и трансформация — союзное государство. Оно может быть в форме федерации, оно может в форме конфедерации.

Назарбаев. Ну, военно-политический союз, есть же такое.

Горбачев. Но это уже не государство, это не государство...

Я вам прямо скажу: если вы не хотите создавать государство, вы должны занять ясную позицию. Потому что это вот, между прочим, и определяет всё, что сегодня происходит. Еще не определились республики, чего они хотят: самим быть или иметь какой-то мягкий союз. Как Бурбулис говорит: нам нужно идти к экономической независимости республик, имея мягкий союз для того, чтобы он в этот переходный период (сразу не перейдешь к независимости) нас обслуживал².

Я считаю, что это, вообще говоря, такая опасность... Мягкий союз, не государство, а какие-то договоренности, нечто аморфное такое... В общем, вы определяйтесь. Я свою точку зрения уже столько месяцев докладываю. Если мы создадим нечто аморфное, то прежде всего мы погубим дело в стране и в мире отношение будет такое. Нужно союзное государство, надежное, с глубоким перераспределением полномочий. Но это дело республик, они должны решать.

Ельцин. Мне кажется, Михаил Сергеевич, в отношении того, как отнесутся за рубежом к этому, все-таки Вы драматизируете. Все-таки Союз Суверенных Государств, скрепленный политическим договором, да, это Союз. И с этим Союзом будет иметь дело любое государство мира... И ЕЭС будет иметь дело, и Союз Европы.

Горбачев. Не понимаю — как же ты быстро... Как можно с тобой договориться. Это же наш с тобой проект.

Ельцин. Нет, Михаил Сергеевич, я тогда оставил за собой этот вопрос. Вы просто забыли. Ладно, хорошо. Давайте этот один вопрос — в отношении Конституции государства — я оставляю за собой, пока.

Горбачев. Я храню все заметки.

Ельцин. Может, тогда вы их поднимете?

Горбачев. Я категорически настаиваю, чтобы вы серьезно отнеслись к этому. Если мы не создадим союзное государство, я вам прямо прогнозирую беду... И вы соберетесь через месяц, через полтора и будете создавать союзное государство.

Ельцин. Нет, Союз будем создавать немедленно.

Горбачев. Будете создавать союзное государство.

Ельцин. Нет, Союз государств.

Горбачев. В общем, я прошу: определитесь. Это главный вопрос.

Шушкевич. Наша предыдущая история заставляет задуматься. Мы строили социализм, минуя развитой капитализм. Сейчас мы хотим построить новое государство, минуя стадию формирования субъектов этого государства. Может быть, будем соответствовать тому, о чем

договорились, что это — Союз Суверенных Государств. Можно указать, что это — конфедерация, в которой есть единые Вооруженные Силы и так далее. Все пункты, которые мы усиливаем, — это более чем конфедерация. Если где-то проявляется ассоциативность, можно сказать: минус то-то и то-то. Но если есть единые Вооруженные Силы, значит, есть и структура управления ими.

Горбачев. Конфедерации тоже различаются. Возьмите Канаду — единые Вооруженные Силы, единые федеральные налоги. Есть единое правительство и так далее.

Назарбаев. Я это имею в виду.

Шушкевич. Если бы этот вопрос был поставлен в такой форме ранее, мы бы уже имели Союз. Но мы всё время цеплялись за большее. Если мы сейчас упустим момент для создания разумной конфедерации с едиными Вооруженными Силами, центробежные процессы... Михаил Сергеевич, простите, что моя точка зрения отличается от Вашей в этом вопросе, но эти процессы набирают в республиках силу.

Горбачев. Вы создаете Союз, я только участвую в силу своего нынешнего положения... Что Союз — это федерация? Союз государств?

Шушкевич. Федерация — это более жесткая форма. Это фактически потеря субъектами федерации своей государственности.

Горбачев. Станислав Станиславович, у нас нет федерации. Мы ее убрали. Это было в том варианте. У нас было — федеративное государство, а мы написали «союзное».

Шушкевич. Давайте соответствовать названию — Союз Суверенных Государств. Мы согласились с этим. Прекрасное название.

Горбачев. А дальше?

Шушкевич. А дальше мы говорим, что это конфедерация с едиными Вооруженными Силами. Может, эксперты еще добавят какие-то компоненты. Я убежден, что это получит поддержку. Я думаю, и Украина придет в Союз, когда мы не намекаем на потерю государственности.

Горбачев. Ну, давайте тогда дальше развивать. Что это даст? Потому что нет смысла дальше читать. Все это сделано под союзное государство.

Шушкевич. Дальше можно поручить экспертам эту доработку. Мы решим стратегические вопросы.

Горбачев. А что же экспертам дорабатывать? Что такое конфедерация? Только объединенные Вооруженные Силы и Штаб? А остальное — и Экономический договор, и всё? То есть не нужно иметь Верховный Совет, две палаты... ни Президента конфедерации, ни правительства, ничего не нужно?

Шушкевич. Почему? Я думаю, надо иметь Президента.

Горбачев. А зачем? Что он будет делать? Зачем нужен Верховный Совет и Президент в таком Союзе?

Ельцин. Межреспубликанские функции, координация внешней политической деятельности нужна? Нужна. Вооруженные Силы, общая энергетика, атомная энергетика, транспорт, космос...

Шушкевич. Связь единая, экология... Может быть и союзное законодательство, но, естественно, может не быть союзной Конституции. Допустим, по экологии единый закон, по транспортным коммуникациям, железнодорожным — единый. То есть технология не должна разрываться. Тогда можно эти вопросы решать. Если бы сделали такое заявление, правильно оценили политический момент, то быстро решили этот вопрос.

Горбачев. Ну ладно, вы решайте. Я в этом процессе не участвую. Делайте всё это вы. Я даже сейчас могу покинуть зал, вас, а вы работайте...

Шушкевич. Уважаемый Михаил Сергеевич, бросьте!

Горбачев. Бросьте! И не рассматривайте, что это мой диктат. Это моя принципиальная позиция, и я от нее не отступаю.

Ельцин. Это называется эмоции.

Горбачев. Нет, нет, нет! Я уже сказал публично, я и на Съезде сказал: если не будет союзного государства, я считаю свою миссию исчерпанной.

Шушкевич. Уважаемый Михаил Сергеевич! Вы всегда были сторонником решения вопросов не в ультимативной форме.

Горбачев. Безусловно. И сейчас.

Шушкевич. Мне кажется, что Вы должны это продемонстрировать Союзу. И, мне кажется, Вы будете настолько уважаемым...

Горбачев. Не сходится моя позиция с этой позицией вашей. Я — за союзное государство, полнокровное, эффективное, с эффективными структурами, которые наделены полномочиями. Президент, избранный народом, не может быть марионеткой. Я уверен, что этот Президент не Горбачев будет, потому что я уже, как говорят, и физически себя исчерпал... У меня силы тоже ограничены, но я воюю за то, что с этим связана судьба народа.

Создадим нечто невообразимое... Может, это нравится сегодняшним политикам и руководителям государств, но я прямо скажу: может, их устраивает, но народу, судьбе, истории государства не подходит это. Кого-то это будет связывать — оно и должно связывать, — потому что нужен сильный Президент, чтобы он уравнивал эту огромную централизацию всей власти — и законодатель-

ной, и исполнительной, экономической, всей, в этом огромном мире. Нужно это всё. Иначе это — пешка, марионетка, ничего не знающая, это — генерал для свадьбы.

Ельцин. *Еще спугнем несколько республик, останется четыре. И государство будет из четырех?*

Горбачев. Борис Николаевич, конечно, я не претендую на то, что я держу абсолютную истину закона. Может, она — истина — у Вас. Может, у Вас совпадение. Раз, говорят, есть совпадение — проявляется закономерность. Если вы на этой точке зрения — решайте. Я не против. Я же уважаю вашу точку зрения. Но вы должны с таким же уважением отнестись и к моей точке зрения.

Ельцин. *Мы и относимся.*

Горбачев. Я не смогу поддержать, я не смогу выступить за нечто аморфное, невообразимое и отвечать за это не хочу.

Ельцин. *Если бы мы с самого начала пошли не так жестко, как был предложен первый вариант...*

Горбачев. Не надо. Сначала — мы уже бы 20-го подписали. Мы вышли тогда. И это не было жестко: ведь там была «федерация» записана. И, кстати, как раз критика шла справа будь здоров: Договор — это развал Союза. Вы вспомните. И это подстегнуло и путч, и всё остальное. Но тем не менее мы вышли. Поэтому жалеть о той работе нечего. Мы там вышли на серьезный Договор. Но жизнь уже ушла. Но я не считаю, что жизнь подвела нас к тому, что надо развалить Союз. Нет.

Назарбаев. *Михаил Сергеевич! Сейчас в республиках (может быть, Вы не особенно ощущаете) есть определенные силы, которые, конечно, не понимают в политике много чего (мы это тоже чувствуем), однако идут на самостоятельность... До того это всё уже раскошегарено. Поэтому реальности, которые есть в республиках, я думаю, это и выражают. В одной республике более выражено, в другой республике менее выражено. Мол, любой политический союз — это опять то, что было. Вот это вот присутствует.*

Горбачев. Это есть, присутствует у определенных политических течений. В народной массе в основе своей...

Назарбаев. *Поэтому, Михаил Сергеевич, я предлагаю конструктивные предложения.*

Горбачев. Пожалуйста, даже проект Договора будет поддержан. На референдум давайте вынесем... И поддержат нас.

Ельцин. *Мы с Казахстаном останемся только. Две республики, которые не объявили себя независимыми.*

Назарбаев. Я всем говорю: мы с Россией всё равно независимы, потому что все от нас независимы. (Смех в зале.)

Понимаете, Михаил Сергеевич, давайте конструктивно поговорим. Мы понимаем, я тоже поддерживаю Вашу мысль.

Горбачев. Если конфедерация с Президентом, избираемым народом, с правительством, ограниченный круг полномочий — это то, о чем здесь и речь идет. Но четко отмечено: если с парламентом, с функциями, четко очерченными, где — вот такое, а все остальное — это республики... Сейчас же уже объем какой? Что останется? Но рынок должно объединять, Вооруженные Силы должно объединять, финансовые какие-то... Нуждается сама конфедерация. Тогда да — я «за». Если этого нет, всё это аморфно. Вы поймите, я не могу. Я это уже продумал тысячу раз. Не могу поддерживать...

И самое главное, я хочу чтобы вы поверили, что у меня нет уже амбиций претендовать на новые должности. Я говорю о судьбе государства. О судьбе государства! И вы в такую кашу все втянетесь, и втягивают нас. Вы посмотрите, что делают... На нас с Борисом Николаевичем идут сплошные атаки... России надо сбросить всё и пойти своей дорогой, стряхнуть, и всё. Это же авантюру предлагают, авантюру... Столкнуться со всеми народами, со всеми республиками и наплевать на судьбу россиян, которые десятками миллионов живут за пределами республики.

Назарбаев. Малым республикам, как бы тяжело ни было, можно легче выйти, чем России огромной... Да и без других республик...

Горбачев. Я тебе скажу, что показывают расчеты экономически глубокие: Россия раньше всех справится, но ей надо лет 5–7 выкарабкиваться. И эти 5–7 лет, я думаю, семь правительств будет, не меньше.

Ельцин. Мою позицию в этом деле Вы знаете. Я никогда этих экстремистов не поддерживал и не поддерживаю.

Горбачев. Я почему и говорю... Поэтому не надо, понимаете...

Голос. Станислав забыл. Я ему сказал: «Знаешь что, Станислав, ты доктор наук, и знаю, что не просто случайный доктор, а по уму, по авторитету, по знаниям... Встал в позицию, которую ты хочешь, перед публикой и держись ее. Пошел он и сказал — и правильно. После этого у него рейтинг в два раза увеличился. И говорят, вот это уже не просто доктор...

Ельцин. Но он же правильно предлагает, и Вы сейчас согласились. Давайте назовем четко — конфедерация. И соответствующие функции в дальнейшем.

Горбачев. Если конфедерация с элементами, о которых я говорю, да, я не против.

Голоса. Так... Да...

Ельцин. Да. Об этом и речь.

Горбачев. Но если конфедерация с Президентом для свадьбы? Чтоб ноги вытирать?

Ельцин. Нет!

Голоса. Нет, нет, зачем же?

Горбачев. С правительством дохлым, никому не ненужным? Без координации Вооруженных Сил и внешней политики? Двенадцать или восемь внешних политик?

Ельцин. Но об этом же никто не говорит... Конфедерация с этими элементами, о которых Вы говорите.

Кудрявцев. Михаил Сергеевич, мне казалось, что компромисс уже намечен. То, что говорит Борис Николаевич и другие товарищи, надо принять по части всех элементов, о которых Вы сказали: президент, парламент, Вооруженные Силы, внешняя политика, единый рынок, а название принять «конфедерация».

Горбачев. Я — «за». Но когда мне сказали, что не надо, — в этом случае нет...

Ельцин. Нет, нет, нет... Речь шла все-таки о конфедерации. О конфедерации.

Акаев. Такого настроения нет.

Кудрявцев. Конфедеративное государство... (Шум в зале.)

Ельцин. А просто конфедерация может быть?

Горбачев. Конфедеративное государство.

Ельцин. Конфедерация.

Кудрявцев. Можно «конфедерация» написать.

Горбачев. Я за конфедеративное государство.

Ельцин. Вот только что мы сказали: за конфедерацию.

Горбачев. Да, но как государство.

Голоса. Как союз, как союз...

Кудрявцев. Но позвольте еще раз компромисс предложить.

Голос. Борис Николаевич, есть два типа конфедерации, тут надо говорить. Есть объединение конфедеративное, которое не создает новые государства.

Назарбаев. Это лига государств.

Горбачев. Да. И есть конфедерация как государство. И это сейчас в результате процесса практически превалирующая форма. Государство в конфедеративной форме.

Ельцин. Раз мы делегируем такие функции, значит, функции государственные. Вот только не называть напрямую — государство.

Горбачев. А почему не называть?

Ельцин. Раз Союз Суверенных Государств... Государство в государстве.

Кудрявцев. Борис Николаевич, еще один компромисс. Если так и сказать: «Союз Суверенных Государств — конфедерация, осуществляющая государственную власть в пределах полномочий, которыми наделяет...» и тому подобное.

Голоса. Хорошо... Всё.

Ельцин. Не доктор, а академик.

Кудрявцев. Дело не в этом.

Горбачев. Конфедеративное государство.

Назарбаев. Мы придем к более жесткому правительству.

Голоса. Да, да.

Назарбаев. Но сейчас нам надо согласиться с конфедерацией — то, что Владимир Николаевич говорит.

Горбачев. Ну ладно, вы решайте. Что вы, ей-богу! Я же вас уважаю, и не могу я насиловать вас. И вы меня не насиуйте.

Ельцин. Михаил Сергеевич, функции, о которых Вы говорите, мы как раз делегируем — и настоящий президент, и парламент, и Вооруженные Силы, и так далее.

Горбачев. Подождите. Если вы хотите знать, то, что я предложил (союзное государство), и то, на что ты соглашаешься, — это даже слабее конфедерации, ибо союзное государство предполагает уникальные связи, дает возможность перераспределения. В конфедерации есть более жесткие правила, если идти по учебникам или по опыту. Например, во всех конфедерациях вы найдете федеральные налоги, а у нас их нет...

А в союзном государстве есть элементы федеративные, как Вооруженные Силы, ибо это федеративная функция, скоординированная политика, в то же время есть и ассоциативные принципы.

Знаете что, вы тут в конце концов договаривайтесь... А я не могу вопросы государственности нашего нынешнего огромного многонационального государства решать под давлением того, что кто-то на нас давит: на меня, на вас. Меня это, так сказать, уже не пугает. Я уже дошел до последней черты. Мне плевать на всё. Я только стою на том, в чем убежден. А вы тут хотите отреагировать: «Что скажет Марья Алексевна?» А что скажет Марья Алексевна?

Ельцин. Ну, если надо бы народ считать «Марьей Алексевной», то конечно...

Горбачев. Нет, народ — это народ. Сейчас я, одну минуту...

Ельцин. Нет, Вы, как всегда, найдете 10 телеграмм, которые подтверждают, что Вы правы.

Горбачев. Да, идут от республик, и везде результаты за Союз превосходят референдум. Люди видят. Это жизнь... За Союз...

Ельцин. Суверенных государств. Правильно. Все «за».

Шушкевич. Мне кажется, что Владимир Николаевич предложил великолепную формулу: признание государственности структуры, не именуемой государством. Иначе нам трудно провести, мне лично в республике очень трудно... «Осуществляющих государственную власть» по таким-то позициям и даем перечень: парламент, президент. Это великолепная форма.

Горбачев. Ну, раз у вас такая точка зрения, что я могу?

Ельцин. Может, нам вникнуть в эту позицию?

Горбачев. Я вижу, что это уже позиция, которая, еще не дойдя до Договора, влияет на поведение всех республик. И я вижу, что если ее затвердить еще и в Договоре, то это как раз и будет то, на чем мы схлопочем...

Назарбаев. Михаил Сергеевич, расскажите, как Вы представляете? Всенародно избранный президент, да? Сильное правительство...

Горбачев. Нет. Я представляю, что это государство, именно не аморфное, а настоящее государство со всеми атрибутами. Это государство, которое имеет свою особенность — в него входит столько-то суверенных государств. Идет перераспределение функций с учетом глубокого реформирования всей системы власти — законодательной, исполнительной — в направлении суверенизации, децентрализации власти в сторону республик. Но особенности таковы, что этот мир сформировался именно так. И не только за последние десять лет, но и в человеческом плане, в расселении народов, в распределении производительных сил, в формировании науки, образования, экономики. Так что нужен Центр, Центр Союза, обслуживающий это экономическое пространство, эту оборонную, стратегическую миссию. А значит, роль этого государства и во внешних делах очень основательна и серьезна. Без этого не обойтись. Хотя все будет таким образом, что и роль других республик... во всем. Поэтому при такой глубокой децентрализации обязательно Центр должен уравнивать систему, иначе будем собираться... Это то, что в Европейском сообществе одно время было — собирались и не могли решить ни одного вопроса, пока не ввели определенную процедуру, правила.

Так и тут: четко распределить полномочия, но то, что оставлено — твердо решено, и всё. И это будет создавать динамику, подкреплять все эти вопросы. Если же мы вот так сделаем — что-то аморфное и непонятное, то тогда не получится. Поэтому это государство.

Назарбаев. *Но это же не зависит от слова «государство». Мы можем практически всё сделать.*

Горбачев. Нет, «государство», именно так. Эффективно может действовать только государство, имеющее тогда и гражданство единое, кстати. Если нет государства единого, нет «объединенного» — вот этого слова «федеративный», то сразу встает вопрос о гражданстве. Нет единого государства, все 25 миллионов русских и 75 миллионов людей других национальностей окажутся гражданами с гражданством, не имеющим связи с их основной родиной. Сегодня 60 процентов или 50 процентов русских в Казахстане, 12 или 15 миллионов на Украине — это люди, которые граждане Казахстана и Украины. Они граждане Украины или Казахстана, но они же из Союза. А через Союз они имеют связь со своей коренной родиной.

Я вам скажу, это настолько человеческий вопрос, что просто люди поднимутся: что это такое?

Дальше. Это — территория, ибо государство, его признаки — публичная власть и территория. Вот он, академик, пусть опровергнет попробует. Это значит, государство определенным образом обслуживает территорию, а если есть территория — появляется и экономическое пространство, оборонное пространство, стратегическое. И вот это всё, что должно быть в интересах этого Союза, а интересы огромные. И вы увидите, что, разрывая и нарушая всё это дальше, мы вообще уже идем к этому... А если мы создадим то, что не будет влиять, только одна говорильня будет происходить в союзных структурах, — ничего из этого не выйдет. И я прямо скажу — это будет беда. Это будет беда. Поэтому дальше (скоординировав единые Вооруженные Силы) единая согласованная политика и внешнеэкономическая политика — при огромной роли, особенно что касается внешнеэкономической.

Наконец, структуры. В связи с этим — Президент, избираемый народом, правительство, и (как в последнее время вносили Борис Николаевич и Нурсултан Абишевич) оно должно быть со своими полномочиями. Но именно правительство, а не нечто непонятное. Вот всё. Оно будет компактное, наверное, в пять или в семь раз меньше или, может, даже и в десять, но это все четко в пределах компетенции. Всё должно быть распределено.

Назарбаев. *Экономический договор без политического не работает.*

Горбачев. Да и не будет работать. Как он будет работать? Каждый собирает свой Верховный Совет и принимает любое решение несмотря на то, что есть иерархия решений, связанных с Союзом.

Значит, если создать нечто такое, чтобы не влияло, чтобы вольготно можно было, то я скажу, вольготность эта только на первый план кажется завоеванием. Это будет трагедия для этого государства. Я себя не могу связать с конфедерацией. Не могу!

Назарбаев. *Конфедерация. Мы все договорились, включая Вас, Михаил Сергеевич.*

Горбачев. Конфедеративное государство. Я — «за».

Шушкевич. *Конфедерация — мы договорились. Союз государств — новое государство. Проблемы гражданства, Михаил Сергеевич, очень легко регулировать.*

Горбачев. Вы видели, как легко регулируется? В Прибалтике уже приняли законы. А они клялись: дайте независимость, и всех защитим.

Шушкевич. *Все проблемы белорусов в Литве и литовцев в Белоруссии регулируются нашим взаимным соглашением по этому вопросу. Не думаю, что есть замечания о положении русских в Белоруссии.*

Горбачев. Они же свою родину через гражданство теряют. Это уже человеческий вопрос.

Шушкевич. *Мы совершенно не думаем создавать какие-то сложности для русских. Но появление своей государственности ставит этот вопрос на совершенно иную стезю. Такая государственность позволяет нам создавать культурные центры и в Москве, и в Санкт-Петербурге. И давайте потом доведем эту конфедерацию до федерации. Может быть, это будет естественной потребностью тех, кто увидит, что нужно делать этот Союз более прочным. Михаил Сергеевич, все вроде согласны.*

Горбачев. Ну хорошо, делайте выбор. Вы несете ответственность не меньше, чем я, а больше. И отвечайте. Я не могу взять на себя ответственность за нечто рыхлое, которое неспособно будет взять эту переходную ситуацию в руки, и будем все время собирать багадельню, договариваться все время, пикироваться. Должна быть создана четкая система с распределением полномочий, уже новых полномочий. И я — вы знаете, кто выдвинул формулу Союз Суверенных Государств... Меня подозревать здесь нечего. Я не могу себя связать с этим, абсолютно. Но это не исключает, товарищи, того, что процесс-то вы можете продолжить в рамках своих подходов. Вы что думаете, что я не хочу, чтобы... Может быть, вы правы? Может быть, я действительно уже отстал.

Шушкевич. Тогда нам надо определять принцип, регламент работы Госсовета, потому что мы же так не продвинемся.

Горбачев. Почему? Договоримся. И по Госсовету. Я же не буду себя оставлять. Если мы сейчас сформулируем, что ваша позиция вот такая-то, а я ее не приемлю, то из этого вытекают и все остальные вопросы. Не могу я себя связывать. Особенно в такой период.

Я вижу, перед чем стоит общество... И надо решать, а то мы будем выяснять каждый раз любой вопрос, потому что мы не решили государственные вопросы и не создали функционирующую систему. Я, наоборот, приветствовал и поэтому включил как второй вариант замечания Назарбаева, чтобы четче разделить и видно было, где чья ответственность.

Назарбаев. Я посмотрел, мы соглашались с тем, что Вы предложили после всех других замечаний. Мы не будем настаивать. Обстановка сложная, нам надо ответственно принимать решения.

Горбачев. Абсолютно, абсолютно. Нам и так уже сказали, что мы с вами развалили всё. И если мы сейчас скажем, что мы — союзное государство новое, на принципах уже новых суверенных государств... Я прямо скажу...

Назарбаев. С 15-го числа мы расформировали министерства, а МЭК нет. Сейчас вот начинается — поднимают цены на уголь, на нефть...

Горбачев. Я имел в виду с 16 часов перейти к этому вопросу, чтобы договориться³. Кстати, там были у меня некоторые идеи. С Борисом Николаевичем мы тут советовались. Может быть, какое-то соотношение... Может быть, на временные решения кадровые пойти, но важна структура... Нет, я удивлен, что Борис Николаевич меня подвел.

Ельцин. Я сказал, что это единственный вопрос, который остается за мной.

Горбачев. О Конституции — да, о выборах Президента — да, но о союзном государстве вопроса никогда не возникало, и мы с тобой договорились.

Ельцин. Подождите, а государство может быть без Конституции?

Горбачев. Нет. Но оставьте этот вопрос для дискуссии.

Ельцин. Я оставил за собой право, что без Конституции.

Горбачев. Так ты мне не ставил вопрос.

Назарбаев. Борис Николаевич, почему мы не хотим назвать это государством, которому сами делегируем полномочия, сами будем его составлять?

Ельцин. Тогда выходит Конституция, значит.

Горбачев. Хорошо, давайте сделаем этот проект и вынесем на народный референдум. Пусть проголосует народ. Что вы боитесь?

Ельцин. Зачем Конституция? На основе вот этого Договора о Союзе Суверенных Государств...

Назарбаев. Превратить его в закон.

Шушкевич. Международный закон первичен, более высок, чем конституции республик. И здесь будет всё.

Кудрявцев. Конституции не нужно, Борис Николаевич. Достаточно этого Союзного Договора плюс Меморандум о правах человека.

Голоса. Правильно. Правильно.

Ельцин. Если так, то этот вопрос снимается. Можно сейчас вернуться с учетом того, чтобы все-таки слово «конфедерация» было.

Назарбаев. Конфедеративное государство.

Шушкевич. Союз Суверенных Государств — это и то лучше.

Кудрявцев. Борис Николаевич, пойдите тоже на компромисс.

Ельцин. Но Вы же компромисс хороший предложили.

Горбачев. Мы знаем, у вас своя позиция в названии. Из-за этого вы и мучились. Вы ее решайте так, как вы считаете нужным для страны. Если это не нечто такое, что мы тут подыгрываем народным фронтам и критикам, а их у нас хватает. Я считаю, что то, что я доказываю — именно это нужно для страны. Кстати, ты мне звонил накануне подписания и мы с тобой говорили о давлении консерваторов. А слева что давили? А слева давили, что сохраняется этот «старый Центр»?

Ельцин. Ну, и те, и другие.

Горбачев. Так что, боже мой, если мы будем слушать, так в конце концов... Мы здесь с вами люди, имеющие и опыт, и ответственность. Так чего тут бояться? Себя боимся, что ли?

Назарбаев. Единые деньги надо иметь, чтобы мы вместе пошли на рынок. А сейчас что получается? Везде, даже в республиках наших, мы не можем управлять. Сейчас каждый поднимает цены — предприятия, шахтеры.

Горбачев. Дальше идти уже нельзя. Куда мы дошли? Это черта... Если мы не остановимся, ты будешь вынужден пойти тем самым путем, самым тяжелым, невзирая ни на кого.

Назарбаев. Я знаю. Надо договориться.

Горбачев. Я ведь вам прямо скажу. Мы ведь все, кто здесь сейчас сидит (мы и с Борисом Николаевичем об этом говорили), если кто-то питает надежду, что вот он что-то там сделает в стороне, а мы все — нет... Всех нас вот здесь сидящих сметут... Или мы должны взять и удержать ситуацию. Если в России проиграет Ельцин, про-

играем все мы. Это уже связка одна. Одна связка. И придут чёрт-те кто. Не предвидится даже, кто придет.

Назарбаев. Война будет.

Горбачев. Нельзя допустить такой ситуации.

Ельцин. Надо сделать так, чтобы Украина не ушла. Надо что-то, не как вы говорите — «Марье Алексевне» подыграть, а надо немножко продвинуться к тому, чтобы Украина согласилась. Без Украины я не представляю это государство. Понимаете?

Горбачев. Но если мы сегодня все четко обведем...

Ельцин. А она — свои Вооруженные Силы, свою валюту введет, тогда у нас полная чехарда начнется.

Горбачев. Я себе не мыслю, что Украина...

Назарбаев. А что делать, если мы ничего не сделаем? Может быть, если мы договоримся без них, тогда пойдут... Всё пообещают, на этом изберутся...

Горбачев. А что потом, мы уже знаем... Мы знаем эту кухню.

Ельцин. Они сейчас подыгрывают под выборы. Это безусловно понятно. Но боюсь, они не изменяют позиции.

Назарбаев. Тогда тем более нам всем остальным надо объединиться.

Ельцин. Ведь мы давно не встречались вместе, в том числе с Президентом, по этому вопросу. У каждого назрели свои вопросы.

Горбачев. Всё время встречаемся, Борис Николаевич.

Ельцин. Я имею в виду по Договору. Поэтому, конечно, за эти три месяца какая-то трансформация произошла.

Горбачев. Мы несколько месяцев безвылазно сидели, занимались этим делом. Это же не пустое время. Нам сейчас надо просто сделать выбор. Я глубоко убежден, я это продумал, для меня это вопрос жизни... Надо делать свой окончательный выбор.

Шушкевич. В марте за Союз проголосовали, да?

Ельцин. За Союз.

Голос. У нас только референдум был. Но вот сейчас поставь вопрос — и я не уверен. Произошли изменения, трансформация. Идея с независимостью... обстоятельства...

Горбачев. Вы можете не входить в Союз.

Шушкевич. Так давайте лучшие усилиям государственный статус образования по содержанию... Наполним содержанием более жестким.

Назарбаев. Я стою за государство. Но я вижу, какое мнение...

Горбачев. Нет. Я не могу. Чтобы на этой территории исчезло союзное государство — с этим я согласиться не могу.

Ельцин. А если из 15 останется 4? Что — это выход из положения?

Горбачев. Я уверен — не 4 останется, убежден. Сегодня эти народы не пойдут никуда. Ни Украина, ни Кравчук...

Ельцин. Ну, через несколько лет могут присоединиться.

Горбачев. И не Черновил определяет. Конфедерация быстро введет свои приоритеты и правила внутри, и это должно быть сделано. И во всем мире отношение к конфедерации будет иное. Она — это огромный потенциал.

Ельцин. Название: «Договор о Союзе Суверенных Государств с конфедеративным устройством».

Горбачев. «О конфедеративном демократическом государстве...» Я бы даже сильнее сказал: «осуществляющем государственную власть на всей территории...» Но дело не в этом.

Ельцин. По существу согласны. По начинке большинство согласны. Только о заголовке речь идет.

Горбачев. Если о заголовке, то напишите, как я говорю.

Ельцин. А тогда почему Вы не хотите, как мы говорим?

Назарбаев. Вы ведь с заголовком согласны: Договор о Союзе Суверенных Государств.

Горбачев. Конечно. А форма — государство.

Назарбаев. Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство.

Ельцин. Эти три слова убрать и получается: «Союз Суверенных Государств осуществляет государственную власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники Договора».

Шушкевич. Это же прекрасно.

Кудрявцев. Михаил Сергеевич! Надо просто исключить упоминание и о федерации, и о конфедерации. Уйти от этого вопроса сейчас — вот что Борис Николаевич предлагает. Подумайте. Это возможный компромисс.

Горбачев. Да нет, может быть, они и правы, но я это продумал всё. Я не могу пойти по пути разрушения. Обновление, реформирование глубокое — да. На разрушение этого государства я не пойду. На обновление...

Ельцин. Прочитайте формулировку, первое — по принципу.

Горбачев. Борис Николаевич, я ведь быстро улавливаю всё, нюансы все улавливаю. Потом, это все же моя, как говорится, специальность. Для меня это изученные, проработанные вопросы. Я считаю, что в своих изысканиях — политических, государственных — с учетом нашей реальности дошел до черты, за которой (если я переступлю) мы попадем в тяжелейшую ситуацию. Мы создаем нечто такое, чтобы стимулировать еще дальше сепаратизм и развал.

Если я ошибаюсь, дай бог! Хотел бы ошибиться, иначе все равно с нас спрашивать будут, независимо от...

Ельцин. Как с Хонеккера спрашивают.

Горбачев. Для меня, Борис Николаевич, ты понимаешь, вопрос решенный. Для меня же и это, кстати, Хонеккера судьба⁴, да любая судьба... Всё уже решено, всё абсолютно.

Шушкевич. «Каждая республика — участник Договора является суверенным государством», совпадает. И дальше: «Суверенные государства в целях объединения усилий для совместного решения вопросов, затрагивающих их общие интересы, образуют Союз Суверенных Государств».

Горбачев. Но это уже совсем...

Ельцин. Минут 20 перерыв...

Горбачев. Я могу вообще сделать перерыв хоть на месяц. Вы сами договоритесь и скажете мне.

Ельцин. Вы все чаще и чаще стали сейчас ставить ультиматумы.

Горбачев. Пришло время. Имейте в виду, я не хочу вас шантажировать, не хочу. Но мы дошли до того, что дальше нельзя! При всем моем глубочайшем уважении к вам.

*(После перерыва.)*⁵

Акаев. Первый вариант изящный, ясный, четкий.

Горбачев. А чем плох второй?

Назарбаев. Да, второй чем плох?

Ельцин. Там тоже «Союз», «государственная власть».

Горбачев. Ты же о компромиссе говорил? Так вот, компромисс во второй формуле есть. Вы учитываете настырность Президента СССР, а Президент СССР учитывает вашу настырность в пределах полномочий.

Ельцин. Это было и раньше. Если бы полгода назад, когда мы сели здесь, в Ново-Огареве, — было бы конфедеративное. Тогда было бы... Вы до последнего с напряжением стояли: конфедеративный я не подпишу... Сегодня вот первый раз.

Горбачев. А федеративное? Вы все должны были подписать.

Ельцин. Каждый шел с замечаниями.

Горбачев. Если говорить откровенно, то первый пункт можно даже более расширительно толковать, чем конфедеративное.

Кудрявцев. Можно подразумевать федерацию.

Горбачев. Да, да. Но я здесь в какой-то мере потому, чтобы мы с вами не были обвинены участниками разрушения государства, распада. Поэтому я и говорю: «государство». Оно осуществляет го-

сударственную власть «в пределах полномочий, которыми его наделяют участники Договора».

Ельцин. И Президент страны этим удовлетворен. Как не раз он нас пугал — уйдет и скажет: «Я свое дело сделал».

Горбачев. Да бросьте! Что вы в самом деле! Я передаю вам свое понимание, свою позицию, но не хочу пугать вас. И вы меня не пугайте. Есть же мое понимание. Я вот зачитал всё это на пресс-конференции⁶. Вы видели, что всё это там есть. Я не то, что где-то там говорю одно, а где-то другое. Я же не как некоторые претенденты в президенты. Нурсултан, это к тебе не относится. Ты у нас сейчас Президент⁷. Я имею в виду других.

Ельцин. Во втором варианте еще компромисс: не надо два раза «государство» и «государственность». Чуть смягчить. Понимаете?

Горбачев. Согласен... Когда я говорю, что согласен, Борис Николаевич замедляет чтение и думает...

Ельцин. Да, безусловно, я сразу подозреваю, сразу возвращаюсь обратно и начинаю думать: «Нет, я что-то не то говорю!» (Смех в зале.)

Горбачев. Как ни говори, твоя идея определить конфедерацию или какое государство реализуется: конфедеративное.

Ельцин. Если бы еще одно словечко вставить...

Горбачев. Это, по-моему, лишнее.

Ельцин. Да, с Вашей точки зрения безусловно. А я бы вставил «в основном координацию».

Горбачев. О-о-о! Борис Николаевич! Не увлекайся этой «координацией». Не надо. Как только начнем... Мы должны отрегулировать полномочия. Вот это отдаем и не больше. А там уже власть... А все остальное — не лезь. И всё. Вон сколько уже отдали.

Ельцин. Ну что, убираем «государственную»?

Голоса. Да.

Ельцин. Ну, я считаю, что вообще можно идти ужинать. (Смех.)

Горбачев. Хорошо. Я вас поздравляю и себя. Я бы очень хотел, чтобы этот самый трудный процесс в жизни страны и государства мы до конца прошли вместе.

Назарбаев. Это просто необходимо.

Горбачев. А теперь этот текст, по которому мы шли, я должен просто перелистать. Сразу будет все ясно... Я буду просто вам называть. В «Основных принципах» мы ввели «Союз Суверенных Государств». Оставляем? Или «ССР»?

Ельцин. Нет, нет. Не надо ССР.

Горбачев. Мне вот это «Г»... Прямо послал на «Г»...

Ельцин. Но государство тоже на «Г». Не только нехорошие слова...

Горбачев. Ну ладно, пошли дальше. «Основные принципы». Все вроде учтено. Можно шагать дальше?

Голос. В последнем, седьмом принципе: государства, образующие Союз, «являются полноправными членами международного сообщества». Появилось мнение: заменить на «являются субъектами международного права».

Ельцин. Я бы поддержал.

Горбачев. То есть у нас будет двухсубъектность.

Ельцин. Тем более конфедерация — это само собой.

Кудрявцев. Международное сообщество — это только Организация Объединенных Наций, а международное право вообще всё охватывает. В том числе двусторонние соглашения.

Горбачев. Так это будет адекватно. Теперь — «Устройство».

Назарбаев. По членству Союза... Первая строчка «членство добровольное», а дальше — «участниками Договора являются государства, непосредственно образующие Союз».

Ельцин. Я не возражаю. Тогда Татарстан уже не может претендовать. Нурсултан Абишевич в чем прав? Скажем, Татарстан выходит из России. Он может подключиться? Нет. Только те, кто подписал.

Кудрявцев. Лучшие бы этого вопроса сейчас не трогать...

Горбачев. Чтобы не злить.

Кудрявцев. Сейчас это сразу против автономий будет направлено. Та же Чечня сразу поднимется.

Горбачев. Давайте обсудим. Я всегда говорил и подтверждаю сейчас: если пойдет дезинтеграция России, Союза у нас не получится. У меня к Борису Николаевичу один вопрос: как мы будем работать с автономиями? Я считаю — в рамках России.

Ельцин. С ними будет Россия. А как же? У нас внутри России будет федеративный договор. И всё.

Горбачев. Но, Борис Николаевич, мы должны быть готовы. Как только этот документ выйдет на простор, то это сразу пойдет...

Муталибов. Уже идет. Боннэр из-за кордона объявила, что должен быть не Союз советских государств, а Союз 57 автономий.

Ельцин. Это сахаровская формула, что любой может туда входить.

Горбачев. Сейчас, на этой стадии, мы с вами можем пойти на такую формулу, которая помогла бы России. Если придется отступить, пусть они отступят. А сейчас бы записать, чтобы у них была опора.

Ельцин. Тогда надо формулировку — «непосредственно образующие Союз».

Назарбаев. Процесс, который пойдет там, зацепит тогда всех... Надо это вставить потом, если мы не хотим будоражить.

Горбачев. Варианты могут быть разные. Борис Николаевич, ты должен ответить. И почему мы не должны дать ему возможность отступить?

Ельцин. Тогда вы должны уже сегодня не принимать заявки, которые у вас есть. Скажем, от Татарстана. А этой формулировкой вы не защищены. Вы обязаны принять. Другое дело, у нас в Конституции не предусмотрено отделение. И он, по закону, не может выйти из России. Защита Конституции — крепкое единство России. Поэтому с точки зрения сегодняшней Конституции этого достаточно. Но новая Конституция, которая будет в середине будущего года, этот процесс может раскрыть.

Назарбаев. Борис Николаевич, а в той новой Конституции у вас такая норма предусматривается? Это демократическая норма.

Ельцин. Да, да... Это в мировой практике — каждый народ имеет право на самоопределение.

Назарбаев. Значит, «участниками настоящего договора являются государства, непосредственно образующие Союз». То есть те, кто подписывает.

Горбачев. То есть, мы выходим, Борис Николаевич, не на Союз народов, а на Союз государств. По-моему, это правильно. И все-таки мы формулу о том, что все народы равны и так далее, ввели.

Ельцин. Это все-таки центробежные процессы немножко зажмет...

Горбачев. Тем более что некоторые автономии, пользуясь этой послеавгустовской ситуацией, себя проявили, рассчитывая таким путем реализовать свои сепаратистские идеи. И мы тем более должны откликнуться. Они будут ссылаться: как же, мол, в том Договоре было, а в этом — нет. Это, мол, отступление, шаг назад. А мы скажем: события, время показали, что нужна консолидация. Вот так. Консолидация в рамках Российской Федерации.

Ельцин. И единство России.

Горбачев. Да, и единство России. Записать, да?

Ельцин. Записать.

Горбачев. Мы именно в этом вопросе выходим из одной концепции в другую. Там мы ставим вопрос о народах, а сейчас — о государствах... Не противоречит ли это Парижской хартии?

Кудрявцев. Там об этом не говорится, о том, какие союзы создавать. Там говорится о праве на самоопределение.

Назарбаев. Придираться будут автономии. Скажут: мы тоже государство. Не возбудим?

Ельцин. Между прочим, все успокоились, кроме Татарстана.

Назарбаев. Михаил Сергеевич, на четвертой странице в первом абзаце: «Государства, образующие Союз, сохраняют право свободного выхода из него в порядке, установленном участниками Договора...» И дальше: «закрепленных Конституцией законов». Убрать «закрепленных Конституцией».

Горбачев. Хорошо.

Кудрявцев. Теперь о второй статье. Реализовано добавление Казахстана: «Гражданин государства, входящего в Союз, является одновременно гражданином Союза».

Горбачев. Это он подметил очень верно, товарищи. Это то, что я всем говорил. Куда бы человек ни поехал, где бы ни поселился, женился — все равно.

Ельцин. В этом отношении хороший порядок в Соединенных Штатах. У гражданина одно гражданство — штат, пока он в штате. А выехал за пределы — он является гражданином США автоматически. Но он не имеет двойного гражданства.

Горбачев. Для них это привычно, так оно и есть. Они же не взяли за основу народ, нацию, они взяли штат и всё.

Голос. У них нет наций.

Ельцин. Михаил Сергеевич, я вот спрашивал академика: что, тогда у нас будет тройное гражданство?

Горбачев. Ну, а что особенного? Автономии — они же республики теперь.

Ельцин. В Татарии — татарский гражданин, но и российский гражданин, и союзный гражданин.

Голос. Ну и пусть будет на здоровье.

Горбачев. Но зато, Борис Николаевич, это гарантия, защита прав. Гражданин государства, входящего в Союз, одновременно является гражданином конфедеративного государства.

Кудрявцев. То есть он не должен оформляться как гражданин, у него есть паспорт гражданина Союза.

Горбачев. И беспрепятственно, Борис Николаевич. Понимаешь, служил-служил парень, взял да и женился там. Или к себе повез жену. И никаких вопросов. Все равно является гражданами Союза. Это очень человеческое дело.

Голос. Следующий абзац, Михаил Сергеевич: «Все граждане Союза имеют равные права, обязанности...» И дальше: «содержание которых определяется полномочиями, передаваемыми...»

Горбачев. А может быть, снять «обязанности» — и точка.

Кудрявцев. Это вообще неверно, что правовые обязанности определяются полномочиями... В первом варианте, который был еще в июле

1991 года, там формула была лучше: «Граждане СССР имеют равные права, свободы и обязанности, утвержденные законами и международными договорами Союза».

Ельцин. Я думаю, мы сейчас идем к первому варианту.

Горбачев. Уже федерации.

Голос. Надо только время подписания держать в секрете. (Смех в зале.)

Горбачев. От путчистов.

Искандаров. «Граждане каждого государства, образующего Союз, пользуются на территории других республик равными правами».

Горбачев. Ну да, в Союзе, в Союзе... Прошли?

Голоса. Прошли.

Искандаров. Третья статья. Не учли моего замечания, которое было всеми поддержано. После первого абзаца записать: «Участники Договора признают границы, существующие между ними на момент подписания Договора», поскольку они входят в Союз, а не иностранные границы.

Горбачев. Да. Это очень важно.

Искандаров. Надо. Все таджики должны это понять, что следующим надо записать: «Границы между государствами могут изменяться по соглашению между ними». Могут быть такие моменты. Вот эти два предложения я вношу.

Горбачев. Первое мы учитывали. Союз гарантирует нерушимость границ государств, которые в него входят. А второе?

Голос. Границы между государствами, образующими Союз, могут изменяться только по соглашению...

Горбачев. Это было в одном у нас договоре.

Голоса. Можно это опустить.

Горбачев. Не надо добавлять изменения...

Голос. «Участники Договора признают границы, существующие...»

Горбачев. Но что там? Если говорить о послеавгустовских уроках, то вот это вопрос о границах. Вы видите, как он обострился и какой принял характер... По-моему, его как раз надо: «нерушимость...» и дальше там рассматривать, фиксировать их.

Ельцин. Мы сторонники такого решения.

Горбачев. Борис Николаевич с Украиной подписал это.

Голос. Нет, если будем отделяться, он прав, что придется проводить маркировку границ.

Горбачев. Это уже другой вопрос. Там по закону о выделении встает целый комплекс вопросов: территориальных, оборонных, человеческих, всё встает. Будем добавлять?

Голос. *Нерушимость границ. Тогда надо слово добавить: «существующих» границы. Я снимаю все свои вопросы. Нет — «которые входят...»*

Ельцин. *Ну, завтра добровольно...*

Голос. *Борис Николаевич, которые в него входят, а не тех, кто не входит. С ними у нас будет, конечно, разговор.*

Ельцин. *Но если мы с Украиной по Крыму договоримся, ну, тогда, что это будет?*

Голос. *Так если он выйдет, конечно, из Союза. Конечно, договаривайтесь. Другой разговор будет. А речь идет о тех, кто входит в этот Союз.*

Ельцин. *Он может войти и в Союз, но мы договоримся, допустим, что Крым... Если воля народов будет...*

Голос. *Так я и предлагаю: «по соглашению между ними»...*

Горбачев. *Интересно, какая реакция... Борис Николаевич подписал договор с Украиной еще до опубликования, всё было еще неясно, все параметры. Немедленно завалили его и меня. Сначала я думал послать Борису Николаевичу как сигнал, потом смотрю, они начали шуровать в два адреса. И прямо вернуться, и отменить постановление 1954 года⁸. Причем оно было передано, знаете как? Довольно автоматически, механически. Без всякого.*

Ельцин. *На коленке подписались.*

Назарбаев. *Хрущев передал четыре района Узбекистану за счет Казахстана⁹. Знай наших! Просто гостил у нас и передал четыре района. Сплошные казахи живут. Вообще не пикали.*

Ельцин. *Ни Ново-Огарева, ничего не было. Подписывали и всё.*

Горбачев. *По границам будем добавлять что-нибудь еще?*

Голос. *Нет, я считаю, что не надо.*

Горбачев. *Не надо, да? Нерушимость, да?*

Голос. *«Союз государств, которые...» «Существующих» не будем писать?*

Ельцин. *Нет.*

Горбачев. *«Существующих» не будем. Ну вот так пусть, да?*

Голос. *Хорошо...*

Горбачев. *Но вы видите по четвертому? Тут учтено добавление Казахстана: «на основе равенства, невмешательства во внутренние дела». Вот эта добавка.*

Ельцин. *Наше не учтено.*

Горбачев. *А что, Борис Николаевич?*

Ельцин. *Выделить в отдельную статью Вооруженные Силы.*

Горбачев. *Так, одну минутку, сейчас посмотрим. Россия — выделить абзацы 4 и 5 в самостоятельную статью «Вооруженные Силы»,*

предварив эти абзацы нормой общего характера о назначении, составе и основах управления Вооруженными Силами.

Ельцин. Особенно сейчас в связи с Украиной это является актуальным.

Горбачев. А что ты имеешь в виду? У нас ведь там вопрос о Вооруженных Силах входит в компетенцию...

Ельцин. Ну, в компетенцию... А здесь, может быть, все-таки характер назначения, разделения...

Горбачев. Пропустить тезис?

Ельцин. Да, вот то, что сейчас внес Шапошников. Может быть, оттуда взять ряд функций, которые будут у государств входящих, и ряд у Союза.

Горбачев. Надо расширять это? Или это тема оборонного Союза в данном соглашении?

Ельцин. Единые Вооруженные Силы. Это Договор все-таки такой, общеполитический, он должен Вооруженные Силы включать...

Горбачев. Нет, мы подходим к сферам совместного ведения, тут будет...

Ельцин. Я понимаю, но здесь будет что? Тут нет Вооруженных Сил.

Кудрявцев. Нет, четвертый абзац на следующей странице.

Ельцин. Я понимаю. Я говорю, что мы-то предлагаем, чтобы выделить, учитывая важность Вооруженных Сил и такую щепетильность этого вопроса, в отдельную статью. Сделать там два абзаца по разделению, как бы, функций некоторых, ну и там три строчки, как начало этой статьи. Но отдельную статью о Вооруженных Силах. А то здесь получается только «не допускается использование» и всё...

Горбачев. Ты имеешь в виду, чтоб после статьи четвертой еще самостоятельную статью?

Ельцин. Самостоятельную статью. Вот эту убрать, включить ту статью, но только предварить еще одним абзацем, что единые Вооруженные Силы вот таким образом...

Голос. Согласованная военная доктрина между государствами.

Ельцин. Да, это очень принципиально.

Горбачев. То есть на базе того, что мы на прошлом Госсовете...

Ельцин. На Госсовете смотрели, предложения есть, мы их одобрили...

Горбачев. Четвертое и последнее пятое, уже пятое будет — о полномочиях...

Голос. Это очень хорошо, весь мир успокоится.

Ельцин. Совершенно верно. А то сейчас каждый, с кем ни встречаешься, первый вопрос его: а как же быть с Вооруженными Силами? Вот отвечаю.

Горбачев. Аяз Ниязович, речь идет о том, что после третьего абзаца четвертый закончить, а там 4а. И речь пойдет о Вооруженных Силах, о единых. А дальше «не допускать использование Вооруженных Сил...»

Ельцин. Может быть, включить — «ряд функций, по отдельному соглашению, передаются государствам — участникам Договора...» Это — «часть функций» — и Украину примирит.

Горбачев. Можно пока этот «ряд» не перечислять?

Ельцин. Да, «по отдельному соглашению»... Дальше, по пятому пункту: «В целях обеспечения общих интересов государств — участников Договора, устанавливаются сферы совместного ведения и заключаются соответствующие многосторонние договоры и соглашения об экономическом сообществе, о совместной обороне и коллективной безопасности, о координации внешней политики, о защите прав человека и национальных меньшинств». А о «научно-техническом сотрудничестве» — убрать.

Горбачев. Ну, Борис Николаевич, это ты забыл... Мы же на Госсовете с вами тогда приняли... Борис Николаевич, Вы понимаете, есть несколько вопросов, на которых мы с вами не должны рассориться с нашей научно-технической и творческой интеллигенцией, вообще с нашей сферой культуры и образования. У них и так уже сложилось впечатление, что мы их вообще бросили к чёрту.

Ельцин. А у них есть у каждого академии. Ну, оставим координацию общих программ за академией.

Горбачев. Они прямо говорят, что если произойдет разрыв научно-технического сотрудничества, то завтра потеряют возможности и умрут целые регионы.

Голос. Они не хотят возрождать никаких... Они с ГНТК (Государственный комитет по науке и технике) распрощались. Давайте скажем — «координацию научно-технического сотрудничества».

Горбачев. Давайте...

Ельцин. Нам надо какой-то комитет по координации общих экологических программ.

Горбачев. Я хочу как раз вас подвести. Тут не просто об экологии. Я бы тоже назвал: «О координации общих экологических программ». Здесь не касается какой-то республики, какая-то экологическая программа Арала, Каспийского моря там или Байкала.

Голоса. Пусть каждый сам решает. Правильно? Очень правильно.

Горбачев. Есть такие вещи, что надо решать через технологию, например, чтобы автомобиль был другим, а не портил воду.

Назарбаев. Так надо же соглашение. Чего спорить? Соглашение экологическое, межгосударственное.

Голос. То есть мы не пытаемся раскрыть его содержание, оно далее будет раскрыто, при разработке.

Горбачев. Борис Николаевич, теперь я возвращаюсь к тому, что Россия предложила снять о сотрудничестве в области образования и культуры. Я думаю, мы же тогда договорились, обсуждали и пришли на прошлом заседании к тому... Борис Николаевич, давайте просто не ссориться с этим народом. Это же наша вся интеллигенция. Конечно.

Шушкевич. Михаил Сергеевич, это не такой простой вопрос. Вы знаете, на основе двусторонних соглашений можно столь же эффективно координировать культурное взаимодействие... У нас есть примеры совсем другого сотрудничества, очень эффективного, на двусторонней основе.

Горбачев. Развивайтесь на здоровье!

Шушкевич. И нам нечего координировать где-то в Центре.

Горбачев. Я не пойму тебя. Ты — доктор наук — не поймешь, что у нас в каждом регионе будет и свой стандарт народного образования?

Шушкевич. А это не плохо.

Горбачев. Станислав! Да ты что? С ума сошел? Идут стандарты, общие на весь мир, чтобы инженер мог работать везде. А у нас государство остается... Приехал и не знает — знания совсем не те, не понимает... Да ты что?

Шушкевич. Это университеты координируют, если они хотят иметь конкурирующий диплом. Михаил Сергеевич, я тоже в этих делах ориентируюсь.

Горбачев. Я-то как раз считал, что ты лучше, чем я, ориентируешься.

Шушкевич. Да, я знаю, что если профессор Московского университета был в нем избран профессором, он вообще везде профессор. А где-то в другом месте могут возникнуть вопросы. Значит, надо поднимать уровень университетов. А соглашением их не поднимешь.

Горбачев. Речь идет о координации. Мы не можем рвать культурные связи. Вот когда мы с вами спорим, собираемся 7–8, а иногда 5 республик. А вот когда они собираются, то не меньше 12, а то и 15 республик. Потому что есть ученые, есть культура, которая связывалась веками, даже не в советское время...

Борис Николаевич, я принимаю твою формулу, что это не министерство, а координирующий комитет. И не надо нам ссориться

с этим народом. Они и так считают, что мы обобрали их... Станислав, хоть раз придавить тебя... Когда я выступал против, то меня придавили...

Ельцин. *Самое интересное, что Вы-то в своем варианте не предлагаете по образованию и культуре.*

Горбачев. Так это же сняли под российский вариант. У меня помечено — 5 ноября. Ты понимаешь, сидит академик и боится Ельцину возражать.

Ельцин. *Ничего не боится. Он просто прислушивается к разумным советам.*

Горбачев. Ну, ладно, договорились. Я просто думаю, товарищи, что если у нас это не выйдет, нас не поймут.

Ельцин. *Но только никаких министерств. Только Межреспубликанский координационный комитет.*

Голос. *Михаил Сергеевич, я предлагаю мягкий вариант. У нас идет соглашение о гуманитарном сотрудничестве — науке, образовании, культуре, в него всё входит.*

Горбачев. Может быть, этот комитет по культуре взял бы и координацию кино. Потому что каждый из них требует.

Голос. *Самое любопытное, что некоординируемое кино дает прекраснейшие фильмы.*

Ельцин. *Что Ленин говорил?*

Горбачев. Есть культура в широком смысле, а есть...

Ельцин. *А высшим является кино.*

Горбачев. Хорошо. Экологическую программу я приветствую, я доволен. А то Воронцов сначала на меня навалился, а потом на Бориса Николаевича. Вчера я получил прекрасный документ... Григорий Иванович, ты был, да? Выступал? Говорит: Михаил Сергеевич, говорю вам и передайте всем, товарищи политики (это я о связи говорю), вы не знаете, что у нас вообще под землей, какие узлы, какие системы. Вот вы сейчас разорвете, а потом... Обязательно нужен переходный период. И потом, все международники в разговорах с нами говорят: связь должна быть мировая.

Голос. *Связь рвать не будем.*

Ельцин. *Так нас вернут к тем восьмидесяти министерствам, которые мы упразднили 4 ноября. Кстати, постановление Госсовета по этому вопросу не подписано.*

Горбачев. Я подписал.

Назарбаев. *Но здесь десять. Это терпимо. Я думаю, Борис Николаевич, что после нас вернутся ко всем семидесяти министерствам, которые мы разбомбили.*

Горбачев. После нас... Но нам надо сделать, чтобы не вернулись. Хорошо, пошли дальше. Пятый «а»: «Участниками многосторонних соглашений могут быть и государства, не являющиеся участниками Договора...» Какой смысл сюда закладывается? Тем более, мы хотим, чтобы то, что мы записываем, подталкивало... Не надо. Убрать и всё.

Ельцин. *Чтобы никого не смущало.*

Горбачев. Пятый «а» — нет замечаний. Нумерация потом изменится.

Я забыл, у нас по пятому существовал еще такой вопрос. Экономическое соглашение — это очень широкое понятие. Здесь даже финансы, банковский союз, дальше — таможенный союз. Как мы будем регулировать эти вопросы, в чьей это компетенции будет? Наверное, надо такую позицию, как таможенный союз, включать. Это, в общем-то, обработка внешней границы в экономическом плане.

Назарбаев. *Борис Николаевич, опять мы даже в этом Договоре идем на разные соглашения, в которых будем путаться. Поэтому я 5а и расписывал, чтобы не было никаких других дополнительных соглашений к этому Договору, как мы делаем в Экономическом договоре. Сфера экономики — что это? Это стратегия социально-экономическая, проведение скоординированной финансово-кредитной, эмиссионной политики, по бюджету мы должны договориться, по разработке общесоюзных программ.*

Горбачев. Борис Николаевич, все-таки Экономический договор — это как производная от того, что на мировой карте появляется этот Союз.

Ельцин. *Почему? Наоборот, на базе этого...*

Назарбаев. *Михаил Сергеевич, действительно, всё это есть в Экономическом договоре.*

Ельцин. Конечно. Повторять? Зачем? Мы просто усложняем документ, утяжеляем его. Сколько здесь! И объявление войны, мира и так далее. То есть тут целая Конституция. Хотя тут всё правильно, никто не спорит.

Горбачев. Давайте обменяемся, чтобы прийти к выводу, работать нам над этим дальше или нет.

Ельцин. Я за то, чтобы соглашения подписать — те, которые не закрывают какие-то экономические. Если не закрывает по таможене, давайте заключим по таможене. Тем более я против того, чтобы был таможенный союз. Я за то, чтобы у государств были свои таможенные службы. А они только координируют с каким-то небольшим органом

выработку общих принципов. Мы Российский таможенный комитет уже создали. А председателем Российского берем себе председателя Союзного комитета — Ермакова.

Горбачев. Если Союз согласится.

Ельцин. Нет. Если Ермаков согласится.

Голос. Я думаю, что мы никогда не кончим. Надо убрать «и другие». Число министерств снова будет расти...

Горбачев. А мы не можем исключить, если появится необходимость.

Голос. Появится необходимость — пусть заключают соглашение.

Горбачев. Договорились.

Голос. Но тогда нужна расшифровка об Экономическом сообществе. Будет там таможня? Банковский союз?

Назарбаев. Это всё есть в Экономическом договоре, поэтому я не настаиваю.

Голос. Значит, убираем вариант Казахстана?

Ельцин. Он сам снимает, по его просьбе. Мы сами не можем.

Назарбаев. Здесь было четко.

Горбачев. Да, было хорошо. Кому-то это не нравится — четкость. Кто-то хочет в мутной воде рыбку ловить. Тоже реальность. Три страницы было написано. Работа. Я же не виноват, что ты так трудился, а теперь не отстаиваешь.

Ельцин. Появился Экономический договор. И он поглотил много из этого.

Горбачев. Значит, получится: вот эти соглашения плюс собственно Экономическое сообщество. Оно много поглощает. Там будет всё — и валюта, и банки, и прочее — в этом Экономическом договоре, который мы подписали.

Голос. Есть такое противоречие, Нурсултан Абишевич. Мы Договор начинаем с того, что его образуют суверенные государства, которые добровольно наделяют Союз...

Горбачев. А Экономический договор получается более широкий, за пределами государства.

Голос. Тогда возникает вопрос: а что же это за полномочия, в круге которых будет действовать это конфедеративное демократическое государство? Получается куцый абзац.

Горбачев. Борис Николаевич, а ведь это то, о чем мы говорили с тобой. Где-то тут должно быть написано о соотношении политического и экономического.

Ельцин. А не перевести ли это на двусторонние отношения? Государство, не являющееся участником Договора, заключает отдельное со-

глашение или с каждым государством, или с Союзом. И условия будут для них иные — не такие льготные, которые есть между нами.

Горбачев. Мы должны этот тезис принять, чтобы почувствовали, что с политическим Союзом есть преимущества.

Ельцин. Нефть пойдет уже по 180 долларов за тонну — «всего-то» в 20 раз дороже... А у нас здесь так: что ты вышел из Союза, что ты не вышел — всё равно.

Горбачев. Надо сюда же и вставить. Прямо в пятую. Как принципиальное положение.

Ельцин. Давайте этот абзац добавим в отношения с государствами, которые не являются участниками Договора.

Кудрявцев. Может быть, так, Михаил Сергеевич: «Государства, не участвующие в Договоре, могут заключать двусторонние соглашения с каждым из участников Договора».

Ельцин. Речь идет об экономических и других связях.

Горбачев. Нет, Борис Николаевич, ты берешь конец, а я хочу с начала. То, что мы с тобой говорили, и то, что в Огареве зародилось.

Кудрявцев. Позвольте зачитать. Одним из центральных в проекте Договора является вопрос определения сверхсовременного видения государств — участников Договора и полномочий союзных органов. Полномочия союзных органов ограничиваются следующими вопросами:

«Первое. Принятие в состав Союза новых суверенных государств.

Второе. Защита суверенитета, территориальной целостности входящих в Союз государств.

Третье. Охрана госграницы и обеспечение государственной безопасности Союза.

Четвертое. Организация обороны, руководство Вооруженными Силами, погранвойсками, объявление войны в случае агрессии против Союза или одного из членов Союза, выполнение международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии, заключение мира.

Пятое. Контроль за соблюдением настоящего Договора.

Шестое. Координация деятельности по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Седьмое. Координация внешнеполитической деятельности суверенных государств, защита прав и интересов граждан государств — членов Союза в межнациональных отношениях.

Восьмое. Согласование вопросов, связанных с дислокацией и размещением войск и военных объектов на территориях государств — членов Союза.

Девятое. Определение стратегии социально-экономического развития Союза и создания условий для развития общесоюзного рынка, согласование общегосударственной, кредитной и ценовой политики, создание общесоюзных фондов регионального развития, заключение соглашений о международных займах и кредитах, регулирование общесоюзных внутренних и государственных долгов.

Десятое. Проведение согласованной экологической политики.

Одиннадцатое. Содействие организации и проведению фундаментальных научных исследований и стимулированию научно-технических программ общего назначения».

Горбачев. А это не повтор статьи 5, где говорится об Экономическом сообществе? Там и о рынке, об обороне и коллективной безопасности, там и о Вооруженных Силах, о координации внешней политики. Повтор получается... Одну минутку. Я, чтобы не отвергнуть. Мне интересно, что он сумел сжато схватить в этой формуле. Может быть, это предшествующий абзац. Не 5а, а к 5 относится. Как преамбула к перечислению соглашений... Как все эти вещи реализуются через заключение соглашений. Но мы-то сейчас ведем разговор совершенно о другом. О том, что в пункте 5 мы договорились, что все эти соглашения определяют взаимоотношения участников политического союза. Это основа, на которой они будут строить отношения. А те, кто за пределами Союза... Я бы хотел сказать, что отношения между государствами — членами Союза строятся на принципах благоприятствования. А отношения с другими государствами строятся на принципах международных.

Ельцин. Это правильно.

Горбачев. Вот тогда всё станет на место. И в экономике, и в обороне, во всех отраслях.

Ельцин. Нет, я все-таки немного другой смысл вкладывал. Мы, допустим, с Казахстаном можем отнестись по-разному к Украине... И на основе двусторонних соглашений каждое государство, входящее в Союз, может заключать отдельные соглашения на разных условиях с государствами, не входящими в Союз.

Договор не должен нас ущемлять, чтобы мы не имели право заключать другие договоры, быть в международных сообществах, быть членами Организации Объединенных Наций, ЕЭС, Союза Европы и так далее.

Горбачев. Борис Николаевич, возвращаемся к исходной позиции. Государства, образующие политический союз, естественно образуют территорию и тем самым образуют определенное экономическое пространство. В нем действуют принципы единого экономического рынка, единая валюта, финансы, банк, ну, всё. Другим, кто

не входит в политический союз, — на разных условиях... Одновременно каждое государство — член Союза может поддерживать двусторонние отношения с другими государствами. Всё. Это вторая часть. Но первую надо дать так, чтобы все увидели, что Союз дает преимущество.

Ельцин. Да, что нам даются права, а не ущемляются, что мы в Союзе имеем право заключать договора по своему усмотрению с другими...

Шушкевич. У нас сейчас существуют разные степени единства пространства, потому что на Экономическом соглашении мы создали единое экономическое пространство, а некоторые — не будут субъектами Союза.

Голос. Сейчас мы перечеркиваем Экономическое соглашение.

Горбачев. Нет, там просто появятся другие формы сотрудничества, ассоциативные.

Ельцин. Мы тут подписали Экономическое соглашение на 92-й год, предполагая, что некоторые могут не пойти на подписание политического договора. Мы говорим: хорошо, сразу мы отрубать не можем — сразу на мировые цены и так далее. Но мы тогда сделали такой как бы промежуточный вариант. Мы обоюдные поставки подсчитали по мировым ценам, они — нам, мы — им. Сделали баланс и получилась разница в пользу России — 8,5 миллиардов долларов. Тогда мы сказали: давайте так — если вы будете в Союзе, тогда требование паритета притупим или уходим от него. Но если вы не будете в политическом Союзе, то мы скажем: вот эти 8,5 миллиардов — это минус для России. Давайте, чтоб здесь ноль, плюс-минус... Вот о чем речь. Приоритетность в отношениях.

Горбачев. Все это очень правильно. А как же? Без этого, я вам прямо скажу, нет смысла в политическом союзе. Если вспомните, Борис Николаевич, то в первом заявлении в Ново-Огареве там же эта мысль есть.

Кудрявцев. Первая часть ясная. Вторая часть: «Государства — участники Договора могут заключать двусторонние договоры...»

Назарбаев. А с теми, кто не вошел в Союз?

Кудрявцев. Есть принципы международного права.

Ельцин. Не надо «принципы международного права». Потому что Россия так заключит, а вы в каких-то нескольких других...

Горбачев. Вариант Нурсултан Абишевич снимает?

Назарбаев. К сожалению.

Горбачев. Вот как надо действовать! Человек сожалеет, но...

Ельцин. Мужественные люди.

Горбачев. Да, не то, что мы с тобой.

Назарбаев. Ради общего блага что ни сделаешь!

Голос. Намек понял.

Горбачев. Самокритично... Итак, статья 6.

Ельцин. Здесь чисто редакционно: «Государства... создают условия для деятельности предприятий, хозяйственных организаций, частных лиц в рамках общесоюзного рынка». «Государства создают условия...» и тут же — «частные». Надо подумать о другой редакции. Шероховатость какая-то.

Горбачев. Борис Николаевич, а первая часть: «свободное развитие и защита всех форм собственности».

Ельцин. Я бы это убрал.

Горбачев. Все время чувствовалось, что Россия недовольна.

Ельцин. Россия довольна, но она улучшает. Больше замечаний нет.

Горбачев. Седьмое. Бюджет Союза. Давайте мы немножко прикинем.

Во-первых, мы должны дожить этот год. А он у нас... как экономика, так и бюджет. Я никого тут не хочу обвинять, потому что все республики бьются в дефиците бюджета, ибо производство недодает очень много, очень. Многое происходит из-за спада.

Ельцин. У нас до конца года будет 7 процентов. Это мировой уровень.

Голос. Не будет у вас 7 процентов, Борис Николаевич.

Ельцин. Ну, будет 8. Посмотрим.

Горбачев. Это ведь как по газетам.

Ельцин. Но что недопустимо с точки зрения всей мировой банковской системы — никогда нельзя погашать дефицит внутреннего бюджета за счет кредита, который мы подписали на 30 миллиардов. Это недопустимо с точки зрения банкиров.

Горбачев. И это не в последний раз. Мы уже давно с вами за счет кредита...

Ельцин. Тогда уже реформу можно списывать.

Горбачев. Я понимаю, воспринимаю твой страх, страх поражения, но главное — он не обоснован. Но он особенно понятен, если сказать, что мы с вами давно регулируем наш бюджет за счет кредитов банка, и особенно Сбербанка. Давно, уже сколько лет. Всё это нарастает, и нарастает, и нарастает. Поэтому, если в союзный бюджет не поступило то, что записывалось Соглашением...

Ельцин. Так нам не перейти на реформу. Даже то, что мы получаем от приватизации... Те страны, которые перешли на реформу, средства, получаемые от приватизации, не включали в доходную часть бюджета, а направляли на погашение внешнего долга.

Горбачев. Борис Николаевич, мы живем в долг давно. Просто надо выход находить.

Ельцин. Речь идет о том, что надо когда-то бюджет жестко брать в руки. Жестко.

Назарбаев. Вместе взять и держать. Иначе на рынок не пройдем.

Ельцин. Я не против этого. Я критикую Михаила Сергеевича за эти 30 миллиардов, которые ему не разрешили продать.

Горбачев. Борис Николаевич, не надо меня критиковать, потому что я Вас начну критиковать. Ты же скажешь, что мы перерасходовали бюджет, мы его недорасходовали по статьям, которые были записаны.

Ельцин. Тогда почему долг 30 миллиардов?

Горбачев. Борис Николаевич, ведь ты знаешь: мы недополучили от республик 46 миллиардов.

Ельцин. Нет, мы потребуем с вас расчет этих 30 миллиардов: куда ушли и к кому.

Голос. Все давно — в Верховный Совет.

Ельцин. «Марья Алексевна»?

Горбачев. Верховный Совет — это «Марья Алексевна»?

Ельцин. Нет. А зачем Госсовет впутываете? Что, Госсовет вообще стал старым Советом обороны?

Голос. Бюджет будет вам сейчас представлен.

Ельцин. И эти 30 миллиардов там тоже расписаны были?

Голос. 68 миллиардов.

Назарбаев. Первым пунктом программы быстрого перехода на рынок и ее началом должно быть обуздание бюджета.

Ельцин. Мы на четвертый квартал утвердили чрезвычайный бюджет, чтобы у нас получилось 20 миллиардов. Вот прошло полтора месяца, и идет рубль в рубль. Вот насколько жестко взяли бюджет. Октябрь прошли с нулевым дефицитом.

Горбачев. И всё это время всё, что положено, отчисляли в союзный бюджет?

Ельцин. Фиксированную сумму — абсолютно строго. Но в стабилизационный фонд — нет. Так ведь и другие тоже не отчисляли.

Горбачев. Вот и всё. Ты говоришь: потребую отчет с тебя. Сначала вы отчитайтесь. Налог 5 процентов отменили? Это ведь тоже ушли миллиарды.

Назарбаев. Так что мы собираемся делать с бюджетом на следующий год?

Горбачев. Нурсултан Абишевич, прошу извинения, но все ждут, когда мы проведем свою часть, а эту часть нам доложат... Так что

7-ю статью — порядок финансирования союзного бюджета — так оставляем? Никто не может выступить против такого подхода.

Голос. Тут ведь ни с чем спорить нельзя. Всё зависит от того, кто будет в Соглашении.

Ельцин. Конституцию выбрасываем, как договорились.

Назарбаев. Но что это за государство будет? С какими законами?

Ельцин. Конфедеративное. Вот этот Договор будет основной. И будет экономический договор.

Горбачев. Договор и законы. Знаешь, Нурсултан, можно всегда найти прецеденты. В Англии нет конституции.

Назарбаев. Я согласен. Девятая статья тогда всё перекрывает.

Горбачев. Законы Союза. «Законы Союза принимаются по вопросам, отнесенным к ведению Союза, и в пределах полномочий, переданных ему настоящим Договором». Тут реализовано...

Назарбаев. Чем, интересно, руководствуется английское руководство? Законом?

Горбачев. Да. Самое интересное, что там иногда ссылаются на закон 1279 года... По девятому есть замечания?

Голос. Нет.

Голос. А кто принимает союзные законы?

Кудрявцев. Верховный Совет. К этому подойдем.

Горбачев. Тут как принцип, а там потом разветвляется, когда мы подойдем к институтам власти.

Третий раздел. Тут замечаний было много. Видите, что получилось по сравнению с первым, октябрьским, вариантом.

Ельцин. Мы бывшие автономии из участников Договора исключили, а здесь они в Совете Республик остались.

Горбачев. Но это нам защита.

Ельцин. Нет. Это не защита. Не надо нам сейчас... А по 10-й нет вопросов.

Назарбаев. Второй абзац надо опустить. Это есть все в Экономическом соглашении.

Ельцин. Чем больше будем убирать, тем...

Горбачев. Борису Николаевичу особенно нравится убирать, когда речь идет о Союзном договоре. Главное, удивительно — это Россия говорит...

Что, Борис Николаевич? Давайте послушаем — он начал говорить по 11-му пункту.

Ельцин. По 11-му пункту такое. Убрав автономии из участников Договора, мы тем не менее оставили им, как полноправным членам Союзного договора, представительство в Совете Республик. Поэтому

в России осталось 52 депутата. Думаю, такой необходимости нет. И в качестве одной из лучших форм — создать однопалатный парламент.

Назарбаев. В 11-й статье мы записали то, что имели в виду на пятом Съезде¹⁰. Мы это взяли здесь. Ну так давайте сделаем по-другому, Борис Николаевич?

Шушкевич. Мы взяли то, что решили добавить на пятом Съезде.

Горбачев. Станислав, мы можем сейчас свободно рассуждать, потому что то, что пошло, тебя не касается. А вот для них это вопрос жизни и смерти. Если автономии почувствуют, что в этом Договоре они не найдут себе места, то все эти автономии и меньшинства обязательно поднимут вопрос. Это будет самое большое препятствие. Я боюсь, что этим мы даже подогреем, подстегнем и создадим трудности Борису Николаевичу и РСФСР. С одной стороны, мы, казалось бы, создадим узду, а с другой стороны, потом просто взрыв какой-то получится. Поэтому надо подумать, как это уладить.

Шушкевич. Не скажу легкомысленно, что для меня это было бы всё равно. Но мне кажется, что мы переносим центр тяжести этих отношений в республики. В общем-то они никаких своих суверенных прав не теряют — это их вопрос внутренний. А здесь однопалатный парламент. Это противоречит тому, что я предлагал и с чем выступал, но я согласен, что такой подход сейчас уместен. То есть, этот вопрос решают суверенные республики в рамках своих компетенций у себя. Мы же признали нерушимость их границ, определили рамки, упростили им жизнь таким подходом.

Горбачев. А если мы пойдем на однопалатный парламент без учета национальных и всяких других дел?

Шушкевич. Это республики учитывают у себя.

Ельцин. Они уже будут тогда решать по квоте у себя, сколько направить представителей, а не избирать депутатов. Это будет как палата представителей государств конфедерации.

Горбачев. Так, товарищи, а не создаем ли мы здесь очень уязвимый кворум, который наводит на мысль, что он вообще не будет работать? Он же должен от народа получить полномочия, а мы его превращаем в ассамблею.

Ельцин. Почему? Это же Верховный Совет...

Шушкевич. Да, представитель от Верховного Совета, в республике избранный. Верховный Совет республики делегирует. И всё. Никаких дополнительных выборов. Полная связь.

Голос. Восемь республик по 50 человек.

Шушкевич. По 20. Зачем такой большой?

Горбачев. Может, по 10?

Голос. *Однопалатный профессиональный Верховный Совет.*

Горбачев. Борис Николаевич, я почему всегда выступал за двухпалатный? Потому, что мы этим самым снимаем обеспокоенность. Когда мы говорим, что Совет Республик имеет право вето и держит основные вопросы, тогда мы можем что-то доказывать. Баланс, понимаешь? Вот почему ты тоже когда-то выступал за двухпалатный. Нельзя нам игнорировать. Потому что и Борис Николаевич не докажет своим россиянам, и я не докажу.

Шушкевич. *Мы сейчас уже прошли вперед...*

Назарбаев. *А почему нам не согласиться на двухпалатный, как сейчас?*

Горбачев. Причем мы же Совету Республик даем ведущую роль, высшую палату.

Кудрявцев. *Мне бы хотелось поддержать двухпалатный Верховный Совет, потому что это все-таки делегирование... Никуда не денешься. И вся Европа идет по этому пути.*

Шушкевич. *А при конфедерации?*

Кудрявцев. *Швейцарская конфедерация двухпалатная.*

Горбачев. Даже в Европейский парламент избирают... Это надо продумать уже сейчас. Потому что, когда появляется вторая палата, избранная населением, то тогда мы говорим: вы избираете палату, это ваш Совет Республик, тех, кто организывает Союз.

Ельцин. *Если автономии — члены этого Договора, тогда это одно. А если они только представители России, значит, квота должна быть меньше.*

Горбачев. Давайте сформулируем итог обсуждения. Высказываемся за две палаты: одна избирательным путем, другая представительным. А по квотам — проработаем...

Назарбаев. *Тогда будет справедливость для всех республик — малых, небольших... Как в Европейском сообществе — что Люксембург, что Германия...*

Ельцин. *Мы уже действительно хотим из феодального сразу самое передовое правовое государство создать.*

Назарбаев. *Баланс, баланс... В Верховном Совете будет один голос, несмотря на количество. И безотлагательное вето... Тогда нам легче будет.*

Горбачев. Я по 14-й странице. На основе моих бесед с товарищами (не со всеми) получил оттуда импульсы... Товарищи высказались, что должен быть в Верховном Совете Председатель Верховного Совета.

Ельцин. Вдруг освободят Лукьянова, надо же месту быть, на всякий случай оставить... (Оживление в зале.)

Горбачев. Но это предложение Бориса Николаевича.

Назарбаев. Спикер нужен.

Ельцин. Но только уж подобрать такого, который бы не предавал.

Назарбаев. Трудно стало найти таких.

Горбачев. Когда Андреотти тоже стал возмущаться, он сказал: да вот так бывает, из 12 апостолов Иисус Христос и то не сумел рассмотреть Иуду, который предал.

Ельцин. Один из двенадцати.

Горбачев. А тут этих апостолов...

Назарбаев. Президент Союза — глава федеративного...

Горбачев. Конфедеративного государства.

Ельцин. Читайте дальше. Вместо последнего абзаца статьи 12 — вариант РСФСР: «Порядок избрания Президента Союза определяется особым законом». Мы подойдем к этому сложному вопросу, а пока так. Не вбивайте сейчас этот клин. Он сейчас такой, который мы не выйдем всеми силами, настолько все-таки центробежные тенденции большие. «Верховный Совет примет закон...» И всё. А перед этим будем здорово думать. Я понимаю, Вы всё время хотите... Конечно, это демократически, очень здорово — целый Союз идет на избрание всем народом... В республиках, где уже избрали президента, они должны избрать еще президента.

Горбачев. А что делать, если союзное государство есть.

Ельцин. Как в Соединенных Штатах... Может быть, какую-то другую систему, немножко проще взять. Весь Союз, чтобы за одного человека голосовать... Я, конечно, извиняюсь, но можно не избирать президента вообще за пять заходов.

Голос. Мы вот вспомнили пример Аяза Ниязовича. Там Нахичеванская автономная республика отказалась участвовать в избрании своего президента — азербайджанца.

Горбачев. Такого не может быть, чтобы то государство, которое вошло в Союз, отказалось избирать президента. Оно тем самым ставит вопрос, что оно выходит из Союза.

Ельцин. Но вот в республике решили: не участвовать, не избирать.

Горбачев. Ну, а кто решал? Верховный Совет такое принять не может...

Ельцин. Народ решит.

Горбачев. Я считаю, что это принципиально. Если все президент избирается народом, то и президент этой конфедерации должен избираться. Иначе его можно в любой момент выдернуть через эти

структуры всякие. Это никому не нужно. Это всё должно быть сделано основательно. Выборщики могут быть.

Голос. *Как в США.*

Ельцин. *Вот это — да. Вот это вариант.*

Горбачев. Они избираются всенародным голосованием, они собираются, они избрали, и их функции кончились. А если избирать на депутатской ассамблее от всех республик, то тогда эта ассамблея может избрать сегодня, а завтра не понравится — собрать и опять к ядерной бабушке. Потому и важно вас избрать народом, ибо исполняется власть, президент без поддержки народа — это тогда заложник Верховного Совета.

Назарбаев. *Можно сказать так: «Президент избирается гражданами ССР в порядке, установленном законодательством».*

Кудрявцев. *То есть показать, что граждане избирают, а не Верховный Совет.*

Горбачев. Эту, кстати, систему предлагал на Политическом консультативном совете Попов. Через выборщиков. Это очень важно. Иначе всех этих президентов наш брат, как говорят, «имел в виду».

Назарбаев. *Выборщики как избираются там?*

Горбачев. По партиям. В партиях свои кандидатуры.

Назарбаев. *Всенародный должен быть президент у нас.*

Горбачев. Вот Буш, он считается всенародным.

Назарбаев. *Надоели всем уже партии.*

Горбачев. А вы мне скажите: конституции нет, и что же он будет делать, президент?

Акаев. *Договор и Декларация. Гарант.*

Ельцин. *Кстати, в 12-й статье слово «Конституция» уберите.*

Горбачев. Это всё прочистится. Итак — «в порядке, определяемом законом». То есть не говорить пока «на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования»? Но, наверное, «на 5 лет» — в Договоре надо. И не более чем на два срока.

Ельцин. *Это можно.*

Горбачев. Остальное убирается. И тем самым мы сразу синтезируем вариант статьи 12 и поправки России. Статья 13: «Вице-президент». Борис Николаевич — после Янаева он не может.

Ельцин. *Статью снять. Органически не могу. «Вице-президент» в Договоре... Чтобы второй Янаев появился... У меня сейчас тоже. (Смех в зале.) Я исхожу из своего опыта.*

Назарбаев. *Тоже такой же?*

Горбачев. Да ничего. Там все нормально. Там просто летчик¹¹. Он парень...

Ельцин. Хороший, хороший парень.

Горбачев. Парень хороший... Вице-президенту надо еще сформироваться.

Назарбаев. Ну, он хотел быстро навести порядок.

Горбачев. Да, он предложил вариант, как в Афганистане — по кишлакам. Я говорю: «Но ты забыл, чем этот вариант закончился в Афганистане». Давайте, говорит, по кишлакам, по деревням. Одну деревню уничтожим, вторую деревню уничтожим — опорные пункты. Я на него смотрю, думаю: живой — не живой?

Муталибов. Конечно, вице-президент при конфедерации нужен для того, чтобы в случае отсутствия президента можно было бы...

Горбачев. А так во всем мире и есть: первый, кто наследует — вице-президент, второй — председатель сената, третий кто? Председатель конституционного суда?

Кудрявцев. Премьер-министр.

Горбачев. Статья 14-я. Мы говорили (эту идею подняла группа товарищей) о том, что надо, чтобы в Союзе было правительство, чтобы всё было четко. И для республик эта ясность должна быть. Там была, вы помните, администрация.

Акаев. Хороший там вариант был: административный совет, не правительство, а административный совет. Правительство уж больно...

Горбачев. Ну, правительство... У него же предел полномочий. Всё это тут, даже можно подчеркнуть.

Назарбаев. Я бы добавил один абзац в конце.

Горбачев. Вот мы закончим и начнем говорить. Вы знаете, что получается? Я обсуждал со многими товарищами, наиболее подробно с Борисом Николаевичем толковали и с Нурсултаном Абишевичем. И, по-моему, с Каримовым, не знаю, Аяз Ниязович, он поправит. Я по телефону с некоторыми, а с ними — с глазу на глаз говорил. На что вышли?

Знаете, в поиске того, как нам выйти сегодня, мы всё не охватываем. Есть вещи (министерства, кроме этих — общевойсковых, кроме того, энергетика, транспорт, что должно координировать), которые МЭКом не охватываются, и правительствам республик не с кем вроде бы сотрудничать. Есть вещи такие...

Тогда именно, Нурсултан Абишевич, появилась мысль о том, чтобы записать, что в будущем Союзе правительство должно быть. Вот мы будем сейчас рассуждать, останавливаться на структуре МЭКа и что ему делать. А, может быть, нам сделать так... Я вот хочу высказать идею. Когда говорится, что надо создать Совет глав

правительств, он уже есть, там предусмотрено, но его сделать самостоятельным, как Совет глав правительств, как объединение...

Назарбаев. *Это и есть административный...*

Горбачев. Вот послушай, послушай, я сейчас закончу. И во главе его стоит как раз вот этот премьер-министр, это и будет правительство. А при них какой-то исполнительный аппарат, который обслуживает себя, берет на себя транспорт, энергетику, экологию, вот это всё координирует, всё то, что МЭК не охватывает.

Ельцин. *Это что — они (премьеры республик) постоянно будут здесь работать в Совете?*

Горбачев. Нет, конечно. Будет работать, председатель и у него 2–3 или 4 заместителя, а принципиальные вопросы — они собираются и будут решать.

Ельцин. *Нет, ну туда же должны входить министры тех ведомств...*

Горбачев. Не входящих в МЭК.

Ельцин. *В соответствии с Соглашением, которые мы оставляем. Министр обороны, допустим.*

Горбачев. Да, да, ну даже тот же председатель комитета...

[...]

Раевский. *К 15 декабря мы сумеем открыть кредиты до конца года. Оформим и сразу доведем до предприятий, которые находятся где-то там — в Тюмени и так далее. То есть необходимости в кредитовании министерства уже не будет.*

Силаев. *Борис Николаевич, в общем объеме расходов на сегодняшний аппарат — это полмиллиарда, даже чуть поменьше. Здесь мы ничего не выиграем, но мы все проиграем. Потому просьба: дать им поработать как следует и до 1 декабря с этим справиться. Сокращение аппаратов должны приостановить. Упразднить — значит начать ликвидировать прямо завтра. Давайте продлим до 1 декабря.*

Ельцин. *Решения менять нельзя.*

Горбачев. А если в дополнение? Или в разъяснение?

Ельцин. *Нет. Договорились и действуйте. Всё.*

Раевский. *Если я, как министр, не существую с 15 ноября, то я лишаюсь права что-либо подписывать. Даже если я председатель ликвидационной комиссии и сижу на том же месте.*

Ельцин. *Как председатель комиссии вы имеете право.*

Раевский. *Нет.*

Горбачев. Я чувствую, что по закону мы лишили их, отобрали у них это право. Юридически так? Да, Яковлев (Вениамин Федоро-

вич)? А вот если не отменять, а принять решение Госсовета о порядке реализации?

Голос. Записать в протокол: «Заслушав информацию, продлить...»
Может ли министерство до 15-го выполнять функции?

Раевский. Ликвидация, по КЗОТу, запретит увольнение работников «по собственному желанию». И дальше я их не отпускаю, чтобы они не приходили и не ползали на коленях. Только это дало возможность в какой-то мере удержать аппарат эти два месяца. Если мы примем решение 15 ноября ликвидировать — аппарат разбежится. И всё. Я его удержать не имею права. Не имею и морального права.

Горбачев. Вношу предложение: поручить Раевскому, Яковлеву, Герашенко, Ивану Степановичу (Силаеву) — под его эгидой — внести все это в двухдневный срок. Внести решение Госсовета о порядке выполнения и в нем сохранить структуры, которые связаны...

Назарбаев. Михаил Сергеевич, мы действительно ликвидировали министерства, но до сих пор не создали отделов в МЭКе...

Горбачев. Имеется в виду создать. Есть предложение: МЭКу дать отчет или Явлинскому как правопреемнику...

Силаев. У МЭКа пока только один Силаев. И я благодарю за подтверждение. На это нужно время. А вообще мы хотели бы сегодня, раз такое обсуждение, посмотреть возможности Минфина и Минэкономики — двух основных министерств. Их с 1 января упразднить, и мы бы и отсюда, и оттуда подхватили и создали свои структуры. Вот эти два. А остальные — с 1 декабря.

Горбачев. Я думаю, надо поддержать такую структуру. Это то, что поработает на МЭК, на всех нас. Борис Николаевич, давайте так. Мы будем формировать, но такую махину, как Госплан, Минфин, упразднять не нужно, ясно.

Ельцин. Потом реанимируем.

Горбачев. Нет, нет. Как это реанимировать?..

Вы просто внесите предложения о реорганизации, которая будет, и предложение, чтобы эти две опоры (мне Явлинский об этом говорил) — о Министерстве экономики и прогнозирования... Об этом в какой-то бумаге писал.

Явлинский. Я писал о МЭКе. Как может работать МЭК после принятия Договора.

Горбачев. Вот, вот. Главное есть.

Явлинский. Нет, есть еще вопрос: нужно соглашение о правах и полномочиях.

Горбачев. Будут полномочия. Если сегодня вам говорят те, кто будет их давать, значит, они будут.

Ельцин. Раз не передаем, зачем такие создавать структуры? Ну, может быть, на переходный период.

Горбачев. Есть же определенная передача полномочий для обслуживания рыночной экономики. Кто-то должен разрабатывать... Другим способом, но аппарат-то должен быть. Он будет меньше в несколько раз. Подумайте, подумайте. Давайте: Минфин и Минэкономики продолжают работать, а вы в короткий срок вносите предложение о том, какими они должны быть в рамках МЭК. Всё. Закончили... Борис Николаевич, вероятность положительного взаимодействия будет, раз Силаев...

Назарбаев. Точно. Мы своих председателей Совминов должны уважать. Они его выдвинули единогласно сейчас. Они говорят: вы с нами считаетесь или нет? Все девять единогласно. И как мы теперь будем перед ними? В законе о власти мы записали, что председатель правительства выдвигается... Они выдвинули единогласно.

Ельцин. Давайте мы тогда поручим Президенту конфедеративного Союза переговорить с Явлинским и уговорить его, чтобы он до нового года работал в той роли, в какой работает сейчас.

Горбачев. Я даже сейчас переговорю.

Ельцин. Да, без нас...

Назарбаев. Четырнадцатый принимаем?

Акаев. Можно высказаться? Меня очень смущает «правительство». Может быть, лучше все-таки «администрация», как в США? Или административный совет.

Горбачев. Тут, знаешь, какая-то появляется идентичность. Везде есть правительства. Во всех республиках. Во всех.

Голос. А в конфедеративных тоже правительства?

Горбачев. Вот Малруни — председатель правительства.

Ельцин. Не буду больше оглядываться. (Смех в зале.)

Кудрявцев. Администрация при Президенте — это было бы лучше. Или хотя бы Кабинет министров при Президенте.

Горбачев. Владимир Николаевич, это правильно. Когда Президент — лучше Кабинет министров.

Акаев. Конечно. А то правительство — это новая власть, независимая от президента.

Горбачев. Я исхожу из того, о чем вы сказали. В республиках — правительства. И мы напишем тогда, что мы договорились, что в Кабинет входят председатели, руководители, главы правительств республик, заместители премьера, соответствующие министры и председатель МЭК в качестве первого зама. Скажем, что правительство состоит из премьер-министра...

Голос. Нет, президент возглавляет правительство!

Акаев. Правильно предлагает товарищ: Кабинет министров при Президенте, Вы бы его и возглавляли как Президент. Зачем премьер нужен?

Горбачев. Нужен. Имейте в виду, что Борис Николаевич взял это место — премьера — только для прорыва.

Ельцин. Только для реформы... А тут большая политика.

Горбачев. Так, договорились? Да. Напишем, что в состав Кабинета... Или правительства? Правительство оставляем?

Назарбаев. Может быть, о правительстве все же два слова записать: его prerogatives, права какие-то. У нас же не будет Конституции.

Горбачев. Пока мы ни президента, ни правительства не запишали. Определим в законе.

Ельцин. Кабинет министров — нелогично это. Министров будет меньше, чем глав правительств. Министров будет 3–4. Только то, что мы делегируем.

Голоса. Правильно. Должно быть правительство.

Муталибов. С 15 страницы: Президент Союза, Вице-президент Союза, правительство Союза, Верховный суд Союза...

Ельцин. Это серьезно. Это вообще революция во всем праве, в том числе судебном. Есть еще в мире такие прецеденты, чтобы один суд осуществлял функции всех судов и арбитражного?

Кудрявцев. Верховный суд США, Борис Николаевич, осуществляет конституционные права, права конституционного суда фактически... И арбитражные дела, и уголовные...

Ельцин. Ну тогда надо как-то тут расширить, понимаете? А то он совершенно новый, а нагрузки у него нет, только перечень...

Горбачев. Борис Николаевич, а ну послушайте вот такую редакцию. Вот она появилась по суду только что.

Ельцин. Я понимаю, от Сергея Сергеевича (Алексеева).

Горбачев. Нет, от Смоленцева, свердловчанина.

Ельцин. Ну, и тот, и другой — какая разница.

Горбачев. Да, мафия развелась. Значит, вот, послушайте, следите за текстом. Они упорядочили, и мне кажется, как раз это, может, кое в чем, Борис Николаевич, проясняет то, что Вы говорили. А именно: «Верховный Суд Союза осуществляет функции конституционного суда, межреспубликанского суда по защите прав и свобод граждан, рассматривает гражданские и уголовные дела, а также отнесенные к его ведению соответствующими соглашениями или законом хозяйственные споры, является высшей судебной инстанцией по отношению к военным судам». Это, юристы говорят, последнее достижение мысли всей. Дальше. «Верховный Суд

Союза формируется на равных началах Президентом Союза и каждой из палат Верховного Совета Союза. Председатели Верховных судов суверенных государств, образующих Союз, входят в состав Верховного Суда по должности». Представлено — Председатель Верховного Суда Смоленцев.

По сути дела всё сохранил, но переставил, определил функции.

Ельцин. Вот это противоречит нашей концепции судебной реформы, в которой сказано (и она уже утверждена Верховным Советом — концепция, конечно, пока не закон, концепция), что юстиция у нас замыкается на России. Всё.

Горбачев. Но человек-то не замыкается.

Ельцин. Нет, при конфедерации может замыкаться.

Горбачев. Но мы-то с Вами договорились о характере...

Ельцин. Я понимаю. Но я говорю о том, что у нас уже произошло. Та реформа, которая предполагается, очень серьезная реформа. Мы, конечно, до этого не додумались, это слишком сложно додуматься до этого. У нас Конституционный суд есть.

Горбачев. А это может так и оказаться, что у вас так и будет, а на союзном уровне тоже, но с суженными функциями.

Ельцин. Нет. У нас уже есть Конституционный суд, и пусть он работает. Это очень хорошо. Есть и Верховный суд наш. Он является и арбитражным. И это является конечной инстанцией.

Кудрявцев. Это верно.

Горбачев. А теперь он скажет, что это не противоречит...

Кудрявцев. Это не противоречит, потому что там написано: в соответствии с соглашениями между республиками. Значит, сами республики договорятся о том, какая категория дел может сюда попадать. Например, межреспубликанские споры.

Ельцин. Но всё же я бы хотел, чтобы функция этого суда была здесь более четко обрисована.

Горбачев. Здесь мы не обрисуем. Надо написать, что закон о суде должен быть.

Ельцин. Но закон примет Верховный Совет, без нас.

Горбачев. А что такое Совет Республик? Мы его туда и внесем. Борис Николаевич, в принципе Вы же понимаете, что будут возникать споры между республиками и гражданские дела.

Ельцин. На эту тему был долгий теоретический спор с Сергеем Сергеевичем (Алексеевым). Это было месяца полтора тому назад. Я тогда в принципе согласился, что это интересный вариант. Но надо все-таки обрисовать рамки. Чтобы, понимаешь, не было так, чтобы опять граждане пробивались от районного суда до союзного.

Кудрявцев. Правильно. Последняя инстанция — республика.

Ельцин. Вот, вот, вот. Другое дело — межреспубликанские споры какие-то. Пенсию получаешь, туда уехал, а там пенсия другая...

Горбачев. В связи с тем, что Конституции, как мы договорились, не будет, нам придется написать, что в соответствии с Договором все эти обязанности и прерогативы Президента, этого суда, правительства — определяются законом. Там должно быть всё четко описано. Всё это надо расписать.

Голос. И все предложения прилагаются к настоящему Договору. В них и определить механизм реализации.

Горбачев. Тут возникает вопрос: без соглашений можно отдавать на ратификацию в Верховный Совет? Мы заинтересованы, чтобы Договор пошел быстрее.

Голос. Без соглашений ратифицировать сложно.

Назарбаев. Статья 16. Раз уж теперь законы Союза будут, то и надзор за исполнением союзных законов осуществляет Генеральный прокурор Союза.

Ельцин. Мы свою прокурорскую систему замыкаем на республике. На России. Всё... Мы считаем, что союзного прокурора вообще не должно быть.

Назарбаев. Но раз есть закон... Мы же решили уже.

Горбачев. Да, мы же договорились об этом.

Ельцин. Нечего напоминать... Просто умнее с каждым днем.

Назарбаев. Борис Николаевич, но раз мы союзные законы приняли, он должен быть.

Ельцин. Но без подчиненности республиканского прокурора союзному. Подчинен Верховному Совету.

Назарбаев. Ну ладно, всё. Четвертый раздел. К 17-й статье нет замечаний — столица Москва.

Горбачев. Тут записано: «Внимание, в 4-й главе меняется последовательность и нумерация статей по сравнению с вариантом 1 октября. Но суть остается».

Назарбаев. Столица в Москве — это хорошо. А то Кремль захватит Россия, и мы...

Ельцин. Мы же вас не забываем. Приватизируем для вас. Мы о Кремле единственно что договорились с Президентом, что религии его не отдавать, а что это будет единый комплекс — музейный и административный. Будем им давать иногда Успенский собор, чтобы там иногда провести...

Горбачев. Все-таки это центр политический. Сколько там произошло...

Ельцин. *Но вот если таким образом пойдет, то когда вы дадите...*

Горбачев. Так тебе уже всё отдали.

Назарбаев. *Всё, поехали.*

Горбачев. Поехали... Союз Суверенных Государств. Это хорошо. Этого ждут, чтобы мы подтвердили всё и вся. Тут, собственно, те же мысли, что и были. Ответственность по Договору.

Ельцин. *То есть правопреемником старого Союза становится новый Союз. А долги как международные?*

Горбачев. Все вместе. В том числе и те, кто уходит. Прибалтика.

Ельцин. *То есть мы, оставшиеся, меньшим числом должны выплачивать все долги?*

Горбачев. Нет, мы должны с ними договоры...

Ельцин. *А они не отдают. Говорят, что еще им должны.*

Назарбаев. *Когда мы им и всему миру скажем, какова их доля, им придется самим рассчитаться. Это будет очень интересный факт.*

Ельцин. *Две республики уже заявили, что они долги платить не будут, — Узбекистан и Азербайджан. И Прибалтика. Вот и получается сейчас пять.*

Горбачев. Борис Николаевич, я сейчас смотрю на Узбекистан и Азербайджан. Особенно на Азербайджан. Там ведь многие вопросы очень крепко завязались. Особенно в Азербайджане. Им всем тяжело. Они всё, что там опять пошло, все кровавые дела, они с этим связывают многое другое...

Ельцин. *Знаете, так как я сейчас вынужден контактировать со всеми международными, я им, чтобы у них какая-то уверенность была, говорю: да, 2–3 республики отказались платить долю союзного долга. Но Россия гарантирует вам, что, кроме своей доли, она берет и эту долю для того, чтобы Союз полностью расплатился. А как мне сегодня иначе политически?*

Назарбаев. Зачем? Мы так не будем делать.

Горбачев. В Азербайджане вообще сказали: вы на нашей нефти были. Все нам должны.

Муталибов. *Все правильно — 50 миллиардов насчитали за 70 лет. Баланс сделали: сколько дали, сколько взяли, сколько в пользу Азербайджана.*

Назарбаев. *А кто это считал?*

Муталибов. *Социал-демократы, Народный фронт — то, что мы с вами породили, те и считают. Не я.*

Горбачев. Борис Николаевич дал подсчитать бывшим коммунистам. Они и подсчитали — брать всё на себя.

Ельцин. *Были такие. Но я им сказал: нет уж, кончилась ваша власть.*

Назарбаев. Когда я в Англии был, они прямо сказали: Россия берет, Казахстан берет — будет преемственность. Я говорю: есть такие, которые этого не делают. А они мне прямо ответили: раз вы берете, мы вас тоже признаем. А тем вы подсчитайте, определите их долг. Мы не будем с ними дело иметь, пока они эту часть не отдадут, включая Прибалтику. Они все так делают.

Горбачев. Больше того. Я получил от них же телеграммы и всем вам эти телеграммы передал. Они имели дело с Союзом. А теперь, мол, вы внутри себя разбирайтесь и договаривайтесь. Мы брали, а вот вы преемники.

Ельцин. Мы с вами договорились, чтобы долги одной стране не распределять по каждой республике. Вы одну страну дайте России, другую — Казахстану, чтобы легче им было дело иметь.

Горбачев. Буш мне позвонил и говорит: вот сейчас полтора миллиарда продовольствия. Я хочу, чтобы вы пришли, сами, чтобы все республики присутствовали. Все собрались, все договорились, все подписали и американцы. Я вчера принял их¹². Они говорят: всё, теперь для нас всё ясно.

Назарбаев. А когда продовольствие, Михаил Сергеевич? Время идет. Хлеб когда будет?

Горбачев. Когда ты сдашь, так и начнем.

Назарбаев. Кому сдавать?

Горбачев. Уже нечего сдавать?

Ельцин. Перебои с хлебом уже.

Горбачев. Хорошо. Двигаемся дальше. Двадцать первую мы прошли? Прошли. Ответственность по договору...

Голоса. Принимается.

Горбачев. Двадцать третья статья. Она была?

Шушкевич. Но мы её не принимаем. Надо после ратификации Верховными Советами. Иначе нельзя.

Ельцин. Если уж экономические ратифицируем, то этот надо обязательно.

Горбачев. Тогда мы говорили, что полномочные делегации...

Назарбаев. Полномочные делегации были утверждены Верховными Советами. Может, их и оставить?

Шушкевич. Можно. Но вступать в силу он должен после ратификации Верховным Советом.

Горбачев. Подожди, Станислав, давайте вспомним. Мы же с вами творили. А то, что творили, пропускали через Верховные Советы, одобряли.

Шушкевич. Но тогда его нужно перед этим парафировать, чтобы стабилизировать текст, чтоб не возникало вопросов. Тогда мы ставим этот вопрос в повестку дня и обсуждаем на Верховном Совете.

Назарбаев. Давайте не усложнять это...

Кудрявцев. Есть старая формула: «Настоящий Договор одобряется высшими органами государственной власти государств, образующих Союз, и вступает в силу с момента подписания делегациями».

Горбачев. Вот так. Ну что — правильно?

Голоса. Подходит.

Шушкевич. Это предварительная ратификация: «да» — «нет» в Верховном Совете.

Горбачев. Договорились.

Ельцин. Как плохо начали и как хорошо кончили.

Горбачев. Мы, Борис Николаевич, хорошо начали и потому хорошо кончили. Хороший доклад кончается тем, с чего начался... А как последний абзац звучит?

Ельцин. Я бы про 1922 год убрал. Нет уже такого Договора, не действует такой Договор¹³. И состав государств уже другой совершенно.

Голоса. Мы будем выглядеть солидно, что мы привержены, что всё у нас четко по Конституции идет. Юридически же этот Договор есть.

Ельцин. Он просто тремя конституциями уже покрыл себя¹⁴. Понимаешь, его уже закрыли, тот Договор, тремя конституциями. Убрать последний абзац — это безусловно. Он сейчас не имеет никакой силы — 1922 год. Что, мы по нему живем?

Горбачев. Борис Николаевич, но там был Союз. С ним связано появление государственности многих народов.

Ельцин. Тогда автономии были. Вот в чем дело.

Назарбаев. Я вот одно не понял. Я с удовлетворением отметил, что теперь Госсовета нет, и мы будем собираться очень редко.

Ельцин. Михаил Сергеевич всю власть взял в свои руки... В Указе Президента написано, что дать ему даже функции Совета обороны.

Горбачев. Но это я пока, на переходный... Давайте посоветуемся. Если для вас это не мучительно...

Назарбаев. В месяц раз собраться-то...

Ельцин. По мелочам мы собираться не будем. А по очень принципиальным вопросам — посоветоваться.

Горбачев. Это прекрасно. Я, чтобы вы знали, я — «за».

Ельцин. Ну, когда уж совсем есть будет нечего, так приехать сюда пообедать. (Смех в зале.)

Горбачев. Тогда мы сделаем так: Президент, Госсовет...

Назарбаев. Может, назвать по-другому. Высшие главы государств входят. Не Политбюро, а как-то...

Горбачев. Президентский Совет.

Ельцин. Нет, уже был. Не надо.

Горбачев. Совет президентов.

Кудрявцев. Нет, лучше оставить это название — Госсовет.

Горбачев. А вообще, хорошее название. И к нему привыкли. Я, товарищи, «за».

Назарбаев. И он себя оправдает, все надежды, если мы подпишем этот Договор.

Горбачев. И строчку добавить — «функции...» и определить, что он исполняет функции Политбюро. (Смех в зале.)

Ельцин. Мы упразднили у себя Госсовет. Слишком много Советов, я не успевал их переваривать.

Муталибов. Мы создаем по вашему образцу, а вы упраздняете. Надо как-то с нами согласовывать.

Горбачев. Товарищи члены Госсовета, как вы на Госсовет смотрите?

Ельцин. Оставить.

Горбачев. Это вас не смущает, да? Я вот иногда наблюдаю, что я вас тяну сюда.

Ельцин. Так это на тяжелый вопрос. Не все же будут такие. Другое дело — взаимоотношения Госсовета и Верховного Совета. Вот тут, конечно, нюанс... Те ревниво будут относиться. Кто должен сначала решать — Госсовет или Верховный Совет?

Кудрявцев. Политические решения вы принимаете, а они принимают закон. Тут разница может быть.

Назарбаев. Все члены правительства, они через вас проходят прежде, чем пройти туда. Можно придумать прерогативу.

Горбачев. Значит, это памятка для Президента, чтобы не забыть... Да. И они видят, говорят: а Вы ж не реализовали четвертый пункт. Какой четвертый пункт? О Госсовете и Союзе. В числе союзных органов по проекту Договора не значится Госсовет Союза. Практика его работы свидетельствует, что данный орган, объединяя высших должностных лиц государств, способен лучше, чем кто-либо, при максимальном согласии и без лишних словопрений принимать решения, гарантирующие интересы Союза и республик, оперативно и синхронно проводить экономические и политические реформы. Следует также учесть, что Госсовет может стать органом, способствующим повышению роли Президента Союза, усиливающим его власть, защищающим от необоснованных обвинений

и притязаний. Это чтобы меня убедить, чтобы я ставил вопрос о Госсовете.

Я принял такую позицию, поставите вы или нет сами?.. Я приветствую в принципе. Я думаю, пусть продумают, как определить ему место.

Назарбаев. Михаил Сергеевич, во-первых, надо четко определить режим работы, что член Госсовета незаменим (ведь члена Политбюро никто не подменял, когда приходил сюда!). Вот это всё надо определить, а то у нас порядка никакого.

Горбачев. Вот-вот-вот.

Ельцин. То есть замы не должны приходиться. А то у нас всё время будут замы.

Назарбаев. Именно член Госсовета должен быть, первый руководитель государства.

Ельцин. Место его определить, а то...

Назарбаев. А то товарищ Ревенко сажает, когда ему... кого куда только захочется. Я шучу.

Ельцин. Здесь всех сажают, куда хотят.

Назарбаев. У него должна быть прерогатива — режим работы, незаменимость, личное участие.

Горбачев. Как я, например, с тобой, когда ты сказал: у меня предвыборная кампания, пришлю вице-президента. Я говорю: нет, он — не член Госсовета, приезжай ты.

Назарбаев. Так я первый раз за всё время, сколько мы работаем.

Горбачев. Это я с тебя начал ответ, правильно?

Назарбаев. Я отменил три встречи сегодня из-за этого.

Муталибов. Прозвучало сегодня сообщение о том, кто есть, кого нет. Я вот говорю: в Баку у нас это на сессии приняли очень негативно — то, что я сижу здесь, когда вот...

Горбачев. Я думаю, мы вообще должны исходить из той политики, которую мы будем и сейчас намерены проводить. У нас будут те, кто категорически против, кто будет нас поносить. А мы должны делать. Поэтому, Аяз Ниязович, тут уж мы должны ориентироваться.

Муталибов. Ну тогда вам надо поддерживать меня, а то я без поддержки сижу.

Ельцин. Я думаю, что надо один раз объявить о составе членов Госсовета. И больше информации о том, кто участвует, кто не участвует, пофамильно не давать.

Горбачев. Сразу договоримся, при каких случаях Госсовет проводить, при каких нет.

Ельцин. Регламент специальный отработать. Две трети...

Горбачев. Третий: замещать никто не может.

Шушкевич. Михаил Сергеевич, при недееспособности или при болезни — у нас человек, исполняющий обязанности. В положении о Госсовете сказано: высшее должностное лицо республики.

Горбачев. Здесь всё ясно.

Ельцин. Мы Вам, Михаил Сергеевич, рекомендуем при этом упразднить Политический консультативный совет. Потому что получается: тут Совет, там Совет. Вы какой Совет будете принимать? Причем мы там не участвуем и не знаем, какие там решения принимаются.

Горбачев. А там никаких решений не принимается. Президент посоветовался, и за ним остается. У тебя тоже большой Совет есть.

Ельцин. Я этот Консультативный совет оставил, где просто умные люди. Но он не принимает решения.

Горбачев. Даже и назван так же: Политический консультативный совет... Нам даже приходится «расстраиваться»... Сейчас мы обьявим перерыв.

Ельцин. Вы ушли от ответа насчет Политического консультативного совета. Да?

Горбачев. Это общественное... И вообще не имеет отношения к этому вопросу. Главное, чтобы выделили людей для Госсовета, которые я разделяю.

Назарбаев. Мы отсюда далеко. Поручим Борису Николаевичу, чтобы он поглядывал, что они там делают. (Смех.)

Ельцин. Я посматриваю, конечно. Я знаю, кто там. Как же иначе. А Михаил Сергеевич за мной подсматривает. Взаимные процессы.

Горбачев. Я не подсматриваю.

Ельцин. Ну, подслушиваете. Я не так сказал.

Горбачев. И не подслушиваю... 10 минут перерыв.

(После перерыва.)

Горбачев. Пожалуйста, товарищи. Кого не видел — добрый день!..¹⁵ Если вы теперь откроете документы — это то, что мы обсуждали на Госсовете, товарищи поработали и просят взглянуть уже как на решение Госсовета для подписания. Вы обратили внимание: о Вооруженных Силах. Это у вас есть же.

Голос. Нет.

Горбачев. Как это нет? (Шум в зале, неразборчивые голоса.)

Ельцин. Это мы не видели.

Шушкевич. Я тут не пойму. В результате вообще косметическое сокращение получается.

Горбачев. Косметическое? Да нет. Ты еще не прочитал. Ты имеешь в виду что?

Шушкевич. Я сразу две цифры беру?

Горбачев. МИД?

Шушкевич. Да.

Горбачев. Ну вот, сейчас подсчитываем 50 процентов.

Шушкевич. Ну как же?

Горбачев. А как?

Шушкевич. 730 на 3900.

Горбачев. Хорошо, дадим... Я сначала хочу к Вооруженным Силам. Вы помните, что мы обсудили и по проекту постановления сделали замечания о статусе Вооруженных Сил и об обеспечении призыва граждан на действительную срочную военную службу осенью 1991 года. Вы помните там, где точку поставить, что убрать, какие хвосты. Сохранить на территории суверенных республик — государств, принимавших участие в переговорах по подготовке к подписанию Договора о Союзе Суверенных Государств, статус Вооруженных Сил, установленный действующим законодательством.

Дальше. «Одобрить предложения об организации при Министерстве обороны СССР Консультативного органа, Совета министров обороны. Министерству обороны СССР в месячный срок представить Президенту СССР проект положения о названном Совете».

Третье. «Органам исполнительной власти суверенных республик обеспечить на своих территориях организованное проведение призыва граждан на действительную срочную военную службу осенью 1991 года в объемах, согласованных с Генеральным штабом Вооруженных Сил СССР. Обязать местные органы исполнительной власти и военного управления обеспечить работу призывных комиссий законом и с учетом выполнения расчетов на призыв, на пополнение Вооруженных Сил СССР, дислоцирующихся за пределами республик, а также планомерную отправку в войска, на флот призывных контингентов. Рекомендовать привлекать к участию в этой работе представителей общественных движений и организаций. Поручить комитету по подготовке и проведению военной реформы при Государственном совете разработать предложения о передаче в ведение суверенных республик находящихся на их территории войск и органов управления Гражданской обороны СССР, местных органов военного управления — военных комиссариатов, оборонных спортивно-технических организаций, военно-строительных отрядов, направленных по распоряжению гражданских министерств и ведомств, а в ведение СССР, кроме того, дорожно-строительных час-

тей, с возложением на соответствующие республики функций по их финансированию, обеспечению и комплектованию.

Предусмотреть оставление за органами государственной власти управления СССР право использовать названные войска в военное время.

Министерству обороны СССР заключить соглашение по этим вопросам с суверенными республиками.

Одобрить Закон, проект закона о внесении изменений в законы о всеобщей воинской обязанности и внести его в Верховные Советы».

Голос. *Здесь третий пункт не претерпел никаких изменений. Но, к сожалению, он не соответствует нашему законодательству.*

Горбачев. А мы написали вот эту фразу: «На действительную срочную службу в объемах, согласованных с Генеральным штабом Вооруженных Сил».

Шушкевич. Кто и с кем должен согласовывать, Михаил Сергеевич?

Назарбаев. *Исполнительная власть на местах.*

Шушкевич. Так надо, чтобы Генеральный штаб согласовывал с правительствами республик, а не наоборот. Здесь наоборот. По этому пункту суверенным является Генеральный штаб, а не республики.

Горбачев. Но мы с вами договорились, что мы примем это решение на переходный период, на этот момент, пока мы делаем реформу, пока мы примем и подпишем Союзный договор.

Ельцин. Михаил Сергеевич, первый пункт: «...Сохранить на территории суверенных республик, принимающих участие в переговорах по подготовке подписания Договора». Это значит — на половине Союза, по числу республик. А на другой половине что Вооруженные Силы будут делать? Мы как бы подталкиваем республики: давайте, имейте свои Вооруженные Силы, вам дается на это право. Я считаю, что вставить на такой путь нельзя.

Горбачев. А если нам вообще поставить вопрос: сохранить статус Вооруженных Сил до подписания Договора о Союзе Суверенных Государств?

Ельцин. Это другое дело. На территориях всех республик и государств.

Шушкевич. У нас это подтолкнет Верховный Совет к подписанию Союзного договора.

Горбачев. Борис Николаевич, суммирую: «Сохранить на территории суверенных республик (государств) статус Вооруженных Сил СССР, установленный действующим законодательством СССР». Со-

хранить. Всё. Одобрить, это ясно, и Совет обороны. А теперь то, о чем Станислав Станиславович сказал.

Шушкевич. *«Генеральному штабу согласовать с правительствами суверенных республик вопрос о квоте призыва». Всё должно быть наоборот, всё.*

Горбачев. «Вместе с органами государственной власти суверенных республик обеспечить организованное проведение призыва граждан на действительную срочную военную службу в согласованных объемах».

Шушкевич. Они могут и не согласовать... Это будет формулировка расплывчатая...

Ельцин. Тогда уже не так... Заключить соглашение, подписать протокол, еще какой-то документ, который регулировал бы с каждой республикой объемы, сроки призыва и так далее. А как же? Раз это будут функции суверенного государства. Нельзя так писать: «Министерству обороны и государству».

Горбачев. Но у нас же с вами будет союзное государство или государство, как мы его обозначим (этому посвятили все часы), где мы делегируем добровольно как раз эту функцию, как одну из важнейших — единые Вооруженные Силы. И поэтому органы, которые будет наверху сформированы в Союзе, получают эти полномочия и в рамках этих полномочий решают.

Ельцин. Но четвертый Вы пункт почитаете? Предложения о передаче в ведение суверенных государств находящихся на их территории местных органов управления, военных комиссариатов, гражданской обороны, оборонно-спортивных, технических, военно-строительных отрядов.

Голос. Все прекрасно.

Ельцин. И здесь было... А призыв?

Шушкевич. А призыв — это третий пункт.

Ельцин. Он мной написан.

Горбачев. Как раз, ты понимаешь, и военкоматы, и все передаются республикам уже. Поэтому нельзя просто обязать кого-то призыв провести. Одно Министерство обороны без исполнительных властей республики не проведет.

Ельцин. Понимаю. Тогда, во-первых, надо четвертый пункт сделать третьим и там написать, что эти функции передаются республикам — государствам.

Шушкевич. Я могу внести конкретное предложение на основе этого. Я считаю, надо сделать так. Третий пункт. Первое. Вот это «органам исполнительной власти суверенных республик» мы убираем, «обеспечить организованное проведение призыва граждан на действительную

срочную военную службу осенью 1991 года в объемах, согласованных Генеральным штабом Вооруженных Сил СССР или Министерством обороны с Советами Министров суверенных республик». Тогда всё.

Горбачев. Я только думал: кому обеспечить лучше? А то — обеспечить, а кто должен делать, неизвестно. Но я не возражаю, если это удовлетворяет. Я не возражаю против этой формулировки.

Шушкевич. Здесь можно найти, может быть, грамматически более корректную формулировку, но важно, что Министерство обороны должно согласовать эти вопросы с правительствами союзных республик.

Ельцин. С другой стороны, получается, что комиссариаты передаются местным органам, а призыв поручается Министерству обороны.

Шушкевич. Но квоту определяет Министерство обороны.

Ельцин. Я думал так, что Министерство обороны — заказчик. Он заказывает в республике на основе Закона, а республика соглашается...

Горбачев. Борис Николаевич, еще раз не спеша повторяю то, что я предлагаю. Я ведь предлагаю то же, что и Вы, только тут точнее. Во главе становится, что не кто-то обеспечит, а кому — еще неизвестно. А это уже дело конкретное. Я говорю: органам... Министерству обороны СССР и органам исполнительной власти суверенных республик — государствам обеспечить организованное проведение призыва, то есть и тем и другим. Они только вместе и могут быть. Проведение призыва граждан на действительную срочную военную службу осенью 1991 года в согласованных объемах между ними. В согласованных между ними объемах.

Назарбаев. Нет, там дальше второй абзац идет с учетом выполнения расчетов на призыв.

Горбачев. Ну дальше будем смотреть уже. Это же всё равно не противоречит, раз согласовано.

Назарбаев. Что-то не согласует Министерство обороны, да и всё...

Шушкевич. Нет, оно согласует. Мы насчет того, что на нашей территории, — вообще вопросов нет. А за пределами...

Ельцин. У него с Россией будут самые большие трудности. Потому что рожает мы мало, поэтому у нас не хватает.

Горбачев. Да одинаково, с белорусами одинаково.

Ельцин. Нет, наверное, больше немножко, на две десятых... У них 1,8, а у нас 1,6.

Горбачев. А дальше, Станислав Станиславович, второй пункт идет. По сути дела местные органы власти, военного управления ведут призыв так, что уже заказ уточняют: что туда, что по родам войск, тут уже конкретика.

Шушкевич. Но их расчеты, они в общем-то абсолютно не соответствуют нашим интересам и законам.

Горбачев. Но первый же тезис будет о согласованных объемах.

Шушкевич. Значит, надо и второй подправить, чтобы не по их расчетам, а по согласованным объемам шел призыв.

Горбачев. Тогда сказать: «Обязать местные органы исполнительной власти, военного управления обеспечить работу призывной комиссии в соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности...»

Шушкевич. В рамках согласованных объемов для Вооруженных Сил, дислоцирующихся за пределами республики.

Горбачев. Нет, тут сейчас работа уже с учетом невыполнения расчетов на призыв молодого поколения, а можно на выполнение согласованных объемов и потребности Вооруженных Сил СССР, дислоцирующихся за пределами республики.

Шушкевич. Хорошо. Если с учетом согласованных объемов...

Горбачев. Уловил, Владимир Николаевич?

Лобов. Улавливаю, улавливаю. Чтобы все вопросы согласовывать с республиками. Мы сейчас так и делали, Михаил Сергеевич.

Горбачев. Ты нам не разъясняй. Это же то, что ты написал. Вы все так делаете, а пишете другое. Что ты тогда отнимаешь у нас время, если вы делаете хорошо? Принять к сведению, что вопросов нет. Вот наше решение может быть таким, если всё хорошо. Ну, и всё тогда. Остается пятый пункт.

Шушкевич. А вот в 4-м пункте можно получить пояснение? «Возложение на соответствующие республики функций по их финансированию». Речь идет о дорожно-строительных частях. Что это обозначает?

Горбачев. Кто заказывает дорожно-строительные работы, тот на себя берет. Кто заказывает музыку, тот и платит, а кто платит, тот заказывает музыку.

Шушкевич. Всё понятно. Спасибо.

Муталибов. Есть вот Комитет по подготовке и проведению военной реформы. В данном случае этим пунктом эта реформа будет ограничиваться тем перечислением, которое изложено в этом пункте, не более? Да? Только об этом идет речь?

Горбачев. Нет. Я думаю, что надо просто поручить Комитету по подготовке и проведению военной реформы при Государственном совете решить эти вопросы, может быть, еще до всего этого, в порядке выделения, в первоочередном порядке. Давайте подчеркнем. Я понимаю, что вас смутило, что вроде к этому сводится реформа...

Ельцин. Нет, реформу будем готовить год, а нам надо сегодня.

Горбачев. Владимир Николаевич, Вы уловили? Поручить этому Комитету в первоочередном порядке разработать предложения, то есть будет полная реформа.

Лобов. Я уловил, Михаил Сергеевич. Но здесь возникает спор. Четвертый пункт предусматривает перспективу на 1992 год. А дело в том, что призыв у нас идет в 1991 году, нам его сейчас надо делать, немедленно. Он идет, этот призыв, а передача гражданской обороны, других всех организаций будет в 92-м году.

Горбачев. Вы же не уловили, что беспокоит товарища Муталибова, а его беспокоит другое. Когда вот так звучит, то получается, как будто работа Комитета по проведению реформы сводится к разработке предложений по этому кругу вопросов. А у нас идет речь о всеобъемлющей реформе Вооруженных Сил.

Лобов. Всеобъемлющая реформа, Михаил Сергеевич, это очень широкое понятие военной реформы. А это, конечно, только часть реформ.

Муталибов. Подчеркнуть это надо.

Горбачев. Поэтому надо, чтобы не выглядело так, как будто эта реформа родила мышь. Надо сказать, что, конечно, этот Комитет работает и готовит всю реформу, а в первоочередном порядке или в 1992 году разработать и реализовать предложения о передаче вот таких-то...

Лобов. Понял.

Горбачев. Вот о чем идет речь. Тогда будет и общая рассчитанная глобальная реформа, но и есть вопросы первоочередные. Это, кстати, будет сразу ясно, что республики суверенные и уже какие-то права сразу получают. Вместе с тем будет ясно, что еще основная реформа впереди.

Ельцин. Почему Госсовет поручает Комитету, а не Министерству обороны или Генеральному штабу хотя бы? Две ступеньки, понимаешь ли, выбрасываем и непосредственно Комитету по реформе.

Горбачев. Большим уважением пользуется Комитет по реформе. Мы же создали его сами, Госсовет положение утвердил. Теперь надо считаться. И Министерству тоже проявлять к нему уважение. А можно вместе им написать.

Ельцин. Это — другое дело.

Горбачев. Поручить Министерству обороны и Комитету по реформе. Утрясли и это. А остальное как?

Муталибов. Мы не знаем, с кем у нас в республике осуществлять повседневные контакты. У нас есть Ставка Южного направления, округ, армия и другие подразделения. У себя в Министерстве обороны мы выделили зама, который будет взаимодействовать с Генеральным штабом.

Он здесь живет и будет осуществлять смычку. А в республиках такого человека нет. Если что случится, к кому обращаться?

Лобов. Разрешите доложить. В постановлении предусматривается образование при Министерстве обороны консультативного органа — Совета министров обороны суверенных республик. Там будут находиться представители от каждой республики.

Муталибов. Речь идет о ваших представителях?

Ельцин. Речь идет о ваших представителях.

Муталибов. А у нас кому звонить? Мы уже пытались, вы же знаете — у нас горячая точка. «А это, — говорят, — не наш вопрос». Мы говорим: «Ну, позвоните в Министерство обороны». А он говорит: «А почему я должен звонить министру? У нас такого порядка нет — взять и позвонить».

Лобов. Когда ваши министры обороны были у нас на консультации, они доложили, что командующий армией, которая находится в Баку, является старшим представителем Министерства обороны страны.

Горбачев. Надо выбрать вариант. Я понимаю так: товарищ Лобов говорит, что создается такой институт, как Совет министров обороны. Министры не могут каждодневно находиться в Москве. Но здесь их полномочные представители. Они все время держат связь по любому возникающему вопросу с прямым выходом на соответствующие структуры, в первую очередь...

Ельцин. В Министерстве обороны должен быть представитель, закрепленный за республикой. Вот о чем идет речь.

Муталибов. Может быть и так, и так.

Лобов. Михаил Сергеевич, мы назначим такого представителя в каждой республике. Он будет находиться непосредственно при том штабе, который находится на территории республики. В Баку у нас есть сейчас штаб армии. Там есть командующий армией. При этом командующем мы назначаем своего представителя.

Горбачев. Но не при командующем. Это ваше расположение. Вы понимаете, о чем идет речь? О Министерстве обороны в целом. Я чувствую, что товарищам импонирует такая форма, чтобы от Министерства обороны в каждой республике был полномочный представитель. И не обязательно он должен сидеть даже в штабе армии, а там, где определит правительство.

Ельцин. Он сидит в Министерстве обороны и отвечает за контакты с республикой.

Муталибов. Я имел в виду другое: чтобы был постоянный представитель Министерства обороны СССР в Азербайджане, в Белоруссии, в России. И он регулирует все вопросы между мной...

Ельцин. Так есть же министр обороны вашей республики.

Муталибов. Он не может вступать в контакт. У него компетенция ограниченная.

Ельцин. Он что, не подчинен Министерству обороны Союза?

Муталибов. Нет.

Назарбаев. Наш не подчинен. Это ваш министр — заместитель министра обороны СССР.

Муталибов. Даже если он будет подчинен, он не имеет права выступать от имени правительства.

Ельцин. У нас в России нет министра обороны вообще. У нас Комитет по оборонным вопросам.

Назарбаев. У нас тоже такой комитет.

Горбачев. Давайте так. Это принять, а по данному вопросу, раз два варианта сталкиваются, проработать, но решить. Действительно, может быть, республикам важно, чтобы был человек, который бы сидел в Министерстве обороны и мог быстро выйти на связь и поставить вопрос.

Теперь, в соответствии с тем заседанием Госсовета, еще вопрос о реорганизации Министерства внутренних дел. Можно было бы сказать (вы все это видели): замечания были учтены, есть положение и принять постановление сейчас. В принципе можно принимать. А товарищам, если возникают замечания, зарезервировать 2–3 дня, чтобы они могли высказать замечания и пожелания. Тут у нас есть Конституция СССР и так далее. Это пока.

Назарбаев. Давайте постановление принимать. А это посмотрим через неделю-другую.

Горбачев. Договорились.

Муталибов. Здесь вопрос о неприменении внутренних войск. Может быть, инструкцию сделать какую-то? Это у нас вообще вызовет негативную реакцию. А то пойдет в публикацию: «Согласиться с предложением о неприменении внутренних войск республиканского подчинения в межреспубликанских конфликтах». У нас они уже есть. И там имеются части. Сразу с принятием этого постановления, юридически, можно вывести оттуда, из зоны конфликтов, войска.

Баранников. Имеются в виду те 230 тысяч, которые передаются республикам по охране Исправительно-трудовых учреждений, специальные моторизованные милицейские части. Именно эти войска. Они все расписаны: ИТУ, пост. А специальные моторизованные части осуществляют охрану общественного порядка.

Голос. И находятся в стопроцентном подчинении у республик.

Муталибов. Но конфликт сопровождается нарушением общественного порядка. Михаил Сергеевич, я говорю о конфликтах межреспубликанских. У нас к Армении претензий нет. Но у Армении к нам претензии есть. Вот они и посылают милиционеров, и те шастают по территории Азербайджана. Как мне быть? Крушат, взрывают, чёрт знает что делают. А как защищаться? Надо в этот пункт что-то добавить. А то завтра прочтут у нас и скажут: ты за что же там в Госсовете голосовал, хочешь подножку подставить?

Горбачев. А если вообще снять?

Баранников. А может, так: «за пределами республик». Самый лучший вариант будет.

Муталибов. То есть и мы туда не посылаем, и они не посылают. Обнаружили кого-то — в тюрьму. Вот это другое дело.

Горбачев. Это последний абзац, пятый пункт. Согласиться с предложением о неприменении за пределами республики... Улавливаете тонкость? То есть они не используются для войны с другой республикой.

Теперь МИД. Пожалуйста, Борис Дмитриевич Панкин. Внимание.

Панкин. Как известно, 4-го числа было принято решение¹⁶, где были определены функции двух объединенных министерств, их полномочий. Если взять аппараты МИДа и МВЭС, то они сокращаются в целом до половины. С половинным составом нынешнего МИДа будем выполнять функции двух министерств.

Горбачев. Причем речь идет о том, что будет закрыто 20 посольств и генконсульств.

Панкин. И все торгпредства.

Горбачев. Кстати, Станислав Станиславович и все товарищи, при обсуждении Договора у нас этот вопрос возникал. А здесь есть ответ: «Выступая на международной арене от имени Союза, так и суверенных государств — полноправных членов международного сообщества...» То есть тема состыковывается, как мы договорились.

Шушкевич. Вопрос тут в том — кто кому формулирует: республике Министерству иностранных дел или МИД республикам.

Горбачев. А теперь там уже создан механизм: Госсовет, Совет министров, Верховный Совет, Комитет полномочных представителей, исполнительный секретариат Совета. Так что то, что мы тогда высказали, учтено. Я откровенно скажу, что я прочитал всё вообще, и впечатление глубокое.

Акаев. Я тоже внимательно сейчас всё прочитал. Все замечания и предложения, которые были высказаны в прошлый раз, учтены.

Горбачев. Кстати, участвовали все министры. Так что плод это, как говорится, общий. Кстати, я для проработки этого вопроса сделал так: создал комиссию — Яковлев, Шеварднадзе, Панкин. Это кроме министров. Были и военные... Итак, поддержать?

Акаев. Поддержать.

Горбачев. Теперь предложения о структуре Межгосударственного экономического комитета. Я должен сделать вводную, суммируя кратко итоги нашей работы за все прошедшие после августа два месяца вокруг Договора о Союзе Суверенных государств и нынешнее обсуждение того проекта, который был в нашем распоряжении. Я сейчас не буду выходить на пересказ согласованных подходов в этом документе. Я только остановлюсь вот на какой части. В связи с конфедеративным характером будущего государства более внимательно будет рассмотрена структура всех органов будущего Союза. Значит, рассматривается вопрос: Верховный Совет, Президент, Госсовет, а в Верховном Совете — Председатель Верховного Совета. Естественно, Государственный совет после очень тщательного обсуждения за два захода (на том первом заседании — предыдущем, и сейчас особенно) уже в конкретном плане обсуждал такой вопрос.

Что иметь с точки зрения управления, какие гласные структуры исполнительной власти? Все пришли к единому мнению, что это должно быть правительство Союза Суверенных Государств, наделенное теми полномочиями и теми функциями, которые вытекают из делегирования государств. Это правительство будет состоять из премьера, из руководителей правительств республик, заместителей премьера, и в состав его будут входить те ведомства, которые будут за пределами, скажем так, экономического пространства, особенно с точки зрения рыночного пространства. То есть ведомства энергетики, связи, транспорта и другие, те, что должны обслуживать общие интересы, хозяйственные функции.

И кроме того, должен быть МЭК, нацеленный на реализацию принципов, на которых должен функционировать общесоюзный рынок. Вот так. Мы должны пройти этот путь. Должны пройти через Верховные Советы республик, еще мы будем работать здесь. И после этого — перестройка всей этой системы властей на союзном уровне. Естественно, что на это потребуется время. А время как раз у нас сейчас такое, что надо действовать. Поэтому мы, отложив в тот раз решение вопроса о МЭКе, сегодня пришли к тому, что надо не терять время (время такое очень ответственное), а решать вопрос о МЭКе. Он будет действовать в рамках этого переходного периода,

до того, когда мы сформируем структуры уже в соответствии с новым Союзным договором. Поэтому надо утвердить Положение о МЭКе.

Это будет носить временный характер. Сейчас, наверное, придется так, что мы будем взаимодействовать с этими структурами, которые потом войдут в правительство. Тут сейчас, видимо, переходного характера не избежать. Но вместе с тем уже надо более четко вычленить и это направление, которое связано сугубо с макроэкономикой, с тем чтобы четко определить, на какие департаменты, или отделы, или структуры она опирается, кто ее — эту организацию — обслуживает. Вот так.

Поэтому мы говорили и сейчас пришли к выводу: раз так мы решаем и будем идти на Договор, Договор покажет, на что мы выйдем, а сейчас надо жить, работать. Поэтому мнение товарищей — членов Госсовета, такое: утвердить председателя МЭКа сейчас (все главы правительств высказались за товарища Силаева), утвердить его, одобрить структуры и штаты, если у товарищей не возникнет вопросов и замечаний каких-либо дополнительно, с тем чтобы они могли действовать. Что нужно сделать? Я думаю, еще раз надо высказать, что мы категорически против департаментов, отделов.

Ельцин. И совещания не нужны. Совещание — это не структура.

Горбачев. И совещания не нужны. То есть, если нужно — вы собирайте. Нужно для того, чтобы решать какие-то вопросы, — пусть тот или иной зампред собирает и согласовывает, и так далее...

Ельцин. А Явлинский где?

Горбачев. Явлинский является сегодня первым заместителем товарища Силаева и продолжает работать.

Явлинский. Я скажу по этому поводу.

Горбачев. Мы же тебя уже слушали.

Явлинский. Я понимаю, что меня слушали на разные темы...

Горбачев. Поэтому, я думаю, мы могли бы сейчас принять такие решения, чтобы министерства работали.

Силаев. Михаил Сергеевич, за это время поступило два обращения, которые я должен доложить Вам и главам государств. Интересный документ прислали «рыбники». Дело в том, что, помимо внутренних водных ресурсов, есть еще ресурсы в экономических зонах иностранных государств и Мировом океане. В связи с этим они просят (а здесь подписи от всех основных «рыбных» республик, в том числе даже прибалтийские республики подписались), по аналогии с рядом других комитетов, учредить комитет сообщества по рыбному хозяйству в области регулирова-

ния не хозяйственной деятельности, а всех взаимоотношений в Мировом океане и в водах других государств.

И еще один вопрос — это обращение председателей спорткомитетов и лидеров нашего спортивного движения, всяких заслуженных-перезаслуженных, где есть две резолюции. Есть резолюция Михаила Сергеевича Горбачева, и есть резолюция, Борис Николаевич, Ваша. Правда, это было в сентябре, и вот сейчас всё это притащили. Спортсмены предлагают по крайней мере до Олимпийских игр...

Горбачев. Давайте сделаем так: возник вопрос, ты его забил нам, а мы должны забить мяч вам... Вы рассудите, а потом доложите, потому что у товарищей сразу подозрения, что мы, мол, шаг за шагом... Хотя, откровенно говоря, спортсмены везде криком кричат. Они говорят: мы все в одной лодке гребем, представляя все республики (где-то письмо у меня было), а вы там не можете и никак не сядете в одну лодку. Поддержите, чего же вы портите спорт?!

Голос. Спортсмены говорят, что с 15 числа кончается финансирование, и заниматься олимпийской подготовкой некому.

Ельцин. Так почему нельзя перечислить эти деньги в наш Олимпийский комитет, чтобы он вместе с вами занимался этим делом?

Силаев. Это вопрос не ко мне, а к председателям комитетов по спорту, в том числе и российскому.

Ельцин. Так российский тоже упразднен. Эти деньги, свою долю, мы готовы перечислить на Олимпийские игры нашему национальному Олимпийскому комитету для создания структуры.

Силаев. В мире это разные вещи. Олимпийское — это общественное движение, а госструктуры, занимающиеся этими проблемами, — это совсем другое.

Ельцин. Но у нас Олимпийский комитет — это вместе с бюрократией и порядки там бюрократии.

Горбачев. Борис Николаевич, мое предложение: пусть они посидят, подумают. Правительства республик скажут свои мнения. Я думаю, что они или примут, или что-то продуманное внесут.

Ельцин. Тут дело даже не в этом. В прошлый раз мы решили, что оргкомитеты упраздняются. Мы, соответственно, упразднили в республике. Так? После этого я получаю за Вашей подписью указание Спорткомитету — то-то и то-то... Непонятно. Вы что, восстанавливаете уже после наших решений?

Горбачев. Нет, это и твоя и моя резолюция, примерно в одно и то же время, занимаемся Олимпийским движением.

Ельцин. Так я-то имел в виду, что надо взять эти деньги и перечислить. А они оказались у Спорткомитета. Наверное, это специально

сделано. Надо оттуда эти деньги взять и в полной сумме перечислить Олимпийскому комитету. Обюрократили спорт. Федерация — другое дело.

Горбачев. По всему миру ездим...

Шушкевич. Михаил Сергеевич, мы Вас единодушно поддерживаем. Но мы думаем.

Горбачев. Иван Степанович, товарищи, давайте ограничимся тем, что, прослушав всё это, поручим вам вместе встретиться и обсудить. Разошлите главам. Но главную идею реализовать, не создавая новые структуры.

Ельцин. Иван Степанович, надо немножко усилить Олимпийский комитет. Дать группу в 10–15 человек. Перечислить туда соответствующие деньги и пусть работают.

Силаев. И последнее. Сегодня на заседании Оперативного комитета мы обратились с просьбой к Госсовету о прекращении полномочий Координационного комитета по оперативному управлению, ибо союзные структуры, через которые он работал, упразднены и заканчивают свою деятельность 15 ноября.

Голос. А я бы пока его не упразднял, а помог бы... Там 100 тысяч людей.

Ельцин. Он же говорит об Оперативном комитете...

Горбачев. Вы возьмете на себя ликвидацию министерств? Это 100 тысяч специалистов.

Голос. 36 тысяч. Это весь набор специалистов, главных специалистов, начальников. Ведь министерства, Михаил Сергеевич, многократно сокращались на 30, 40, 50 процентов.

Горбачев. Хорошо. Какое мнение об Оперативном комитете?

Ельцин. Упразднить.

Горбачев. А Силаеву немедленно представить свои соображения на утверждение.

Голос. Михаил Сергеевич, а вопрос о чрезвычайном бюджете сегодня будет?

Горбачев. Обязательно. Мы уже в таком состоянии, что сейчас можем даже утвердить бюджет. Особенно я, поскольку с утра подвергаюсь критике за злоупотребления.

Григорий Алексеевич, пожалуйста, обоснуйте свои 10 пунктов, чтобы президенты знали и, вернувшись, могли дать поручения. И какие для этого нужны сроки.

Ельцин. Какие 10 пунктов? У нас их нет.

Горбачев. Они у члена Госсовета Явлинского¹⁷.

Ельцин. Когда их передали — сегодня или вчера?

Горбачев. Вчера. Все нашли?

Голоса. Нашли.

Горбачев. Внимание, товарищи! Очень важный вопрос, очень важный. Товарищи, внимание!¹⁸

...Горбачев. Тогда мы вносим коррективы в наше Экономическое сообщество. Помните, там написано, что главный орган МЭКа — Совет глав правительств. И получается, что он только в этой сфере. А всё остальное... Да, и надо сказать: у вас у всех правительства, они все выходят сюда. А то Нурсултан Абишевич спрашивает: с кем иметь дело?

Шушкевич. Возникает вопрос: а как отнесутся те, кто не является участниками политического договора, но является участником экономического соглашения? Они скажут: а мы не хотим, чтобы наш общий председатель был замом у шефа политического союза.

Назарбаев. Надо прямо сказать, что после принятия этого политического договора у нас с участниками только экономического договора уже должны быть другие отношения. Не те, что были. А как иначе? Если они не находятся с нами в особых отношениях, то вот как раз и поставить их в совсем другие условия в экономическом договоре.

Горбачев. И тогда сегодня мы можем утвердить премьера во главе... Явлинского можем поставить на экономику. На МЭК. Потому что другие дела ему...

Назарбаев. Борис Николаевич, до заключения этого Договора пусть доработают. Мы же потом не разберемся, когда подпишем этот Договор.

Горбачев. В конце концов сегодня мы можем договориться. Ладно, Силаев пусть работает, раз все приехали.

Ельцин. Какая у Вас уверенность, что мы его подпишем? Если будем ждать Украину и так далее.

Горбачев. Нет, мы подписывать начнем. И люди, кстати, будут поддерживать. Это будет наша самая великая решимость. Вот это, скажут, начали решать. Значит, все-таки дело будет.

Ельцин. Меня беспокоит Украина. Договор без Украины...

Горбачев. Борис Николаевич, вообще говоря, до 1 декабря уже не подпишем.

Назарбаев. Кого это не беспокоит? Всех беспокоит.

Ельцин. До 1 декабря не подпишем — это нет вопросов. Мы еще должны собраться, еще пройтись, как и что, как раз до 1 декабря.

Назарбаев. Я с вами согласен. Хочу сказать: все премьеры позвонили генеральному, 4–5 человек. Они его (Силаева) выдвинули. Я согласен.

Кто он такой — я лучше вас знаю. Я с ним в правительстве пять лет был.

Горбачев. Так Расскажи Борису Николаевичу.

Назарбаев. Не надо мне рассказывать. Как раз пусть он доводит, потому что потом опять менять будем.

Ельцин. Вы поймите, при нем Явлинский работать не будет... От него все уходят.

Назарбаев. Но что Явлинский? Явлинский просто разработчик там.

Ельцин. Но нельзя его так. Он сейчас и с мировым каким-то именем... Он морально имеет право.

Голос. Сегодня надо управлять экономикой конкретно. А он экономист-ученый хороший.

Ельцин. Вот и хорошо. Под него поставить конкретного.

Голос. Борис Николаевич, пойдите навстречу Нурсултану Абишевичу. Это переходный момент.

Ельцин. Я согласен, если только Явлинский согласится. Я только из-за этого... Я не хочу потерять Явлинского в этой структуре. Все-таки он генератор. Он программу и прочее сделал.

Назарбаев. Борис Николаевич, это до нового года надо. Что мы опять делаем? До нового года.

Ельцин. Если Михаил Сергеевич Явлинского уговорит, я «за».

Горбачев. Я уговорю. Исходя из нашей общей договоренности, что мы выходим на правительство после подписания, что будет правительство и возглавит его премьер. А Явлинского...

Назарбаев. Уж решим один раз. А Явлинский два месяца пусть потерпит.

Голос. Явлинский и дня там не будет.

Ельцин. Вот я тоже такого мнения. Он немедленно уйдет. Вы помните, в прошлый раз что он сказал на Госсовете: «Не надо председателя утверждать». И он у меня был. Один на один. Говорит: «Заберите меня в Россию...» Заберем, немедленно.

Явлинский. Я хочу, чтобы вы утверждали...

Горбачев. Хорошо, хорошо, Григорий Алексеевич, пока ты на скандал не наварлся, уходи.

Я объясню сейчас, что он сказал: что у нас есть согласованные предложения и надо сейчас продолжать работать. А выйдем на новые структуры, новые договоры, на МЭК, что будет... А сейчас, говорит Явлинский, буду работать и выполнять.

Назарбаев. Мы сегодня утвердили Силаева?

Горбачев. Да, Силаева. Он единственный пока... Они перезванивались. На меня тоже вышли. И Кебич. Они тут все перезванивались.

Ельцин. Если Явлинский согласится, тогда у меня нет вопросов. Вот его бы не потерять.

Горбачев. Сейчас мы выйдем. По пути нам зададут вопросы. Пресс-конференция на 5–10 минут.

Назарбаев. Я поехал, ладно?

Ельцин. Мы еще напугаем...

Горбачев. Сейчас они внизу. Выйдем.

Назарбаев. Вы скажите, что мы только что рассмотрели...

Горбачев. Не-не-не.

Муталибов. Михаил Сергеевич, пока не надо.

Горбачев. Что не надо? Имейте в виду, что мы проиграем с вами, если уклонимся, если ничего не скажем. Вы это имейте в виду.

Ельцин. Наоборот, будут считать, что мало... А так Вы один скажете.

Муталибов. Все время говорили о деньгах, есть о чем сказать.

Горбачев. Пошли¹⁹.

Печатается по тексту стенограммы:

РГНИ. Фонд № 121. Опись № 3.

Дело № 116. Л. 2–151; дело № 117. Л. 1–150.

БЕСЕДА С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИНДИИ М. СОЛАНКИ

15 ноября 1991 года²⁰

Горбачев. Рад приветствовать Вас, господин министр. Хорошо, что Вы приехали. Есть необходимость в ясности по некоторым вопросам.

А какая температура сейчас в Дели?

Соланки. *22 градуса.*

Горбачев. Ну, а у нас, хотя приближается зима, политическая температура, политическая атмосфера — жаркая. Важно все-таки испечь хороший пирог, не спалить его. Вот в эту работу мы сейчас все глубоко втянулись. Я об этом Вам кратко расскажу.

Несмотря на нашу глубокую вовлеченность в сложнейшие внутренние проблемы, мы считаем Ваш визит важным событием. Я слежу за печатью, и в последнее время в мире, да и в Индии, нередко говорят, что, мол, Советский Союз изменил свои приоритеты в мировой политике. Что можно сказать на это?

Во-первых, наше сотрудничество с Индией, развивавшееся в течение многих лет, способствовало тем прорывам, которые в последнее время достигнуты в мировой политике. Эти прорывы вряд ли были бы возможны без сотрудничества с Индией, Китаем, другими странами Азии.

Делийская Декларация о безъядерном и ненасильственном мире не только не утратила своего значения, но и стала важнейшим ориентиром для нас и для всех тех, кто думает о построении новых отношений в мире.

Возможные акценты в нашей внешней политике связаны с тем, что в последние годы мы стремились прежде всего сломать структуры «холодной войны», преодолеть конфронтацию. Много сил и времени ушло на разработку и осуществление беспрецедентных шагов в области разоружения. Все это — фундаментальные вещи.

Но главное, что объясняет нынешнюю ситуацию, это сложнейшие процессы внутренних реформ. Однако это не означает, что изменился наш стратегический выбор. Мы по-прежнему рассматриваем Индию как доброго соседа, нашего большого друга, страну, которая может внести важнейший вклад в судьбы человечества.

Больше всего беспокоит то, что наши двусторонние отношения теряют прежнюю динамику. Но хочу еще раз заверить, что это исключительно результат наших внутриэкономических трудностей на нынешнем этапе.

Резюмируя, хочу сказать, что привержены сохранению и развитию отношений, которые сложились у нас в результате усилий политиков и государственных деятелей двух стран. Прошу Вас передать это премьер-министру, правительству Индии.²¹

...Я с большим вниманием слушал Ваши высказывания по проблемам наших двусторонних отношений. Я полностью разделяю Ваше заявление о том, что Индия представляет собой для Советского Союза сложившийся рынок для машин и оборудования, а также поставщика многих товаров, в которых мы нуждаемся. Разделяю мысль о том, что необходима ясность по ряду вопросов — относительно протокола о торговле, соотношения рупии и рубля, использования кредитов, особенно на энергетические проекты, сотрудничества в военной области.

Я констатирую, что многие советские предприятия могут с большой выгодой для себя выйти на индийский рынок. Это относится и к военной промышленности. Сейчас, когда в результате процесса разоружения заказы Министерства обороны сокращаются, мы можем поставить соответствующую технику вам.

После Ваших бесед с И.С. Силаевым, другими руководителями экономики, в том числе России, я дам указания о глубокой проработке итогов Вашего визита.

Панкин. *Некоторые соображения уже подготовлены. Министр встретится также с заместителем российского премьера по экономике Егором Гайдаром, а также, конечно, с Б.Н. Ельциным. Там также будут обсуждаться эти вопросы.*

Горбачев. Что касается нашего сотрудничества со странами «третьего мира», то в наших внешнеполитических приоритетах мы при-

даем ему большое значение. Прежде всего принципиально важно для нас сотрудничество с Индией и Китаем. Мы понимаем, что то, что происходит у нас, вызывает у вас и у Китая определенное беспокойство.

В сотрудничестве между нашими странами я бы выделил два элемента. Во-первых, усилия по сдерживанию исламского фундаментализма, который может оказывать серьезное дестабилизирующее воздействие в регионе.

Во-вторых, мы, как и вы, озабочены стремлением Пакистана и Ирана создать ядерное оружие. Это вызывает беспокойство и у США. Поэтому надо сделать всё, чтобы предотвратить распространение ядерного оружия в Азии, а в перспективе прийти к созданию безъядерной зоны в регионе. Но это дело будущего.

Для того чтобы адаптировать наши отношения к нынешним реальностям мирового развития, я предложил бы создать постоянно действующий советско-индийский семинар по вопросам нашего сотрудничества с участием представителей науки, общественности, а также государственных структур. Думаю, что такое обсуждение наших двусторонних отношений могло бы дать интересные идеи, помочь приспособить наше сотрудничество к современному контексту.

Несколько слов о том, что происходит у нас, где мы находимся. Вчера у нас состоялось заседание Государственного Совета, которое проливает свет на принципиальные вопросы²². Мы обсуждали вопрос о создании нового Союза Суверенных Государств. Не буду обременять вас подробностями обсуждений, которые состоялись между нами, но в итоге сделан общий вывод: политический союз должен быть.

Мы всесторонне обсудили сегодняшние реальности, настроения в обществе — а надо сказать, что последние опросы общественного мнения показывают: люди повсюду настроены за Союз в еще большей степени, чем во время мартовского референдума. Учитывая всё это, мы договорились вчера о создании нового Союза Суверенных Государств, которые объединятся в конфедеративное демократическое государство.

Это означает, что государство будет иметь единые вооруженные силы, единую, согласованную внешнюю политику, единый рынок, функционирующий на согласованных принципах, валютную, банковскую, налоговую систему, гражданство, территорию, соответствующие структуры власти — Президента, Верховный Совет, правительство. При этом произойдет глубокое перераспределение

функций. Многие перейдет к республикам, а многое — непосредственно к производителям и другим субъектам, действующим в пространстве рыночной экономики.

Пока реально участвуют в этом процессе восемь республик. Мы надеемся, что к процессу создания нового политического союза присоединятся и другие республики, прежде всего Украина. Люди там за это.

Мы будем двигаться к смешанной экономике с государственной, кооперативной, акционерной, частной собственностью. Сейчас старая система, на которой держалась наша экономика, ушла, а новая еще не возникла. И это вызвало колоссальные трудности, привело к падению уровня производства, тяжелейшему финансовому положению, и особенно положению на потребительском рынке. 1992 год может оказаться для нас самым трудным. Нам надо удержать ситуацию. Надеемся, что вы с пониманием отнесетесь к этому. Прошу Вас передать Премьер-министру, что если в каких-то случаях наша реакция на просьбы Индии будет не совсем адекватной, то в этом нет ничего политического, это вызвано лишь нашими нынешними трудностями.

Думаю, сотрудничество с Индией может в чем-то и смягчить эти трудности. Важно сохранить наши двусторонние отношения даже в такое трудное время. Если и мы, и вы заинтересованы друг в друге, то, думаю, переболевем и выйдем действительно на масштабное сотрудничество во всех областях.

После Вашего визита я постараюсь приложить усилия для того, чтобы по возможности восстановить двустороннее сотрудничество. В рамках согласованных подходов к внешней политике и внешней торговле мы поддерживаем осуществление проектов сотрудничества с республиками, в том числе с Россией, Узбекистаном.

Прошу Вас передать привет Премьер-министру господину Нарасимха Рао, а также поблагодарить за внимание Президента Индии и передать ему мои самые теплые пожелания.

Соланки. Спасибо. Два слова в заключение.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что Советский Союз переживает сейчас трудное время. И если мы можем что-то сделать, чтобы помочь вам, то мы обязательно это сделаем.

Горбачев. Хорошо, спасибо.

Соланки. Наконец, хочу подтвердить приглашение от имени Премьер-министра и народа Индии Вам, господин Президент, посетить нашу страну с визитом.

Горбачев. Спасибо. Я помню об этом приглашении. Но, сами понимаете, ситуация такая, что уехать практически невозможно.

Соланки. Мы это понимаем. Может быть, в будущем году.

*Печатается по тексту: Архив Горбачев-Фонда
(далее — АГФ). Фонд № 1, опись № 1.*

ИЗ РАЗГОВОРА С А.С. ЧЕРНЯЕВЫМ И А.С. ГРАЧЕВЫМ

15 ноября 1991 года²³

...Я был совершенно спокоен. Я не боялся ничего потерять и поэтому чувствовал себя свободным от любого давления. Я следовал только своей убежденности и сказал им это. Сказал, что они не свободны, раз оглядываются на чужие мнения, на чьи-то настроения и амбиции. И они поняли, что я действительно уйду, если они не примут мои аргументы.

Я согласен строить любой Союз — федеративный, конфедеративный, как хотите, но строить, а не разваливать. И когда они поняли, что я говорю всерьез, то растерялись и сразу потребовали перерыва. Я бы действительно ушел, и тогда ты (обращается к Черняеву) мог бы сразу лишиться и своего президента, и его пресс-секретаря.

*Печатается по тексту: Грачев А.С. Дальше без меня...
Уход Президента. М.: Издательская группа
«Прогресс — Культура», 1994. С. 152.*

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «ШТЕРН»

15 ноября 1991 года²⁴

Шмидт-Хольц. *Сейчас наши читатели хотят узнать, господин Президент, что бы Вы могли сказать о ситуации в стране и в мире.*

Горбачев. Вчера в Ново-Огареве тоже говорил о ситуации, позавчера тоже говорил, и в Мадриде, как вы заметили, говорил...²⁵

Безыменская. *Вы сказали, господин Президент, — и эта фраза пошла везде ходить, — что страна на краю пропасти.*

Горбачев. Я даже сказал, что мы заглянули в пропасть.

Для нас уже давно главный вопрос — вопрос о государстве. Я настаиваю на этом. Я — за реформирование государства, но за сохранение государства. Я хочу быть абсолютно свободным в суждениях, материя очень сложная. Нельзя подчинять взгляды и практическую политику в таком вопросе политическим пристрастиям, а тем более всяким сепаратистским, изоляционистским замыслам. Тысячу лет это пространство формировалось и обживалось. Возьмите любую эпоху в нашей истории, она всегда была драматичной. Тот, кто знает нашу историю, согласится, что это так. Всегда Русь терпела поражения или сбивалась с определенного исторического шага, когда она оказывалась раздробленной. Долго шло и собирание земель. И вот сложилась определенная общность. Называют это империей, царь звался императором. Но это специфическая империя — не приобретение заморских территорий. Славяне шли по огромному пространству, встречали на своем пути разное. И возникла такая

общность, которую трудно сейчас однозначно охарактеризовать. В нас во всех всякая кровь течет, десятков народов. Может быть, поэтому мы соображаем неплохо и выдерживаем... Интеллектуальный потенциал огромен. Люди расселились, причем благодаря характеру славян завершалось это часто нормальным сожительством, сотрудничеством на народном трудовом уровне. Я не говорю о политике, я говорю о народном уровне. И экономика соответственно складывалась. Хорошо это или плохо, но это есть!

Оборонное пространство также сформировалось, наука сформировалась. Знаете, как атакуют сейчас меня деятели науки, культуры — хотят сохранить какие-то союзные структуры, чтобы можно было общаться и пользоваться тем, что создано общими усилиями? Был на 70-летию театра Вахтангова — это мой любимый театр — на спектакле «Турандот»²⁶. Во время второго акта мне сообщают: пришли министры культуры всех республик и просят их тут же принять. Я говорю: хорошо, пусть идут ко мне в ложу. Пришли и говорят: «Мы хотим, чтобы вы защитили культуру, мы хотим сотрудничать, остановите процесс развала культурных связей и сотрудничества. Остановите».

Вчера на Госсовете договорились: Комитет по культуре будет, и он будет координировать всю творческую деятельность.

А еще раньше были у меня министры образования²⁷, предъявили меморандум. Вчера на Госсовете договорились, что должен быть общий комитет или совет по образованию. Вот так — с пространством культурным, так же — и с экономическим. И так далее.

75 миллионов человек живут не там, где их коренная нация. 75 миллионов! 30 миллионов смешанных браков. Внутри страны не было государственных границ. Границы у нас административные. И вот теперь все это мы начинаем рвать, разрушать, сломя голову, превратно поняв идею самоопределения. Я — за самоопределение, за суверенитет, за решительное перераспределение функций в пользу республик, за слом бюрократических структур. Но я решительно против того, чтобы по всему, что стало общим, ходить ножом, плутом, кромсать всё...

Безыменская. *Вчера Государственный совет вопросы как раз государственного устройства и рассматривал...*

Горбачев. Да, вчера была дискуссия. Мы четыре часа дискутировали на одну тему — «Что такое Союз Суверенных Государств?» Это что — оборонный союз? Или экономический? Или это новое государство? Или вообще нечто неопределенное, аморфное, непонятное?

Не хочу вас посвящать в тяжелую дискуссию. Скажу только, что в конце концов мы пришли к тому, что Союз — новый Союз — должен быть Союзом Суверенных Государств и что это должна быть конфедерация — конфедеративное демократическое государство. С едиными вооруженными силами, территорией, гражданством, согласованной внешней политикой, единым рынком, функционирующим на согласованных принципах, то есть банковский союз, валюта, ценовая политика и так далее. Это государство должно иметь президента, избираемого гражданами, который должен быть главой государства, и должно быть правительство...

Шмидт-Хольц. *Прямые выборы вы имеете в виду или поэтапные?*

Горбачев. Гражданами. А процедура избрания будет определена законом. От народа президент должен получать полномочия, чтобы не быть свадебным генералом.

Шильдт. *Когда, Вы рассчитываете, эти выборы можно будет провести и будете ли Вы выставлять свою кандидатуру?*

Горбачев. Когда я своим коллегам аргументировал, почему я за такое государство, где у республик будет суверенитет, но оно должно быть эффективным и властным в пределах того, о чем они сами договорятся, я сказал: если вы думаете, что это Горбачев под себя подгоняет, то ошибаетесь. Речь идет о той самой общности, о которой я говорил выше, об этом сложном мире народов. И поэтому должно действовать эффективное общее государство. И я сказал своим коллегам: не знаю, буду ли я выдвигать свою кандидатуру или нет. Это неактуально. Главный вопрос — мы должны сохранить общее государство, глубоко реформировав его.

Шильдт. *В зависимости от этого Вы выдвинете или не выдвинете свою кандидатуру?*

Горбачев. Знаете, я сейчас даже об этом не думаю. Сейчас самая главная задача — быстрее выйти на подписание Договора. Это главное. Потому что всё остальное по иерархии ценностей — частные вопросы, в том числе и — кто будет президентом.

Безыменская. *Сейчас — Вы Президент. И тем не менее Вы неоднократно говорили, что при стечении определенных обстоятельств уйдете в отставку. В Германии считают, что это не очень эффективное средство политической борьбы. Или это у Вас эмоциональное?*

Горбачев. Я Вас понял. Я уже давно связал эту свою позицию с одним: я подам в отставку, если я увижу, что разрушается государство. Участвовать в этом разрушении не буду. Ни на какое непонятное образование, аморфное, никому не нужное я не пойду. Вчера в Ново-Огареве я тоже напомнил об этом. И не скрываю этого. Я просто использую последний аргумент: мы в таком состоянии — быть или не быть государству. И считаю: если мы и дальше пойдем по пути дезинтеграции государства, не помогут ни новые реформы, ни партнеры, никто и ничто...

Безыменская. *А какова роль России в консолидации нового государства?*

Горбачев. Ведущая, главная. И вы видите, какая борьба идет вокруг Президента Ельцина за оказание влияния на его политику, на его выбор. Вчера в Ново-Огареве я его попросил первым взять слово на пресс-конференции. И он сказал, что политический союз будет. Должен сказать, что мы, россияне, не можем себе позволить такую роскошь, чтобы замкнуться, изолироваться. Это нонсенс. Будто мы забыли, что делали наши предки тысячу лет на этой земле. Мы предали бы и тех, кто уже там, память о них, и тех, кто после придет. Что мы им в наследство оставим? Я думаю, что Россия, переболев, перемучившись, будет вместе с другими народами, как это было всегда. И свою роль выполнит как объединяющая республика, самая влиятельная.

Понимаете, перестройка, демократия столько выбросили сейчас новых людей на поверхность, некоторые из них вышли на политический уровень. Они быстро достигли каких-то высот. Но вот я был на 170-й годовщине Достоевского²⁸ и слышу цитату: «Всё, что быстро растет, — не прочно». Так бывает и с политиками. А есть 300 миллионов и одна шестая часть Земли. Это не поле для экспериментов. Сейчас трудное и страшно ответственное дело. И России не уйти, я употребляю это слово, от своей миссии, никуда не деться, хотя считаю, что претензия на миссианскую роль — это из области фантазий, на самом деле у русских этого нет.

Шильдт. *В ближайшее время Ельцин посетит Бонн²⁹.*

Горбачев. Я приветствую этот визит. Думаю, разговор канцлера, предстоящие беседы будут хорошими, полезными.

Шильдт. *Вы думаете, он будет говорить и от Вашего имени? Или он будет говорить преимущественно как Президент России?*

Горбачев. Он приглашен в качестве Президента России, но я уверен, что будет представляться наша согласованная политика. Все-таки я себе не мыслю — вчера об этом еще раз сказал, — чтобы мы проводили двенадцать или восемь внешних политик. С таким государством никто не захочет иметь дело...

Шильдт. После несостоявшегося путча как развивались ваши отношения с Ельциным, имеете ли Вы с ним каждодневные консультации?

Горбачев. Отношения с Борисом Николаевичем стали переходить в позитивную фазу уже давно — после того, как он стал Президентом. Есть реальности, а я как политик — тоже политик реальности. Но, должен сказать, в конце прошлого и начале нынешнего года между нами возникло опасное противостояние. Именно оно помешало и нам самим, и согласию в обществе, продвижению по пути реформ. Мы оказались в болоте политической борьбы, повязали, потеряли времени много. Политика может позитивно влиять на ход событий и наоборот. Именно из этой ситуации появился Ново-Огаревский процесс. И потом отношения прогрессировали в позитивном направлении.

А после августа необходимость в сотрудничестве осознана и мной, и всеми демократическими силами. Они должны сотрудничать, а не упираться в нюансы. Только вот перед вашим приходом я разговаривал с Борисом Николаевичем. И позавчера беседовали (смеется). Нормальное общение. Как и должно быть.

Шильдт. И как раз перед приездом сюда я читал интервью Ельцина газете «Ди Цайт». Это крупная газета, издающаяся в Гамбурге. В этом интервью господин Ельцин себя представляет решительным таким политиком, говорит примерно такую фразу: я почти все проблемы могу решить без Горбачева. Что он имеет в виду? Как это — все проблемы решить без Горбачева?

Горбачев. Не знаю. Мне надо почитать, чтобы комментировать. Боюсь, что комментарий отрывков нас втянет не туда, куда надо. Я уверен, дело не в Горбачеве. Я уверен: Президент России занял позицию, чтобы реформы осуществлялись в сотрудничестве со всеми республиками, и он занимает позицию в пользу создания нового Союза — Союза Суверенных Государств. Это значит, Президенту России, как всем, придется сотрудничать с союзной властью. Кто бы там ни был — Горбачев, Сидоров, Петров, Иванов, Данилов. Такова логика. Поступки в противоположном направлении алогичны и опасны.

Шильдт. *Позвольте вопрос об Эрихе Хонеккере? Господин Ельцин говорил в интервью, что, если бы он решал, он бы отдал Хонеккера. Но, по его словам, следует, что Вы простираете свою защитную длань над Хонеккером. Действительно ли это так?*

Горбачев. Я думаю, что эта тема относится к той, с которой мы сегодня начали, — гуманная сфера. Если мы возьмем историю даже последних десятилетий, то увидим, что в любом государстве происходили те или иные события и оно так или иначе втягивалось в события за своими пределами. Если прямолинейно подходить к оценке деятельности прежних политиков, времен «холодной войны», то их всех, наверное, не на пенсию надо отправлять, а в тюрьму. Драматическое упрощение. И вот я рассуждаю, и я говорю всем: старый человек, 80 лет почти. 10 лет отсидел в тюрьме при нацизме. Так распорядилась судьба, что он был участником процессов, которые были в восточной части Германии — помните, какие были события. А потом произошло объединение. И что — сейчас встать на путь реваншизма, мстительности? Мы ведь простили тех, кто служил в вермахте при Гитлере, они стали нормальными, полнокровными гражданами. А Хонеккера будем наказывать? У меня это не укладывается в голове. Если у нас есть нравственность, то вопрос этот не должен существовать. Поэтому я хочу, чтобы сами немцы разобрались. Я могу только сочувствовать, помогать, если попросят. Я сказал господину Геншеру, чтобы на посольском или консульском уровне встретились с Хонеккером, побеседовали с ним. И уж во всяком случае, думаю, это вопрос сугубо локальный, который нельзя выводить на уровень наших межгосударственных отношений. Я думаю, что не нужно раздувать кампанию. Пусть всё это завершится как-то нормально.

Шильдт. *Вы неоднократно говорили, что не исключен и новый путч. Действительно ли ситуация такова?*

Горбачев. Не могу согласиться, что я так говорил. Видите, как опасно давать оценки тем или иным высказываниям, тем более, когда их не было. (Смех в зале.) О чем я говорил «до» и говорю «после». Общество и страна так изменились, что они ни при каких условиях не согласятся на возврат к тоталитарному режиму. А ведь путч — это попытка через чрезвычайщину вернуть общество на круги своя. Главный их просчет в том, что они не сумели понять, что обречены. Это я им сказал, когда их представители явились в Форос, и что им придется ответить. Всё так и происходит. Я был более высокого мнения о своем окружении, которое оказалось

в этом ГКЧП, думал, у них соображения хватит, что на путях путча не решить проблему.

Но другое дело — и я говорил, действительно, здесь вы правы, — что если мы не возьмем ситуацию в руки, особенно социально-экономическую (через реформы, инициативы), если ухудшение с производством пойдет дальше, если будет продолжаться падение производства, — недовольство в народе усилится. И может вылиться в мощный протест. Вот это очень опасно. Поэтому мы сейчас должны действовать так, чтобы включить людей в процесс реформ, дать им больше возможности самим делать дело, и надеемся на сотрудничество с партнерами. Сейчас оно нам просто жизненно необходимо.

Шильдт. *Мы все смотрим с недобрým чувством, как во всей Восточной Европе выбрасывают памятники Ленину. Какие, как Вы думаете, памятники могут появиться 50 лет спустя?*

Горбачев. Не думал об этом. Вот уж чем не занимался, так это — что будет на Красной площади через 50 лет. Давайте встретимся и посмотрим вместе, что там будет. (Смех.) Уверен, что Красная площадь будет жить и останется центральной площадью этого огромного государства, нового государства. В это я верю.

*Печатается по тексту публикации
в «Независимой газете», 19 ноября 1991 года.*

СОВЕЩАНИЕ С СОВЕТНИКАМИ И ПОМОЩНИКАМИ

17 ноября 1991 года

Горбачев. Ближайшие дела: Верховный Совет, проблемы бюджета. Доходы не поступили на сумму около 46 миллиардов рублей. Потери по импорту, дополнительные расходы на социальную программу.

Указы Президента России: по сути дела, отбрасывается концепция совместного движения к рынку³⁰. Надо быть очень осторожными, чтобы не затеять драку. И в то же время принципиальными, чтобы не сорвать реформу.

Парафирование Союзного договора — 25 ноября в 12.00. До 10 декабря — одобрение Верховного Совета, после 10-го — подписание.

В среду (20 ноября) — Верховный Совет. Затем поездка в Сибирь (Иркутск) и Среднюю Азию (Киргизия). В ходе поездки рассмотреть вопросы: о кооперации, о границах, о расселении людей, о связях и культуре, о кооперации в науке. Оценить реакцию в мире (*на происходящее в стране*).

Ускорить создание газеты (*президентской*) — нужен полуофициоз.

Избавиться от аппаратных привычек — не ждать, чтобы нам, как раньше, всё приносили на блюдечке. Ходить, доказывать, убеждать, выяснять и так далее.

Ни в коем случае не играть на провалах и неудачах республик, особенно России. Дело у нас одно.

О политических партиях — туго формируются. Социал-демократии сильной пока не получается. Есть опасность, что рабочий класс будет захвачен правыми. Идти к нему надо через профсоюзы.

Пропаганда Союза: специалисты-правоведы + журналисты + политологи.

Разговор с Ельциным.

Об армии. Принять казаков, поддержать как движение. Но они должны понять, что нельзя создавать воинские формирования, ибо это вызовет ответные реакции. Не оформлять как казачьи войска, пусть входят в армию как части национальной гвардии. Петр I дал им вольницу, льготы и использовал казаков как погранвойска. Даже Комиссия, которая ими занималась при нем, называлась «сторожевая».

Решить вопрос об Осетии и Ингушетии³¹.

Рабочая запись Г.Х. Шахназарова.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

БЕСЕДА С ЭМИРОМ КУВЕЙТА ШЕЙХОМ ДЖАБЕРОМ АЛЬ-АХМЕДОМ АС-САБАХОМ

18 ноября 1991 года³²

Горбачев. Рад приветствовать Вас, Ваше Высочество, в Кремле и лично познакомиться с Вами. Мне особенно приятна наша встреча в связи с тем, что она происходит в условиях, когда остались позади трагические испытания, выпавшие на долю народа Кувейта в результате иракской агрессии. Мы рассматривает восстановление независимости и суверенитета Кувейта как наш общий успех.

Сабах. *Приветствую в Вашем лице доброго друга Кувейта. Мы высоко ценим позицию, занятую Советским Союзом в дни тяжелых испытаний для нашего народа. Мой нынешний визит как раз и посвящен, главным образом, выражению признательности за эту позицию.*

Горбачев. Вчера по телевизору я имел возможность познакомиться с тем, как сегодня живет Кувейт. Видимо, жизнь уже возвратилась в нормальное русло. Потушен последний пожар на нефтяных скважинах, что является огромным достижением в деле возрождения страны.

Сабах. Журналисты часто спрашивают меня, встречался ли я ранее с Вами. Я честно говорю им — нет. А они удивляются: ведь между вашими странами существует давняя дружба, ваши позиции по многим международным вопросам совпадают. В таких случаях я всегда отвечал журналистам: придет день, и мы встретимся и обсудим все интересующие нас проблемы. Сегодня такой день настал. Наши отношения сейчас крепче, чем когда-либо ранее, в особенности в результате

той позиции, которую занял Советский Союз в дни кризиса в Персидском заливе.

Еще раз от имени кувейтского народа и от себя лично благодарю Вас и советский народ за эту позицию.

Горбачев. Я разделяю то, что Вы сказали о наших отношениях. Хотя мы и не встречались лично, корни их глубоки. Они пронизаны дружбой и доверием и продолжают укрепляться.

Хотел бы задать Вам вопрос: сколько кувейтцев уже вернулось на родину?

Сабах. Ныне все граждане Кувейта, добровольно покинувшие страну в результате оккупации, уже вернулись на родину. Вместе с тем значительное число наших граждан по-прежнему удерживается в качестве военнопленных в иракских застенках. По нашим сведениям, их сейчас около 2200 человек. Это не только мужчины, но женщины и дети.

Горбачев. Ведете ли Вы какие-либо переговоры с иракцами о возвращении этих людей?

Сабах. Нет. Мы не контактируем с иракским режимом. Разговор о судьбе этих людей ведется с Красным Крестом и Красным Полумесяцем.

Горбачев. Как идут работы по восстановлению страны?

Сабах. На первом этапе главной задачей было тушение пожаров на нефтяных скважинах. Мы смогли решить ее в беспрецедентно короткий срок, удививший не только кувейтцев, но и весь мир. Этому способствовала помощь друзей. Я высоко ценю, в частности, деятельность группы советских специалистов, участвовавших в тушении пожаров по линии концерна «Конверсия».

Сразу после освобождения страны мы разработали план восстановления основных объектов экономической и социальной инфраструктуры: больницы, коммуникаций, школ и т.п. Сейчас мы выполнили эту задачу наполовину.

К сожалению, положение усугубляется тем, что иракцы не только разрушали те или иные объекты, но предварительно вывозили всё дорогостоящее современное оборудование. В свое время иностранный корреспондент спросил Саддама Хусейна: если он считает Кувейт 19-й провинцией Ирака, зачем же вывозит оборудование больниц и учебных заведений в Багдад? Саддам ответил, что, дескать, оснащение больниц и учебных заведений в какой-либо провинции не может быть лучше, чем в столице.

Горбачев. Вижу, что у Вас имеются большие сомнения относительно позиции Саддама Хусейна. Хотел бы услышать Ваше мнение

в отношении того, как Ираком выполняются соответствующие резолюции СБ ООН.

Сабах. В регионе — не только в Кувейте, но и во всех государствах Совета Сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) — недовольны тем, что в Ираке по-прежнему стоит у власти режим Хусейна. Хотя иракцы и согласились с соответствующими резолюциями Совета Безопасности, они, как явствует из их заявлений, продолжают надеяться на то, что данный этап минет, сменятся обстоятельства и можно будет реализовать их старые планы. Ирак пытается замедлить, насколько это возможно, выполнение резолюций СБ ООН, возлагая надежды на то, что появление какой-либо новой крупной международной проблемы, возможно, подорвет единство членов Совета Безопасности. А это отразится и на их отношении к резолюциям, касающимся посткризисного урегулирования в зоне Персидского залива.

Горбачев. Вчера я услышал, что режим Саддама Хусейна вновь применил вооруженную силу для подавления оппозиции в одном из районов страны. В связи с этим я полагаю, что международное сообщество должно ужесточить контроль за выполнением резолюций, принятых СБ ООН в связи с посткризисным урегулированием в зоне Залива.

Сабах. Это именно то, чего мы хотим от наших советских друзей.

Горбачев. Мы твердо придерживаемся линии на неукоснительное выполнение Ираком своих обязательств, вытекающих из резолюции 678 Совета Безопасности ООН³³, и в частности по вопросу о возвращении военнопленных. Будем вместе с вами и другими странами работать над решением этой задачи.

Волнующую нас тему безопасности я связываю не только с зоной Залива, но и со всем регионом Ближнего Востока. Скажу откровенно, мы привержены тому решению, в соответствии с которым там должен действовать механизм Организации Объединенных Наций, обеспечивающий устойчивый и продолжительный мир. В его функционировании могло бы принять участие все международное сообщество.

Иногда до нас доходят рассуждения относительно того, что в регионе должно сохраниться массированное присутствие некоторых иностранных держав. Мы предпочли бы, чтобы безопасность этого, как и других районов мира, строилась не на военной мощи той или другой стороны, а на коллективном сотрудничестве. Полагаем, что концентрация крупных военных сил, как иностранных, так и принадлежащих самим государствам региона, всегда будет таить в себе

опасность новых столкновений. А это нежелательно, как для вас, так и для нас, ведь географически мы — соседи.

Сабах. Я, наверное, соглашусь с Вами, Ваше Превосходительство. Кувейт за то, чтобы безопасность любого региона гарантировалась великими державами и, в частности, пятеркой постоянных членов Совета Безопасности.

Исходя из этого, я ставлю сегодня перед Вами вопрос о подписании соглашения о безопасности между СССР и Кувейтом, чтобы оно действовало на период, пока идет работа по созданию соответствующего механизма, призванного обеспечить мир и безопасность в нашем регионе на основе усилий всего международного сообщества.

Для нас это особенно важно: пока в Багдаде существует нынешний режим, кувейтцы не будут спокойны в отношении того, что случившееся с ними не повторится.

Горбачев. В моих беседах с Президентом и госсекретарем США, а также в недавней единственной беседе с Премьер-министром Израиля И. Шамиром³⁴ не раз возникал вопрос о необходимости ограничения вооружений на Ближнем Востоке. При этом я всегда подчеркивал, что эти действия должны носить ответственный, согласованный характер. Чтобы не получилось так, что одни будут свертывать сотрудничество в этой области, а другие, наоборот, пользоваться этим для расширения своей активности.

Безусловно, у государств региона существуют некоторые минимальные потребности в оборонном потенциале. Не думаю, однако, что чрезмерное насыщение Ближнего Востока военной техникой и иностранными вооруженными силами будет способствовать безопасности и стабильности там. Вероятно, ответ следует искать на путях обеспечения безопасности через ограничение вооружений и коллективное сотрудничество. В этих условиях Ираку никогда не удастся возродить полумиллионную или даже миллионную армию и повторить то, что произошло.

Сабах. Если бы такой подход воплотился на практике, мы всецело поддерживали бы его без каких-либо возражений.

Горбачев. Надеюсь, что так и будет. Иначе не избежать повторения трагедии.

Как Вы смотрите на возможность продолжения военного сотрудничества между нашими странами с учетом вышеизложенной постановки вопроса?

Сабах. Когда я сказал о том, что безопасность любого региона должна гарантироваться великими державами, я как раз и имел в виду выслу-

шать от Вас, как Вы мыслите роль Советского Союза в этой связи применительно к зоне Залива.

С давних пор у нас сложилась такая форма военного сотрудничества, как заходы советских военных кораблей в Кувейт. Почему бы сейчас не возобновить ее?

Горбачев. Это была бы, с одной стороны, демонстрация прочности наших отношений, а с другой — сигнал другим сторонам.

Сабах. Этого мне и хотелось бы. Надо, чтобы мой народ успокоился после всех ужасов, которые пережил. Заходы советских судов в Кувейт продемонстрировали бы кувейтцам, да и нашим соседям, что великая держава — Советский Союз — заботится о безопасности региона.

Горбачев. Полагаю, что данный вопрос можно было бы оставить для проработки нашим министрам иностранных дел.

Сабах. *Согласен.*

Горбачев. И последний вопрос. Хотел бы выразить Вам глубокую признательность за важный конкретный шаг, сделанный Вами в направлении оказания помощи нашей стране в этот трудный период. Мы благодарны за то, что, несмотря на определенные трудности, которые переживает сегодня сам Кувейт, Вы с пониманием отнеслись к нашим проблемам.

Задолженность Советского Союза к настоящему времени достигла 60 миллиардов долларов. Вместе с тем, нам должны 86 миллиардов долларов. Проблема в том, что мы платили и будем платить свои долги исправно, а наши должники занимают иную позицию.

Советский Союз — богатое государство. Но сейчас мы вступили в трудный переходный период, когда нам нужна поддержка. Требуются серьезные преобразования — я этим сейчас и занимаюсь, — а для них необходима твердая валюта.

Сабах. Знаю, что Советский Союз богатое государство. Сейчас вы переживаете тяжелые времена, и на данном этапе вам нужна поддержка.

Еще до путча в СССР я говорил руководителям американской администрации: надо как можно скорее оказать реальную помощь Советскому Союзу. Об этом же я беседовал и с представителями европейских обществ, отмечая, что в Советском Союзе немало сторонников прежнего курса, мечтающих о том, чтобы провалить нынешний эксперимент. Чтобы не допустить этого, следует поддержать советское руководство реально.

Когда же путч произошел и был разгромлен, я пригласил посла США в Кувейте и отметил, что сказанное мною в прежних беседах подтвердилось. Хватит болтать о демократии и правах человека. Надо оказать

Советскому Союзу серьезную поддержку в этот трудный для него момент. СССР нужно лишь подняться на ноги. После этого помощь столь богатому государству не понадобится. Не опоздайте же во второй раз, — подчеркнул я.

Хотел бы подтвердить Вам, что, хотя Кувейт и сам находится в нелегком положении, мы готовы помочь Советскому Союзу чем можем.

Горбачев. Мы высоко это ценим.

Сабах. Пользуясь случаем, приглашаю Вас посетить нашу страну.

Горбачев. Благодарю Вас.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

ПИСЬМО КООРДИНАТОРУ «БОЛЬШОЙ СЕМЕРКИ» ДЖ. МЕЙДЖОРУ

Не позднее 19 ноября 1991 года

Дорогой Джон!

Хотел бы воспользоваться прибытием нашего нового посла (Б.Д. Панкина) в Лондон...³⁵ Сейчас для нас самое главное — продержаться несколько месяцев в продовольственном и финансовом отношении, пока не заработают более или менее ощутимо рыночные механизмы. Вот почему крайне важна Ваша и других членов «семерки» поддержка и солидарность именно в этот момент.

М. Горбачев

*Печатается по тексту:
Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым.
По дневниковым записям. М.: Издательская группа
«Прогресс — Культура», 1993. С. 500.*

ИНТЕРВЬЮ АМЕРИКАНСКОМУ ЖУРНАЛУ «Ю. С. НЬЮС ЭНД УОРАД РИПОРТ»

19 ноября 1991 года³⁶

Журналист. *Отношения между республиками имеют исключительно важное значение для переговоров о новом Союзном договоре. Одни говорят: «Будем вместе — выживем, разделимся — погибнем»; другие утверждают: «Будем вместе — погибнем, разделимся — выживем».*

Горбачев. Я думаю, возможно и то и другое. Действительно, одни скажут «в единстве — сила», но могут найтись и другие, кто скажет «да, но мы все равно хотим отделиться». Если вас интересует моя точка зрения на это, то я полностью поддерживаю право каждого народа, каждой республики на самоопределение.

Эта ткань, эта страна создавалась в течение тысячи лет, и в ней всё настолько сплетено, взаимосвязано — историей, культурой, общими традициями, человеческими связями, кровными связями, совместной жизнью, разделением труда, кооперацией в промышленности, науке! И поэтому, если мы начнем делиться, то процесс этот будет столь болезненным, что в нынешних условиях это будет катастрофой.

Я в этом глубоко убежден, и поэтому я выдвинул идею, которую я отстаиваю и развиваю: да, народы, республики действительно имеют право на самоопределение, но это право должно осуществляться не через раздел, не через отделение, а через глубокое перераспределение полномочий, глубокую реформу Союза, через переход от унитарного государства, которое у нас существовало, — хотя и называлось Союзом, федерацией, — к настоящему Союзу Суверенных Государств, где каждое государство будет обладать большой политической, экономической, культурной свободой, где каждый народ будет пользоваться большей свободой, но в то же время будут

сохранены естественные связи, жизнеспособность которых оправдана вековой историей.

Я думаю, что это будет на благо каждой республике, на благо всех. Я в этом убежден. Когда я был в Мадриде, мы говорили с Президентом Бушем, а потом беседовали у короля Испании вместе с Премьер-министром Гонсалесом. Президент сказал, что он пришел к выводу: сохранение Союза — разумеется, реформированного, нового, демократического — отвечает интересам Запада.

Журналист. *Выборы стали основой законности в тех республиках, где состоялись свободные выборы. Означает ли это, что вам придется согласиться с результатами намеченного на 1 декабря референдума на Украине, если республика проголосует за независимость?*

Горбачев. Знаете, у нас уже многие республики объявили независимость. Остались только две «зависимые» республики — Россия и Казахстан. Есть, конечно, немало людей, кто считает, что независимость равнозначна отделению, выходу. Но в наших условиях, когда республики заявляют о своей независимости, это дает им свободу для принятия добровольного решения, для выбора — быть в Союзе, участвовать в создании этого нового Союза или отделиться.

Я очень хорошо знаю Украину, думаю, даже больше чем хорошо, я ее чувствую. У меня личные связи с ней. Мои корни на Украине, под Черниговом. А другой корень в Воронеже, в России. Я с большой симпатией отношусь к процессу, который сохранил бы Украину в нынешнем ее виде, и я уверен, что нынешняя Украина сохранится и получит второе дыхание. Но я считаю, что сохранится она, именно приняв участие в создании нового Союза. Если же, однако, какие-то силы подтолкнут ее к изоляции от других республик, и прежде всего от России, то тогда, как я говорил еще полтора-два года назад, Украина может столкнуться с колоссальными трудностями в своем развитии.

Есть политики, которые готовят общественное мнение к такому выводу: если Украина проголосует за независимость, то, значит, это голосование за отделение. Но это не так. И вот людей спрашивают: а вы, украинцы и другие жители Украины, вы хотите, чтобы и ваша республика была независимой? Естественно, люди отвечают «да».

Когда сторонники сепаратизма и изоляционизма трактуют независимость как желание отделиться, то это неправда. Если смотреть на вещи серьезно, то я убежден, что невозможно даже представить, чтобы Украина действительно ушла из Союза. Ибо это была бы беда, большая беда для Союза, но еще большая беда, катастрофа — для Украины.

Журналист. *Это важное отличие.*

Горбачев. Я это уже давно говорю. И, кстати, в противном случае Крым уже зарезервировал за собой право в случае отделения Украины принять свое решение. То есть Крым будет настаивать на аннулировании принятого в 1954 году решения о его передаче Украине, потребует возвращения в Россию. Если же, однако, Украина останется в новом Союзе, в Союзе Суверенных Государств, то тогда Крым не возражает остаться в составе Украины.

Журналист. *Вы настаиваете на централизованном контроле над вооруженными силами, особенно на едином контроле за ядерными вооружениями. Не могли бы Вы рассказать о тех шагах, которые предпринимаются с целью обеспечения контроля над тактическими ядерными вооружениями, и могут ли Соединенные Штаты сотрудничать с Советским Союзом, чтобы способствовать усилиям по контролю над тактиками вооружениями?*

Горбачев. Когда мы встречались с Президентом Бушем в Мадриде, мы обменялись данными относительно ядерного оружия. Я дал ему сведения о встречаемых шагах, которые мы предпринимаем в ответ на его инициативу.

Но я хочу еще раз заверить вас в том, что никакой опасности ослабления контроля ядерного оружия нет. Такой проблемы не существует, и этого никто не оспаривает.

Если и есть какие-то дискуссии, то только относительно структуры Вооруженных Сил и того, в какой мере должна измениться роль республик, чтобы они могли в большей степени воздействовать на формирование и управление Вооруженными Силами.

Встречаясь с представителями администрации США³⁷, я говорил, что мы заинтересованы в сотрудничестве с США, в том, чтобы Соединенные Штаты поделились с нами своей технологией уничтожения вооружений, в том числе и ядерного оружия — стратегического и тактического, и особенно химического оружия.

Журналист. *Многим советским рабочим грозит безработица. И некоторым из них будет казаться, что экономическая реформа больше всего выгодна бизнесменам и иностранцам. Что необходимо сделать, чтобы успокоить рабочих?*

Горбачев. Во-первых, хочу сказать, что если кто-то тоскует о прошлом, испытывает ностальгию по прежней экономической системе, то я отвечаю: административно-командная система, которая у нас существовала, уже к началу 80-х годов полностью исчерпала себя.

Люди не получали должной отдачи от своих усилий, от тех огромных ресурсов, которые поглощала эта командная система.

Но и это не всё. Гонка вооружений вела к колоссальным деформациям нашей экономики. И это тоже не всё: абсолютное засилье государственной собственности, по существу, разрушало естественную мотивацию, стимулы к труду. Другим результатом была уравниловка, отсутствие инициативы. Возник определенный тип рабочего, которого, по существу, ничего не интересовало.

Экономика всё больше держалась на вовлечении в производство всё новых ресурсов. И даже после всемирного нефтяного кризиса, который заставил другие страны внедрять ресурсосберегающие технологии, мы продолжали транжирить наши ресурсы. Но пришел конец и росту трудовых ресурсов. Изменилась демографическая ситуация, стало не хватать людей.

Хотя это, конечно, лишь на первый взгляд. Разве можно действительно говорить о дефиците трудовых ресурсов у нас, когда по производительности в промышленности мы отстаем от США в 2,5 раза, а в сельском хозяйстве в 5 раз?

Мы латали дыры, идя на расширение экспорта, много получили от экспорта нефти. Сейчас, конечно, цены на нефть совсем другие, к тому же страна уже не может экспортировать столько, сколько прежде.

Я считаю, что надо идти вперед, прежде всего через реформирование собственности, создание смешанной экономики, где будут существовать различные формы собственности и открыт простор для состязательности, конкуренции.

Я недавно говорил с рабочими³⁸. Они за реформу, за рынок, но они сделали одно очень серьезное замечание. Они сказали: вы поощряете кооперативы, стимулируете предпринимателей, собираетесь приватизировать торговлю и услуги, а также малые и средние предприятия. Мы не против, сказали они. Но есть одно условие: вы должны изменить экономические условия и для больших государственных предприятий.

Они не согласны с тем, что у других предприятий есть возможность работать в условиях большей свободы, а они остаются в рамках той же жесткой системы государственной собственности, где они не могут проявить инициативы, не могут получить настоящей прибыли, не могут выйти на новые результаты.

Думаю, что если мы дадим всем шансы через реформирование собственности, стимулируя предпринимательство и в то же время давая рабочим определенную долю собственности, чтобы каждый

был реально заинтересован, если мы в то же время обеспечим людям достаточную социальную защиту, то тогда наша реформа и переход к рынку будут для людей не столь болезненны. Тогда, думаю, мы сможем увереннее идти на либерализацию цен. Сейчас мы подошли к этапу, когда всё это необходимо делать одновременно. Но одно ясно: возврата к прошлому нет.

Журналист. В Соединенных Штатах говорят, что есть две разновидности экономистов: те, кто ничего не знает, и те, кто не знает, что они ничего не знают. Считаете ли Вы, что у вас есть такая группа экономистов, от которых Вы можете получить хороший совет, или Вы предпочитаете, чтобы вашим учителем был опыт?

Горбачев. Думаю, без экономистов не обойтись. И без опыта мировой экономики тоже не обойтись. Возьмите недавний опыт таких стран, как Мексика, Бразилия, страны Восточной Европы.

Но, конечно, всё это уникально. Кстати, профессор Гэлбрейт, с которым я давно знаком³⁹, однажды сказал мне: вы должны прислушиваться к советам, но в то же время понимать, что у себя дома они никогда не стали бы делать то, что они вам советуют.

Я его так понимаю: конечно, есть опыт других, особенно опыт преодоления определенных макроэкономических ситуаций, выхода из кризиса. Это действительно универсальный опыт. Но эти универсальные подходы необходимо приспосабливать к очень конкретным условиям каждого общества. Иначе можно наделать много глупостей.

Вывод такой: надо учиться на опыте других, надо прислушиваться к экономистам, уважать экономическую науку, но в то же время считаться с реальностями нашего положения. Я много раз говорил, что мы должны остерегаться умников, которые считают, что они знают всё, что они поймали истину за хвост.

Журналист. Мы говорим о таких людях: «Жаль, что я не могу быть хоть в чем-нибудь уверенным так, как они уверены во всем».

Горбачев. Знаете, я не раз убеждался, что чаще всего самые уверенные люди, даже самоуверенные люди, это те, кто ничего не знает.

Журналист. Ваша репутация — это репутация политического лидера мирового класса и друга западных лидеров. Не могли бы Вы поделиться с нами, как Вам удалось построить отношения, основанные на доверии, с западными руководителями, которые поначалу были настроены скептически, особенно с президентами Рейганом и Бушем?

Горбачев. Если руководители стран смогли изменить международную обстановку и благодаря этому стали возможными меры разоружения, сокращение военных расходов, расширение экономического и научно-технического сотрудничества и так далее, то не стоит их за это критиковать.

Все-таки все мы действуем, думая не только о своем президентском сроке, а пытаюсь заглянуть вперед. И мы знаем, что крупные перемены трудны, что они требуют времени. Ведь нужно изменить инерцию событий, старую инерцию, и заменить ее новой, которая способна дать позитивные результаты.

Я думаю, хорошо, что, хотя мы действительно переживаем полосу экономических трудностей, осуществляем глубокие экономические реформы, а Соединенные Штаты тоже сталкиваются с определенными проблемами в своей экономике, всё это происходит в определенной международной обстановке, в которой отношения между нашими странами и в мире в целом вполне позитивны. Это дает всем нам возможность сосредоточить внимание на наших внутренних проблемах, заниматься ими и решать их.

Что касается конкретно развития моих отношений с президентами Рейганом и Бушем, то я вижу в них хороших партнеров, людей, с которыми я связан дружескими узами. Думаю, всё это началось тогда, когда каждый из нас по отдельности столкнулся вот с этим вопросом: что все-таки происходит, куда мы идем и что произойдет, если это противостояние будет продолжаться, если мы и дальше будем нагромождать горы оружия? И еще: две огромные страны изматывали друг друга в гонке вооружений, в то время как страны, потерпевшие поражение во Второй мировой войне, шли вверх. Поэтому надо было остановиться.

Я очень надеюсь, что этот процесс, который мы начали, сохранится, потому что без новых отношений с США ничего не произошло бы, ничего не изменилось бы в Европе и во всем мире. И я надеюсь, что в нынешний сложный период, когда процесс перемен охватывает весь мир, сотрудничество и взаимопонимание между нашими двумя странами будет продолжено и получит дальнейшее развитие.

*Печатается по тексту публикации
в газете «За рубежом», № 49, ноябрь 1991 года.*

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ КОЛЛЕГИИ МИНИСТЕРСТВА ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ СССР

19 ноября 1991 года

В соответствии со сложившимся этикетом М.С. Горбачев представил сотрудникам Министерства внешних сношений СССР нового руководителя ведомства — Э.А. Шеварднадзе.

Мы вышли на глубокое понимание важной роли этого ведомства в жизни страны, поскольку речь сегодня идет о создании новой государственной структуры, новой роли республик. Я хочу подчеркнуть, что речь идет не о смене внешнеполитического курса, он отнюдь не меняется, а обогащается с учетом нынешних реальностей и происходящих перемен.

Далее Горбачев отметил, что назначение Э.А. Шеварднадзе на новый пост было принято, исходя из высших соображений с учетом его большого потенциала и возможностей, которые, без сомнения, будут использованы для дела преобразований советского общества, деятельности государства на новых основах⁴⁰.

Высоко оценив деятельность Б.Д. Панкина, Президент сообщил, что он избрал самостоятельную дипломатическую работу, отказавшись от поста советника Президента, и направляется послом СССР в Лондон.

*Печатается по тексту публикации
в газете «Труд», 21 ноября 1991 года.*

БЕСЕДА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ГОСУДАРСТВ «СЕМЕРКИ»

20 ноября 1991 года⁴¹

Горбачев. Доброе утро. Надеюсь, что утро действительно доброе. Вчера погода была ясная, но на переговорах, как мне известно, было много неясности. А сегодня, хотя и пасмурно, ситуация кажется яснее. Пока что «небесная канцелярия» с нами сотрудничает, погода в ноябре необычно теплая. Если так же с нами будет сотрудничать и «семерка», то можно надеяться на улучшение.

Ну а если серьезно, то я приветствую очередную миссию представителей «семерки»⁴². Мне известно хотя и не всё, но я имею представление о том, как шли ваши переговоры. Со своей стороны я тоже прилагал усилия в этом направлении, по тому же вопросу, что и вы. Теперь хотел бы выслушать вас. Кстати, сразу же после этой встречи я буду выступать в Верховном Совете. Итак, вам слово.

Уикс. Спасибо, господин Президент за то, что Вы нас принимаете. Мы очень признательны за ту помощь с Вашей стороны, которая проявилась в ходе вчерашних переговоров. Хотя Вас не было в зале, мы ощущали благотворное воздействие Вашего присутствия. И если в начале наших обсуждений была очень большая «облачность», то затем проглянуло солнце. Значительная часть республик, 8 или 9 из них, согласны подписать Меморандум о договоренности без каких-либо оговорок⁴³. Это реальный прогресс.

Сейчас нам необходимо добиться дальнейшего прогресса, именно в этом состоит цель нашей работы сегодня.

Вам известно, какой пакет предложений мы привезли в Москву. Он предусматривает отсрочку платежей основной части задолженности на определенных условиях, в том числе в обмен на залог золота, и при ряде других положений, которые облегчают положение Внешэкономбанка в предстоящие месяцы.

Хочу подчеркнуть два момента.

Во-первых, чрезвычайно острый характер вопроса. Все сидящие с Вашей стороны стола отдают себе в этом отчет, но мы не уверены, что это понимают все представители республик. Между тем прогресс в решении этого вопроса необходимо достичь самым срочным образом.

Во-вторых, важным элементом в представленных нами предложениях является их взаимосвязь с экономическими реформами внутри страны.

Горбачев. Да, и именно так я ставил вопрос на встрече с руководителями «семерки» в Лондоне в июле нынешнего года⁴⁴. Я говорил о необходимости синхронизировать наши реформы и шаги «семерки» в поддержку этих реформ. Тогда же я говорил, что мы готовы к самому тесному сотрудничеству, готовы взаимодействовать с экспертами стран «семерки».

Уикс. Точно так же видим вопрос и мы. И сейчас необходимо разработать механизм оказания содействия вашим реформам. Мы полагаем, что важную роль в этом должны сыграть МВФ, Всемирный банк, другие аналогичные учреждения. Я лишь хотел подчеркнуть срочную необходимость действий. Каждая неделя отсрочки реформ ведет к тому, что те трудности и болезненные явления, которые придется пережить советским людям, окажутся еще более тяжелыми. Это звучит жестко, но весь наш опыт подтверждает это. Теперь я хотел бы попросить высказаться моих коллег.

Малфорд. Господин Президент, я полностью поддерживаю сказанное господином Уиксом.

Президент Буш уделяет большое личное внимание данному вопросу. На прошлой неделе он принял решение о немедленной реализации пакета продовольственной помощи СССР.

Мы приложили большие усилия, взаимодействуя с руководителями стран «семерки» и непосредственно друг с другом, для подготовки данного пакета по финансовым вопросам. Хотел бы подчеркнуть три момента.

Во-первых, дело это чрезвычайно срочное. Необходимо завершить согласование этого пакета и начать его реализацию буквально в ближайшие дни.

Во-вторых, семь элементов, составляющих пакет, взаимосвязаны и взаимозависимы и не могут «работать» по отдельности.

В-третьих, пакет содержит элементы, которые потребуют от Вас и от республик важных и нелегких решений, что явится испытанием политической воли найти решение проблем в нынешней чрезвычайной ситуации.

Наш опыт подсказывает, что данный пакет мер должен дать результат. Для этого есть хороший шанс, и мы со своей стороны намерены содействовать тому, чтобы был достигнут успех.

Кёллер. Господин Президент, прежде всего передаю Вам привет и наилучшие пожелания от канцлера Коля. Он придает большое значение конкретным шагам по продвижению вперед взаимодействия вашей страны с «семеркой». Он считает весьма важным, чтобы данный пакет был согласован и осуществлен, видя в этом один из элементов продолжающегося диалога и взаимодействия между вами и «семеркой».

Додж. Передаю Вам привет от Премьер-министра Малруни. Хочу сообщить, что суда с канадской пшеницей для Советского Союза уже в пути. Мы активно участвовали вместе с нашими коллегами в разработке обсуждаемого пакета. Премьер-министр Малруни призывает к скорейшему осуществлению экономических реформ в вашей стране.

Трише. Господин Президент, Вам передает привет Президент Миттеран, который после Вашей недавней встречи с ним самым внимательным образом, буквально ежедневно следит за развитием ситуации.

Как и мои коллеги, я хотел бы подчеркнуть чрезвычайно срочный характер вопроса. Достаточно сказать, что вчера мы слышали, что может быть прервана выплата процентов. Это было бы большой ошибкой, и, как мы понимаем, Вы отнюдь не хотите этого. Это неоправданно подорвало бы все усилия, которые и мы, и вы прилагаем в последнее время.

На мой взгляд, необходимо до конца сегодняшнего дня доработать политическую концепцию решения вопроса, с тем чтобы все мы представляли себе дальнейшее развитие событий и могли предотвратить подобные срывы.

Данный пакет является целостным. Его принятие создаст условия для помощи с нашей стороны. Если Вы и республики готовы начать, то мы поможем во всех отношениях. Примером нашей готовности действовать быстро является тот факт, что в конце нынешней недели мы встретимся с представителями всех других кредиторов. Вам и республикам нужно сейчас принять решение и начинать действовать.

Драги. Хочу передать Президенту привет от господина Андреотти и его слова о том, что он намерен оказывать всё возможное содействие.

В повестке дня стоят конкретные шаги по преодолению крайне сложного экономического положения, и в частности кризиса ликвидности. Как и мои коллеги, хочу подчеркнуть, что данный пакет является целостным, его элементы взаимосвязаны. Мы считаем принципиально важной Вашу поддержку, помощь в том, чтобы убедить некоторые республики принять некоторые элементы данного пакета. Рассматриваем Ваши слова, сказанные в начале встречи, как выражение Вашей готовности предпринять соответствующие шаги, на что мы очень рассчитываем.

Тсино. Я передаю Вам приветствие от нового Премьер-министра Японии господина Миядзавы.

Мы прибыли сюда, чтобы помочь в преодолении возникших острых трудностей. Считаем необходимым, чтобы договоренность относительно данного пакета была достигнута сегодня. В противном случае это произведет обескураживающее воздействие на деловые круги Запада, негативно скажется на кредитоспособности Союза и республик. Мы очень рассчитываем, господин Президент, на Ваши усилия в плане оказания соответствующего воздействия.

Уикс. Господин Президент, должен сказать, что я не передал Вам привет от Премьер-министра Мейджора лишь потому, что, как я понимаю, совсем недавно Вы имели контакт с ним.

Горбачев. Да, мы говорили вчера в связи с назначением Б.Д. Панкина послом в Великобританию⁴⁵. Я рассчитывал, что смогу использовать Панкина здесь, и держал незанятой вакансию государственного советника для него. Однако он больше склонен к работе на поприще посла, и я полагаю, что в такой стране, как Великобритания, его потенциал будет хорошо использован.

Уикс. Мы полностью с этим согласны.

Явлинский. Я хотел бы сказать, что процесс, который ведут здесь наши гости, является важным элементом общего процесса создания у нас экономического пространства, осуществления Экономического договора. Более того, без ваших усилий это было бы невозможно. Одно из двадцати шести соглашений, представляющих собой приложения к Экономическому договору, касается именно тех вопросов, которые обсуждаются вами в Москве. Эти соглашения должны быть завершены и ратифицированы в ближайшем будущем. Поэтому Ваше присутствие и помощь тем более важны для нас. Как человек, участвующий по поручению и от имени Президента в экономических переговорах, хочу подчеркнуть, что, на мой взгляд, пакет, предложенный на наше рассмотрение, является взвешенным и отражает правильный подход. Я вижу в этом большой прогресс.

Хотел бы подчеркнуть еще один момент. По моему мнению и мнению моих коллег, в последнее время среди населения страны растет понимание необходимости и важности процесса интеграции нашей страны в мировую экономику.

Горбачев. Теперь остается убедить в этом политиков.

Явлинский. Это труднее. Я считаю, что растущее осознание этого является очень важным достижением, приближающим одну из целей перестройки⁴⁶.

Московский. Я хотел бы сказать, что вчера вечером и сегодня утром эксперты продолжали работу над предложениями. В целом это весьма интересные идеи, необходимые для решения возникших проблем. Однако есть некоторые вопросы, которые требуют выработки общего подхода и понимания со стороны республик, и в то же время некоторой коррекции со стороны наших гостей. Я полагаю, что следует рассматривать это как нормальное явление. И хотя ситуация действительно весьма необычная, такая работа является нормальной на любых переговорах.

Горбачев. Благодарю вас, господа, за приветствие от ваших руководителей. Все это — мои партнеры, с которыми я уже более или менее долго сотрудничаю. Конечно, приветствия я получал и раньше. Но в данном случае я вижу новый, более высокий уровень взаимоотношений. Я приветствую решительность и волю, проявляемые «семеркой».

Во время моих бесед с Мадриде, а также во Франции⁴⁷ мы пришли к выводу, что Союз нужен, конечно, в первую очередь нам самим, но в то же время и нашим партнерам. Я говорил и на встрече с руководителями «семерки» в июле, и уже тогда почувствовал их понимание того, насколько мы все повязаны взаимными интересами. Эта же тема прозвучала и в Декларации стран НАТО, принятой на встрече их руководителей в Риме⁴⁸.

Сегодня очень важно, чтобы все — и мы, и вы — поняли, что необходимо сделать для того, чтобы Союз был. Я прошу вас передать руководителям «семерки» нашу признательность за те конкретные шаги, которые все ваши страны осуществляют, в частности в оказании продовольственной помощи нашей стране.

Возникает вопрос: а что мы делаем для того, чтобы создать соответствующие предпосылки для реализации наших договоренностей, для того, чтобы осуществлялись и наши шаги в деле реформы, и ваши встречные усилия?

Мы должны реалистически оценивать то, что произошло в августе и в последующие недели. Действительно, реакция потерпела

поражение. Однако подписание Союзного договора было сорвано, и возобновить процесс оказалось очень трудно. В эти месяцы мощно действовали силы дезинтеграции нашей государственности. А это приводит к разрыву связей в обществе, в экономике, в науке, во всех областях.

Моя задача состоит прежде всего в том, чтобы и в этих условиях обеспечить скорейшее подписание нового Союзного договора. Уже после путча Съезд народных депутатов сформулировал принципы этой работы. Однако непросто было взять ситуацию в руки, наладить процесс движения к Экономическому договору и особенно к политическому договору о Союзе Суверенных Государств. В то же время надо сказать, что все недавние опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что люди даже больше, чем на мартовском референдуме, выступают за Союз. Они видят, к чему ведет распад. Однако на политическом уровне продолжают игры.

Я и в закрытых обсуждениях, и публично говорил: если мы не остановимся, если не ускорим ратификацию Экономического договора и подписание политического, то все разговоры о выходе из кризиса и о реформировании экономики будут пустым звуком, останутся благими пожеланиями. Ни одна республика, даже Россия как самая мощная из них, не сможет выйти из кризиса на путях изоляции и сепаратизма, отказываясь от взаимодействия с другими республиками, ибо ткань этого государства создавалась веками.

У нас сейчас в политике немало трудных людей, слишком самоуверенных, идущих на необдуманные шаги. И всё же жизнь постепенно заставляет их входить в нормальную колею, переходить к более конструктивному взаимодействию. В этой связи я хочу сказать, что я и мои сторонники ценим понимание и поддержку наших усилий со стороны «семерки» и ЕС.

Я понимаю, что наши партнеры задаются вопросом, с кем у нас иметь дело. И всё же, видимо, коллективный анализ привел к выработке единого мнения о том, что Союз — разумеется, обновленный, демократичный — отвечает интересам Запада. После Мадрида, выступая на Государственном совете, я сказал, что просто странно, что наши партнеры понимают необходимость Союза, а мы до сих пор — нет, хотя нужен он прежде всего нам. Судя по последнему интервью Президента Армении, на него полезное воздействие произвела беседа с Президентом США. Он даже жаловался, что американский Президент по-прежнему выступает за Союз.

Тот факт, что вы находитесь здесь и сотрудничаете с нами, мы тоже рассматриваем как важный фактор в процессе создания нового

Союза. Хочу сообщить, что Г.А. Явлинский имеет поручение завершить в ближайшее время разработку всех приложений к Экономическому договору, с тем чтобы они были направлены в Верховные Советы и начался процесс ратификации Договора.

14 ноября на заседании Госсовета обсуждался проект Союзного договора. Дискуссия была тяжелая. Я сказал, что если Союз Суверенных Государств будет чем-то непонятным, аморфным, то я не буду в этом участвовать. Я за то, чтобы государство сохранилось в обновленном виде на основе глубокого перераспределения полномочий. Ибо, если произойдет распад государства или оно превратится во что-то непонятное, то тогда нам не преодолеть кризис, тогда нас ждут тяжелейшие испытания. В таком случае, сказал я, мне придется обратиться ко всему обществу и ко всему миру.

Итогом нашей работы был проект Союзного договора, который я уже разослал в республики. В нем предусматривается, что Союз Суверенных Государств будет конфедеративным демократическим государством с едиными Вооруженными Силами, согласованной, общей внешней политикой, банковской, валютной, таможенной системами, ценовой политикой. У него будет общая территория и гражданство. За Союзом также будут сохранены некоторые важнейшие сферы, в частности, энергетика, транспорт, связь, он будет координировать сотрудничество в области экологии, фундаментальных наук, образования, культуры.

В новом государстве будут избираемый населением Президент, Верховный Совет, состоящий из двух палат, правительство, Межгосударственный экономический комитет.

Таким образом, стоит вопрос о подписании Политического договора. Те, кто его подпишет, будут пользоваться преимуществами единого политического и экономического пространства. Отношения с другими республиками, которые не будут членами Союза, будут регулироваться соглашениями и договорами.

25 ноября состоится еще одно заседание Государственного совета. Я буду настойчиво вести линию на политический союз. Прошу вас передать руководителям ваших стран, что мы намерены идти в этом направлении. Я думаю, что если мы проявим решимость и нам будет оказано действенное сотрудничество со стороны наших партнеров, то мы сможем осуществить настоящие реформы.

Я в принципе приветствую основные элементы предложенного вами пакета. Приветствую и то, с какой твердостью вы ставите вопрос о необходимости того, чтобы мы действовали. Я не согласен с теми, кто говорит, что главное — продержаться зиму и весну,

а там — посмотрим. Не вдаваясь в подробности всех недавних решений российского руководства, я хочу сказать, что поддерживаю его решимость, волю действовать.

Осуществление Экономического договора и движение к политическому договору в сочетании со встречными усилиями «семерки» и ЕС создаст предпосылки для того, чтобы мы, не теряя времени, двигались вперед. Не может быть никаких сомнений, что я — на стороне тех, кто намерен решительно действовать. Для меня это решено.

В то же время и мы — прежде всего мы, — но и вы, поскольку вы втянулись в то, что у нас происходит, должны учитывать: мы можем действовать столь решительно, насколько позволит, насколько выдержит наше общество. Мы должны осуществить реформы таким образом, чтобы масса людей не вышла на улицу. И хотя, видимо, не удастся избежать протестов, в том числе серьезных, мы не должны допустить такой волны, которая охватила бы всю страну и похоронила бы наш курс. И в этом плане я выражаю надежду, что ваша позиция будет хотя и твердой, но не ультимативной.

Я думаю, очень важным является наблюдение Г.А. Явлинского о том, что наше общество пришло к осознанию необходимости включения в мировую экономику, сотрудничества с нашими партнерами. Надеюсь, что и вы уловили это состояние. Надеюсь, что сегодня в результате дискуссий, которые еще предстоят, вы придете к согласованному итогу.

Ну, а теперь я должен идти на заседание Верховного Совета, где меня будут «терзать», в частности по финансовым вопросам. Я был рад вас видеть.

Уикс. Большое спасибо, господин Президент, за прием и за весьма откровенную беседу.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВТОРОМ СОВМЕСТНОМ ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА СОЮЗА И СОВЕТА РЕСПУБЛИК ПЕРВОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР НОВОГО СОЗЫВА

20 ноября 1991 года⁴⁹

Председательствующий. *Уважаемые народные депутаты! При обсуждении некоторых вопросов на отдельных заседаниях Совета Республик и Совета Союза многие депутаты предлагали прояснить целый ряд ключевых проблем жизни нашего общества. Речь шла, в частности, о формировании единого экономического пространства, новой системе государственных отношений, подготовке к заключению Договора о Союзе Суверенных Государств, бюджете. Словом, поднимались вопросы, так или иначе связанные с нашей сегодняшней жизнью, с реализацией решений внеочередного пятого Съезда народных депутатов СССР. Было высказано пожелание депутатов послушать по всем этим вопросам Президента СССР...*

Горбачев. В общем-то я несколько иначе представляю свою роль на этой трибуне. Тем не менее, думаю, что я выскажусь, а вы зададите вопросы. То есть поговорим согласно той традиции, которая сложилась в таких случаях.

Я реагирую прежде всего на то, что здесь, в частности, во время обсуждения вопроса, касающегося моего обращения относительно кредита, возникла дискуссия, в ходе которой были острые высказывания, прежде всего суждения с намеком на то, что Президент не проявляет должного внимания к сотрудничеству, а главное, может быть, даже пытается игнорировать Верховный Совет. Вот, по сути, что меня больше всего беспокоит, потому что я не могу с этим согласиться. А если еще вспомнить, что кое-кто поставил даже вопрос

о том, что нужно, дескать, Президента уже и судить⁵⁰... Правда, когда я узнал, из какого «сектора» идут такие обвинения, то понял, что это, так сказать, обычная вещь, тут ничего нового не произошло.

Прежде всего, дорогие товарищи, приветствую вас, поскольку первый раз выступаю перед Советом Республик и Советом Союза, которые вместе с Государственным советом, Межгосударственным экономическим комитетом и другими органами действуют в переходный (может быть, самый трудный) период, когда решаются судьбоносные вопросы. И мы должны найти правильные подходы, чтобы, преодолевая трудности, которые не только не уменьшились, но нарастают, использовать шансы и продвигать процесс реформ.

Беседуя с некоторыми депутатами я почувствовал, что многие размышляют на тему о том, какова должна быть в это время роль Верховного Совета. Если говорить о том, что нам нужно согласие, то эта роль, думаю, должна содействовать консолидации нашего общества, сотрудничеству и взаимодействию республик — с учетом реформирования нашего многонационального государства и их новой роли. Думаю также, что Верховный Совет будет открыт для конструктивного диалога с нашими партнерами на Западе, потому что и это имеет большое значение для успешного решения задач, которые перед нами стоят. Именно на это надо сейчас направлять усилия, особенно в том, что касается консолидации нашего общества. Все остальное — вопрос конкретики, формы.

Подходя же к вопросу о бюджете — к тому, что у нас здесь происходит, хотел бы прежде всего оттолкнуться от того, что стало в центре внимания дискуссии, что вызвало много вопросов и недоумений. Речь идет о том, что по Указу Президента, с согласия Президента, для покрытия расходов бюджета были использованы 63 миллиарда рублей кредитов. Понимаю, что это не может нас радовать, но вместе с тем мы должны «с холодной головой» разбираться во всей этой сложной материи, во всей этой ситуации.

Думаю, особое беспокойство в Верховном Совете связано с тем, что у товарищей сложилось впечатление, будто Президент пренебрег мнением Верховного Совета и действовал без его участия. Хотя по Закону о Союзном бюджете, который был принят в начале этого года, это обязательно — Президенту дано право, но он должен потом обратиться за согласием и поддержкой в Верховный Совет.

Итак, речь идет о том, что в конце июня, в связи с получившими развитие процессами, положение в нашем финансовом хозяйстве еще больше осложнилось. Мы не получили того, на что рассчитывали от новых цен. Более того, негативные процессы в какой-то мере

были даже подстегнуты. Я назову некоторые цифры, а потом выскажу свой взгляд и дам оценку. Сейчас же хочу просто проиллюстрировать.

Именно тогда, в конце июня, последовало обращение Кабинета министров к Президенту с просьбой прийти на помощь по поводу того, чтобы профинансировать бюджетные расходы на уровне Союза. После неоднократных встреч и представления аргументов на этот счет согласие было получено. Затем последовало уже то, что в этих случаях и должно следовать, а именно: Кабинет министров принял решение — обращение в Верховный Совет по этим кредитам совместить с обращением в Верховный Совет относительно утверждения чрезвычайного бюджета на второе полугодие. Те, кто работал в старых комиссиях и комитетах, это хорошо помнят. Тогда же эта ситуация рассматривалась и комиссией под руководством депутата Кучеренко.

Это завершилось тем, что последовало обращение к республикам выполнять свои обязанности по отчислениям в союзный бюджет. Тем не менее события развивались дальше, и началась работа над чрезвычайным бюджетом. Вопрос несколько раз обсуждался в Кабинете министров — дефицит вырисовывался большой, что заставляло Кабинет министров возвращаться к этому.

Короче говоря, такая ситуация сложилась к июлю. А с 12 июля (или примерно с середины месяца) Верховный Совет ушел на каникулы. Если теперь еще добавить, что во время этих каникул произошло то, что нас привело потом и к пятому внеочередному Съезду народных депутатов СССР и ко всем последующим решениям, то вы поймете, что данный вопрос оказался «подвешенным». Товарищ Силаев, как я понимаю, получил новое «хозяйство» в Союзе и не очень-то торопился себя связать с этими делами — разбирался и вникал в сложившуюся ситуацию. Но теперь он всё равно подошел к ним и никуда не уйдет от этого. Старый Верховный Совет ушел... Кстати, только что товарищ Силаев опять провел заседание с руководителями правительств девяти или двенадцати республик...

Голос. *Одиннадцати.*

Горбачев. Одиннадцать республик обсуждали проблему чрезвычайного бюджета на четвертый квартал, то есть на оставшееся до конца года время. И естественно, следующий этап — это бюджет 1992 года.

Вот — объяснение. Я его должен был дать вам, чтобы снять подозрения насчет того, что здесь Президент использует какие-то авто-

ритарные методы, причем именно в отношениях с Верховным Советом СССР. Это должно быть исключено.

Теперь останавлиюсь более конкретно на данном вопросе — все-таки это вопрос жизни. Прежде всего напомним, с каким трудом формировался бюджет на 1991 год. Депутаты, которые работали в том составе Верховного Совета, помнят, что, по сути дела, мы до самого января не могли (в том числе и на декабрьском Съезде народных депутатов СССР) договориться, каким же должен быть бюджет. И уже после Съезда в результате многократных встреч руководители республик пришли к выводу, что должен быть и союзный бюджет, и бюджет республик, ибо республики не могут себя считать суверенными, когда они «повязаны» единым бюджетом. Так, впервые за многие десятилетия мы составили союзный бюджет, а республики составили свой бюджет.

Для того чтобы взаимодействовать в рамках Союза, уже в январе с большим трудом, в результате длительных и тяжелых дискуссий, было подписано Экономическое соглашение на 1991 год. Верховный Совет СССР тогда утвердил расходы союзного бюджета в сумме 276,8 миллиарда рублей. Не буду напоминать его статьи — думаю, вы в курсе, у вас эти материалы имеются на руках. Суть же в том, что на 1 ноября дефицит бюджета составил около 100 миллиардов рублей против 40 миллиардов рублей за соответствующий период прошлого года. Из стабилизационного фонда за десять месяцев израсходовано почти 33 миллиарда рублей, в основном на централизованные капитальные вложения и субвенции республикам. От предприятий же в этот фонд поступило всего лишь 7,2 миллиарда рублей.

Что же произошло? Может, были допущены серьезные перерасходы? Почему потребовалось кредитование расходов союзного бюджета? Или есть какие-то другие причины?

Прежде всего о расходах по статьям. Сугубо из-за повышения цен чуть больше, чем намечено по плану, будет истрачено на оборонные цели — на 6,1 миллиарда рублей. Это понятно, поскольку пришлось выдавать компенсацию всем военнослужащим, решать некоторые другие вопросы. На социальные мероприятия было истрачено дополнительно 15,2 миллиарда рублей. На ликвидацию последствий Чернобыля добавили 3,2 миллиарда рублей. Все остальные статьи бюджетных расходов удалось ужать, как это ни было болезненно.

В результате сокращение расходов на народное хозяйство оценивается примерно в 21,9 миллиарда рублей, расходы, связанные

с внешнеэкономической деятельностью, — в 8,3 миллиарда рублей. Последние снизились прежде всего за счет сокращения правительственных кредитов, предоставляемых зарубежным странам.

Статистические данные показывают, что союзные органы управления не допустили перерасхода средств по союзному бюджету. В целом ожидаемые расходы за год будут на 10,5 миллиарда рублей ниже планировавшихся: 266,3 миллиарда рублей в сравнении с утвержденной цифрой 276,8 миллиарда рублей. Расходы в рамках общесоюзного стабилизационного фонда, видимо, будут на 8,8 миллиарда рублей ниже планировавшихся на год. В том числе централизованные капитальные вложения намечено осуществить со снижением на 4,8 миллиарда рублей. Расходы на конверсию сократятся на 2 миллиарда рублей, затраты на покрытие убытков промышленных предприятий — на 2,6 миллиарда рублей.

И это с учетом того, что в течение года были осуществлены дополнительные внеплановые расходы, прежде всего в связи с реформой розничных цен. Именно с этой причиной связано увеличение расходов на 6 миллиардов рублей на содержание армии. 3,2 миллиарда рублей потребовалось затратить на дополнительные льготы населению, проживающему в районах, затронутых аварией на Чернобыльской АЭС, и 12,5 миллиарда рублей — на затраты, осуществленные в рамках программ по фонду социальной поддержки населения.

Тем не менее при всех мерах по сокращению расходов дефицит по союзному бюджету и фонду стабилизации экономики прогнозируется на год почти в 205 миллиардов рублей, — конечно, с учетом нового значения рубля. А с учетом республиканских бюджетов дефицит бюджетной системы страны в целом составит около 300 миллиардов рублей. В чем тут дело, если говорить о союзном бюджете? От республик в союзный бюджет получено значительно меньше по сравнению с тем, что они должны были перечислить. Планировалось до конца 1991 года получить 41,6 миллиарда рублей, но, по оценкам Министерства финансов СССР, поступит не более 26 миллиардов рублей. Кроме того, в фонд стабилизации экономики будет недоплачено 40,3 миллиарда рублей. Но дело в том, что в тяжелом состоянии находятся и бюджеты республик. И тут мы подходим к главной причине бюджетного дефицита.

Неблагополучие финансов — это, в общем-то, отражение неблагополучия всей экономики страны. За год промышленное производство снизится на 7 процентов, сельскохозяйственное производство — на 9 процентов, а национальный доход — на 15 процентов

с учетом падения доходов от внешней торговли. В этом, собственно, и заключается основная причина общего расстройств финансов.

Крайне тяжелое влияние оказало снижение поступления доходов в бюджет от внешнеэкономической деятельности. Значительно сократился экспорт. За десять месяцев он составил 65 миллиардов рублей с небольшим — в сравнении с прошлым годом он уменьшился почти на 31 процент. В результате недополучено более 19 миллиардов рублей. Импорт же за этот период текущего года составил 58,9 миллиарда рублей, то есть сократился на 42,2 процента. В результате сокращение импорта почти на 13 миллиардов рублей также привело к снижению бюджетных доходов. Такова наша общая экономическая ситуация, если ее характеризовать в самых общих цифрах и выражениях.

Какой же выход? Выход, конечно, в одном — решительно идти по пути реформ. Но вся эта работа даст отдачу в лучшем случае в следующем году. А сегодня надо решать вопрос о том, чтобы до конца 1991 года профинансировать расходы союзного бюджета, ибо это касается таких важных сфер, как оборона страны, поддержание базовых отраслей (прежде всего энергетических), социальные программы, наука и так далее.

Поэтому вношу предложение разрешить Госбанку СССР предоставить кредит на данные цели, а также утвердить ранее предоставленный Правительству СССР кредит в объеме 63 миллиардов рублей и отнести эту сумму на внутренний государственный долг.

На Государственном совете СССР мы обсуждали этот вопрос. В связи с такой ситуацией было принято решение поручить правительствам в трехдневный срок еще раз изучить ее вместе с финансовыми работниками, экспертами и внести свои предложения.

Сегодня только что закончилась эта встреча, и товарищ Силаев (если у вас возникнут к нему конкретные вопросы) может более подробно развернуть эту тему и охарактеризовать дискуссию. Во всяком случае, тот чрезвычайный бюджет, который подготовил МЭК с участием представителей республик, обсуждался руководителями правительств республик. За исключением, кажется, одного из них, выразившего несогласие, все остальные высказались в поддержку этой исключительной меры, которую диктует сама обстановка.

Сейчас началась работа над бюджетом на 1992 год. Мы должны себе четко представлять, что без жестких мер по экономии, без взаимодействия всех республик, без четкой, строжайшей дисциплины у нас ничего не получится. По-моему, это самый главный урок ны-

нешнего года. Если будем так дальше действовать — один в лес, другой по дрова или по системе «лебедь, рак и щука», — то результаты будут еще более тяжелыми, катастрофическими. Именно согласованный подход должен быть осуществлен общими усилиями. Это касается и республиканских бюджетов, и союзного бюджета.

О денежной эмиссии. Как вы помните, она была принята на этот год в объеме 7 миллиардов рублей, главным образом для обслуживания возрастающего товарооборота. Фактически же на 1 ноября она достигла 83 миллиардов рублей.

Что произошло? Всем известно, что уже в текущем году более половины промышленной и основная часть сельскохозяйственной продукции реализуются по договорным ценам. Это конкретный шаг по переходу к рынку. Реальность такова, что даже при снижении производства предприятия за счет цен в этом году получают 160 миллиардов рублей прибыли, из которой свыше 100 миллиардов рублей останется в их распоряжении. Из этих средств они дополнительно направят на потребление не менее 60 миллиардов рублей. По сути дела, ситуация так и выглядит, и ее можно уверенно прогнозировать.

Почему допущена такая эмиссия? Механизм действия Госбанка СССР таков: эмиссия в значительной мере зависит от спроса на денежную массу, а общая ситуация характеризуется увеличением такого спроса. Расширение практики использования договорных цен, расширение прав предприятий в использовании прибыли вели к быстрому росту оплаты труда, причем доходы населения росли быстрее, чем расходы. За 10 месяцев текущего года доходы выросли на 75,8 процента, а расходы населения на приобретение товаров и оплату услуг выросли на 54,9 процента, то есть значительно меньше. Доля денежных доходов населения, затрачиваемых на покупку товаров и оплату услуг, за истекшие месяцы 1991 года составила 69 процентов против 77,5 процента за соответствующий период прошлого года. Физический объем товарооборота за 10 месяцев, по сравнению с прошлым годом, сократился на 11 процентов, а в фактических ценах возрос на 57 процентов. Все это свидетельствует о том, что рост денежных доходов населения не подкреплён соответствующим ростом товаров и услуг даже в текущих повышающихся ценах.

Коренная причина сложившегося положения (повторяю для того, чтобы подчеркнуть это еще раз и акцентировать эту нашу главную проблему) в сокращении объема промышленного и сельскохозяйственного производства, а также в отсутствии механизма уязки

роста заработной платы с конечными результатами. Сплошь и рядом проверка предприятий на этот счет, ознакомление с практикой, которая сегодня существует, показывают, что практически нет ни одного предприятия, где бы этот принцип увязки оплаты труда с конечными результатами деятельности соблюдался.

Многое тут связано с тем, как протекает экономическая реформа. Думаю, есть причины более общего, я бы сказал, порядка, от которых зависит и сама реформа. Я об этом хотел сказать и посвятить вас в последние шаги, результаты встреч и принятые на этот счет на заседаниях Государственного совета СССР решения. Но, говоря об основной причине, я имею в виду распад нашей государственности.

Августовский путч сорвал подписание Союзного договора, который реакционеры не принимали, поскольку считали, что это развал Союза. И левые крайние радикалы тоже отвергали и критиковали Президента за то, что этот Договор сохраняет унитарное государство и старый Центр. Борьба эта завершилась известными результатами: Договор похоронен, и похоронено всё, что с ним связывалось. А мы планировали принять вслед за ним Конституцию, Закон о выборах и формировать новые органы уже на новой основе.

Вы помните, в каком состоянии мы с вами оказались после этого, когда собрались на внеочередной Съезд: по сути дела, у разбитого корыта. Такого я не переживал за всю свою жизнь, и не дай Бог всем нам еще раз пережить. Думаю, мы просто этого уже больше не переживем.

Так вот, с одной стороны (и мы это говорим), снесены реакционные силы, более того, порушены структуры. Не будем говорить как: умело, неумело — но порушены. Тем самым сняты очень серьезные препятствия, барьеры на пути к реформам, на пути продвижения всего процесса демократических преобразований. Это шанс, огромный шанс. Но, товарищи, то, что мы вынуждены были начинать заново весь процесс (это касается и экономического, и особенно политического договора), и то, что мы оказались в таком состоянии, привело к мощнейшей, просто опаснейшей дезинтеграции нашего государства. И она сопровождается распадом общества, его разрывом, распадом экономики, ее делением на замкнутые рынки. Она сопровождается разрывом хозяйственных связей.

А самое главное, нарушено взаимодействие властей и законодательных, и исполнительных. В этом государстве, в этой стране, в этой экономике, которая вся «повязана» и не может иначе восстановиться и возродиться, эти власти не действуют, не могут развер-

нуть и проводить процесс реформ. И получается, что шанс не используется, мы продолжаем «топтаться», потому что дезинтеграция привела нас в такое состояние.

В связи с этим хотел бы высказать свое глубокое убеждение (правда, не всегда теперь можно рассчитывать даже на то, что доведут мысль Президента до населения страны — сейчас у нас одна монополия прессы сменилась на другую монополию, и это тоже реальность). Это мы с вами должны видеть и в Верховном Совете, и везде — к чему мы движемся. Это всё надо видеть. Так вот, я убежден (и исходя из этого действовал в последнее время, даже тогда, когда мы на пятом Съезде обсуждали вопрос о политическом союзе и кто-то хотел упомянуть просто через запятую, я настаивал, и это так и записано как центральный, главный, первый пункт и как главная задача) — без возобновления процесса подготовки и подписания нового Союзного договора, без его заключения, без обновления Союза и без взаимодействия республик в рамках уже нового Союзного договора ничего не получится: все наши замыслы, все концепции обречены. Поэтому центральный вопрос — это судьба нашего государства. Это первое.

Второе. Я исхожу из того (давно пришел к этому, еще в «старом» Верховном Совете в дискуссии уловил эту мысль, долго ее изучал и разрабатывал, высказывал ее и тому Верховному Совету, и в последнее время) — мы должны реформирование этого государства проводить с учетом права народов на самоопределение, вплоть до отделения. Вплоть до отделения. Я подтверждаю свою позицию, стою на ней и сейчас. Но изучая наши реальности, страну, где идет этот процесс реформирования, я пришел к глубокому убеждению, что в силу человеческих, культурных, экономических, хозяйственных, научных связей, в силу сформировавшегося стратегического пространства и так далее нам нельзя идти по пути разделения.

Нам нужно идти по пути перераспределения полномочий, действительно реализовать самоопределение на путях глубокого реформирования союзного государства. Я эту позицию отстаивал последние полтора года и придерживаюсь ее и сейчас. И то, что происходит после августовских событий, этот, так сказать, «подарок» путчистов нам — эта колоссальная дезинтеграция — еще один, самый страшный аргумент (который лучше бы не иметь) в пользу того, что нам нужно реформировать государство, но сохранить его.

Должен сказать, что в рамках дискуссий с представителями республик (и не только республик, пресса этим просто «кишит»)

я столкнулся с концепциями, призывающими Россию «страхнуть с себя обузу и бремя» и пойти своим, самостоятельным путем, призывающими и Украину, и другие республики идти этим путем и так далее. Так что это не новость — то, что я тут говорил.

Хочу лишь сказать, что я убежден: если мы пойдем таким путем, что под Союзом Суверенных Государств будем понимать (и идти к тому) нечто бесформенное, непонятное, то я уверен — мы завяжем. Мы и так уже «по горло» во всей этой неэффективности, безжизненности, амебообразном состоянии. Страна просто гибнет от этого. И если мы таким образом будем думать о будущем Союзе Суверенных Государств, то нас ждет катастрофа, не меньше и не больше — катастрофа (произношу это слово не в полемике, не в дискуссионном плане, а в плане политического анализа). Поэтому я и на последнем заседании Государственного совета настаивал на том, что мы должны создать союзное государство. Оно должно быть, это союзное государство.

В результате тяжелой дискуссии мы пришли к тому, что в проекте Договора о Союзе Суверенных Государств, который согласован 14 ноября и разослан два дня назад руководителям республик для окончательного изучения и парафирования (которое мы имеем в виду на следующей неделе осуществить), есть запись, на которую мы вышли 14 ноября: каждая республика — участник Договора является суверенным государством. Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство, осуществляющее власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники Договора.

Мы вели речь о том, что это государство должно обладать всеми признаками, которые свойственны государству, но с учетом того, к чему нас привели перестройка и реформирование этого унитарного государства, которое мы называли «федерацией».

Участники дискуссии — члены Государственного совета — высказались за то, чтобы в этом государстве были решены вопросы гражданства, территории таким образом, чтобы гарантировалась нерушимость границ, что Союз Суверенных Государств должен иметь единые Вооруженные Силы с централизованным управлением. А цели, назначение и порядок их использования, а также компетенция государств — участников Договора в сфере обороны должны регулироваться соглашением, предусмотренным настоящим Договором.

Участники дискуссии высказались за то, чтобы Союз проводил согласованную внешнюю политику, высказались за сохранение эко-

номического пространства в рамках того Договора, который подписан и одобрен и который будет в ближайшее время представлен на ратификацию. Речь шла о том, что Центру должны быть переданы функции координации общих научно-технических программ, защиты прав человека и национальных меньшинств, координация общих экологических программ, ответственность в области энергетики, транспорта, связи, космоса, координация сотрудничества в области образования и культуры, борьбы с преступностью и так далее. Это то, на что рассчитывают члены Государственного совета. Думаю, что, поскольку дискуссия хотя была и тяжелой, и острой, но закончилась согласованием основных вопросов, это получит поддержку.

Мы договорились также (с учетом того, что речь идет о конфедеративном государстве), что государство должно иметь Президента, который бы избирался народом. Долго спорили относительно того, как должен избираться Президент. Была такая точка зрения, что он должен избираться Парламентской ассамблеей. Но эта точка зрения неприемлема. В конце концов мы пришли к тому, что Президент должен избираться гражданами, потому что все президенты республик избираются гражданами, получают от них власть и полномочия, а если Президент этого государства будет избираться Парламентской ассамблеей, то он скорее всего будет марионеткой в ее руках.

Поэтому уравновешивать систему этого сложного государства должен глава государства — Президент, который бы получал полномочия от народа, от самих граждан. Другое дело, какая форма, какой порядок выборов — то ли прямые выборы, то ли через выборщиков — это уже вопрос системы. Юристы могут поработать и предложить вариант решения.

Речь шла и о том, каким должен быть Верховный Совет. Причем сначала было предложение о том, чтобы Верховный Совет стал однопалатным — собственно Советом Республик. Тем не менее, думаю, мы вышли на правильное предложение о двухпалатном Верховном Совете, поскольку, если в Совете Республик дается возможность интегрировать республики на принципах равенства, то Совет Союза дает возможность учесть «вес» той или иной республики по численности населения.

Стоял вопрос: должно ли быть правительство или нет? После того, как были очерчены сферы возможных полномочий, которые будут отнесены к ведению Союза, было высказано мнение, что должно быть Правительство Союза.

Что касается Верховного Суда, то победило такое мнение: Верховный Суд должен осуществлять функции Конституционного суда и Межреспубликанского суда по защите прав и свобод граждан, рассматривать гражданские и уголовные дела межреспубликанского характера и являться высшей судебной инстанцией по отношению к военным судам.

Была точка зрения, что, может быть, ему следует поручить рассмотрение и арбитражных дел. Но, по-моему, и здесь вышли на правильное решение: Высший арбитражный суд в Союзе должен быть отдельным, поскольку хлопот у этого суда будет много в связи с вхождением в рыночную экономику.

Долго дискутировался вопрос о Прокуратуре Союза. Были мнения, что она не нужна. Но раз есть Союз, есть законность, есть граждане, есть необходимость защищать их права, то надзор за исполнением законодательных актов будет осуществляться Генеральным прокурором Союза и генеральными прокурорами или прокурорами государств — участников Договора. Генеральный прокурор должен назначаться Верховным Советом.

Долго дебатировался вопрос о том, каким образом подойти к процессу принятия и подписания этого Договора. Товарищи высказывались за такую процедуру: Договор должен поступить на рассмотрение высших органов власти государств, образующих Союз, там он должен быть обсужден, получить одобрение и вступить в силу после его подписания полномочными делегациями. Для подписавших его государств с той же даты считается утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года. Отношения Союза Суверенных Государств и государств, входивших в состав Союза Советских Социалистических Республик, но не подписавших настоящий Договор, подлежат урегулированию на основе взаимных обязательств и соглашений.

Участники обсуждения вот этого варианта проекта Союзного договора высказались за то, что республики, которые объединяются в политический союз и образуют экономическое пространство, должны пользоваться преимуществами, а отношения со всеми другими должны строиться на общепризнанных международных принципах.

Итак, ответственность, которую чувствуют все руководители республик и страны, помогла в этом самом главном вопросе продвигаться далеко. Не думаю, что так легко завершится этот процесс, но тем не менее убежден: если мы будем тянуть и дальше под всякими предложениями («чистоты формул», учета всех нюансов), то проиграем

самое главное. Тогда уже не работает и этот Договор — мы можем оказаться в такой ситуации.

Поэтому я лично придерживаюсь мнения, что политический договор должен быть заключен в ближайшее время. Сейчас он находится на рассмотрении глав государств Союза, затем предстоит парафирование, и в парафированном виде он будет направлен в Верховные Советы. Естественно, он будет направлен и в Верховный Совет СССР. Мне думается, его надо опубликовать для того, чтобы люди видели, на какой договор мы вышли в нынешней ситуации.

Люди проявляют большое беспокойство по этому центральному вопросу, даже забыв о той беде и о тех тяготах, которые они испытывают. Они понимают, что тяготы будут нарастать, и с ними не справиться, если не будет решен коренной вопрос.

Вся информация (согласно последним исследованиям в республиках, в отдельных регионах) об отношении к Союзному договору и сохранению союзного государства подтверждает, что сейчас за Союз высказывается больше людей, чем на референдуме, потому что сама жизнь подвела их к этой твердой позиции.

И в порядке краткой информации несколько вопросов. Экономический договор. Определенной частью республик он подписан, некоторые еще его подпишут. К пятнице будет готов пакет соглашений, которые необходимы для его ратификации. Думаю, на той неделе будет подготовлен пакет соглашений и договор будет направлен во все Верховные Советы республик для ратификации.

Сейчас у нас находятся представители «семерки» — я только что с ними встречался. Они приехали по вопросам, связанным с нашим сотрудничеством в рамках осуществления реформ в стране. Это как бы развитие той договоренности, которая состоялась в июле нынешнего года на лондонской встрече Президента страны с руководителями «семерки». Прошло уже несколько дискуссий, встреч. Сегодня речь идет в конкретном плане. Они вопрос ставят так, как мы, собственно, и рассчитывали и считали это целесообразным: мы ставим вопрос не вообще о сотрудничестве, не вообще о помощи, а о сотрудничестве, о взаимодействии и в определенной степени синхронизации наших шагов по реформе и действий стран «семерки» и ЕЭС. Именно в таком ключе и обсуждаются сейчас предложения, с которыми они приехали. Но с другой стороны, они от нас требуют определенной информации о том, какие шаги мы намечаем, в какой последовательности, насколько мы проявляем решительность в осуществлении реформ.

Вот сейчас (не буду предвосхищать) одна дискуссия, по-моему, завершилась более или менее успешно. Речь идет о том, что наконец республики твердо заявили о своей солидарной ответственности по долгам, ибо без решения этого вопроса представители «семерки» не считают необходимым и возможным не только продолжать дискуссию, но и реализовывать кредиты.

Два дня этот вопрос обсуждался. Ночью, по-моему, обсуждение завершилось в целом успешно. Активную роль сыграла позиция Российской Федерации, которая выступила за это, вплоть до того, что было заявлено: за те республики, которые отказываются подписать меморандум о солидарной ответственности, она берет ответственность на себя. Число желающих подписаться увеличилось немедленно. Это активная роль России, я ее приветствую. Она согласуется с намерениями решительно продвигать реформы.

Не берусь анализировать сейчас все решения, все шаги, оценивать их. Но я вправе констатировать то, что проявляется в эти дни. В общем-то мы стоим перед трудными решениями. Но если будем дальше уходить от принятия этих трудных решений, то ситуация станет еще более трудной. Мы должны это хорошо понимать.

Есть вопросы, по которым, может быть, стоит сказать всего несколько слов. О продовольственной ситуации. Я сейчас не буду брать на себя всю ответственность — это выходило бы за полномочия союзных органов, в том числе Президента страны. На протяжении последних лет, тем более сейчас, основная ответственность за продовольственное снабжение лежит на республиках. На последнем этапе работы над соглашением по продовольствию все республики высказались за то, чтобы раздел по межреспубликанским поставкам был изъят. Это должно стать составной частью двусторонних соглашений.

То есть проработка состоялась, выявлены потребности, определены взаимосвязи, были подготовлены предложения. Эти предложения были одобрены, приняты, но они ушли как составная часть в двусторонние соглашения. Остается то, что вы видели, прочитав эти соглашения.

Что касается союзной ответственности, то она состоит вот в чем. Все республики высказались за то, что в нынешней ситуации надо действовать солидарно, поручили МЭК вступать в переговоры, осуществлять сотрудничество с международными организациями и отдельными странами по решению вопросов, связанных с кредитами на продовольствие, уполномочили республики, Внешэкономбанк вести практическую работу в этом направлении.

Если касаться этой части, то сейчас можно говорить конкретно о том, что наиболее реальными с точки зрения поступления импортных продовольственных товаров являются кредиты США, Комиссии Европейских экономических сообществ, Германии, Франции, Италии, Канады. Использование этих кредитов позволит нам до конца года и в первом квартале закупить продовольственных товаров примерно на 5 миллиардов инвалютных рублей.

В сочетании с тем, что мы должны получить от своего собственного производства, это будет позволять поддерживать снабжение продовольствием на уровне 1991 года или близко к этому. Вот на это направлены усилия. В ближайшее время товарищи Силаев и Кулик обратятся для реализации этих договоренностей в ЕЭС, выедут во Францию.

Как вы обратили внимание, после беседы в Мадриде с Президентом Бушем, а затем после приезда сюда группы экспертов в Вашингтоне завершается работа по предоставлению кредита на 1,5 миллиарда рублей по сельхозпродукции, в основном по зерну, сое и так далее.

Что касается управления этим процессом, распределения, то это очень важный вопрос. Нам нужно об этом подумать. Если мы будем идти по пути реформ к стимулированию предпринимательства, развитию инициативы, решению всех вопросов, которые будут одновременно сопровождаться отпуском цен, то надо подумать, как нам более правильно распорядиться продовольственными ресурсами с тем, чтобы они не «провалились в дыру» и не были использованы спекулятивными элементами, — это те вопросы, которыми надо заняться основательно.

Что касается топлива, энергетики, мы, конечно, недополучаем этих ресурсов: за 10 месяцев недополучили угля 37 миллионов тонн, нефти и газового конденсата — почти 20 миллионов тонн, газа — 8 миллиардов тонн. Тем не менее у нас есть возможности при оперативной работе и поддержке наших базовых отраслей обеспечить более или менее нормальное снабжение народного хозяйства и населения топливом. Запасы угля у нас на 18 ноября в сравнении с прошлым годом составляют 29,8 миллиона тонн, расчет — 29,4. Запасы мазута: расчет — 5,8 миллиона тонн, факт — 6,5. В пределах расчета помогает и, конечно, «небесная канцелярия». Сегодня только 20 ноября, мы морозов пока не ощутили, и это нам помогло. Но, в общем-то, проблемы и здесь есть: во-первых, региональные проблемы; во-вторых, проблемы из другой области, например, по коксующимся углям и так далее.

Короче говоря, продовольствие и топливо — это то, чем надо заниматься, используя все методы, и экономические, и административные, и командные — какие угодно. Если не будет обеспечено устойчивое снабжение хотя бы на минимальном уровне продовольствием и энергией, трудно говорить о продолжении нашей работы на всех других направлениях.

В общем, сейчас время такое, что нам нужно искать решение. Идеальных решений за короткое время нам найти, я думаю, не удастся, но если есть база для принятия того или иного решения (это прежде всего касается политического союза и экономического договора), то нам надо их принимать и на республиканском уровне, и здесь, в рамках Верховного Совета, и на Госсовете, и в рамках Межреспубликанского экономического комитета.

Председательствующий. *Уважаемые депутаты, учитывая Регламент, на вопросы отводится 40 минут. Хотел бы только подчеркнуть такой момент: видимо, придется отдавать предпочтение выступлениям тех депутатов, которые уполномочены выступать от имени депу- таций республик.*

Нет возражений? (Шум в зале.) Мы работаем меньше часа, следовательно у нас в распоряжении еще целый час.

Цыкало Р.И. (член Совета Союза от РСФСР). *Михаил Сергеевич, что Вы понимаете под словами «принципы социальной справедливости? Этот термин записан в проекте Договора о Союзе Суверенных Государств. На какие социальные или профессиональные слои Вы намерены опираться в своей деятельности до прекращения Ваших полномочий?*

Если можно, я бы задал еще два вопроса. (Оживление в зале.)

Председательствующий. *Давайте будем работать в пределах Регла- мента.*

Горбачев. Думаю, эти вопросы находятся за пределами нашей сегодняшней темы. Тем не менее товарищам все время хочется выяс- нить, кто я такой. Где бы я ни оказался, вопросы одни и те же: «Вы еще коммунист? Вы уже не коммунист?» А потом, когда я отвечаю на подобные вопросы, опять чувствую неудовлетворенность ауди- тории. «Ну, что он все время клянется, рассказывает, кто он такой?»

На Ваш вопрос я отвечаю, но, повторяю, не по своей инициативе. Я увязываю принципы социальной справедливости с теми демокра- тическими преобразованиями, которые мы ведем. Не может быть принципов социальной справедливости без политической, эконо- мической свободы. Не может быть этих принципов без многообра- зия и признания форм собственности. Не может быть социальной

справедливости, наконец, без определенной позиции государства по поводу защиты тех слоев населения, которые нуждаются в этой защите. Это самый общий ответ.

Теперь отвечу на второй Ваш вопрос. Думаю, что каждый президент, даже если он представляет какое-то политическое течение и занимает этот пост в силу того, что победила какая-то партия или блок партий, тем не менее должен думать об обществе в целом, учитывать мнение всех слоев общества.

Если говорить о том, что нам нужно в первую очередь сделать, выскажу свое мнение: мы должны идти по пути стимулирования процессов реформирования отношений собственности. На этой основе, думаю, и рабочий класс обретет свою новую роль. Во всяком случае, через акционирование он станет распоряжаться собственностью. Это как раз то, чего мы хотим: люди должны иметь дело. Другой вопрос: в какой форме это произойдет? Мы будем стимулировать, думаю, приватизацию сферы торговли и услуг, средний и малый бизнес. Пусть активные люди, имеющие к этому склонность и готовые взяться за дело, создадут артель, например, и пусть действуют, проявляют инициативу.

Думаю, что нужно всячески поддержать сейчас наше крестьянство. Я бы сегодня сказал, что это наш самый серьезный просчет. Мы подходим к решению этой проблемы, но пока не нашли необходимых подходов к тому, чтобы сегодня заинтересовать, возбудить интерес к земле, к делу, к конечным результатам труда у каждого крестьянина. Поэтому я — за земельную реформу, за такую земельную реформу, в такой форме, какую признают крестьяне — те, кто работает на земле. Именно они будут определять социальный климат и результаты работы нашей экономики. Надо лишь дать им возможность развернуть свой интеллектуальный, личностный потенциал на основе реформирования собственности и создания новых стимулов.

Буду приветствовать и поддерживать новый слой предпринимателей. В связи с этим я пошел на то, чтобы создать Совет по предпринимательству при Президенте СССР. Потому что все нарождающееся, новое нуждается в поддержке и внимании. Но это не значит, что я не буду поддерживать крестьян, с которыми связан всю свою жизнь. Это не значит, что я рву с рабочим классом. Нет, я буду помогать каждому найти свое место в тех новых процессах, которые идут в новом обществе.

Кириллов В.И. (член Совета Союза от РСФСР). *Михаил Сергеевич, пути создания политического союза могут быть разные. Один*

путь — договорной, который Вы все время пытаетесь провести. А второй путь — конституционный. Если опираться на Закон СССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» и остатки Конституции СССР, которые не противоречат этому Закону, то можно этот новый политический союз создавать конституционным путем. Мне кажется, это более быстрый, чем договорной, путь. Договорной путь — это значит начинать с «чистого листа».

Горбачев. Считаю, что второй путь более эффективный, ибо сегодня решение любого вопроса может быть успешным лишь в том случае, если есть согласие республик. Если там нет согласия — ничего не получится, в этом я уже убедился. Всё свое время я посвящаю этому. Эта работа может быть не на виду, но сейчас она очень важна. Главное — объединить усилия республик. Мы с вами, наверное, потеряли уже время для того, чтобы реализовать, как Вы выразились, конституционный путь. Не будем искать сегодня виновных.

Губарев В.А. (председатель Комитета Совета Союза по бюджету и финансам). Наш Комитет хотел бы все-таки уточнить у Вас, товарищ Горбачев, или у товарища Силаева точную дату представления в Верховный Совет СССР чрезвычайного бюджета на ноябрь-декабрь 1991 года и ориентировочную дату представления бюджета на 1992 год.

Горбачев. На этот вопрос лучше ответит И.С. Силаев, который только что вернулся с совещания. Пусть он запомнит вопрос и ответит потом, чтобы сейчас нам не чередоваться на этой трибуне.

Медведев Н.П. (член Совета Республик от РСФСР). Уважаемый Михаил Сергеевич, уважаемые коллеги! Вы, наверное, понимаете, что все экономические и социальные реформы пойдут в правильном направлении лишь тогда, когда мы накормим народ. Сейчас народ обеспокоен только этим. Но из выступления, если я правильно Вас понял, Михаил Сергеевич, вытекает, что этой проблемой будут заниматься республики. А вот что нам больше всего мешает — это все-таки проблема конверсии и ее ускорения.

Не кажется ли Вам, что если второй проблемой будут заниматься союзные структуры, а первой — продовольственной — республики, то Ваш оптимизм будет просто необоснованным. К сожалению, в Верховном Совете Союза такого оптимизма нет.

Горбачев. Речь идет о том, чтобы соединить два процесса: реформирование нашего села, проведение земельной реформы, выход этого сектора на другую производительность и урожаи с процессом конверсии, так я понимаю? Так.

Знаете, в связи с перераспределением полномочий в республике переходит и основная масса оборонных предприятий — всё решается там. А вот программа конверсии должна быть общей.

Грибанов В.М. (член Совета Республик от Республики Беларусь). *Михаил Сергеевич, просил бы Вас прояснить одно противоречие, которое прозвучало в Вашем выступлении, и ответить в связи с этим на один вопрос. Вы сказали, что убеждены в двух моментах, в двух постулатах: в том, что республики должны быть полными субъектами права, в том числе иметь право на отделение, и одновременно Вы против разрыва связей, которые были и существуют до сих пор. В связи с этим, на мой взгляд, Вы находитесь в неразрешимом противоречии. Ведь те связи, которые Вы хотите сохранить, от прошлого. А республики как раз уходят от них, стремясь к независимости...*

Горбачев. Не вижу в этом противоречий.

Грибанов. В связи с этим короткий вопрос: не считаете ли Вы, что настала пора ликвидировать союзные надгосударственные структуры над республиками и усилить межгосударственные структуры? Я имею в виду необходимость ликвидировать институт президентства и саму должность Президента, упразднить Верховный Совет, институт народных депутатов СССР и сделать всё, чтобы власть перетекла в межгосударственные структуры, которые создадут сами республики, а не Вы вместе с Госсоветом?

Горбачев. Начну со второго вопроса, поскольку он мною продуман. Позиция моя известна, я ее только напому: не считаю. Сейчас уже есть межгосударственные структуры — они пробуют что-то сделать, стараются, и в меру сил им что-то удастся. Но это состояние, должен вам сказать, сопровождается огромной дезинтеграцией.

Мы должны действовать, исходя из наших реальностей, которые сформировались на этих пространствах за десять веков. Мы должны сделать выводы, если не заболели сепаратизмом, изоляционизмом, если еще способны к научному анализу. Прямо скажу, если игнорировать реальности, нормальной политики не может быть. А реальность диктует сохранение союзного государства как политического инструмента, механизма, обслуживающего эти реальности, особенно на этапе реформирования.

Каждый шаг к новому во взаимоотношениях между суверенными государствами дается очень тяжело. Если мы породим структуры, где вообще будут идти одни дискуссии, то застрянем на данном этапе и погибнем. Поэтому призываю всех вас быть моими сторонниками.

Более того, на Госсовете я говорил об этом и хочу, чтобы вы знали: если речь идет о том, что это союз, а не государство (а это дело республик, их выбор), я закончу свою деятельность. Но речь идет о союзном государстве — конфедеративном, с эффективными властными полномочиями в пределах полномочий, переданных республиками.

Посмотрите на круг этих полномочий. Речь, скажем, идет об обороне. Что такое наше стратегическое пространство, как его разделить или расколоть? Да от этой опасности содрогается весь мир!

Речь идет о согласованной внешней политике. Не будем же мы проводить двенадцать или восемь разных политик.

Нужно иметь в виду обеспокоенность во всем мире. Ведь наш Союз — огромная, мощная опора современного мира, он должен выполнять эту роль и впредь. На это рассчитывают и в Европе, и в США, не говоря уже об Азии, Африке.

Наконец, о том, что должно обслуживать экономическое пространство, чтобы свободно двигались товары, согласовывалась ценовая политика, общие подходы... Тоже нужны реальные механизмы.

Поразительно: там, на Западе, это уже давно поняли, буквально сражаются, оказывают давление на наши республики, чтобы они быстрее договаривались. На Западе даже ставят вопрос о продолжении сотрудничества, пока мы не разберемся здесь. А мы в этой стране не можем понять, как важно в общих интересах ее сохранить.

Думаю, надо преодолеть то, чем «заболели» многие наши политики, освободиться от этого, пока не поздно. Мы можем сделать очень многое.

Теперь относительно первого вопроса — не вижу никакого противоречия, ведь абсолютного суверенитета нет. Скажем так: живешь в обществе — признавай его правила, живешь в мировом сообществе — признавай его, подписал соглашение — признай приоритет международного права. Так что абсолютного суверенитета ни у кого нет, поскольку мы живем не на необитаемом острове.

В данном случае, когда мы говорим о построении нового Союза, все ограничения суверенитета, связанные с бюрократической централизацией, с подавлением суверенитета и самостоятельности республик, уходят. Республики, вступая в Союз добровольно, оставляют определенные функции за новым Союзом. Те функции, которые сочтут выгодными для себя.

То есть они опять-таки суверенно решают этот вопрос. Их суверенитет, их независимость остается как исходная база.

Кстати, сейчас Украина находится накануне проведения референдума по вопросу о независимости. В связи с этим многие интерпретируют: вот Украина проголосует за независимость — и всё, она вне Союза. И это нам подбрасывают, хотят использовать в своих целях.

Вообще-то только Россия и Казахстан остались у нас «зависимыми» — они еще не провозгласили независимость, хотя, наверное, сделают это, поскольку все остальные республики уже ее провозгласили. Но все они (точнее, многие) участвуют в строительстве нового Союза, вместе со мной в Ново-Огареве работали над проектом политического договора. Поэтому независимость — это большая степень свободы при добровольном решении вопроса: я буду участвовать в этом процессе, буду нести свой флаг и беру на себя такие-то обязанности, даю такие-то полномочия...

Поэтому я не рассматриваю, что вопрос референдума о независимости — это сразу «развод» со всеми республиками. Нам хотят такое подбросить, чтобы потом поспекулировать на этом. Словом, я рассматриваю независимость как базу для проявления суверенного права каждого государства, каждой республики.

...Мне сейчас ставят такие вопросы, которые следовало бы выносить на семинар или симпозиум. Впрочем, лимит времени тоже почти «съеден».

Черниченко Ю.Д. (член Совета Союза от РСФСР). *Уважаемый Михаил Сергеевич! Государство — это то, что чеканит свою валюту. СССР (или ССГ) будет чеканить свою монету или, судя по тому, что этот момент в Вашем выступлении был совершенно упущен, мы будем обходиться гривной, кроной, литом и так далее? Этим я хочу сказать, что надо признать факт смерти рубля, на котором написано «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И поэтому нельзя просить кредит в 300 миллиардов. Если его нет, то нет...*

Горбачев. Вопрос ясен, отвечаю. Ответ Вы найдете, если прочитаете Экономический договор. Там всё есть, будут еще детали, соглашения на этот счет. В частности, признается, что должна быть общая валюта. Скорее всего, в силу веса России это будет рубль. Это — «рублевая зона».

Вместе с тем в Экономическом соглашении не отрицается: если уж какая-то республика придет к тому, что она введет свою валюту, тогда должны быть решены на основе соглашений взаимоотношения между той валютой и рублем. Кстати, все зарубежные наши партнеры поражены. «Мы, — говорят, — в Европейском сообществе идем к единой валюте, к ЭКЮ, а вы, наоборот, начинаете разбе-

гаться. Вам надо заниматься финансовым оздоровлением, брать в руки финансовую ситуацию». Это не значит, что нужно отказываться от единой валюты, если мы признаем наш общий, единый рынок. Сегодня такой рубль, завтра рубль будет другой.

Мирзоев Р.З. (заместитель председателя Совета Республик от Республики Таджикистан). *Уважаемый Михаил Сергеевич! В статье 1 Закона СССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» четко записано: «В переходный период высшим представительным органом власти Союза ССР является Верховный Совет СССР, состоящий из двух самостоятельных палат». Скажите, пожалуйста, при решении государственных вопросов в Госсовете, экономическом совете наши председатели палат присутствовали?*

Второй вопрос. Я помню, что лично по Вашей инициативе был проведен референдум по вопросу о сохранении Союза ССР. Народ в большинстве высказался за Союз. Почему сейчас не выполняются итоги этого референдума?

Горбачев. Я говорил о том, что мы были накануне подписания Союзного договора, но все было опрокинуто августовскими событиями. Теперь мы возродили этот процесс, исходя и опираясь на волю, выраженную людьми на референдуме. Хотя многое изменилось, и теперь потребуется огромный труд для возрождения этого процесса и для того, чтобы выйти на то, что должно сохранить нам страну и государство.

Что касается участия представителей Верховного Совета в заседаниях Госсовета, то в данном случае, наверное, речь идет и о заседаниях МЭК. Думаю, приглашать можно, но юридически мы не предусмотрели этого положения. Вопрос обсуждался.

При решении вопроса о Совете Федерации учитывалось, что в Конституции СССР записано: в заседаниях Совета Федерации вправе участвовать высшие государственные должностные лица автономных республик, автономных областей и кругов. В данном случае мы думали о Госсовете, когда решали о том, как сформировать его, на каких принципах. Вы помните, что вопрос обсуждался в Верховном Совете прежнего состава и было решено ввести в состав наряду с руководителями и представителями республик крупных деятелей, политиков, представителей науки, интеллигенции, крестьянства, других слоев. Но всё это Верховный Совет отверг. И на Съезде этот вопрос опять всплыл, но был отклонен. Товарищи высказались, что на данном этапе Госсовет должен включать руководителей республик — так и решили. А как договорились, так и по-

ступаем. Но при обсуждении вопросов в Госсовете участвуют много товарищей. Думаю, и МЭК будет только приветствовать, когда будут присутствовать председатели тех или иных комитетов палат Верховного Совета при обсуждении крупных вопросов. Думаю, это вопрос практики палат.

Котенков А.А. (член Совета Республик от РСФСР). *Михаил Сергеевич, в своем докладе Вы упомянули о необходимости соблюдения принципа уравнивания систем исполнительной и законодательной властей. В связи с этим у меня вопрос: какова законная сила решения Государственного совета? Напомню, что в Законе «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» есть положение: «Государственный совет СССР определяет порядок своей деятельности. Решения Государственного совета СССР носят обязательный характер». Обязательны ли решения Госсовета для Верховного Совета?*

Отсюда вытекает и второй вопрос, вернее, продолжение первого: предусматривается проектом Союзного договора наличие Госсовета и какова будет его роль?

Горбачев. Начну со второго вопроса. В своем выступлении 14 ноября, предварившем обсуждение проекта Договора, я не поднимал вопрос о Госсовете сознательно. Товарищи высказались, что Госсовет должен быть. В проекте, который я разослал два дня назад, Госсовет есть. Но формула изменяется. Для переходного периода было четко записано, что гласные полномочия и решения Госсовета имеют обязательный характер на всей территории Союза. А там записано: для согласования наиболее важных вопросов внутренней и внешней политик. Наверное, если иметь в виду будущий реформированный Союз (а я верю, что он будет), то такое согласование, на таком уровне с участием такого ранга людей, наверное, целесообразно, полезно и оправдывает себя.

Что касается вопроса, имеют ли обязательный характер для Верховного Совета, для палат решения Госсовета. Думаю, что если Госсовет принимает решения по всем вопросам, которые возникают, Верховный Совет будет с уважением относиться и поддерживать деятельность Госсовета. (Шум в зале.) Понимаю, вы меня «подловили» на том, что юридически этот вопрос не урегулирован. И я должен это признать.

Пирмухамедов С. (член Совета Республик от Туркменистана). *Уважаемый Михаил Сергеевич! Такой вопрос: какой существует механизм распределения между республиками получаемых из-за рубежа кредитов? И вообще существует ли такой механизм сегодня?*

Горбачев. На сегодня, например, продовольственный кредит — главный по сути дела. Все вопросы рассматриваются МЭК с участием представителей правительств и с расписанием, распределением в реальных квотах по каждой республике. Кстати, наши партнеры хотят иметь дело с Центром, но обязательно с участием республик. Есть новые реальности, и мы их приветствуем.

Приезжала большая представительная группа экспертов по поручению Президента Дж. Буша. Все представители республик, отвечающие за аграрные дела, участвовали в работе и согласовали все вопросы. Без республик ничего не делается.

Пирмухамедов. *Есть просьба более четко организовать систему контроля за реализацией вот этого механизма.*

Корнеев В.Н. (член Совета Республик от Республики Беларусь). *Вначале я хочу обратить внимание председательствующего на то, что действительно у представителей республик должен быть приоритет задавать вопросы. Но сейчас я воспользуюсь своим правом.*

Уважаемый Михаил Сергеевич! Та абстрактная роль Верховного Совета, о которой Вы говорили, является для меня настолько непонятной, что я просил бы пояснить Ваше понимание роли Верховного Совета в настоящий момент.

Второе: не существует ли, на Ваш взгляд, противоречий в деятельности Государственного совета и Верховного Совета, вернее, Совета Республик в данном случае? Я процитирую одну фразу из Закона: «Совет Республик принимает решения об организации и порядке деятельности союзных республик...» И в то же время мы слышим, что Государственный совет определял — нужна ли нам прокуратура союзная или нет. Я считаю, что это серьезное противоречие, и в данном случае Государственный совет превышает свои полномочия.

Горбачев. Когда мы выйдем на более устойчивое представление о том, что мы должны иметь в Центре, то обязательно предложим Верховному Совету четкую систему. А сейчас часто решаем вопросы в связи с тем, что меняются, рушатся союзные структуры. Мы ведем практическую работу по перераспределению как раз этих полномочий и в связи с этим — по перераспределению структур. Госсовет ведет эту работу вместе с МЭК и с республиками, и не надо втягивать Верховный Совет в это дело. Когда мы придем к такому состоянию, что сможем предложить четкую систему, мы это сделаем.

Я не мыслю себе, чтобы что-то не прошло через Верховный Совет, не подверглось обсуждению. А сейчас дело даже дошло до того, что на одном заседании Госсовета мы вынуждены были снять с об-

суждения совершенно ясно сформулированные обращения со стороны тех или иных слоев нашего общества. В частности, на протяжении двух месяцев буквально атакуют Госсовет деятели культуры. Вы помните, что на Съезде мы проголосовали за создание министерства по культуре. Потом этот процесс опять вернулся на круги своя, и опять возник вопрос: а надо ли?

Точно так же обстоит дело с образованием. Я встречался два раза с представителями республик. Они мне прямо задают вопрос: неужели в Госсовете не понимают, что если разорвать «общеобразовательное» пространство, то это значит нанести удар по самым больным точкам? И это может очень болезненно сказаться на всей перспективе — и на перестройке, и на преобразованиях.

Экология. Товарищ Воронцов явился ко мне с рулонами карт и показал, что такое экология и как надо взаимодействовать в этой области для того, чтобы взять ситуацию в руки. Ведь среду обитания надо спасать. При этом приводил примеры, как сотрудничают в мире, в Европе. Мы рушим то, что только начало складываться, зарождаться.

Сначала это было отложено, потому что рассматривалось как попытка реанимировать союзные структуры. Потом это давление перешло на республиканский уровень. В результате мы договорились иметь Комитет по культуре, Комитет по образованию. А сейчас Б.Н. Ельцин вместе с товарищем Воронцовым внес предложение о соглашении по экологии, и нужен механизм реализации этой программы в области экологии. Наверное, этот процесс так и будет идти противоречиво. Куда от этого уйдешь? В этом и есть переходность момента.

Лебедев Ю.А. (член Совета Республик от РСФСР). *Уважаемый Михаил Сергеевич! Хотелось бы узнать, чем можно объяснить такую круглую цифру — 30 миллиардов? Это тема нашей сегодняшней встречи, несмотря на кажущуюся незначительность данной цифры по сравнению с нашим огромным внутренним долгом. Само время очень опасное. Мы подходим к той черте, когда рубль перестает работать вообще и после этого начинается подразверстка. Есть какая-нибудь стратегия сдерживания падения пока общей денежной массы?*

Горбачев. Вот этим как раз и заняты сегодня МЭК и все республики. Кстати, мы договорились что сегодня в рамках встречи глав правительств республик будут заслушаны предложения — доклад и сообщения — от правительства России с тем, чтобы начинать согласовывать наши совместные меры по ускорению движения к реформам на основе того, о чем уже заявила Россия. Тем более что там

не все однозначно воспринимается. Однако эта стратегия сейчас как раз и формируется.

Что касается нынешних решений относительно оставшихся месяцев четвертого квартала, то вопрос стоит о том, что получилось. Налог от продаж отменили, и мы не получили десятки миллиардов рублей. От рентных платежей, по-моему, недополучили значительно меньше. Не получили достаточно доходов от внешней экономической деятельности (я называл, сколько мы потеряли). Но о чем мы ведем речь, когда говорим, что надо что-то профинансировать? Об армии, МВД, науке, о ряде центральных программ — Чернобыль, Арал и так далее. Это всё программы, которые надо финансировать, чтобы продолжать их выполнять. Поэтому мы просим пойти на это, реально осознав ситуацию.

Лебедев. *Прошу прощения, но хотел бы уточнить: это случайное совпадение или отсутствие какого-либо расчета?*

Горбачев. Те, кто был в прежнем Верховном Совете, почувствовали беды с бюджетом уже к июню. Формируя Экономическое соглашение, расходы и источники их покрытия (то есть доходы бюджета), мы допустили, что в этот важный, строгий документ попало очень много таких решений, которые можно назвать иллюзиями. И это мы должны признать для того, чтобы освободиться от таких иллюзий при разработке бюджета на 1992 год. Надо четко определить расходы, максимально их сократив, и четко записать, как покрыть эти расходы, за счет каких источников. Так что Вы правильно ставите вопрос — это урок. Сейчас надо дожить до конца года, но необходимо извлечь урок.

Шуховцов А.И. (член Совета Республик от Казахской ССР). *Скажите, пожалуйста, Михаил Сергеевич, в чем конкретно Вы видите или хотели бы видеть роль нынешнего Верховного Совета? В ускорении подписания Договора о Союзе Суверенных Государств?*

Горбачев. Поддержать — Вы же здесь представляете всю страну.

Ишимов Б.Б. (член Совета Республик от Республики Кыргызстан). *Уважаемый Михаил Сергеевич! Депутация республики видит один из важнейших сдерживающих факторов распада нового государства — незыблемости границ между республиками. В связи с этим напрашивается вопрос: предусматриваются ли в Союзном договоре механизмы, правовые гарантии обеспечения незыблемости границ между республиками, механизмы регулирования межнациональных конфликтов, которые возникают на этой основе?*

И второе. Из средств массовой информации нам стало известно о том, что Вы посетите Республику Кыргызстан...

Горбачев. Откуда Вам это известно?

Ишимов. Из средств массовой информации.

Горбачев. Если Вы меня отпустите через 10 минут, то я улечу в Иркутск, а затем — в Кыргызстан.

Ишимов. В связи с этим разрешите пожелать Вам счастливого пути, а также решения всего пакета вопросов, с которым Вы едете к нам. (Оживление в зале.)

Горбачев. В статье 3 проекта Союзного договора, «Территория», говорится, что территория Союза состоит из территорий всех государств — участников Договора. Союз гарантирует нерушимость границ государств, которые в него входят. Участники обсуждения этого проекта посчитали ненужным больше что-либо записывать, потому что в других статьях предусматривается механизм разрешения тех или иных вопросов, которые возникают.

Вот Вы говорите, а кое-кто считает: когда мы говорим о территориальных вопросах, мы вроде бы хотим даже подтолкнуть людей к этому. А Вы должны знать, что я уже полтора года назад сказал: «Друзья! У нас нет внутригосударственных границ. У нас только административные границы внутри государства». Мы жили в одном государстве, собирались жить в одном государстве. Государственных границ нет. И это позволяло нам принимать решения, как в одном государстве, когда это диктовалось теми или иными соображениями.

В 1954 году приняли решение и передали Украине Крым. А еще раньше большевики передали Харьков для того, чтобы завоевать большинство: «подключили» туда Харьков, рабочие районы.

В другом случае Казахстан сформировался с учетом определенных решений.

Я, откровенно говоря, глубоко привержен тому, чтобы всё оставалось так, как есть. Но если мы начнем разбегаться и делиться, то, наблюдая процессы в Молдавии, Литве, а теперь — в Югославии, я думаю, если дело пойдет дальше и охватит все эти регионы, тогда мы «схлопочем» такую ситуацию...

Поэтому я за глубокое реформирование нашего государства, за глубокое перераспределение полномочий, чтобы самоопределение было реализовано по-настоящему. Я вижу, что избежать этих обострений, коллизий, столкновений, пограничных споров можно, оставаясь в Союзе. Тогда мы всё равно договоримся. А вот если всё это двинется дальше (я не хочу быть пророком), настанет очень тяжелое время.

Поэтому я не мыслю себе, что Союз будет без Украины. Кстати, в Киеве на референдуме 49 процентов проголосовало за Союз Советских Социалистических Республик, а за украинский вариант — 51 процент. Так вот, по последнему опросу, в Киеве 55 процентов опрошенных высказываются за сохранение Союза. И это везде ситуация выглядит вот так.

Председательствующий. *Уважаемые депутаты! Уже 37 минут Михаил Сергеевич отвечает на вопросы от микрофона. Теперь остались письменные вопросы.*

Горбачев. Вопрос: «Почему всегда говорят о предпринимателях, но ни слова о производителях?»

Считаю, что более правильно и точно говорить «производитель». Нужно давать экономическую свободу, создавать такие законодательные предпосылки и так реформировать собственность, чтобы задействовать мощные стимулы для всех производителей. По-моему, экономически это даже точнее.

Председательствующий. *Наверное, дадим слово женщине?*

Горбачев. Депутат Рахманова, задайте свой вопрос.

Рахманова М.Н. (народный депутат СССР). *Уважаемый Михаил Сергеевич! В соответствии с решениями первого Съезда народных депутатов СССР Кабинетом министров СССР при участии общественных организаций и научных учреждений был подготовлен проект документа. Он был согласован с правительствами союзных республик и одобрен ими. Этот проект назывался так: «Основы государственной политики улучшения положения женщин, семьи, охраны материнства и детства; программа действий на 1990-е годы». Считаете ли Вы возможным сегодня, в новых социально-экономических условиях, вернуться к этому документу, переработать его совместно с республиками, обсудить в Государственном совете и все-таки принять как какое-то межреспубликанское соглашение?*

Горбачев. В этом и в других конкретных случаях я как раз вижу, что потенциал Верховного Совета должен быть использован для разработки огромной массы документов, которые нам нужны в переходный период. В том числе я бы поддержал и это.

Вопросы от депутации: «Из доклада ясно, что Вы недооцениваете Верховный Совет. Здесь прежде всего делегации парламентов. Механизм согласования договоров и соглашений должен начинаться с Совета Республик, а не с Госсовета, иначе неизбежны разногласия в парламентах. Когда реально начнется сотрудничество с Советом Республик?»

Думаю, не стоит обострять этот вопрос: мы все еще ищем свою роль. В частности, в связи с таким вопросом, как новый Союзный договор. Я говорил вам о том, что мы представим этот Договор в Верховный Совет.

«Как Вы относитесь к тому, что не всегда решение Госсовета получает практическую реализацию, а порой предпринимаются действия противоречивого характера, как это было при ликвидации союзных структур?»

Отношусь так же, как и вы: этого не должно быть. И уж если мы приходим к согласию на Госсовете, то должны действовать в одном ключе.

Наверное, надо зачитать такой вопрос: «В ответах журнала “Штерн” Вы дважды упоминаете тысячелетие государства (я и сегодня упомянул, но только не государство, а нашу тысячелетнюю историю). К сожалению, в его истории были и захваты, а затем, как отметил В.И. Ленин, оно стало “тюрьмой народов”. В национальных республиках такие рассуждения воспринимаются негативно (то есть, полагаю, рассуждения того рода, как я веду). Это особенно важно сейчас, когда мы говорим о Союзе. Вы — инициатор нового мышления, и больше надо говорить о другом. История дала нам Вас... Ведь более ста лет назад под крепостью в Туркменистане устроили резню...»⁵¹

Сегодня все мы, кому поручено отвечать перед страной и перед миром за то, чтобы преобразования здесь завершились успехом (ибо в этом заинтересованы все — и мы, и наши соседи, и все мировое сообщество), имеем дело с реальностями, которые действительно сформировались за тысячу лет. Но говоря это, я отнюдь не хочу ни перечеркнуть, ни показать в каком-то розовом цвете нашу историю — всё тут было.

Может быть, впервые мы собираемся осуществить такой коренной поворот к новым формам жизни в рамках Конституции, в условиях демократического процесса, и то, как видите, всё время «срывается». Так давайте сейчас заниматься этим. Важно всё то, что было, всю нашу историю (а ведь это и процессы формирования, которые протекали так, как распорядилась история) изучить, понять, научиться чему-то — тут ничего другого не сделаешь.

Но вот я о чем хочу сказать: даже в самые смутные и трудные времена между народами нашими, именно на этом народном уровне, все-таки сохранились доброе отношение и уважительность.

Я, например, не могу сказать, что какой-то народ, проживающий на этих просторах, по своей природе, генетически что ли, не заслуживает уважения. Нет этого! А то, что подталкивали развитие различных ситуаций, часто злоупотребляли чаяниями народов, сталкивали их — так это было. Причем это было линией государственной политики по принципу «разделяй и властвуй», и не так просто от всего этого уйти.

Поэтому я не хочу ни обелять историю, ни преуменьшать значение того, что в ней свершилось. А самое главное, мы не можем игнорировать то, в каком обществе мы проводим преобразования. И никакая схема в голом виде для нас не приемлема.

Время свое я исчерпал, даже больше занял.

Председательствующий. *Давайте поблагодарим Михаила Сергеевича и примем его выступление к сведению. (Аплодисменты.)*

*Печатается по тексту стенограммы: Верховный Совет СССР.
Бюллетень № 2 совместного заседания Совета Республик
и Совета Союза 20 ноября 1991 года. М., 1991. С. 1–24.*

ПОЕЗДКА М.С. ГОРБАЧЕВА В ИРКУТСК И БИШКЕК

21–23 ноября 1991 года

Из беседы с журналистами в самолете⁵²

20–21 ноября 1991 года

Журналист. *Зачем Вы летите в Иркутск? Очередное явление народу?*

Горбачев. Ничего чрезвычайного в этой поездке нет. Мы начали реальные реформы — как экономические, так и политические. Но успех реформ — только в Союзе Суверенных Государств. Хочу спросить людей об этом и послушать. Понять.

Журналист. *Опять выступления?*

Горбачев. Да нет же. Я очень хотел бы, чтобы мне не пришлось много говорить. Я уже много сказал. Но хотелось бы, чтобы мы получили поддержку и доверие людей в деле строительства нового государства на основе Союзного договора. Люди понимают необходимость переустройства, но они не понимают, почему мы теряем время.

Журналист. *И сыты по горло ошибками.*

Горбачев. Да, есть ошибки, вызванные объективными причинами, и тут никуда не денешься, когда, например, мы идем неизведанным путем и никто в мире не знает, как этот путь пройти. Но мы делаем и, так сказать, субъективные ошибки. Во всем мире знают, что если решили переходить на новые цены, то сообщать об этом надо за сутки, не больше.

Журналист. *За несколько часов, Михаил Сергеевич.*

Горбачев. Да, во всяком случае, не раньше, чем накануне того дня. Весь мир это знает. И мы это знаем.

Журналист. *Со времен Рыжкова.*

Горбачев. Вот именно. Но опять повторяем величайшую ошибку, которая грозит сильно подпортить начатый процесс.

Рабочие госпредприятий уже сейчас говорят, что августовский путч покажется вам детской забавой, если мы выйдем на улицы. Надо дать возможность всем заняться делом.

Журналист. *Михаил Сергеевич, что же все-таки произошло на минувшей неделе в Ново-Огарево?*

Горбачев. Вы видели...

Журналист. *А что не видели?*

Горбачев. Мне скрывать нечего. Вторые роды в Ново-Огарево были мучительными. Теперь можно и кое-что приоткрыть. Два с половиной часа дебатировали: Союз или союзное государство? Моя позиция ясная: без союзного государства мы никакие реформы не проведем в жизнь. Союз суверенных государств без Союза как государства — это шаг к югославской трагедии...

Только союзное государство выведет нас из нынешнего болота и способно восстановить порядок на всем экономическом пространстве. Если не союзное государство — то я в дискуссии не участвую. Хотите, продолжайте ее. Но без меня. Но, покинув эту встречу, я выйду к обществу, к народу и скажу, почему я это делаю...

Я никого не шантажировал своей позицией. Нас всех избрали на эти должности, — сказал я всем, кто сидел со мной за одним столом в Ново-Огарево. — Меня избрали раньше вас. Значит, я первый и уйду. Но вы получите Союз, в котором невозможно будет провести реформы, если этот Союз не будет государством на международной арене.

Я много размышлял: перестройка — великое событие или катастрофа. И пришел к однозначному выводу: мы начали великое дело и должны довести его до конца. Совесть моя чиста.

Разговор был прерван телефонным звонком. Горбачев прошел к телефону.

Журналист. *Случилось что-нибудь, Михаил Сергеевич?*

Горбачев. Сейчас скажу... Звонил Вадим Викторович Бакатин. В Нагорном Карабахе разбился вертолет. Более 20 человек было

на борту: народные депутаты, члены правительства Азербайджана, представители МВД. Летели на переговоры по улаживанию конфликта.

Журналист. *Все погибли?..*

Горбачев. Видимо... Теперь, не исключено, кто-то попытается эту трагедию использовать в определенных целях⁵³.

Журналист. *А как это произошло?*

Горбачев. Бакатин говорит, что командир вертолета всё время был на связи. Последнее его сообщение: «Густой туман...» «Ничего не вижу в тумане...» Больше на связь не выходил.

Журналист. *Господи, какое несчастье...*

Горбачев. Надо, чтобы политические спекулянты не смогли использовать несчастье в своих целях...⁵⁴

*Печатается по тексту публикации
в газете «Рабочая трибуна», 22 ноября 1991 года.*

Встреча в аэропорту Иркутска⁵⁵

21 ноября 1991 года

М.С. Горбачев прилетел в Иркутск в два часа ночи по местному времени⁵⁶. У трапа Президента СССР встречали глава администрации Иркутской области Ю.А. Ножиков, председатель областного Совета народных депутатов В.В. Игнатенко, представитель Президента России И.И. Широбоков. Горбачева особо заинтересовал Широбоков.

Горбачев. Работал где?

Широбоков. Журналист. Из «Комсомолки». Потом Верховный Совет [РСФСР]...

Горбачев. Сам сибиряк?

Широбоков. Да.

Горбачев. Ну, кого я еще не видел?⁵⁷

«Восточно-Сибирская правда», 22 ноября 1991 года.

Посещение Иркутского авиационного завода⁵⁸

21 ноября 1991 года

Из разговоров в цеху

Рабочих прежде всего волновал завтрашний день предприятия. Они говорили Президенту о том, что из-за разрыва хозяйственных связей их производство лихорадит уже 5 или 6 лет и они сегодня не знают, чего и сколько будут изготавливать в январе и феврале будущего года, сколько будут зарабатывать. Им, рабочим, нужна ясность в том, что с ними, их семьями будет завтра, многие опасаются остаться без работы.

Горбачев. Самая большая проблема сегодня — наша экономика, но еще большая проблема то, что она перекошена в сторону оборонного сектора. Мы понастроили танков больше, чем весь мир, — 64 тысячи танков. Будто мы собираемся опять воевать. Я так смотрю на авиационную отрасль — она как раз та, которую можно развернуть в сторону гражданской продукции. Ведь и в стране у нас нехватает самолетов, и в мире мы можем сотрудничать с инофирмами, выйти серьезно на международный рынок. Поэтому часть заказа сохранится на цели обороны, какую-то часть разрешено реализовать на мировом рынке. И наконец, очень серьезно вам надо думать о гражданских самолетах.

У оборонного комплекса большой потенциал, в нем занято много самых квалифицированных специалистов, здесь лучшие инженеры и ученые, основные фонды тоже самые лучшие. Сейчас надо найти точные решения, чтобы помочь огромному коллективу, который сосредоточен в оборонном секторе.

«Известия», 19 ноября 1991 года.

Встреча в конференц-зале завода

Задаваемые участниками встречи вопросы в основном касались военно-промышленного комплекса: приказав начать конверсию, Горбачев оставил без средств тысячи трудовых коллективов, военных заводов, лишил их привилегий, которыми они пользовались. Говорили также о «сдаче позиций».

Горбачев. Да, специалисты высшей квалификации любого ранга концентрировались у нас на предприятиях ВПК. Под запугивание

вокруг того, что утратим мощь страны. Чем больше крепили, тем больше вкладывали. Чем больше вкладывали, тем все крепче военный спрут опутывал нашу экономику смертельными щупальцами, высасывая кровь из многодетных семей и инвалидов, из здравоохранения и строительства, из экономики города и села. А чем больше пожирал людского пота, тем становился агрессивнее. Укрепление оборонного могущества на определенном этапе стало превращаться в самоцель, обделяя не только «гражданские» отрасли, но и самих офицеров. Тысячи их семей оказались неприкаянными, устройство их быта и благополучия отодвигалось в сторону ради лишней ракеты или танка.

64 тысячи танков навыпускали. Это больше, чем все страны мира вместе взятые... А теперь не знаем, что с ними делать. И с танковыми заводами. Ведь чтобы перепрофилировать их, колоссальные средства потребуются...

На выпуск гражданской продукции вам надо переходить. Мы вам разрешили выходить на мировой рынок с двумя новейшими самолетами «Су-27» и «МиГ-29», так что зарабатывайте валюту и перепрофилируйте производство на гражданскую продукцию.

Вопрос. Михаил Сергеевич, интересно у Вас получается: всегда были в цене золотые руки рабочих, а теперь — дельцы, маклеры, перекупщики. Как же так?

Горбачев. Не согласен! По пути к вам мы заехали в новую школу, поговорил со старшеклассниками — почти половина из них пойдет в экономическую специализацию. И я рад — без таких специалистов рыночные отношения не построишь. Как и современного производства — без золотых рабочих рук. Но запомните все: перестройте себя, смените свое отношение к деловым людям — без них большая экономика не станет здоровой.

Вопрос. Вы Президент большой страны, скажите, как жить дальше? В государственных магазинах ничего нет, а в коммерческих — всё⁵⁹. Но женские сапоги по три тысячи рублей. Где я возьму такие деньги, чтобы обуть семью? И трех моих зарплат не хватит, чтобы купить.

Горбачев. Да, надо поощрять производителя, который выпускает продукцию на рынок ничуть не меньше, чем поощряет сам себя продавец этого товара.

«Рабочая Трибуна», 23 ноября 1991 года.

Спрашивали обо всем: «Почему страна в таком положении?», о международных отношениях и проблеме Крыма, о будущем Союза...

Горбачев. Дезинтеграция привела к тому, что мы парализованы. Дезинтегрированное государство разрушает все общество. Нам нужна надстройка в виде союзного государства, без этого экономические реформы захлебнутся.

«Известия», 21 ноября 1991 года.

Вопрос. Не за тем ли приехали к нам, Михаил Сергеевич, о чем намекал член-корреспондент Навел Бунич?

Горбачев. А о чем он намекал?

Голос. Будто Вы нагрянули к нам усмирять Иркутскую республику, объявившую несколько дней назад свою автономию?⁶⁰

Горбачев. Ну и усмирил? (Смех в зале.)

Голос. А что, разве мы объявляли автономию?

Реплика из зала. Бунич всё про всех знает. Коль сказал, значит, была. (Смех в зале.)

Последовала реплика из зала по поводу «Президента несуществующего государства».

Горбачев. Зря кто-то старается поддеть меня под ребро. У меня уже не осталось ребер, там одна броня⁶¹.

«Рабочая Трибуна», 23 ноября 1991 года.

О встрече с ветеранами войны и труда⁶²

21 ноября 1991 года

Беседа с Президентом страны носила деловой характер. Михаил Сергеевич внимательно слушал своих собеседников, разделял их боли и тревоги, отвечал на вопросы, которые ему задавали. Он согласился с тем, что нельзя ставить наше старшее поколение за черту бедности, лишать народ исторической памяти. С пониманием он отнесся и к тому, что наши ветераны делают всё, чтобы преодолеть сложившийся социальный и продовольственный кризис. Одобрил идею развития ветеранских подворий, которым необходимо предоставлять режим наибольшего благоприятствования.

Немало места на этой встрече было уделено и судьбе запрещенной ныне КПСС.

— Я разделяю тех, кто состоял в партийной номенклатуре и рвался к власти, сотрудничал с гэкачепистами, и вас, честных коммунистов, которых эта номенклатура поставила под удар, — сказал

Михаил Сергеевич. — Считаю, что коммунисты правильно делают, что объединяются в новые организации, наравне с другими партиями они могут вести политическую деятельность.

Михаил Сергеевич Горбачев заметил, что главное сейчас не допустить противостояния. И Президента, и ветеранов заботило будущее нашего Союза.

— За него я костями лягу, — заявил Президент.

И эта позиция главы государства была встречена с пониманием.

«Восточно-Сибирская правда», 23 ноября 1991 года.

О встрече с руководителями области, народными депутатами областного и городского Советов, руководителями крупных предприятий⁶³

21 ноября 1991 года

Короткими выступлениями встречу открыли глава администрации Иркутской области Ю.А. Ножиков и председатель областного Совета народных депутатов В.В. Игнатенко. Они говорили о трудностях и перспективах развития региона, рациональном использовании природных ресурсов. Игнатенко вновь поднял вопрос о статусе Иркутской области: нужно менять статус области, необходим статус субъекта федерации, который позволит из попрошайки превратиться в хозяина⁶⁴.

Затем дали слово директорам, хозяйственникам. Кое-кто из директоров, повернувшись к Горбачеву, так и говорил: прошу сказать, что нам делать, прошу выделить столько-то миллионов, прошу помочь по таким-то позициям.

В заключение выступил М.С. Горбачев. Он рассказал о наиболее важных задачах, которые необходимо решить в ответственный для страны период. Главное — быстрее и эффективнее проводить коренные социально-экономические преобразования, всемерно крепить Союз суверенных государств. Президент СССР ответил на многочисленные вопросы.

Горбачеву, судя по его выступлению, мнение Игнатенко известно. И разговор о новом статусе для Иркутской области получился непростым. С одной стороны, Горбачев согласен, что страна переживает государственно-правовой кризис и необходимо срочно урегулировать правовые вопросы между Россией и ее регионами. А с другой — называет всё это политическими играми. Каково его

мнение в действительности, понять трудно. Президент по-прежнему ратует за Союз, за сохранение некоторых союзных структур, за сильную союзную власть. И одновременно — за хозяйственную самостоятельность регионов. Он недвусмысленно сказал, что разделяет позицию регионов.

И под занавес всех встреч Горбачев заработал аплодисменты. Кто-то прислал ему ехидную записку: не преследует ли Ваш неожиданный вояж в Иркутск цель привлечь на свою сторону сибирских деловых людей для борьбы с руководителями суверенных республик?

— Нет, не преследует, — твердо ответил Горбачев. И не захотел больше распространяться на этот счет.

— Завтра еду на Байкал, — сказал он, прощаясь. — Ученые соберутся, экологи. Будем думать, как ему помочь...

*См.: «Правда», 22 ноября 1991 года;
«Рабочая Трибуна», 23 ноября 1991 года;
«Восточно-Сибирская правда», 23 ноября 1991 года.*

Из выступления на встрече с преподавателями и курсантами Иркутского высшего военного авиационного инженерного училища

22 ноября 1991 года

Нужно защитить армию от развала, раздергивания и нападков, помочь офицерскому корпусу.

Более того, надо энергичнее реформировать армию — из полупрофессиональной делать ее по-настоящему профессиональной. Для этого нужны деньги — профессиональная армия гораздо дороже стоит. По мере продвижения к рынку, по мере выздоровления экономики будем и армию переводить на профессиональные рельсы.

«Рабочая Трибуна», 26 ноября 1991 года.

Наше отношение к армии ни в коем случае не изменяется, что бы о ней ни говорили в средствах массовой информации, какая бы антиармейская пропаганда ни велась. А потому я прошу вас как надлежит выполнять свой воинский долг, осваивать новую технику, в совершенстве владеть своими специальностями.

Президент отметил, что армия сегодня очень ответственно относится к поставленным перед нею задачам. Она не пойдет против

своего народа, это доказали даже части специального назначения, когда их склоняли стать на сторону путчиков. М.С. Горбачев пожелал преподавателям и курсантам ИВВАИУ успехов в учебе, боевой и общеобразовательной подготовке.

«Восточно-Сибирская правда», 23 ноября 1991 года.

Посещение Листвянки⁶⁵

22 ноября 1991 года

Из разговора с директором Байкальского экологического музея Г.И. Галазием

Директор музея член-корреспондент АН СССР Г.И. Галазий рассказал о музее и проблемах Байкала. Горбачев интересовался экологической обстановкой вокруг озера.

Галазий. Все постановления по охране бассейна озера не выполнены. Между тем лесохимики БЦБК хвалятся: наши стоки — самые чистые в мире.

Горбачев. Тогда пусть их обратно берут целлюлозники, а не сливают в водоем, черпая затем оттуда вновь свежую воду.

Галазий. Что Вы, стоки требуется разбавить в десять тысяч раз, дабы они стали безвредными для здешних эндемичных организмов. Главная ценность Байкала — его чистая пока вода.

Горбачев. Под давлением общественного мнения, прессы, принято последнее постановление об охране бассейна озера. И тогда же, с 1987 года, ослабло внимание к экологии. Необходим закон об охране природы, о Байкале.

«Правда», 23 ноября 1991 года.

Голос. Нужен закон о Байкале, как Охранная Грамота Державы, а не как многочисленные постановления бывших ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которые так и остались на бумаге в главном.

Горбачев. Да, нужен. Согласен, что этим законом надо дать особые полномочия иркутским властям, а то до Бога высоко, до Москвы далеко, а здоровье уникального озера оказалось «в целом» удовлетворительным, а по частям — с признаками гангрены.

«Рабочая Трибуна», 26 ноября 1991 года.

*Из разговора за «круглым столом» с учеными
и деятелями культуры⁶⁶*

Мнение ученых. Ликвидация, растаскивание по национальным сусекам АН СССР негативно отразится на судьбе науки. Не только науки как таковой, но и всего научно-технического прогресса.

Горбачев. Считаю, что и наука, и культура в нашей стране должны действовать в едином научном и культурном пространстве. Без взаимного проникновения и обогащения процесс застынет, а он должен быть динамичным. Мы нужны друг другу.

«Рабочая Трибуна», 26 ноября 1991 года.

*Из разговора с членом-корреспондентом
АН СССР В. Хабиевым*

Хабиев. Я только что из Германии. Экономике рыночной у них учился. Знаете, чего они боятся, Михаил Сергеевич? Что наш Союз развалится.

Горбачев. Знаю. Они и мне это говорят.

Хабиев. Они хотят, готовы иметь дело с Союзом. И чтоб была одна валюта...

Горбачев. Их понять можно.

Хабиев. И откровенно боятся, что у нас начнет расплзаться ядерное оружие. Этого и я боюсь, Михаил Сергеевич, этого нельзя допустить.

Горбачев. Я рад, что так же мыслю, как и Вы. Но, узнав там, что такое рынок, Вы не испугались?

Хабиев. Нет. Но и Вы, Михаил Сергеевич, не должны бояться полной независимости банков, финансов, экономики от политиков и политики.

Горбачев. Согласен, хоть полной независимости быть не может.

Хабиев. А для этого нужна более жесткая система контроля в Союзе, если хотите, более жесткая власть, чтобы можно было реализовать задуманное.

Горбачев. А как же полная независимость экономики от политики?

Хабиев. А знаете, как немцы говорят? Они до сих пор признательны оккупационным властям. Говорят, что благодаря жесткому контролю этих властей за восстановлением экономики Германии сегодня они имеют то, что имеют.

«Рабочая Трибуна», 26 ноября 1991 года.

*Пресс-конференция*⁶⁷

Корреспондент Центрального телевидения высказал мнение, что политическая жизнь в Иркутской области отстаёт от политической жизни в Москве.

Горбачев. Нет, у меня иное мнение. Я доволен контактом, который у меня состоялся с иркутянами. Я бы сказал, дай бог, чтобы такое понимание было у нынешних руководителей наших регионов, такое ощущение этого времени. Я вижу, люди настроены на дело. Крепко настроены. Жестко вели разговор все, но проявляли выдержку, терпение. Мне кажется, что здесь люди не уходят от бремени ответственности. Они ищут свою роль. Люди готовы внести свой вклад, но они могут сделать это тогда, когда будут не просто пешками в системе, а реально действующими лицами с правами и ответственностью.

Некоторые средства массовой информации высказывали предположения, что Горбачев направил свой самолет в Иркутск потому, что там зародились какие-то чуть ли не сепаратистские движения внутри России.

Горбачев. Это поверхностное суждение... Мы сможем и в Союзе, и в России в первую очередь опираться на руководителей и демократические силы, которые здесь показали себя неплохо.

Корреспондент Иркутской альтернативной студии телевидения задал вопрос, касающийся путча и контроля обстановки со стороны Президента.

Горбачев. Попытка переворота была вызвана тем, что перестройка перешла из стадии концепций и лозунгов к реальным шагам по ее осуществлению. Я думаю, что мы проходим самую острую фазу кризиса, когда мы вышли из старых форм и в политическом процессе, и в экономике, и в многонациональном государстве, и сейчас идет процесс формирования новых форм жизни на всех направлениях. Это, конечно, ощущение, что под ногами ходит земля, а кое-где крыша сдвигается. Поэтому неуютно мы себя чувствуем. Но это действительно нужно пройти, чтобы прийти к новому качеству жизни общества.

Свободный журналист В. Максимов высказал мнение, что терпения у народа почти не осталось.

Горбачев. Согласен с этим суждением... Если мы сейчас, в ближайшие месяцы, не сделаем реальные, крупные шаги по реформи-

рованию прежде всего экономики (а для этого нужно решать и многие государственно-правовые вопросы), то это может обернуться потерей доверия и самыми крутыми требованиями общества к правительству — союзному и республиканскому — вплоть до смены его. Мы подошли к этапу, когда надо действовать.

Вопрос «Восточно-Сибирской правды» о первых шагах, первоочередных мерах, которые необходимо предпринять для защиты Байкала и всей природной среды региона.

Горбачев. Я приветствую меры, принимаемые руководством области, но для успешного решения проблем, по моему мнению, в первую очередь, до того, как будет осуществлена реконструкция предприятий и внедрены новые технологии (на это потребуется время и ресурсы), представительные и исполнительные органы местной власти должны получить больше прав для контроля за деятельностью всех природопользователей.

Вопрос о том, нашла ли в Иркутске поддержку концепция обновленного Союза?

Горбачев. Да. Все беседы с иркутянами так или иначе выходили на этот вопрос... Все пекутся о Союзе, о России, чтобы сохранить, обновляя, Союз, сохранить нашу огромную республику.

Иркутяне сильнее, наверное, нас чувствуют. Мы размышляем, а они просто чувствуют через жизнь. Это во-первых. А во-вторых, я очень удовлетворен позицией руководителей, которые правильно ставят вопрос о придании новых полномочий территориям в рамках нашей линии на самоуправление (а без этого нет народовластия) и вместе с тем четко заявили свою позицию, что это не только не должно ослаблять и разрушать Россию, а наоборот, это только укрепит Россию и сделает более эффективным функционирование властей на всех иерархиях власти. Поэтому я почувствовал, что здесь — мои сторонники.

«Восточно-Сибирская правда», 26 ноября 1991 года.

Вопрос о распаде СССР.

Горбачев. Кто сказал, что Союз распался? Демагогия! Население страны — за сохранение Союза. Только вместе мы можем выжить. Нужно преодолеть государственно-правовой кризис, а то действительно иногда земля под ногами ходит и крыша нашего общего дома шатается. Пора кончать и с милитаризацией экономики. Мы

произвели 64 тысячи танков — больше всего остального мира. А теперь не знаем, что делать с ними и с такими заводами.

Вопрос о запрете КПСС.

Горбачев. Подобное решение может принять лишь суд. Если демократы против плюрализма, тогда они ничего не стоят, просто нас обманывают.

Горбачев подтвердил свою приверженность социалистическому выбору.

Вопросы о приватизации.

Горбачев. Проводить ее надо разумно. Ведь в иных западных странах более половины промышленности относится к государственному сектору.

Горбачев поддержал инициативу иркутян, ратующих за признание крупных краев, областей территориально-государственными образованиями, субъектами федерации.

«Известия», 23 ноября 1991 года.

Отвечая на другие вопросы, Президент несколько раз подчеркивал, что, отправляясь в Иркутск, он не ждал легких разговоров, хотя и не сомневался, что оценки ситуации по принципиальным вопросам совпадут. Завершая пресс-конференцию, он, в частности, сказал:

«Для меня очень было приятно убедиться, что при всей жесткости постановки вопросов, требовательности я встретил здесь все-таки душевное отношение. Я очень доволен и благодарен иркутянам за их выдержку, за их душевную открытость, понимание времени и трудностей»⁶⁸.

«Восточно-Сибирская правда», 26 ноября 1991 года.

Прибытие в Бишкек⁶⁹

22 ноября 1991 года

Встреча в аэропорту «Манас»

Самолет Президента приземлился в шестом часу вечера. М.С. Горбачева приветствовали руководители Республики Кыргызстан — Президент

А.А. Акаев, Председатель Верховного Совета М.Ш. Шеримкулов, Премьер-министр Н.И. Исанов, вице-президент Г.С. Кузнецов, другие официальные лица. Девушки в национальных костюмах преподнесли Президенту СССР традиционные хлеб-соль, букеты цветов. М.С. Горбачев дал короткое интервью корреспонденту Кыргызского телевидения⁷⁰.

После короткого церемониала встречи кортеж машин направился в отведенную для пребывания Президента СССР резиденцию. Уже через 40 минут, наскоро передохнув после перелета, Президент СССР встретился с большой группой ученых и общественных деятелей республики.

О встрече с представителями научной и творческой интеллигенции⁷¹

22 ноября 1991 года

У входа в академическое здание Горбачев успел перекинуться несколькими фразами с горожанами. По всему чувствовалось, что у него действительно хорошее настроение.

Президент рассчитывал услышать много интересного в этот вечер: ведь в зале собрался интеллектуальный цвет республики. Наверное, кое-что Горбачев пометил в своем блокноте, но некоторые высказывания ему никак не могли понравиться. Президент довольно успешно полемизировал с теми, кто считает, что все наши сегодняшние беды берут начало с перестройки, что, не будь такого резкого поворота, глядишь, и шло бы развитие страны прежним курсом, в эволюционном ключе, на основе незыблемых принципов социализма.

Горбачев считает, что так могут рассуждать только люди, которые не привыкли заглядывать в суть вещей и выражают настроения простого человека с улицы. Тот прямо упрекает сегодняшних лидеров: во время застоя магазины были полны товарами, а нынче их нет, кто же виноват? Ответ яснее ясного — Горбачев и его соратники, затеявшие перестройку. Между тем, напомнил Президент своим оппонентам, необходимость глубоких преобразований ощущалась обществом давно. Их, по существу, начал Хрущев. Но как только дошел до мысли реформировать политические структуры, в том числе и партию, — его просто-напросто убрали. Косыгин тоже понимал, что экономика страны не развивается как следует, и нужно смелее давать самостоятельность предприятиям, на деле внедрять хозрасчетные отношения. Однако верх взяла линия на укрепление административной системы в экономике — и реформы были загублены на корню.

В то же время мир переходил на новые рельсы, повсюду шли процессы, диктуемые экономическими законами, научно-технической революцией. Наше отставание от передовых стран увеличивалось с каждым годом, хотя внешне этого не ощущалось: страна буквально купалась в избытке трудовых ресурсов и нефтедолларов. Однако такая ситуация, выгодная для нас, не могла быть вечной — и расплата за промахи пришла позднее.

Вот почему никак нельзя связывать сегодняшнюю тяжелую ситуацию с перестройкой. Можно сказать: перестройка назрела давно, мы просто поздно взялись за нее.

Если бы корни нынешних неудач уходили только в начавшуюся по инициативе Горбачева перестройку, надо было бы вернуться к 1985 году. Между прочим, некоторые и хотели этого. Но вот народ не захотел, общество не согласилось. Август показал, что назад дороги нет. В то же время следует действовать решительнее. Но не жать, ничего из этой силовой политики не получится, заметил Президент. Надо быстрее дать настоящую свободу людям — экономическую, политическую, духовную, интеллектуальную, повести общество к новым формам жизни.

Президент поддержал мысль, высказанную одним из участников встречи, — нужно подготовить общественное мнение к сложностям переходного периода. Несколько месяцев будет тяжело, но надо все пережить, не растерять присутствия духа, не разойтись, не перессориться друг с другом.

Мы должны быть вместе — эта мысль проходила красной нитью и в последующих беседах Президента СССР.

«Слово Кыргызстана», 26 ноября 1991 года.

О посещении Бишкекского завода сельскохозяйственного машиностроения имени М.В. Фрунзе⁷²

23 ноября 1991 года

На проходной завода была организована небольшая выставка товаров народного потребления: сантехническое оборудование, стиральная машина-малютка «Ак-Суу», комбинированная вешалка для прихожей, отопительные котлы «Уют» и другие. Выставку Горбачев не осмотрел, зато тут же, на проходной, состоялся разговор с заводскими женщинами.

Обступив Президента, работницы в грубых робах извинялись перед гостем за страшные условия, в которых им приходится работать (цеха построены еще в 30-е годы), говорили о тяготах жизни. Разговаривали они с Горбачевым без обиняков, резали правду-матку, ничего не приукрашивая. Женщины жаловались, что не могут нигде достать хозяйственного мыла, что нельзя организовать в выходной элементарную постирушку. Зашел разговор и о других промтоварах. Горбачев поинтересовался их наличием в комиссионных магазинах и был доволен, получив удовлетворительный ответ. Однако собеседницы посетовали на совершенно недоступные для трудового человека цены в этих магазинах. Горбачев слушал и хмурился, отвечал, что всем сейчас нелегко, что мы вступили в самый трудный период перестройки⁷³.

Президенту показали машины, выпускаемые на заводе. Горбачев пообещал рассмотреть проблемы, волнующие сельмашевцев. Сейчас, когда ликвидируются многие союзные структуры, когда поставщики из разных регионов не очень-то заботятся о смежниках, завод, имеющий не местное, а поистине общесоюзное значение, оказался в тяжелом положении. Но если мы всерьез думаем о подъеме сельского хозяйства, животноводства в том числе, без внимательного и доброго отношения к нашему «Сельмашу» не обойтись.

Директор завода В. Посный рассказал Президенту, что из-за нехватки металла и комплектующих деталей потребность села в тьюковых пресс-подборщиках удовлетворяется на 40 процентов, а по рулонным — всего на 25. Союзное министерство ликвидировано, а у республики нет денег, чтобы продолжать столь необходимую реконструкцию. Где же выход?

Горбачев обещал помочь — прежде всего в продолжении реконструкции предприятия.⁷⁴

*См. публикации в газетах:
«Слово Кыргызстана», 26 ноября 1991 года;
«Правда», 25 ноября 1991 года;
«Сельская жизнь» 26 ноября 1991 года.*

Посещение Кантской машиноиспытательной станции⁷⁵

23 ноября 1991 года

Из разговора с доярками

Горбачев. Поближе, женщины. Расскажите, как живете, работаете.

Работница. Ничего, работаем не хуже, чем вчера, и даже лучше. А почему жизнь становится все хуже и хуже? В магазинах ни продуктов, ни одежды, ни обуви, ничего нету. Куда же всё подевалось?⁷⁶

Горбачев. А хозяйство заботится о вас?

Работница. Да, заботится. Но где же оно-то возьмет? Всю продукцию госзаказ съедает. Что ж менять по бартеру?

Из разговора со специалистами и руководителями хозяйства

Горбачев. У нас в стране колхозы и совхозы с момента их создания и по сей день ни разу еще не работали как кооперированные самостоятельные хозяйства.

А может, и надо им дать такую возможность, раскрепостить их полностью, освободить их в действиях, вот тогда и решать окончательно, смогут ли они накормить страну.

«Сельская жизнь», 26 ноября 1991 года.

Посещение Кеминского района⁷⁷

23 ноября 1991 года

Разговор с чабаном во время незапланированной остановки⁷⁸

Горбачев. Чабан?

Чабан. Да.

Горбачев. Хорошие овцы. Свои? Колхозные?

Чабан. Эти — свои.

Горбачев. Сколько всего своих?

Чабан. Восемьдесят.

Горбачев. А в отаре?

Чабан. *Несколько сот.*

Горбачев. Всю отару смог бы взять?

Чабан. *А чего, смогу.*

Горбачев. *(Обращаясь к руководителям Кыргызстана, сопровождавшим его.)* Вот, надо помогать людям на селе определяться с собственностью.

(Снова обращаясь к чабану.) А это все — ваша семья?

Чабан. *Нет, мы из Казахстана приехали, соседи.*

Горбачев. Ничего себе соседи! *(Смеется.)* Из-за границы суверенного государства. Это же далеко. А говорите — соседи.

Чабан. Почему далеко? Зачем из-за границы? Вон за водой они живут.

(Вдоль шоссе струится каменистая речка, «вода», за ней, этой границей, другое государство, по-нынешнему. Михаила Сергеевича эта ситуация веселит.)

Горбачев. А если бы была настоящая граница, как бы...

Чабан. Зачем граница, что ты говоришь?!

(Нетерпеливо и непочтительно возмущаются корректные до сей минуты чабаны, и, чтобы успокоить их, Президент переводит разговор на другую тему.)

Горбачев. Сколько получаете за шерсть?

Чабан. 45 рублей за кило.

Горбачев. Так... *(Оживляясь.)* Давайте считать: на костюме идет 250 граммов мытой шерсти. Значит, из килограмма ткани получится на четыре костюма. Каждый ныне — по тысяче рублей. Легкой промышленности килограмм вашей шерсти принесет 4 тысячи рублей.

Чабан. А мы за него получаем сорок пять.

Горбачев. Вот такое перераспределение в пользу легкой промышленности идет. *(Обращаясь к руководителям республики.)* Как же так?

Чабан. А в прошлом году мы по 9 рублей чабану платили...

Горбачев. То-то и оно... Давайте быстрее людям самостоятельность, а рынок все по местам расставит.

«Рабочая Трибуна», 26 ноября 1991 года.

О посещении фермерского хозяйства «Кызыл-Суу»

В фермерском хозяйстве «Кызыл-Суу» не в теории, а на практике новая система хозяйственных отношений на земле показала свое

полное преимущество перед старой — колхозно-совхозной. Причем фермеры сами рассказали Президенту о том, чего они сумели добиться всего за один год. Эсенгул Исаков, гордый и свободный человек, настоящий хозяин, не скрывал от Президента трудности, с которыми столкнулись первопроходцы на кеминской ниве. Но раньше нас кормили лозунгами, говорил Эсенгул, сладкими сказками о счастливом будущем, а теперь нас не надо уговаривать, мы сами работаем на себя.

Трудятся здорово — и 16, а если надо, и 24 часа. Защитники колхозной системы как раз этим и пугали крестьян: придется вкалывать от зари до зари. А они, наверное, отвыкли от настоящей работы на себя. У Эсенгула сын, ученик 4-го класса, но этим летом он работал в фермерском хозяйстве на тракторе. Возможно, технические инспектора, доки по части законодательства о труде подростков, возмутятся, а вот Михаил Сергеевич одобрил, даже по-человечески поинтересовался (наверное, вспомнив свои школьные годы), а что купили в подарок мальчишке? Оказалось, часы. Совсем неплохо.

Эсенгул начал строить 2-этажный дом. Стоит он 120 тысяч, пришлось взять ссуду в банке с рассрочкой на 50 лет. Но фермер рассчитывает погасить долг раньше — лет за семь.

За этот год в «Кызыл-Суу» получен отменный урожай картофеля, такого прежде ни в одном хозяйстве не было. И не потому, что год очень удачный. Изменились отношения собственности. Раньше нас одним словом «частник» пугали, говорят фермеры, теперь никто не заставит нас возвращаться к прошлому.

Президент в беседах со специалистами, дав высокую оценку достижениям фермеров, одновременно призвал продуманно вести политику в отношении хозяйств на селе — ведь наши колхозы по существу еще и не действовали как настоящие кооперативы. А надо попробовать, резервов здесь тоже немало.

«Слово Кыргызстана», 26 ноября 1991 года.

Встреча с общественностью Кыргызстана⁷⁹

23 ноября 1991 года

Акаев. В Горбачеве воплотилось всё: боль прошлого, успехи и разочарования настоящего, отблески завтрашнего дня.

Сейчас многие именно с именем Михаила Сергеевича Горбачева связывают нынешние неудачи, пытаются представить его как главного

виновника охватившего страну кризиса. Но ничего общего с подлинным положением вещей такие утверждения не имеют. В самом деле, а где же были тогда партийные и государственные структуры, мы с вами? Кто освободил всех нас от этой ответственности? За всё, что было и что есть, нам надо судить и самих себя — судом покаянного самосознания.

Я далек от мысли говорить комплименты, но вместе с тем мой долг сказать о том, что если сохранить нормальную историческую память, то надо признать, что именно Президенту М.С. Горбачеву мы все обязаны политическим прозрением. Это его заслуга, что заметно потеплел международный политический климат и мир избавился от постоянно висящей над ним угрозы термоядерной войны. Президенту М.С. Горбачеву мы обязаны тем, что рухнул под грузом изжившей себя системы бывший имперский Центр и республики получили свободу.

Теперь уже мы сами должны распоряжаться полученной свободой и делать это в соответствии с нашей совестью и понятиями о благе народа.

Республика готова парафировать Договор о Союзе Суверенных Государств, тем более что в проекте Договора нашла поддержку та идея конфедеративного государства, которую выдвигали представители Кыргызстана.

Горбачев. При встречах с людьми, где бы они ни были — на рынке, заводе, в селе — я находил подтверждение главной мысли, которая присутствовала во всех разговорах сегодня: на самом ответственном этапе перемен республикам нельзя разойтись по сторонам.

Мне это очень важно. Я убежденный сторонник Союза. Иначе будет сорван весь проводимый с начала перестройки курс, произойдет обвал.

Можно ли республикам действовать самостоятельно? Вряд ли. Об этом надо сказать со всей откровенностью. Я сторонник преобразований, но хочу предупредить, пока не поздно и чтобы никто не смог потом сказать, что не слышал: здесь у вас в республике стабильная обстановка, но вокруг гремят раскаты! И поэтому необходимо взаимопонимание и нужен Договор о Союзе. Иначе — разброд, беда.

Я против проявлений национализма. Если суверенитет республик порождает такое, то многие люди задаются резонным вопросом: разве это завоевание перестройки? Есть высший суверенитет — человека, живущего на этой земле. И плохо, когда людям заявляют: «Вы не наши, можете уезжать», когда появляются беженцы — сотни, тысячи. Любой человек должен иметь право на мирную жизнь. Это — главное, а все остальное — потом.

Меня часто спрашивают: когда дела начнут улучшаться? Терпение народа на пределе. Отсюда вывод: мы не можем больше медлить, надо двигаться вперед...

Народ уже не допустит возврата к прошлому. Если же мы дрогнем (а груз проблем давит!), то это будет ошибкой, которая выбьет страну из исторического поступательного процесса.

Первый этап перестройки — разрушительный — завершен, его задачи исчерпаны. Это особенно важно уяснить тем силам, которые сегодня пришли к власти, умело используя популистские лозунги. Теперь они должны доказать свое умение решать практические дела. Между прочим, я к этим силам отношу и себя. Но есть опасность: народ устал, и если не оправдать его надежд, он может пойти за людьми, имеющими далеко идущие амбициозные цели.

Чтобы избежать подобного поворота событий, необходимо энергично приступить ко второму этапу перестройки — созидательному. Тут встают вопросы: куда идти? что делать? В основном я разделяю программу, еще раз высказанную сегодня Президентом Кыргызстана А. Акаевым. При этом следует большое внимание уделить проблеме утверждения человека как подлинного хозяина производства: создать для государственных предприятий режим деятельности, схожий с кооперативами. Необходимо также осуществить реформу отношений собственности. В качестве примера приведу опыт фермерских хозяйств Кеминского района. Тут работают совсем другие люди, использующие все преимущества частной собственности.

Но ничего не получится, если мы не решим вопрос о государственности. Необходимо, чтобы пришел в действие механизм Экономического соглашения, чтобы был, наконец, заключен Договор о Союзе Суверенных Государств. Убежден в том, что ново-огаревский процесс будет достойно завершен.

Затем Горбачев ответил на вопросы присутствующих.

О финансах партии. Многие средства массовой информации спекулятивно подают эту тему, бросая тень на бывшее руководство КПСС, в том числе и на самого Горбачева. Однако на каждый чих я не собираюсь говорить «Здравствуйте!»

Будучи по существу государственным образованием, партия зачастую использовала государственные деньги, в том числе и валюту, на свои нужды — требовалось лишь решение Политбюро, которое было обязательно для Минфина и Госбанка.

Скрывала ли КПСС свои доходы или нет? Скрывала, когда формировала о годовом бюджете. На самом деле, в банке на особых счетах лежало еще 4–5 миллиардов рублей. Впервые об этом было сказано на XXVIII съезде партии.

О коммерческой деятельности КПСС: после XXVIII съезда процент партийных взносов был снижен, и около одного миллиарда рублей на этом потеряли, несмотря на сокращение аппарата. Поэтому было решено вложить деньги в банки с тем, чтобы получить проценты от вкладов. Можно спорить о нравственности такого решения, но что было делать?

Все вопросы об имуществе КПСС должны решаться только в соответствии с законом, в судебном порядке.

О будущем Союза. В прессе немало говорится о том, что Союз полностью распался, и я сейчас являюсь Президентом несуществующего Союза⁸⁰. Однако похоронить Союз не так просто. Другое дело, что сейчас создается новый Союз с новым политическим центром, с учетом интересов суверенных независимых государств. Но расходиться нам нельзя. Нам нужно сохранить единое политическое, экономическое, культурное пространство, образовать на этой базе новое конфедеративное демократическое государство. Что касается армии, члены Госсовета пришли к общему мнению: Вооруженные Силы должны быть едиными и управляться из одного Центра. Это мудрое решение служит интересам и республик, и всего мирового сообщества.

О Мавзолее Ленина. Я против гробокопательства, против вандалистских акций по отношению к памятникам, против истерии антикоммунизма. Если бы сейчас решался вопрос: захоронить ли прах Ленина в земле или соорудить для него саркофаг, я стоял бы за первое решение. Следовало похоронить вождя по-человечески, в соответствии с народным обычаем — в земле, рядом с матерью.

Но сейчас надо подумать, не спешить. Ситуация непростая. И лично я, учитывая и настроения в обществе, не пошел бы на вынос тела В.И. Ленина из Мавзолея. Люди идут отдать память уважения Владимиру Ильичу Ленину, речь идет о выдающемся деятеле в истории человечества — всё это надо учитывать.

О значении Октября. Что бы ни говорили многие наши оппоненты, это великая народная революция. Тогда, в октябре 1917 года, страна стояла перед выбором: или военная диктатура типа корни-

ловской, или революция, в которой решающую роль играет народ. Правда, в дальнейшем ориентиры были утеряны и развитие пошло не по ленинскому пути, победила сталинская модель построения социализма. Из этого мы извлекаем необходимые исторические уроки.

О долгах СССР. Мы должны примерно 72–75 миллиардов долларов, нам — 100 миллиардов. Для такого государства, как наше, сумма внешнего долга не столь уж и велика, но в то же время она значительна, если учесть существенное снижение экспорта.

Сейчас некоторые республики не хотят платить свою долю внешнего долга, выдвигая различные причины. Но Запад хочет ясности в этом вопросе. Мы же думаем решать этот вопрос в комплексе. Россия заявила, что она берет все долги на себя. Следует учесть, что те республики, которые не захотят платить свою долю, не будут принимать участия и в обратном процессе, когда нам станут возвращать 100 миллиардов.⁸¹

*Печатается по тексту публикации в газете
«Слово Кыргызстана», 26 ноября 1991 года.*

Интервью в аэропорту «Внуково» по прибытии в Москву⁸²

23 ноября 1991 года

Об интервью М.С. Горбачева сообщил телеканал «Вести», краткое его содержание передает А.С. Черняев в дневниковых записях⁸³.

Оценка визита Ельцина в Германию: считает нормальным... И не надо, мол, противопоставлять Россию — крупнейшее государство (!) — обычно он называл и ее, и др. республиками, — цементирующее... (помолчал) организацию (вместо слова Союз!). И опять: не надо противопоставлять. Есть общие интересы... И общая политика (опять!) — а не 12 и 8 внешних политик... И он то и дело апеллирует к этому «образу». Грустный, усталый... в этой своей пирожковой шапке. С печальными глазами.

Послать бы ему всех!!

Наверное, мало чего привез он из Сибири и Киргизии...⁸⁴

*Печатается по тексту: Черняев А.С. Совместный исход.
Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008.
С. 1026, запись от 24 ноября.*

ЗАСЕДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА СССР

25 ноября 1991 года⁸⁵

Горбачев. Как мы условились на предыдущем заседании Госсовета, на сегодняшнее заседание вносится вопрос о парафировании Союзного договора. Таким образом, это вопрос у нас согласованный. Вносится еще предложение провести закрытое заседание Госсовета после обсуждения первого вопроса. Обмен мнениями у нас с вами предварительный был, какую группу вопросов [рассмотреть]⁸⁶. Не будет возражений? Хорошо. Я думаю, дадим прессе еще 30 секунд и начнем работать, а за это время я хотел проинформировать, что у меня был разговор с Президентом Муталибовым. Он собирался прилететь, но ситуация там напряженная, крайне напряженная⁸⁷.

Ну, а теперь прошу вооружиться документом, у всех он есть...

У меня есть текст с пометками о реализации замечаний и предложений, [высказанных] на предыдущем заседании Госсовета. Я буду напоминать... Наверное, пойдем с преамбулы, с названия.

Ельцин. *К сожалению, появились некоторые формулировки, о которых мы не договаривались.*

Горбачев. Ну, ничего, если возникло такое мнение, пройдемся еще раз.

Шушкевич. *Там текст точно такой, как был...*

Горбачев. Ну, с изменениями — теми, о которых мы договорились. Вот у меня изменения эти помечены, и я буду говорить.

Шушкевич. *Но тот текст, который был прислан и с которым работают, допустим, на Верховном Совете, он точно соответствует вот этому тексту?*

Горбачев. Тот, который я вам разослал вот сейчас, этот — да. Он абсолютно один к одному.

Вы обратили внимание, что в прессе вдруг слишком большие дебаты пошли о названии «ССГ». К вам какие-то обращения поступали на этот счет? Есть предмет для обсуждения? Пусть ССГ? Ни у кого возражений не возникает?

Голос. *Я хотел спросить, Михаил Сергеевич: по содержанию тоже можем высказываться?*

Горбачев. А почему же нет? Мы же вас попросили.

Голос. *А Союз Свободных Суверенных Республик это было отвергнуто?*

Горбачев. Это всё — да, это мы уже все прошли. Появилось еще два, что все-таки государство — это республика, поэтому Союз Суверенных. Еще говорят, что бояться слова «советских». Почему? Везде есть Верховные Советы... То есть, все это тянут, толкают к старой аббревиатуре. И вернулось второе мнение — назвать это — Союз Евроазиатских Республик, СЕАР. Это тоже, так сказать, довольно активная тема. Вот такие предложения.

Значит, ничего менять не будем. Так, да? Ни в названии Договора... говорить о Союзе Суверенных Государств, и в преамбуле как есть — «создать Союз Суверенных Государств». Тут нет замечаний?

Ельцин. *В преамбуле нет.*

Горбачев. По основным принципам. Первое. Всё, как договорились, так и записано.

Ельцин. *Может быть, еще раз вернуться, Михаил Сергеевич?*

Горбачев. Мы ведь договорились, чего же возвращаться, Борис Николаевич. Мы же об этом договорились. Четыре часа дебатировали.

Ельцин. *Я понимаю, но мы провели все-таки разведочный разговор в некоторых комитетах Верховного Совета, который всё равно будет потом парафировать, вернее — ратифицировать Договор. Большинство сходятся на том, что все-таки «Союз Суверенных Государств» и дальше — не конфедеративное демократическое государство, а конфедерация демократических суверенных государств.*

Горбачев. Ну об этом мы спорили, провели дебаты. Если это всё аннулировать, о чем мы тогда договорились, тогда нет смысла... В этом вся соль. Это же мы возвращаемся...

Ельцин. Я просто говорю: давайте мы спрогнозируем, что если, скажем, Верховный Совет России не примет, не одобрит, не ратифицирует.

Горбачев. Не думаю.

Ельцин. Вы не думаете, потому что Вы просто хуже знаете обстановку.

Горбачев. Потому что, например, поездка прямо еще вот живая, — в какой ситуации народ живет в Иркутске...⁸⁸ На первом месте — сохранить Союз. Я не вижу смысла начинать дебаты. Мы их прошли, Борис Николаевич!

Ельцин. Тогда я прошу таким образом. Учитывая, что у меня есть замечания еще по ряду статей и чтобы их не обсуждать, я при парафировании подкладываю протокольное заявление.

Горбачев. Это вообще бессмыслица. Что же направлять? Если Россия занимает такую позицию заранее, как же двигаться вперед? Только что мы потратили десять часов, сообщили всему миру и народу... И опять всё вверх ногами...

Ельцин. Мы парафируем с учетом вот этих замечаний. Так? Но я думаю, что это нормальный вообще путь подписания документов, а дальше на Верховном Совете будем, конечно, отстаивать ту часть, которая была уже с нами пройдена. Но, конечно, Верховный Совет будет настаивать на этих поправках. Там уже подойдем к какому-то окончательному варианту.

Горбачев. Что же мы будем думать за Верховный Совет?! Давайте, Борис Николаевич, мы свою позицию Верховному Совету представлять. Мы же всё это серьезно обсудили, сообщили людям. Что же мы действительно вообще за люди, что же мы за деятели?!

Ельцин. К сожалению, даже в том, о чем договорились, и то рабочими группами проведены изменения.

Горбачев. Нет, нет. Если тут есть изменения, если где-то искажение этой воли, мы их уберем... Но, я думаю, что это не совсем так. Этот-то вопрос... Мы же все такие дебаты провели. Вообще, если с этим мы выйдем, мы опрокинем всё то, что мы прошли...

Ельцин. Я вот скажу, я вот в Германии об этом говорил⁸⁹. Там нормально воспринимается конфедерация.

Горбачев. Ну, нам не Германия нужна, нам Советский Союз...

Ельцин. Ну, да. Если Вы говорите, что кем-то не будет воспринято...

Горбачев. Да дело не в воспринято... Мы же о существе говорим. Быть государству этому, обновленному, но государству — быть или не быть.

Ельцин. Мы сейчас снова возвращаемся к жесткой структуре, к союзным органам, хотя договаривались, что это будет межреспубликанский орган для координации. А сейчас снова союзные органы. Да еще подписано решение, там целый ряд министерств вообще остаются.

Горбачев. Ну, хорошо. Мы давайте до этого доберемся. Главный пункт надо пройти — мы будем сохранять государство, как мы договорились, в конфедеративной форме, или мы отказываемся от того, о чем мы договорились?

Ельцин. Мы не отказываемся — конфедерация демократических суверенных государств.

Горбачев. Борис Николаевич, мы это прошли. Больше того, тогда было даже — конфедерация, осуществляющая государственную власть на всей территории. Такая формула была, был просто Союз — все эти формулы были. Это мы всё прошли. Надо определяться. Дальше нет смысла тогда продолжать работу. Ведь всё остальное зависит от того, что мы сейчас создаем.

Ельцин. Да с точки зрения даже юридической — это неграмотно. Поскольку конфедерация всегда является союзом государств, а не государством.

Горбачев. Конфедеративное государство Канада, со всеми атрибутами государства, со всеми властями, всё конфедеративное, с огромной самостоятельностью провинций, с правительствами в провинциях.

Ельцин. Я предлагаю вариант, Михаил Сергеевич, чтобы действительно тут по каждому пункту не возвращаться...

Горбачев. Какой вариант?

Ельцин. Вот, я парафирую и приложу протокольную запись по некоторым статьям.

Горбачев. Да нет, ну что же с этим выходить, если Президент России выходит с замечаниями и против того, чтобы сохранять государство. О чем же речь идет?

Ельцин. Там есть меньшие замечания, но вот это, конечно, самое принципиальное.

Горбачев. Но мы же это прошли, Борис Николаевич, как же так? Это же не солидно для такой фирмы, как наша — Государственный совет. Оповестили народ свой, оповестили мир, и теперь что?

Ельцин. Вы посмотрите, каким Государственный совет стал после того, как над этой бумагой поработали. Вообще бесправный, совершенно.

Горбачев. В смысле?

Ельцин. *Не соответствует тому решению, которое было принято на Съезде на переходный период. Права Государственного совета. Здесь вообще его нет.*

Горбачев. Борис Николаевич, это же уже не на переходный период, а как постоянный.

Ельцин. *Но как же? Мы подписываем, и сразу начинается переходный период. Это было решение на Съезде.*

Горбачев. Ну хорошо. Давайте пройдем и обговорим. Я не возражаю.

Ельцин. *Давайте пока вот это обойдем.*

Горбачев. Нет, что тут обходить. Мы под что будем с вами дискуссии вести, какие форумы и какой облик создавать — под государство или под Союз.

Ельцин. *Конфедерация суверенных государств.*

Горбачев. Борис Николаевич, тогда давайте определимся. Если такова Ваша точка зрения, то Вы всё отменяете, всё то, о чем договорились. Определяйтесь. Это Ваше, вообще говоря, дело. Я свою точку зрения докладывал.

Ельцин. *Надо других спросить как-то...*

Горбачев. Ни от кого не поступало на этот счет. Уже договорились. Всё прошли мы, четыре-шесть часов дебатировали.

Шушкевич. *Михаил Сергеевич, у нас тоже возникли определенные сложности. Хотя столь категоричных желаний заявить о поправках нет. Просто не было времени, чтобы комиссии Верховного Совета посмотрели Договор. У нас большой группой делегатов опубликовано заявление, что они крайне отрицательно отнесутся к парафированию Договора, не просмотренного комиссиями.*

Горбачев. Так это всё будет. Мы же вносим на Верховный Совет.

Шушкевич. *Нужно было бы это делать до парафирования. Окончательный текст Договора с поправками появился для работы комиссии... Они имели три дня.*

Горбачев. Я вам прямо скажу — то, что вы сейчас затеваете тянучку, когда страна в таком состоянии, это уже больше чем политическая игра. Это уже вообще такие элементы... Нас просто обвинят в безответственности.

Ельцин. *Это элементы здравого смысла.*

Горбачев. Здравый смысл у нас был. У нас с вами даже есть новогоревский проект.

Шушкевич. *Михаил Сергеевич, но более четверти нашего парламента заявило о том, что они не согласны с таким подходом.*

Горбачев. Нормально. Всё нормально. Четверть. А 75 процентов...

Шушкевич. Вероятность ратификации такого Договора сильно уменьшается.

Горбачев. Хорошо. Проведите сами беседы. Я не вмешиваюсь. Иначе это выглядит не совсем уважительно к вам. Вы создаете Союз.

Голос. Одно время мы вынашивали мысль вообще не указывать — федерация или конфедерация. Всё будет зависеть от того, в какой степени доверительные отношения сложатся между республиками. Но в прошлый раз пришли к конфедеративному демократическому государству. Мы стоим за эту формулировку.

Горбачев. Как товарищи считают?

Акаев. Я — как в прошлый раз.

Ниязов. Я думаю, что о предложении Бориса Николаевича надо подумать. Все-таки здесь суть не меняется.

Горбачев. Меняется. Государства нет союзного. Или союз, или союзное государство. Это очень разные вещи. Вы тогда отсутствовали, и мы дебатировали это без Вас. Дебатировали шесть часов. Об остальных вопросах договорились за два часа.

Каримов. Я, Михаил Сергеевич, тоже в такой же роли, как и Ниязов — я отсутствовал в прошлый раз. Но я придерживаюсь позиции Станислава Станиславовича. У нас в парламенте тоже такое настроение — не парафировать до того, как обсудим в комитетах.

Ельцин. Может быть, большинство вопросов и снялось бы тогда.

Горбачев. Нет уж, договаривайтесь... Давайте продолжать.

Голос. А Госсовет будет публиковаться в печати?

Горбачев. А как же. Мы так делали. Свою позицию мы должны вынести людям.

Голос. А перед подписанием полномочными делегациями это предварительно пройдет через Верховный Совет?

Горбачев. Верховные Советы всех республик. И отдадим в Верховный Совет СССР.

Ельцин. Тогда не парафировать. Можно опубликовать для обсуждения в Верховных Советах, но не парафировать... Или парафировать какими-то рабочими группами, но не главами государств.

Горбачев. Ну я не знаю, что мне делать. Вы решайте тогда, что вы дальше будете делать на этом Госсовете. Смотрите, обсудите...

Шушкевич. У нас нет категоричных замечаний. Нам нужно десять дней как минимум.

Горбачев. Самое категорическое замечание — что вы отвергаете то, о чем мы договорились. Это самое категоричное! Разрушается вообще основа всего этого документа. Тогда речь идет уже вообще о другом документе.

Каримов. Михаил Сергеевич, я бы так категорически не ставил вопрос. Речь идет о том, что вот здесь записано. Я хочу прочитать: «После парафирования текст не может быть изменен даже по соглашению между сторонами». Значит, когда главы республик подписывают это или парафируют, следовательно, мы тем самым...

Горбачев. Текст не может быть, действительно, изменен, но это не обязывает, это необязательно для Верховного Совета. Он может не одобрить. Это его уже точка зрения. Но наш текст не может быть изменен, когда мы договоримся.

Каримов. Михаил Сергеевич, в этом и главный вопрос — в том, что Шушкевич говорит. Зачем заранее, предчувствуя, зная, что определенная часть депутатов возникает по разным вопросам, зачем главу руководства республики ставить в явное противоречие с этой группировкой?

Горбачев. Почему глава государства? Здесь согласованный документ всех глав государств.

Каримов. Если я парафирую этот документ, следовательно, тем самым я должен быть уверенным, что парламент его пропустит. В противном случае, каков будет авторитет руководителя государства, если он не сумеет в парламенте пропустить этот документ. Ведь это же явно. Поэтому товарищ Шушкевич Станислав Станиславович прав. И я прошу Вас дать немножко времени, чтобы мы могли сказать сегодня о том, что в целом мы согласны, но парафировать его надо после того, как он будет рассмотрен Комитетом Верховного Совета.

Горбачев. Решайте. Я категорически против такого подхода, тем более мы замордовали страну вот этой своей позицией, что мы никак не можем занять позицию в главном вопросе судьбы этого государства.

Я уже сказал, что если мы сейчас из этого заседания выйдем, не парафировав Договор, то это будет иметь тяжелые последствия для всего — для внутренней ситуации и для того, как на нас будут смотреть. Потому что там прогнозируют. Там даже прогнозируют, что когда мы подписываем, то ничего не получается, а мы здесь разошлись. Я прямо скажу: это берем на себя тяжелейшую ответственность! Эти колебания недопустимы сейчас, в каком состоянии мы находимся. Просто недопустимы!

Шушкевич. Михаил Сергеевич! Этот Договор имеет смысл более веский, чем Конституция. И если мы потеряем неделю, 10 дней на со-

гласование этих вопросов, я буду его парафировать, ибо, знаете, если его...

Горбачев. А кто вам мешал 10 дней со своими...

Шушкевич. У меня было только три дня.

Горбачев. Да бросьте. А до этого сколько мы работали?.. Да все комиссии работали. Я по тем замечаниям, которые пришли от Белоруссии, видел, что все комиссии работали.

Шушкевич. Михаил Сергеевич! Я еще раз говорю: я тогда могу спокойно его парафировать. Я убежден, что его утвердит, ратифицирует Верховный Совет. Сейчас риск значительно больший, потому что из-за просто эмоционального аспекта, из-за вот этой быстроты у нас будет озлобленность.

Горбачев. Какой быстроты? О чем вы говорите?

Шушкевич. Ну не могут комиссии в течение трех дней...

Горбачев. О чем вы говорите? Страна раздирается, захлебывается в хаосе, а мы медлим.

Шушкевич. К сожалению, хаос не уменьшится, если мы так быстро это сделаем.

Горбачев. Да. Ну, вы определяйтесь. Я категорически против этого. Категорически. Не согласен с такой позицией, и поэтому вы определяйтесь. В конце концов определяйте вы — что вы хотите.

Асанбаев. Я прошу извинения. Я на предыдущем заседании не участвовал, какой спор там шел и все такое... Но мне непонятно вообще: мы хотим иметь союзное государство или не хотим. Или хотим иметь его видимость, какое-то «облако в штанах»⁹⁰.

Горбачев. Примерно об этом и речь идет. Кому-то это выгодно, наверное.

Асанбаев. Тогда это «облако» никак не будет координировать наши действия.

Горбачев. А оно никому не нужно вообще. И главное, народу не нужно, а вот политиканствующим, которые давят на нас, а мы поддаемся им.

Шушкевич. Я могу ответить на этот вопрос, разрешите, Михаил Сергеевич. Я убежденный сторонник союзного государства. Но если мы второпях здесь сделаем так, что преемственными останутся те позиции, которые в общем-то отягощали ситуацию, это будет плохо. Дайте одуматься, притом речь ведь не идет о месяце. Нам нужно 10 дней. Мы можем закрыть этот вопрос, и Белоруссия парафирует и утверждает, и ратифицирует. А так мы создадим еще один очаг со сложной ситуацией.

Ельцин. Прийти на парламент с документом парафированным, в который нельзя какие-то изменения вносить, это просто оскорбление будет для депутатов, вот и всё

Горбачев. Это нам нельзя изменения вносить, Борис Николаевич, а любой парламент вправе сказать и занять любую позицию. Речь идет о том, что ни одна из сторон парафирования (а в этом случае и президент), никто не может внести изменения самостоятельно, каждый в отдельности. Так что документ будет идентичный во всех республиках. Речь идет об этом. А уж дело каждого парламента — присоединиться или не присоединиться, поддержать или не поддерживать, сделать замечание или не сделать. Это уже другое.

Ельцин. Вот более логично, так сказать, с точки зрения подготовки документа — Верховные Советы обсудили, какие-то замечания сделали. После этого мы собираемся, может быть делегации, может быть нет (как решит Верховный Совет) и тогда уже какой-то идентичный документ парафируем. То есть всё равно изменения надо будет состыковать со всеми республиками. Но тогда будет уважительное отношение к парламенту.

Горбачев. А сейчас мы с чем идем? С чем мы идем?..

Ельцин. Мы идем с тем вариантом, который был, на Верховный Совет.

Горбачев. Об этом речь и идет.

Ельцин. Но парафировать его сейчас нельзя. Или, я назвал вариант, — если парафировать, так сказать, с протокольным заявлением, с замечаниями. Тогда можно и на Верховном Совете заявить об этом.

Горбачев. Ну, договаривайтесь, друзья. Я вижу свою роль исчерпанной полностью. Ибо дальше это просто будет нарушать уже и атмосферу отношений. Но я не меняю свою позицию, больше того, то, что вы делаете, это наносит огромный ущерб государству, стране и делу всему. Потому что вы подчиняете договоры процедурным всяким вопросам... Все давно ждут этого Договора, и точка... И каждый Верховный Совет вправе определиться. Я уверен, что в конце концов Верховные Советы поддержат это. Мы позицию должны занять. Поэтому, я не знаю, смотрите...

Ельцин. Давайте внесем на Верховные Советы тот вариант, который у нас имеется.

Горбачев. Ну и я об этом говорю.

Ельцин. Да. Без парафирования.

Горбачев. Ну, а как это? Как без парафирования? Мы согласны его вносить?

Ельцин. Вносить согласны, но парафирование — это уже значит, что можно его подписывать.

Горбачев. Нет, парафирование...

Ельцин. Что за парафирование перед обсуждением на Верховных Советах? Тогда такого документа не будет уже.

Горбачев. Парафирование одно означает — что главы государств будут отстаивать этот документ. Вот что. И это важно.

Ельцин. Ну мы и будем отстаивать.

Горбачев. А если сейчас главы государств начинают крутить-вертеть, то это уже значит, что они хотят себе зарезервировать ходы и там, так сказать...

Ельцин. В прошлый раз так было и ничего не случилось.

Горбачев. Парафирование, Борис Николаевич, только одно означает, что мы все договорились входить единым документом. Парафирование, или визирование, или решением Госсовета войти — это всё равно мы несем ответственность. Мы связаны единой позицией, и эту позицию должны проводить. Вот если так, то, пожалуйста, в любой форме. Не будем парафировать, примем решение Госсовета войти с этим проектом на обсуждение Верховных Советов. Но это означает, что это наша согласованная единая позиция.

Ельцин. То есть не парафировать, а решением Государственного совета внести этот проект.

Горбачев. Да.

Ельцин. Может быть, это уже мягче.

Шушкевич. Хороший вариант.

Горбачев. Но это означает, что мы с вами за этот вариант. Это одно и то же, что парафировать... Упакуем в такую общую формулу, в решение Госсовета.

Голос. Теперь замечания Верховных Советов (возможные) в каком порядке будут рассматриваться?

Горбачев. Я думаю, что тогда, когда Верховные Советы рассмотрят и решат вопрос — одобрять или не одобрять, или одобрять с какими-то пожеланиями, тогда, наверное, и утвердят полномочные делегации. Они поручат полномочным делегациям окончательно согласовать.

Шушкевич. Это вариант компромиссный, который у нас снимет напряженность. Это совершенно очевидно.

Ельцин. Тогда мы подходили именно таким образом, что окончательная редакция делегациям поручается.

Горбачев. Да, ново-огаревский. Тот еще...

Ельцин. Но сама процедура была именно такой. Правильно? Какие-то замечания есть, но в принципе одобрить окончательную доработку поручить делегациям, которые будут...

Горбачев. Борис Николаевич, это такой же порядок остается и сейчас. То есть сейчас мы должны (единственно, что мы должны) вынести согласованный документ. Тогда уже не будет, что выйдет товарищ Акаев, скажет: да вот Госсовет, но я там высказывал вот такое и так далее. И начнется... Выйдет товарищ Назарбаев, скажет: а я отстаивал такую позицию, но вот не согласились. И пойдет, и пойдет.

Ельцин. У Вас нет оснований нас упрекать. Мы честно выполнили то, о чем договорились.

Горбачев. Я не упрекаю. Я говорю о том, Борис Николаевич, если мы не парафируем, а примем решение Госсовета — войти с этим проектом, который мы сейчас посмотрим, — если что там у нас возникло, мы устраним. Если есть сомнения, то не реализованы пожелания того Госсовета, это мы должны обязательно сделать. И тогда мы выходим с единым... Тогда мы должны этот документ отстаивать, вот о чем идет речь. Только элемент, так сказать, парафирования каждой страницы своими инициалами снимается. Парафирование — такое дело, две буквы ставятся, первая — от имени, вторая — от фамилии.

Ельцин. Сегодня парафирование — это исключено. Или замечания. Решение Госсовета давайте примем. Проект, который у нас есть, представить на Верховный Совет.

Горбачев. Надо время.

Ельцин. Надо время или на ратификацию. Лучшие ратификацию.

Голос. Ратификация после подписания полномочными...

Горбачев. Да нет! Это считать подписанное всё... У нас и тогда было одобрение. И для согласования, возможно, всё.

Голос. ...на 20 августа.

Шушкевич. У нас делегация есть, но они без полномочий. Поэтому мы будем избирать зама и с полномочиями.

Ельцин. А у нас с полномочиями было принято решение. Первое. Одобряется в принципе. Замечания, которые высказаны Верховным Советом, поручается делегации соответственно обсудить...

Горбачев. И дать ей полномочия согласовать окончательный текст.

Ельцин. ...и решение о подписании.

Голос. Будем ждать, Михаил Сергеевич, пока Россия, Украина, Белоруссия обсудят. Мы шесть раз в Верховный Совет выносили, депутаты потеряли веру в Союзный договор.

Горбачев. В том-то и дело.

Голос. *Может быть, Борис Николаевич раздаст замечания. Мы тоже, может быть, озвучим.*

Горбачев. Что же это за замечания, если ты согласованное подписываешь?

Голос. *Если все республики согласятся принять замечания, почему тогда не пойти...*

Горбачев. Послушайте, мы Госсовет или будем все время делать параллельные ходы?

Шушкевич. *Мы же не совет диктаторов.*

Горбачев. Нет. Но мы договариваемся или не договариваемся? Какие диктаторы? Если их уже девять, то это уже не диктаторы.

Голос. *Тогда надо, если какие-то отклонения были от предыдущего Госсовета, их обсудить, а потом всё это дать для публикации и обсуждения.*

Горбачев. Вот это да. И надо публиковать.

Ельцин. *Еще один принципиальный вопрос. Подписание Договора и парафирование без Украины — бесполезное дело. Союза не будет. Тогда Украина примет такие решения, которые сразу развалит Союз. Этого допустить нельзя! Как только они примут решение о своей национальной валюте — и всё, и мы кончили.*

Горбачев. Ну, я думаю, что и там думают так же. И если будет этот массив идти, то, я думаю, это как раз будет подталкивать все здоровые силы на Украине к этому. И они уже... Голос у них прорезался довольно основательно. А если мы сейчас с вами «враскоряку», я прямо скажу: это подарок будет всем сепаратистским силам. Это им подарок будет.

Ельцин. *Наоборот, Украине уважение будет, что мы хотим вместе с ней.*

Горбачев. Ни разу ни Госсовет, ни одна республика не высказывалась иначе. Ни один из нас, выступая, иначе не высказался (где бы мы ни выступали), что мы не мыслим себе Союз без Украины. Это весь тезис наш, и он везде. Так что нас ни в чем нельзя подозревать.

Ельцин. *Да, но и Украина не высказалась.*

Шушкевич. *Если после 1 декабря есть шанс, что такое будет рассмотрение с Украиной происходить, там уже не будет никаких ссылок на то, что выборы... Может быть, какая-то деформация текста, приемлемая для остальных, позволит быть вместе с Украиной?*

Горбачев. Ну, ей-богу, я уже, конечно, исчерпал себя полностью. Как один сказал: «Горбачев себя исчерпал». Наверное, и у вас такое мнение. Давайте тогда вы договаривайтесь, и всё. Я стою на этом,

с этим согласен и буду работать, дальше — нет. Дальше — нет. Абсолютно. Не вижу, не хочу себя связывать с дальнейшим хаосом, который последует за этой расплывчатой позицией, которая выйдет из Госсовета и не понятна этим... Это просто будет беда. Если у кого-то есть замыслы не создавать Союз, надо прямо говорить. А то ведь так: все говорят — Союз, Союз, а как только подошли к созданию Союза и сохранению этого государства, так начинаются маневры.

И тут даже и Украина. Народ Украины быстрее определится, если тут будет, что Союз создается, тем более мы записали о преимуществах внутри Союза. Это очень серьезно.

Ну, в общем, я возвращаюсь вот к чему. Первое. На вариант о том, чтобы этот проект согласованный рекомендовать Верховным Советам от имени Госсовета. Это значит, что мы оформим его одним коротким решением и вносим. Я согласен. И тогда при таком подходе можем продолжать работать дальше. И, конечно, опять вернемся к этому.

Ельцин. *По Украине Вы уже такой гарантии дать не можете.*

Горбачев. Никто не даст гарантий, Борис Николаевич. Вы по России не можете дать.

Ельцин. *А что такое Союз без Украины? Я себе не представляю.*

Горбачев. Но эта информация была у нас в распоряжении и на предыдущем Госсовете. Мы ее учитывали. Я не пойму, почему мы должны так двигаться. Уже прошли какой-то этап, согласовали, а теперь начнем сначала?

Ельцин. *Ну почему? Если они называют причину — 1 декабря, то давайте и дождемся 1 декабря.*

Горбачев. Но ведь нам известно, что это 1 декабря. Что — разве на том заседании нам это не было известно?

Ельцин. *Но я не уверен, что именно 1 декабря решает вопрос. Нет.*

Горбачев. Сформулируйте свое предложение, Борис Николаевич. Окончательно, чтобы было ясно.

Ельцин. *Здесь сформулировано и подписано. Протокольное...*

Горбачев. То есть Вы на этом настаиваете... Мы говорим, что решением Госсовета можно направить согласованный документ. Считать текст Договора согласованным и направить его на рассмотрение Верховных Советов.

Ельцин. *Можно еще короче. Решение Госсовета: направить этот вариант проекта Договора на рассмотрение Верховных Советов.*

Горбачев. А какая разница?

Ельцин. *Разница в «согласовано».*

Горбачев. А если не согласованный, его не надо направлять.

Ельцин. Ну, тем не менее, решили все-таки направить. Тогда ведь тоже в Верховный Совет направляли и тоже документ до конца отработан не был.

Горбачев. Нет, всё было согласовано. Согласованный вариант. Но рассматривали так, что Верховные Советы обсуждают, высказывают свои возможные замечания, формируют делегации и дают им полномочия утрясти окончательно, поскольку и у других возможны замечания. И подписать.

Шушкевич. Михаил Сергеевич, можно назначить жесткий срок парафирования, с которым мы все будем согласны. Мы готовы к этому через 10 дней.

Горбачев. Почему парафирования? Почему?

Шушкевич. Тогда у нас гарантия, что в определенном коридоре, смысловом...

Горбачев. А зачем парафировать, если Верховный Совет уже решил? Подписывать надо.

Шушкевич. Он же не будет голосовать «за». У нас есть группы, которые работают. У нас же за эти 10 дней не будет сессии. Просто у нас комиссии дадут свои заключения.

Горбачев. Слушайте, сессии надо собирать. Вы же, надеюсь, не в вакууме. Мне даже неудобно вам это говорить.

Шушкевич. Мы работаем в непрерывном режиме, но эффективность от этого не повышается. Через 10 дней мы могли бы парафировать. Еще раз говорю, у нас категорических замечаний практически нет. И мы бы знали, как относиться к тем замечаниям, которые высказаны другими.

Горбачев. Я констатирую, что руководители республик в ответственный момент занимаются ненужными маневрами. Говорю вам это открыто, с переживанием, от всего сердца. Маневрами ненужными и опасными.

Ельцин. Нельзя соглашаться с таким заявлением.

Шушкевич. Я это не принимаю на свой счет. Простите, Михаил Сергеевич!

Ельцин. Я тоже.

Шушкевич. Потому что мы стремимся сохранить политическую стабильность в республике. А такой шаг, надеюсь, в общем-то сохранит.

Горбачев. Хорошо, мы же вышли, Станислав Станиславович, на формулу: считать проект согласованным и направить в Верховные Советы.

Шушкевич. Правильно.

Горбачев. Мы согласовали с вами или нет?

Шушкевич. Михаил Сергеевич, давайте только до конца продумаем, чтобы потом не было букета неожиданностей. Моя точка зрения: через 10 дней мы в состоянии парафировать этот Договор, все. И дать его на ратификацию. И я Вам тогда гарантирую, что если я его здесь парафирую, то Верховный Совет... Мы тогда посмотрим, отвечают руководители республик за позицию республик или нет. Я вам гарантирую, что парафированный мною здесь Договор через 10 дней будет ратифицирован, либо я уйду в отставку. Я в этом убежден. Сейчас такого убеждения я не имею даже при стопроцентном сохранении содержания. Притом мы не имеем категорических замечаний по тексту Договора до сего дня в рамках той работы, которая прошла в Верховном Совете. Но она не закончена.

Горбачев. Что же вы будете парафировать?

Шушкевич. Вы знаете, я не исключаю, что вот этот текст на 100 процентов оставим таким же.

Горбачев. Но мы-то должны выйти с единым проектом или нет? Или каждый выйдет не связанный никакой позицией, волен делать что угодно. Что это за Госсовет?

Шушкевич. Михаил Сергеевич, допустим, мы в процессе взаимных консультаций придем к выводу, что статью первую надо иметь в иной редакции. Если большинство членов Госсовета будет считать...

Горбачев. Так давайте же договариваться. Давайте договариваться. Если я останусь в единственном числе, то вы вправе формулировать текст. Большинство-то за вами, вы и решайте. Но надо придти к одному тексту: или то, или другое. Что же мордовать-то людей!

Искандаров. Республика Таджикистан пять или шесть раз обсуждала проект Союзного договора на сессии Верховного Совета. Несколько раз образовывали комиссии. Месяцами работали в Морозовке и здесь, в Москве. Но я считаю, что идея парафирования этого текста противопоставляет глав государств парламенту. Хотя у нас такого нет, потому что мы несколько раз обсуждали и идея — поддержать. У других положение по-иному.

Предлагаю принять решение на Госсовете и направить в Верховные Советы. Не надо устанавливать срок — 10–15 дней и не надо парафировать главами государств. Наша республика будет ждать, пока другие, допустим Белоруссия, Российская Федерация, обсудят. Иначе мы опять не примем решение.

Другой вариант — размножить, раздать замечания Бориса Николаевича и сейчас рассмотреть. Может быть, придем к единому мнению.

Снова сядем здесь за стол переговоров и, если подлежит изменению текст, изменим, примем постановление и направим без всякого парафирования. Если есть решение Госсовета — значит, мы согласны.

Горбачев. Борис Николаевич меняет свою позицию. Меня это настораживает. Мы с ним договорились о союзном государстве. И вам разослали. Потом он высказался против. Теперь, в конце концов, в дебатах, договорились о конфедеративном государстве — и опять меняет. Так это не годится.

Ельцин. Нет, это не так.

Горбачев. Всё это так. Всё так.

Ельцин. За это время изучено мнение комитетов, комиссий Верховного Совета. У них есть вот такие замечания.

Горбачев. Ну что же, есть. Но нам надо занимать позицию. И вообще главные вопросы в замечаниях Бориса Николаевича — это государство мы создаем или «облако в штанах», как сказал вице-президент Казахстана (Асанбаев). Конечно, может быть, надо и откровенно сказать, что мы хотим, чтобы государства не было, а был Союз, что республикам не нужен этот Союз.

Ельцин. Нет, Союз нужен.

Горбачев. Ну, я говорю, не нужно союзное государство. Мы сами уже дошли до этого. Лучше будет так. Но надо так занять позицию. Что же мы, понимаете, людей мордуем. А люди, между прочим, разберутся в конце концов. Разберутся.

Я лично думаю, что Вы проталкиваете идею о том, чтобы угробить наше союзное государство, берете на себя такую ответственность, которую, вообще говоря... Потом Вам тяжело будет ее... Уверен. Одно дело — там пишут, понимаете, всякие с налета, с поворота, а наше дело с вами очень серьезное. И то, что до нас делалось, и что будет после нас, и сейчас.

Поэтому я уверен, что мы пришли в результате длительных дискуссий (кстати, это и тогда пришли накануне Ново-Огарево, и сейчас дебатировали), что нам надо сохранить государство. Это нужно, иначе мы погибнем в болоте, оно уже нас завязло. Мы ничего не можем решать. Договариваемся — всё повисает. Кому-то это нужно, тем, кто хотел бы в этом тумане, в этой неразберихе... Мы-то почему? Нам-то это не нужно. Мы же чувствуем, что нам трудно вести дела и решать, двигать реформы. Кто-то хочет, но почему мы должны на их сторону становиться? А я уверен, что нас поддержат. Надо только четко сказать народу: вот наша позиция, в чем она.

Поэтому главный вопрос — будем создавать государство новое, но сохранять государство многонациональное, или нет? Вот давайте с этим определимся. Потом, это же наша позиция, от нас требуют позиции, а не то, что...

Ельцин. *Надо так подписать, чтобы потом Верховный Совет не зарубил.*

Горбачев. Борис Николаевич, если Вы считаете, что Верховный Совет выступает за другое, Вы тогда так и говорите: Ваша позиция в связи с этим не расходится с Верховным Советом. Вы и скажите ясно.

Итак, вот первый принцип. Первое. Может быть, и в самом деле переобъявим. Вы сами встретитесь, без никого, республики, чтобы тут не было свидетелей, и договоритесь, и решите, что вы хотите, вообще говоря. Я вижу, вам уже...

Шушкевич. *Хорошая процедура сейчас идет. Зачем?*

Горбачев. Какая процедура? Но вы же молчите. Вот это хорошая процедура?

Шушкевич. *Вот эта обида совершенно, по-моему, не обоснована.*

Горбачев. Да нет. Слушайте. Если так, я говорю: давайте сделаем перерыв, соберитесь или здесь останьтесь — мы покинем вас.

Асанбаев. *Если обязательность парафирования сейчас не стоит, то надо.*

Горбачев. Нужен согласованный... Надо же с согласованным выйти.

Голос. *Опубликовать даже...*

Горбачев. Безусловно. Опубликовать обязательно надо. Кстати, вот как раз и проверим. Народ тут выскажется, и вы почувствуете, кто для вас важнее — сепаратисты или мнение народа. А я уверен, народ будет не на вашей стороне. На нашей стороне. Если в таком виде, то на нашей, я и себя причисляю.

Если в другом виде, я не буду подписывать. Это я уже сказал. Не хочу повторяться. Просто это уже немного навязчиво с моей стороны. Это всё известно. Я просто хочу спросить вас, своих товарищей, с которыми мы проходим через такие испытания, донести до вас всё мое понимание. Я просто, как говорят, каждой клеткой чувствую, что мы схлопочем, если не выйдем сейчас с этого Госсвета и не скажем: государство будет, но оно будет новое, другое, но будет.

Так что — какая процедура подходит? Если подходит эта — прошу тогда высказываться.

Это первое. Оставляем? Для проекта? Для рассылки?

ЕЛЬЦИН. *Значит, что предлагается? Решение Госсовета?*

Горбачев. Да, направить согласованный проект. Он же согласован или нет?

ЕЛЬЦИН. *В основном согласованный.*

Горбачев. Борис Николаевич, ну это же несерьезно. Не надо, ей богу, не надо.

ЕЛЬЦИН. *Не надо нас ставить в такое положение.*

Горбачев. Какое положение?

ЕЛЬЦИН. *В основном согласовано. Проект есть проект.*

Шушкевич. *Михаил Сергеевич, есть выход из этого положения. Есть два варианта. Согласованный проект — первый и второй. Верховные Советы высказывают свое мнение за первый вариант или второй вариант. Наше дело — агитировать за то. Но если настаивает хотя бы одна республика, надо этот вариант сохранить. Тем более, если Россия настаивает.*

Горбачев. Вот Россия и должна определиться в конце концов.

ЕЛЬЦИН. *Она определится. Я вам тогда сказал и все-таки провел эту линию. Но просто молчать сейчас — значит, что этого вопроса не существует, я не могу. Наоборот. Тогда усложнится обстановка на Верховном Совете.*

Горбачев. Но мы не отбираем право у Верховного Совета. Мы только сами занимаем позицию, которую будем защищать. Народ это оценит, что мы взяли такую позицию и будем ее отстаивать. Вот в чем смысл нынешнего Госсовета... Что мы пришли к этому.

ЕЛЬЦИН. *Согласованный в основном проект Договора — решение Госсовета.*

Акаев. *Михаил Сергеевич, это и есть компромисс. И оставляем Верховным Советам... Согласованный в основном. По-моему, хорошо. И направить Верховным Советам.*

Горбачев. В чем же не основном? В основном согласован. То есть основные позиции согласованы. Остаются частности.

Акаев. *В основном — да. Но компромисс нужен.*

Горбачев. А-а-а, вот в том-то и дело.

Акаев. *Может быть, это как раз и то.*

Горбачев. Не знаю. У меня это всё, откровенно говоря, вызывает глубокую грусть! Глубокую! И разочарование. Разочарование!

Как собираетесь вы вести дела, как осуществлять реформу, не знаю. Если будет вот это такое — богадельню создать, Договор, и породить богадельню, в которой ни о чем не договоришься, и все будут в дерьме захлебываться, и замордуем общество. Придут силы, у которых будут три строчки записаны — отменить все законы

и Конституцию и взять прямую власть на себя. И всё. Это вот демократы могут подготовить. Неужели вы не чувствуете, как обстановка, вообще говоря, разворачивается? И все вы на крикунов каких-то ориентируетесь, а не на массу народную.

Ельцин. *Думаю, что это все-таки лучше, чем разойтись.*

Горбачев. Да смотря с чем, Борис Николаевич, мы отсюда выйдем.

Ельцин. *Согласовано — в основном. И всё. И проект опубликовать и обсуждать на Верховных Советах.*

Горбачев. Нет, тогда давайте так: в чем мы не согласовались. Будем писать второй вариант. Если мы запишем по государству второй вариант, всё, конец. Больше не буду ничего делать. Давайте сами. Договоритесь и делайте. Это уже не «основное». Это основа рубится, Борис Николаевич.

Ельцин. *Это второй вариант. Первый вариант есть, вот он. А это будет второй вариант.*

Горбачев. Нет.

Ельцин. *Кстати, в прошлый раз мы тоже шли так же — были варианты.*

Горбачев. Были. Но уже прошли, прошли... Давайте объявим перерыв. Поговорите. Договоритесь. Я оставляю вас. Поговорите. Не буду настаивать, потому что... Прошу всех остальных удалиться. *(Уходит.)*⁹¹

(После перерыва.)

Горбачев. Ну вот, на основе вашего выдающегося документа были сделаны некоторые еще не менее выдающиеся дополнения. И документ звучит так:

«Постановление Государственного совета СССР.

Направить Верховным Советам суверенных государств...»

Вот напишите себе на своих *[экземплярах]*: «...суверенных государств и Верховному Совету СССР разработанный проект Договора о Союзе Суверенных Государств».

Дальше: «Просить Верховные Советы рассмотреть данный проект, имея в виду подготовить его для подписания в текущем году». Это полностью сохраняется.

И добавить: «опубликовать проект в печати».

Голос. *До публикации.*

Горбачев. Ну, давайте, давайте.

Ельцин. *То есть, вместо «согласованное в основном» — слово «разработанный». Я думаю, что можно согласиться.*

Горбачев. Как говорится, заработали, наработали, посылаем вам. Но вот в связи с этим, если уж это приемлемо... Приемлемо, да?

Голоса. Приемлемо.

Горбачев. Приемлемо. Включили Верховный Совет. В связи с этим возникает вот вопрос какой.

Голос. Вопрос можно?

Горбачев. Да.

Голос. Кем разработан? Госсоветом или кем?

Горбачев. Это неважно... Но раз постановление Госсовета — Госсоветом.

Голос. Направляет не только Госсовет.

Горбачев. Тут получается, что все участвовали... Все, кто угодно — эксперты и, кстати, опыт предшествующий... Так что вот, главное, что это — постановление.

Теперь, если мы говорим, что «разработан», то единственное, что Борис Николаевич и Станислав Станиславович говорили, — вот давайте как есть и направлять. Но я тогда прошу единственное что: есть вот какие-то частности, которые были не учтены или даже искажены в смысле того, что мы согласовали, а выразили не так, то я бы просил тогда — у кого есть вот частности эти. Борис Николаевич, что там, о чем идет речь? Постранично прямо.

Ельцин. Но кроме вот первого.

Горбачев. Но первое мы оставляем.

Ельцин. Пропускаем, да. Статья первая.

Горбачев. Статья уже. Статья первая. Так.

Ельцин. Вот если взять третий абзац, «Союз открыт»... Тут большая кроется опасность того, что наши автономии российские туда будут стремиться.

Горбачев. А как его уточнить?

Ельцин. А вот я уточняю: «Принятие новых государств производится с согласия всех участников настоящего Договора».

Горбачев. Значит, это остается, а после просто добавляется «принятие».

Ельцин. «С согласия всех участников».

Горбачев. Как, товарищи?

Акаев. Поддерживаем.

Горбачев. Принято. Договорились. По этим статьям... Ну, давайте выслушаем Бориса Николаевича, потом что у кого возникнет...

Ельцин. Дальше статья 2. Ну, я думаю, что, может быть, не надо сейчас это, но в принципе, если конфедерация, то гражданство не нужно. Ну, наверное, мы опять натыкаемся на первый вопрос.

Горбачев. Борис Николаевич, я Вам скажу. Вот мы даже с Аскаром Акаевичем столько слез наслушались... Где-то, кто-то, что-то, если уже... Я вам скажу, это просто поразительно.

Акаев. Они просят сохранить...

Горбачев. Понимаете, все чтобы были защищены, где бы они ни жили, и тут это настолько...

Ельцин. Тогда так. То, что связано с конфедерацией, я просто буду пропускать.

Горбачев. Ладно.

Ельцин. Дальше вот четвертая статья, первый, второй, третий абзацы. Получается, что государства, образующие Союз, несут ответственность, а...

Горбачев. ...а новый союзный Центр — нет? Да?

Ельцин. Предлагается так: «Союз Суверенных Государств и государства, образующие Союз, несут ответственность».

Горбачев. Давайте. Это прекрасно... А для чего Союз создается, вообще говоря? Согласны все, товарищи?

Голоса. Да.

Горбачев. Это правильно, уловили? «Союз и государства» и далее по тексту.

Ельцин. Статья 6. Озаглавить ее: «Многосторонние соглашения». И всё.

Горбачев. А для чего мы вообще объединяемся в Союз? Для совместного ведения.

Ельцин. Это не совсем точно.

Горбачев. А как же, Борис Николаевич? В интересах республик — это всегда. Кто бы ни объединялся...

Голос. ...форма многосторонних соглашений.

Горбачев. Да. Борис Николаевич! Именно то, что договариваются, только сферы совместные. То, что договариваются и не больше. Кстати, я... в Иркутске слушал⁹². Они говорят: ну, это наш вопрос. Дальше — а это российский вопрос. А это вот уже начинает иерархия выстраиваться. Это хорошо.

Не настаиваешь, Борис Николаевич?

Ельцин. Ну... лучше было бы так, но... совместно...

Горбачев. Борис Николаевич, так все-таки лучше. Вот даже если возьмем мы 22-й год⁹³. Люди объединены для совместного решения в интересах... и так далее.

Голос. Здесь получается, что Союз существует отдельно от государств, его образующих.

Горбачев. Где мы добавили, да?

Голос. Так что он существует вне этих государств, если он обязуется не прибегать в отношениях между собой — дальше сказано — к силе. Получается, что сам Союз может прибегать к силе против отдельных государств. Тем самым нарушается основной принцип: что нет Союза вне государства.

Ельцин. Вот тут нельзя так, чтобы уйти от государств. Другое словосочетание давайте...

Горбачев. А ну, подожди, подожди. Да, то, что он говорит, что как бы Союз «умывает руки», когда дела тут могут... Это не годится. Для этого и создается Союз, чтобы решать. А как иначе?

Голос. Тогда, может быть, «...каждое из государств, образующих Союз...»

Горбачев. Ну да, но Союз тут в отношениях... А может быть, Борис Николаевич, статью всю зачитать... как государства строят между собой. Тут же специально отношения между государствами, образующими Союз. А в конце статьи дописать какую-то функцию, что Союз содействует реализации этих принципов — вот так.

Голос. Если там мы говорим, что Союз Суверенных Государств... «не прибегать в отношениях между собой...» С кем Союз Суверенных Государств?

Горбачев. Ну да, тут уже... Борис Николаевич, вернись, пожалуйста, к статье 6.

Ельцин. Не заключать соглашений и так далее... Это значит тоже, скажем, что новый Центр не должен заключать соглашений, противоречащих целям Союза. То есть обязательно...

Горбачев. А если в конце статьи сказать?

Голос. Тогда, может, сказать так, что эти обязательства распространяются на союзные и межреспубликанские органы.

Горбачев. Вот так. Правильно. Это точнее будет. Сначала отношения между самими государствами, потом — Союз. По шестой больше нет, Борис Николаевич?

Ельцин. Все-таки в ведении, понимаете?

Горбачев. Борис Николаевич, и дальше там устанавливаются. Везде это есть. Договариваются. Для выполнения полномочий дается то-то, так-то. Это же всё вести надо.

Ельцин. Пошли дальше. Седьмая статья. Вместо «союзных» написать «межреспубликанских» органов. Все-таки Союз вызывает некоторую дрожь.

Горбачев. Я не обнаружил даже в твоих последних выступлениях, чтобы у тебя дрожал голос или что...

Ельцин. Просто я старался эту тему не затрагивать.

Голос. Борис Николаевич, возможно создание межреспубликанских органов, которые были бы без Союза. Например, две республики создают межреспубликанский орган для себя или нет?

Ельцин. Тут же написано: «для реализации общих задач, вытекающих из Договора», то есть дальше по тексту — делегирует союзным органам... и так далее.

Горбачев. Союзный, в скобках — межгосударственный.

Ельцин. Межгосударственных, в скобках — союзных.

Горбачев. Нет, Борис Николаевич, Союз ведь создаем. А для реализации Союза, так, да?

Ельцин. Статья десятая. Это то, о чем мы не договаривались. Появилось что-то новое — конституционные законы. И близко не было разговора на эту тему...

Горбачев. Это реализуется главная тема — что не надо иметь Конституции.

Ельцин. Это понятно. Раз есть Договор, то зачем «конституционными законами»?

Горбачев. Это же на их основе все строится, они имеют конституционный характер и тем самым исключается необходимость Конституции.

Ельцин. Нет такого определения «конституционные законы».

Горбачев. Есть.

Голос. Борис Николаевич, я не Шахрай, но я позволю себе сказать, что законы, которые определяют принципы формирования деятельности высших органов власти, являются все конституционными.

Ельцин. Вот, а нам и не надо это.

Голос. По-моему, в проекте нашей Конституции есть отсылки к конституционным законам.

Голос. Этот Договор является конституционным законом.

Ельцин. Потому что мы формируем действительно эти органы. А зачем формировать межреспубликанские органы?

Горбачев. Борис Николаевич, это же решается, реализуется предложение как раз Ваше — не иметь Конституции. А раз Конституции нет, так на базе чего действовать?

Ельцин. Подписали конституционные законы, то же самое, что Конституция.

Горбачев. Нет, не Конституция, как раз подчеркивается, что конституционным законом для Союза и является настоящий Договор и Декларация. И тем самым похерили Конституцию.

Голос. В Великобритании Договор является конституционным.

Горбачев. Да, конституционным...

Ельцин. Я за то, чтобы исключить это.

Горбачев. Борис Николаевич, я не хочу, чтобы у тебя было какое-то недоумение. Я считаю, что мы реализовали то, о чем мы договорились, что не будет Конституции. Я настаивал на этом.

Ельцин. Мы не договаривались, что такое будет — «конституционные законы».

Горбачев. А юридически на чем же?

Голос. Михаил Сергеевич, допущена одна небольшая неточность. Речь шла о замене Конституции не конституционными законами, а конституционными основами. И, как говорит Борис Николаевич, к ним относятся Договор, Декларация о правах и свободах человека.

Горбачев. Правильно.

Голос. Поэтому можно сказать: «конституционные основы» — и тогда вопрос снимается.

Горбачев. Давайте, давайте. И всё. Во всяком случае я исходил из того, что реализуется идея, что обходятся и без Конституции... Есть государства без Конституции. И много. Хартия какая-нибудь — и ее объявляют Конституцией, Декларацию тоже объявляют Конституцией.

Голос. Основой, да?

Горбачев. Так, тут, оказывается, у меня приведена дискуссия из стенограммы:

Голос. Что будет выполнять роль основы, Конституции?

Ельцин. Договор будет основой.

Горбачев. Договор и законы.

Кудрявцев. Декларация прав и свобод».

По точному смыслу, ни договор, ни декларацию нельзя относить к закону, поэтому лучше, сославшись на предложения, записать: «конституционные основы».

Ельцин. Вот «законов конституционных» не было произнесено. «Конституционные законы» записано не было.

Горбачев. Нет, почему, договор и законы.

Ельцин. Тут «конституционными законами».

Горбачев. Я тебе скажу, вот всё, что мы записали, — характер, основы — это то же самое.

Ельцин. Нет.

Горбачев. Потому что Конституция — это основной закон.

Ельцин. Никто не отказывается: то, что прочитали, — было. Словосочетания «конституционного закона» нет.

Горбачев. Понимаешь, честно работа идет. Дальше, так.

Ельцин. Это называется «подсунули».

Горбачев. Нет, это «перестарались» называется.

Ельцин. Вот десятая статья, четвертая часть: «Союз вправе опротестовать и приостановить». Неясно, какой орган это делает.

Горбачев. Ну, это, наверное, если речь идет о соотношении иерархий. Соотношение иерархий: Верховный Совет. Вот так, наверное.

Ельцин. Нет, по-моему, это все-таки неточно. «Союз вправе опротестовать». Что такое «Союз»? Вот мы все Союз, собрались.

Горбачев. Союзные органы?

Голос. Верховный суд дальше упоминается. Насчет государства тоже не сказано здесь. Какой орган государств-участников может опротестовать решение Союза?

Горбачев. Тут принцип-то заложен такой, паритетный, так сказать.

Голос. Нет, опротестовать-то можно, наверное, любому органу, а решение-то примет суд. Он споры решает... Кто же приостановит действие? Тут — приостановить...

Горбачев. Ну, собственно говоря, тут, видите, как — «государство — участник Договора вправе опротестовать и приостановить на своей территории действие Закона Союза, если он нарушает настоящий Договор». «Союз вправе опротестовать...», ну, то же самое, «если он нарушает настоящий Договор». По-моему...

Голос. В обоих случаях можно было бы добавить: «в лице его высших органов власти». Потому что отменить Закон может только Верховный Совет, больше никто не вправе. Речь идет о Законе в обоих случаях. Следовательно, только Верховный Совет может отменить.

Ельцин. Это другое.

Горбачев. Да, и там, и там.

Ельцин. А так получается, что любое министерство. И опять они будут сейчас накручиваться и могут эти функции выполнять, опротестовывать.

Горбачев. Ну, по-моему, тут диалектика хорошая по отношению и с той стороны, и с другой. И одинаковая. Принцип один. Назови, что вы дописали.

Голос. «Государства — участники Договора в лице его высших органов власти...» и далее по тексту. «Союз в лице высших органов власти...» далее по тексту.

Горбачев. Ясно.

Ельцин. Статья 11-я. Самый верх этой статьи. Не «союзные органы власти и управления формируются...» и далее по тексту, а «органы Союза Суверенных Государств, предусмотренные настоящим Законом...» и далее по тексту «формируются...»

Горбачев. Я не против.

Голос. Как Вы сказали?

Ельцин. «Органы Союза Суверенных Государств». И опять непонятно, какие это союзные органы.

Горбачев. Ну, те же самые, что тут вот записано.

Ельцин. Дальше 12-я статья, третий абзац.

Горбачев. «РСФСР имеет в составе...»

Ельцин. Вот конец этого абзаца. «В целях обеспечения равноправия при голосовании среди республик каждое государство, образующее Союз, имеет один голос». Предлагается это убрать. Заменить: «В целях обеспечения суверенитета государств — участников Договора, их равноправие при голосовании в Совете Республик применяется правом консенсуса». Значит, если какая-то одна республика не согласна, выходит, нет решения.

Горбачев. Тогда это будет то, что в Европейском сообществе.

Ельцин. Ну, пока, может быть, так, только нас поменьше.

Горбачев. Они с трудом продрались к этому. И тогда начало жить Европейское сообщество.

Ельцин. Ну, потом, может быть, раздерем... А сейчас нельзя. Сейчас любую республику, так сказать, и Россию, и другую республику, можно просто задавить.

Горбачев. Я думаю, если вы вспомните, в дискуссии во время пятого Съезда [народных депутатов СССР] этот вариант обсуждался и еще запасной был: при решении принципиальных, наиболее важных вопросов.

Шушкевич. Это было бы очень красиво, если бы у нас был консенсус.

Ельцин. Конечно.

Голос. Или совсем тогда работать не будет этот...

Шушкевич. Избыток демократии на таком этапе... Нужно установить какое-то время, пока войдет такая статья. Она вообще-то целесообразна. И мораторий на этот пункт на первые пять лет существования. Чтобы навести порядок более-менее сейчас.

Голоса. Правильно... Как задачу поставить?

Шушкевич. Как задачу, чтобы было видно, что мы стремимся к абсолютному равноправию и что в режиме разгула демократии порядок навести невозможно.

Горбачев. Ислам Абдуганиевич, ты тоже очень задумался над этим?

Каримов. Да. Я считаю, что если принять предложение Бориса Николаевича, мы никогда там ни о чем не договоримся.

Ельцин. *А если принять так, как здесь, то по любому вопросу Россию можно запихнуть...*

Горбачев. Я такого коварства...

Ельцин. У вас существует договор «пяти». Как раз эта «пятерка» входит в «семерку». Я извиняюсь, конечно...

Горбачев. Не в ту «семерку». (Смеется.)

Голос. Не в самую сильную.

Ельцин. Ну в «восьмерку», ладно.

Голос. Михаил Сергеевич, сейчас в Совете Республик происходит следующим образом. Когда позиция России, допустим, одна, позиция других республик другая, они когда расходятся, тогда начинают искать согласия. И в конце концов приходят к выводу о том, что нужно поступить с определенными вопросами ради достижения соглашения.

Горбачев. Хочешь сказать, что нужно консенсус записать?

Голос. Происходит своеобразная такая торговля, в результате которой консенсус...

Горбачев. Товарищ Алимжанов, Вы с нами поделитесь первым опытом.

Алимжанов. Месяц мы работаем именно так: по любому вопросу мы находим какое-то согласие...

Горбачев. То есть консенсус?

Алимжанов. Да, и только на основе этого выходим на сессию палаты.

Голос. А в тупик не заходят, потому что тогда ликвидируется Совет Республик.

Горбачев. А как реализовать предложение Станислава Станиславовича? Всё сделать как есть и что есть, а вот, как он говорит, через какое-то время, с 1995 года или еще какое-то там — на консенсус.

Ельцин. Ну смотрите, по трудному вопросу в отношении постановления нашли консенсус. А то уже было все разошлись. Уже председатель не выдержал. Нашли консенсус — и приняли постановление.

Горбачев. Нет, председатель просто дал возможность, чтобы он не мешал. А то скажут: сидит, давит всё тут...

Ельцин. Да, это верно. Есть такое.

Голос. Но консенсус не исключает ту формулировку, которая есть.

Горбачев. Ну, да. В целях обеспечения... Прямо при голосовании в Совете Республик, если имеются вопросы, решение принимать консенсусом.

Голос. Михаил Сергеевич, можно мне предложение?

Горбачев. Да.

Голос. Оставить всё, как есть, а после этого добавить: «при решении наиболее важных вопросов решение принимается консенсусом».

Горбачев. Что — такое вправе? (Оживление в зале.)

Ельцин. Наиболее важное, менее важное — это понятие не юридическое.

Голос. А по другим вопросам и спорить нечего.

Ельцин. А вопросы решаются консенсусом.

Горбачев. А сейчас консенсус? У нас записано — консенсусом?

Голос. Нет. Такого нет в записи.

Горбачев. Нет...

Лубенченко. Нет. У нас в регламенте записано: консенсус в Совете Республик, и он действует, наоборот, успешно. Он заставляет каждого уже просто задуматься о том, какой найти наилучший компромиссный вариант.

Ельцин. Всё правильно.

Каримов. Да вы еще ни разу в тупик не попадали. Чего вы там обсуждали?

Горбачев. Да. Еще ничего не обсуждали серьезного.

Голос. Нельзя все вопросы решать консенсусом. Могут быть вопросы, которые вообще не имеют другого значения для них.

Ельцин. Они тогда не будут и споров вызывать.

Горбачев. А что мы заложили в МЭКе, Иван Степанович? А ну-ка, напомни.

Силаев. У нас там две третьих — квалифицированное большинство.

Горбачев. Ну, пусть там они решают, правильно? Оперативные всякие. А тут все же законы... Ну, в самом деле, тут оставить консенсус?

Ельцин. Здесь же мелких вопросов не будет. Тут будут только крупные вопросы.

Горбачев. Да. Всякий оперативно-хозяйственный штамп пройдут, через экономические структуры.

Каримов. Как Вы сами, Михаил Сергеевич, когда-то очень убедительно доказывали — может получиться так, что иногда, в определенном случае, попадем в тупик.

Горбачев. Есть, есть такая опасность.

Силаев. У нас там, правда, добавлено, что если какая-то сторона не согласна, то она может опротестовать перед Советом глав правительств.

Горбачев. А может тут что-то...

Голос. Но закон опротестовать уже нельзя.

Горбачев. Нет, тут перед кем и чем.

Каримов. Я понимаю Бориса Николаевича, когда он допускает, что кто-то там сплотится в группки и так далее.

Горбачев. А чего ты при этом улыбаешься? Что тут смешного?

Каримов. Я не думаю, что против России кто-то там собирается спланиваться и противостоять.

Ельцин. Я к слову сказал, ну, давайте Узбекистан назовем.

Каримов. Так не должно быть, потому что мы же теперь живем по новым законам, и интересы каждой республики превыше всего, Борис Николаевич. Вы это прекрасно понимаете.

Вы согласитесь, что консенсус — это понятие такое... Может получиться (Вы допускаете теоретически, что может такой быть факт), когда никогда мы не договоримся. Может так получиться или нет?

Горбачев. Может. Я допускаю. Но я, например, вам могу сказать, что закон, кажется о налогах, в каком-то парламенте — 40 лет [принимали]. Его только недавно ввели. Сорок лет не могли договориться.

Голос. А если предоставить право самой палате определять случаи, когда решение принимать консенсусом?

Горбачев. Чтобы определить... Всё равно, а это решение как должны принять тогда?

Голос. Квалифицированным большинством.

Горбачев. Так то же самое оно и остается.

Голос. Не допустят.

Горбачев. Какие развязки еще есть? Юристы?

Голос. Единственное, что, может быть, сделать так, как сейчас в Европейском сообществе: выделяются какие-то вопросы особые, которые без консенсуса нельзя. А все остальные решаются, ну, скажем, квалифицированным большинством. Перечень этих вопросов может быть определен специальным отдельным решением.

Горбачев. Соглашением? Может быть, так тогда?

Ельцин. Да, может быть так.

Горбачев. То есть решения по крупным каким-то вопросам принимаются консенсусом, перечень вопросов определяется соглашением между государствами.

Голос. Кто и когда его подготовит? Скажут: пока нет этого приложения — подписывать не будем.

Каримов. На самом деле, Михаил Сергеевич, это правильный подход, что все-таки теоретически как-то разрешается вопрос, что по наиболее таким основополагающим, судьбоносным вопросам принимать решение на основе консенсуса. Это в любом случае надо. Почему? Потому что всё равно, если кто-то останется при своем мнении, всё равно решение

не будет выполнено. Вот тут Борис Николаевич прав, что если мы каким-то там насилием по очень большим вопросам двумя третями голосов примем решение, всё равно оно реализовываться уже, возможно, и не будет. Потому что сегодня на том уровне демократии, на котором мы работаем, знаете, у нас санкции, как таковые, уже почти не проходят. Тут должно быть какое-то разумное согласие республик, тогда только можно чего-то добиться.

Поэтому с последним, то, что юристы говорят, очевидно, надо согласиться.

Горбачев. Ну и что тогда?

Бакатин. Если согласиться с последним, то надо и с первым согласиться, потому что мелкие вопросы не играют никакой роли. Лучшие в парламенте спорить до утомления, но прийти к единству, чем что-то принять, а потом не выполнять. А это оговаривает, что какие-то мелкие вопросы без консенсуса, кому они нужны будут?

Ельцин. Мелкие вопросы, как правило, Верховные Советы не рассматривают.

Бакатин. Перечень определять сейчас будут долго.

Голос. По согласованному перечню важнейших проблем решение принимается консенсусом.

Голос. Кем он будет согласован?

Голос. Между всеми.

Голос. Его надо согласовывать в Договоре.

Голос. Даже само согласование этого перечня вопросов в Совете Республик тоже будет решаться двумя третями, и республика, оказавшаяся в меньшинстве, может возражать против этого.

Каримов. Я, Михаил Сергеевич, просто из чисто таких теоретических соображений — закон должен предусматривать все варианты решения. Вот Борис Николаевич и Вы говорите, что такой вариант не исключается, что по отдельным вопросам мы можем просто не сговориться. Тогда что? Тупиковая ситуация?

Горбачев. Нет. Значит, для тупика тоже какой-то вариант должен быть.

Силаев. Может, при обязательном согласии того из государств, в прос которого...

Горбачев. Это же получается право вето. Правильно?

Ельцин. Да.

Голос. Если кто-то не согласен, то отменяется решение.

Голос. И на собственные функции право вето.

Горбачев. Ну да, не вообще, а...

Голос. У Совета Союза есть право вето.

Горбачев. Но, откровенно говоря, это для прохождения в республиках имеет большое значение. Каждая республика, используя свое право, может, так сказать, использовать право вето. Это поднимает ее значение.

Тут есть, как говорится, и сильные, и слабые стороны в этом деле.

Лубенченко. Но Россия не согласится без консенсуса, она не примет этот пункт. Это точно совершенно. Подавляющее большинство, вся российская делегация у нас, например. И в России вряд ли согласятся без консенсуса.

Голос. Наоборот, Россия будет против. Раз Россия за, наверное, надо идти. (Шум в зале.)

Горбачев. Поддержать еще раз Россию?

Голоса. Поддержать. Да.

Горбачев. Хорошо... Все-таки консенсус.

Голос. В целом консенсус?

Горбачев. Да. Так? Решение.

Голос. Принимается консенсус.

Горбачев. Принимается консенсус. Всё.

Голос. Я выступал на Съезде как раз и видел это как далекую перспективу.

Ельцин. Статья... это же двенадцатая статья. В самом конце, предпоследний абзац.

Горбачев. Совет Союза.

Ельцин. Нет, третий абзац.

Горбачев. Совет Республик.

Ельцин. Вот третий снизу, опять «союзных органов» заменить словами «органов ССГ».

Горбачев. «Совет Республик принимает решение об организации и порядке деятельности органов Союза Суверенных Государств»... Есть. Уловили, да? Просто уточнить, заменить.

Голос. А вот сейчас в пятой статье...

Ельцин. Часть 5 исключить предлагается.

Акаев. Да. В Верховном Совете Союза избирают Председателя Верховного Совета...

Ельцин. Имеется в виду Председатель Верховного Совета.

Горбачев. Ну, вы помните, это вы внесли. У меня не было в одном варианте, что я вам рассылал. А потом, откровенно говоря, он и зародился. Зародился он в Казахстане, да и у россиян. Зародился как-то в разговоре, на Политсовете всплыл, на Консультативном совете, да еще в других республиках. И все высказались, что нужен. Зародился от самих председателей палат, от Алимжанова и Лубенченко.

Там возник вопрос, да, в Верховном Совете, Константин Дмитриевич? О Председателе Верховного Совета.

Голос. Так если нет вопросов...

Ельцин. Председателя Верховного Совета при двухпалатной системе нет ни в одной стране мира.

Голос. Кроме РСФСР. (Смех в зале.)

Ельцин. Ну, да.

Горбачев. Конечно, конечно. Но это же уникальное государство.

Лубенченко. Я хочу просто высказать свое мнение. Возникают такие невообразимые... Вот мы сейчас пробуем к этой двухпалатной системе буквально через лианы, через колючки. Но аппарат Верховного Совета дезорганизован практически. Из-за того, что настолько сильны тенденции разобщения и трудно всё это соединить.

Борис Николаевич, когда я боролся как кандидат против Председателя Верховного Совета, то я в своем предвыборном выступлении сказал, что приведу к такому состоянию, когда Председатель Верховного Совета будет не нужен. Но к этому надо было прийти. Вот сейчас как раз и подходим к этому делу.

Горбачев. Хорошо. У меня лично тут нет никаких непреодолимых препятствий... Тем более — вице-президента.

Голос. Они иногда становятся опасными. (Смех в зале.)

Горбачев. Что, снимаем?

Голоса. Да.

Горбачев. Уже сам Верховный Совет пришел к выводу, что они могут обойтись. Они уже не хотят, чтобы над ними кто-то был. (Смеется.) Уже вкус появился. Это хорошо.

Ельцин. Статья 14-я. Вице-президента упразднить.

Горбачев. Но теперь уже оставить. Но хорошего. (Смеется.) Борис Николаевич всё никак не привыкнет...

Ельцин. А у меня всё время перед глазами эта группа... (Смех в зале.)

Горбачев. Трясущиеся руки, да?

Ельцин. Да... Но все-таки надо сказать, что функции сужаются. Поэтому, нужно ли вице-президента иметь?

Горбачев. Да. Так и будет с этими суженными функциями.

Голос. Тогда на Верховном Совете нам его избирать или всенародно?

Ельцин. Мы ведь там написали: на основании Закона. А на основании Закона как Президент, так и Вице-президент.

Горбачев. Мы записали «гражданами». Но, скорее всего, на выборы пойдём. На американский вариант. Помните? Это тогда мы с вами имели в виду, что это выборы. Да.

Силаев. *А последняя строчка тут не опасна? — «В случае невозможности осуществления им своих обязанностей...»*

Ельцин. *Вот я в отношении этого... Янаева как вспомнишь... (Смех в зале.)*

Горбачев. Я думаю, что — выполняет какие-то функции по уполномочию Президента Союза. Всё.

Каримов. *А «замещает» убрать.*

Ельцин. *По поручению Президента — пожалуйста. Пусть он это делает.*

Горбачев. Да, именно так. И убрать это — «в случае невозможности». Чтобы не искать эту невозможность, как они уже искали ее. Поэтому мы должны сделать вывод... «Выполняет отдельные функции по уполномочию Президента Союза». Всё, точка... Ну, напишите по-русски. Если функции не вяжутся, значит, функции поставить в конце. Это ясно. Тут главное вопрос идет о том, чтобы отсечь вторую часть. Отсекаем вторую часть.

Ельцин. *Статья пятнадцатая. Такой Госсовет, который здесь изображен, он здесь не нужен.*

Горбачев. Мнение?

Ельцин. *Создается для согласования наиболее важных вопросов. Что за орган? А если вы откроете Закон, принятый Съездом народных депутатов СССР о переходном периоде, там написано: «права Госсовета». Четко абсолютно.*

Горбачев. То ж на переходный, когда нет ни того, ни другого, ни третьего.

Ельцин. *Тогда переходный период будет еще пару лет.*

Горбачев. Я не возражаю оставить в той формуле, как есть... Я убежден, чем больше будет согласия в этом органе, тем он больше будет действовать на все органы. Я так думаю.

Я тогда напому вам статью эту. «Для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик, образуется на межреспубликанской основе Государственный совет». Да, не надо никакой «межреспубликанской», просто — образуется Государственный совет. Государственный совет состоит из Президента и дальше видно, кто туда входит, названные Конституцией. Уточнить, что уже без Конституции. «Работой Госсовета руководит Президент, Госсовет определяет порядок своей деятельности, решения Госсовета носят обязательный характер».

Ельцин. *Вот. А тут только для согласования.*

Горбачев. Я приветствую.

Ельцин. Там права такие: кадры на Госсовете утверждаются, министры. Вот те права даны законом, Съездом народных депутатов. Сейчас решили отобрать.

Горбачев. Так, да?

Голос. Может быть, первую часть «для согласованного решения... создается Госсовет», а вот насчет того, что носит обязательный характер, это все-таки особое положение, связанное...

Горбачев. Переходный...

Голос. А этого достаточно.

Горбачев. Ну, конечно, я вот вам скажу: я спасался тем, что переходный период, это всё объяснялось. А вот когда я пришел к ним, на Верховный Совет: вы нам скажите соотношение между палатой, Советом Республик и Госсоветом, скажите, кто о чем. Решение Госсовета, имеющее обязательный характер на всей территории, обязательное для Совета Республик?

Голос. Кроме органов представительной власти...

Ельцин. Может быть, так вот и отразить. Потом, Госсовет не издает законы, а Верховный Совет издает.

Горбачев. Теперь следующее. Госсовет, решение Госсовета имеет обязательный характер для Верховных Советов государств?

Голос. Нет!

Горбачев. А как же? На всей территории.

Голос. Только для исполнительной власти.

Горбачев. Я забиваю вопрос, чтобы прояснить главное. Мне начали задавать [вопросы]. Я говорю: знаете что, сейчас, когда и то, и другое у нас в становлении, пока не набрало силы, а наоборот, утверждается, ищем иные формы, Госсовет нужен. Потому что жизнь, общество требуют решения. Ну, это объяснить можно сейчас. А в Договор как?

Голос. Потом он не нужен.

Горбачев. Кто — Госсовет?

Голос. Госсовет. Вот на переходный период он существует, а потом он и не нужен. И существует он в соответствии с тем Законом, который принял Съезд.

Горбачев. Тогда это в Договор не надо писать?

Голос. Я думаю, без Госсовета не обойдемся.

Горбачев. Я лично думаю так. У меня глубокое убеждение, что если согласия не будет в данном случае среди сегодня сидящих лиц, других, кто придет вместо нас, то ничего не будет.

Ельцин. И потом, переходный период определялся чем? Стабилизацией экономики.

Горбачев. Нет. Переходный период вроде бы до формирования органов на базе заключенного Союза Суверенных Государств и Экономического договора, и дальше уже действует система, опирающаяся...

Голос. *Переход к рынку там, по-моему, это самое важное.*

Ельцин. *Да, экономическая стабилизация.*

Акаев. *А это займет длительный период.*

Горбачев. Вот это и есть проблема. Ее тогда надо так [решать], чтобы...

Шушкевич. *Тогда, по-видимому, регламент Госсовета чуть ли не Верховный Совет должен утверждать? Он определить должен.*

Горбачев. Закон же.

Шушкевич. *Законом определить положение о Госсовете.*

Горбачев. Дело, видите ли, у нас с вами в этом конституционном законе. Это же Закон об органах в переходный период. Тут написано, что порядок своей деятельности определяет сам Госсовет, а решения его носят обязательный характер. По отношению к кому?

Голос. *Органам исполнительной власти.*

Горбачев. Может, так и написать, четко: «по отношению к органам исполнительной власти».

Голос. *Да.*

Ельцин. *Законодательную часть не трогаем.*

Горбачев. Снизу доверху не трогается.

Ельцин. *Конечно.*

Голос. *Два исполнительных органа одновременно — и правительство, и Госсовет.*

Горбачев. Так решения Госсовета и для правительства обязательны.

Ельцин. *Давайте уберем «правительство», оставим «МЭК».*

Горбачев. Нет, Борис Николаевич. Я вот задумал наоборот даже. И мы с тобой пришли к общему мнению тогда, когда обсуждали. Помнишь? Варианты же мы гоняли вместе и пришли к тому, что даже нужно «правительство», потому что набирается такой круг вопросов. Это будет компактная [структура]. И тем самым решается вопрос о правительстве в связи с тем, что основные действующие лица в этом правительстве — это главы правительств республик и руководители ведомств, которые мы оставляем. Тогда получается то, что нужно.

Голос. *Вариант можно?*

Горбачев. Да.

Голос. Значит, сделать так: «Государственный совет — высший орган распорядительной и исполнительной власти Союза», учитывая, что Президент — глава государства, а правительство — орган исполнительной власти. Назвать Государственный совет высшим органом распорядительной и исполнительной власти.

Ельцин. Хорошо, но это требует поправки Конституции.

Горбачев. Есть Закон о переходном периоде. Вот он — «Закон об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период».

Ельцин. Там нет этой фразы: «является высшим...»

Горбачев. Нет, тут просто говорится: «Государственный совет».

Голос. Можно — «высшим коллегиальным органом».

Горбачев. Да нет, это уже иерархия. С ходу так нельзя изобретать. Тут написано: «для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики». Именно центр, захватывающий общие вопросы республик.

Голос. Нет, координация и контроль, высшая координация и контроль.

Голос. Это тоже не осуществляется. Контроля нет.

Горбачев. Ну, я думаю, здесь написано очень правильно: «для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы». То есть не вообще «сплошняк» у нас, а то, что вот где нужно взаимодействие в этом Союзе, чтобы не было: один — в лес, другой — по дрова.

Голос. Формулировка хорошая.

Горбачев. Давайте мы в основе оставим всё как есть, уберем то, что «Конституция СССР». И пишем: «решения Государственного совета носят обязательный характер по отношению к органам исполнительной власти».

Лубенченко. И к Президенту.

Горбачев. Ну и Президент — вместе же. Если решение принято — всем. Получается, вообще говоря, Президентский совет с правом принятия решений.

Голоса. Да, да.

Горбачев. Не скажу, что это упрощает структуру органов власти на верху, не скажу. Хотя это есть — этот элемент. Но, думаю, что лучше согласия добиваться здесь, чем его где-то выяснять. Мы пришли к этому выводу, обмениваясь на предыдущем Госсовете. Тогда так сделаем? Да? Задаю в последний раз вопрос и считаю, что молчание — знак согласия.

Голоса. Правильно.

Горбачев. Вносим два дополнения: убираем там, где есть упоминание, «Конституция СССР». Это, короче говоря, редакционно. И существенно, что «решения Госсовета СССР носят обязательный характер по отношению к органам исполнительной власти». Всё. Договорились.

Каримов. Михаил Сергеевич, один вопрос в связи с этим. Вот сейчас предлагают завизировать документ об итогах сессии Комитета по Государственным премиям СССР. А имеет Госсовет отношение к этим вопросам? Вообще, какой смысл нам подписывать, если я вообще не знаю этих людей и серьезно не изучал. Для чего вот такие документы визировать в Госсовете? Мы же не являемся органом, который будет камуфляжем того человека, который обязан сам подписать. В данном случае, я считаю, Ваша подпись будет достаточной. Зачем я должен здесь подписывать?

Горбачев. О чем речь идет?

Каримов. Это имеет отношение к тому вопросу, который сейчас Борис Николаевич поднял.

Горбачев. Нет, а что это?

Голос. Государственные премии по литературе, искусству и архитектуре. Но мы же не должны этими вопросами заниматься.

Горбачев. Другое дело, что надо ли вообще направлять нам такие вопросы. У кого возникнет, пусть задаст вопрос, но не обязательно, чтобы «гонять» вот это всё. Есть полномочия — пусть подписывает. Вы же у себя в республиках подобные вещи подписываете? И всё. Но направлять надо, чтобы видели.

Силаев. Совет глав правительств может принять это решение.

Горбачев. Не понял.

Силаев. Это решение может принять Совет глав правительств.

Каримов. Поэтому я считаю, Борис Николаевич правильно ставит вопрос, что этот Госсовет, так как записано в статье 15, не нужен. И за основу принять то, что Вы сказали, что вот так на Съезде было принято, с небольшими корректировками.

Горбачев. И уточнения — к кому имеет отношение решение. Потому что первый вопрос, который мне задали на Верховном Совете, — [статус] решения Госсовета по отношению к Верховному Совету. Ну, я нечто туманное сказал⁹⁴.

Каримов. Есть известный вопрос о том, как разделить власть между Комитетом республик и Госсоветом. Я считаю, тут ясно, и зря в Верховном Совете задают эти вопросы и создают напряженность. Законодательный орган, наверное, всегда найдет свое место, исполни-

тельный — свое место найдет. Какая тут связь? И зря в Верховном Совете по этому вопросу создают ненужные трудности.

Горбачев. Я, знаете, в общем так скажу: пообщались мы с ними и расстались хорошо. Их вроде больше интересует деятельность.

Лубенченко. Нет, но наше нахождение здесь — мы, наоборот, не расстались.

Горбачев. Нет, я говорю: тогда расстались хорошо.

Каримов. Я, пользуясь случаем, хочу сказать, что печальная память, когда мы тут, в Ново-Огареве, готовили документ, первый вариант этого Договора, вот тогда было настроение у Верховного Совета агрессивнее. Мы хорошо это помним. И все втроем или вдвоем представители Верховного Совета здесь давили на нас, чтобы мы приняли их вариант. Я просто это хорошо помню. Поэтому, когда я в газете прочитал, что Верховный Совет СССР начинает задавать вопросы: а что, мол, там без нас и так далее, я считаю, что этот вопрос надо как-то однозначно решить и не создавать напряженности между Госсоветом и полномочным представительным органом. Поэтому Константину Дмитриевичу (Лубенченко) и руководителю Совета Республик (А.Т. Алимжанову) надо все-таки этот вопрос своим товарищам четко объяснить. Завтра опять возникнет напряженность, повторяю, между Госсоветом и Верховным Советом.

Горбачев. И потом, вы знаете, часто это имеет место тогда, когда Верховный Совет пытается не следовать разделению властей, в законодательство влезает. Уж давайте так и будем говорить: есть там это дело, а тут — это дело. Конечно, исполнительная каждый день идет, всего этого много. Если всё согласовывать...

Лубенченко. Нет, но Верховный Совет предложит юридический вариант.

Горбачев. Хорошо. Давайте не будем терять времени. Я думаю, Ислам Абдуганиевич, эта аргументация в пользу того, что сказано. Договорились.

Борис Николаевич, продолжаем.

Ельцин. Семнадцатая статья — Верховный суд. Неудачна первая часть. Не существует в мире «межреспубликанских судов».

Горбачев. Но должны мы что-то свое изобрести.

Ельцин. Я предлагаю вместо первой части: «Верховный суд Союза принимает решения по вопросам о соответствии законов Союза и законов государств — участников Договора настоящему Договору и Декларации прав и свобод человека».

Горбачев. А по защите?

Ельцин. Вот — «Декларации».

Горбачев. Дай-ка я вернусь...

Голос. Тогда это чисто формально. Я обратиться не могу к этому суду, чтобы он меня защитил, скажем, от республиканских каких-то действий.

Ельцин. Есть Декларация прав и свобод человека.

Голос. В Декларации этого нет. Вы говорите только о соответствии, а я ищущу защиты человека, личности.

Горбачев. Ведь они на Западе дошли до того, что один человек может обратиться в Гаагский суд.

Лубенченко. И в Комитет защиты прав человека Организации Объединенных Наций.

Голос. В то же время, Михаил Сергеевич, вот Вы амнистировали у нас одного убийцу. Два или три человека убил, теперь кровная месть там, вся родня...

Горбачев. А что, с Вами не посоветовались?

Голос. Никто не советовался. Вышел Ваш Указ об амнистии. Двадцать лет ему дали вместо расстрела. С Вашей стороны, конечно, права и свобода понятны, а у нас...

Горбачев. Вообще я Вам скажу, ужас, рука дрожит вот в этом случае у меня. Сорок два человека — привести в исполнение, два-три человека помиловать... Я читаю, читаю, ужасно вообще подписывать это. Нам надо отменить это, что ли, к чёрту.

Голос. Вот здесь вообще какие-то нестыковки.

Ельцин. Мы придем к этому.

Горбачев. Сейчас не удастся. А я еще обращаю внимание: смотрю — молодой, а ну-ка дай-ка я изучу. В последний раз вон я Григорию Ивановичу (Ревенко) задавал вопросы, смотрел — всё прошло, все комиссии. Есть же специальные комиссии по помилованию.

Голос. Там же комиссия смотрит тоже так: это же межнациональный вопрос.

Голос. Всё принято...

Голос. Ну принято. А у нас там сейчас...

Горбачев. Да... Так как совместить нам идею россиян и идею сохранения, чтобы человек мог обратиться?

Ельцин. Нет такого — межреспубликанского суда — ни у нас в стране, ни в мире. Нигде нет. Что это такое? (Шум в зале.)

Горбачев. Первая часть мне нравится, что Верховный суд осуществляет... Или как там?

Ельцин. «Верховный суд Союза принимает решения по вопросам о соответствии законов Союза и законов государств — участников Договора настоящему Договору».

Горбачев. Это первая часть. Это первой частью и стало. Вторая?

Ельцин. «...и Декларация прав и свобод человека».

Горбачев. И всё?

Ельцин. Всё. Далее по тексту.

Горбачев. Это вот уходит — защита. А если сказать: рассматривает гражданские и дела уголовного характера, является высшей судебной инстанцией по отношению к военным судам? Ну, первую часть использовать, а вторую вот так. К людям которая...

Ельцин. Вторую так можно.

Горбачев. Уловили?

Голос. Да.

Лубенченко. Ну, а в случае разногласия по поводу преступлений или гражданских дел?

Горбачев. Да это сами они пусть решают.

Лубенченко. Ну как же? Допустим, один человек одной национальности — гражданин одной республики, совершил преступление на территории другой республики. Может возникнуть спор о подсудности, о разрешении дела и так далее. Кто будет решать этот вопрос? ООН, что ли?

Ельцин. Верховный суд. Но не межреспубликанский суд.

Горбачев. Нет, мы напомним: Верховный суд — вот первое, что принимает решение о соответствии или несоответствии. Раз. И ставим точку. Дальше. Рассматривает гражданские и уголовные дела межреспубликанского характера. Является высшей судебной инстанцией по отношению к военным судам.

Голос. Но здесь бы добавить еще «по защите прав и свобод», чтобы защитить...

Горбачев. Да, да, да, осталось.

Голос. «Межреспубликанский» термин сейчас... Некоторые объявляют просто себя государствами.

Горбачев. Ну, межгосударственного характера. Давайте — межгосударственного характера.

Ельцин. Последняя часть семнадцатой статьи. Как формировать. Вызывает большие сомнения заложенное здесь в «порядок». Предлагается написать: «Порядок формирования Верховного суда определяется законом».

Горбачев. Чтобы не вызывать лишнего пока, да?

Ельцин. Да.

Горбачев. А там, может, и выйдем на это. Видно — тогда, но не сейчас.

Ельцин. А сейчас — как президента. Выборы президента мы написали: «определяются законом». Порядок выбора президента. Так и тут. «Порядок формирования Верховного суда определяется законом».

Горбачев. Так, да? Давайте. Все согласны?

Голоса. Да.

Ельцин. В отношении арбитражного суда.

Горбачев. Так это будет самый, по-моему, важный, нужный. Между государствами нашими будут идти обмены, споры всякие. Это тут как раз от жизни. Вы помните, мы с вами как раз даже исходя из аргументации, которая была развернута нами, решили его выделить.

Ельцин. Хорошо, да. Значит, девятнадцатая статья. Вот тут: «прокуратуру упразднить».

Акаев. У нас тоже вызывает возражение, мы против прокуратуры.

Ельцин. Ведь функции все эти осуществляет Верховный суд Союза.

Горбачев. По американской системе?

Ельцин. Да.

Акаев. Верховный суд оставить и всё.

Горбачев. Но он — прокурор — подчинен же Минюсту?

Голос. Прокурор и министр юстиции — это всё одно и то же. А Верховный суд — это совершенно отдельно.

Ельцин. Но у нас сейчас как раз то, что должен судья выполнять, прокурор выполняет.

Голос. Отчасти да. Но дело в том, что прокурор везде, во всех странах выполняет две функции, вообще-то говоря. И тут я совершенно согласен с Борисом Николаевичем, что у нас он выполняет некоторые судебные функции. Надо снять. Он выполняет две функции: первое — поддержание обвинения от имени государства и второе — предъявление исков по защите интересов государства или гражданина, не способного защититься самому. Вот эти две функции — обвинение в суде и предъявление исков в суд; защита либо государства, либо беспомощного гражданина.

Акаев. Это же мы записали в функции Верховного суда.

Горбачев. Вы, вообще говоря, наверное, обратили внимание, что здесь его сфера деятельности — прокурора. И мы же тогда с вами четко внесли ясность, что здесь речь идет только [о контроле] за исполнением. Имеется в виду исполнение законодательных актов Союза. Так что сфера ограничена.

Лубенченко. Это могут осуществлять все органы: и Верховный Совет, и Госсовет, и Верховный суд. Так что в этой ситуации совсем другое. Поэтому прокуратура здесь просто непонятна. Обвинения она

не будет поддерживать, потому что будут поддерживать обвинение в Верховном суде прокуратуры республик.

Голоса. Конечно... Правильно...

Лубенченко. И Генеральный прокурор никак не может выступать здесь. Поэтому суть этого учреждения непонятна вообще. Или создавать Министерство юстиции, которое будет заниматься этим вопросом, или каждый из этих органов всё время контролирует вопросы соответствия законодательству.

Горбачев. Ну, я думаю, что мы с вами нанесем... Это разбазаривание контрольно-надзорной функции, которая имеет огромное значение. Особенно в бардаке, в котором мы вообще все. Это же межгосударственное. Именно то, что затрагивает только союзное, вот тут — на пересечении. А всё остальное — это республики.

Лубенченко. Сейчас союзное законодательство очень узкое, очень маленькое. Очень маленькое по сравнению с тем, что сейчас существует.

Акаев. Председатель Палаты Союза очень разумно говорит.

Горбачев. Сколько договоров мы подписали по линии Министерства юстиции и по международной?

Голос. Порядка сорока.

Горбачев. Кто правопреемником в этом случае является?

Голос. Не определено сейчас.

Лубенченко. Вообще даже сам термин «надзор» здесь — это как-то...

Голос. Я вот думаю, что сам термин не самый лучший, а по сути, конечно, все-таки, наверное, какие-то функции должны оставаться. Ну скажем, если у нас армия будет единым институтом и там будут военные суды, то в этих военных судах кто-то должен поддерживать обвинение. Я думаю, что должно быть какое-то межреспубликанское соглашение. Теперь, может быть, предъявление иска, защита СССР, в том числе по зарубежным объектам. У нас ведь дел много сейчас висит, довольно много исков.

Ельцин. Есть еще арбитражный, высший арбитражный суд.

Голос. Это верно. Но высший арбитражный суд — это судебный орган, который только принимает решение по тем обращениям, которые туда адресуются.

Ельцин. А чтоб действовал закон суверенных государств, прокуратура генеральная не нужна.

Голос. Поддержать обвинение не может. Кроме того, не может и за рубеж выйти.

Горбачев. Но прокуратуры той же Канадской конфедерации...

Ельцин. В той же Швейцарии нет.

Горбачев. И самое главное, что я с ним сразу столкнулся, когда делегацию возглавлял⁹⁵. Бывший прокурор Канадской конфедерации выступил с тем, что вот вы тут держите посла Яковлева (Александр Николаевич), а всё посольство — это гнездо шпионское.

Каримов. Михаил Сергеевич, а все-таки для той структуры, которую мы создаем, союзный прокурор не нужен. Мое мнение тоже такое же.

Горбачев. Ну почему не нужен? Дело же не структурой определяется, а есть ли материя, которая требует того, чтобы она в поле зрения была.

Ельцин. Все-таки, если высший суд...

Горбачев. Да, но постановку, возбуждение, анализ (что там противоправно) — суд этим никогда не занимался. Суд — это в какой-то мере, как говорят, кладовая: обратились, поступило судебное дело — он рассматривает. А вот всё, что возникает и что должен по союзной компетенции, скажем, рассматривать Верховный суд, это же всё будет и через Прокуратуру СССР идти.

Голос. Может быть, через Министерство юстиции?

Ельцин. Мы вторгаться в нашу деятельность российскую не дадим.

Горбачев. А тут и не нужно. Даже можем написать, что Россия выступает против... Мы же записали, это же Вы помните, мы обсуждали этот вопрос, Борис Николаевич?

Ельцин. Ну я и тогда говорил, и по нашей концепции...

Горбачев. Нет, Вы помните, что мы написали с учетом Ваших же... Пусть сейчас я не ставлю тут надзор, не надзор, а так написали: «надзор за исполнением законодательных актов Союза», а не вообще законов. То есть только то, что относится к союзной компетенции. А всё остальное...

Ельцин. Нет, я был против прокуратуры.

Лубенченко. Это же надзор за исполнением законодательных актов, за реализацией законов. Может быть создана специальная комиссия Президента СССР, которая осуществляет эти [функции].

Горбачев. Она не будет иметь права возбуждения, постановления вопросов, предъявления исков и так далее.

Лубенченко. Оно и не нужно, Михаил Сергеевич, не нужно.

Горбачев. А кто будет?

Лубенченко. Всё что существует, имеет пространство. И пространство всё разделено между республиками. Не нужно от имени Союза.

Горбачев. Да нет, а зачем суд, а зачем арбитраж? Потому что есть пространство...

Лубенченко. А это конфликты. Суды существуют как орган, осуществляющий согласование конфликтов. Здесь разрешение конфликта, столкновение друг с другом. Прокурор не разрешает конфликта.

Горбачев. Но он надзирает за исполнением этих законов. Вскрывает нарушения, но именно союзных.

Акаев. Парламенты волнуются и думают, что это четвертая власть возникает. Так они постоянно говорят...

Голос. А кто же будет возбуждать уголовные дела? В одном из посольств Союза совершено преступление. Что — суд будет возбуждать уголовное дело?

Голоса. Российская прокуратура... Чиновники Союза... Кто должен?..

Лубенченко. Мы привыкли, что у нас суд не возбуждает уголовное дело. А в большинстве цивилизованных стран возбуждает...

Горбачев. Константин Дмитриевич, это уже теоретический спор. Но мы исходим из той концепции, которая у нас существует. Или мы меняем концепцию, и тогда мы функции эти должны отдать кому-то. Я просто говорю о том, что есть материя. Тогда давайте решим — куда. Или мы должны возродить Министерство юстиции как правопреемника, и у него же прокурор.

Лубенченко. Это более мягкая форма — Министерство юстиции. А кстати, и по нашему закону суд тоже может возбуждать уголовное дело. Сам суд, а не только прокуратура.

Горбачев. Кто будет расследовать, ты пойми, изучать? Он всегда у нас отбивается, чтобы даже не брать, которые есть...

Каримов. Союзный прокурор вызывает изжогу, Михаил Сергеевич.

Горбачев. Хорошо. Давайте мы пойдем на вариант, о котором Константин Дмитриевич говорит, — что оно (Министерство юстиции), как в других государствах, у которого есть эта функция прокурорского надзора.

Лубенченко. Не только я, вот Вениамин Федорович, он изучал американскую систему.

Яковлев В.Ф. И не только американскую. Я изучал эти системы во всех государствах мира и могу совершенно определенно сказать, что в мире нет ни одного федеративного и конфедеративного государства, где бы не было такого органа. Он может называться по-разному. Это другое дело. Чаще всего называется Министерство юстиции, в состав которого входят лица, поддерживающие обвинения — раз, и защищающие интересы государства — два. И даже в суде Европейского сообщества, при суде Европейского сообщества есть так называемые генеральные адвокаты, которые, — если перевести на наши функции, — исполняют

роль генеральных прокуроров. Их там несколько. Они дают заключение и так далее. То есть вообще нет судебной-правовой структуры, где бы не было вот этих образований. Но если мы не будем их иметь, мы будем, действительно, уникальны.

Акаев. Как раз Верховным судам передать эти функции.

Яковлев В.Ф. Суд эти функции выполнять не может, это может быть «при» и так далее.

Акаев. Ну, пусть «при» — пусть будет при Верховном суде.

Горбачев. То, что характерно для большинства...

Яковлев В.Ф. Совершенно верно... Потому что здесь же не только функции, допустим, самая главная — функция защиты. Ну кто в самом деле может юридически защитить гражданина на территории какой-то республики? Сам он не в состоянии, не может. Суд-то ведь не может быть по своей инициативе. Значит, кто-то должен предъявить иск. Это может сделать только либо Прокуратура, либо Министерство юстиции. Поэтому при нашем положении вещей мы граждан практически оставим беззащитными. Я имею в виду некоренных, иноязычных и так далее.

Каримов. А республиканские прокуроры, что, не будут?

Горбачев. Нет, это когда вопрос выходит за пределы.

Каримов. Где он выйдет за пределы? Вы поймите, что обязательно возникнут противоречия между союзным прокурором и республиканским. И вы не сумеете никогда разрешить этот вопрос.

Горбачев. Ислам Абдуганиевич, он знаешь где возникнет? Вот, к примеру, я тебе скажу, по Кыргызстану (благополучная республика с точки зрения социального, межнационального мира), но сколько мы с ним наслушались? И начинают уже обращаться к Президенту, а дальше там уже и конфликты подбрасывают. И вот это всё будет выливаться, и скажут: я уже обращался, там не реагируют. Кто-то должен третейскую функцию-то [осуществлять]?

Каримов. Михаил Сергеевич, не будет никто придерживаться указаний этого прокурора. Вот я просто категорически говорю...

Горбачев. Нет, если есть закон, как же? Подожди, есть союзный закон. Союзный закон [обеспечивает] защиту. Как же?

Каримов. Михаил Сергеевич, только приняли решение о консенсусе. Ведь мы долго думали. Консенсус мы вынуждены были принять, зная заведомо, что если не будет достигнуто согласие в Верховном Совете, не будет его реализации. Точно так же, вот возьмите тот же полярный случай — Армения, Азербайджан. Что, союзный прокурор в состоянии что-то решить там? Никогда он не решит. И до сих пор он не решал и не решит, хотя все права, все полномочия даны. Но он хоть раз там

появился? Он хоть что-то в состоянии там решить? Так и возникает вопрос: зачем союзная прокуратура? Она только издевается над людьми и больше ничего.

Горбачев. Да нет, так не надо.

Каримов. Я знаю, что по Узбекистану анекдоты ходят: вчера сажали, сегодня всех отпускают. И под одной нормой — из-за отсутствия состава преступления и события преступления. Попробуй, иди докажи кому-то что-то.

Голос. Жизнь заставит — потом можно вернуться, Михаил Сергеевич. Сейчас надо просто убрать и не дразнить людей.

Горбачев. Надо идти по другому пути. Но проблема остается. И она не может быть в Договоре неурегулированной. Вариант любой давайте искать. Или юстиция, или при суде что-то. При суде — не в суде, а при суде.

Ельцин. Другое дело.

Горбачев. Или юстиция... А юстиция, знаешь, почему? Сорок договоров.

Ельцин. Ничего, ничего, правопреемники есть.

Голос. В Верховном суде давайте...

Ельцин. При Верховном суде.

Горбачев. И назовем это как? Той же прокуратурой?

Ельцин. Надзор.

Голос. Надзор и контроль.

Горбачев. Подожди. При судах — это прокуратура? Эти же прокуроры?

Голос. Генеральные адвокаты.

Лубенченко. Михаил Сергеевич, чтобы говорить на языке, совместимом со странами Запада, с которыми придется уже говорить на одном языке, Минюст более всего благоприятен. Потому что здесь и функции прокурора, то есть надзор, и обвинение, и следствие. Придется говорить об «Интерполе», можно уместить всё вот сюда. «Интерпол» придется создавать, федеральную полицию специальную придется создавать, никуда не денешься. Когда преступники начнут снова между республиками, и организованные группы будут одновременно существовать, придется «Интерпол» создавать. Куда уместить его? А Минюст как раз мог бы начать.

Ельцин. Для этого МВД есть.

Лубенченко. МВД СССР, Борис Николаевич, Вы имеете в виду?

Ельцин. Республик. Минюст включается.

Горбачев. А почему Минюст? Как раз более мягкая такая...

Ельцин. Это как раз просто опять будут опутывать республики.

Горбачев. Нет, для этого круга — для круга союзного и не больше. Это без подчинения Минюстов России или республик этому.

Ельцин. *Только что упразднили, сейчас снова начинаем создавать министерства...*

Горбачев. Я думаю, мы и еще будем создавать.

Ельцин. *Нет, не будем больше создавать, будем только уменьшать.*

Горбачев. Я уверяю тебя. И ты не делай такие заявления, потому что потом, через две недели, ты внес предложение о том, чтобы экология...

Ельцин. *Мы говорили, чтобы Минкультуры не было, опять Минкультуры остается.*

Горбачев. Да не Минкультуры, Комитет же договорились.

Ельцин. *Нет. А Вы подписали Минкультуры.*

Горбачев. Ну, Комитет же...

Ельцин. *Пусть принесут постановление.*

Горбачев. Нет, как Комитет.

Ельцин. *И Министерство, и Комитет? Написано: Минкультуры. А мы так не договаривались.*

Горбачев. Нет, о Комитете договаривались и по культуре, и по образованию.

Ельцин. *Ваша подпись стоит.*

Горбачев. Но я везде, когда выступаю, говорю о Комитете по культуре и образованию. Это подсунули приложение.

Голос. *Вот это правда.*

Горбачев. Что же правда? Что же вы мне даете на подписание?

Ельцин. *Договаривались об одном, потом — другое.*

Горбачев. Да нет.

Голос. *Называется существующее министерство, а как его назвать — это еще надо принять решение.*

Ельцин. *Мы тогда принимали решение: Межреспубликанский комитет по культуре.*

Горбачев. Да. И я, кстати, везде уже говорю «Комитет» и сказал во всех своих выступлениях.

Ельцин. *А подписали другое.*

Горбачев. Ну, подсунули приложение, наверное, какое-нибудь...

Ельцин. *Сейчас я это найду.*

Силаев. *Мы два часа обсуждали народное образование и культуру. В народном образовании у нас Комитет по народному образованию. По культуре, действительно, есть Министерство культуры.*

Горбачев. Это чушь. Надо внести немедленно [пояснение].

Голос. *Надо внести пояснение. Иван Степанович, все знают, просто не изменили названия Министерства культуры и Государственного комитета по образованию. Это то, что упраздняется. А сверху идет: «межгосударственные», вот там написано, где идет Минкультуры. Ему надо название еще дать.*

Горбачев. Да нет, это ляп, чего там говорить. Мы-то договорились, и я уже везде, понимаете, говорю об этом.

Акаев. Да, и у нас Вы так говорили...⁹⁶

Ельцин. «...сохраняется в качестве межгосударственных органов управления... Министерство культуры». Дальше. Государственный комитет.

Горбачев. Да вы, наверное, все тянете на управление, поэтому вам важно. А мы договорились о комитетах. Борис Николаевич, сослись на том, что один-один счет.

Ельцин. Нет-нет. Я сейчас дальше скажу: пять-ноль будет.

Горбачев. Ну, тогда не надо пока. Это отдельно. Так на что мы выходим — на юстицию?

Ельцин. Министерство экономики и прогнозирования — не было, не договаривались. Министерство финансов — не было. Сказали: не надо, но нет — опять же в документе есть. Межгосударственный пенсионный резервный фонд — нет. А тут есть... А тут опять Министерство гражданской авиации. Да что такое?!

Горбачев. Борис Николаевич, помнишь, Явлинский выступал и говорил: нам нужны три вещи для того, чтобы на макроуровне заниматься экономикой и на что опираться — какая-то структура на базе вот этого нынешнего Министерства экономики, какая-то структура на базе нынешнего Министерства финансов и статистика. Вы помните? Все это обговорили.

Ельцин. Отделы да, пусть отделы. Но не министерства! Мы их упразднили, а они, оказывается, есть...

Горбачев. Хорошо, возвращаемся к Прокуратуре.

Акаев. При Суде.

Ельцин. При Суде.

Горбачев. При Суде. Именно — «при». Не в Суде, не в структурах Суда, а «при Суде».

Акаев. Тогда надо статью 17-ю посмотреть.

Ельцин. Давайте тогда 19-ю исключать. Там, где вот Верховный суд...

Горбачев. А просто 17-ю статью дополнить?

Ельцин. Да, 17-ю статью.

Горбачев. Договорились.

Ельцин. *Статья 21-я. Не устраивает.*

Горбачев. Хорошая статья.

Ельцин. *Хорошая. Я прочитаю предложение. «Официальным местом пребывания органов Союза Суверенных Государств является город Москва. Условия их пребывания в Москве определяются соглашением РСФСР с другими участниками Договора». Это — территория России.*

Горбачев. Нет, это плохо во всех отношениях. Это когда-то поднимали эксперты на самых ранних этапах, даже когда мы собирались подписать. Я думаю, столица должна быть, Борис Николаевич, иначе вообще... Столица Союза. И будет Закон о столице.

Ельцин. *Столица чего? Конфедерации?*

Горбачев. Союза.

Голос. *Иначе уважение потеряет.*

Горбачев. Да нет, ну что ты! Это будет вообще... Я думаю, Борис Николаевич это так решил нам подбросить, а сам улыбается. Потому что понимает. Так, да, Борис Николаевич?

Ельцин. *Ну, не согласны, что же я...*

Горбачев. Хорошо. Ну, будем считать, что ты не очень сопротивлялся. А еще что?

Ельцин. *Еще статья 24-я.*

Горбачев. 24-я статья: «Правопреемственность».

Ельцин. *Предлагается таким образом. «Союз Суверенных Государств является правопреемником Союза Советских Социалистических Республик». Точка. «Правопреемственность осуществляется с учетом положений статьи 26-й настоящего Договора».*

Горбачев. То есть, что я подписываю, ты не подписываешь.

Ельцин. *Да, да, так сказать, чтобы люфта не было. А в 26-й статье предлагается слово «одобряется» заменить словом «ратифицируется». Хотя я не настаиваю.*

Горбачев. Вы помните, мы с вами говорили: пойти на одобрение и подписать. Но я должен сказать вот что: мы не можем в 24-й статье ссылаться на 26-ю.

Ельцин. *Да, тут так перевернуто. 24-ю сделать 26-й.*

Муталибов. *24-ю и 26-ю статьи надо сделать другими.*

Ельцин. *Да. Тогда можно сослаться.*

Горбачев. Повтори еще раз или дай-ка мне. *(Зачитывает.)* «Союз Суверенных Государств является правопреемником Союза Советских Социалистических Республик. Правопреемство осуществляется с учетом положений статьи 26-й». А в ней значится, что оно одобряется тем, что для государств его подписавших считается утратившим силу. Отношения между тем, что подлежат регулированию,

отсекается, то есть как бы грань проводится. Вот те, кто подписывает Договор, они и являются правопреемниками.

Ельцин. И всё.

Акаев. Да, это разумно поменять местами.

Горбачев. Это большой стимул.

Ельцин. Смысл тогда есть.

Горбачев. И стимул...

Голос. Вообще она лишняя, 26-я... В 6-й статье было записано в преамбуле, что государства — участники Договора образуют единое политическое пространство и основывают свои отношения на закрепленных в Договоре принципах и предоставляемых преимуществах. Отношения государств, не входящих, основываются на общепризнанных нормах международного права.

Горбачев. Правильно. Конец (26-й статьи) можно убрать отсюда. Ну тогда сослаться и на шестую...

Ельцин. Может быть.

Горбачев. Да, на две статьи. Вы уловили? Как нет? На шестую нужно. Во-первых, Союз Суверенных Государств записать раньше надо...

Голос. Является правопреемником, правопреемство осуществляет с учетом положений статей 6 и 26 настоящего Договора.

Горбачев. Но надо поменять. Нельзя же в 24-й или в 23-й ссылаться на 26-ю.

Ельцин. Поменять 24-ю и 26-ю.

Горбачев. Значит, ссылаемся (формула россиян) на 6-ю и конец убираем в нынешней 26-й, поскольку он повторяет вторую часть статьи 6.

Акаев. И на 25-ю.

Горбачев. Ну, она будет в 24-й. Поскольку о Прокуратуре исчезла...

Голос. Сейчас обязательства СССР распространяются на всю территорию Советского Союза по международным обязательствам... В пределах этой территории появляются независимые государства. Возникает этот вопрос: как нам быть? Обязательства Советского Союза распространяются на эти государства? Например, решения о нераспространении ядерного оружия?

Горбачев. Во-первых, Союз берет на себя правопреемство от имени всего Союза Советских Социалистических Республик, а отношения с этими государствами, в том числе и затрагивающие вот этот аспект, урегулируются соглашением.

Голос. Подтекст такой, что он является правопреемником, но только не на всей территории. А вот если государство какое-то отделилось...

Горбачев. Наоборот. Хоть он формируется не на всей территории, а является правопреемником полностью. Не нравится тебе? Ты считаешь, что прибалты скажут: почему за нас берете? А потому что мы подписывали от имени Союза и мы от имени Союза и подтверждаем. Всё остальное, что возникает между нами — Союзом и бывшими республиками (членами Союза Советских Социалистических Республик) — мы урегулируем переговорами и соглашениями.

Голос. Да, но здесь международное сообщество может быть обеспокоено этой формулировкой в том смысле, что она становится как бы свободной от тех обязательств.

Горбачев. Хорошо. Давайте так договоримся. Мы все обговорили. Вы распишете эти статьи, расположите как нужно. И дать еще одну экспертизу. Если какие-то нюансы нужно учесть, тогда надо будет учесть.

Значит, Борис Николаевич, Вы исчерпали?

Ельцин. Да.

Горбачев. У Вас что? Пожалуйста.

Голос. После Бориса Николаевича осталось одно замечание. На странице девятой, первый абзац, второе предложение: «представляется излишним».

Горбачев. По борьбе с преступностью?

Голос. Нет, девятая страница.

Горбачев. Ну, девятая. А статья?

Голос. Статья 12.

Горбачев. Как? Тут что-то у меня...

Голос. У Вас с добавками, а у нас чистые, наверное. Совет Союза избирается населением Союза по избирательным округам с равной численностью. И дальше написано: «при этом гарантируется представительство в Совете Союза всех государств — участников Договора». Само собой разумеется — раз выбирается в каждом государстве по избирательным округам, то каждое государство и будет представлено в Совете Союза.

Шушкевич. Я понимаю, что округ может быть по численности больше, чем одна республика, тогда она представит одного человека.

Голос. Нет, государство. Мы же в 1-й статье написали, что участниками настоящего Договора являются государства, непосредственно образующие Союз. Ну что, целое государство не потянет на избирательный округ?

Горбачев. Он прав. Это страховой полис. Вот если от двух миллионов, то кто-то может не пройти.

Шушкевич. Эстония, если останется, то не пройдет.

Голоса. В этом случае? Ну тогда снимается.

Горбачев. Как страховой. То есть всё равно оно должно быть представлено. Это, кстати, старое правило конституционное. У Вас, Станислав Станиславович?

Шушкевич. Нет.

Горбачев. Ислам Абдуганиевич? Уже исчерпано? Да? На сегодня исчерпано. Хорошо. Так можно визировать, да?

Шеварднадзе. Небольшое замечание можно? У нас записано: «...и является соответствующим многосторонним договорам и соглашениям». Потом перечень... А потом «О координации внешней политики». Видимо, в первоначальном варианте — «о внешней политике». Не координации, а о внешней политике.

Горбачев. Ну, да. Вырабатываем же все-таки.

Шеварднадзе. Да. Подразумевается и координация...

Горбачев. Как, товарищи? Можно согласиться?

Голос. Это уже на прошлом Госсовете добавили слово «координация». Наверное, обсуждалось?

Горбачев. Да. А может, так тогда: «О согласовании и координации»? Или о совместной... Как лучше-то?

Шеварднадзе. «О совместной выработке и координации». Вот так надо... Ну а что координировать, если не вырабатывать?

Горбачев. Если нет политики...

Голос. Значит, о внешней политике.

Шеварднадзе. О внешней политике. Я думаю, так лучше...

Горбачев. «О совместной координации внешней политики».

Голос. Вверху есть «совместной».

Шушкевич. Здесь так же, как вопрос с обороной. Так же не вяжется: «О координации совместной обороны».

Ельцин. Других министерств, если это всех касается.

Горбачев. Ну, в общем-то, конечно, надо согласованную политику. И элемент этот должен присутствовать. Что у Союза есть политика, а не какая-то сумма слагаемых.

Голос. Тогда не стесняться, написать: «О внешней политике».

Акаев. Координацию мы имели в виду — программу.

Шеварднадзе. Это вытекает из предыдущего — об экономическом сообществе. Общая проблема. А там и координация, и выработка. Всё остальное это подразумевается.

Горбачев. Да, да. Правильно. Так, да, товарищи?

Акаев. *Надо поддержать.*

Горбачев. Борис Николаевич?

Ельцин. *Координация?*

Горбачев. Внешняя политика.

Акаев. *Договоры и соглашения о внешней политике...* (Шум в зале, говорят неразборчиво.)

Шеварднадзе. *Потом расшифруется, чем занимается, допустим, Союз и чем будут заниматься суверенные государства. Это тут очень подробный перечень.*

Акаев. *Там есть такие слова: «Договор и соглашение».*

Шеварднадзе. *Это на третьей странице.*

Горбачев. Да. И всё. «Договор и соглашение о внешней политике». Восьмая страница. Или какая там у тебя?

Акаев. *Шестая...*

Бакатин. *Михаил Сергеевич, можно еще один вопрос?*

Горбачев. Сейчас. Подожди, закончим.

Ельцин. *По-моему, как раз здесь хорошо сказано: «О координации внешней политики».*

Горбачев. Дело в том, Борис Николаевич, что сначала, чтобы координировать, нужно выработать эту согласованную политику. Поэтому, когда мы скажем «о внешней политике», это всё включает — и то, и другое, и третье.

Ельцин. *Нет, это остается то, что было.*

Горбачев. Нет, почему же? У нас было...

Ельцин. *Мы говорим о коренной реконструкции, так сказать, МИДа.*

Горбачев. Нет. У нас же речь идет о том, что мы заключаем соответствующий многосторонний договор и соглашение. Для совместного ведения. И поэтому речь идет об экономическом сообществе, о совместной обороне, о внешней политике Союза. Это нормально, Борис Николаевич.

Ельцин. *Ну, дальше о координации этих общих технических программ, о координации общих экологических программ.*

Горбачев. А тут о внешней политике.

Ельцин. *Тоже координация внешней политики.*

Горбачев. Но там программы координируются, а тут...

Голос. *Как в обороне — совместная оборона и совместные действия. Можно и здесь так.*

Горбачев. Можно, давайте так скажем. Вот, вот. Нет «политики».

Ельцин. *Нет, мы не отдавали функции, скажем, внешней политики Центру, а оборону отдали. Поэтому там правильно — «совместные», а здесь нет, здесь только координация...*

Горбачев. Так мы еще не решали вопрос — отдали или не отдали. Мы же как раз этим и занимаемся.

Ельцин. А я говорю, что у нас есть решение, у нас есть Закон российский — функции какие мы передаем.

Горбачев. Ну и что? Ну а что же, у Союза не будет внешней политики?

Ельцин. Нет, он будет координировать.

Горбачев. Подожди, да нет. Это слишком серьезно, чтобы так упрощать.

Ельцин. Ну, некоторые принципы — да.

Горбачев. Да нет, не некоторые принципы. Внешняя политика.

Ельцин. Мы с министрами обсуждали, какие именно общие принципы будут вырабатываться, какие-то всеобъемлющие, может быть, договоры — о ядерном оружии и так далее. А в целом — это все-таки в основном координация внешней самостоятельной политики суверенных государств.

Горбачев. Хорошо, но в рамках европейского процесса, в рамках разоруженческого процесса, в рамках урегулирования конфликтов региональных, международных, в рамках соглашений всяких о том, о сем, о биологическом — это что, мы все будем, все восемь государств будем?

Голос. Тогда Союз не может быть субъектом международного права.

Горбачев. Абсолютно.

Голоса. И не может заседать в Совете Безопасности... На третьей странице посмотрите, тут всё сказано. Тогда от этого надо отказаться.

Горбачев. Там, где речь идет о принципах?

Шеварднадзе. Седьмой, да. На третьей странице.

Горбачев. Седьмое: «...Союз Суверенных Государств выступает в международных отношениях в качестве суверенного государства, объектом международного права, преемником Союза Советских Социалистических Республик. Его главной целью на международной арене является прочный мир...» И далее: «...Государства, образующие Союз, являются субъектами международного права. Они вправе устанавливать непосредственно дипломатические, консульские связи, торговые и иные отношения с иностранными государствами, обмениваться с ними полномочиями».

Ельцин. То есть являются субъектами международного права.

Горбачев. Да, это не исключает. Это не исключает, Борис Николаевич.

Ельцин. Но тем не менее, должны проводить скоординированную политику все государства, входящие в Союз.

Горбачев. Должна быть согласованная политика. Союз должен быть субъектом международного права. Больше того, вы в подтверждение этой позиции (кстати, это решение у нас было) сказали, что Россия не претендует на отдельное посольство.

Ельцин. *Пока не сказали. Просто сосчитаем деньги.*

Горбачев. Но вот это же всё о том, что мы создаем государство или разрушаем его. Это же до конца надо договаривать, понимаете. До конца надо договаривать. Что же тут заниматься игрой и создавать и для себя всё... Нельзя же...

Голос. *В крайнем случае согласованием... О согласованной внешней политике...*

Ельцин. *Нет, лучше всего тогда: «...о принципах внешней политики».*

Горбачев. О принципах. А как союзный уровень?

Ельцин. *Что союзный уровень вырабатывает принципы внешней политики. Принцип взаимоотношения с Соединенными Штатами, еще с кем-то. А наполнение идет непосредственно через государства, образующие Союз... И мы так с Вами говорили, и с Панкиным говорили.*

Горбачев. Нет, нет. Подожди, подожди. Но я вам конкретный вопрос ставлю. Это же, так сказать, область конкретная, она требует... Вот процесс европейский, и договорной весь, и заключение всех этих хартий и так далее. Или процесс разоруженческий, переговорный, или процесс урегулирования конфликтов в Камбодже, или что там осталось — Афганистан до конца или ближневосточный конфликт. Тут же есть такие более глобальные эти...

Ельцин. *Но без нас.*

Горбачев. Но так Госсовет же присутствует...

Ельцин. *Но это же будет министерство, а не Госсовет. Министерство будет осуществлять, а не Госсовет.*

Шеварднадзе. *В Госсовет это же записали: «согласование основных аспектов внешней и внутренней политики».*

Горбачев. Всё везде мы прописали. Присутствует везде.

Ельцин. *Согласование — это уже всё. Это уже тогда наступление на суверенитет, если согласование.*

Голос. *Может быть, «О принципах совместной координации внешней политики», имея в виду, что Министерство внешних сношений сейчас соединяет и политику, и экономику.*

Горбачев. Я думаю, что там будет идти как раз сейчас по линии реализации. Договор подписали, а в рамках пойдут по линии реализации проектов, сотрудничества... Это всё же республики. Но что касается внешней политики...

Голос. Нет, если о принципах, то мы уже в мелочи не будем... По принципу валютной координации.

Горбачев. В Международный валютный фонд что — все восемь вступать будем? Союз вступил.

Ельцин. Ну и что, и мы вступим. Это не исключается.

Горбачев. А зачем?

Голос. Нам предоставлено такое право... Если нужно будет...

Ельцин. Посмотрим, посмотрим. Но право имеется.

Голоса. «О принципах совместной политики...» «О скоординированной внешней политике...» Нет, соглашения не может быть об уже скоординированной внешней политике. О принципах, как это делать...

Ельцин. «О принципах координации внешней политики». Вот.

Голос. Так это совсем другое.

Ельцин. Соглашение заключаем о принципах координации, как эта политика будет координироваться.

Горбачев. Нет, вообще уже тогда о принципах координации. Не о внешней политике, это же не может быть так.

Ельцин. Внешней политики.

Горбачев. А я думаю, что самая верная эта общая фраза — «О внешней политике». Всё.

Шеварднадзе. Если первую фразу взять «...в целях обеспечения общих интересов государств — участников Договора», то надо устанавливать: в сфере совместного ведения и заключаются соответствующие многосторонние договоры и соглашения. То есть эти договоры и соглашения будут определять порядок, как вести все эти дела во внешней политике.

Шушкевич. Тогда «о порядке внешнеполитической деятельности».

Горбачев. Как «о порядке»?

Шушкевич. Ну, а как же, если согласованная — значит, какой-то порядок.

Горбачев. Нет, Станислав Станиславович. Политика исчезает, понимаешь, когда будет так... Вы имейте в виду, вы упрощаете. Это может вообще настолько серьезно обернуться, что если перед лицом окажется восемь политик... Это очень серьезно!

Ельцин. Нет, координировать должно министерство.

Горбачев. «О внешней политике».

Голос. Нет, «о координации внешней политики». Наверное, она была самой [первой].

Горбачев. Нет, первая была «внешняя политика»... Без координации.

Ельцин. Потом координацию включили, согласились с этим. Почему же Вы меняете свое мнение, Михаил Сергеевич?! Вы меня упрекнули этим, сейчас я — Вас.

Горбачев. Хорошо, я принимаю, но продолжаю процесс изысканий, а именно: можно координировать в рамках согласованной политики, никакой координации вне согласования не может быть.

Ельцин. Координация — это и называется согласование.

Горбачев. Нет. Координация — это, как правило, скорее всё уже на стадии исполнения, а нужна совместная политика, внешняя политика.

Каримов. Может, все-таки запишем: «О принципах внешней политики»...

Ельцин. Вот-вот, принципов нет у политики.

Горбачев. А знаете, что такое принципы внешней политики? Это то, что мы боремся за мир.

Голос. Это разные вещи.

Горбачев. Вы же поймите, для Союза важно заключить соглашение, в котором было бы определено совместное согласование подходов, приоритетов и так далее и инструменты реализации. А инструмент мы уже закладываем: Совет министров иностранных дел открывает там, где интерес повышен, свои зарубежные учреждения и через них реализует; в других устанавливается посланник или что-то. Это уже — механизм реализации. Так что целая система такая. Первое — политика, координация и сам механизм реализации. Вот оно всё вместе и есть.

Ельцин. Так последние договоры, которые подписываются, — ни одну республику не спросили. Вот в чем дело.

Горбачев. Борис Николаевич, мы действуем на основе пока действующей Конституции. Давайте скорее делать и всё, конец на этом.

Лубенченко. Мысли вслух можно высказать? Я не знаю решения этого вопроса, я просто рассуждаю. По вопросам безопасности можно заключать различные региональные соглашения. Каждая республика, допустим, может иметь определенную тенденцию к заключению такого рода договоров в разных частях евроазиатского пространства. И здесь может возникнуть очень серьезное рассогласование позиций: юго-восточная, допустим, линия, восточная, западная или северная и так далее. Если произойдет такое рассогласование, тогда мы не можем выступать в качестве субъекта международного права по коллективной безопасности в мировом содружестве.

Горбачев. Абсолютно. И так по другим вопросам.

Лубенченко. Я просто рассуждаю пока.

Ельцин. Как Европа действует? Координирует?

Горбачев. Так она не государство... Мы же объявили, что «рассылаем» с вами конфедеративное государство.

Лубенченко. Серьезное, постоянное...

Ельцин. Но конфедеративное.

Горбачев. Но государство. В том-то и дело. Это признаки тако-го...

Ельцин. Прошлый раз хорошо было записано. Можно тогда только согласиться «О принципах...», и тогда ладно.

Горбачев. Борис Николаевич, принципы — это невмешательство, это бандунгские принципы⁹⁷.

Голос. «Принципы координации внешней политики»...

Горбачев. Предлагают варианты. Первый: о внешней политике и принципах ее координации. Второй вариант: о коллективной внешней политике. По-моему, хуже. Потому что тут и о внешней политике, и о принципах координации. И еще один вариант: о выработке и координации внешней политики. Это, пожалуй, даже лучше: о выработке и координации внешней политик. То есть и вырабатывает, и координирует.

Шеварднадзе. Это лучше. То есть заключается соглашение.

Горбачев. Да, да, соглашение.

Голос. А там всё учитывается. Предлагаю согласиться... Хватит уже, пора обедать.

Бакатин. Я прошу прощения, тоже вот об этом ведомственном подходе. (Смех в зале.) Я без всякого намека. Меня устраивал перечень соглашений, потому что я видел место своих служб в совместной обороне и коллективной безопасности, защите прав человека и борьбе с преступностью. Мы здесь можем найти спецслужбы. Но я задаю вопрос, мне хотелось бы все-таки уточнить. По прокуратуре всё ясно, по культуре тоже всё ясно. Я хотел бы сейчас, так сказать «на берегу», получить еще одну ясность: все-таки спецслужбы будут у Союза Суверенных Государств или их не будет? Потому что вот, например, по культуре вместо министерства будет комитет. А вот то, что Госсовет утвердил, — Межреспубликанскую службу безопасности и Центральную службу разведки — это всё сохраняется?

Горбачев. Ну а как же!

Бакатин. Ну, пока здесь об этом не упомянули. Михаил Сергеевич, это пока Вы говорите, да? А здесь об этом ни слова вообще.

Ельцин. Почему — «...коллективная безопасность...»

Бакатин. Это сохраняется, да?

Горбачев. Конечно. Безопасность туда идет. На базе же этих решений мы запись сделали.

Ельцин. «...совместной обороны и коллективной безопасности...»

Бакатин. И эти спецслужбы, которые вы организовали, они сохраняются, да? Всё, больше вопросов нет.

Горбачев. Еще [вопросы]?

Голос. Нет.

Ельцин. Всё. По-моему, надо другие вопросы сегодня не рассматривать.

Лубенченко. ...Исправленный текст будет опубликован?

Горбачев. Да, да.

Лубенченко. А когда в публикацию передадите этот текст?

Горбачев. Да ладно, это уже другой вопрос.

Был объявлен перерыв, во время которого М.С. Горбачев провел пресс-конференцию.

Печатается по тексту стенограммы:

РГНИ. Фонд № 121. Опись № 3.

Дело № 122. Л. 1–133.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В ПЕРЕРЫВЕ ЗАСЕДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА СССР

25 ноября 1991 года⁹⁸

Горбачев. Первую часть повестки дня, которая связывалась с завершением подготовки Договора о Союзе Суверенных Государств, с тем чтобы его передать в Верховные Советы республик, Верховный Совет СССР и опубликовать, мы завершили. Возник вопрос о том, что мы раньше договаривались парафировать каждый лист. Договорились пойти по линии выражения коллективного мнения, коллективного парафирования решением Госсовета. Поэтому в результате довольно длительной работы, проработки всего комплекса вопросов, которые возникли уже в ходе работы над последним вариантом и за которые высказались руководители суверенных государств, пришли к тому, что приняли вот такое постановление: направить Верховным Советам Суверенных Государств и Верховному Совету СССР разработанный проект Договора о Союзе Суверенных Государств. Просить Верховные Советы рассмотреть данный проект, имея в виду подготовить его для подписания в текущем году, опубликовать проект в печати⁹⁹.

Я должен сказать, что опять всё возвращалось на круги своя. Уже раз быть откровенным — наверное, такова сама наша материя. Тем не менее, хоть были дебаты острыми, серьезными, у всех присутствовало понимание, что дальше затягивать просто невозможно.

Страна и общество в таком состоянии, что этот процесс надо завершить, ибо не заработают ни реформы, ни экономический дого-

вор и ничто другое, если мы не развяжем главный узел — вопрос о государственности. Поэтому к тому, о чем мы договорились на прошлом Госсовете 14 ноября, существенных изменений, изменений коренного порядка не внесено. Они носили больше редакционный характер. Единственное из того, что, может быть, выходило за эти рамки, — это исключение из проекта Договора предложения иметь Председателя Верховного Совета СССР. Вице-президент сохранен, двухпалатный Верховный Совет сохранен, как и должность Президента, избираемого гражданами в соответствии с законом, который будет принят. Госсовет восстановлен и не только восстановлен: товарищи высказались за то, чтобы этот орган играл более эффективную роль, имел силу и влияние, которые он набирает сейчас. Более «облегченная» формула, которая содержалась в проекте, не удовлетворила товарищей. Они высказались за то, чтобы Госсовет был органом согласования внутренней и внешней политики на уровне государственном под руководством Президента, чтобы решения Госсовета носили обязательный характер, словом — чтобы действовал эффективно. Иначе говоря, функции Госсовета решили восстановить в том виде, в каком, по сути дела, они были определены и очерчены в принципиальном плане в Законе о государственных структурах и органах управления в переходный период¹⁰⁰. Это вот существенное, что было внесено в проект.

И еще одно, тоже существенного порядка: участники заседания высказались за то, чтобы прокуратура существовала не как самостоятельный институт, а чтобы этот институт надзора за соблюдением законов был, по опыту зарубежных стран, при Верховном суде Союза. Еще дискуссия была относительно совместного ведения, то есть полномочий союзных органов. Но здесь больших разногласий не было, уточняли суть того, что понимается под соглашением о внешней политике. У нас был разговор об этом еще на прошлом заседании Госсовета. Там вышли на такую запись: иметь Соглашение или Договор о координации внешней политики. Но новый министр внешних сношений товарищ Шеварднадзе поставил вопрос: а что координировать? Ведь чтобы координировать, нужна политика. Поэтому нашли формулу, которая предполагает согласование внешней политики и ее координацию, а также принципы координации.

Вот, пожалуй, наиболее существенное, о чем пришлось подискутировать.

Возвращались опять и к дискуссии по вопросу: конфедерация — это Союз или государство? Это самая значительная часть нашего

заседания. Всё же оставили формулу, которая была согласована на прошлом заседании Госсовета, а именно: Союз Суверенных Государств — это конфедеративное демократическое государство. И эта концепция была проведена через все разделы проекта. Таким образом, очень трудная, очень ответственная работа на таком важном этапе, каким является рассмотрение на Госсовете, завершена. И я думаю, в течение двух дней мы внесем уточнения в текст и разошлем его.

Агентство «Интерфакс». *Еще десять дней назад все президенты сказали о том, что будет парафирование. Это международно признанная норма. Не считаете ли Вы, что отказ от этого, что называется, не от хорошей жизни и, если не служит затягиванию ново-огаревского процесса, то, по крайней мере, отражает настороженность политических руководителей республик?*

Горбачев. Скажу так: руководители республик в какой-то мере сохранили себе пространство для маневра и политически правильно ссылаются на то, что процесс все-таки должен завершиться в Верховных Советах. Они не хотели действовать неуважительно в отношении Верховных Советов.

Но вообще-то, говоря на международном языке, такое постановление Госсовета, по существу, означает парафирование — согласованный проект направляется для рассмотрения в принимающий окончательные решения орган.

«Правда». *Сохраняется ли возможность подписания Договора в начале декабря?*

Горбачев. Я думаю, в начале декабря нет. А к середине, к 20-м числам, вполне возможно. Но предстоит работа в комитетах, в Верховных Советах, потом дебаты и одобрение и формирование полномочных делегаций, которым будет поручено окончательно доработать текст — как мы решили — и подписать его. Во всяком случае, мы должны приложить все усилия, чтобы это было сделано побыстрее, потому что в таком состоянии общество нельзя больше держать. Я это еще раз ощутил, будучи в Иркутске, и даже в более или менее спокойной республике Кыргызстан. Там тоже главный вопрос — сохранится ли межнациональный мир? Люди в тяжелом состоянии, в большой тревоге.

Центральное телевидение. *Михаил Сергеевич, никто из нас не знаком с текстом Союзного договора, который Вы сегодня обсуждали. Могли*

бы Вы коротко сказать, какая роль отводится в нем Президенту Союза? Будет ли он всенародно избираться?

Горбачев. Президент — глава конфедеративного государства избирается гражданами в соответствии с законом на пять лет, не более двух сроков подряд, является Главнокомандующим Вооруженными Силами, формирует правительство и всё, что связано с исполнительной властью, возглавляет Государственный совет. Я, в общем, вы знаете, привержен этой формуле, отстаиваю ее. Вижу: на моих коллег в Государственном совете идет мощное давление разных течений, которые ставят под сомнение целесообразность сохранения государства. Я уверен, что если мы поддадимся этому, этим настроениям, если мы проигнорируем желание в народе в пользу союзного государства — а оно сейчас сильнее, чем на референдуме, — то нам всем не собраться с силами. Это трудно будет сделать — люди это должны знать, — даже если мы подпишем Договор и сохраним союзное государство: слишком многое уже упущено. Так сильно дезинтегрировано общество, так всё нарушено... Один из членов Госсовета сказал: мы что хотим создать — государство или, по словам Маяковского, «облако в штанах»?¹⁰¹ Я думаю, он правильно, уместно использовал этот образ. Если мы в этом облаке окажемся вместо союзного государства, обновленного, реформированного, с другой ролью союзных республик, с другими союзными органами, это будет, я скажу, трагедия. И надеюсь, все это понимают. Я не хочу сказать, что Горбачев больше всех чувствует свою ответственность перед людьми, а другие не чувствуют. Это было бы с моей стороны просто неуважительно к моим коллегам: они ведь каждый день ощущают настрой в своих республиках, давление всех течений, всех слоев общества. Я просто лишь хочу подчеркнуть: время пришло, когда хватит маневрировать. Пусть каждый скажет, чего он хочет, и люди пусть разберутся.

Программа «Маяк». Судя по тому, что Вы сказали, видимо, сегодня возникла необходимость возвратиться к обсуждению тех положений Договора, которые считались уже ранее согласованными. Вот такой подход не затрудняет ли договорный процесс в целом?

Горбачев. Но я вам уже сказал, собственно, что по каким-то вопросам, даже принципиальным, пришлось вернуться назад. Но в принципе мы вышли на согласование. Ничего из принципиально не выпало, ничего не утрачено.

«Московские новости». Михаил Сергеевич, сохраняется ли у Вас надежда, что к Договору присоединятся другие республики, не участвующие сегодня в огаревских консультациях?

Горбачев. Уверен.

«Московские новости». Какие?

Горбачев. Украина будет участвовать. Я не мыслю себе Союзного договора без Украины, убежден в этом — я знаю настроение народа Украины.

«Труд». Будет ли отдельно обсуждаться еще вопрос о названии нашего нового государства, учитывая, что аббревиатура ССГ уже подвергается критике?

Горбачев. Я сегодня на заседании, ссылаясь на то, что в эти дни эта тема довольно широко обсуждается в прессе, сказал: давайте поговорим, как будем реагировать на выступления прессы по этой теме. Все товарищи высказались за то, чтобы сохранить название ССГ, как мы договорились на прошлом заседании Госсовета.

«Независимая газета». В какой форме решается вопрос единых Вооруженных Сил Союза? В предыдущем проекте была оговорка, что эта статья дорабатывается.

Горбачев. Сейчас есть специальная статья Договора по Вооруженным Силам. Там сказано, что они едины, централизованно управляются, но что при этом будет договор, в котором будут оговорены и новые возможности для республик. В частности, уже принято решение о том, чтобы гражданскую оборону, военкоматы, строительные части передать в ведение республик. Кроме того, особо прорабатывается, продумывается механизм участия республик в осуществлении, в выполнении функций центрального управления Вооруженными Силами. Так что имеется в виду, что Договор, который будет заключен, об обороне и коллективной безопасности, все эти вопросы «просветит», «пропишет». Но это будут единые Вооруженные Силы.

Печатается по тексту:

Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция.
М.: Издательство «Новости», 1992. С. 11–16.

ЗАСЕДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА СССР (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

25 ноября 1991 года¹⁰²

В начале заседания М.С. Горбачев рассказал, как прошла пресс-конференция после первой части заседания.

Горбачев. Почему парафирования нет... Впрочем, как и следовало ожидать?! Вы знаете, я вот в этой позиции руководителей республик увидел желание проявить больше уважения к Верховным Советам. Ну и, конечно, как политики они, видимо, и себе хотели бы оставить поле для маневров. Да. Но, главное, всё согласовано, и наши постановления общие — это коллективное, так сказать, подтверждение того, что мы проект выносим согласованный. Ну, а остальное...

Да, задавали по Азербайджану два вопроса: что вы думаете делать на Госсовете, обсуждали или нет? Я говорю, мы коснулись этого вопроса и продолжим разговор. Ну, вы чувствуете, что там война вот-вот грянет? Что делать? Почему вы не принимаете решения? Я говорю: мы не уходим от этого вопроса, продолжим его обсуждение.

И еще что? Можно ли в первых числах декабря все же подписать Договор? Я говорю: мы всё сделаем для того, чтобы отправить в Верховные Советы. Ну, а там поработают комиссии, сессии будут, дебаты провести, потом будут еще работать комиссии с полномочиями, наверное, согласуют окончательные варианты. В общем, я говорю и считаю, что все заинтересованы в том, чтобы быстрее двигать этот процесс. Ничего особо скандального не задавали.

Борис Николаевич, двинемся дальше?

Ельцин. Я не знаю как, Михаил Сергеевич, я не имел в виду...

Горбачев. Да, и я, как мы договорились, [имел в виду] порассуждать.¹⁰³

...Горбачев. Борис Николаевич, Вы считаете необходимым безотлагательным согласовать в рамках МЭК то, в чем и сама Россия нуждается. Ну, первое — это то, что Вы сказали: по ценам тут договориться.

Ельцин. Да, по ценам и список соответствующих товаров, продуктов, по которым должны быть фиксированные государственные цены. Они должны быть, конечно, фиксированы в общем. Ну, как с нефтью, мы должны вместе с ними решить. И они за повышение, и мы за то, что надо повысить, потому что невозможно... У них там уровень рентабельности меньше 10 процентов. Как же так можно работать?

Горбачев. А на второй вопрос, о чем Вы сказали, что вот выйти на эти 10–12 процентов или 14 процентов? Значит, о бюджете нужно договариваться срочно. Зафиксировать всё, так сказать.

Ельцин. Вот сейчас бюджет — это сложное... Мы понимаем, мы просчитывали, как же можно все-таки российский бюджет защитить? Нет, всё равно, у нас такая система взаиморасчетов со всеми республиками — через союзный бюджет нам надо думать все-таки об общем бюджете, о консолидированном. Я бы сказал, бюджете — российском и союзном. Он должен между собой корреспондироваться.

Горбачев. Абсолютно.

Ельцин. Вот так, да. Иначе нам не выйти из положения. Хотя, конечно, мы начало некоторое сделали. С некоторыми республиками мы повели отдельные расчеты. Но, я думаю, что в будущем, может быть, такая система и нужна будет. Но на сегодня ставить эти республики в то положение, в каком они оказались, особенно там, где пока еще минусовое сальдо... Конечно, понимаем, что Россия есть Россия...

Горбачев. Значит, этот вопрос — как бы второй. Еще что же вырисовывается на этом?

Ельцин. Немедленно общая координация по продовольствию.

Горбачев. Но это вроде мы там создали. Все республики представлены — они сидят и квоты расписали.

Ельцин. Да, да. Налоговая система все-таки лучше, чтобы была скоординированной. Я не за то, чтобы были изменены союзные законы, достаточно республиканских.

Горбачев. Да, но будет влиять на себестоимость, на конечную продукцию.

Ельцин. Да, конечно. На уровне республиканских. Но то, что, как мы сказали, у нас уже есть, — подготовлены как законодательная инициатива Верховного Совета предложения по налогам. Мы эти предложения дадим.

Голос. Вот эта либерализация цен и действие новой налоговой системы должны быть одновременно.

Горбачев. Вот именно, одновременно.

Голос. Если до 16-го, то и то, и то 16-го должно быть.

Ельцин. Безусловно. Ну, с 1 января, мы считаем, налоговую систему...

Голос. До этого времени успеют сильно подскочить цены.

Ельцин. А это неизбежно. Они хоть так подскочат, хоть так подскочат. Считать, что инфляцию мы удержим? Всё равно не удержим. Другое дело — виток за витком. Гиперинфляцию не допустить. Вот это да. Тогда развал. Ну, а как не развал, если сегодня 54 процента дефицит союзного бюджета. При таком дефиците государство не живет уже. Мировая практика считает 30 процентов...

Горбачев. Наше же государство особенное.

Ельцин. Да, 30 процентов — это всё. За тридцатью процентами — всё. Большие дефицита не бывает в мире. Тогда — всё, закрывая государство и всё.

Горбачев. А у нас 54 процента, да мы еще как-то здесь сидим, обсуждаем.

Акаев. Держимся.

Горбачев. Да, еще вводить или не вводить. Борис Николаевич, значит, вот эта мысль, которую ты высказал относительно того, что на фоне определенного уровня наличия товарной массы свободные цены будут так протекать. В нашей ситуации могут, так сказать, [перейти] в галопную стадию. А вот не просчитывали там ребята: что если получится, что у нас цены в 10 раз вырастут, поскольку товарной массы ни черта нет?

Ельцин. Да, конечно. Просчитан был вариант такой — провести в два этапа. Но после обсуждения, довольно детального, мы пришли к выводу, что нет. Это потом усугубит положение. Ожидая на вторую группу товаров свободные цены где-то, допустим, через 2–3–4 месяца — «вымоют», это безусловно, тем более при росте всей общей суммы денежной массы. Хотя такой процент просчитан.

Дальше. Просчитан и на максимум, то есть не остановится, допустим, здесь, а пойдет дальше рост цен. То есть уже не в 3–5 раз, а в 5–10 раз. Просчитано. Но тогда, конечно, народ не выдержит. Не сумеем защитными мерами... Просчитано что? Что тех защитных мер, кото-

рые мы сегодня [имеем], их недостаточно. Вот в чем дело. То есть надо тогда поднимать защитные меры, особенно для тех, которые низкооплачиваемые.

Голос. Теперь, Борис Николаевич, вот Вы сказали о денежной реформе к осени. Какой характер будет носить эта денежная реформа? Она масштаб цен или конфискационная денежная реформа?

Ельцин. Я не сказал «к осени». Я сказал только, что ее нельзя проводить на взлете. Тут нельзя. Как говорят специалисты, может, Григорий Алексеевич меня поправит, лучше на подходе к этому перелому провести денежную реформу.

Голос. Она конфискационная будет или просто масштаб цен?

Ельцин. Частично. По отдельным группам населения.

Акаев. Без отсечки нельзя, конечно.

Ельцин. Да, конечно. Да. Какую-то категорию по доходам придется отсекасть.

Голос. Вот Эрхард очень хорошо сделал. С 21 июня 1948 года все старые марки Рейха отменил. Каждому гражданину дал 40 новых марок, потом 20 добавил, но зарплату продолжал выплачивать в новых рейхсмарках в том же объеме, а поменял один к десяти и один к двадцати.

Ельцин. Читал, читал. Знаю.

Голос. А мы обычно всё меняем по какому-то соотношению. (Шум. Голоса неразборчиво.)

Горбачев. Ислам Абдуганиевич, какие у тебя вопросы? Ты старый министр финансов и молчишь?

Каримов. А чего говорить-то? Я понимаю, Борис Николаевич убедил нас, что другого выхода нет, но тем не менее без прогноза политических и социальных последствий этого вопроса, я считаю, и для Бориса Николаевича, и для всех нас очень рискованно. Где гарантия, например, что производство резко не упадет? Значит, отпуск свободных цен означает там, где сегодня большой дефицит, еще дальнейший рост этого дефицита и падение производства. Опыт многих государств показывает это. Упадет производство, и будет предприятие жить в основном за счет чего? За счет повышения цен. Какие тут меры предпринять? То ли товарную интервенцию, то ли еще что-то такое придумать. Значит, что-то такое должно быть, чтобы на случай, если вдруг резко начнет падать производство самых нужных для народа товаров, должно восполнить. Какой должен быть запасной выход? Какой вариант? Меня больше всего беспокоит вот этот вопрос. Потому что опыт многих стран показывает, что, как правило, первой реакцией на этот вопрос происходит падение. А у нас не принят антимонопольный закон. У нас его нет сегодня. Если Борис Николаевич уже продумал это, то надо время, чтобы

эта антимонопольная система работала. Ведь на Западе это всё происходит очень быстро, моментально возникает новая конкуренция при усилении конкуренции предприятий. А у нас же одно предприятие сигаретное останавливает весь Союз. Как быть в этом случае?

Ельцин. У нас принят специальный закон, созданы специальные структуры сверху донизу вот такого антимонопольного характера. Конечно, это придется вести параллельно. Я еще раз говорю, что по классике, действительно, надо было провести одно, потом второе, потом третье, четвертое, пятое. Сейчас получается, что одно на второе накладывается. Для нас сейчас главное — это дефицит времени с точки зрения доверия людей. Сколько люди выдержат... ну, вот будет падение, но сколько...

Каримов. То есть, Михаил Сергеевич, отвечая на Ваш вопрос, я хочу сказать, что вот то, что предлагает Борис Николаевич Ельцин и в целом руководство России, это надо делать. Действительно, наверное, надо. Но у меня вопрос только по срокам и вопрос последовательности и приоритетности тех вопросов, которые в первую очередь надо делать. Потом уже кому-то доказывать бесполезно. Там уже никого не убедишь, когда просто начнется процесс отторжения.

Ельцин. Вся рассчитанная последовательность действий: два дня — десять дней. Вся эта схема есть. Что в два дня делать, что в десять дней. Вот так, с такой разбивкой.

Голос. Потом вопрос о национальной валюте очень важный. Не вводить национальную валюту. У нас сейчас хлопот и так много.

Ельцин. Да нет, мы не хотим вводить. (Шум. Говорят, перебивая друг друга.) Я из-за Украины только и боюсь вот этого. Это один из самых тяжелых вопросов.

Горбачев. Надо предложение россиян поддержать, но это выдвигать как требование ко всем республикам. Иначе коллективный ответ — кто будет?

Ельцин. Безусловно. Только рублевое, так сказать, обращение. Только рублевое!

Горбачев. Я думаю, что здесь пока россияне и все мы на макроуровне пришли к тому выводу, что можно не делать, но ситуация будет, последствия будут худшими, чем если будем делать.

Ельцин. Конечно.

Горбачев. Вот это уже ясно мне, например. А вот расчет того, что мы делаем, разные варианты и какие шаги могут быть, так сказать, страховые — это да. Но мне кажется, действительно, когда едешь, с народом говоришь, говорят: делайте что-нибудь, делайте, все. Уже народ говорит.

Ельцин. Народу неопределенность надоела.

Горбачев. Делайте все.

Ельцин. Хуже будет, но давайте все-таки делать, идти как-то вперед.

Горбачев. И только спрашивают: сколько времени?

Акаев. Но потом вы можете за счет вот этой налоговой системы регулировать.

Голос. Теперь печатание денежных знаков. По Договору экономическому предполагался эмиссионный банк, который находится под контролем всех республик.

Ельцин. Нет, там написано: «по согласованию».

Голос. Нет, эмиссионный межреспубликанский...

Горбачев. Знаете, что, собственно, получается? В последнее время мы все вникли в это. И россияне не зря пришли к этому консолидированному бюджету. Это просто объективно. Знаете, механизм какой был? Вот предприятие договорные цены получило. У нас сколько — 40 процентов на договорных? Если не больше даже в последнее время. Что за договорная цена? Это значит, что он двигает товар с договорными ценами, и всё, что выручает, ему открывает возможность повышать зарплату. Начислил он больше зарплату — предъявляет банку. Всё законно. Попробуй не отдай.

Голос. Налоги там зарабатывают.

Горбачев. Вот-вот, налоговые и это всё одно. Поэтому мы вообще действительно тут, как говорится, в ловушке железной. Поэтому надо продумать вот этот механизм — и налоги, и банки, и главное — кредиты. Кредитную политику тут ее тоже держать жесткую.

Ельцин. Да. Сказалось отсутствие такой кредитной политики. Все банки, в том числе коммерческие, навывадали кредитов столько, что сейчас на несколько лет хватит.

Горбачев. По-моему, в Польше до 35 процентов доходило, плата за кредит. В месяц, да?

Явлинский. В месяц. 35 процентов в месяц... Вот так они нажали на кредит, чтобы вообще кредиты брать было...

Горбачев. Невыгодно.

Явлинский. Невозможно вообще.

Горбачев. Потом начали отпускать его.

Явлинский. Ну, по мере стабилизации.

Горбачев. Есть что сказать?

Голос. Михаил Сергеевич! Мы поддерживаем меры России. Единственное только, чтобы Борис Николаевич нас понял: мы со дня его выступления на сессии стали...

Ельцин. Нет, мы вам все документы, я сказал, направим, немедленно все документы, которые у нас. Всем.

Голос. С учетом специфики защитные механизмы мы тоже начали отрабатывать, но в сроках, может быть, мы где-то на месяц-полтора сместились от России. С 1 февраля, может, перейдем. Но в принципе мы одобряем. Немножко перекосы будут, но тут много возникает вопросов, которые нам, видимо, стыковать надо. По налоговой и по бюджету, то что сам Борис Николаевич сказал. Единственное что — одновременно мы не можем ввести, у нас уровень подготовленности республик по сравнению с вами отстает. Мы через месяц, может полтора, отработаем защитный механизм, социальной защиты и тут же следом пойдем. А одновременно, к 16-му, просто сейчас не успеем.

Силаев. Но вы тогда за одну неделю окажетесь с абсолютно пустыми магазинами. (Голоса неразборчиво.)

Горбачев. Сейчас надо выявить, как говорят.

Шушкевич. Я затрудняюсь ответить. Я, во-первых, не экономист. Я тут одного не могу понять. Мы можем оказаться в разных стартовых условиях с Россией с точки зрения наличия бумажных денег. Как нам оказаться в одинаковых условиях?

Горбачев. Задавайте, ставьте вопрос, а потом мы должны подойти к тому, чем немедленно в рамках мы должны заняться. Вот уже ясно: Борис Николаевич внес вопрос о том, чтобы срок, когда вводить, и наименование товаров и цен согласовать. Цен — раз. Вот бюджет — два...

Голос. Наличие.

Горбачев. Наличие — три. Налоги, какие-то подходы. Ну так кто же? (Голоса.)

Акаев. Налоговую политику.

Горбачев. Потому что налоги — это всё быстро выходит туда. Вы знаете, как только увидят где-то налог другой, так они будут доить оттуда, где, понимаете, налоговая политика другая. Сегодня предприятия, концерны, консорциумы всякие, они же сейчас у нас на 3–4–5 республик выходят...

Каримов. Михаил Сергеевич, ну вопрос ведь самый простой. Вот спрашивает Станислав Станиславович о стартовых положениях. Ведь хуже всего положение оказывается в республике, которая имеет большой завоз продовольственных товаров. У меня вопрос по существу. Значит, если продовольственные товары взять за 100 процентов, только продовольственные, я повторяю — не по промтоварам, а продовольственные товары. Борис Николаевич, какой процент так называемых фиксированных цен мы будем держать, а какой процент мы опустим?

Ельцин. Там фиксированные — это продовольственные товары. Это меньше десяти по крайней мере. Это небольшой процент.

Каримов. Будем держать, а 90 — отпустим.

Горбачев. Нет, я думаю, что это он говорит не по сумме, а по товарам, по наименованиям. По сумме хлеб же берет много. Молоко берет много. Это такие мощные товары. Так что по сумме они чуть больше, наверное, будут.

Ельцин. Наименований будет, ну, восемь всего...

Каримов. Борис Николаевич, давайте порассуждаем. Уровень доходов, уровень заработной платы в среднем, если говорить уже о национальном доходе как таком интегрированном показателе, в Средней Азии он в 2–2,5 раза ниже, чем в среднем по Союзу. Это точно. Следовательно, если уж говорить по существу, то любой отпуск цен ставит в неравные условия разные регионы. Вы согласны с этим? Нельзя это отрицать. Я и задаю вопрос: ну, ладно, можно еще ходить в рваных поддевах, держаться немножко там по промтоварам, но по продовольствию — то у людей просто не хватит средств, чтобы кормить себя. Вот и возникает вопрос. Повышение цен с уровнем доходов — какое-то должно быть адекватное соотношение. Ведь в повышении цен главное — это вопрос многих соотношений.

Горбачев. Выбор формы защиты.

Каримов. Да. Это частично, но соотношения в чем: между доходами и повышением цен, между удельным весом фиксированных цен и свободно отпускаемых цен и так далее. Просто я к тому говорю, что правы товарищи, которые говорят, что если одна республика отпустит цены, то другая удержаться не сможет, иначе полки будут пустые мгновенно. Наши же продавцы повезут, всё в Россию отдадут, потому что вопросов тут нет, тут интерес такой, что ни одна милиция не удержит, ни одна граница. Поэтому Борис Николаевич прав, когда настаивает на том, что давайте согласуем сроки и согласуем перечень тех товаров, по которым надо держать фиксированные цены. А я уже вижу, что мой друг товарищ Ниязов поднял в десять раз цены на топливо. Еще будет поднимать.

Горбачев. И продолжает называть себя все время другом.

Каримов. Значит, это базовая у него. Вы знаете, что от базовых продуктов или, будем говорить, от угля, от энергии мгновенно и непропорционально будут подниматься цены и на все другие товары. Тут же есть свои вопросы. Поэтому в прошлый раз с Борисом Николаевичем мы говорили, что по базовым видам, таким как нефть, топливо, уголь и так далее...

Горбачев. Хлопок там.

Каримов. Да, хлопок. Давайте согласуем.

Ельцин. Давайте согласуем. Поднимем ее.

Каримов. Поднимем, но фиксированно надо держать.

Ельцин. Фиксированно согласуем, я об этом говорил — примерно может быть 10–15 наименований, плюс восемь продуктов питания.

Ниязов. Это по шесть рублей продавать год... Это дешевле, чем даже песок. А мы уже потеряли, Михаил Сергеевич, семь миллиардов на том, что 70 процентов товаров народного потребления завозим, технику, машины. Нам чем компенсировать? В ноябре-декабре зарплату нечем платить бюджетным организациям. Мы вынуждены... Согласовали с Россией, поскольку они экспортеры топлива, притом ниже на 50 процентов мировых цен дали. А так, по дешевке, научились же брать. Ну, что такое 36 рублей газа?! А как нам закрыть это?

Каримов. Война начнется. Тут же революционеры находятся, которые говорят: а, они так, так мы их — так.

Горбачев. А чтобы вы знали, революционеры почему-то считают (те самые революционеры, которые считают, что они придут нам на смену), что у них два срока. Или даже, может быть, к 1 января или в марте. Вот у них два срока. Так, Константин Дмитриевич?

Лубенченко. Да.

Ниязов. За последние два месяца поднялась цена на мясо, 18 рублей продают... Было 10 с копейками. Мы на килограмм мяса потеряем 8 рублей, чем покрыть его? А у нас же завозимое. Лес поднят до пяти тысяч рублей за куб, а ведь было 60 рублей. И вот этот дефицит в бюджете...

Каримов. Я извиняюсь, я хочу закончить. Бориса Николаевича я просто просил, чтобы по этим важным вопросам мы немедленно согласовали то, что положено нам согласовать.

Горбачев. Вот это хорошо, что ты сказал вслед за Борисом Николаевичем. И я еще раз скажу, давайте так. У нас так: даже Госсовет уже последний раз интенсивно работал три дня и вышли на результат. Сейчас время такое, что премьеры должны вот тут всё решить. Что они там делают, это фунты какие-нибудь или кому что выделить, кубометр какой-то — это зампремьеры сделают. Сейчас вот это в рамках МЭК буквально высидеть и всё решить. Если будут ездить сюда: один уровень, второй уровень, а потом председатели, да еще пока их стянешь. Ну, слушайте, как в такое время можно так работать? Сейчас тут надо все вопросы, которые нужно, не в кучу, а то, что мы выделим, мы должны договориться. И тем более, как мы договорились, Борис Николаевич и вам подошлет, и в МЭК это пойдет. Можем начать эту работу.

Еще кому слово? Пожалуйста, Иван Степанович.

Силаев. Я хотел бы сказать, что нам необходимо учесть одно очень серьезное обстоятельство, прямо касающееся производства продукции. Сегодня очень тревожная ситуация с заключением договоров на 1992 год.

Горбачев. Кстати, вот с этой точки зрения — чем быстрее, тем лучше. Иначе неясность с ценами. Мне сказали, что уже товары в ГУМе накапливаются.

Силаев. Но в чем здесь дело, Михаил Сергеевич. Я как раз хотел обратиться к президентам. Республики между собой должны заключить 210 соглашений, на сегодня заключили 80. Получается такая ситуация, что предприятия сейчас не заключают договоры, они ждут соответствующих указаний из министерств экономики или госснабов республиканских, и практически взаимного согласования договоров на поставки нет. Вот если мы с этим уровнем придем, тогда, конечно, товарной массы мы просто не будем иметь. Вот тогда будет беда.

Поэтому, очевидно, просьба какая? Как-то побыстрее заключать двусторонние [договоры]. А с этим связана и выдача соответствующих госзаказов и так далее, и так далее. Это первое.

Второе. Мне кажется, ни в коем случае нельзя разносить по срокам. Иначе тогда тех, которые сдвинутся по срокам, разнесет мгновенно, ну, в течение нескольких дней.

И наконец. Действительно, у нас несколько проектов Соглашения есть. Но вопросы цен, в том числе и фиксированных, надо решать согласованно, так же как и определиться с системой налогов. То, что, Борис Николаевич, в Вашей программе есть. Это — налог на добавленную стоимость, абсолютная цифра налога на прибыль. Так что, действительно, нужно, чтобы премьеры, получив Ваши, Борис Николаевич, постановления и указы (может быть, это пара дней), садились и день и ночь занимались.

Но удастся ли справиться к 15 декабря? Мне кажется, это серьезная проблема. Может, с 1 января? Это надо продумать.

Горбачев. Есть кому, товарищи, слово дать? Григорий Алексеевич (Явлинский), пожалуйста. Иди сюда поближе. Григорий Алексеевич, собрался с мыслями?¹⁰⁴

...**Горбачев.** Вот у меня какие суждения, вообще говоря. Всё время я рассуждаю. Знаете, сколько раз меня уже терзали относительно того, каждый день, и в присутствии коллег, и в Киргизии. Да, сейчас и Бориса Николаевича [пытают], но особенно меня. Поскольку Россия заявила о своих намерениях, шагах, всё время спрашивают: как Вы относитесь к этому? Я думаю так: несмотря на то, что у меня по ряду указов возникают какие-то вопросы и у меня есть опреде-

ленные на этот счет заключения юристов, я все-таки думаю, что речь идет об очень серьезном решении, к которому надо относиться серьезно, на пределе, так сказать, высочайшей ответственности. У меня такое мнение, что мы не делать эти шаги не можем. Это первое. Не можем, товарищи, я убежден...

Дальше уже последует распад, который, несомненно, будет исключать вот эти экономические шаги, меры. Потребуется просто, знаете, брать в руки всю экономику. Как, кто будет брать? — это совсем уже другое. Брать в руки, диктовать. И что из этого получится, это совершенно всё насмарку пойдет, что мы сделали для того, чтобы подготовить и общество было бы готово к переменам. Совсем другая система, команды. Во всем и всё. И производственные продукции, и госзаказ на 100 процентов — всё. Да я не знаю, что это там... Это худший вариант. Потому что это будет полное банкротство, если мы допустим развитие ситуации в таком направлении. Поэтому не делать нельзя. Раз.

Второе. Россия, решившись на это, берет на себя огромную ответственность. Но я уверен, что россияне исходят из того (и об этом мы не раз говорили с Борисом Николаевичем, и, больше того, мой анализ и просьбы экспертам, экономистам, придерживающимся разных точек зрения, дать мне на этот счет свое мнение — подтверждают), что даже такая [республика], как Россия, нуждается в совместных объединенных усилиях... Она выкарабкалась бы через ряд лет, имея все то, чем располагает. Но она этот ряд лет не выдержит, поскольку сегодня уже ситуация такая, что она выталкивает людей.

А если самостоятельно поставить вопросы... И кстати, Борис Николаевич, есть группировки, которые подбрасывают всё время такой ход размышления и решения стряхнуть, как говорят, с себя. Мы с ним не раз уже на эту тему разговаривали. И это усугубило бы трудности в два-три раза самой России и, я думаю, просто бы правительство не удержалось. Точно так же и другие республики. И с этой точки зрения должно быть у нас согласие. Нельзя не делать — надо делать. И вместе это делать. Вместе это делать — это первая мысль.

Вторая мысль. Мне кажется (я повторяю эту мысль везде), очень важно предупредить — самое главное — выход на улицу людей. Можно в частностях, я уверен, просчитать, но все шаги не просчитаем, товарищи. И даже, наверное, не исключим, что где-то люди выйдут. Но нельзя допустить, чтобы вышла вся страна или республики на улицу. И в связи с этим — что же надо делать? Мне думается, не-

сколько вещей. Прежде всего включить самих людей в процесс, постараться максимально им дать дело, занятие, максимально, товарищи. Я поясню кратко. Второе — это социальная защита. Причем превентивная, хоть на сколько. Даже пусть с точки зрения времени она не будет столь уж там [велика], всего на полмесяца или на месяц. Но с точки зрения преподнесения обществу психологически, чтобы вот это было. И люди должны увидеть, что мы бюджет берем в руки и экономим, всё жмем до предела. Хотя тут мы уже с вами до предела дожали, и нам нужно особенно не пережать такие вещи, как те, которые вызовут очень серьезную оппозицию по отношению к нынешнему руководству страны. А именно: армия, наука. Вот эти вещи. Я назвал социальную защиту, это тоже из бюджета. Но я раньше назвал это тоже. Вот эти вещи.

То есть бюджет максимально сконсолидированный и сжатый, но он должен быть реалистичный. И готовить и согласовывать это отпуская цены, включающее и налоги, и кредиты, всё, что с деньгами, банки, всю эту ситуацию.

Я думаю, что если такая последовательность шагов будет (а вот этот последний пакет России как раз тем и отличается, что он раскрывает для производителя, больше кислорода дает, и появляются меры социальной защиты), это то, что я приветствую. Но я бы на первую часть, особенно «стимулировать производителя», посмотрел бы, как надо простимулировать и крестьянина, и кооператора, и предпринимателя. И особенно самая опасная величина для нас с вами с точки зрения возможной реакции — это огромный многотысячный коллектив государственных предприятий. Не знаю, Борис Николаевич, я раздумывал — снимает это или не снимает... Надо, чтобы экономисты до конца продумали, а именно: снимает ли освобождение их, вернее отпуская цены и свобода по зарплате, потолков всех этих [зарплат], достаточно ли это всё вносит. Или все-таки надо дать им механизм распоряжаться своими результатами, конечным продуктом и распределением прибылей.

Ельцин. Они становятся собственниками своей продукции. В этом идея заложена.

Горбачев. Да. Вот надо, чтобы это было. Потому что последние мои разговоры с Силаевым, он участвовал... По-моему, они и у тебя были — делегаты Съезда рабочих¹⁰⁵. О чем они говорят? Вы поймите, мы не против реформ. Почему мы, говорят, разгоняем кооператоров? Потому что вы с ними возитесь, а нас забросили и забыли. Дайте нам те же права, дайте тот же кислород, норму того же кислорода. Больше не надо, чтобы мы могли так же действовать. И мы

тогда будем на полном серьезе соревноваться со всеми этими новыми формами и предпринимателями. Причем технология у нас такая, мы почувствуем интерес... Я вижу в этом самое главное. Кстати, они сами сказали, что вот августовский путч был у вас, — это семечки на завалинке, Михаил Сергеевич. Если вы нам не дадите дело и не замените условия работы для государственных предприятий, этих мощных коллективов, то мы вам организуем путч, с которым вы точно уже не справитесь. В открытую говорят, прямо.

Вот он, Силаев, сидел и всё это слышал, Ревенко сидел. Прямой разговор. Почему вы, занявшись всеми новыми формами, сбрасываете нас? Но они еще и напомнили, что вы рабочий класс вытеснили во время выборов, и он нигде не представлен, и так далее. Но это уже, как говорят, дело прошедшее. Почему я и ставлю вопрос, чтобы вы быстрее эти стимулирования дали. Чтобы все почувствовали. И тогда сказать: ну, слушай, зарабатывай, тебе же и то дали, и это дали, распоряжайся продуктом. Работай, ищи, меняй ассортимент. Ну, зарабатывай всё.

Мне кажется, что это очень важно. Социальная защита — тут вот вопрос, который начали, шаги надо продумать. Я не исключаю того, что будут согласованные вещи, продукты какие-то (вот этот минимум), но также, наверное, какая-то специфика будет учитываться у каждой республики. Особенно там, где будет улавливаться уже своим бюджетом, своими заботами, своими расчетами... База должна быть согласована.

В связи с этим я ставлю вот такой вопрос. Если всё это увидят производители, что им (хоть и цены будут, но им уже дают всё это, если мы как-то выстроим) быстро всё это дадим, тогда отпусkanie цен будет восприниматься как логичный шаг. Нам же уже дали право, и пусть рынок распорядится.

Не думаю, что это какая-то идеальная схема... Я просто думаю, что нам [надо] как-то связать вот этих людей, чтобы не выплырнула их ситуация напряжения на улицы. Это, по-моему, только за счет стимула производителей, за счет социальной защиты, совершенно ясной для них и понятной. Тогда, я думаю, они поддержат. А отсюда для этого, я думаю, и нужны вот эти согласования. И мне кажется, мы должны сегодня попросить россиян, чтобы они быстро и республикам, и МЭК дали. И чтобы через 2–3 дня МЭК начал работать: цены, кредиты, денежная масса, конвертируемый рубль, производственные вопросы, взаимные поставки. Дозаключать эти договора двусторонние, ну то есть всё, что можно.

Кстати, вот если о Польше говорить. Ведь там они добились того, что товары лежат, но производство, по-моему, уже на 25 процентов или на 30 процентов упало. И безработица. И они никак не могут из этой фазы выйти, потому что на каком-то этапе они, наверное, потеряли тот момент, когда надо было сильнее стимулировать производителей. Но это ведь у них, а у нас сложнее.

Конечно, вот эти все антимонопольные дела нам нужно рассматривать — и налоговыми путями и прочее. Мне кажется, вот мы давайте договариваться о том, чтобы немедленно товарищи премьеры засели вместе с министрами экономики и министрами финансов за решение этих вопросов. Но вижу я, мне кажется, что мы очень оптимисты — не сделают это все до 16-го, Борис Николаевич, чтобы выпустить эти документы.

Ельцин. Почему, у нас Москва внесла предложение дать им исключение — с 1 декабря.

Горбачев. Москва да, но вот мы с вами.

Ельцин. Мы не пошли на это. Не дали такого разрешения, только с одного числа.

Горбачев. Я не знаю, может, уже держать курс на 1-е и всё сделать, выложиться.

Голос. С нового года? С 1 января?

Горбачев. Да. Не успеете до 1 января?

Шушкевич. Еще раз можно вопрос в связи с Вашим выступлением? Вы полагаете, что раскрепощение должно быть и в агроструктуре? То есть колхозы, совхозы тоже владельцы?

Горбачев. Да, конечно. А как же? Иначе ничего не будет. Мы только будем гарантию через некоторые цены регулировать, установим.

Ельцин. Мы даже хотели на зерно и на мясо ввести с 1 декабря. Потому что зерно придерживается сейчас кое-где. Кто рассчитался, прод-налог и госзаказ отдал и у кого хороший урожай - он держит зерно.

Горбачев. Борис Николаевич, я должен сказать, что иркутяне ведут торговлю прямую, бартер.

Ельцин. Вот и я говорю: придерживают.

Горбачев. В расчете, примерно, на 2000–3000 стоимость тонны. Они дают лес и приобретают себе там для прожития.

Каримов. Михаил Сергеевич, Вам не кажется, что опыт Польши, других говорит о том, что получается, что вот эти цены мы повышаем с одной только целью. Давайте так прямо скажем: ради того, чтобы уменьшить потребление. Но в Польше же количество товаров не увеличилось. Единственное, вот мы всё время говорим: на полках...

Горбачев. Не увеличилось. Спад, наоборот.

Ельцин. Почему в Польше? В Чехословакии увеличилось.

Каримов. Потребление не увеличилось?

Горбачев. Нет. Не увеличилось?

Каримов. И второе. Мы семьдесят лет воспитывали потребителя. Не потребителя, а иждивенца. Конечно, Россия более развитая республика, сознание людей выше... Но просто крик души у меня. Я людей не сумею убедить, понимаете. Не сумею я людей убедить, что вот это всё сделать таким образом, чтобы повышать цены — это вроде как самоцель. Мне надо объяснить людям. Как это объяснить?

Горбачев. Нет, ты извини меня, ты не прав. Во-первых, не повышение. Во-вторых. Это первый этап, который всегда сопровождается... поскольку тут нарушаются и хозяйственные связи из-за цены, и рыночные новые отношения. Да, структурные изменения происходят, разворачиваются куда-то. Тем более налоговой политикой мы будем поощрять товарное производство. Это на первом этапе происходит, а потом обязательно выздоровление и прирастание.

Каримов. Да не верят люди этому выздоровлению.

Горбачев. Ну так я тебя понимаю, что они не верят. Это да.

Каримов. А как можно это все разворачивать, Михаил Сергеевич, заведомо будучи уверены, что вот у Бальцеровича...

Горбачев. Ну ты скажи. Если ты предложишь что-нибудь более... Пожалуйста.

Каримов. Я предлагаю все-таки систему такую, чтобы поэтапно этот процесс шел. Я уже свою мысль высказывал Борису Николаевичу. Я ему откровенно и до этого говорил, что процесс защиты уязвимой части населения — самый серьезный и политический, и экономический вопрос. Я Бориса Николаевича убеждал отдельно, что если даже в рамках России (где, казалось бы, авторитет Ельцина огромный) не поверят правительству, не поверят вождю, не поверят лидеру, понимаете, невозможен этот процесс. Опрокинут всё, Михаил Сергеевич, поймите, всё опрокинут.

Горбачев. Что значит — поэтапно? Поясни.

Каримов. Поэтапно — это означает, что вот этот вот этап, который начат, растянуть хотя бы на один месяц, чтобы люди получили сперва какую-то реальную защиту их интересов.

Горбачев. Ну, вот я последовательно шел, опыты называю. Я бы сейчас максимум выпустил документов, стимулирующих производителя. Причем почувствовали чтобы крестьяне, что они могут разворачивать. Они бы сейчас лезли, искали скот, брали, просили землю и так далее. Я бы поощрял всех этих средних, малых и прочих.

Я бы поощрял на государственных предприятиях, плюс защита. Но по защите они даже опубликовали и пошли по этому пути. И всем сделать это и согласовать это. И за этим пойдет отпущение.

Каримов. Если Борису Николаевичу не поверят, нам всем характеристики сделают, понимаете? Вот всем республикам, больше ничего не будет. Нас это ожидает. Понимаете? Я к Вам обращаюсь, Борис Николаевич.

Горбачев. То, что вот из первой части моего выступления, я довожу до логического конца. Если кто-то думает: ну, пусть там голову сломает Ельцин, я прямо скажу. Вот все, кто здесь сидит, нам нельзя откладывать, надо делать. Так вот, давайте все договоримся, здесь уточним, но надо делать. И сейчас мы или вместе можем выиграть, или проиграть.

Каримов. Это всё Вы правильно говорите. Но я согласен с Григорием Алексеевичем в том, что я не знаю, как он, Борис Николаевич, на это идет. Это же идти ва-банк, понимаете? Просто идти ва-банк. Он, видимо, в таком положении, и я вижу, что он в таком положении. Он рискует всем. У него даже премьера нет, на которого он мог бы сбросить. В Польше там сбросили на премьера, тот ушел. А он на кого сбросит? А если там, в России, это все оборвется? Имейте в виду, что тогда вообще эта реформа как таковая умрет во всем Советском Союзе.

Горбачев. Умрет. Поэтому я думаю, что вот пусть Борис Николаевич еще подумает, премьеры поработают, сядут через пару дней и предпрешат окончательно вопрос: когда же — с 16-го или с 1-го?

Голос. Может, принять предложение. У нас только месяц и пять дней осталось. Потратить это на...

Горбачев. На стимул производителям.

Голос. На производительность и защиту. А с 1 января поднять цены.

Горбачев. Но за это время и всю систему по ценам...

Голос. Да. Тактику шагов поменять таким образом.

Горбачев. Я об этом говорил. Но мне тут не хотелось бы, у них какой-то свой расчет. Но я думаю, что когда вместе поработаете, это приведет к тому, что, Борис Николаевич, здесь правды больше. И фронтом общим надо двигаться.

Акаев. Да, тут хорошо было бы, если общим.

Каримов. Я бы хотел быть таким же убежденным, как Борис Николаевич. Быть уверенным, что завтра это всё обернется только положительной стороной. Но у меня такого убеждения нет. (Голоса.)

Горбачев. Григорий Алексеевич, пожалуйста.

Явлинский. Я хотел сказать, что, если исходить из собственной сложившейся ситуации, расчет Бориса Николаевича в этом смысле

верен. После того, что всё это заявлено, нельзя тянуть долго. Тут каждый день усугубляет, усугубляет, усугубляет.

Ельцин. Да, точно.

Явлинский. Значит, это не случайно они говорят 16-го. И не случайно у них были попытки сделать это с 1-го. А суть этого вопроса говорит, что тут тянуть нельзя. Поэтому, если все могут, то уже как-то так надо пристраиваться...

Горбачев. Нет, подожди. Вы что хотите, чтобы Россия действовала как она уже рассчитала, а остальные — как сумеют. И тогда, вообще говоря, вы входите в противоречие с главным — что согласованно можно выйти.

Явлинский. Нет. Михаил Сергеевич, я говорю о том (я просто поясню как специалист в этом деле), что тут все вы знаете, разрывы здесь невозможны. Всего лучше объявлять вечером и начинать утром. Оно уже и так длится долго.

Каримов. Кстати, Борис Николаевич заявил, что с нового года. С нового года и записано.

Явлинский. Нет, он сказал сразу — уже в текущем году.

Ельцин. Нет, нет. Я сказал — в текущем году.

Горбачев. Но потом прошло, Борис Николаевич, при разъяснении.

Ельцин. На Съезде я заявил — в текущем году.

Горбачев. Потом, на встрече с промышленниками и с кем-то еще он уточнил, что кое-какие цены будем регулировать и что это не вопрос, что цены будут отпущены тогда-то... (Голоса.) Это ничего. Ну, товарищи, это две недели. Это напрасный спор.

Явлинский. Здесь история какая? Чем дольше затягивать...

Ельцин. Тем хуже...

Горбачев. Если готовы, хоть завтра. Члены Госсовета еще не встречались. Это первый разговор.

Явлинский. Вообще это испытание для всех. Оно приближает развязку всей этой истории максимально. (Смех в зале.)

Горбачев. Поэтому лучше 16-го.

Явлинский. Ну, я не знаю. К Новому году уже было бы всё ясно.

Каримов. У него принцип такой: лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Горбачев. Я думаю, сейчас одно совершенно четко мы выяснили: идеологию, общий подход и необходимость немедленной работы по вот этим ключевым вопросам. Цены, шаги в области стимулирования производителя, защитный механизм, налоги, денежная масса — вот такой набор, где надо согласовать. Борис Николаевич

пообещал этот пакет направить. Наверное, завтра можно направить?

Ельцин. Да.

Горбачев. Я где-то выступал и говорю: если кто-то сейчас будет требовать от нас идеальных всех документов, шагов, формул и так далее, то это вообще, по-моему, крючкотворство. Сейчас дело не в этом. Надо в главном направлении главные шаги рассчитать. А это всё... На идеальное сейчас трудно рассчитывать.

Каримов. А можно назвать этот метод «шоковой терапией» или нет?

Горбачев. Хирургией. Метод шоковой хирургии.

Голос. В большей степени шоковой терапии.

Силаев. И все-таки (я извиняюсь, Борис Николаевич), если будут пустые цеха, не будет договоров между предприятиями, — вот это самое страшное... Почему я говорю, что надо посмотреть хотя бы месяц. Но все-таки первое, что сейчас надо делать, — это заключать договор. Это значит дать возможность предприятиям между собой заключить договоры и с республиками дать возможность...

Горбачев. Между прочим, им никто не мешает. Но они не хотят заключать на старых ценах.

Силаев. Это раз. И, во-вторых, они госзаказов не имеют, их держат республики.

Лубенченко. Всё дело в том, что если они даже заключат сейчас договоры, они не успеют выпустить той массы продукции, которая необходима для покрытия темпов инфляции. Если она не будет связана без возможности вкладывать определенные средства, она эффекта не даст. Товаропроизводитель не выбросит на рынок ничего. Он будет ждать, чтобы выжить в этих условиях. Тут должно быть абсолютное единство всех участников этого договора в экономических мерах. Причем здесь необходимо государственное вмешательство в приватизацию, совершенно жесткие формы воздействия на заключение договора.

Горбачев. Всё, Константин Дмитриевич, закончили. На этом, товарищи, закончили?

Силаев. Нет, Михаил Сергеевич, извините. Ряд мелких вопросов...

Горбачев. Нет, подождите. Мелкие не нужно. У нас еще есть Азербайджан. Значит, вот она, телеграмма. Вручить срочно на Госсовет.

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Вам и членам Госсовета известно положение, сложившееся в Азербайджане в отношениях с Республикой Арменией. Продолжающийся в течение четырех лет конфликт в НКАО достиг крити-

ческой точки. Ожидание, которое мы возлагали на мирное урегулирование той крайне болезненной, дестабилизирующей всю обстановку в регионе проблемы в контексте с Железноводским коммюнике¹⁰⁶, к сожалению, не оправдались. Под прикрытием миролюбивой риторики за столом переговоров армянская сторона организовала массированное наступление на азербайджанские села Нагорного Карабаха. При бездействии войск террористическими формированиями безнаказанно осуществляется выселение азербайджанцев, опустошаются деревни, в которых они проживают. Только за последние две недели оказались без крова около шести тысяч азербайджанцев в НКАО, бежавших в соседние районы. Происшедший на этом фоне трагический случай с вертолетом, в котором находились видные государственные деятели республик, военачальники, представители групп наблюдения от Российской Федерации и Казахстана, буквально взорвал всю обстановку¹⁰⁷. Общественное мнение, сложившееся в этой связи, подталкивает власти на принятие чрезвычайных мер по ограждению суверенитета, территориальной целостности республики, жизни и безопасности собственных граждан всеми средствами, имеющимися в распоряжении. И это может привести к крупномасштабному столкновению с непредсказуемыми последствиями.

Во избежание худшего предлагаю принять и незамедлительно осуществить ряд мер.

Первое. Ввести и расположить части Советской Армии возле границы между Арменией и Азербайджаном на всем ее протяжении по пять километров в каждую сторону...» То есть вопреки мнению Армении, они же не согласились. Я вам говорю, Армения не согласилась на эту пятикилометровую... Хотя когда-то было, да, Борис Николаевич?

Ельцин. Да.

Горбачев. Когда-то было. «Второе. Пресечь полеты вертолетов с территории Армении, с помощью которых в НКАО и другие конфликтные точки доставляются террористы и оружие. Третье. Разоружить и вывести все бандформирования из Нагорного Карабаха путем скоординированных действий частей Советской Армии, внутренних войск под контролем и во взаимодействии с властями Азербайджанской Республики. Власти и общественность республики, наученные предыдущим горьким опытом, когда не выполнялось ни одно из намеченных мероприятий по ограждению Азербайджана от вооруженной агрессии, терроризма, организуемого, направляемого, поддерживаемого с территории Армении, вынуждены

приступить к подготовке должного отпора силами, имеющимися в собственном распоряжении. Только конкретные действия союзных органов могут вернуть людям доверие и помогут остановить нежелательный и опасный ход развития событий».

Значит, речь о чем: пять километров, пресечь полеты, через которые идут оружие и террористы, и разоружить. Разговоры на сегодня — разоружайте всех подряд, но помогите разоружить и тех, и других, так сказать, чьи бы они ни были, бандформирования. Вот три пункта.

Ну, все те же самые вещи, что и в последнем Коммюнике было в Железноводске. Единственное, что вот это использовать. Как мнение, товарищи? Что будем делать? Кстати, заместитель Баранникова здесь?

Ревенко. *Ерин.*

Горбачев. Ерин здесь?

Ревенко. *Нет его.*

Горбачев. Они начали даже проводить, и там, где газопровод подходит, взяли ситуацию под контроль в свои руки. Но это все равно не сняло [напряженности], поскольку приняло такой характер. Что-то они начали делать. Какое мнение у членов Госсовета?..

Значит, собственно, единственное, я думаю, вот он вносит предложение по пять километров в каждую сторону. Мы не можем без согласия Армении туда двигать. Но, я думаю, что вдоль границы можно делать, раз согласие Азербайджана на это есть. Как вы считаете?

Ельцин. *Вдоль границы со стороны Азербайджана?*

Горбачев. Да.

Голос. *Они не согласятся.*

Горбачев. Ну, не согласятся — это уж их дело тогда.

Явлинский. *Но там же солдаты пострадают. Там же во время размещения они будут атакованы с двух сторон. Это же будут колоссальные жертвы. Я думаю, накануне этих мероприятий, которые мы собираемся устраивать, это самое то, что надо.*

Горбачев. Я думаю, это уже тактика. Надо принять решение. А вопрос о том, как осуществлять, надо посмотреть.

Голос. *Армянскую сторону надо к тому же склонить и поставить условия...*

Горбачев. Да склоняли уже, беседовали...

Голос. *Азербайджан считает, что война идет на их территории. И на этом основывается.*

Горбачев. На территории, дескать, Армении ничего не происходит. А что в Совете Республик?

Алимжанов. В Совете Республик Азербайджан представлен только своими наблюдателями. Но они очень активны иногда бывают, пока держатся в общем и целом ко всем решаемым вопросам, когда решаются вопросы межнациональные. А такие вопросы пока не поднимались. Всё время высказываются.

Горбачев. Да главное, в последний момент что-то там завязалось, какой-то диалог, разговор, и вот опять... Ну давайте, может быть, какой-то другой шаг? В общем, обе стороны встали... Вообще, понимаете, там дело всё в считанных днях. Я думаю, эту напряженную ситуацию использует другая группировка для прихода... И двинет, так сказать, решать свои задачи будет. Они там входят уже в контакт с другими силами и с другими государствами.

Ельцин. Не владеет обстановкой ни тот, ни другой. Вот в чем вопрос. И те формирования, которые перебрасываются на сторону Азербайджана, это делает не Тер-Петросян. Вот в этом всё дело. Он не может повлиять на то, чтобы это не делалось.

Горбачев. Особенно ужесточились эти планы, когда он одержал победу¹⁰⁸. Они тем не менее пытаются дестабилизировать.

Явлинский. Что хочет Муталибов — ясно, а что хочет Тер-Петросян? Вы с ним говорили?

Горбачев. Независимости. Разговаривал я с ним. Кстати, и приглашал, а он не приехал.

Явлинский. С независимостью это всё понятно. Что он хочет в связи с этим? Ну вот Муталибов прислал Вам телеграмму. Из этой телеграммы следует: «Михаил Сергеевич, вводите войска». Вот что написано в этой телеграмме. Русские войска вводите туда, ставьте их под удар и пусть их долбят. Вот что там написано. А что хочет Тер-Петросян? У него есть какое-то соображение, предложение?

Ельцин. Тер-Петросян хочет, чтобы вывести войска.

Явлинский. То есть прямо наоборот.

Ельцин. Да, прямо наоборот. Что в НКАО армянские села есть (ну и по границам НКАО), что они сжигаются, что армяны оттуда выселяют и так далее. А потому это возбуждает соответствующие армянские группировки, которые туда проникают с техникой, со всем, и идет война. Сначала вроде бы договорились, успокоились, шел нормальный процесс переговоров с той и с другой стороны. Потом опять... Видимо, там кто-то здорово заинтересован в том, чтобы там обстановка была горячая.

Горбачев. В общем ситуация такая: если мы сейчас не придем и не разделим на границы, не возьмем под контроль пограничную по-

лосу эту, возьмем ее в руки (как и что — это надо продумывать, хотя там уже работа ведется, между прочим, в практическом плане), то там будет поднят на священную войну весь Азербайджан. И он пойдет, и его будут поддерживать все мусульманские страны.

Ельцин. Но надо иметь в виду, что армяне опередили Азербайджан и имеют уже, так сказать, достаточно вооруженных людей, по крайней мере, тысяч двести. Почему Азербайджан и хочет, чтобы пришли войска и...

Горбачев. И не переросло это в войну... А разделили — тогда будут иметь дело не с войсками всеми, а с бандформированиями.

Явлинский. Михаил Сергеевич, значит, на первый взгляд, тут вот как всё это выглядит. Тут надо себе представить такую историю. Две стороны сейчас задействованы в этой истории. Они, конечно, будут наносить друг другу удары. Как только введем войска, три стороны будут воевать. Значит, как вариант для рассуждений, здесь просто исторические хронологии. Это жестокий вариант, циничный, но ситуация такая. Надо оставить их сейчас наедине с самими собой. Через какое-то время всё равно придется их разъединить, но тогда это разъединение...

Горбачев. Время это ушло.

Явлинский. Нет, сейчас они ударят просто по войскам с двух сторон.

Горбачев. Вот ударят они и как ударят — это да. А вот если пойдет война, то я вам прямо скажу, что Союз со своей главной задачей не справился, он не предотвратил и не остановил уже на опасной фазе. Тогда возникает вопрос: для чего этот Союз? Армения сейчас обращается в Организацию Объединенных Наций, чтобы этот предмет был обсужден в Совете Безопасности, поскольку вопрос не решается.

Явлинский. Посмотрите, как люди это воспримут. Эти две республики всё время утверждают, что они отделились, что они самостоятельны, что они не с нами, что они не подписывают с нами никаких договоров.

Голос. Почему? Армения подписывает.

Явлинский. Ну, хорошо. А как только они столкнулись, туда пошли наши люди их разъединять и умирать там.

Ельцин. Вводить армию — это эскалация.

Лубенченко. Как будет реагировать русская часть армии?

Ельцин. И обвинят армию опять во всем.

Горбачев. Но, между прочим, ситуация такая и в армии. Он сегодня в разговоре говорил, что по сути дела там начинается деморали-

зация армии, потому что ей ничего не даем, держим и в то же время против нее всё идет. Причем по всей территории, по всей республике против армии пошли. И оплевывают и чтобы — уходите отсюда, вы здесь находитесь и ничего не можете решить, кто вы такие, зачем вы здесь нужны. Отдайте оружие, мы сами все решим. Не будете отдавать, начнут сейчас все: поезда не будут выпускать с оружием, даже если войска будут. Сегодня ситуация вот такая. Упрощать не надо.

Лубенченко. Я еще понимаю типа ооновских войск, например, совершенно равные представительства воинов от каждой республики. А здесь опять лишний аргумент в пользу русской интервенции. И со стороны русской части армии просто озлобление. Это опасность большая.

Горбачев. Но никто не говорит, что будем отбирать русских, а остальных не будем посылать.

Явлинский. Так объективно сложится.

Ельцин. Просто с составом армии так получается. А у нас закон есть, не могут посылать.

Лубенченко. Вчера мы множество записок получили от армии.

Голоса. Да, целую кипу... Причем, именно по этому вопросу — по поводу русских воинов, находящихся там.

Горбачев. Ну, хорошо. Давайте так. Мы, значит, не будем наращивать и ничего не будем делать. Я поставлю второй вопрос. Что будем делать сейчас? Азербайджан будет подниматься и будет требовать дать ему оружие, и будет забирать — идти в войсковые части, и пойдет с женщинами и детьми брать оружие. Что будем делать?

Голос. Честно говоря, Азербайджан даже раздал то оружие, которое они отбирали раньше...

Горбачев. Что будем делать? Надо же просчитать — что будем делать. Потому что состояние по линии военных именно такое. Докладывают, что части, загнанные там просто по всей территории, отторгаются всем населением — «вы нам здесь не нужны, раз вы ничего не можете сделать и защитить. Убирайтесь, оставьте оружие, мы сами всё решим». И завтра, кстати, они примут все эти решения.

Силаев. Это может быть парадоксально, но, может быть, провести какие-то консультации? Может быть, с Бушем или с кем-то другим?

Горбачев. Да ну!

Силаев. Они всё равно на них выйдут мимо нас. Можно экономически посмотреть, предупредить обе стороны и через, допустим, несколько дней прекратить всякие экономические взаимодействия с ними.

Голоса. *Строжайше предупредить, что через несколько дней прекращается, если начнут конфронтацию...*

Горбачев. Вы же поймите простую вещь: вот вся наша армия сейчас расположена по Азербайджану. Вот она вся будет в мешке, все гарнизоны будут народом обложены. Это я второй вариант [рассматриваю]. Если мы разрезаем, не втягиваясь, а именно на территории Азербайджана делаем эту пятикилометровую или какую [зону], так сказать, под контроль ее берем. Армения не пойдет, уже ясно, он ушел от этого.

Лубенченко. *Предупредить и вывести войска. Вывезти вооружение и вывести войска. Какая альтернатива? Нанести удар двум воюющим сторонам — значит пролить кровь русским оружием. А встать и быть избитым и уничтоженным и отдать оружие — это тоже...*

Ельцин. *Много надо перебрасывать, чтобы границу всю прикрыть. Сейчас пост от поста — пять километров, взвод стоит. Этих пяти километров достаточно, чтобы армянским бандформированиям проникать на территорию Азербайджана. Они между этими постами свободно проходят, дорога или что тут есть.*

Голос. *А там ущелья, горы...*

Ельцин. *Ну нельзя же цепочку сделать, чтобы всё перекрыть.*

Горбачев. Да, видимо, всё не перекроешь, но какую-то сделать...

Голос. *Наверное, [Муталибов] ждет ответа на эту телеграмму?*

Горбачев. Когда он ее отправил? В 14 часов получено, в 14.30. «Вручить срочно на Госсовет...»

Силаев. *Они, наверное, это увязывают с завтрашней чрезвычайной сессией (Верховного Совета Азербайджанской ССР).*

Горбачев. Да, да. Если Госсовет не берет на себя решение этих вопросов, тогда они будут принимать свои решения. Ну, свои решения — это ясно. Причем в этом случае мы схлопочем ситуацию опять по отношению к войскам и к Союзу, что это вообще нечто такое, которое не способно решить.

Явлинский. *Но войскам должна быть дана команда защищать всё это. Это однозначно. И это должно громко прозвучать.*

Горбачев. И стрелять, да?

Явлинский. Да, и стрелять.

Горбачев. Истреблять азербайджанцев, да?

Явлинский. *Нет, не надо нападать на войска и тогда не надо будет никого истреблять. Армию не надо трогать.*

Силаев. Да, не нападать-то будут всякие формирования.

Явлинский. *Армия — это такая вещь, которую не надо трогать. Это надо всем вообще во всей стране сказать очень жестко. Армию*

не надо трогать! Вот это должно быть сказано громко. По крайней мере одну проблему мы решим.

Горбачев. Хорошо. Я должен тогда поставить вопрос. Речь идет о границах. Армия должна участвовать в их защите?

Явлинский. Государственных границ?

Горбачев. Да.

Ельцин. Но это же не наши государственные границы-то, а между республиками, вышедшими из Союза... Это межнациональные конфликты. Это не государственные границы.

Горбачев. Ну, ладно. Я думаю, договорились, да?

Ельцин. То, что Григорий Алексеевич сказал, действительно надо Шапошникову все-таки сказать: вы сами себя защитите.

Горбачев. Это уже сказано. Сказано и опубликовано им и Баранниковым¹⁰⁹.

Ельцин. Надо защитить — усильтесь, защищайтесь.

Горбачев. Борис Николаевич, защищают. И вчера, когда азербайджанцы пролезли, двух убили, пять ранили. Ну что дальше? Завтра примут решение на сессии, поскольку Союз не приходит, республики не приходят на помощь. Война, действительно, и сражения идут на территории Азербайджана. Они скажут: на своей [территории] будем защищать, решения принимать те, которые своими силами...

Ельцин. Ничего же не смогут. Каждый раз, принимая решение об усилении армии, ухудшают обстановку. Каждый раз. Пригласите их обоих.

Горбачев. Я приглашал обоих, оба не приехали, потому что в этой ситуации никто из них не приедет.

Явлинский. Михаил Сергеевич, может, чтобы Тер-Петросян Вам дал ответ, что он хочет в этой ситуации.

Горбачев. Он против.

Явлинский. За что — против? А за что — за?

Горбачев. Да нет, ни за что.

Голос. Нельзя ли сделать такую вещь? Выступить с заявлением от имени Госсовета по ситуации и сказать, что Госсовет предлагает президентам Азербайджана и Армении срочно выехать в Москву для обсуждения этих вопросов, предупреждая, что в противном случае вся ответственность за дальнейшие события ляжет на этих людей. Их надо публично предупредить. Это первое.

Второе. Есть опасность, если армия начнет действовать, то это действительно будет колоссальный конфликт. Если она не будет действовать, там начнется драка. Скажут: что же там друг друга уничтожают, а вы не вмешиваетесь. Кто же будет посылать войска? Францу-

зы или американцы? Самое опасное, мне кажется, если ситуация примет хорватский характер. Потому что они действительно могут и в Азербайджане, и в Армении начать отбирать оружие у армии или блокировать гарнизоны.

Горбачев. Это они умеют делать.

Голос. Поэтому надо (мне кажется, правильно товарищи говорят), во-первых, предупредить, что армия не намерена, не будет вмешиваться.

Во-вторых, предупредить, что мы категорически предостерегаем вас, от попыток забрать оружие у армейских частей. Причем имейте в виду, что армейские части уже получили приказ от министра обороны, он прямо заявил...

Горбачев. Ну хорошо. В данном случае речь ведь не идет о том, чтобы воевать и обстреливать Армению. Где-то беспорядки, всюду где-то гибнут. Мы должны действовать или нет?

Ельцин. Вызвать всех.

Горбачев. Я вызывал.

Ельцин. Нет, от имени Госсовета, демонстративно, через средства массовой информации.

Явлинский. Ультимативно.

Ельцин. Даже ультимативно. Да.

Явлинский. Объявить им ультиматум, чтобы в течение суток оба явились на Госсовет.

Ельцин. Иначе тогда отвечайте сами.

Горбачев. Но тогда Госсовет не разъезжается.

Голоса. Завтра можем... Ну ради такого... Единственный выход.

Горбачев. Дело в том, что завтра у них сессия, у Азербайджана

Ельцин. Позвонить сейчас, дать сигнал. Пусть сессию на сутки перенесут.

Акаев. Без их участия обсуждать, принимать решение невозможно.

Ельцин. Конечно.

Горбачев. Хорошо. Давайте тогда так: «Рассмотрев ситуацию, сложившуюся в Азербайджане...» Или даже «в отношении...» Нет, наверное, «рассмотрев»...

Голос. Ситуацию взаимоотношений.

Горбачев. Нет, нет, нет. Не взаимоотношений. «В связи с обострением ситуации в Азербайджане, в Нагорном Карабахе и во взаимоотношениях между Азербайджаном и Арменией, Госсовет предлагает...»

Явлинский. Маленький нюанс. Там надо, знаете, как сказать? Что решение Госсовета о применении Советской Армии будет заявлено вам лично, когда вы сюда приедете. (Голоса.)

Горбачев. Предлагается прибыть завтра, к 12 часам?

Шушкевич. А если завтра сессия, может быть, послезавтра?

Силаев. Нет, поздно будет.

Горбачев. Примутся решения. (Голоса.)

Силаев. Можно было бы в программе «Время» об этом объявить. И телеграмму им дать. (Голоса.)

Каримов. Страсти разгораются. Ну приедут они, а что мы им предложим? Что, опять мы им ультиматум предложим? У нас же нет готового решения... А то, что от нашего требования, наоборот, в Азербайджане никто не отменит сессию, и в отсутствие Президента там будет твориться вакханалия — тут вопросов нет. Никто не отменит там сессию в связи с нашим требованием... Они не приедут, и никто не отменит. Он (Муталибов) не сумеет отменить.

Ельцин. Тогда будут сами отвечать за это.

Лубенченко. Если они не приедут, это их решение, их ответ на нашу позицию.

Каримов. Вы сейчас правильно апеллируете к двум президентам. Борис Николаевич, будучи информированным, очень правильно говорит, что оба президента тут ни при чем. Вы к кому апеллируете?

Силаев. Так они оба должны обратиться за помощью официально на введение войск.

Горбачев. Вот уже один обратился.

Голос. Второй еще нет.

Каримов. Они приедут и скажут: да, мы понимаем, мы, в общем-то, вину с себя не снимаем, но мы ничего сделать не можем. И весь вопрос.

Горбачев. Ну, у нас в НКАО чрезвычайное положение сохраняется?

Голос. Не в полной мере...

Каримов. Зачем же они отменили, почему?

Горбачев. Нет, в ряде районов отменили.

Каримов. Тут в тот раз Муталибов докладывал, что они отменили в самых таких районах...

Голос. Ислам Абдуганиевич, там сохраняется чрезвычайное положение, причем армянская сторона говорит, что они за то, чтобы сохранить чрезвычайное положение здесь, а в других отношениях они за вывод войск. А в Карабахе они категорически настаивают на сохранении войск.

Горбачев. Потому что завтра Карабаха не будет. Азербайджанцы немедленно его очистят, если оттуда войска уйдут.

Голос. Может, в тексте сказать, что в связи с обострением ситуации (как Вы сказали) вокруг Нагорного Карабаха и в отношениях Азерб-

байджана и Армении и обращениями руководства республик с просьбой о...

Горбачев. Да они не обращались...

Голос. ...Госссовет предложил президентам прибыть срочно в Москву, имея в виду обсудить эту ситуацию...

Горбачев. С их участием.

Ельцин. Это надо делать сейчас.

Горбачев. На завтра на двенадцать?

Акаев. Попозже надо.

Голос. Приедут — не приедут, но какой-то будет шаг, действие Госсовета.

Горбачев. Чего тут не приедут? Два часа лететь...

Явлинский. Вы уж дайте ему (Муталибову) сессию провести... Скажите: завтра, в восемь вечера.

Горбачев. Мы исходим из того, что как будто они процессами управляют.

Лубенченко. По всей логике сессия может и должна приостановить свои действия и подождать возвращения своего руководителя.

Силаев. Но как только начнется сессия, там будут миллионы людей на площади и заставят принимать то решение, которое...

Горбачев. А давайте-ка сейчас закажем Тер-Петросяна по ВЧ... В кабинет тогда туда, да. Давайте сделаем на 5–10 минут перерыв. Я скажу, что все члены Госсовета сказали: ничего обсуждать не будут, решения принимать не будут без вашего заслушивания и участия.

(После перерыва.)

Горбачев. Первым разговаривал с Муталибовым. Он говорит, что завтра не сможет: «Мой доклад на сессии, требуют моего... Сессию никому, и аллаху не удастся отменить». Я говорю: «Хорошо, тогда — послезавтра». Ну, как тут было с нами, запасной, так сказать, вариант — послезавтра. Но, я говорю, что вы наreshаете там такое, что тогда уже обсуждать... — «Но, Михаил Сергеевич, если Госсовет с участием и приглашением Президента, может быть, мне даже завтра даст возможность удержать... Создадим комиссии, поручения и, может быть, до Госсовета сможем удержать ситуацию». Я говорю, что тогда послезавтра в двенадцать.

Что касается Тер-Петросяна. С трудом его нашли, в конце концов соединили. Говорит, что готов приехать немедленно. Я говорю: «Вот на 27-е, завтра сессия...» — «Но, Михаил Сергеевич, одна просьба. Мне известно, что завтра на сессии Верховного Совета

Азербайджана будет решаться вопрос о ликвидации автономной области... Значит, если они это сделают завтра на сессии, тогда я уже приехать не смогу».

Но я Муталибову как раз и говорил: вы же там напринимаете решений... Хотя конкретно я не [имел в виду]... Он сказал, что использует всё (тем более это ему подспорье), чтобы не разжигать страсти, а, наоборот, как-то удержать, тем более [приглашение] на Госсовет и так далее.

Ну тогда, может быть, так и передадим: «В связи с резким обострением ситуации вокруг Нагорного Карабаха и в отношениях между Азербайджаном и Арменией Госсовет предложил президентам Азербайджана и Армении прибыть в Москву 27 ноября сего года, имея в виду с их участием обсудить положение и наметить меры, необходимые для предотвращения эскалации конфликта».

Голос. Нормально.

Горбачев. И тогда я прошу всех высвободиться, товарищи, потому что это дело такое... Как всегда к двенадцати.

Лубенченко. А предварительную какую-то модель решения?

Горбачев. Я думаю, что завтра начнем гонять варианты. Иван Степанович, пожалуйста, что ты хотел сказать?

Силаев. Первое. Госсовет своим прошлым решением об упразднении министерств и других центральных органов поручил нам подготовить комиссию, которая бы занялась проблемами, связанными с имуществом, находящимся в ведении... И здесь же поручено еще организовать межгосударственную комиссию, связанную с решением вопросов, которые возникают в процессе этой работы. Две комиссии. Мы вносим предложение назначить председателем обеих комиссий Бектемисова. Я вношу предложение о назначении его моим замом по МЭК. Вы выполнили полностью, как здесь написано, представительство. Здесь есть Российская Федерация, есть Верховные Советы. И там, где будут вопросы, связанные с имуществом других республик, они будут приглашаться. У вас этот документ есть. Две комиссии под руководством двух [председателей], я думаю, ни к чему. Это будут близкие, будем говорить так, функции. То есть комиссии будут две, а председатель будет один. Это раз.

Первый вопрос я просил бы поддержать в строгом соответствии с решением Госсовета. Работа уже идет.

Горбачев. Ну, первого тебя спрашиваю, Борис Николаевич. Тут самое большое, широкое представительство Российской Федерации.

Силаев. Как было написано — «...предусмотреть таких-то, таких-то», так мы и сделали.

Горбачев. Вы с россиянами согласовывали, да?

Силаев. Да.

Ельцин. А с кем?

Силаев. С Гайдаром. Во второй комиссии, там Вы посмотрите, это тоже согласовано с Гайдаром, он от правительства РСФСР во второй комиссии лично участвует.

Горбачев. Да, да.

Ельцин. Все-таки одну комиссию или две?

Горбачев. Одна комиссия по имуществу, Борис Николаевич, а другая — по всяким взаимосвязям.

Силаев. Они тут будут как-то перехлестываться в работе.

Горбачев. Чтобы это не сказывалось там на вопросах конкретных, которые придется решать...

Ельцин. У нас по имуществу нет вопросов на территории Москвы, на территории России. Оно российское имущество. Одно-два здания здесь надо — другое дело.

Силаев. Ну, я так и говорю, как записано в постановлении: «...участие Администрации Президента РСФСР».

Горбачев. Там может получиться так, что какие-то новые структуры всё перераспределили. Это же об этом идет речь, Борис Николаевич.

Силаев. Здесь есть представители Москвы и Московской области, мы их всех включили.

Горбачев. В общем, это не помешает, пусть работают. Чтобы не было разнотыка в этом деле. Нет замечаний?

Силаев. Это было первое. Второе (несколько раз и Григорий Алексеевич поднимал на Госсоветах вопрос о Госкомстате), мы внесли предложение: временно, пока мы не начали организовывать новую структуру, у нас будет учетно-статистическое управление в МЭК. Но это еще предстоит организовать. Пока Госкомстат сохранить.

Горбачев. Как переходную [структуру], до образования. Иначе как они в МЭК могут работать, не имея...

Ельцин. С условием, что будет постановление МЭК поправлено в отношении тех министерств, о которых мы не договаривались.

Горбачев. То есть там министерства эти будут исключены, а комитеты написаны. То есть о чем договорились, предложения.

Силаев. Да, по Министерству культуры — это недоразумение просто. У нас в структуре комитеты. Тут просто нам надо будет с Григорием Ивановичем (Ревенко) посмотреть, откуда это появилось.

Ельцин. Но я документ видел.

Силаев. Я согласен. Я говорю, что у нас в структуре комитет.

Горбачев. Тем более, что мы все говорили об этом, а вышел совсем другой документ. Это вы меня подводите, я должен сказать, — и Григорий Иванович, и Иван Степанович.

Силаев. Нет, я здесь ни при чем, я извиняюсь.

Горбачев. Ну ладно... Подписывающий виноват в общем-то.

Ельцин. Там написано: «...предложения к постановлению МЭК».

Силаев. Нет, это не постановление МЭК. Это постановление Госсовета.

Горбачев. Всё, Иван Степанович, договорились. Надо внести изменения, поправки.

Силаев. Я обращаюсь к руководителям палат, прошу, чтобы они как можно быстрее рассмотрели чрезвычайный бюджет IV квартала. Мы всё представили, уточнили, это надо как можно быстрее делать. Всё же напрямую связано...

Горбачев. Это всё внесено. Ну, и что дальше?

Силаев. Здесь у вас есть записка в отношении «Гознака»... Это предприятие, которое делает деньги. Здесь в документе предлагается переподчинить его Госбанку СССР.

Горбачев. А кому он подчинен?

Силаев. Минфину СССР.

Ельцин. В России принято уже решение, закон. Эти фабрики в России.

Силаев. Я докладываю то, что было внесено в записке. Как же, Борис Николаевич?

Ельцин. А вот так. Они на территории России. Чем они отличаются от другого предприятия?..

Силаев. Нет, это же Банковский союз, он же...

Ельцин. Иван Степанович говорит, что он деньги печатает. Да ничего подобного. Из четырех на территории России печатает деньги только одна. А остальные — медали, побрякушки, ордена.

Горбачев. Давайте побрякушки отдадим. А «Гознак» — это же Банковский союз, Борис Николаевич, единая валюта...

Силаев. Вообще во всем мире такие организации банкам подчинены. У нас — Минфину.

Ельцин. Надо было раньше.

Горбачев. Ну, как же это вы приняли? Вы же без республик, без нас, без всех не можете. Это называется самозахват.

Ельцин. Нет.

Горбачев. А что же?

Ельцин. Упразднен Минфин. Официально упразднен.

Горбачев. Есть же Госсовет. Внесите предложение. Будем рассматривать.

Ельцин. Ну, зачем же?

Горбачев. Ну а как же? Это же серьезные вопросы. Банковский союз, банк, кстати, Верховному Совету у нас подчинен, не кому-нибудь.

Лубенченко. Я вчера смотрел письмо Геращенко (я его направил в комитеты). Он пишет о том, что Госбанк практически поступает в ведение России. Я не понимаю тогда...

Горбачев. Он против этого как раз протестует. Целую бумагу на четырех страницах подсунул. Он всем разослал: и нам, членам Госсовета, и им, везде послал. Я получил, читал ее вчера. Но речь идет, Борис Николаевич, о «Гознаке»... Ну что ж, надо подчинить, как и положено.

Голос. Нет, эмиссия-то должна быть в руках...

Ельцин. Это другое дело. Я же не говорю, что эмиссией мы хотим за Союз заниматься. Нет. Это промышленное предприятие, самое обычное. «Социальное запущенное» с точки зрения расширения производства. Мы берем на себя финансирование расширения этого производства. Порядок там наводить. Вот в чем вопрос. А то, что касается эмиссии, — это будет решаться здесь, на Госсовете, или на Банковском совете. К нам только заявка на выпуск определенного числа денег от МЭК как заказчика.

Горбачев. Это же функции союзные, Борис Николаевич.

Ельцин. Мы же не говорим, что мы эмиссией будем заниматься. Нет.

Горбачев. Но мы же оставляем энергетику, то, что работает на Союз, в ведении МЭК. Оставляем. А в данном случае он не Госбанку подчинен, а общему банку — Союзу банков.

Голос. Печатный станок МЭК надо отдать...

Горбачев. Не МЭК — Госбанку.

Силаев. Госбанку, а затем Банковскому союзу. Скорее, Эмиссионному банку.

Горбачев. То есть это не МЭК даже, Борис Николаевич.

Ельцин. Нет, нет. Тут написано — Государственному банку...

Горбачев. Если нужно, давайте запишем, чтобы после подписания... Это в справке, наверное, записано, а в решении, может, не записано.

Ельцин. И только тот, кто деньги выпускает. А все эти три фабрики не выпускающие — это промышленные предприятия обычные, они подчинены России, на территории России. Как оборонные, как другие предприятия. Мы же функции не передавали? Не передавали.

Горбачев. Борис Николаевич, что касается других... Как, а Банковский союз? Это не Союзу даже, это всё в Экономическом договоре.

Ельцин. Банковскому союзу — одну фабрику, которая выпускает деньги.

Горбачев. Ну, пожалуйста, я за это.

Ельцин. Пермская.

Горбачев. А остальные что — деньги не выпускают?

Ельцин. Нет.

Голос. Тут ведь «Государственное производственное объединение» — это всё оно называется, Борис Николаевич.

Ельцин. Я понимаю. И Украинская тоже способна выпускать, но не выпускает, закрыли это производство несколько десятилетий назад.

Горбачев. Кстати, тоже надо передать.

Ельцин. «Монетный двор» деньги не выпускает. Он выпускает медали разные, монеты...

Горбачев. Это условно осталось — «Монетный двор». Значит, давайте тогда так. Иван Степанович, Григорий Алексеевич, проработайте вместе с россиянами. Согласовать формулу с Борисом Николаевичем, исходя из того, что речь идет о том, кто печатает деньги.

Ельцин. Да.

Явлинский. Я хотел сказать, Михаил Сергеевич, что при такой постановке вопроса о том, что функционально решать Союзу, вопрос о том, кому принадлежат станки и оборудование, не играет принципиального значения. Но если (вот то, что говорит Борис Николаевич) эмиссионные решения будут приниматься Банковским союзом (не МЭК), именно Банковским союзом... Органом, который производит деньги, тогда это не так важно...

Ельцин. Никто же там не будет преступлением заниматься. Банковский союз скажет, заявит, что нужно выпустить 50 миллиардов. Даете заказ, фабрика выпускает под контролем 50 миллиардов, распределяет между республиками и всё.

Горбачев. Я думаю, что Экономическое сообщество должно быть уверено. То, что ты (обращаясь к Явлинскому) предлагаешь, для меня просто неожиданно. Или ты хочешь приятное сделать Борису Николаевичу после своего неприятного выступления?

Ельцин. Я нормально воспринимаю и то, и это. Нормально.

Горбачев. Это я в шутку, конечно.

Явлинский. Просто это острый момент. Я объясню, почему я так говорю. Потому что есть определенная обстановка. У нас одно понимание вопроса, у них — другое. У них понимание вопроса — кому что принадлежит, а не в том — кто что делает.

Горбачев. Ну, и мы должны потакать этой части именно? Я никогда не соглашусь, что в Белом доме все вот так настроены. Есть

группа, которая подталкивает, Борису Николаевичу приходится ею все время заниматься. Да и мы занимаемся в какой-то мере и не уклоняемся от дискуссии, от обмена мнениями. Думаю, что и не раздуваем кадило, а в рабочем порядке снимаем. Но в данном случае речь идет о Банковском союзе, о функции очень важной. У всех членов сообщества должна быть уверенность, что в рамках этого Банковского союза есть средства для решения задач.

Голос. А потом, когда Российскому банку передали право определять курс рубля к иностранным валютам, то Госбанк Союза с чем остается, тоже непонятно.

Горбачев. Да, это согласовано должно быть. Ну, я считаю, что договоримся. Раз мы договорились согласовать эти вещи, то договоримся...

Каримов. Печатание денег связано не просто с заказом, а связано с очень серьезными вопросами — с обеспечением гознаковской бумагой, дефицитными очень вещами и так далее. Все остальные фабрики, выпускающие безделушки и всё остальное, пожалуйста, вопросов нет. Но, Борис Николаевич, Вы все-таки дайте нам уверенность, что эта фабрика, которая печатает пока банкноты, должна быть в ведении Союза, если этот Союз будет существовать.

Ельцин. А у Вас была уверенность, когда были они там — в Минфине? Печаталось столько, что мы с вами никогда не знали.

Каримов. Не было уверенности. Не знали... Борис Николаевич, Вы же прекрасно знаете, о чем я...

Горбачев. Ну, Борис Николаевич хочет теперь, чтобы появилась уверенность.

Ельцин. И в этом году нам с вами хоть раз здесь предложили согласовать хотя бы объемы эмиссии?! Нет, ни разу и никто.

Каримов. Борис Николаевич, Вы же сами сторонник того, что Экономическое соглашение должно выполняться.

Горбачев. Конечно.

Ельцин. После Экономического соглашения уже выпуск.

Каримов. Ну, так давайте договоримся, поставьте здесь вопрос, чтобы нам докладывали.

Ельцин. Я уже столько раз говорил.

Горбачев. Нет, это уходит теперь. Это теперь уходит. Банковский союз и всё.

Каримов. Нет, ну, как? Борис Николаевич прав в том, что нам надо проводить эмиссионную политику.

Горбачев. Как у нас там? Собирается Банковский союз, управляется Советом, куда входят представители всех государств, и они

определяют, всё ведут. И надо, кстати, вообще говоря, от этих командных методов работы в финансовых органах всем отвыкать. Вот Банк, хотя это нам и не нравится, и будет регулировать так, как диктует экономический процесс. Так что ничего, всё будет хорошо.

Ельцин. *Но не втеминую, вот о чем речь-то.*

Горбачев. Да. Хорошо, Борис Николаевич.

Голос. Эмиссионный банк будет. Он будет предлагать.

Горбачев. Вот-вот.

Силаев. *Во-первых, у Минфина это отбирается. Это было как раз главной причиной, что они ни у кого ничего не спрашивали, а сами решили.*

Каримов. *Я подтверждаю, что Борис Николаевич много раз ставил вопрос. Но фабрику-то все-таки, Борис Николаевич, оставьте пока, где она есть.*

Силаев. *Нет, не у Минфина, а Госбанку.*

Горбачев. Госбанку. Банковский союз потом. Можно даже в решении, как в справке пишется. Сейчас в решении написать: Госбанку до формирования Банковского союза. Чтобы ясно было.

Силаев. *Может, тогда так: Банковскому союзу, а до его формирования — Госбанку.*

Горбачев. Вот, даже так, даже так.

Ельцин. *Только фабрика, которая печатает деньги...*

Силаев. *Деньги и монеты, в смысле разменные деньги. Хорошо.*

Горбачев. И последний небольшой вопрос. Мы упустили, но он остался. И его уже забили. Но это, по-моему, абсолютно ясный вопрос. Есть у нас сокращенно ВААП. Как это назвать? Всесоюзная охрана авторских прав, агентство. Оно имеет дело со всеми этими... Товарищ Алимжанов автор, там знает порядок.

Ельцин. *Значит, упразднили за одно заседание, а сейчас нам надо пять-шесть заседаний — и мы восстановим всё то, что мы упразднили.*

Горбачев. Нет, нет, Борис Николаевич.

Голос. *А зачем нам нужна охрана авторских прав?*

Ельцин. *Вот именно, «всесоюзное»...*

Голос. *Каждая республика будет осуществлять.*

Силаев. *Это права человека.*

Голоса. *Во всем мире есть... В Америке Сенат возглавляет, то есть Библиотека Сената. Во всем мире... Если мы в Конвенцию авторских прав не войдем, теряем всё.*

Ельцин. *Библиотеке Президента поручить, и пусть она...*

Горбачев. Да нет библиотеки, Борис Николаевич. Только собирается ее...

Ельцин. А Вы сами сказали: создать Библиотеку Президента.

Горбачев. Ну нет же ее еще... Давайте, пусть МЭК рассмотрит, поручить рассмотреть штаты.

Голос. А вообще, Комитет по изобретениям и авторским правам — вся интеллектуальная собственность республик перетекает сюда.

Ельцин. Поэтому надо республикам и взять...

Горбачев. Вы только имейте в виду другое, что там это примерно со 114 государствами, кажется, соглашения всякие... Хорошо. Ликвидировать?

Голоса. Ликвидировать... Конечно...

Голос. Абсолютно невозможно, потому что мы обмениваемся научными трудами, открытиями.

Ельцин. А вы продумайте — или при Президенте (Библиотека Президента), или, может быть, Библиотека Верховного Совета.

Горбачев. Что, охрана [авторских] прав? Да? Ну, давайте создадим тогда при Аппарате Президента, подчиним его Аппарату Президента.

Шушкевич. Да нет, это можно сделать в республиках, и никакой проблемы нет. Тут же гигантский аппарат.

Горбачев. Станислав, ты это зарядился негативно абсолютно.

Шушкевич. Я же знаю нашу структуру, которая держится благодаря Союзу.

Горбачев. Хорошо, тогда я беру на себя такую инициативу — задам нашему Яковлеву. Это же он меня агитировал, тут всё изучали. Это дело серьезное, мы упрощаем. Оно выходит на всю международную практику.

Ельцин. Каждому министерству обязательно потом надо будет оправдаться, что оно нужно. И мы через месяца два всё возвратим. Так что не спешите имущество делить.

Лубенченко. А как насчет Контрольной палаты?

Горбачев. Во-во, ликвидировать надо полностью.

Шушкевич. Но кто-то должен следить за бюджетом. Это у Вас [кто-то], наверное, должен быть?

Горбачев. Но это надо 20 человек, а не 300.

Голос. Лучшие народный контроль. Это бывший народный контроль. (Голоса.)

Горбачев. Нет, Борис Николаевич, она (Контрольная комиссия) не столь большая, громоздкая. Но у нее определенный механизм уже выработался, понимаешь? Кто ее создавал — Панкин? А кто занимался до этого? Или всегда была, только... (Голоса.)

Силаев. Михаил Сергеевич, может быть, так? Здесь в справке написано, что они почти на самофинансировании, но два миллиона из бюджета они получают. Если ликвидировать их бюджетное содержание, то, может быть, пусть будет?

Горбачев. Тоже неплохо, два миллиона нашли... (Смеется.) На два триллиона выигрыш колоссальный...

Силаев. Пусть сама себя и окупает.

Голос. Михаил Сергеевич, в отношении этого агентства почему они задают вопрос. Во-первых, потому что эту структуру просто потеряем...

Горбачев. Обнаружили потерю.

Голос. Во-вторых, постановка вопроса о том, чтобы эта система функционировала, идет от всех творческих союзов, от всех буквально. А в-третьих, для них денег не требуется. Они на [самоокупаемости]...

Горбачев. Им нужна организация защиты, организация помощи.

Силаев. В записке-то они пишут: два миллиона.

Ельцин. Я чувствую, зря мы пошли на то, что арбитражный суд сохранили. Надо было его тоже упразднить.

Лубенченко. Эта организация живет за счет того, что она высасывает все соки из авторов.

Голос. Совершенно верно.

Горбачев. Нет, Константин Дмитриевич, ты напрасно. Как раз это всё исходит от творческих союзов, прежде всего. У них же есть механизм уже отработанный... Хорошо, давайте на самоокупаемости.

Шушкевич. Да они высосут соки из всех союзов, если...

Горбачев. Ну, подожди, кто не хочет — уйдет. Это — добровольное дело. Уйдет...

Голос. Они же живут за счет того, что...

Горбачев. Комиссионные берут.

Шушкевич. Я хорошо знаю, что она абсолютно не нужна...

Голос. Станислав Станиславович, они дают возможности бедному автору действовать без них, платить налоги непосредственно в казну. Но зато это агентство проводит огромную работу по охране прав тех авторов, которые не знают, что их произведения используются за границей.

Горбачев. И [права] наследников всех. Это всё у них там — счета, на счетах этих всё.

Ельцин. Суверенное государство есть, пусть занимается.

Горбачев. Ну, а если союзное существует? (Голоса.)

Ельцин. Это конфедерация.

Горбачев. Хорошо. Это — не государственная структура, на самокупаемости.

Шушкевич. В республиках можно сохранять своих авторов. Их не так много, у нас например. (Голоса.)

Горбачев. Я сражаюсь просто из-за того, что речь идет об интеллигенции. Вот всё, что к ней относится, я всегда [защищаю]. Эту налоговую политику по отношению к ним... Ну что мы на пустом месте, на самокупаемости порожаем вопрос? Хотят они — пусть имеют.

Шушкевич. Тогда надо записать не «считать целесообразным», а «считать допустимым» создание на принципах самокупаемости.

Горбачев. Давайте. И всё. Пусть решают. Иван Степанович, и передать все эти вопросы для практического решения МЭК.

Ельцин. И при этом еще решение: не вносить по структурам союзным.

Горбачев. Никому?

Ельцин. Никому.

Горбачев. Никому. И пусть записывается, что я три раза спросил: «Никому?» Благодарю вас, друзья, спасибо. Закрываю заседание. Не прощаюсь.¹¹⁰

Печатается по тексту стенограммы:

РГАНИ. Фонд № 121. Опись № 3.

Дело № 123. Л. 1–119.

БЕСЕДА С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН А.А. ВЕЛАЯТИ

26 ноября 1991 года¹¹¹

Горбачев. Рад приветствовать Вас снова в Москве, господин министр. Я знаю, что у Вас состоялись обстоятельные беседы с Э.А. Шеварднадзе. Хочу отметить, что и Вы, и Шеварднадзе много сделали для того, чтобы в отношениях между нашими странами установился дух добрососедства и взаимопонимания.

Велаяти. *Позвольте прежде всего поблагодарить Вас, господин Президент, за то, что Вы нашли время принять меня. Э.А. Шеварднадзе мой давний друг. В Иране испытывают глубокое удовлетворение по поводу того, что он вновь возглавил внешнеполитическое ведомство СССР.*

Горбачев. Думаю, сейчас как раз самое время, чтобы в полной мере использовать его способности.

Надеюсь, что Президент Ирана господин Хашеми-Рафсанджани пребывает в добром здравии.

Велаяти. *Он чувствует себя хорошо и просил передать Вам его личное письменное послание.*

Горбачев. Благодарю Вас, господин министр, за передачу послания. Я прочитал его, еще буду внимательно обдумывать, но уже сейчас из послания видно стремление иранского руководства развивать отношения с нашей страной, включая и суверенные республики.

Я хотел бы отметить, что в послании присутствует очень важный момент — это понимание новой ситуации, складывающейся у нас, всей значимости тех процессов, которые происходят в нашем многонациональном государстве, и важности в этих условиях продолже-

ния сотрудничества между нашими двумя странами как соседними и дружественными государствами.

Я также позитивно оцениваю содержащееся в послании предложение Президента Ирана о поддержании регулярных контактов и обменов в условиях нынешнего быстро меняющегося мира. Разделяю мнение Президента Хашеми-Рафсанджани о том, что развитие и углубление сотрудничества и взаимодействия между СССР и Ираном важно не только для наших народов, но и для региона. Ваш приезд, господин министр, имеет большое значение, поскольку подтверждает намерение Ирана развивать отношения с нами в нынешней трудной ситуации.

Хочу отметить, что большинство стран мира проявляют солидарность с нами, приветствуют наши шаги по осуществлению демократических преобразований, выражают свою заинтересованность в том, чтобы Союз сохранился и продолжал выступать в качестве важного элемента мировой политики.

Не буду скрывать, что есть и такие государства, которые пытаются извлечь односторонние выгоды из ситуации. Думаю, что это недальновидная политика. Жизнь это подтвердит.

Прошу Вас передать Президенту Хашеми-Рафсанджани следующую информацию о том, как развивается ситуация в нашей стране.

Вчера состоялось заседание Государственного совета, на котором был одобрен проект нового политического Договора о Союзе Суверенных Государств. Проект направлен на рассмотрение в Верховный Совет СССР, в Верховные Советы суверенных республик. Завтра он должен быть опубликован в печати. В заседании приняли участие руководители всех республик. Не смог приехать только Президент Азербайджана А. Муталибов, помешала ситуация, сложившаяся в связи с трагической гибелью вертолета. Однако он прислал свои соображения и предложения по проекту нового Союзного договора.

Вчера я говорил с Муталибовым. Он рассказал мне, как развивается ситуация. Завтра мы проводим внеочередное заседание Государственного совета. Будем рассматривать вопрос о том, что можно сделать для прекращения крайне опасного противостояния между Азербайджаном и Арменией.

Думаю, что сейчас наши политики отстают от настроений в обществе. Иногда приходится использовать всё свое влияние, чтобы добиться понимания необходимости Союза.

Государственный совет, и это зафиксировано в его вчерашнем решении, исходит из того, что новый Союзный договор должен

быть подписан до конца года. Скажу прямо, что проект договора был предметом дискуссий, говорили о том, каким мыслится будущий Союз. Будет ли это союз, объединение без своих государственных структур или же все же это должно быть новым союзным государством.

Я твердо стою за то, что наше государство должно быть реформировано с учетом суверенитета республик. Однако это должно быть единое государство со всеми атрибутами власти. Должен отметить, что такую же позицию занимают республики Средней Азии, которые Вам предстоит посетить. Один из представителей этих республик поставил вопрос прямо: что мы хотим — государство или какое-то «облако в штанах»¹¹².

Госсовет поддержал концепцию государства с единой внешней политикой при активном участии республик в решении всех вопросов.

Хочу сказать, что Президент РСФСР Б.Н. Ельцин не ставил вопрос об открытии в иностранных государствах дипломатических представительств РСФСР. Будут продолжать действовать союзные посольства, через которые будут представляться интересы России.

Вполне возможно, что та или иная республика захочет установить более тесные отношения с иностранным государством. В этом случае она может пойти по пути открытия своих консульских учреждений или иметь своих представителей в союзных посольствах. И разумеется, открыть иностранные консульства у себя.

Далее, предусмотрено, что у нас будут единые Вооруженные Силы под единым командованием. Конечно, с учетом военной реформы роль республик в управлении Вооруженными Силами возрастет, будет значительно шире. Но стратегические силы будут находиться под жестким централизованным контролем.

Имеется в виду создание единого экономического пространства, проведение единой политики в области ценообразования, кредитно-денежной системы, банковского и таможенного дела.

Хочу подчеркнуть, что те республики, которые войдут в Союз, будут пользоваться преимуществами в отношениях друг с другом. Что же касается тех республик, которые не пойдут на подписание Договора, то наши отношения с ними будут строиться на общепризнанных международных принципах.

Новый Союз будет конфедеративным государством. У нас будет Президент конфедерации, двухпалатный парламент, союзное правительство. Высказывается единодушное мнение в пользу того, чтобы был сохранен Государственный совет. Таковы основные принципы.

Мы намерены действовать решительно, чтобы переломить дезинтеграционные процессы, которые достигли опасных пределов. Сейчас главная задача состоит в проведении экономической реформы, однако в этом нельзя добиться успехов без политической реформы.

Надеюсь, что иранское руководство, лично Президент Хашеми-Рафсанджани будут проявлять понимание складывающейся у нас ситуации, что Иран как соседнее и дружественное нам государство внесет свой полезный и эффективный вклад, поможет нам решить проблемы и преодолеть существующие трудности.

Велаяти. *Благодарю Вас, господин Президент, за ценные разъяснения, которые, уверен, помогут нам понять ситуацию в Советском Союзе. Благодарю также за высокую оценку послания нашего Президента.*

Мы с пониманием относимся к тем проблемам и трудностям, с которыми сталкивается ваша страна, и видим свою задачу как соседа и искреннего друга Советского Союза в том, чтобы помочь, в меру своих сил и там, где это возможно, их решению. Время показало, что с нашей стороны не предпринималось никаких шагов, которые могли бы увеличить переживаемые Советским Союзом трудности.

Горбачев. Хотелось бы надеяться, что так будет и в дальнейшем.

Велаяти. *Можете быть в этом абсолютно уверены. Этот наш подход останется неизменным.*

Позвольте проинформировать Вас о том, что вчера у меня состоялась встреча в нашем посольстве в Москве с министром иностранных дел Армении, а сегодня — с министром иностранных дел Грузии. Они специально приехали в Москву для встречи со мной и добивались от нас признания их в качестве независимых государств. Можно сказать, что со стороны Грузии было проявлено больше настойчивости. Мы дали ответ, что готовы развивать отношения с ними исключительно в контексте ирано-советских отношений. Со стороны Армении и Грузии было высказано пожелание об открытии своих представительств в Иране, и мы сказали, что не видим препятствий к этому. Они могут иметь свои консульские представительства у нас, равно как и любая другая республика. Я уже говорил вчера Э.А. Шеварднадзе и повторяю это сегодня. Мы развиваем отношения с республиками через врата Москвы. Это наша принципиальная линия.

Горбачев. Я постоянно говорю нашим политикам, недавно вставшим на эту стезю, что мировое сообщество не может позволить себе потерять Советский Союз как своего полноправного и видного члена. Объясняю, насколько опасно подрубать существующие опоры. Кто же в мире захочет иметь дело со, скажем, восемью или двенад-

цатью внешнеполитическими линиями вместо одной согласованной внешней политики.

Беляти. Вы совершенно правы, господин Президент.

Позвольте теперь мне остановиться на некоторых практических вопросах нашего сотрудничества. Достигнутые ранее договоренности и подписанные между нашими странами соглашения в целом выполняются успешно. Но есть и проблемы. Мы надеемся, что Вы уделите им внимание, считаем, что в этом случае их решение ускорится.

Горбачев. Теперь, как Вы, наверное, знаете, вопросами внешнеэкономических связей будет заниматься у нас Э.А. Шеварднадзе. Разумеется, мы уделяем и будем уделять самое пристальное внимание отношениям в этой области с Ираном, с нашим соседом.

Хочу задать вопрос. У нас большая страна, располагающая богатейшим потенциалом. Но средства на решение проблем нужны уже сегодня. Что Иран мог бы сделать, чтобы помочь нам получить эти средства?

Беляти. Думаю, что одним из путей их получения является решение тех проблем, которые существуют в нашем торгово-экономическом сотрудничестве. Среди них особое значение имеет проблема взаиморасчетов. Сейчас сложилась такая ситуация, что по одним счетам, по одним соглашениям активное сальдо у Советского Союза, по другим — у Ирана. Наличие таких дисбалансов тормозит выполнение ряда соглашений и, следовательно, получение столь необходимых средств. Хорошо бы решить этот вопрос.

Горбачев. Да, такая проблема существует, причем не только в отношениях с Ираном. Если посмотреть в целом по всем странам, то наша задолженность составляет примерно 70 миллиардов долларов. Для такой страны, как наша, это еще не страшно. Кроме того, в то же самое время другие государства должны нам около 100 миллиардов долларов. Если бы удалось решить данную проблему, это нам очень бы помогло. Мы обдумываем, что можно сделать. Конкретно в отношениях с Ираном этой проблемой мог бы заняться Э.А. Шеварднадзе, контролировать, как она решается.

Беляти. Очень хорошо. С нашей стороны я возьму решение этих вопросов под свой личный контроль.

По-видимому, Э.А. Шеварднадзе уже проинформировал Вас о том, как проходили наши с ним беседы, в ходе которых мы обсудили многие важные вопросы.

Горбачев. Да, он подробно рассказал мне.

Беляти. Очень полезные обсуждения прошли по афганской проблеме. Мы считаем, что на этом направлении были предприняты важные по-

зитивные шаги. Мы, со своей стороны, намерены продолжать взаимодействовать с Советским Союзом в вопросах, касающихся Афганистана.

Горбачев. Очень надеемся, что весь тот позитив, который был накоплен нами, не будет утерян, несмотря на нынешние трудности, и наши отношения, наше взаимодействие будут интенсивно развиваться, в том числе и на афганском направлении.

Сейчас, как нам видится, главная задача состоит в том, чтобы снять ожесточение, привести противоборствующие стороны к конструктивному диалогу. Если же кто-то будет пытаться действовать в расчете на нынешнюю ситуацию, стремясь извлечь из нее односторонние выгоды, то это может привести только к продолжению кровопролития. Трудно ожидать, что кто-то не будет защищать себя до последней капли крови в условиях, когда под угрозой оказываются его жизненные интересы, само существование. Поэтому хотелось бы, чтобы у оппозиции, причем всех направлений и ориентаций, было побольше реализма. Мы надеемся, что Иран, имеющий большой авторитет и возможности, сможет оказать позитивное воздействие на моджахедов.

Шеварднадзе. У нас с Ираном уже наладилось хорошее взаимодействие в афганских делах. Можно сказать, что налицо значительная близость позиций.

Горбачев. Это тем более важно для того, чтоб не допустить закрепления в регионе других сил.

Велаяти. Что Вы имеете в виду?

Горбачев. У нас есть информация о том, что определенные силы намерены использовать нынешнюю ситуацию в своекорыстных интересах. Есть планы превращения Афганистана в своего рода канал для налаживания особых отношений с республиками Средней Азии, усиления проникновения и своего влияния там. Может быть, эти планы еще не оформились окончательно, но наличие таких намерений совершенно очевидно, разговор об этом идет.

Шеварднадзе. Мы вчера как раз говорили о том, как действуют эти силы. Например, межведомственная разведка Пакистана.

Горбачев. Данный регион сейчас уязвим. Но должен в то же время сказать, что там идут и позитивные процессы, формируется атмосфера сотрудничества и доверия. Поэтому его надо уберечь от действий деструктивных сил.

Говоря всё это, я хочу подчеркнуть тем самым важность контактов и координации между нами в решении не только этих, но и всех вопросов.

Белаяти. В этой связи я позволю себе напомнить о приглашении Вам посетить Иран, которое сделал наш Президент Хашеми-Рафсанджани во время своего визита в Москву. Мы очень надеялись на Ваш приезд уже в нынешнем году.

Горбачев. Я помню об этом приглашении и постараюсь найти время, чтобы воспользоваться им. Но дело в том, что сейчас я существенно ограничил свои поездки за рубеж, сосредоточил внимание на решении внутренних проблем нашей страны. Я еще раз Вам подтверждаю, что у меня есть глубокое и сильное желание посетить Иран — дружественную нам соседнюю страну.

Белаяти. Может быть, мы сможем обговорить сроки Вашего визита во время приезда в Тегеран Шеварднадзе. Мы надеемся, что он придет скоро.

Горбачев. У нас сейчас всё очень быстро меняется. Даже не за месяцы, а за недели и дни. Когда я вернулся из Фороса, то увидел, что всё разваливается. Но затем, в течение одних только суток, ситуация изменилась, совсем другими стали настроения в народе. Мы начали процесс возрождения, который продолжаем и сейчас.

Я говорю всё это не для того, чтобы дать понять, что не поеду в Иран. Я постараюсь реализовать приглашение. Хочу, чтобы иранская сторона поняла, какие процессы идут в нашей стране.

Что касается скорой поездки Шеварднадзе в Иран, то, как я понимаю, у него сейчас много обязанностей. Другой облик приобретает возглавляемое им министерство, надо найти людей для решения новых задач.

Хочу спросить, как в Иране оценивают Мадридскую конференцию по ближневосточному урегулированию?¹¹³ Крайние варианты решения этой проблемы уже были испробованы. Результаты известны. Сейчас мы постарались сделать так, чтобы палестинская проблема, проблема возвращения оккупированных территорий были в центре внимания. Мы стремимся поддержать ООП и Я. Арафата в той трудной ситуации, в которой они находятся.

Если мирный процесс не пойдет, то это, в том числе и с учетом военного поражения Ирака, может оказаться тяжелым ударом для арабов, будет чревато серьезными последствиями. Мы серьезно обеспокоены такой возможностью.

В то же время мы оцениваем ситуацию реалистически, исходим из того, что нельзя игнорировать и интересы Израиля.

Сейчас некоторые говорят о том, что Советский Союз, дескать, ослаб, не имеет своей собственной позиции, следует во всем за США. Думать так — это большая ошибка, непонимание нашей позиции.

Велаяти. *Оценивая результаты конференции в Мадриде, мы считаем, что пока приобретает только Израиль, а арабы не получили ничего.*

Горбачев. Пока да. Но надо работать, действовать так, чтобы они получили. Мы поддерживаем контакты с Сирией, Египтом, ведем разговор и с Израилем с тем, чтобы побудить его занять более реалистическую позицию.

Велаяти. *Пока мы видим, что Израиль усиливает давление, добивается односторонних уступок, ничего не давая взамен.*

Мы считаем, что раньше в руках арабов было одно оружие — отказ садиться за стол переговоров с Израилем. Сейчас они это оружие выпустили из рук.

Горбачев. Выбор ведь здесь небольшой: либо решать эту проблему силой, попытки чего уже имели место в прошлом, либо урегулировать ее политическим путем переговоров.

Давайте вспомним, что произошло во время кризиса в Персидском заливе, какие силы объединились против Ирака. Теперь представим, что будет, если события будут аналогично развиваться на Ближнем Востоке, если будет создана военная коалиция против Израйля. Каков будет результат?

Шеварднадзе. *Дело может дойти до новой мировой войны.*

Горбачев. Именно так. Мы рассматриваем Иран как важный фактор в делах этого региона и надеемся, что Иран будет играть конструктивную роль.

Велаяти. *Может быть, мы попробуем посмотреть на эту проблему под другим ракурсом. С одной стороны, мы видим народ, который с каждым днем подвергается всё новым притеснениям, несет всё новые жертвы. С другой стороны — Израиль, который всё больше расширяет свои экспансионистские притязания. Если это будет продолжаться, то и результат будет тот же, что Вы сказали.*

Горбачев. Что мог бы предложить Иран в этой ситуации?

Велаяти. *Как нам представляется, имеет место серьезная недооценка в мире фактора «интифады», который может сыграть серьезную роль. В результате мы видим, что израильский кнессет заявляет о присоединении к Израйлю Голанских высот.*

Горбачев. Да, объявил. Но тот же самый кнессет может в иной ситуации принять и другое решение. Думается, этот шаг был продиктован стремлением подкрепить позиции правительства.

Что же касается проведения Израилем жесткой линии, то это заведет его в положение изоляции. Израиль уже сейчас оказывается в изоляции по вопросам оккупированных территорий. Причем, посмотрите где — даже в США, хотя там и есть круги, которые стре-

мятся не допустить этого. В самом Израиле растет понимание того, что евреи не должны быть заложниками политики сионистов.

Мы понимаем, что процесс урегулирования будет долгим и трудным. Но важно, что сегодня палестинцы уже соглашаются с тем, что решение проблемы не должно обуславливаться уничтожением Израиля. Думается, что иная позиция лишала бы их нравственной основы.

Хочу вновь сказать, что мы готовы к обмену мнениями с Ираном по этим вопросам, считаем, что такой обмен мог бы оказаться полезным.

Белаяти. *Мы согласны. Хотел бы задать один вопрос. Не считаете ли Вы, что эмиграция евреев из Советского Союза в Израиль и расселение их на оккупированных территориях создают известные проблемы?*

Горбачев. Вопрос здесь есть. Мы говорили на эту тему с Президентом Египта Х. Мубараком в Москве. Должен сказать, что мы ставили эту проблему и перед американцами, стремимся воздействовать и на Израиль. Будем продолжать эту работу.

В заключение просил бы передать мои самые добрые приветы и пожелания Президенту Ирана Хашеми-Рафсанджани.

Белаяти. *Обязательно сделаю это. Выражаю нашу признательность за обстоятельную беседу, важные разъяснения. Позвольте пожелать Вам, господин Президент, здоровья и успехов в проведении политики реформ в Советском Союзе.*

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

БЕСЕДА С ДЕЛЕГАЦИЕЙ КОНГРЕССА ДЕПУТАТОВ ГЕНЕРАЛЬНЫХ КОРТЕСОВ ИСПАНИИ

26 ноября 1991 года¹¹⁴

Горбачев. Рад приветствовать вас как представителей страны, с которой у нас установились сердечные отношения и с представителями которой мы ведем доверительный диалог. Мои последние встречи с господином Фелипе Гонсалесом¹¹⁵ вновь подтвердили, что в отношениях между нашими странами нет серьезных проблем. Мы очень высоко оцениваем межпарламентские связи, которые существенно дополняют комплекс советско-испанских контактов. Динамичное развитие наших отношений требует дальнейшего расширения контактов между двумя парламентами.

Наверное, вы уже успели почувствовать, в какое необычное время живет наша страна. Вчера прошло очередное заседание Государственного совета.

Центральным вопросом на нем была судьба Союза. Госсовет принял решение направить в Верховные Советы республик разработанный общими усилиями и согласованный проект Договора о политическом союзе. Завтра этот проект будет опубликован в печати.

Должен откровенно сказать, что формирование позиций представителей республик по документу, как и создание самого его текста, проходит в очень тяжелой ситуации. После попытки августовского путча процесс дезинтеграции в стране достиг невероятных масштабов. За это мы должны быть «благодарны» путчистам. Попытка переворота произошла накануне подписания Союзного

договора, который был уже полностью согласован. Ряд делегаций уже прибыли тогда в Москву для участия в церемонии, да и я уже собирался в столицу. К сожалению, теперь возврата к тому тексту быть не может. Республики на это не согласны.

Сложилась тяжелейшая ситуация. Но, кажется, у политиков есть понимание ответственности исторического момента. На вчерашнем заседании главная борьба вновь развернулась вокруг вопроса о том, что же это такое — Союз Суверенных Государств. Нечто непонятное, аморфное или государство, обновленное, реформированное, но государство. Думаю, что испанцам, как мало кому еще, понятны наши проблемы. Ведь и у вас, хотя и в совершенно другом контексте, такие вопросы вставали и продолжают оставаться актуальными.

При обсуждении я поставил вопрос так: если политический союз теряет форму государственного объединения, то я участвовать в этом не буду. Это принципиальная позиция. Она основывается на моем твердом убеждении в том, что дальнейшая дезинтеграция, а тем более прекращение существования союзного государства будет иметь самые тяжелые последствия, в том числе — и это самое главное — для судеб людей. Наше общество невозможно разъединить, так в нем перемешались нации и народности. Думаю, что такая задача была бы не по плечу и самому Иисусу Христу. Подумайте только, 75 миллионов людей проживают в нашей стране за пределами территории исторического расселения своего этноса. Я уже не говорю о культурном, экономическом пространствах, о совместной обороне, включая ее стратегический компонент. Думаю, что это — борьба по самому главному для нас вопросу.

Вы можете спросить: а что же руководители республик, что, они менее ответственны, чем я? Нет, конечно, но дело в том, что они испытывают на себе сильнейшее давление определенных внутриреспубликанских политических течений, имеющих тенденции к сепаратизму и изоляционизму. В результате они вынуждены маневрировать, а иногда и поддаваться этому давлению. Но вчера я сказал друзьям: время маневров закончилось. У нас от силы месяц для завершения процесса, иначе все будет потеряно. И так мы уже опоздали с подписанием Договора.

Проект Договора вчера был одобрен и уже направлен в республики. Хочу привлечь ваше внимание к ключевым элементам этого документа. В первую очередь, Союз Суверенных Государств определен в нем как конфедеративное демократическое государство. Иными словами, это союзное государство в форме конфедерации. Собственно об этом мы уже достигли договоренности на Госсовете

14 ноября. Однако вчера пришлось вновь возобновить дискуссию по этому вопросу. Я удовлетворен тем, что формула осталась без изменений.

Раз у нас будет союзное государство, то это означает, что у нас будут единые Вооруженные Силы, согласованная внешняя политика и единый рынок с рядом общих принципов. В Союзе будет Президент страны, избираемый гражданами, будет сформирован двухпалатный Верховный Совет, состоящий из Совета Республик, формируемого по равной квоте от республик, участвующих в Союзе, и Совета Союза, формируемого пропорционально численности населения. Наконец, в Союзе будет центральное правительство. Таким образом, это будет полноправное государственное образование, но с новыми функциями на основе глубокого перераспределения полномочий между республиками и Центром. Мы надеемся завершить процесс создания нового Союза подписанием в декабре текущего года Союзного договора.

Во вчерашнем заседании Госсовета участвовало семь республик. Из-за осложнения ситуации в Азербайджане и Армении не смог участвовать в заседании Президент Азербайджана, который был активен при разработке проекта. Все еще раздумывает Армения. Мы искренне надеемся на то, что возьмет верх здравый смысл и на Украине. Настроение населения республики дает основание для таких надежд, хотя есть там некоторые политические течения, толкающие народ к отделению.

Сепаратистские тенденции на Украине значительно усилились после августовских событий в результате удивительного политического симбиоза. До путча за отделение республики выступали незначительные группы сепаратистов из западных областей. Во время попытки переворота руководство и некоторые структуры Компартии Украины поддерживали путчистов, а после провала бросились в объятия националистов. Такова реальная цена некоторых коммунистов. А ведь до этого руководство КПУ было самым активным противником отделения. Можно сделать один вывод: они мстят за августовское поражение, а разменной монетой при этом делают судьбу народа.

К счастью, среди населения Украины сейчас набирают силу тенденции в поддержку Союза. Мы это видим и в Донбассе, и на юге республики, и в Крыму. Думаю, что здравый смысл требует, чтобы Украина обрела свой подлинный суверенитет в рамках обновленного Союза. Иначе в республике могут прийти в движение мощнейшие силы, и политическая ситуация будет непредсказуемой.

Возьмите только Крым: там 70 процентов населения русские. Полуостров был передан Украине в результате келейного решения.

Вообще у нас практически отсутствуют обоснованные границы между республиками. Есть административные границы, сложившиеся в результате внутреннего перераспределения территории, которое подчас трудно обосновать. Если сейчас встанет вопрос об определении границ на межгосударственном уровне, то ситуация быстро выйдет из-под контроля. Надо совсем потерять голову, чтобы пойти на это.

Вот вам пример: здесь находится представитель Казахстана уважаемый казахский писатель А.Т. Алимжанов, возглавляющий сейчас Совет Национальностей. Если бы в его республике возникла такая необходимость, то она обернулась бы бедой и для русских, и для казахов. А там ситуация сродни украинской. Именно поэтому Президент Н.А. Назарбаев однозначно высказывается за сохранение Союза. Надо прямо сказать — в этом вопросе наши украинские друзья подзаблудились. Или компас у них заржавел. Не знаю, Колумб, что ли, помог бы им найти верный путь по звездам, если они не верят нашим советам?

Я только приехал из Иркутска¹¹⁶, могучего сибирского региона с мощной промышленностью и природными ресурсами, и Кыргызстана. В беседах во время поездки главными были две темы — необходимость сохранения Союза и ускорения экономических реформ. Но очевидно и то, что никакие экономические реформы не состоятся в условиях продолжающейся дезинтеграции страны, ведь она же рвет нити экономических связей, складывающихся в новых условиях рынка.

Вот, если коротко и в сжатом виде, главные параметры нашей ситуации. Нам необходимо согласие в стране, нам необходимо ускорение реформ. И то и другое невозможно без политического союза. И нам, как никогда, нужны не дискуссии, а реальная помощь и сотрудничество со стороны Запада в этот самый критический момент нашего переходного периода.

Вы — представители парламента. Пользуясь случаем, хочу отметить, что мы надеемся не только на понимание необходимости поддержки нам со стороны правительств. Нам очень важно такое же понимание и со стороны парламентов западных стран. Сейчас, к сожалению, бывает, что мы достигаем взаимопонимания с правительствами, но дело помощи нам тормозится парламентами.

Конечно, я понимаю, что это не был бы настоящий парламент, если бы он сразу соглашался с предложениями своего правительст-

ва. Но это хорошо в рутинных условиях, а в тех чрезвычайных обстоятельствах, которые выпали нам, нужны иные подходы.

Бенегас. Прежде всего, господин Президент, от лица нашей делегации хочу подчеркнуть, что для нас огромная честь встретиться с Вами. Мы глубоко признательны за рассказ о проблемах, которые стоят перед вашей страной и которые Вы всемерно стремитесь решить. Мы благодарны за искренность и доверие, которые Вы продемонстрировали в этой беседе.

Прежде всего я хотел бы представить членов делегации конгресса депутатов и затем коротко пояснить цели нашего визита в Москву.

В составе делегации: Х. Руперес и А. Муньос-Алонсо от Народной партии, Х.Р. Касо от Демократического и социального центра, Л. Рекордер от каталонского объединения «Конвергенция и Союз», Р. Перальта от Объединенных левых, Э. Ларраньяга от смешанной группы (она представляет баскскую партию Эуско Алькартасуна) и И. Анасагастии от Баскской националистической партии.

Горбачев. Я вижу, что в делегации представлен весь политический спектр Испании. К сожалению, нам пока еще далеко до того, чтобы представители различных наших политических сил могли спокойно собраться за одним столом. Уж больно они машут в таких случаях руками.

Бенегас. Несколько слов о том, почему мы сегодня в Москве. Во время августовского путча (думаю, что все мои коллеги согласятся со мной) испанское правительство с первого момента заняло предельно четкую позицию осуждения попытки переворота. Правительство Испании потребовало возврата конституционной законности в вашей стране и восстановления на своем посту Президента М.С. Горбачева. Мы помним, что такая позиция была занята нашим правительством в то время, как в некоторых других странах возникли определенные колебания. Это особенно было заметно после того, как было получено соответствующее обращение организаторов путча.

Одновременно с правительством тогда же в испанском парламенте срочно собрались и представители всех представленных в нашей делегации политических партий. Мы приняли заявление, осуждающее попытку переворота и выражающее поддержку политике перестройки и лично Президенту Горбачеву. На той встрече было решено срочно направить в Советский Союз делегацию кортесов для прояснения ситуации. Хочу подчеркнуть, что тогда мы еще не знали, какое развитие получит попытка переворота и какова будет судьба Президента Горбачева.

После провала путча поездка по объективным причинам была отложена. Однако сегодня мы рады быть здесь, поскольку и сегодня ваша страна переживает исторический момент.

В этих условиях мы хотим в первую очередь выразить полную поддержку Вашей борьбе за перестройку и свободу, за формирование новых отношений между республиками.

Мы прекрасно понимаем, что происходящее в Советском Союзе имеет огромное значение не только для вашей страны, но и для всей Европы и мира. От того, каким выйдет Советский Союз из происходящих здесь изменений, в значительной степени зависит то новое политическое устройство мира, формированию которого мы все являемся свидетелями.

Горбачев. Согласен с Вами. Ваши слова подтверждают то, что Испания выстраивает свою линию в рамках дальновидной политики. К сожалению, кое-кто до сих пор не может вырваться за пределы прагматического видения ситуации и не способен выйти на стратегическое осознание того, что означает Советский Союз и происходящее в нем для мира в целом.

Бенегас. Мы считаем, что политика перестройки и Ваши личные усилия уже принесли на первом этапе ряд важнейших достижений. В предельно короткое время от мира, разделенного на блоки, подверженного риску ядерного конфликта и страдающего от гонки вооружений, мы пришли к миру, конечно, со многими неизвестными, но к миру, где две сверхдержавы начинают сотрудничать в решении глобальных проблем, стоящих перед человечеством, где ведется поиск и находят решения застарелым конфликтам. Мы понимаем и то, что перестройка и политика Президента М.С. Горбачева имеет огромное значение для человечества и с точки зрения стабилизации обстановки в Европе.

В этой связи мы решительно выступаем за стабильный Советский Союз. Мы недвусмысленно поддерживаем идею нового политического союза перед лицом сепаратистской демагогии. Мы это делаем потому, что прекрасно отдаем себе отчет, насколько велик риск дестабилизации всего континента, который может оказаться разорванным в результате межнациональных конфликтов и кровавых споров из-за границы, что так ярко демонстрирует сегодня опыт Югославии.

Горбачев. Вы правы. Опыт Югославии — это печальный и драматический пример всем нам. Но, позволю себе употребить разговорное выражение, югославские события — это семечки по сравнению с тем, что может произойти у нас.

Бенегас. Хотел бы закончить, задав Вам прямой вопрос: чем в нынешних условиях мы можем помочь Советскому Союзу в рамках Европейских сообществ для поддержки ваших политических и экономических реформ?

И может быть, я позволю себе еще один вопрос. Вчера у нас в Верховном Совете была на этот счет интересная дискуссия. После ухода с политической арены КПСС в идеологической жизни вашего общества замены этой партии нет. В Верховном Совете отсутствует разделение на политические группы, есть лишь территориальные представительства. Не мешает ли этот политический вакуум процессу создания нового Союза, не мешает ли стабилизации новых структур отсутствие политических партий, которые действовали бы во всех республиках будущего Союза?

В заключение позвольте мне еще раз от имени нашей делегации выразить искреннюю солидарность с Вашей борьбой и пожелать в ней самых больших успехов.

Горбачев. Благодарю Вас за слова поддержки.

Что касается того, чем может нам помочь Европейское сообщество, отвечу так: нам можно помочь, реализуя уже достигнутые между нами и ЕС договоренности в области финансов и помощи продовольствием и медикаментами. Испания, а также Италия, Франция и Германия сыграли решающую роль для достижения этих соглашений о сотрудничестве между ЕС и Советским Союзом. Теперь необходимо новое усилие для того, чтобы эти решения реализовать. Кстати, сегодня председатель нашего Межгосударственного экономического комитета находится в Брюсселе специально для того, чтобы обсудить планы реализации соглашений о сотрудничестве с ЕС. Парламенты стран-участниц могут как затормозить, так и подтолкнуть выполнение этих договоренностей. Мы, конечно, хотели бы рассчитывать на второе.

Что касается КПСС и ее ухода с политической сцены, то должен сказать, что прежде всего мы хотим заполнить возникший в этой связи вакуум в обществе за счет развития идеи нового Союза. Именно эта идея сегодня реально объединяет все слои общества, большинство населения. Кроме того, очевидно и то, что нарастает динамика формирования новых политических партий и движений. На политическом горизонте страны уже реально видна социалистическая партия, действующая во многих республиках. То же самое можно сказать о демократической партии. Немало политических партий и движений формируется в отдельных республиках.

В среде научной и творческой интеллигенции, среди деятелей культуры, а также у рабочих мы видим огромное стремление к взаимодействию в рамках Союза. Недавно в Москве прошел съезд рабочих — представителей Советов трудовых коллективов государственных промышленных предприятий. Набирает силу процесс объединения сельских трудящихся в рамках Крестьянского союза. Мы всемерно поддерживаем и стимулируем эти движения.

Во время съезда рабочих я принимал его делегатов. В беседе их представители постоянно подчеркивали свое стремление к тому, чтобы законодательная и исполнительная власть создала для государственных промышленных предприятий такие же условия для вхождения в рынок, как и для новых экономических сил в нашем обществе: предпринимателей и работников индивидуального труда. Нас даже критиковали при этом, что мы, мол, создаем преимущества для новых экономических сил в стране. Мои собеседники прямо сказали, что если правительство реально поддержит их в стремлении на равных с другими войти в рынок, то оно будет безоговорочно поддержано с их стороны, в том числе и в вопросе сохранения Союза.

Сегодня мы ясно видим две опасности для нашего общества. С одной стороны, это еще большая активизация националистических и сепаратистских движений. С другой — в условиях обострения социально-экономической ситуации — угроза возникновения движений, я бы сказал, профашистского, диктаторского толка. К сожалению, уже есть реальные признаки этой опасности. В то же время мы видим, что в нашем обществе имеются серьезные настроения против любых сил, толкающих людей к конфронтации.

Говоря в целом, скажу, что формирование полноценного спектра политических сил является самой актуальной задачей для нашей страны. Без этого невозможна демократия, невозможно создание правового государства и воспитание политической культуры.

Касо. *Господин Президент, я полностью согласен с Вами в том, что социально-экономическая ситуация сегодня играет самую дестабилизирующую роль в Советском Союзе. Опираясь на наш собственный испанский опыт, мы убеждены в том, что для преодоления общественного кризиса необходимо прежде всего восстановление доверия. Для восстановления экономики в первую очередь необходима политическая стабилизация. В этом контексте нас, как и многих других на Западе, очень беспокоят перспективы завершения процесса формирования нового Союза. Особое место в этом занимает позиция Украины, включая и такой немаловажный вопрос, как проблема контроля над стратегическим оружи-*

ем, расположенным на ее территории. В случае, если 1 декабря на референдуме в этой республике не будет выявлено четкое решение в пользу того или другого пути развития республики, какие действия предполагает предпринять Центр для того, чтобы снять все озабоченности Запада, связанные с позицией Украины?

Горбачев. Прежде всего Западу не стоит беспокоиться по вопросам Вооруженных Сил. Все системы вооружений, не только стратегические, расположенные на территории Украины, находятся под жестким контролем Центра. Сейчас на этот счет много разговоров в парламентах, в республиканской и центральной прессе. Тем не менее в действительности ситуация строго контролируется из Центра. Тот факт, что мы идем к созданию Союза, является лишь дополнительной гарантией сохранения такой ситуации. К тому же мы уверены, что в конце концов и на Украине возьмет верх здравый смысл. При этом мы не закрываем глаза на то, что в республике есть силы, которые готовы в случае позитивного голосования на референдуме в пользу признания суверенитета республики выдать этот результат за мандат на полное отделение от Советского Союза. При этом они забывают о том, что сегодня практически все бывшие субъекты Союза являются суверенными государствами и проголосовали за это демократическим путем. Они забывают, что этот суверенитет республики используют для того, чтобы строить качественно новый Союз. Мы не обольщаемся и понимаем, что процесс будет непростым, но я искренне надеюсь, что нам удастся достойно развязать этот непростой узел. Хочу еще раз подчеркнуть, что при любом развитии ситуации на Украине контроль над ядерным оружием там будет сохранен в руках Центра.

Кстати, у нас есть сведения о том, что некоторые страны Запада так или иначе втягиваются в политическую игру вокруг будущего Украины. Хочу подчеркнуть, что им надо быть более ответственными и не рисковать превратиться в мелких политических игроков.

Думаю, что для вас не является секретом, что Хорватия и Словения не могли бы занимать нынешние позиции, не имея заблаговременно соответствующих заверений со стороны некоторых западных стран. А теперь мы уже совместными усилиями не можем справиться с развязанным там конфликтом.

Еще полтора-два года назад, когда в Европе и мире только разворачивался процесс глубоких преобразований и становилось очевидным, что они объективно несут с собой определенную дестабилизацию, уже тогда я предупреждал своих партнеров, в том числе и публично (по-моему, я об этом говорил и в своей Нобелевской

речи), что мы должны быть предельно ответственны в этот момент. Я говорил о том, что очень опасно пытаться в такой ситуации погреть руки на чужих трудностях. Это не политика, а политическая безответственность.

В заключение хотел бы еще раз поблагодарить за солидарность, которую проявляет с нашим делом испанский народ, его парламент и правительство. От себя лично прошу передать самые теплые приветствия их Величествам Королю и Королеве Испании, а также Фелипе Гонсалесу и его супруге. Я надеюсь, что ваша делегация передаст чувства нашей признательности всем испанским парламентариям.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

СОВЕЩАНИЕ С СОВЕТНИКАМИ И ПОМОЩНИКАМИ

26 ноября 1991 года

(В начале совещания М.С. Горбачев рассказывает о своей поездке в Иркутск и Киргизию 21–23 ноября).

Люди ждут, когда же наступит улучшение, хотя в магазинах продается коньяк¹¹⁷. Ужасно тяжкие настроения на оборонных заводах. У всех вопрос — что будет с обороной? В Иркутске, если брать Сибирь в целом, не худшая ситуация.

Возможный развал Союза воспринимается как беда. Больше всего было вопросов на эту тему.

Все это я предвидел. Неожиданно встретил человеческое отношение — до слез! Какой же это запас терпения у народа... и снисхождения. И это даже — в очередях!

Остается продолжать делать дело!

Проблема государственности — главная в контактах в Иркутской области. Люди требуют до конца довести перераспределение полномочий. Речь шла о государственно-продовольственном кризисе, который можно разрешить лишь перераспределением полномочий вплоть до самого низшего уровня — то есть до территориально-государственного разделения функций. При четком понимании единства России как государства.

Народ смотрит в глаза с надеждой: «Ты даешь надежду? Обещаешь?»

Я говорил о программе России, говорил о том, что она та же, что у меня. Но начата она «с конца» — с отпускания цен.

Киргизия. Там, через хорошо рассчитанные шаги, удалось не противопоставить в республике «Север» и «Юг». Вице-президент там Кузнецов. Русский, прекрасный человек. Пользуется уважением всех национальностей.

В экономическом отношении там пошли дальше, чем наши популистские лидеры. Но не ломают общество через колено.

Распущены колхозы. Появляются фермеры, собственники отар овец.

Тема № 1 — Союз. Что с ним будет? Как с межнациональными отношениями?

(Далее Горбачев перешел к рассказу о последнем заседании Госсовета, которое проходило накануне в Ново-Огареве.)

Казах, который там был, назвал то, что Ельцин предложил взамен СССР, «облаком в штанах»¹¹⁸.

Пир во время чумы, я вам скажу...

Ельцин выступил с замечаниями по всему тексту (Союзного договора): одна у него группа предлагает одно, другая — другое. Как же ему действовать? Какие же мозги у людей, которые ему советуют? Параноя какая-то!¹¹⁹

Прогнозировал им — придавят вас ваши «советники».

По внешней политике — полная чушь в головах!

И не хотел никто выходить к прессе по окончании заседания. Перед страной им нечего сказать!

Даже пресса чувствует: беда идет!

Я навязал им опять совместный документ.

Спрашивали журналисты: кто виноват? кто сорвал парафирование?

Проигрывая государство — проигрывают все!

Фаза перехода кончилась. Пришли во власть. И надо вести дела.

Центр им как кость в горле. Он для них «старый ветряк». Ну, а им что осталось? Продолжайте, если взялись.

(Обращается к присутствующим с требованием.) Тему Союза поднимать везде, по всем направлениям, каждый в своей сфере.¹²⁰

На закрытом заседании я спросил у Ельцина: как будет он разворачивать экономическую программу?

Цены взлетят. Откуда он возьмет средства, чтобы в 2–3 раза поднять зарплату учителям, врачам, в армии особенно?

Явлинский сказал, что к февралю все развалится, так как инерционный экономический процесс к этому времени истлеет. И главный вопрос, который он задал руководителям республик на Госсовете: люди выйдут на улицу, что будете делать?

Реакция это тоже понимает и консолидируется, чтобы брать власть, может, с помощью армии и люмпенов.

Прошу дать анализ и соображения — что делать. И международную часть тоже — рассчитанную на понимание Западом нашей ситуации и последствий — к чему всё идет! Вот рынок пошел — а к чему привел?

Процесс кристаллизации партий как-то увял.

Дать расстановку политических сил на сегодня. Их развитие в условиях дальнейшего осложнения ситуации. Какой курс административных сил? Нравственное состояние общества: быстрая замена одной морали на другую.

(Яковлеву А.Н.) Как использовать прессу? Подумай.

(Яковлев предлагает направить письмо Президента парламентам республик. И обращение к народу.)

Необходимо создать президентскую Комиссию по распределению гуманитарной помощи, поставив во главе Святослава Федорова. И развернуть через пресс-службу работу по поддержанию авторитета Президента СССР.¹²¹

Рабочая запись А.С. Черняева.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

БЕСЕДА С ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ ФЕДЕРАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЯПОНИИ Т. ЯХИРО

27 ноября 1991 года¹²²

Горбачев. Приветствую вашу представительную делегацию. Я знаю о тех планах сотрудничества, которые вы задумали с Россией, эту программу, и я их приветствую. То, что происходит в наших отношениях с Японией сейчас, свидетельствует о возрастающем, набирающем силу встречном движении.

На днях я получил письмо от Премьер-министра Японии господина Миядзавы. Он дает некоторые пояснения. Очень важно, что к нынешним процессам в двусторонних отношениях подключаются деловые круги. Хотел бы узнать о ваших впечатлениях от тех контактов, которые вы имели в ходе пребывания в Советском Союзе.

Яхиро. *Позвольте, господин Президент, прежде всего выразить признательность за то, что, несмотря на свою сверхзанятость, Вы выделили время для встречи с нашей делегацией. Хотел бы представиться. Я — глава делегации, моя фамилия Яхиро. Наша делегация была сформирована информационным агентством Киодо Цусин и Форумом политических инноваций Японии. Одновременно я являюсь главным советником корпорации «Мицуи буссан», вице-президентом Федерации экономических организаций Японии, президентом Ассоциации содействия развитию торговли с СССР и странами Восточной Европы.*

Горбачев. Что-то должностей у Вас много. (Смеется.)

Яхиро. (Улыбается.) *В прошлом году я уже однажды посетил Советский Союз в составе экономической делегации, сформированной японской газетой «Майнити». В числе других членов делегации я присутствовал*

на встрече с Вами. Когда же в нынешнем году Вы посетили Японию и семь крупнейших экономических организаций страны устроили встречу с Вами, то я принимал Вас уже как хозяин¹²³.

Для меня большая честь сегодняшняя встреча с Вами. На ней присутствуют руководители нашей делегации, общая численность которой — около 40 человек. В делегацию входят руководящие деятели крупнейших корпораций Японии, занимающихся транспортом, энергетикой, банковским делом, финансами, торговлей. Цель нашего визита — ознакомиться с экономической ситуацией, которая складывается в вашей стране, установить контакты с ее руководителями, занятыми трудной работой по осуществлению реформ. Кроме того, мы хотели бы определить, каким образом мы могли бы содействовать этому процессу.

В последнее время вашу страну посетило немало японских политических деятелей, правительственных чиновников высокого ранга. Мы же представляем частный сектор и хотели бы с иных, нежели политики, позиций определить, что мы могли бы сделать в плане содействия реформам в вашей стране.

В ходе пребывания в Советском Союзе мы имели возможность встретиться с рядом руководящих деятелей, посетить предприятия, где осуществляется конверсия. В течение сегодняшнего и завтрашнего дня члены делегации имеют в виду провести переговоры по конкретным проблемам с вашими специалистами. Я помню, что во время визита в Японию Вы говорили о том, что частный сектор должен сыграть важную роль в развитии советско-японских отношений. Я придерживаюсь такого же мнения. Надеюсь, Вы извините меня за то, что я опять затрагиваю эту тему, но хотел бы сказать, что мы желали бы скорейшего заключения советско-японского мирного договора, который включал бы урегулирование нерешенной территориальной проблемы. В результате этого деловые круги Японии получили бы возможность сделать более решительные шаги по пути продвижения отношений между нашими странами и советско-японского сотрудничества. В этом контексте мы возлагаем большие надежды на то, что и Вы, господин Президент, окажете содействие в ускорении процесса достижения этих целей.

Мы отдаем себе отчет в трудностях и сложности перестроечных процессов в вашей стране. Но рассматриваем эти процессы как событие исторического значения, желаем их эффективного осуществления и успеха Вам в этой связи.

Господин Президент, мы были бы очень рады, если бы в будущем получили возможность вновь приветствовать Вас в нашей стране.

Горбачев. Я встречался не только с политическими деятелями Японии, но и с представителями деловых кругов вашей страны.

Я горячий сторонник того, чтобы представители делового мира участвовали в развитии советско-японских отношений. Не хочу пренебрегать ни политикой, ни экономикой. Это — две стороны одной медали.

Присутствующий здесь посол Японии, наверное, будет быстро записывать то, что я сейчас скажу. Как известно, МИД Японии считал, что если занять в отношении Советского Союза жесткую позицию, то это даст скорые плоды. В результате же мы десять, а то и пятнадцать лет топтались на месте. Но как только мы начали встречное движение с участием общественных деятелей, деятелей культуры, бизнесменов, то в течение нескольких месяцев мы сделали больше, чем за предыдущие десятилетия.

Эдамура. *Это произошло благодаря Вам, господин Президент.*

Горбачев. Правда, я не хотел бы приписывать всю «вину» только японскому МИД. Наш МИД тоже не давал возможности участвовать в развитии отношений представителям общественности и деятелям культуры.

Приезд вашей делегации представляется весьма важным. Я приветствую самое главное — то, что вы ведете речь о конкретных проектах. До сих пор было много дискуссий о необходимости сотрудничества между СССР и Японией. Наши деловые круги изъездили всю Японию, многочисленные представители делового мира Японии посещают нашу страну. Но этот этап экскурсий и взаимного ознакомления затянулся. Поэтому я приветствую то, что сегодня мы находимся уже на новом этапе, когда столь авторитетные и компетентные люди, как вы, оцениваете конкретные проекты сотрудничества. В связи с этой новой стадией сотрудничества, думаю, что здесь для японских деловых кругов наилучшим партнером будут промышленные организации и концерны России.

Еще один момент. Вы не говорили мне о своих впечатлениях от посещения предприятий в Ленинграде, в Москве, в Подмоскowie. Но я уверен, что эти посещения вызвали у вас размышления относительно технологий, организации дела. Хотел бы обратить внимание на интеллектуальный потенциал, которым обладают эти коллективы, и прежде всего работающие для них научно-исследовательские учреждения.

Американцы очень тревожатся в связи с трудностями, с которыми сталкиваются наши научные учреждения, особенно занимающиеся фундаментальными исследованиями. Они даже ищут источники для поддержки этих учреждений, поскольку использование результатов их работы уже дало им миллиардные выгоды. Тот же

Кировский завод, который вы посетили, создал даже в той ситуации, в которой он находится, лучший в мире танк. Такая противоречивая ситуация имеет место на многих промышленных предприятиях. Думаю, что сложение и объединение наших усилий даст те результаты, которых мы хотим.

Если говорить о сотрудничестве в условиях рынка, то партнеров для такого сотрудничества можно выбирать. Например, когда мы начали торги на получение заказов на строительство жилых городков для наших военных на средства, выделенные Германией, то контракт выиграли не немецкие фирмы, а турецкие и финские. Но японские предприниматели могут действовать на любом рынке. Ведь в Америке вы сумели прибрать к рукам около 40 процентов производства электротехнической продукции. Единственное, что мешало японским деловым кругам в нашей стране, — это политика. Теперь этот барьер снимается. И японские деловые круги могут в полной мере проявить свою инициативу.

Яхиро. *Что касается Кировского завода, то, как мне рассказали члены делегации, посетившие его, это хорошее предприятие. Однако потребуются усилия для перевода его на производство гражданской продукции, например сельскохозяйственных изделий. Могу заверить Вас в том, что наши специалисты внимательно проанализируют и осмыслят то, что они увидели на этом предприятии. Вместе с тем не могу не сказать, что те трактора, которые производятся на Кировском заводе, отличаются излишней металлоемкостью, слишком большим весом и слишком большим расходом топлива. Видимо, поэтому сбыт такой продукции в третьих странах сталкивается с трудностями. Мы считаем, что для успешного осуществления конверсии необходимо перепроектировать имеющиеся виды гражданской продукции. Думаю, что, используя большой технический и интеллектуальный потенциал, квалифицированную рабочую силу, которые имеются на конверсионных предприятиях, можно — при одновременной эффективной проектировочной работе — добиться выпуска изделий, отвечающих мировым стандартам.*

Вы упомянули о строительстве жилых городков для военных. Должен сказать, что в Японии накоплен большой опыт массового жилищного строительства, который мог бы оказаться полезным для вас.

Горбачев. Хотел бы особо выделить и запомнить эту часть нашей беседы, касающуюся технологии массового жилищного строительства. Нам придется строить много жилья, и, видимо, в этих целях участникам жилищного строительства, прежде всего в сельской местности, будут предоставляться определенные льготы.

Яхиرو. По моему мнению, жилищное строительство на селе имеет очень важное значение, особенно с учетом предстоящего развития фермерских хозяйств у вас в стране.

Господин Президент, мы хорошо понимаем, сколь сложные проблемы Вы сейчас решаете. Я имею в виду и проблему снятия социальной напряженности в стране, и проблему конверсии, и проблему повышения производительности труда в сельском хозяйстве, проблему создания системы товарообращения. Всё это — вопросы экстренного характера. На совещании руководителей семи ведущих государств Запада, в котором активно участвовали и Вы, было условлено оказывать Советскому Союзу гуманитарную помощь в виде поставок продовольствия и медикаментов. Это — очень важно. Большую значимость имеет и вопрос об отсрочке платежей по погашению внешнего долга вашей страны.

В состав нашей делегации входит много представителей компаний — потребителей энергоносителей, в первую очередь нефти. Нам известно, что сейчас происходит серьезное падение уровня добычи нефти в вашей стране, в то время как нефть является главным источником поступлений иностранной валюты. В результате теряются десятки миллиардов долларов, причем в условиях, когда необходимо делать крупные закупки промышленных товаров за рубежом. Насколько мы знаем, уровень добычи нефти, составлявший до сих пор 570–600 миллионов тонн в год, упал до 500 миллионов тонн. Отстает развитие новых месторождений, а также модернизация оборудования для добычи нефти на уже используемых скважинах.

Поэтому, на наш взгляд, сейчас необходимо повысить эффективность нефтедобычи, для чего следует принять экстренные меры как единственно возможное средство для выправления ситуации. Японское правительство, как Вы знаете, приняло решение об оказании Советскому Союзу экономической помощи в размере 2,5 миллиарда долларов. Считаю, что эти средства должны быть направлены в первую очередь и главным образом на повышение эффективности нефтедобывающей отрасли. Полагаю, что в этом плане целесообразно было бы наладить сотрудничество также и с США, которые имеют большие достижения в технологии нефтедобычи. И если объединить американскую технологию с японскими финансовыми возможностями, то, думаю, можно было бы быстро развивать нефтедобывающую отрасль в СССР, что стало бы наиболее эффективным путем пополнения валютных резервов вашей страны. Советский Союз занимает первое место по объему нефтяных запасов, и экстренные меры по повышению производительности труда в сфере нефтедобычи могли бы дать хороший валютный эффект. Если Вы, господин Президент, положительно отне-

сетесь к этим соображениям, мы могли бы сотрудничать в этой области.

Горбачев. Полностью согласен с Вашей оценкой ситуации. Должен сказать, что мы уже ведем большую работу в этой области с западными фирмами. В частности, крупные проекты по нефти и газу мы уже реализуем с американскими и канадскими компаниями. Ряд западноевропейских фирм взяли обязательство восстановить около трех тысяч нефтяных скважин, и это обязательство ими уже выполняется. Я за то, чтобы в этом деле наладить сотрудничество в треугольнике СССР–США–Япония.

Хотел бы подчеркнуть, что речь надо вести не только о добыче, но и о переработке нефти. Сейчас глубина переработки нефти на наших заводах составляет около 60 процентов, на отдельных предприятиях — до 65 процентов. Так что здесь — огромные резервы. В частности, за счет повышения степени переработки нефти можно было бы получать финансовые средства, которые покрывали бы расходы западных фирм на новую технологию.

Отставание нефтяной отрасли имеет и внутреннюю причину. Речь идет о системе цен на нефть. Если на мировом рынке 1 тонна нефти стоит 120 долларов, то на нашем внутреннем рынке — 70 рублей. То есть в пересчете по коммерческому курсу на нашем внутреннем рынке 1 тонна нефти стоит 2 доллара. Такова наша экономика. Кто же в таких условиях будет экономить нефть, экономить энергию? Даже минеральная вода у нас сейчас дороже нефти.

Но мы будем выходить на мировые цены. И первые шаги для этого будут сделаны в рамках ускорения перехода к рыночным отношениям у нас в стране. У нас есть взаимопонимание с вами в вопросе развития сотрудничества в нефтяной сфере. Оно может принести выгоду обеим сторонам.

Я удовлетворен беседой с Вами, господин Яхиро, с Вашими коллегами.

Яхиро. Благодарю Вас, господин Президент.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА СССР

27 ноября 1991 года¹²⁴

Горбачев. Значит, дело обстоит так. Москва с утра не принимала, поэтому в воздухе представители Ташкента и Киргизии¹²⁵. Причем из Ташкента — еще далековато, а из Киргизии — вот-вот [прилетят]. Думаю, мы начнем разговор, а товарищи подъедут и присоединятся. Мы еще два дня назад огласили, что соберемся.

Я тут с японцами беседовал, которые с россиянами сотрудничают. Интересная беседа¹²⁶.

...Хорошо, товарищи. Мы выполняем [нашу] с вами договоренность, [достигнутую] на том Государственном совете, который мы провели [25 ноября]. Я приветствую обоих президентов — и Азербайджана, и Армении. Мы находимся в очень сложной ситуации, и Госсовет просто не может и не имеет права уклониться от этого. И поэтому мы рассматриваем этот вопрос, как главный, специально его выделили. Мы хотели бы [обсудить] в самой такой дружеской обстановке, с большой озабоченностью и тревогой в связи с тем, как драматически там развиваются события. У нас уже появилась какая-то уверенность, что совместными усилиями республик, при добрых услугах и России, и Казахстана какой-то намечался, кажется, процесс движения к согласию и урегулированию этой ситуации. Всё взорвалось и взорвалось так, что очень осложнило ситуацию в обеих республиках¹²⁷. Сейчас особенно острая ситуация в Азербайджане. И мы должны, я думаю, сейчас послушать, обменяться [мнениями]. И не будем начинать с самого начала, потому что мы все

в курсе, но что и как сегодня мыслится, как мыслят товарищи, как представляют себе выход из этой тяжелой кризисной ситуации.

Я прямо скажу, что еще осложняется и тем, что у находящихся там наших частей внутренних войск (и часть, по-моему, Министерства обороны задействована так или иначе для поддержания порядка) тоже настроение неважное. Вроде бы они, так сказать, как заложники. И от политиков ждут твердых решений и ясности в этих очень важных вопросах. Не думаю, что это тот вопрос, в котором мы должны тут горячиться и суетиться. Но и времени, откровенно говоря, у нас в распоряжении просто нет, нам нужно развязывать этот узел. И давайте исходить из нашей общей ответственности, потому что некоторые заговорили вдруг: давайте выведем всех и пригласим мировую общественность разбираться. Ну, это тогда вообще ситуация парадоксальнейшая. Нас приглашают помогать развязывать везде узлы, и мы их развязываем, в том числе участвуем в тяжелой ситуации в Югославии. И вдруг создаем [у себя], открываем это всё для мирового сообщества...

Есть такой вариант. Есть другие варианты. В общем, вариантов сейчас много. К этому мы, наверное, подойдем — к варианту действий, к возможной оценке последствий каждого варианта. А сейчас давайте мы просто как-то обменяемся по ситуации.

Я думаю, мы попросим в такой искренней, доверительной обстановке дать слово президентам. Пусть они нас введут [в курс дела]. Вчера приехали. Последняя их оценка, впечатление. Мы послушаем. Потом уже будем обмениваться. Я приглашаю всех, в том числе и президентов Азербайджана и Армении, искать путь к развязке. Нам надо находить его. Оставлять в таком положении ситуацию невозможно. Аяз Ниязович, возьмите слово, пожалуйста.

Муталибов. *К сожалению, развитие событий обретает такой характер, что обращение к Президенту и связывание всего того, что мы хотели бы иметь в части нормализации, только лишь с Президентом, становится день ото дня [все более] призрачным. Почти четырехлетнее открытое, откровенное противостояние двух республик на точке соприкосновения интересов в Нагорном Карабахе поставило и перед мною как Президентом очень сложную задачу... Трагический случай, который имел место на этих днях, перечеркнул всё то, что мы набрали к этому времени... За день до этого мы говорили с Леоном Акоповичем очень хорошо, по-доброму. И тут же, после того, как положил трубку, я начал разворачивать работу по де-блокаде газа... Даю вам честное мужское слово — я никакого поручения о блокаде газа ни разу не давал. Кто-то за спиной... Оккупировали эту самую станцию, а тут еще обстрел села,*

на территории которого она находится. Мнение такое, что стреляли со стороны Ноемберянского района (это армянский район). Обстреляли село Керемли, сожгли там несколько домов, поэтому останавливается газ. С другой стороны, есть факты выстрелов и с этой стороны...

На что это направлено? На то, чтобы вызвать дестабилизацию в Азербайджане — раз, дестабилизацию в Армении — два... Это значит неспособность Президента Азербайджана защитить свой народ. Это значит, обструкция против Президента. Эта катастрофа уже переполнила чашу терпения. Тут же массовые митинги. Мы знаем, кто их организует, кто за этим стоит. И пошло: «Хватит! Надоело! Идем войной! Идти туда, смести...», и так далее. Три дня до похорон были многочасовые митинги у здания Аппарата Президента... На похоронах экзальтация дошла до апогея. Пришлось мне дать согласие на сессию [Верховного Совета] — надо было как-то выпустить пар. Вчера она состоялась. Мое выступление на сессии зафиксировано, оно носит миротворческий характер. Вечером его передали на всю республику. Сказал, что воевать — это смерти подобно, что наши народы жили и будут жить; что кто-то нас толкает, а я на это никогда не пойду. Нам надо переговоры продолжать, какими бы тяжелыми они ни были. Сформировали Национальный совет в составе парламента. Я ушел, чтобы лететь в Москву, уверенный, что всё идет нормально... А потом мне звонят, что абсолютным большинством голосов приняли решение об упразднении автономной области¹²⁸.

Для того чтобы выйти из этого тупика, надо отработать — и очень быстро — механизм прекращения огня. Мне представляется, что нам надо как-то блокировать границы, иметь демаркационную или демилитаризованную линию... Есть опасение у армянских товарищей, что закрытие границ может привести к тому, что азербайджанцы пойдут атакой на Нагорный Карабах и начнут выселять оттуда армян... Чтобы исключить это, надо усилить контингент внутренних войск, но чтобы они работали в режиме чрезвычайных полномочий, а не статистами. А на фоне этих мер инициировать межобщинные переговоры, заключение соглашений на уровне народной дипломатии.

Переговорные процессы, в соответствии с Железноводским коммюнике¹²⁹, мы провели. Четыре раунда. Первый был трудным, второй с элементами понимания, а третий и четвертый вышли на позитив. Был наработан проект соглашений о транспортных коммуникациях, о заложниках, о механизме прекращения огня. Ей-богу, если бы не этот вертолетный случай...

Тер-Петросян. Надо опираться не на информацию азербайджанской или армянской стороны, а на информацию российско-казахской комис-

сии, МВД, Минобороны, КГБ. Ситуация ясна. Дело пойдет к ликвидации Нагорно-Карабахской автономии. Из Ваших слов я понял, что там многое решает народ, Народный фронт Азербайджана. Поэтому я сомневаюсь, что мы здесь придем к какому-то общему знаменателю. У нас уже около месяца не поступает газ, блокирована железная дорога... Самое главное — принятие мер по усилению обеспечения безопасности населения Нагорного Карабаха. Там будут и неконтролируемые элементы. Мне поступила информация, что есть большое скопление сил и вокруг Карабаха, и в самом Карабахе в азербайджанских селах. Боюсь, что ситуация выйдет из-под контроля. Надо поставить точки над «i».

Наш Госсовет должен определить правовой статус Нагорно-Карабахской автономной области. Без этого не получится разговор с народом ни у меня в Армении, ни в Карабахе. Областной Совет Нагорного Карабаха ликвидирован, остановлены его полномочия. Постановление Верховного Совета от 12 января 1989 года¹³⁰ надо отменить и признать полномочия Совета народных депутатов Народного Карабаха двадцатого созыва. После этого возможны переговоры в рамках Железноводского коммюнике.

Горбачев. Левон Акопович, трудности для президента и для всех тех, кто настроен на политическое урегулирование ситуации и то, что дает точку опоры экстремистским силам, — это вопрос о прекращении огня. Вы эту тему обходите.

Тер-Петросян. Это всё я и Вам говорил еще с февраля прошлого года, когда мы с Аязом Ниязовичем, с Вами готовили проект Указа, чтобы тогда еще восстановить областной Совет. И Борису Николаевичу, и Нурсултану Абишевичу, и Комиссии я постоянно говорил: там нужна гражданская власть, любая. Военная власть, чрезвычайное положение (каким бы хорошим оно ни было) всё равно не может обеспечить гражданские права населения. Там много вопросов хозяйственных, экономических, административных. Там должна быть гражданская власть — президентская, любая...

Муталибов. Левон Акопович, говоря о защите населения, Вы имеете в виду армянское население. За время переговоров по Железноводскому коммюнике шесть тысяч азербайджанцев вынуждены были бежать из своих сел в НКАО. Органы МВД это подтверждают. Действуют люди, которые не хотят нормализации обстановки. Что касается моих способностей влиять на ситуацию, то я их продемонстрировал тем, что до вчерашнего дня удерживал людей от принятия документа об НКАО. Если бы я был «за», я был бы национальный герой... Я этого не делал и не делаю.

Горбачев. Давайте еще послушаем товарищей из внутренних войск. Соберем всю информацию, а потом обменяемся [мнениями].

Саввин. Руководство районов — и армянских, и азербайджанских — просит принять немедленные меры по стабилизации обстановки. Накал внизу достиг предела. В основе своей противоборствующие силы управляемы. В Казахском районе¹³¹ председатели исполкомов сопредельных сторон в порядке проверки заявили: сутки огня не будет. И сутки ни одного выстрела не было. То есть ситуация управляемая.

Предлагаю принять следующие меры:

1. Прекращение огня.

2. Вывод вооруженных формирований обеих сторон в определенные сроки. С армянской стороны — это боевики и силы самообороны поселков, с азербайджанской стороны — ОМОН, официальная структура, которая также является причиной конфликтов.

3. Создание структур власти, так как войскам приходится заниматься и снабжением мукой, и электроэнергией, и другими вопросами.

Но на сегодняшний день сил для обеспечения режима в районе не хватает. Существует опасность, что войска окажутся небоеспособными.

Горбачев. По этому вопросу должны высказаться республики. Заявить, что они обращаются официально, чтобы взять под контроль. Чтобы не было так, что им, мол, навязывают, как говорится, в оккупационном порядке.

Саввин. О госгранице между Арменией и Азербайджаном. Предлагается создание десятикилометровой зоны, создание в этих районах контрольных пунктов России, Казахстана и подразделений Советской Армии.

При такой ситуации, когда нет решений, мои подчиненные, солдаты и офицеры, задают мне вопрос: ради чего мы тут и будет ли, товарищ генерал, конец в этом районе?

Ельцин. На сколько, Вы считаете, надо там усилить внутренние войска?

Саввин. В районе НКАО до десяти с половиной тысяч. А сегодня там находится тысяча восемьсот человек.

Ельцин. Опять из России...

Горбачев. Со всех республик, наверное.

Ельцин. Нет...

Саввин. Наибольшая сложность в районах деревень, где рядом противостоят армянские и азербайджанские села. Там, где мононаселение, можно контролировать район патрулированием, облетом, там проблемы решаются легче. А вот где плотно...

Горбачев. И где более всего опасные последствия...

Саввин. Да, где сейчас гибнут люди и заложников берут со стороны. Вот этот район наиболее опасный.

Ельцин. И это горные районы. Там сейчас зима.

Муталибов. Я бы хотел тут заметить, что мы гражданскую власть там обеспечим, в ближайшие день-два мы примем решение о президентских полномочных представителях. Гражданские власти, естественно, будут азербайджанские и с приданием соответствующих институтов управления с участием армянских граждан, чтобы не было безвластия. Власть и сейчас есть, но я их укрепил полномочными представителями, соответствующими своими указами...

Тер-Петросян. За этим последует восстание в Карабахе... Это будет тот же Оргкомитет, тот же Поляничко¹³². Эту власть не будут признавать. Имели худо-бедно какую-то автономию, а теперь президентская власть. Не получится.

Бакатин. Сейчас в НКАО в 11 часов началась сессия, которая ставит вопрос о юридической несостоятельности вчерашних решений парламента Азербайджана и о приостановлении юрисдикции Азербайджана на территории НКАО. То есть началась юридическая война. В Азербайджане, еще до трагедии с вертолетом, началась мощная антиармянская кампания, блокируются военные городки, идет обработка личного состава, где 52 процента рядовых и до 80–90 процентов прапорщиков азербайджанцы. Идет «антимуталибовская» кампания. Действительно, там концентрируются силы на границе с Нагорным Карабахом. Участвуют части того ОМОНа, который вышел из подчинения... Мы действительно можем стоять на пороге широкомасштабной войны. И тут надо просто определиться.

Я согласен с тем, что докладывал генерал внутренних войск. Об этой пятикилометровой зоне разговор идет уже полтора года... Но, к сожалению, зона с одной стороны не будет действовать. Либо ее вообще нет, либо она с двух сторон одинаковая. Что касается, Михаил Сергеевич, каких-то решений, то тут надо Госсовету принимать роль нового центра, [выступить] с заявлением, призывом к благоразумию, прекращению огня и отводу сил. Причем, наверное, с жестким предупреждением, что если это не будет сделано, то тогда договариваться (включать туда армию или не включать) надо будет здесь. Потому что, безусловно, могут быть жертвы... Конечно, Борис Николаевич, армия-то из России в основном. Поэтому либо идти на такое политическое решение или же договариваться так, что две республики (поскольку они суверенные, самостоятельные, заявили о своей независимости) будут решать это сами, и вся ответственность будет на них. А мы вроде опять, кроме политического заявления, ничего не делали...

*Если сейчас не вмешиваться, могут быть стихийные жертвы, как в Баку в январе прошлого года*¹³³. Экстремистские силы Народного фронта могут вновь развязать погромы против оставшихся там армян и тех, кто вокруг НКАО. Особенно после того, когда сейчас НКАО отвергнет решение вчерашней сессии. Это будет дело очень опасное, не говоря уже о границе. Поэтому в конце концов нужно вводить армию, но, по-моему, Верховные Советы республик не согласятся — для армии нужно вводить режим чрезвычайного положения.

Горбачев. Он прав в том, что только в Законе о чрезвычайном положении у нас предусматриваются меры, включая и комендантский час, и войска.

Бакатин. Республики наверняка это не примут. Тогда — Верховный Совет Союза. Но я тоже очень сомневаюсь, сможет ли он в том состоянии, в котором находится, узаконить это. Поэтому тут немного тупиковая ситуация по поводу применения армии... Дальше может быть война...

Горбачев. Мы только не должны на этом останавливаться. Мы должны идти дальше. Все варианты [рассматривать]. А то застреваем где-то...

Только что утром я встречался с представителями совместной Комиссии, с российской стороны два депутата России — члены Комитета. Они только оттуда, в том числе и были там — на месте аварии¹³⁴. Варианты всякие есть¹³⁵.

Ну вот, хорошо, мы говорим: провозгласили себя независимыми — пусть они сами решают. Возникает вопрос: в чем же вообще тогда смысл Союза?.. Вот они все на переходном этапе так или иначе связаны с Союзом... Хотя Армения и заявила, что она в Союз не будет вступать, но тем не менее это всё еще в процессе. Сегодня (это все так говорят) мы в одном сообществе и ясно, что там и армия присутствует, и внутренние войска. Так что пока всё это — переходный процесс. Заявления делаются, но сегодня это единый мир. Уходим мы, всё бросаем. Возникает вопрос: если мы уходим оттуда, то тогда должна уходить вообще армия полностью... Тогда Азербайджан ставит вопрос о том (как они уже ставят, это информация оттуда), чтобы отдать им оружие... Не отдаем оружия. Что делаем?

Голос. *Воем.*

Горбачев. Блокируются войсковые части, как в Хорватии. А кто-то потом идет освобождать блокированные части. Кем блокируются? Женщинами и детьми. Будете стрелять в них?

Ельцин. *Но оружие, по Уставу, отдавать не должны.*

Горбачев. Не должны, Борис Николаевич, я и говорю — продолжать до конца. Со всей жестокостью. Что мы останавливаемся? Значит, не отдают оружия и начинают прорываться. Я называю прямо слово — прорываться. Почему? Железная дорога блокирована. Все шоссейные дороги блокированы, и они прорываются, выходят из окружения... Что это такое? Куда этот путь ведет?

Голос. *К жертвам.*

Горбачев. И пограничникам там житья не будет. Это принцип — всё до конца. Прорвались, покосили на пути всё. Прорвались. Вывели. Границу открыли. Все открыли. Из Армении ушли, то же самое, из независимого государства. Все ушли. Выровняли ситуацию. Дальше что?..

Голос. *Дальше беженцы пойдут в Россию.*

Горбачев. В Россию. Дальше еще что? Обращаться, говорят, в Организацию Объединенных Наций. И начинать то, что мы должны делать в Союзе, для чего Союз и создается, для этих народов и республик. Вводить войска ООН.

Голос. *Голубые каски.*

Горбачев. Это вообще парадоксально: мы — Союз — участвуем в развязывании конфликтных ситуаций по всему миру и решения принимаем. А здесь... Тогда я скажу: похороны полностью на Союзе. И Договора, который сейчас в стадии того, что он подвигается к подписанию, не будет. Потому что Среднеазиатские республики прореагируют вот так: бросили мусульманскую... Другие еще скажут: Союз — зачем он нужен, если он не защищает, не выполняет ни политически, никак... Коммуникации разрушаются... Он ничего не может сделать. Кому он нужен, такой Союз? Никому. До конца всё надо доводить. А что там будет происходить? Кровапролитие. Что последует? Всё что хочешь — вплоть до Азербайджана иранского, Азербайджана или Армении турецкой и так далее. Вообще эскалация, которая приведет к пожару. Всё что хочешь. И тогда мы преподнесем миру еще одну проблему — вот это конфликт уже в развернутом виде.

Значит, идем туда и говорим: усиливать группировку, решать и так далее. Встает вопрос, который задал Борис Николаевич. У него есть решение Верховного Совета не применять там силу... Ну я формулу не знаю точно. Но в принципе, так сказать, за пределами республики. Да?

Ельцин. *Да.*

Горбачев. Наверное, у других примерно такая же позиция, если даже решение не принято. Как же быть? Какой выход искать? В об-

щем, получается тупик, понимаете? И тем не менее решение надо находить, товарищи. И вот этот выбор надо делать. Где у нас какие последствия от принятого решения будут самые тяжелые, со всех точек зрения. И для этих людей, для народов двух республик, и в целом для Союза. Всё равно — выбор надо [делать]. Никуда нам не уйти от этого. Я думаю, что если чисто военный путь, то это вообще безобразие. А вот в том, что Саввин докладывал, много здравого. Объединять надо политические элементы, даже население — группировки... Это было бы уже как закрепление политических решений и делало их надежными, а не наоборот — через, как говорят, разгром и драку прорываться, с кровью, а потом порядок восстанавливать. Вот, мне кажется, что такой момент должен быть не утерян.

Я всё это так обостряю специально, все рассуждения довожу до конца, чтобы, вообще говоря, обмениваться нам продуктивно. Надо двигаться. Потому что так просто разойтись мы не можем.

Муталибов. Я разделяю Вашу тревогу о том, что сейчас происходит в автономной области. Но я хочу напомнить всем уважаемым товарищам, что автономная Нагорно-Карабахская область за все это время приняла целый букет самостоятельных постановлений, вплоть до объявления себя республикой¹³⁶. И азербайджанская сторона за это в атаку на нее не пошла. Поэтому не надо драматизировать.

Шапошников. Вчера Гасанов оскорбил первого заместителя министра обороны, а в его лице все Вооруженные Силы, которые прибыли туда. Грачев — участник Железноводского процесса, а Гасанов откровенно и прямо сказал ему: вы здесь ни к чему, давайте нам Вооруженные Силы, давайте нам оружие. Если вы не можете справляться, будем разбираться сами. Азербайджан потерял 400 тысяч человек во время Великой Отечественной войны, борясь за независимость России, а вы не принимаете решение и не хотите посылать сюда российских ребят. Грачев ответил, что в таком тоне разговаривать не будет, и после двухчасового разговора ушел.

Гасанов кроме экстремистских путей не видит иного пути решения проблемы. Он стал обвинять нас в том, что в пятикилометровой зоне никого нет. Ему доказали, что там сейчас стоят почти три тысячи человек и выполняют свой долг. А если вам это не нравится, мы вообще уйдем с границы... За последнее время обстановка в Азербайджане вокруг Советских Вооруженных Сил резко обострилась. Идут претензии на национализацию, на приватизацию. В одном случае разоружили караул. Они ехали на машине, автоматы разряжены. Остановили машину, отобрали автоматы, лейтенанту набили физиономию. Три дня назад напа-

ли на гарнизон. Им дали отпор. Трех убили, трех ранили. Отобрали машину и оружие — то самое, которое взяли у наших ребят в Баку. Таких примеров много...

Значит, ввиду того, что некоторые республики принимают на своих парламентах или ставят вопрос о том, чтобы наши ребята там не участвовали (правильно или неправильно — не мне судить), но тем не менее процесс заходит в такой тупик, что если, допустим, только армейским путем решать, народ возмутится, весь наш советский народ. Поэтому, конечно, основа решения — политический путь, только лишь на основе Железноводских переговоров, коммюнике и так далее. Восстановление там гражданской власти, которая способствовала бы урегулированию.

Но методами только политическими до конца эти вопросы не решить. А с другой стороны, невозможность использования армии в решении этих вопросов, потому что боевики вошли во вкус и, какие бы указы ни издавались, будут терроризировать население.

Нужно, на мой взгляд, создать в нашей стране межреспубликанские силы, которым определить какой-то статус (это в основном добровольцы будут), с обучением, примерно, по программе «Альфа». И если где-то какие-то ситуации возникают, тысяч тридцать или пятьдесят [посылать] в «горячие точки». Вот это в распоряжении Госсовета должно быть или Верховного Совета СССР — направлять их туда. И пусть они там наводят порядок. Другого пути я не вижу. Потому что армия сейчас действительно находится в ловушке.

Горбачев. Да все мы в ловушке. Все сидящие здесь. Итожу ваши рассуждения так: правильно, нужна политическая база. И только на ее основе возможны и усиление группировки, и контроль. А не наоборот...

Шапошников. Сейчас и один призывает, и другой ставит вопрос об оказании им помощи оружием для создания республиканских гвардий. Что может быть? Оружие обязательно заговорит на одной или другой стороне. Поэтому в такой обстановке нельзя этот вопрос решать.

Муталибов. Не заговорит. В Азербайджане будет военный паритет. И мы снимем напряжение по отношению к войскам. А так идет стихийное, нелегальное вооружение. Оружие всё равно есть, но оно у бандитов. А так — будут конституционные национальные силы.

Горбачев. А Вы считаете, что сейчас паритета нет?

Муталибов. Нет. Вы посмотрите, ведь у них профессионально обученные люди, профессиональная армия... Как-то унять надо это дело.

Воронин. Предложение командующего — это не решения одного дня. Я проанализировал документы 1988, 1989, 1990 годов, прорабатывал

вместе с МВД Союза и должен подтвердить, что эти решения предлагались уже тогда. Сегодня — это кульминация. 1025 человек погибло за время конфликта. Около семи тысяч раненых работников милиции, военнослужащих. Обстрелы продолжаются. И поэтому я еще раз повторяю, что предложение одно у меня: сделать с обеих сторон 10-километровую или 5-километровую зону, закрыть ее. Но где-то должны быть политические решения. Проект обращения мы подготовили и направляли в Верховный Совет России, посредникам. Он был направлен президентам. Есть у меня подготовленные проекты документов: и постановления Государственного совета, и указы президентов Азербайджана и Армении. Без политического решения их невозможно применить.

Все войска в Нагорный Карабах мы сейчас направляем из России. Ни из Украины, ни из другой республики направлять не можем, потому что приняты такие решения. Различные статьи, различные публикации поднимают общественное мнение в этом вопросе.

Все расчеты вместе с Министерством обороны сделаны. Нужно политическое решение и законодательный акт.

Горбачев. Что вы включаете в политическое решение?

Воронин. Обращение к народам Азербайджана и Армении двух президентов, постановление Госсовета о мерах по стабилизации обстановки в НКАО, Указ Президента Союза «Об обеспечении режима чрезвычайного положения в отдельных местностях Армении и Азербайджана» и решения президентов Азербайджана и Армении об объявлении такого чрезвычайного положения.

Шеварднадзе. Михаил Сергеевич, я несколько дней тому назад сказал, что тут, в этом инциденте, заложена очень серьезная угроза конфликта мирового масштаба. И некоторые товарищи сказали, что это преувеличение, мол, это несерьезно. Вчера Вы, Борис Николаевич, встречались с министром иностранных дел Ирана. И вот, если Вы обратили внимание, он единственный министр, который сделал заявление о том, что признает независимость республик в рамках Советского Союза. Он прямо вчера мне сказал с глазу на глаз. Мы говорили о том, что, если осложнится обстановка, он не гарантирует, что иранский народ не поднимется. Имеется в виду иранский Азербайджан, а это 15 миллионов человек... И если еще учесть, что рядом стомиллионная Турция, с огромной армией, всё остальное историческое наследство тяжелейшее...

Нужно очень серьезное обращение Госсовета в связи с этим конфликтом, но не надо акцентировать внимание только на нем. Надо прямо сказать, что то, что происходит сейчас в Советском Союзе, — такого беспардонного нарушения прав человека, ущемления прав меньшинств везде — такого нет в мире.

Надо еще раз сказать: или содружество и сотрудничество, или же полная анархия и начало гражданской или мировой войны. Другого исхода нет. И надо в этом обращении сказать, что начинаются переговоры двух президентов. Пусть это будет длиться месяц, год, но этот процесс начинать надо. И пусть через 10 дней прекращается огонь. Иначе обстановка может принять катастрофический характер. Это было в истории, и мы все помним — погибли сотни тысяч...

Я Вам прямо скажу, Борис Николаевич, Вы не обижайтесь, растут антиельцинские настроения. Потому что — кто там воюет, кто погибает? Погибают русские парни. Если Борис Николаевич сейчас пошлет еще несколько тысяч людей, ему надо подавать в отставку. Прямо Вам говорю.

Ельцин. Самое главное — не я посылаю. Через меня посылают, не спрашивая!

Горбачев. Через внутренние войска СССР.

Шеварднадзе. Вот я согласен с товарищами, которые говорили о том, что если мы останемся страной, если у нас действительно формируется хоть символический Союз, нам нужно какое-то подобие Совета Безопасности ООН, который имеет право нанимать людей, иметь свои войска, принимать решения, когда это нужно, с санкции Совета президентов.

И еще раз обращаюсь с огромной просьбой к двум президентам. Назначайте даты. Без вас ничего не получится. Знаю, тяжелейший шаг. Будут вас склонять по всем надеждам. Но другого пути не существует.¹³⁷

(После перерыва.)

Горбачев. Сейчас продиктовал четыре пункта, там печатать почти нечего, быстро принесут. А пока, для раздумья, по памяти говорю, чтобы вы были готовы.

О мерах по стабилизации обстановки в НКАО и приграничных районах Армении и Азербайджана. В целях создания благоприятных условий для урегулирования ситуации вокруг Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской Республики, обеспечения безопасности граждан Армении и Азербайджана, проживающих в приграничных районах, Государственный совет постановляет:

Первое. Обратиться к Верховным Советам Азербайджанской Республики, Республики Армении отменить незаконные акты по отношению к НКАО и восстановить на территории Нагорного Карабаха конституционный порядок.

Второе. Возобновить переговоры полномочных делегаций...

Голос. Михаил Сергеевич, «продолжить». «Возобновить» — это будто они были прерваны, лучше — «продолжить».

Горбачев. Да, «продолжить». Дальше: «...полномочных делегаций республик в духе Железноводского коммюнике с участием представителей РСФСР и Казахстана»... Для выработки условий полного урегулирования ситуации считать необходимыми срочные переговоры между президентами Азербайджанской Республики и Республики Армении для выработки окончательных условий...

Третий пункт: принять к сведению заявления президентов — того и другого — о том, что правительствами республик будут в десятидневный срок приняты меры по прекращению огня и обеспечению безопасности в зоне соприкосновения и так далее. Да, и по расформированию незаконных вооруженных формирований. Так?

Ельцин. Нет, если о Железноводске, то там так: разработать меры по прекращению огня, то есть механизм, нейтрализацию всех вооруженных формирований, определяемых как незаконные. Создание гарантий безопасности всех граждан, проживающих в зоне конфликта. Считать необходимым прекращение огня до 1 января 1992 года...

Голос. Но 10 дней — это нереально.

Горбачев. Но мы вели речь о том, что в десятидневный срок должны сделать что-то такое. А МВД СССР и Министерство обороны во взаимодействии с правительствами республик — принять дополнительные меры по охране безопасности граждан в НКАО и в приграничных районах. Там только добавлено: принять меры по пресечению тех вооруженных формирований, которые отказываются выполнить эти требования.

Ельцин. Давайте напрямую все-таки. Имеется в виду, что там будет усиление при отсутствии внутренних войск и армии или нет?

Горбачев. Вот вслед за этим, наверное, предполагается какое-то усиление. Хотя Левон Акопович считает, что достаточно.

Тер-Петросян. Нет, в Карабахе немножко нужно, но на границе, я думаю, мы можем. Если объявим по трем районам чрезвычайное положение с каждой стороны, во взаимодействии с местным населением вполне возможен контроль.

Горбачев. Последний пункт. На память просто говорю, примерно. Четвертое. Государственный совет обращается к народу Азербайджанской Республики, Верховному Совету Республики с призывом, несмотря на всю сложность и остроту ситуации, накопившиеся обиды, безотлагательно возобновить деятельность транспорта, газопровода и других коммуникаций, связанных с жизнеобеспечением населения Армении и Нахичевани...

Это всё на слух, но вот такие примерно эти пункты. Это в духе нашего разговора во время обеда. Я ставлю вопрос вам, президентам, в дружеском плане: что вам лучше? Или принять к сведению, что вы будете то-то и то-то, или мы должны вам давать поручение или рекомендации? Что для всех более выгодно?

Тер-Петросян. Лучшие рекомендовать...

Ельцин. Для взаимоотношений с Верховным Советом лучше рекомендовать... Они члены Госсовета.

Горбачев. Я записал: рекомендовать...¹³⁸

Печатается по тексту стенограммы:

РГАНИ. Фонд № 121. Опись № 3.

Дело № 127. Л. 2-160.

ИЗ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТОВ ПО ОКОНЧАНИИ ЗАСЕДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА СССР

27 ноября 1991 года

Президент СССР М. Горбачев встретился с группой советских журналистов по итогам состоявшегося в Кремле заседания Госсовета СССР, на котором было принято Постановление по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта.

«Главная ставка в решении конфликта, — сказал М. Горбачев, — делается, безусловно, на политические меры». Вместе с тем, по мнению Президента, проблема прекращения огня, вывод и ликвидация незаконных вооруженных формирований должна решаться не только с помощью переговоров, но и соответствующими органами. «Есть силы, для которых доводы не действуют. Они безумны, и в этом случае против них должен действовать закон», — сказал М. Горбачев.

Президент СССР отметил, что ему очень импонирует сегодняшняя зрелая, конструктивная позиция президентов Азербайджана и Армении. Он выразил уверенность, что весь Госсовет поддержит президентов двух суверенных республик в их благородном стремлении разрядить напряженную ситуацию.¹³⁹

*Печатается по тексту публикации
в газете «Правда», 29 ноября 1991 года.*

ИНТЕРВЬЮ «НАРОДНОЙ ГАЗЕТЕ» (МИНСК)

28 ноября 1991 года¹⁴⁰

Горбачев. Мне передали, что у журналистов из Минска есть желание встретиться со мной. А я говорю: я с белорусами встретиться всегда рад.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, Вы остаетесь оптимистом и сохраняете внешнее спокойствие посреди, казалось бы, всеобщего упадка и развала Союза. Неудача с парафированием политического Договора в Ново-Огареве сделала перспективу Союза, как нам кажется, еще более призрачной. Что придает Вам силы и веру в то, что Союз Суверенных Государств все-таки состоится наперекор всему?*

Горбачев. Хороший вопрос, а самое главное, касающийся важной темы в нашей сегодняшней жизни. И хотя в последние недели я на этот счет очень много высказывался, хочу подтвердить еще раз: если мы ошибемся в решении этого главного вопроса, разойдемся в выработке позиций, то мы нанесем колоссальный удар по всем преобразованиям, похороним то, что уже сделано, и, вообще говоря, поставим в тяжелое положение народы всех республик, всех стран. Я бы сказал так: сегодня главный приоритет в политике и среди тех решений, которые мы должны принять, вот этот вопрос — вопрос Союза. Вы скажете: почему? Есть проблема рынка, неудержим спад производства... Все эти и другие дезинтеграционные процессы будут проявляться с еще большей силой, если решение вопроса Союза будет откладываться.

Вопрос наиважнейший — государственность. Я очень сожалею, что мои коллеги по Госсовету очень чувствительны к давлению различных течений. У нас их сейчас хватает с избытком во всех республиках, а кое-где они просто завладели позициями. Я имею в виду те течения, которые, в общем-то, исповедуют ошибочные националистические концепции, сепаратистские устремления. Сейчас мы не будем говорить, каковы их корни. Часто это реакция на историю, на те или иные ее тяжелые периоды. Это всё можно понять, но тем не менее я против того, чтобы анализ нашей истории, выводы из ее болезненных этапов трансформировались в политику, разобщающую народы. Потому что мы состоялись как огромная со-общность, как сложнейший мир, говорящий на ста двадцати языках. У нас все перепелось. Прежде всего люди и их судьбы меня больше всего волнуют. Представьте себе: где бы мы ни оказывались — везде считали, что мы у себя дома. Служил кто-то, скажем, в Беларуси, женился и остался там жить, обзавелся семьей. И вот граждане, все, кто когда-то так или иначе сменил место жительства, в некоторых наших регионах оказались как бы в чужом государстве. Это не простая проблема, и я ее ставлю на первое место. Семьдесят пять миллионов людей живут за пределами своих коренных мест рождения, за пределами, как говорят, своей малой Родины. Это что — все становятся не-гражданами? И пусть нас не убаюкивают, что всё будет гарантировано в двусторонних договорах, которые подписывают республики, — не верю этому. Вот почему должно быть сохранено государство, которое обеспечит правовую защиту и крышу каждому человеку.

Продолжая размышления, сошлюсь на Прибалтику. Мы все с вами слышали заверения, нам обещали, что там всё будет гарантировано. И вот знаем, что сейчас там происходит. Теперь как вопрос о гражданстве решается? Вольно или невольно, но выходит, что некоторые граждане, проживающие в Прибалтийских республиках, принадлежат как будто ко второму сорту. Уже мировые организации по защите прав человека обратили внимание, вплоть до того, что ставится вопрос о лишении кредитов.

Все то, что происходит у нас, пока по периферии государства, можно считать незначительными конфликтами. А на фоне той катастрофы, что может произойти, даже блекнет трагедия Югославии, Сербии, Хорватии, которая обернулась уже многочисленными смертями, разрушением многих и многих ценностей, миллиардными потерями. Я говорю именно о том, что у нас может случиться. Поэтому не нужно рвать материю, сформировавшуюся в веках.

Не надо, повторяю, поддаваться давлению отдельных сил, не дающих отчета своим действиям. Я должен сказать, что Председатель Верховного Совета вашей республики Станислав Станиславович Шушкевич мне нравится. Самостоятельный, взвешенно мыслящий. Он прямой и открытый человек, большой интеллект. Что он знает — отстаивает, о том, чего не знает, — судить не берется. Он говорит: «Знаете, Михаил Сергеевич, у меня такая ситуация, что мне надо обсудить этот вопрос в Верховном Совете, для чего потребуется неделя-другая. Это с той целью, чтобы не получилось расхождения». В свою очередь Борис Николаевич Ельцин сказал, что готов парафировать текст Договора, если к нему приложат те замечания, которые уже поступили из Верховного Совета России. И напрасно в прессе, нашей и западной, раздули кампанию о провале новогоревского процесса, преподнося это как трагедию. Тут всё ясно: кому-то хочется именно так всё представить. А я все-таки уверен, что мои коллеги правильно понимают суть вещей. Кстати, под решением Госсовета все расписались и я лично. Так что парафирование уже как бы произошло через общее решение.

Я действительно на пресс-конференции сказал, что мои коллеги думают о маневре и о какой-то деликатности с республиканскими законодательными организациями. Но как бы там ни было, меня питает уверенность, что Союз всем нужен. Замечу, как показывают социологические исследования, теперь, когда рвутся хозяйственные связи, когда многие люди остаются без работы, когда неуютно становится во многих семьях, за Союз выступает даже больше людей, чем в марте. Люди — за Союз, и это главное, что питает мою уверенность.

Корреспондент. Раньше Вы не раз говорили: «Я контролирую ситуацию». Способны ли Вы заявить об этом сейчас? Какими рычагами влияния и власти теперь обладает Президент СССР?

Горбачев. Что касается союзных функций — армии, органов внутренних дел, внешней политики, то при всех переменах, которые идут в переходный период, они осуществляются и направляются Президентом. Поменялись и президентские функции. Пока мы не заключили новый Договор, не определили систему новых союзных органов внутренних дел, внешней политики, то ему будет соответствовать переходная структура. Ключевым органом переходного периода стал Госсовет. Сегодня все важные решения принимаются им. Это коллектив, который состоит из Президента страны и лидеров республик, что очень важно. Поэтому я бы сказал так: сегодня

я вижу не столько собственную персону, сколько меня занимает вопрос завершения ново-огаревского процесса и подписание политического Договора. Этим самым мы создадим новое жизненное пространство. Идет процесс перераспределения полномочий. Теперь решение проблем сельского хозяйства, промышленного комплекса, пищевой и легкой промышленности в руках республик. И это правильно — они ведь находятся на территориях республик. Последнее, к сожалению, не все улавливают. По-прежнему пытаются кивать на Центр. Можно год, два говорить, но пора уже и отвечать. Права получили, а с этим всегда и ответственность идет. Права и обязанность, права и ответственность — это всегда рядом.

Тот бюрократический Центр, который лишал кислорода в такой огромной стране даже республики, не говоря уже о регионах, он, всем известно, себя полностью и давно изжил. Хотя долгое время многое, конечно, было связано с функционированием этого Центра, с бездумным принятием решений и по вопросам размещения производительных сил, и по многим другим проблемам. Теперь это оборачивается и перекосами в экономике, и лишними перевозками, и ненужными кооперативными связями, и особенно — тяжелыми экологическими последствиями.

Так что нам многое надо менять. Я убежденный сторонник перемен, но, уходя от одной крайности — унитарности, мы не должны прийти к хаосу или распаду Союза. Для нас это обернется непоправимой бедой.

Корреспондент. *Наперекор всем неблагоприятным для Союза обстоятельствам международное сообщество, как показывают события, продолжает верить в Союз и продолжает иметь дело с Президентом СССР. Что это? Инерция признательности Михаилу Горбачеву, благодаря реформам которого было сокрушено тоталитарное государство, или же вера в его невостребованный потенциал политического деятеля?*

Горбачев. Может быть, всё это имеет место, но я хочу сказать, что все политики такого масштаба, как руководители государств, — народ, помимо всего прочего, очень расчетливый. Союз нужен нам, чтобы обслуживать это человеческое, научно-техническое, экономическое и иное пространство. Он нужен не только нам, он нужен Европе и всему миру. Это — одна из важнейших опор сегодняшнего миропорядка. Разрушение Союза вызывает у зарубежных политиков крайнюю тревогу. Они понимают, что это может привести к очень тяжелым последствиям не только для самого Союза, но налицо будут губительные последствия для Европы и для всего мира.

Югославия у нас перед глазами. Тем более — зачем рушить Союз, который разворачивается к цивилизации? Зачем отказываться от демократического Союза, нацеленного, в рамках нового мышления, на сотрудничество со всеми? Надо быть безответственным самоубийцей, чтобы желать распада такого Союза.

Даже те, кого мы считали потенциальными противниками, а они — нас, сегодня понимают, что мировое сообщество должно сделать всё во имя сохранения Союза. Удивительные вещи происходят: в Мадриде король дал ужин, на котором встретились я, Буш и Гонсалес. Ужин превратился в четырехчасовой откровенный разговор¹⁴¹. И, что поразительно, все они в один голос убеждали меня в том, что Союз нужен. Меня убеждали!

На другой день я нанес визит Миттерану по его просьбе¹⁴². Он — то же самое. В Риме встретились главы государств — членов НАТО; в итоговых документах сделали даже специальную запись¹⁴³.

Итак, это объективная необходимость, вытекающая из современной расстановки сил в этом мире и из признания того, что сегодня наше огромное многонациональное государство играет большую конструктивную, созидательную роль в мире.

И сохранение Союза не мешает новой роли республик в осуществлении своих национальных интересов. Согласованная внешняя политика при широкой свободе действий республик в вопросах экономики, решении социальных проблем — это прогрессивная формула.

Корреспондент. *Последние недели руководством России, в частности Президентом России Борисом Николаевичем Ельциным, приняты указы о национализации того, что еще недавно являлось общесоюзной собственностью. Это касается позиции России в отношении Гохрана, Гознака, имущества ликвидируемого Министерства юстиции СССР, а также монополии на внешнеэкономическую деятельность. Эти шаги были приняты в одностороннем порядке, без консультации с другими республиками. Не находите ли Вы в самих этих акциях сходства с действиями лидеров Грузии и Молдовы, объявивших о национализации военного имущества на территории республик? Не были ли продиктованы эти шаги одной логикой — логикой дальнейшего развала союзных структур?*

Горбачев. Острый вопрос. Ну, ничего, жизнь наша такая и время такое, что надо задавать эти вопросы и не уходить от ответов. Особо если они касаются принятия политических решений, причем на очень ответственном этапе общества. У меня в последнее время

появилось ощущение какой-то полной внутренней свободы. Помогло, мы подошли к такой грани, когда должны говорить прямо и себе, и народу. У нас просто нет времени, чтобы в рутинных формах вести диалог и обсуждать насущные вопросы...

Корреспондент. *Но как руководитель Союза Вы, Михаил Сергеевич, никак не отреагировали на эти шаги руководства России. Не является ли такая позиция Президента вынужденным соглашательством с любыми шагами, которые принимает Россия?*

Горбачев. Я понимаю, о чем Вы хотите спросить... Но я бы разделил свой ответ на две составные. Первое — в том, что мы должны двигаться по пути реформ, убеждать не приходится. Жизнь просто требует движения. На днях я вернулся из Иркутска, и там, поверьте, звучали главным образом две темы. Первая — делайте что-нибудь, терпение у людей на исходе, вторая — Союз. Я бы даже сказал, что судьба Союза больше всего беспокоит людей.

И с этой точки зрения решимость России, крупнейшей республики, пойти путем дальнейших реформ к рыночной экономике на основе согласованной концепции, я думаю, нам всем надо поддерживать. И мы это, собственно, сделали все. Именно в таком русле шел разговор на предыдущем заседании Госсовета, на его закрытой части. С Борисом Николаевичем мы разговаривали еще накануне, как только я вернулся из поездки в Иркутск и Кыргызстан. Он сказал, что готов информировать коллег о замыслах и шагах и работать в режиме полного взаимодействия.

Дальше. Столь радикальные перемены сопряжены с большим риском. Мы должны, с одной стороны, дать людям полную информацию, чтобы они понимали, что это необходимо, что это надо выдерживать, что за каким-то тяжелым периодом затем последует позитивный процесс. Но, с другой стороны, мы должны обезопасить людей от наихудших последствий. Это во многом зависит от последовательности шагов. Если мы просто отпустим цены, не решив этот вопрос, то это все равно что, я считаю, выполнять программу «500 дней», только с конца. Нужен прежде всего блок мер по созданию стимулов для производителя — и крестьянина, и кооператора, и предпринимателя... И особенно надо подумать о рабочих государственных предприятий, которые составляют основную массу населения. Делегаты съезда рабочих мне прямо сказали: если Вы будете оставлять нас вне поля зрения на этом этапе, то Вы сможете схлопотать не августовский путч, а нечто более серьезное. Вы так с нами не разделаетесь, как с путчем. Такой крутой разговор вышел.

Рабочие требуют: если Вы сделаете и примете такие решения и правовые акты, которые позволят нам — через коммерциализацию, разгосударствление — получить права, чтобы распоряжаться продуктами и получаемой прибылью, тогда мы делом будем заниматься. Иначе мы выйдем на площадь и будем решать свою судьбу на свой лад.

Итак, первые необходимые меры — это дать свободу производителю, хорошо стимулировать его труд, не сдерживать инициативу.

Второе. Следует срочно, не откладывая, принять ряд решений по социальной защите трудящихся. Скажем, производственник свои личные интересы сможет отстоять и в рыночных отношениях — если, конечно, будут решены проблемы заработка, доходов, соцобеспечения. А что делать тем, кто живет за счет бюджетных ассигнований, — учителям, врачам, военнослужащим, пенсионерам, студентам? Они ведь тоже должны иметь ясность. И государство должно обеспечить им социальную защиту.

Теперь о вопросе стабилизации финансовой системы. Бюджет следует поджать, где только можно, необходимо также сократить расходы. И тогда, отпуская цены, мы не нарушим общей системы экономических реформ. Нельзя же проводить либерализацию цен сломя голову. Мы уже в третий раз сказали об отпуске цен, и нельзя допустить, чтобы сейчас, когда рынок только-только стал проявляться, его опять разнести в пух и прах.

Теперь россияне направили пакет со своими экономическими программами всем республикам, значит, они не намерены действовать в одиночку. Верно, в такой обстановке идеальных решений нет, и не надо за это цепляться. Не стоит раздувать кадило по поводу и без повода. Но есть вещи, которые должны быть согласованы с республиками. Их надо обсуждать, это дело принципа. Россия выступила с инициативой, и уже в понедельник товарищ Силаев должен начать работу вместе с главами правительств республик по разработке конкретного механизма реализации экономических реформ. Причем у нас на Госсовете была такая договоренность — премьеры будут работать столько, сколько нужно, ибо главное вопроса сегодня нет.

Корреспондент. *Так что, Россия не намерена национализировать всю собственность Союза?*

Горбачев. Конечно нет, я думаю, все эти вопросы в скором времени будут урегулированы и сняты.

Реформы надо проводить, но проводить согласованно, силами всех республик. Это касается и вопросов о ценах, вернее, о механизме выхода на свободные цены, о налогах и многих других. В каждой республике будут какие-то свои нюансы. Без них не обойтись, но должна также быть общая линия. Иначе сплошные перекосы и деформация.

Корреспондент. *Неспроста задан Вам этот вопрос: нашему Станиславу Станиславовичу Шушкевичу приходится очень трудно в парламенте. Выступает оппозиция и говорит: последние указы Президента России ставят Беларусь и другие республики на колени, а Вы всё пытаетесь убедить нас в реальности равноправного Союза. И возразить как будто трудно... Поэтому хотелось бы, Михаил Сергеевич, спросить, чем объяснить отсутствие реакции непосредственно со стороны Президента СССР на решение российского руководства? На те указы, которые сделаны в нарушение существующего порядка, союзнических обязательств, наконец?*

Горбачев. Моя реакция была. Я сказал: приветствую общую направленность мер и основные составные этой программы. Но тогда же я отметил, что допущен серьезный просчет относительно того, что поспешили объявить об отпуске цен, не проработав механизм.

И самое главное. У меня была беседа с Борисом Николаевичем, и я попросил прояснить, либерализация цен будет проводиться вместе с республиками или силами одной России? Он ответил: «Вместе». Это важно. И на Госсовете я сказал: принимаю к сведению заявление Президента России о том, что всё будет делаться вместе с республиками. И такая работа уже ведется, при этом и через Госсовет. Так что мимо моего внимания этот вопрос не прошел.

Я думаю, что перепалку по каждому указу начинать не следует. Хотя, с другой стороны, там, где возникают принципиальные вещи, их нельзя оставлять без внимания. Это только на пользу и россиянам, и всем остальным.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, Вы верно заметили насчет того, что раздувают кадило... Но не надо давать повода.*

Горбачев. Согласен. У этой проблемы есть и другая сторона. Те, кто принимает решения, должны понимать: если мы идем к Союзу, если мы подписали Экономический договор, то надо же выдерживать общую линию.

Я думаю, что отражается еще и другое: не всё во власти Ельцина. И он испытывает огромное давление со стороны разных сил.

Корреспондент. На недавнем заседании в Ново-Огареве шел разговор о решении проблемы Нагорного Карабаха, которая в последнее время вошла в фазу обострения. В своем интервью Центральному телевидению Вы не исключили применение силы как одну из возможных конституционных мер недопущения разрастания конфликта в Нагорном Карабахе... Не является ли это запоздалым признанием методологической ошибки Вашей позиции в отношении решения проблем исключительно политическими методами? На протяжении всех прошлых лет Вы были сторонником ненасильственной политики. Нельзя ли считать это причиной того, что проблемы Нагорного Карабаха, Южной Осетии и других «горячих точек» приняли более острый характер?

Горбачев. Я думаю, даже если мы возьмем белорусский опыт, то он показал, что ставка на силу ошибочна. В другой стране, в другое время мы живем. То, что мы делаем, — курс на демократию. Если мы демократы, то и должны оставаться демократами, даже тогда, когда имеем дело с протестом в политической форме. В своем вопросе Вы не совсем точно передали смысл моего выступления. Все-таки мы и на последнем Госсовете, и на предыдущем, касаясь темы Нагорного Карабаха, высказывались за мирное урегулирование конфликта. Если начнем с того, чтобы, знаете, оружием давить этих боевиков, то к чему это приведет? За спиной боевиков села, простые люди. Это будет кровавая трагедия. И гражданские люди погибнут, и солдаты. Подавить можно. Но вспомним Афганистан, что дала там сила? Вспомним Югославию, что там дало подавление? И давайте вспомним локальные события: когда мы просто охраняли порядок — это одно, когда мы начинали действовать, это приводило к драме в обществе. И это же и вы пережили в своей республике. Я ее очень хорошо знаю, и много белорусов знаю, и вообще преклоняюсь перед вашим народом. Но ведь и вас не обошла эта чаша.

Корреспондент. Не обошла...

Горбачев. Вспомните историю с Куропатами¹⁴⁴. Я вмешивался тогда, пытался надоумить ваших лидеров — «остановите это». В общем, ставку на силу нельзя делать.

Второе. Всё решать нужно конституционным путем. Законы есть, и им надо следовать.

И третье. Если есть проявления в острой форме со стороны тех же боевиков — найдутся же такие, которые никому не подчиняются,

это уже вольные стрелки, им уже нравится то, что они делают, вошли в роль, — в таком случае должны действовать правоохранительные органы в соответствии с законом. А в необходимых случаях — и силой. Но мы хотим всё же путем политических и переговорных процессов выйти на такое согласие, которое приведет к миру в конфликтных зонах. На это направлено и такое решение — в местах, где сложилась особенно острая обстановка, будут созданы полосы или участки, которые станут контролироваться внутренними войсками. А кое-где там дислоцируются и армейские части. Это делается для того, чтобы разделить враждующие стороны, лишить возможности этих боевиков действовать в зонах, где живут люди. Они же ведь жгут, стреляют...

Корреспондент. *Вы неоднократно принимали президентские указы по разоружению незаконно созданных формирований в тех регионах. Почему они не доводились до конца и почему те же союзные внутренние войска и армейские подразделения оказывались заложниками ситуации?*

Горбачев. Потому, что так действуют местные власти. Я Вам должен сказать: это неправда, что всё абсолютно неуправляемо. В основном, на 90 процентов, всё управляемо и отражает так или иначе соответствующую позицию.

Корреспондент. *Сегодня много говорят об ответственности Президента за судьбу Союза. Скажите, пожалуйста, если бы Вам представилась возможность всё начать заново, какие принципиальные изменения в свой курс, стратегию и тактику и последовательность этапов реформ Вы бы внесли?*

Горбачев. Я думаю, что в стратегии изменений не было бы. Что касается политического курса, то здесь я остаюсь приверженным своему выбору. Несмотря на все критические замечания, которые раздаются в мой адрес: и страну развалил, и социализм погубил, и Восточную Европу отдал, и так далее, — это всё досужие разговоры, часто с провокационным подтекстом. Мир наш, мир восточноевропейский, вся Европа и вся планета созрели для крупных, радикальных перемен. Мир, образно говоря, беременен переменами глобального масштаба. С одной стороны, цивилизация уже на другом уровне, и она сама себя лучше познала. С другой стороны, такие мощные импульсы дают реальные процессы. К жизни пробудились огромные национальные силы, которые спасают свою историю, свою культуру, свою духовность. Поглядите на те же наши республики со своей интеллигенцией, со своим мощным интеллектуаль-

ным потенциалом. Они способны и взять в руки свою судьбу, они ни на кого уже не надеются, не ждут милостыни. А ведь этого же не было... Вот одна часть по накоплению нового качества. Потом — экология. Мы оказались на грани катастрофы — проблема дефицита ресурсов, загрязнение воды, земли — всё это сделало нас уязвимыми. Эти проблемы просто стучатся. Если еще добавить, что в нашем государстве функционировал тотальный режим, который подавлял и духовную, и экономическую, и политическую свободу, демократию, то тем более в этой стране должен был произойти крутой перелом. Хорошо, что мы смело начали. Как бы ни было трудно, нам сейчас надо удержаться, даже если будет очень и очень тяжело. Но если мы попадем в струю недовольства, поддадимся настроениям «долой всё», то мы слопочем ситуацию совершенно непредсказуемую. Если мы удержимся, тогда можно будет сказать, что в этом сложном обществе, где надо было сломать хребет системе и демонтировать весь тот тоталитарный режим, мы обошлись самыми минимальными потерями. Есть и другой подход: не будет Союза — будет гражданская война.

Корреспондент. *Для нашей страны это гораздо опаснее, чем для Югославии...*

Горбачев. Два года назад мне приходилось говорить по ситуации на Украине. Вы знаете мою точку зрения. Пока всё идет более-менее спокойно, ситуация представляется нормальной. Лично я вижу Украину как очень такую компактную, целостную республику, где всё сбалансировано, где интересные регионы объединены, и она сотрудничает на основе разделения труда. Вообще прекрасная республика. Но это пока все в Союзе. А теперь посмотрите, как там эксплуатируют, так сказать, идею самостийности, уже, по-моему, далеко не только в целях избирательной кампании. И посмотрите, во что это выливается. Ведь все знают, как Харьков оказался в составе Украины, когда большевики присоединили его, чтобы завоевать большинство в Раде... Вспомним Крым — это ведь тоже русская история. И если собираются отлучать Украину от Союза, что делать этим 12–15 миллионам людей? И вообще, кому это нужно? Я за самоопределение внутри Союза. Все это возможно, причем настолько возможно, что уже начинаем соображать: мы где-то забежали далеко вперед. Надо сохранять взаимодействия, ибо разрывы дорого обходятся.

Что касается просчетов в тактике, то они были, и я уже об этом не раз говорил. Мы дали экономическую свободу предприятиям

и кооператорам, а у нас не было системы налогов, не было механизмов реализации ряда законов. И пошло всё вразнос. И первое, что мы почувствовали, — это разрыв между ростом денежных доходов и товарной массой.

Во-вторых, нам надо было пойти на более решительные шаги по формированию новой роли республик. Мы шли к этому, на каком-то этапе потеряли темп, и тогда на арену выдвинулись оппозиционные силы, и процесс этот пошел уже с большими потерями и издержками.

Или вот еще что — последние полтора года я видел, как укрепляется консервативный фронт, как они стремятся застопорить движение вперед. И в это время мне надо было занять более четкую позицию по объединению демократических сил. Как и в национальном вопросе.

Корреспондент. *Позвольте перейти к «белорусскому блоку» вопросов. Вернемся к событиям конца марта этого года, Вашему приезду в Беларусь¹⁴⁵. Почему Президент СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС пошел на поводу у местного партаппарата, устроившего вокруг этого визита очередной фарс? Ведь Вы знали, что собой представляют лидеры Компартии Беларуси, и чем объяснить, что в ту поездку у Вас нашлось всего пять минут для выступления в парламенте суверенной республики?*

Горбачев. Если уж говорить о моей поездке в Беларусь, то она, прежде всего, была связана с Чернобылем. Всё остальное — это уже вторично. Перед лицом чернобыльской беды все были равны — и консерваторы, и демократы. Впечатление от той поездки получил сильнейшее. Едешь по деревне — прекрасные места, только, казалось, дома отдыха устраивать, — а всё брошено, людей не осталось. Поэтому в той зоне никто свои взгляды не демонстрировал, речь шла о том, как помочь беде.

В то время я как раз был вовлечен в очень сильное противоборство. Помните февральские речи некоторых наших товарищей, которые предлагали засучить рукава и идти в атаку прямо с площади. Другие же хотели выйти им наперерез. Тогда в Беларуси я попытался, может быть, впервые развить тему согласия, тему централизма. Но некоторые в моем выступлении увидели, что я отдаю предпочтение правым...

Корреспондент. *Да, неоднозначная была реакция.*

Горбачев. Неоднозначная. Не думаю, что я в той речи ратовал за кого-либо. Просто я довольно увлекающаяся натура, и в полити-

ке — тоже. Главная мысль состояла в том, чтобы не дать крайностям столкнуться. Они порой сходятся, как они сошлись после путча в украинском парламенте, когда вместе с сепаратистами за самостоятельность голосовали и представители тех, кто был на стороне ГКЧП. Но если бы эти крайности столкнулись, то не миновать беды. И потом, я так скажу: каждый регион, каждая республика должны пройти свой путь. Должна была пройти его и Беларусь. Я всегда стремился к тому, чтобы в этой республике политические процессы шли в общем демократическом русле. И вот Беларусь переминалась с ноги на ногу, а потом вдруг так рванула, что надо было уже с другой стороны советовать — взвешивайте свои действия, дорогие товарищи. И тем не менее я и сейчас уверен, что Беларусь с ее ответственностью, с ее выдержкой, которая, вообще говоря, уже в крови этого народа, сыграет и играет очень важную, незаменимую роль в объединении нового Союза, сохранении нашей общности. Мне думается, что она могла бы сделать даже еще больше, чем сейчас. И не надо стесняться говорить прямо тем, кто сегодня ведет белорусский народ. Я уверен, что мы имеем в лице белорусов горячих сторонников, которые выстрадали нашу общность своей историей.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, в свое время Вы, конечно же, были хорошо знакомы со многими руководителями нашей республики. Как складываются отношения у Вас с нынешними лидерами Беларуси Станиславом Шушкевичем и Вячеславом Кебичем? В чем Ваши позиции совпадают, а где — расходятся?*

Горбачев. Я думаю, что о позициях спорить не время. Отмечу главное, как мне кажется: в поисках решений на этом ответственном этапе я имею в лице Председателя Верховного Совета С.С. Шушкевича и премьера В.Ф. Кебича серьезных, основательных партнеров. У меня было с ними много доверительных разговоров, между нами существует тесный контакт. Кстати сказать, я с очень большой симпатией отношусь к Николаю Ивановичу Дементю. Но, по-моему, он оказался заложником какого-то либерализма. И когда я прочел в одной из газет о том, что Николай Иванович заявил после путча, что Горбачев исчерпал себя психологически, я отказался поверить в это. Я ведь ему позвонил из Фороса в числе первых пяти человек, как только там включили связь. Его знаю еще с давних времен и не верю, что он способен на подлость по отношению к другим.

Корреспондент. Должно быть, самая большая беда Николая Ивановича в том, что он был недостаточно изоцирен и сверх меры доверчив в политике.

Горбачев. Для меня он таким и остается. Мы с Николаем Ивановичем, что называется, душа в душу жили и работали вместе.

С белорусами у меня всегда были прекрасные отношения. Вот что мне не нравилось, так это железобетонные позиции вашего первого секретаря Минского обкома, а затем первого секретаря ЦК КПБ Анатолия Малофеева. Уж очень такой задогматизированный, весь вчерашний, властолюбивый, по-моему.

Корреспондент. И кстати, единственный из членов Президиума Верховного Совета СССР, кто не подписал 21 августа решение с осуждением деятельности ГКЧП. Михаил Сергеевич, Вы очень хорошо отзывались о Беларуси, а у нас, помнится, активно шли разговоры о том, что Ваша родословная каким-то образом связана с нашей республикой...

Горбачев. Корни по материнской линии у меня на Черниговщине, почти у самой границы с Беларусью. И у Раисы Максимовны там же живут тетя по отцовской линии и две двоюродные сестры. Так получилось, что корни у нас переплелись в одной черниговской земле.

Корреспондент. Мы знаем, насколько трудными оказались для Вас и Вашей семьи последние месяцы. Простите за журналистское любопытство, но нас и читателей нашей газеты, которые одними из первых познакомились с книгой Раисы Максимовны «Я надеюсь...», интересует ее здоровье и здоровье всей Вашей семьи.

Горбачев. Вы правы. Кто бы ни оказался на нашем месте, такое не проходит бесследно. Нагрузки колоссальные и для Раисы Максимовны и особенно для Ирины. Ирина только что была в больнице. Но всё обошлось, уже нормально. Все работают.

Корреспондент. И наш последний вопрос. В Беларуси сейчас модно прислушиваться к прогнозам астрологов. Если им верить, то в будущем Вы станете Генеральным секретарем ООН.

Горбачев. Только что избрали нового Генерального секретаря, так что вакансий нет...

Корреспондент. Не задумывались ли Вы сами о своем будущем?

Горбачев. Нет. Для меня главное сейчас, на этом ответственном этапе все свои силы положить на то, чтобы сохранить наше государ-

ство. Именно государство, а не облако в штанах, как заметил на Госсовете уважаемый мною вице-президент Казахстана. Бестолковщина и хаос нас и так по горло засосали. Мы еще можем их одолеть, если решим вопрос о государстве.

Но как бы там ни было, главные события в моей жизни уже произошли...

Вернусь к Чернобылю. Я очень хочу, чтобы прекрасный белорусский народ смог выбраться с наименьшими потерями из этой национальной беды. Нас часто упрекают — и то, мол, мы проглядели, и это. Но мы с вами только сейчас познаем эту материю. Конечно же, ужасно получается, что народ, как говорят, находится в эксперименте. Но мы использовали весь мировой опыт, который есть у МАГАТЭ, у японцев, у тех стран, которые имеют ядерные реакторы. Уже израсходовали шестнадцать или даже восемнадцать миллиардов, а еще всё впереди. Беду так просто не одолеть.

Пользуясь случаем, передаю всем читателям вашей газеты, всему народу Беларуси самые добрые пожелания.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, позвольте поблагодарить Вас за это интервью.*

*Печатается по тексту публикации
в «Народной газете» (Минск), 30 ноября 1991 года.*

ИЗ БЕСЕДЫ С ЭРНСТОМ НЕИЗВЕСТНЫМ

28 ноября 1991 года¹⁴⁶

После приветствий и теплого рукопожатия Неизвестный заметил, что он тоже учился в Московском университете, но на философском факультете.

Горбачев. Я тоже бывал на этом факультете, где нашел себе супругу. Вообще-то на философском факультете тогда было немало талантливых молодых людей, задававшихся нелегкими размышлениями...

Неизвестный. В основе любого тоталитаризма неизбежно лежит мифология. Задуманный мною памятник жертвам сталинизма, который сооружается одновременно в трех городах Советского Союза¹⁴⁷, станет, в сущности, монументом утопическому сознанию: «Людоеду, который поедал самого себя».

Горбачев. В сущности, вся страна долгое время жила в мире перевернутых ценностей. Что касается упомянутых Карякиным «Бесов» Достоевского, то они давно стали моей настольной книгой, собственно и превратив меня в диссидента.

Сегодня история повторяется. Это сумасшествие, когда кричат, что надо метлой вымести социализм с нашей почвы. Ведь речь идет о целых поколениях и миллионах людей. По-своему каждый из нас продукт этой сверхрадикальной утопической идеи.

(Горбачев неожиданно вспомнил о своем августовском унижении в российском парламенте¹⁴⁸.)

В принципе и по политическим, и по нравственным причинам я не должен был этого терпеть. Но я увидел их глаза — это были лю-

ди, которые не жалели ни меня, ни себя. А ведь за этой ненавистью — тьма.

Неизвестный. Как Вы можете до сих пор всё это выдерживать? Ведь это слалом по минному полю. Вы попали в шарнир истории. Такие, как Вы, редко кончают благополучно.

Горбачев. Наверное, всё вместе: здоровье — от родителей и крестьянских корней, а крепость духа — от Раисы Максимовны и, главное, от веры.

Неизвестный. Людям нужна вера, пусть даже ложная, но нужна. Помните, что прибил Лютер к дверям своей церкви: «На том стою, и не могу иначе».

Горбачев. Мы представляем уникальный материал для тех, кто изучает переходные периоды. Знаете, почему так трудно уходим от прошлого? Ведь уходим от самих себя.

Я встречался [два-три года назад] с патриархом российской литературы Леонидом Леоновым¹⁴⁹. Знаете, что он мне сказал? Ваша драма в том, что задуманные Вами перемены дадут результаты не скоро. Люди же хотят лучшей жизни сейчас, и они заслужили ее.

Неизвестный. Мне очень грустно. Во мне самом идет борьба. В одной части души я безусловно убежденный демократ, даже анархист — и жизнь отдам за свободу. Ведь это не «осознанная необходимость», как учил Энгельс, а просто возможность идти куда хочешь. А с другой стороны — я сторонник порядка, государственности. Знаете, скульпторы вообще в силу своей профессии государственники.

Горбачев. Пожалуй, сейчас для меня самая тяжелая полоса. Я чувствую, что без некоторой авторитарности нельзя защитить демократию. Хотя, знаете, меня всегда обвиняли в том, что я требую чрезвычайных полномочий, но никто не задумался, почему я ими ни разу не воспользовался.

Неизвестный. Вам, наверное, с прежним, прирученным ЦК было легче, чем с новым, агрессивным.

Горбачев. Ничего, в основном мы их переиграли. К сожалению, те, кто их сменил, во многих отношениях не лучше, а хуже. Это и есть показатель того, что общество очень больно. Вы посмотрите: те, кто осуждал коммунистов, установили для себя такие привилегии, которые тем и не снились. Толкутся, как свиньи у корыта. В обществе расцвело хамство, алчность, продажность. Хочу верить, что это кризис, из которого общество выйдет выздоровевшим.¹⁵⁰

*Печатается по тексту рабочей записи А.С. Грачева.
См: Грачев А.С. Дальше без меня... С. 175–177.)*

БЕСЕДА С ОБОЗРЕВАТЕЛЕМ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ЮРИЕМ ЩЕКОЧИХИНЫМ

28 ноября 1991 года¹⁵¹

Щекочихин. *До недавней поездки в Иркутск и Бишкек Вы довольно долго не видели страны. Сейчас заметили что-нибудь новое?*

Горбачев. Люди не теряют головы. И всем надоела политическая болтовня, все — за движение вперед. Это первое. И второе — желание сохранить Союз. Знаете, что показывают все последние опросы? Сейчас больше людей за Союз, чем было даже в марте месяце. Жизнь уже многих обожгла. И необходимость сохранения государственности сегодня осознают на своем собственном, личном, житейском уровне.

Щекочихин. *Михаил Сергеевич, но, по нашим прогнозам, Украина проголосует за независимость...*

Горбачев. Ну, а что тут плохого?

Щекочихин. *Я лично ничего плохого не вижу...*

Горбачев. У нас все уже провозгласили независимость. Но что такое независимость? Если кто-то хочет интерпретировать независимость как разрыв с другими народами — тогда это подтасовка. Независимость — это большая степень свободы.

Щекочихин. *Михаил Сергеевич, но на той же Украине меня удивила быстрая трансформация партийных лидеров. Еще вчера они боролись с Рухом и отвергали всякую возможность выхода из Союза, сегодня же их позиция стала куда жестче, чем лидеров той же украинской республиканской партии. Многих из них Вы знаете, они были Вашими соратниками, товарищами по партии. Мне кажется, что многие функционеры*

партии сегодня хотят «отмыться» от своего партийного прошлого. Может быть, даже подавить свой комплекс неполноценности, привнесенный жестким партийным диктатом Москвы?

Горбачев. Тогда вернемся к исходному моменту — и всё встанет на свои места.

Шекочихин. *А какой это для Вас момент?*

Горбачев. Августовский путч. В руководящие органы Украинской компартии пришла телеграмма из московского ЦК с призывом поддержать действия гэкачепистов. Телеграмма была в два абзаца, а уже украинский ЦК ее трансформировал в обращение на полторы или две страницы. Они оказались активными сторонниками гэкачепистов.

Шекочихин. *Я не знал этого.*

Горбачев. И самое интересное, что когда после путча в Киеве собрался Верховный Совет, на котором было принято решение о проведении референдума о независимости (понимая под этим отделение от Союза), то голосовали против лишь несколько депутатов. То есть оказалось, что выдававшие себя за сторонников Союза люди вдруг сомкнулись с крайними сепаратистами. Вот она, конъюнктура.

Шекочихин. *Для Вас это было неожиданным — столь быстрое изменение позиции Ваших товарищей по партии?*

Горбачев. Здесь всё серьезнее. Что наши с вами личные чувства, впечатления, переживания?.. Сегодня время великое, время ответственное, и всё личное должно быть оттеснено. Сегодня главное — сохранить страну, сохранить общность народов, сохранить человеческий мир, наш межнациональный мир, в котором так переплелись человеческие судьбы, что никто не разберется. Иисус Христос не развяжет этих узлов. Я полтора года назад уже говорил: не дай бог, чтобы народ Украины поддержал крайние сепаратистские тенденции. Стыдно, когда доводят до противостояния русских и украинцев.

Шекочихин. *Часто это делали специально. Круши, натравливай людей друг на друга... Я помню, как в Луганске лектор обкома пришел в областное ЦСУ, чтобы прочитать лекцию на тему «Рух против статистики».*

Горбачев. Речь идет о судьбе нашей страны. Нигде в истории тоталитарные, диктаторские режимы не опирались на тоталитарную собственность. Только у нас! Все остальные существовали при частной собственности, а это уже совсем другое. Задача, которая встала перед нами, абсолютно новая. А еще страна многонациональная...

Люди возвращаются к процессу самопознания, к поиску своих корней. И каждый народ — маленький или большой — это же божье явление, и никто не вправе отказать народу, тем более малочисленному, в праве изучать и познавать себя. Всё это прибавляет наши проблемы. Плюс страна огромная. Плюс еще подавление инакомыслия (но это уже характерно для всех тоталитарных режимов), и политическая монополия на идеи — всё это надо было реформировать. Думаете, так просто прийти к демократии, используя лишь один рычаг — гласность, слово, а не силу?

Щекочихин. *Но, может быть (а я не раз об этом слышал), наш путь от тоталитарного режима к демократии лежит через тоталитарный режим?*

Горбачев. Возможно, авторитарный.

Щекочихин. *Как в Грузии?*

Горбачев. Там, я считаю, аномалия. На пятом Съезде народных депутатов я подошел к депутатии Грузии и спросил, что же у них там происходит. Мне ответили: «Михаил Сергеевич, не вмешивайтесь. А то и вас испачкают грязью... Мы сами разберемся».

Я считаю, там тяжело. Эта ситуация ненормальна для грузинского народа — умного, талантливого, демократичного... Я всё время вспоминаю Мераба Мамардашвили, с которым мы не только учились вместе, но и ходили в одну комнату в общежитии, где жили наши будущие жены. Мераб — это величина не только в философии. Это был человек огромной нравственности.

Щекочихин. *А сейчас к нам в редакцию приехал грузинский парнишка, студент, которого практически выгнали из института за митинг, который он провел в память Мераба.*

Горбачев. Там выгнали?

Щекочихин. *Ну да, там, в Тбилиси.*

Горбачев. Непостижимо...

Щекочихин. *Возвращаясь к тому, о чем Вы говорили: как же нам идти к новой демократии? От тоталитарного, как Вы сказали, через авторитарный режим?*

Горбачев. В мой замысел входило, чтобы впервые за всю многовековую историю нашей страны поворотные этапы пройти без крови.

Щекочихин. *Но крови-то много и сейчас!*

Горбачев. Знаете, я вам прямо скажу, до большой крови еще не дошло.

Щекочихин. *А может дойти?*

Горбачев. Надо всё сделать, чтобы не дошло. Поэтому моя задача — продвигать демократические процессы, и самое главное,

чтобы в эти процессы включился народ. Да, сегодня трудно с одним, с другим, с третьим, но нельзя потерять то, к чему мы так долго рвались и не могли прорваться. То есть к этому кислороду, к духовной борьбе, к политической свободе — тому, с чего начинается по-настоящему человек. К той атмосфере, когда реализуются ценности, принципы, при которых человек реализует себя как личность. Да, нужен порядок, но не тот порядок, которого хотели гэкачеписты. Нет, люди уже не хотят расстаться с тем, что обрели.

Шекочихин. *Хотя, конечно, ностальгия сейчас колоссальная по прошлому. То ли от усталости, то ли от совершенно пустых полок в магазинах.*

Горбачев. И от того, и от другого. В Иркутске я увидел, что запас терпения у людей кончается. И тем не менее я понимал движение их душ, я почувствовал, что люди понимают весь груз ответственности, который лег на плечи Президента.

Шекочихин. *Михаил Сергеевич, всегда ли Вы во время поездок отличаете истину, правду от «потемкинских деревень», которые Вам подсовывают, и различаете «пастухов и пастушек», которых Вам угодливо подставляют в толпе?*

Горбачев. Конечно! Могут даже не стараться! Мне абсолютно всё ясно. Да я и так всё знаю. Приехали в коммерческий магазин в Иркутске — полки полные, а оказалось, что ночью туда специально привезли рефрижератор продуктов. Хотя люди говорят: ситуация в коммерческом и государственном магазинах разная. Все-таки в коммерческом лучше. Правда, цены кусаются.

Шекочихин. *Значит, до Вас доходит правдивая информация о том, что происходит в стране?*

Горбачев. Доходит. И письма доходят, в том числе и ругательные.

Шекочихин. *Потому что я знаю: до путча Вам передавали много дезинформации, которую Крючков подсовывал Вам через Болдина.*

Горбачев. Подобная информация шла на меня целенаправленно, их целью было подвести меня к введению чрезвычайных мер. Не только целенаправленно подбиралась тенденциозная информация, но даже события организовывались так, чтобы потом на их основе эту дезу создать.

Шекочихин. *То есть как это?*

Горбачев. Выехать куда-нибудь по поручению ЦК Компартии России, организовать — где встречу с партийными секретарями, а где удастся и с рядовыми коммунистами (правда, это хуже удавалось — легче с секретарями: актив, пленум и так далее), и потом резолюция с протестом, с требованиями ко мне. Ультимативные

требования! А я чувствовал, что эти резолюции написаны еще в Москве, до выезда на место.

Щекоцихин. *А Вы знаете, что на митинги в Литву — для массовости! — привозили целые автобусы «митингующих» из Белоруссии?*

Горбачев. Этого я не знал. Кстати, требования оттуда, из Литвы, еще до январских событий шли очень жесткие. И не только из партийных структур. Реальные трудности — то же беспокойство отставных или действующих офицеров — переплетались с теми, что рождались в кабинетах на Старой площади. Требования шли довольно жесткие — ввести президентское правление...

Щекоцихин. *Михаил Сергеевич, а для меня и сейчас кое-что остается загадкой. Я опубликовал 10 июля статью «Литовская карта» о зловещей роли КГБ, которую он сыграл во время январских событий в Вильнюсе, и в тот же день, десятого, направил Вам письмо... Дошло ли оно до Вас?*

Горбачев. О чем?

Щекоцихин. *Письмо с требованием отставки Крючкова и о том, что еще он может устроить...*

Горбачев. Знаете, таких писем шло много. Да что тут отдельные сигналы! Вы возьмите события, начиная с российского съезда, потом XXVIII съезд, помните: какая там возникла ситуация и какие бои пришлось выдержать? Пленум за пленумом — и всё время изнурительные бои. Уже было видно, как поднимаются реакционные силы...

Щекоцихин. *Но я писал конкретно о Крюкове! Потом, спустя несколько дней, меня поддержали несколько академиков, направив Вам письмо с аналогичными требованиями: Шаталин, Петраков, Арбатов, Рыжов.*

Горбачев. О чем?..

Щекоцихин. *О том же, о чем и я. Требовали отставки Крючкова как лидера будущих заговорщиков.*

Горбачев. Как-то не отложилось в памяти...

Щекоцихин. *Об этом сообщалось в газетах и в «Вестях». Может быть, до Вас эти письма все-таки не дошли? Их от Вас скрыли?*

Горбачев. Возможно. Но тема заговора всё время возникала. Мне даже звонили руководители зарубежных правительств: к нам доходит информация, что будет переворот.

Щекоцихин. *Кто, например, звонил?*

Горбачев. Вдруг срочный звонок от Президента Буша: «Есть информация... Ты извини, я не могу скрывать от тебя, но я должен сказать — может быть, это и не серьезно, но сегодня ночью будет переворот».

Шекочихин. *Да все чувствовали, что они на это пойдут.*

Горбачев. Но все-таки и мы все свое дело сделали. Считаю, что свою миссию я выполнял: общество уже стало таким, что всякая попытка переворота была обречена. И потому я-то думал: если у тех, кто намерен совершить переворот, присутствует хоть доля здравого смысла, даже с позиции собственных шкурных интересов они должны были просчитать все на пять-шесть шагов вперед, чтобы понять: они будут посрамлены и разгромлены.

Шекочихин. *Тем не менее, когда всё случилось, это было для Вас неожиданным? Как Вы уже не раз говорили, Вы переживали не только из-за самой авантюры, а и из-за того, что на нее пошли люди из вашего близкого окружения.*

Горбачев. Безусловно. Я говорил и об огромном нравственном ущербе. Взять хотя бы того же Крючкова. Сейчас делаются попытки доказать, что это был ограниченный, недалекий человек...

Шекочихин. *Ну нет. В результате работы комиссии по расследованию деятельности КГБ выяснилось, что он по-своему и тщательно ко всему готовился. Так, стало известно, что постоянно прослушивались телефонные разговоры не только Яковлева и Шеварднадзе, но и людей из Вашего ближайшего окружения. Например, разговоры Виталия Игнатенко. Как мне стало известно, в сейфе Болдина были обнаружены целые тома записей разговоров Игнатенко с Яковлевым, Шеварднадзе, с Вами... Даже разговоры Лукьянова.*

Горбачев. И его подслушивали?

Шекочихин. *Да. Не знаю, слушали ли разговоры в кабинете, в котором мы сейчас сидим?*

Горбачев. А чёрт его знает. Сейчас уже ни в чем нельзя быть уверенным, но тогда я думал, что на это они не пойдут. Но я хочу продолжить о Крючкове лично. Для меня в значительной мере, помимо того, что знал я, имело значение, что его поддерживал Андропов.

Шекочихин. *А для Вас мнение Андропова было очень важным?*

Горбачев. При всех недостатках Андропова — а я не хочу идеализировать его (и его идеологические концепции, и участие в борьбе с диссидентством — это мне всё было ясно) — это был человек с большим интеллектом и решительно настроенный против коррупции. Я с ним связан был долго. Не скажу, что у нас с ним были очень близкие отношения, но я его хорошо знал, и мы встречались регулярно. И Крючкова, к которому Андропов относился хорошо, я поэтому и взял. А где для этой сферы брать людей? Отношение Андропова к Крючкову было для меня критерием. Примитивизи-

ровать никого нельзя. Разве назовешь ограниченным человеком Крючкова, Лукьянова?

Щекоцихин. Янаева я бы все-таки назвал.

Горбачев. Янаева я знал не так хорошо. Но в конце концов дело не в этом. Главное все-таки — их политические позиции. Они почувствовали, что идет за новым проектом Программы партии, куда ведет ново-огаревский процесс, и в этой новой жизни они себя не видели. То есть выявились уже глубокие расхождения.

Щекоцихин. Я до сих пор не понимаю, почему они полетели в Форос.

Горбачев. Второй раз?

Щекоцихин. Да, когда уже было всё ясно. Зачем? Упасть в ноги? Или что? Я не вижу логики в этом поступке.

Горбачев. Я тоже.

Щекоцихин. Для Вас этот визит тоже загадочен?

Горбачев. Конечно. Может, они рассчитывали, что раз не пошли на кровь, то всё и забудется? Но это уж слишком. Нет, наверное, то была просто паника. И запаниковали они сразу же, как только о себе объявили. Когда они сюда приехали в первый раз и пустили слух, что Горбачев болен и так далее, они поняли, что уже за это придется отвечать! И начали сдавать свои позиции. У них был разработан вариант отставки Хрущева.

Щекоцихин. Боюсь, могло случиться и хуже... Еще 19-го мы в редакции узнали, что могло быть сообщение о том, что Горбачев психически болен.

Горбачев. Я думаю, они хотели что-то такое сделать... С Раисой Максимовной именно в этот момент случился приступ. Пришел Анатолий, зять, с приемником и сказал: «Би-би-си сообщила, что едет группа лиц». Би-би-си подала это так, что они едут, чтобы представить Ельцину и Верховному Совету доказательств, в каком именно состоянии находится Горбачев... И Раиса Максимовна тут же сказала: «Значит, нас будут делать инвалидами». Я не исключаю этого. Но тогда мы уже действовали по законам осадного положения и жили, как в крепости. Уже и автоматчики были внутри. И врач с нами.

Щекоцихин. Михаил Сергеевич, а были ли для Вас среди экачепистов фигуры неожиданные? Или Вы могли предположить, что заговорщиками станут именно они?

Горбачев. Я все-таки не думал, что они пойдут на путч.

Щекоцихин. Вы знаете, мне Гуров рассказал. Бывший начальник 6-го управления МВД СССР.

Горбачев. Да-да, знаю.

Шекочихин. У них же еще за шесть месяцев до путча были материалы о том, что Стародубцев занимался контрабандой и провез аудиокассеты на сумму шесть миллионов рублей.

Горбачев. Стародубцев закупил? Кассеты? Я не знал об этом, нет.

Шекочихин. Так вот, когда они его задержали, то из Кабинета министров прислали бумагу, чтобы всю контрабанду Стародубцеву вернули. А до этого у них уже было два тома материалов о том, что Язов и другие военачальники истратили несколько сотен тысяч казенных денег на ремонт личных квартир.

Горбачев. Язов?

Шекочихин. Да. Язов! Когда я узнал, что заговорщики еще чуть-чуть подворовывали, то я еще раз понял, что нравственность и политика все-таки несовместимы.

Горбачев. Гуров мне не докладывал!

Шекочихин. Он Пуго докладывал. К Вам он просто не мог пробиться. Его к Вам никогда не допускали.

Горбачев. Я сегодня уже не исключаю, что они могли не только создавать какие-то организационные структуры, но и пойти на определенные махинации. А для прикрытия использовать военно-промышленный комплекс, учитывая его секретность. Но, как говорится, следствие и жизнь покажут.

Шекочихин. Михаил Сергеевич, у нас в гостях был крупный американский советолог Аб Брумберг, и он сказал, что после краха социализма в Восточной Европе весь мир качнулся вправо.

Горбачев. Меня все время терзают этими вопросами. Начинают: кто Вы, товарищ Горбачев? Или господин Горбачев? Коммунист, социалист, демократ? А с другой стороны — пресса: вот, Горбачев никак не может отрешиться от социалистического выбора... В плену ли я иллюзий? Нет.

Шекочихин. Меня интересует больше Ваша точка зрения на дальнейшее развитие мира.

Горбачев. Никто не реализовывал специально разработанную концепцию по разрушению социализма. Нет. Пока существует человек, и человек мыслящий, — он будет искать. И христианство — поиск, и Томмазо Кампанелла — поиск. Мы должны прямо сказать: та концепция, которая потерпела поражение, — это модель сталинского социализма. Она должна была потерпеть поражение, потому что противоречит самой сути социалистической идеи и в значительной мере ее отрицает. И в то же время не будем идеализировать капиталистическое общество. А раз так, то поиски будут продолжаться на основе сближения, а не противостояния, на основе синтеза

опыта всех народов. И поиски будут нас подвигать к более человеческому, демократическому, справедливому обществу. Элементы социализации — они везде присутствуют. Мы часто очень примитивно разделяем мир на социалистический и капиталистический.

Щекоцихин. Но сейчас само слово «социализм» вызывает — особенно у молодежи — неприязнь и даже ненависть.

Горбачев. А у меня нет, потому что я представляю, что социализм связан с политической и духовной свободой, с уважением к культуре, с гуманизацией, с демократией.

Щекоцихин. Но это для Вас. А для тех же двадцатилетних слово «социализм», увы, больше связано со словом «очередь».

Горбачев. Но хоть убейте меня: я — это я, и это мои убеждения! Я уважаю убеждения другого человека. Оставайтесь со своими, но оставьте и мне мои. Оставайтесь либералом, демократом, консерваторм или монархистом.

Щекоцихин. Михаил Сергеевич, Вы себя чувствуете человеком из поколения «шестидесятников»?

Горбачев. Да.

Щекоцихин. Я не раз слышал, что неудачи перестройки (а их, Вы согласитесь, немало) — это еще и крах либеральных идей «шестидесятников». Те идеи были хороши для своего времени, но когда ваше поколение пришло к власти, оно могло только разрушить то, что мешало. А дальше — дальше что-то не получается. Идеи перестройки, допустим, гениальны, но довести их до конца просто не получается из-за того, что не Вы стали другим, а процессы — иные, которые требуют новых людей.

Горбачев. Каждое поколение несет на себе отпечаток своего времени. Тем более поколение, сформировавшееся в эпоху общественного перелома, какой была хрущевская оттепель. Мы все-таки хлебнули основательно от старого, сталинского. Но в этом поколении, Вы заметьте, есть и определенное понимание ценностей жизни предшествовавших поколений. У нас нет пренебрежения ни к судьбам отцов, ни к судьбам дедов. Мы знали и знаем, какую страну они переделали... Я ведь помню довоенную жизнь и наш быт! В университет ехал поступать — одна спортивная рубашка с короткими рукавами да один пиджак. И всё. Хотя отец механизатор, я механизатор, и мать работала, а жили нищенски. Вот она, жизнь была. Но я не ощущал себя нищим и вообще — чувствовал себя прекрасно.

Щекоцихин. Может быть, потому, что Вы считали: одна рубашка — это норма?

Горбачев. Да нет, всё было — и плохое, и хорошее. У меня такая судьба, что всё было. И 37-й год проехался по нашей семье.

Шекочихин. *Вы имеете в виду своего деда?*

Горбачев. Да, деда. А другого деда привлекли к суду за то, что он не выполнил план весеннего сева. А был 33-й год, голод на Кавказе, из шестерых его детей трое умерли. Это всё было время безрассудной жестокости и жуткого неуважения к человеческой жизни. То есть всё было не так просто, и всё это во мне.

Шекочихин. *Внутренний протест против системы жестокости определяет Ваши убеждения как реформатора?*

Горбачев. Если бы я сам внутренне не пришел к тому, что надо всё менять, я бы работал так, как до меня работали, правили. Как Брежнев — десять лет можно жить, как император, а после меня — хоть трава не расти.

Шекочихин. *Эти Ваши слова я помню.*

Горбачев. А есть ли еще другой случай в истории, чтобы человек, получив власть, сам же ее и отдал?

Шекочихин. *Это-то к Вам и притягивает. Как любая загадка природы.*

Горбачев. И я предполагал, что всё так и будет. Потому что эту систему я знал изнутри. Все-таки я десять лет проработал первым секретарем крайкома партии. Мне говорят, касаясь путча: «Горбачев что-то скрывает». А я и не собираюсь всё рассказывать.

Шекочихин. *Да-да, Вы эту загадочную фразу повторили несколько раз.*

Горбачев. И все думают: да что же он знает такого?

Шекочихин. *А что все-таки?*

Горбачев. Систему! Систему, которую изучил изнутри.

Шекочихин. *Когда я увиделся с руководителями группы «Альфа», уже после путча, и спросил, могли бы они в случае надобности спасти Президента, они ответили: за пятнадцать минут.*

Горбачев. «Альфа» сейчас моя, а не КГБ. И личная охрана — мы так договорились с Борисом Николаевичем — лично нам подчиняется.

Шекочихин. *Михаил Сергеевич, а жил ли в Вас страх перед КГБ? Даже исходя из опыта собственной семьи?*

Горбачев. Нет, страха не было. Если бы я их боялся, то я бы ничего не смог сделать.

Шекочихин. *Ну, а настороженность по отношению к ним?*

Горбачев. Я знал их силу! И то, что теперь я могу сказать, тогда, раньше, я сказать бы не мог. Я должен был их переиграть... Но и демократы поддавали Горбачеву!

Щекочихин. *Но вспомните, как только на Вас надвигались правые, именно демократы — а я имею в виду прежде всего парламентскую Межрегиональную группу — шли к Вам на помощь.*

Горбачев. Тоже правда! Из песни слов не будем выкидывать: было и то и другое. Но я не об этом. Мы должны костыми лечь, но уберечь то, что мы начали. Вот посмотрите, в экономике появляются новые люди, согласны?

Щекочихин. *Согласен.*

Горбачев. На политическом фронте — новые люди, и они еще появятся.

Щекочихин. *Появятся, появляются, Михаил Сергеевич. Но сейчас, когда проходишь по улицам, темным, как во время войны, когда с ужасом заходишь в магазины, когда видишь озлобленные лица людей, то думаешь: дождемся ли, вытерпят ли люди? Сейчас много говорят, что будет новый путч, перед которым тот, августовский, — обыкновенная оперетта. Пророчат, что улица поднимется под предводительством всяких проходимцев типа Жириновского.*

Горбачев. И рабочие сейчас мне об этом же говорили. Кто-то ждет нового путча. И может быть, даже организует.

Щекочихин. *Кто?*

Горбачев. Кто-то из ВПК. Кто-то из партийных структур. Значит — вывод: только вперед, потому что обратного пути у нас нет. Надо двигать реформы, и двигать их системно. И особенно важно дать рабочим возможность проявить себя на больших государственных предприятиях. Они сказали мне недавно: если вы этого не сделаете, если мы опять окажемся в стороне, то будет уже не августовский путч, будет хуже. О чем они говорят? Дайте нам, так же как и кооператорам, возможность распоряжаться своим трудом. Вот к этому мы сейчас идем. Третье — это социальная защита тех, кто на бюджете: армия, учителя, врачи. Производственники же будут сами искать для себя возможности.

Щекочихин. *Михаил Сергеевич, а зиму-то выдержим?*

Горбачев. Выдержим. Но всё, о чем я говорю, требует высшего приоритета — вопросы нашей государственности. Если будет всё так продолжаться, то ни с чем не справимся. Потому-то я сохранение государства ставлю выше всего. Раз рвутся связи республик, то рвутся хозяйственные связи, рвется сотрудничество.

Щекочихин. *Мы все были очень рады, когда закончилась бессмысленная конфронтация между Вами и Ельциным. Только согласованные действия двоих в одной лодке могут выгребсти нас.*

Горбачев. Кому-то это очень не нравится.

Шекочихин. *По-моему, все уже кончили вас ссорить.*

Горбачев. Какое там кончили! Я могу взять любую газету и продемонстрировать. Это занятие — непродуктивное, тем более когда газеты, называющие себя демократическими, ищут, как бы снова столкнуть нас лбами. Это так же, как все с восторгом пишут о том, как усложняется процесс реформирования Союза. Пиромания какая-то.

Шекочихин. *Как Вы отнеслись к тому, что Нина Андреева исключила Вас из КПСС?*

Горбачев. Это для меня, как орден. Бог с ней...

*Печатается по тексту публикации
в «Литературной газете», № 48, 4 декабря 1991 года.*

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С ПРЕЗИДЕНТОМ США ДЖ. БУШЕМ

30 ноября 1991 года

Буш. Михаил, я звоню по вопросу, который вызывает определенную озабоченность. Речь идет об Украине. Я узнал о некоторых заявлениях с советской стороны, которые вызывают беспокойство у меня и, я уверен, у Вас¹⁵².

Горбачев. Джордж, я рад, что Вы позвонили. Как я понимаю, это в развитие того, что говорится в Вашем письме.

Буш. Да. Я хотел бы сейчас зачитать Вам тезисы, которые мы проработали вместе с Бейкером и Скоукрофтом, и узнать Вашу реакцию. Но прежде хотел бы выразить удовлетворение в связи с Вашей посреднической ролью в урегулировании спора между Арменией и Азербайджаном. Мы знаем, что Вы прилагаете большие усилия, и очень позитивно оцениваем их.

Горбачев. Да, мы и дальше будем работать в этом направлении для урегулирования этого острого конфликта. Но рассчитывать на немедленные результаты не приходится, потому что всё там очень непросто.

Буш. Понимаю. Теперь об Украине.

Все признаки указывают на то, что завтра на Украине подавляющее большинство проголосует в поддержку независимости. Во всем мире это будет воспринято как мощный сигнал от народа Украины, как торжество атмосферы, возникшей в результате провала путча.

Вы знаете, что в силу наших традиций демократической страны мы должны поддержать волю украинского народа. Однако мы хотим сде-

лать это таким образом, чтобы содействовать мирному переходу к новому политическому порядку, основанному на продуктивных отношениях с Центром и дружественных взаимоотношениях между Россией и Украиной. Хочу подчеркнуть, что мы не хотим даже ненароком создавать какие-либо трудности для Вас или для Ельцина.

Если референдум даст ожидаемые результаты, то единственный вопрос состоит в том, когда и каким образом мы и другие страны признаем независимость Украины. После тщательного изучения этого вопроса нам представляется, что признание независимости может способствовать возвращению Украины в осуществляемый Вами процесс заключения Союзного договора. Если будет снят вопрос о том, признается ли суверенитет Украины, то она сможет участвовать в этом процессе, не опасаясь, что такое участие равнозначно отсутствию независимости.

Если мы предпримем шаги к признанию независимости, то я буду добиваться обязательного решения следующих вопросов: коллективный, централизованный контроль ядерного оружия; безъядерная Украина, которая присоединилась бы к Договору о нераспространении; уважение прав человека и равные права для меньшинств; соблюдение договоров по СНВ и обычным вооружениям. Разумеется, мы будем призывать правительство Украины провести рыночные реформы и взять на себя ответственность за соответствующую долю долга СССР.

Я попрошу Бейкера направить специального эмиссара в Киев, чтобы начать с украинским руководством обсуждение этих и других вопросов. Мы хотим установления отношений сотрудничества, и эти обсуждения помогут нам определить, каковы должны быть наши последующие шаги.

После референдума мы сделаем заявление, в котором будет разъясняться наш подход и выражаться намерение тесно сотрудничать с Вами и с Ельциным. Разумеется, там не будет говориться о признании Украины, поскольку это возможно только после решения указанных вопросов.

Я пока не говорил с Ельциным, но намерен это сделать¹⁵³. Сейчас мы консультируемся с нашими союзниками по НАТО, с тем чтобы скоординировать подход к новой ситуации.

Я хотел бы услышать Вашу реакцию на эти тезисы. Посол Страусс сообщил мне об озабоченности, высказанной Шеварднадзе. Надеюсь, что наши пояснения в определенной мере снимут эту озабоченность.

Горбачев. Хорошо, я постараюсь кое-что сказать, поскольку данная проблема крайне важна не только для наших взаимоотношений, но прежде всего для судьбы Союза, который отвечает интересам народов, живущих здесь, но в то же время — интересам Европы

и всего мира. Во всем, что мы делаем, надо иметь в виду судьбу Союза.

Не буду скрывать, что утечки из Белого дома относительно того, что там серьезно рассматривается вопрос о признании США независимости Украины, особенно учитывая, что это произошло накануне референдума, восприняты здесь негативно. Причем по мнению многих Соединенные Штаты хотят не просто повлиять на происходящее в Советском Союзе — влияние у вас есть, и это важно, — но именно вмешиваться в наши дела.

Второе. Большинство республик у нас провозгласили свою независимость. Но это не мешает им, а наоборот, дает возможность и большую свободу участвовать в процессе формирования нового Союза. Поэтому положительный результат референдума не означает автоматически, что Украина порвала с Союзом.

Вы говорите, когда и как будет признана независимость. Мы очень хотели бы, чтобы в этом вопросе не было суеты. В этой связи хочу напомнить Вам пример Югославии. Кое-кто поспешил побыстрее признать Словению и Хорватию. И это привело к той ситуации, которую мы сейчас имеем в Югославии. Но я хочу сказать, что ситуация на Украине куда сложнее. Поэтому если бы кто-то на Украине провозгласил разрыв с Союзом, а кто-то содействовал бы этому, то это означало бы, что 12 миллионов русских и людей других национальностей сразу стали бы гражданами другой страны. А Крым заявил, что если Украина дистанцируется от Союза, то они проведут референдум об отмене решения 1954 года о передаче Крыма из России Украине¹⁵⁴.

Буш. Да.

Горбачев. Тогда же встанет вопрос о Донбассе, о юге Украины. Поэтому мы и здесь, в Союзе, должны действовать таким образом, — и я надеюсь и на Ваше понимание, поскольку позиция Президента США имеет важное значение, — чтобы не подтолкнуть события в ложном направлении. Я просил бы Вас учитывать эти соображения, с тем чтобы события развивались в естественном русле, а для этого нужно время.

Есть определенные силы, которые подталкивают Ельцина в направлении «независимости России» и возвращения всех земель, переданных в свое время Казахстану, Украине и некоторым другим республикам. Если пойдет этот процесс, то это будет губительно для России, Украины и всего мира.

Поэтому я просил бы Вас действовать исходя из того, о чем мы говорили в Мадриде, и того понимания, которое у нас с Вами всегда

было, что все мы — и здесь, и в Европе, и в США — заинтересованы в реформированном демократическом Союзе.

Сегодня я говорил с Ельциным¹⁵⁵. Мы намерены занять очень ответственную позицию, действовать очень взвешенно. Возможно, после референдума мы предложим провести встречу президентов Союза и России и руководителя Украины.

Буш. Очень хорошо.

Горбачев. Я хочу призвать Вас к взвешенным и неспешным действиям, к сотрудничеству.

Буш. Во-первых, мы хотим сотрудничать. Во-вторых, мы займем эту позицию, будем приветствовать независимость, потому, что хотим преградить путь радикальным элементам как в России, так и на Украине. Мы хотим поддержать взвешенную и умеренную позицию, которую Вы обрисовали, с тем чтобы все трудные вопросы были решены сторонами.

Хочу спросить: если референдум закончится ожидаемыми результатами, то какова будет Ваша публичная реакция? Что Вы скажете — не по вопросу о признании, а вообще о независимости? Что скажет Ельцин?

Горбачев. Я скажу то, что уже говорил, и надеюсь, что он выскажется так же: независимость укрепляет суверенитет Украины и дает ей возможность свободно, в диалоге и сотрудничестве с республиками решить вопросы сотрудничества, политического, в том числе оборонного, и экономического союза. Мы не можем согласиться с сепаратистами, которые выдают голосование за независимость как голосование за отделение, за разрыв с Союзом. И у вас в США каждый штат является независимым государством, но мы рассматриваем США как сильное государство, федерацию.

Буш. Совершенно верно. Мне представляется, что признание стремления Украины к независимости проложит путь к урегулированию трудных вопросов политических и экономических реформ. Суть в том, что мы не хотим никого поставить в неловкое положение, каким-либо образом вмешиваться в ваши внутренние дела, затруднять положение для Вас или для Ельцина. Еще раз хочу подчеркнуть, что мы не хотим даже случайно сыграть на руку радикалам в России или на Украине: мы будем тесно консультироваться с Вами, Российской республикой, а Бейкер — с Э.А. Шеварднадзе. Думаю, что мы сможем действовать таким образом, чтобы это не помешало урегулированию таких трудных проблем, как границы, ядерное оружие, отношения с Центром. Хочу лично заверить в этом Вас и то же самое скажу Ельцину.

Горбачев. Вчера у нас было заседание Политического консультативного совета при Президенте¹⁵⁶. Участвовали известные Вам люди — А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, Г.Х. Попов, А.А. Собчак, Г.А. Явлинский, Н.Я. Петраков, Е.В. Яковлев, В.В. Бакатин. Это проверенная команда, закаленная опытом. Всё внимание было сосредоточено на вопросе о политическом союзе. В обсуждении, которое шло с трех до девяти вечера, высказались все. Общее мнение: политический союз жизненно необходим. Без него события могут принять катастрофический оборот для нас, для Европы, для всего мира. Поэтому необходимо сделать максимум возможного политическими средствами, чтобы ускорить процесс заключения Договора. Говорю это, чтобы Вы знали, что мы обсуждаем и в каком направлении действуем.

Буш. *Это очень обнадеживает. Мне нет необходимости говорить Вам, как мы уважаем перечисленных лиц. Это действительно люди, закаленные опытом и испытаниями.*

Горбачев. Джордж, я очень ценю Ваш звонок, наш прямой и дружественный разговор. Глубоко убежден: наше столь важное для нас и всего мира сотрудничество с администрацией США возможно лишь, если будет обновленный Союз.

Буш. *Мы будем внимательно следить за происходящим. Я и Бейкер готовы к контакту в любой момент. После нашего разговора я буду говорить с Ельциным.*

Горбачев. Я жму Вашу руку, Джордж, и передаю привет Вашим коллегам. От меня и Раисы Максимовны — большой привет Барбаре.

Буш. *Взаимно. Кстати, нам сейчас тоже приходится жарко, хотя я не хочу сравнивать мою ситуацию с Вашей. Все набрасываются на меня из-за экономики.*

До свидания, надеюсь на продолжение наших контактов.

Горбачев. Спасибо, до свидания.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

БЕСЕДА С ДИРЕКТОРОМ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА СРАВНИТЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ Х. ЯНИЧЕКОМ

3 декабря 1991 года

Горбачев. Приветствую Вас в Москве. Материя, которой Вы занимаетесь, очень серьезная. И те исследователи, которые представляют социалистическое течение, вызывают у меня большой интерес и доверие.

Меня журналисты часто с пристрастием допрашивают: кто же я — социалист? Какого рода? Они все хотят получить от меня признание, что я отрекаюсь от самого себя. Но тогда я не пошел бы на всё то, что делал и делаю. Вот ответ на этот вопрос.

Яничек. *Быть социалистом и исследователем — это идеальное сочетание. Социализм — это исследование, это поиск правды.*

Горбачев. Да, именно это я сказал корреспонденту «Литературной газеты». Социализм — это поиск, христианство — это поиск. Томмазо Кампанелла — это поиск. И последующие течения социалистической мысли — тоже поиск. Пока существует человек, и человек мыслящий — он будет искать, это естественно.

Яничек. *Мы совместно с присутствующим здесь директором Института рабочего движения и социальных исследований Российской академии наук Тимофеевым основали Международный институт сравнительных социальных исследований и хотели бы получить Ваше одобрение.*

Горбачев. Я приветствую этот проект.

Яничек. Цель Института состоит как раз в том, о чем Вы только что сказали — поиск. Мы верим, что институт может стать форумом обмена новыми идеями, источником новых общественных инициатив, сможет способствовать продвижению нового понимания социализма. Хотим разработать три темы:

1. Глобальный форум «Социализм и свобода». Ведь социализм — это прежде всего свобода.

2. Глобальный форум «Человек, природа и общество».

3. Глобальный форум «Этнические традиции и духовные ценности».

Духовные ценности — главная тема того проекта, который разрабатывает наш институт в связи с Вами, Вашей личностью. Этот проект должен лечь в основу серии документальных фильмов, в которых имеется в виду рассказать о Вашей жизни, эволюции, трансформации и прежде всего о Вашем кредо, которое Вы символизируете и которое лежит в основе Вашей жизни и Вашего самопожертвования.

Горбачев. В этом Вы не разберетесь, если будете отрывать меня от контекста всей жизни общества, страны. Наше общество к 1985 году уже было беременно изменениями. Мы назвали это перестройкой — общество созрело для нее.

Во время интервью с Шекочихиным для «Литературной газеты» мне адресовали упрек: «Горбачев никак не может отрешиться от социалистического выбора...» Ответил: нахожусь ли я в плену иллюзий? Нет. Потерпела поражение сталинская модель социализма. Она должна была потерпеть поражение, потому что противоречит самой сути социалистической идеи и в значительной мере ее отрицает. И в то же время не будем идеализировать капиталистическое общество. А раз так, то поиски будут продолжаться на основе сближения, а не противостояния, на основе синтеза опыта всех народов. И эти поиски будут продвигать нас к более человечному, демократическому, справедливому обществу. Элементы социализации везде присутствуют. Мы часто очень примитивно разделяем мир на социалистический и капиталистический.

А сейчас скажу Вам то, что не сказал в этом интервью: поиск в рамках социалистической идеи — это глобальный феномен. Немыслимо, чтобы человечество в таких сложнейших условиях, когда среда обитания предъявляет столь жесткие требования, — чтобы в этих условиях оно не взяло всё, что предлагает общий опыт, отказалось бы от него.

Ленину в рамках своего опыта, связанного с жестким историческим контекстом, приходилось и отступать, от чего-то отказываться, но он сказал многое такое, что имеет огромное значение для наших

сегодняшних размышлений. Еще в 1984 году я приводил его слова: «Социализм — это живое творчество масс». А это и означает поиск, а не попытки загонять действительность в «прокрустово ложе», навязывать искусственную модель.

Новое мышление направлено и вовнутрь, и вовне. Оно выражает эту переориентацию нашего мышления на общечеловеческие поиски, на опыт, выработанный всем человечеством. Шекочихин мне говорил: сейчас само слово «социализм» вызывает — особенно у молодежи — неприязнь и даже ненависть. Мой ответ: а у меня — нет, потому что я представляю, что социализм связан с политической и духовной свободой, с уважением к культуре, с гуманизацией, с демократией. Мне говорят: но это для Вас. А для тех же двадцатилетних слово «социализм» ассоциируется больше со словом «очередь». Что сказать на это? Хоть убейте меня, я — это я, и это мои убеждения! Оставьте мне мои убеждения. И оставайтесь со своими, будьте хоть либералом, демократом, консерватором или монархистом. В общем, хотели получить от меня признание, что я представляю поколение «шестидесятников», а либеральные идеи «шестидесятников» потерпели-де крах.

В общем, я доволен тем интервью, хотя оно получилось острым. Но это показатель того, что поиски продолжаются — и это главное.

Яничек. В Чили недавно состоялось заседание Совета Социнтерна, на котором принята резолюция в поддержку Вашего стремления к Союзу. Один из последних номеров американского журнала «Уолл-стрит джорнэл» вышел с большим портретом Маркса на обложке. В этом номере опубликована беседа с 10 известными американскими профессорами, представляющими ведущие университеты страны. Материал озаглавлен: «Счеты с Марксом еще не покончены. Карл Маркс еще кое-чему может нас научить». Выступая с лекциями в США о будущем социализма, я говорю: оно здесь. И то, что сегодня представители молодого поколения снова задают себе вопросы — это результат того, что Вы сделали. Вы вернули огонь социализму, и Вы увидите — он вернется.

Горбачев. Когда встречаюсь со студентами, старшеклассниками, убеждаюсь: они менее подвержены тому, чтобы отбрасывать, отрекаться. Да, они отмежевываются от концепций прошлого, но готовы рассуждать. Идет очень трудный процесс формирования идеалов, жизненных ориентиров людей. Это, может быть, самый сложный процесс. В конце концов, с экономикой мы как-то разберемся, тем более идем по пути экономической свободы к смешанной экономике, реформированию отношений собственности, даем свободу

крестьянам, рабочим, предпринимателям. На пути к рыночной экономике со временем всё образуется, хотя дается это трудно.

Но всё же рыночная экономика по-разному функционирует в зависимости от политических отношений. Почему происходит чередование у руля политической власти консерваторов и социал-демократов? Когда ослабевает социальная защита, возникает потребность в гуманизации социальных отношений. Но на каком-то этапе оказывается, что производители нуждаются в более жестком режиме, когда им нужно выйти на новый виток, и тогда консерваторы вытесняют социал-демократов. Потом давление на предпринимателей возрастает, и снова возвращаются социал-демократы. То есть возникает потребность в новой динамике. Это отражает динамику социальных, политических отношений. Но, тем не менее, при всех сменах остаются какие-то уже выработавшиеся ориентиры, от которых общество, политическая власть не отказываются.

Как теперь следует относиться к формуле Бернштейна: движение всё — конечная цель ничто? Мы всегда клеймили этот тезис. А я теперь думаю, что Бернштейн был прав. Социализм — живое творчество, это не конечная цель, а постоянное приращение нового. Нам надо всё переосмыслить и не бояться делать выводы. А меня уже наши «твердые коммунисты» исключили из Компартии. Когда меня спросил об этом корреспондент «Литературной газеты», я сказал: это для меня как орден.

Хорошо, что мы выбрались на свободу — без нее не может быть движения. Ситуацию, в которой находится общество, хорошо выразил наш писатель Леонов, с которым я не раз встречался. Он сказал как-то: «Ваша главная проблема состоит в том, что сейчас закладываются новые формы жизни на двести-триста лет вперед, а люди живут и хотят жить сейчас». Как совместить то и другое? Страна переживает системный кризис, надо решать стратегические задачи и, вместе с тем, дать почувствовать реальные перемены к лучшему ныне живущим. Люди не могут вдохновляться только образом светлого будущего.

То, что вернули человеку человеческое — уже значит много. Нам нужно через движение к рынку дать людям почувствовать реальное улучшение условий жизни. Сейчас мы как бы опять возвращаемся к лозунгам Октября — нерешенным лозунгам: преодолеть отчуждение от власти, от собственности, от средств производства, от культуры. Вот где развязка.

Яничек. *Всё это в точности соответствует идее нашего проекта, которую можно было бы сформулировать так: «М.С. Горбачев и его вре-*

мя». Одновременно с телефильмом из нескольких частей мы хотим создавать архив, который включал бы записи Ваших речей, заявлений на протяжении Вашей политической карьеры, да и за ее пределами.

Горбачев. Одобряю. Мы должны этот след оставить. Не потому, что у нас какие-то амбиции, но потому, что жизнь продолжается.

Яничек. Недавно избранный Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций Бутрос-Гали является также вице-президентом Социнтерна. И он нуждается в ободрении со стороны социалиста Горбачева, в частности, для того, чтобы не забывал, что тоже является социалистом.

Горбачев. Хорошо, напомню ему. Надеюсь, это не помешает ему быть хорошим Генеральным секретарем ООН. Мубарак уговаривал меня поддержать его.

Яничек. Еще один вопрос. Как Вы объясняете, что Вам удалось вдохновить сотни миллионов людей, с которыми Вы никогда не встречались, и дать им надежду?

Горбачев. Мне легче отвечать на критику, а Вы уж объясняйте. Думаю, дело в том, что созрела система, сработал инстинкт самосохранения. Люди увидели — ограниченность ресурсов, реальную угрозу ядерной войны. Если речь идет о выживании каждого, все вопросы — кто какому богу поклоняется — отходят на второй план. И возникло понимание, что надо строить политику не на противостоянии, а на встречном движении, на взаимопонимании.

Представьте, что стоило коммунисту выдвинуть идею общечеловеческих ценностей? В последнее время, по моим данным, 75 процентов аппарата ЦК были против моей позиции. Я это знал и поэтому не бросал партию. Мы вышли на новую программу социалистического типа. Осенью уже должен был состояться съезд, но путчисты помешали. Мне не жалко путчистов — жаль людей. Рядовые коммунисты оказались в тяжелом положении. Но все-таки у нас оформляются социалистические течения — жизнь свое возьмет.

Мое положение изменилось, но я защищаю те же идеи. Когда вернулся из Фороса, пришлось выступить на съезде России. Это был самый трудный день в моей жизни — пришлось подвергнуться оскорблениям, даже унижениям. В другой обстановке сказал бы пару крепких слов и ушел. В этой — не мог так поступить. И считаю — моральная победа осталась за мной. Мне бросили фразу: опять Вы говорите о социалистическом выборе. Надо метлой вымести социализм с территории страны. Ответил: не вершите быстрый суд, не впадайте в безумие. Ведь это же миллионы людей. Сталин бы до этого не додумался. В общем, тяжелая была борьба.

Яничек. Попробую сам ответить на мой вопрос. Главное не объем власти, которым Вы обладаете. Вы хранитель веры — и для тех, кто эту веру проводит в жизнь. Я вспоминаю Ваш визит в Вашингтон в прошлом году. Почему Вы приняли тогда премию Мартина Лютера Кинга, которая была не самой престижной? Ведь Вам предлагали множество других почестей.

Горбачев. Потому что мне близко его восприятие мира. Правильно: власть — дело преходящее и не лучшее. Если бы это была «высшая ценность» — не нужна была бы мне, отдал бы всю власть. Главное другое: возродить эту страну, мир — исстрадавшийся, измученный, деморализованный — возродить к нормальной жизни, возродить ощущение человека человеком.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

ИЗ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА С Г. КОЛЕМ

3 декабря 1991 года¹⁵⁷

Коль. Скажи, как у вас в действительности обстоят сейчас дела?

Горбачев. В ближайшие дни и недели предстоит решить кардинальные вопросы, связанные с подписанием нового Союзного договора и практическим началом широкомасштабных экономических реформ.

Наиболее приоритетным для меня является вопрос о будущем устройстве государства. Если сейчас упустить время, то создастся огромная опасность дезинтеграции не только экономики, но и в целом всего общества. Пока еще удастся удержаться в пределах разумного. Но если допустить дальнейшую затяжку еще хотя бы на один или два месяца, то под вопросом может оказаться очень многое из того, что связано с процессом реформы.

Я убедил Б.Н. Ельцина сделать на Госсовете сообщение о подробностях его экономической реформы, и теперь на этой базе развернута работа под руководством Силаева. Сейчас, когда мы говорим с тобой, у Силаева собрались руководители правительств суверенных республик. В ходе обсуждения, которое у них идет, хочу добиться, чтобы некоторые опасные элементы программы Ельцина были либо сняты, либо компенсированы соответствующими социальными и стабилизирующими мерами.

Главная мысль при этом состоит в том, чтобы не свести все реформы только к повышению цен. Необходимо, чтобы в них были заложены конструктивные элементы и для производителей, то есть

крестьян и рабочих, и для создания и функционирования системы налогообложения, и для проведения подстраховывающих стабилизационных мер. И самое важное — всем республикам действовать сообща.

Моя недавняя поездка по Сибири и в Кыргызстан показала, что люди сейчас ждут, чтобы были начаты наконец решительные действия по проведению реформ, но с обязательным параллельным принятием программы мер, защищающих как производителей, так и потребителей.

Поездка также показала, что наряду с вопросами перехода к рынку в центре внимания стоит и другой главный вопрос — создание обновленного Союза. Мнений и суждений на этот счет огромное количество. Нужно сказать, что за Союз и на Украине, и в других суверенных республиках сейчас выступает даже больше людей, чем это было на общесоюзном референдуме.

Новый проект Союзного договора сейчас находится в парламентах суверенных республик и в Верховном Совете СССР. Я направил сегодня специальное обращение ко всем парламентариям с призывом без затяжек рассмотреть проект Договора.

Говорил я сегодня и с Кравчуком. Он уверял меня, что можно рассчитывать на сотрудничество.

Вот комплекс приоритетных дел, связанных с Союзным договором. Но, разумеется, еще полно дел и с Арменией, и с Азербайджаном, и с военной реформой.

Что касается снабжения продовольственными товарами, то наиболее сложное положение сейчас, пожалуй, в Москве, Ленинграде, Челябинске, Свердловске. В других городах положение вроде бы ничего. Спасибо за помощь, которую оказывают немцы. Она попрежнему весьма необходима. Главное сейчас — не допустить, чтобы народ вышел на улицу.

Коль. *А как ты оцениваешь положение на Украине?*

Горбачев. Там состоявшийся референдум хотят представить как голосование за отделение от Союза. Независимость и суверенитет автоматически приравнивают к отделению. А ведь это не так. Другие республики также суверенны и независимы, однако это отнюдь не ставит их за пределы Союза. Наоборот, они участвуют в процессе создания нового конфедеративного государства.

А вот на Украине весьма активны силы, которые хотят спровоцировать полное отделение от Союза. И Кравчук оказался в ходе предвыборной кампании в их крепких объятиях. Удастся ли ему вырваться?

В связи с положением на Украине я вспоминаю то, о чем мы с тобой говорили в мае под Киевом¹⁵⁸. Если дело дойдет до такого вот грубого отделения от Союза, до ухода Украины, то тогда мы можем столкнуться там с очень опасными событиями.

Приоритетная сейчас забота — это будущее нашей государственности. Опасность дезинтеграции нарастает. И ее необходимо остановить. Сейчас максимум усилий направляем на то, чтобы удерживать процесс формирования нового Союза. Затяжка с этим несет неисчислимые беды, в том числе и для экономического состояния всех республик.

Я собираюсь направить Кравчуку и Верховному Совету Украины приветствие в связи с избранием президента. Там будет и предложение конструктивно сотрудничать, обсудить вместе с руководителями других суверенных государств дальнейшие действия по реформированию Союза. Нельзя допустить, чтобы независимость Украины была использована сепаратистскими силами для отделения. У меня был в этой связи разговор с Джорджем Бушем. Я призвал его трезво оценить обстановку и действовать в интересах стабильности и предотвращения такого поворота событий, последствия которых могут быть чрезвычайно тяжелыми, в том числе и для внешнего мира.

Я ценю твою позицию. Тем более, что нам всем вместе и с Украиной, и с Германией предстоит делать одно общеевропейское дело по укреплению сотрудничества и стабильности на континенте.

Коль. *Согласен, Михаил. Посмотрим, как будут развиваться события в ближайшие дни. Я хотел бы вновь поговорить с тобой на следующей неделе.*

*Печатается по тексту публикации:
Горбачев М.С. Декабрь-91...». С. 36–38.*

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СССР К ПАРЛАМЕНТАРИЯМ СТРАНЫ

3 декабря 1991 года¹⁵⁹

Уважаемые депутаты Верховных Советов суверенных государств!

Обратиться к вам меня побудила нарастающая тревога за жизнь нашего Отечества. Среди многочисленных кризисов, которые оно переживает, самый опасный — это кризис государственности. Он тяжелейшим образом отражается на способности властей всех уровней выполнять свои обязанности перед гражданами, рвет экономику, тормозит и губит процесс реформ, деформирует нравы, противопоставляет друг другу народы, ведет к разрушению культуры.

В каждом из ваших суверенных государств появились демократически избранные законодательные и исполнительные органы. Они облечены ответственностью за политику, которая должна служить интересам людей. Но дела идут всё хуже и хуже. И, казалось бы, должно быть ясно, что среди главных причин этого — дезинтеграция, которая, нарушив историческую логику существования огромной и целостной страны, перешла пределы разумного и зашла настолько далеко, что приобрела разрушительный характер.

На ваше одобрение представлен проект Союзного договора.

Ваше решение либо приблизит общество к выходу к новым формам жизни, либо наши народы будут обречены надолго и, пожалуй, безнадежно выпутываться поодиночке. Что конкретно ждет в этом случае каждого из них и всех нас вместе, весь внешний мир, предсказать невозможно. Одно ясно — последствия будут тяжелыми.

В марте этого года подавляющее большинство граждан на всенародном референдуме высказалось в пользу сохранения обновленного Союза. Последние месяцы, наполненные событиями бурными, тревожными и трагическими, еще больше укрепили убежденность людей в необходимости Союза. Об этом говорят все опросы общественного мнения.

Понимаю, что народные депутаты испытывают сейчас давление со стороны самых разнообразных сил, представляющих часто противоположные интересы и претензии. У каждого из вас есть собственные взгляды.

Всё это естественно для демократии. Но именно она требует принимать решения в интересах большинства, а не части общества, пусть даже очень активной, на перспективу, а не на текущий момент.

Право на отказ от Союза есть у каждого из вас. Но оно требует от народных избранников учитывать все последствия. Только Союз убережет от самой страшной из грозящих опасностей — от разрыва и потери многовековых уз, которыми история связала целые народы, семьи, людей на просторах одной шестой части Земли. Распад такого многонационального сообщества принесет миллионам наших граждан несчастья, которые перевесят все возможные временные выгоды от отделения. Распад прозвучал бы приговором тем, — а их десятки миллионов, — кто живет вне пределов своих национальных республик и у кого в поколениях выработалось чувство привязанности к своей огромной Родине.

Распад чреват национальными, межреспубликанскими столкновениями, даже войнами. А это была бы катастрофа для всего международного сообщества, гибель всех тех достижений, которые обязаны политике нового мышления.

Размежевание сделает хрупкой перспективу соблюдения прав человека и прав национальных меньшинств. Это неотвратимо — какие бы вполне честные обязательства и постановления на этот счет сейчас ни принимались. Нарушение же этих прав вызовет серьезные осложнения республик с внешним миром, ибо это будет и нарушением международных договоров.

Разрыв нанес бы окончательный разрушительный удар по производительным силам, настолько тесно завязанным в общий комплекс, что даже нынешнее, пока еще относительное отдаление республик друг от друга резко осложнило экономическое положение каждой из них и еще более ухудшило повседневную жизнь людей.

Он отбросит — и это надо хорошо видеть — все суверенные государства назад в смысле развития науки, технологии, культуры, которые по природе своей, а в наше время особенно, нуждаются в постоянном, органичном взаимодействии и взаимообогащении не только в бывших союзных рамках, но и в мировом масштабе. Престижу и потенциалу нашей науки и культуры в ее многонациональном синтезе будет нанесен непоправимый ущерб.

Без Союза неизбежна постепенная эрозия нашей общей безопасности и каждой из республик. Неизбежна утрата международного авторитета, который дорого оплачен всеми нашими народами и очень много значит для всех граждан.

И, наконец, никто не имеет права забывать, что наше государство в последние годы стало одной из главных опор развития мира к новому мирному порядку. Именно так нас воспринимают. Это и ответственность, и признание нашей зрелости. Если такая опора рухнет, пойдет цепная реакция с трудно предсказуемыми для всего мира последствиями.

Обращая ваше внимание на эти угрозы и неизбежные утраты, я далек от преувеличений. Об этом же говорят и пишут как наши, там и зарубежные аналитики самых разных ориентаций. Об этом свидетельствуют цифровые выкладки, расчеты, научно обоснованные прогнозы авторитетных исследовательских центров. И должен же нас в конце концов чему-то научить догматический, даже кровавый опыт тех разрывов, которые уже случились в ряде районов страны.

Я не раз публично, на государственных совещаниях и форумах, излагал свою концепцию нового Союза. И в этом обращении к вам хочу еще раз подчеркнуть — речь не о возрождении в новом обличье старого Центра. Старого Союза нет, и возврат к нему невозможен. Это доказал и провал августовского путча. Речь идет о создании совершенно нового государственного и межгосударственного образования, суть которого недвусмысленно изложена в проекте представленного вам Договора.

Этот документ — продукт всестороннего, очень серьезного анализа, длительных переговоров и тщательной проработки с участием представителей суверенных государств. Им не раз занимались руководители суверенных государств-республик, вместе и отдельно. Он несколько раз кардинально пересматривался в сторону расширения начал конфедеративности и демократичности.

Две основополагающие идеи заложены в конфедеративную концепцию Договора, которая определяет характер новой, небывалой государственности.

Это идея самоопределения, национально-государственного суверенитета, независимости.

И это идея союзничества, сотрудничества, взаимодействия и взаимопомощи.

Моя позиция однозначна. Я — за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство. Хочу, чтобы в преддверии вашего решения эта моя позиция была всем хорошо известна. Медлить далее нельзя. Время может быть катастрофически потеряно.

Поэтому я прошу вас, полномочных представителей своих народов, в ближайшие дни обсудить проект Договора о Союзе Суверенных Государств и одобрить его. Еще раз настойчиво повторяю: не справиться нигде с возрождением общества, не выйти нам из кризиса и не соединиться с цивилизованным миром, хуже того — не избежать общей катастрофы, если мы не остановим процесс дезинтеграции.

Я прошу вас сказать «да» такой форме равноправного сотрудничества и взаимодействия, которая позволит всем нам совместно — а иначе не получится — пройти труднейшую и очень опасную полосу своей общей истории.

Государственный совет в своем обращении к парламентам выразил пожелание, чтобы Договор был подготовлен к подписанию в этом году. Полномочные делегации Верховных Советов смогут окончательно учесть замечания на последнем этапе работы над Договором, с тем чтобы, наконец, с подписанием этого документа страна облегченно вздохнула, обрела очень важную точку опоры и надежду на совместное движение вперед.

*Печатается по тексту публикации
в газете «Известия», 3 декабря 1991 года.*

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С ПРЕЗИДЕНТОМ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША Л. ВАЛЕНСОЙ

4 декабря 1991 года

Горбачев. Здравствуйте, господин Президент. Я приветствую Вашу инициативу проведения этого телефонного разговора и по-дружески благодарю Вас за это. Думаю, что у нас, как у друзей и соседей, действительно есть такая необходимость поговорить по волнующим нас проблемам. Вам принадлежит инициатива разговора, поэтому прошу Вас его начать.

Валенса. Приветствую Вас, господин Президент, и все народы вашей страны. Сразу хотел бы заявить, что полностью поддерживаю Вашу концепцию реформирования советских республик, солидарен с нею. Республики, входящие в состав вашего государства, долгие годы развивали тесные кооперационные связи, которые сейчас рвутся. Я являюсь сторонником эволюционного, а не революционного пути реализации демократических реформ. Свобода — да, демократия — да, революционный путь, ведущий к разрыву связей, — нет. Именно поэтому я с обеспокоенностью слежу за развитием ситуации в некоторых странах молодой демократии. Я стоял у истоков демократических реформ в Польше. Будучи во главе «Солидарности» я требовал их, сегодня как Президент Республики Польша я их осуществляю.

Если это необходимо, я готов обратиться к народам вашей страны с призывом следовать эволюционному пути осуществления перемен.

Горбачев. Благодарю Вас, господин Президент. Я высоко оцениваю представленный Вами подход к решению стоящих перед нами проблем, Вашу широту взглядов, слова поддержки в мой адрес.

Мы с Вами и те, кто разделяет такую позицию, стояли у истоков этих реформ в Польше, Советском Союзе, Европе, да и во всем мире. Уже задолго до происходящих сегодня мощных событий я говорил, что нас ждет трудный переходный период, что будут нестабильность, дебаты, столкновение мнений, позиций и, самое главное, интересов. И мы должны проявить высокую ответственность, с тем чтобы эти процессы шли не взрывным путем, а в рамках демократических преобразований. В этом деле не может быть суеты, мы не имеем права бросить друг друга и оставить самостоятельно преодолевать трудности. Нельзя говорить, что всё, что происходит вокруг, нас не касается. Ведь это наш мир, и все мы заинтересованы в успехе реформ. Они касаются всех нас, и мы несем за них ответственность.

Такова моя реакция на высказанные Вами мысли, которые, еще раз повторю, я высоко оцениваю.

Теперь хотел бы сказать о проблемах нашего многонационального государства. Я глубоко привержен идее свободы выбора каждого народа и выдвинул в свое время концепцию, согласно которой на смену старого государства должен прийти новый Союз Суверенных Государств. Я много думал об этом и вижу, что нельзя обрывать тысячелетние связи между народами нашей страны, — это было бы неоправданно. Мы должны, конечно, в рамках нового распределения полномочий и функций между Центром и республиками решить задачу их самоопределения. Но при этом важно сохранить всё, что их объединяет. А это не только экономические связи, это и культура, и история, смешанные браки и всё, что называется жизнью. Поэтому я твердо выступаю за новое союзное демократическое конфедеративное государство, но именно за государство, так как только оно способно обеспечить успех тех реформ, в которых мы заинтересованы.

Суверенитет наших республик означает их независимость, что дает им большую свободу выбора того вклада, который они могут внести в строительство нового Союза. Но я не могу согласиться с теми, кто утверждает, что если народ выступил за независимость, то он тем самым поддержал идею отделения от Союза. Сегодня у нас в стране всё больше людей высказывается за сохранение Союза. Все видят, что разрыв существующих связей привел к ухудшению жизни, новым сложностям. А это, в свою очередь, не дает нам проводить реформы, которые просто необходимы.

Завершая разговор, хотел бы приветствовать высказанное Вами пожелание открыто обратиться к нашим людям с изложением пред-

ставленной Вами сегодня позиции. Надеюсь, что Вы ее еще развернете. Будем считать, что по этому вопросу мы договорились, и я даю соответствующее распоряжение Центральному телевидению.

Валенса. Хотел бы подчеркнуть, что как Президент я буду и в печати, и по телевидению говорить о своем понимании и поддержке Ваших намерений, необходимости оказывать помощь в их реализации. Если у нас появится какая-либо инициатива, которая будет полезна вашей стране, она будет задействована. Повторю еще раз, что нельзя разрывать существующие связи.

Горбачев. А ведь так случилось, например, с ликвидацией СЭВ, когда, убрав одно, мы не создали ничего взамен.

Благодарю за разговор, за мысли, которыми Вы сочли необходимым со мной поделиться. Воспринимаю это как слова друга и желаю соседней братской Польше всего наилучшего в этот трудный период.

До свидания, господин Президент.

Валенса. До свидания. Вы можете рассчитывать на Президента Республики Польша.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

М.С. ГОРБАЧЕВ О БЕСЕДЕ С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ВЕНГРИИ ЙОЖЕФОМ АНТАЛЛОМ

5 декабря 1991 года¹⁶⁰

...Мы говорили о двусторонних отношениях, в том числе и об их прошлом, с 1956 года. Участие советских войск в событиях 1956 года было однозначно вмешательством во внутренние дела Венгрии, сказал я. Оно было продиктовано царившей тогда атмосферой «холодной войны», жестким противостоянием. Мы договорились соответствующим образом дать публичную оценку этому вмешательству. Договорились также о порядке решения вопросов, связанных с судьбой интернированных венгерских граждан, о захоронениях военнопленных. Условились образовать совместную рабочую группу по всем этим вопросам. У нас не было сомнений в том, что демократические преобразования будут способствовать новому характеру и развитию связей между нашими странами.

Очень важно для нас, сказал я Анталлу, пережить вхождение в рынок. Вы давно идете по этой дороге и выходили на нее в другой ситуации. Это процесс объективный. Однако, если ничего не делать, будет еще хуже.

Сама жизнь заставляет республики искать точки соприкосновения. Ими могут стать налоговая политика, банковская деятельность, социальные программы. Заинтересованность в таком сотрудничестве проявилась в ходе последней встречи глав правительств под председательством И.С. Силаева. Там был достигнут хороший прогресс...

Сейчас российское руководство решительно встало на путь реформ, это подталкивает остальные республики. Реформирование экономики — вопрос решенный. Проблема в том, как это сделать. Здесь очень много споров. В итоге, я думаю, мы найдем взвешенный подход.

В эпицентре всей политики — вопрос о государственности. Дезинтеграция государства дошла до опасного предела, когда испугались даже те, кто в свое время занимался расшатыванием Союза. Население — за Союз. Опросы показывают, что даже активнее, чем в марте. Вопрос о государственности — это центральный вопрос. Не решив его, мы не решим и остальные проблемы, в том числе экономические. Таков текущий аспект.

Глобальный же аспект состоит в том, что есть реалии, через которые нельзя переступить. У нас границы всегда были административные. Широко практиковалась их перекройка, передача областей и регионов. Но всё это было в одном государстве, где границы зачастую устанавливались на уровне районных органов. А пошел процесс суверенизации, начали вспоминать историю.

Всё у нас общее — и оборона, и всеохватывающая система транспорта, энергетики и т.д. Очень важно расселение людей: сейчас, когда республики расходятся, множество людей оказываются чужими там, где жили они, их отцы и деды.

Пока политики спорят, со всех сторон раздаются требования сохранить общие структуры. На днях меня атаковали республиканские министры просвещения. Требовали сохранить общегосударственный Комитет по народному образованию. Словом, всё очень сложно. Надо совместить два пласта — не насиловать, не ломать общество, а реформировать Союз.

Сейчас один из главных вопросов — последствия референдума на Украине. Восемь республик были готовы подписать новый Союзный договор. Я не мыслю, что Украина не будет в нем участвовать. Но пока сближение точек зрения идет очень сложно. В самом деле, если суверенизация проходит в рамках Союза, все республики сохраняются в существующих рамках. В случае выхода какой-либо республики неизбежны переговоры по всему комплексу вопросов, с этим связанных. Я вижу свою личную задачу в том, чтобы удерживать процесс в цивилизованных рамках. Не дай Бог повторения у нас югославского варианта. Последствия будут несопоставимы.

Вообще в области межнациональных отношений следует быть очень осторожными. Сейчас для нас самое важное — не допустить, чтобы процесс реформирования Союза перешел в его распад, кото-

рый стал бы общей трагедией, в том числе и для мирового сообщества.

История нашей страны складывалась на протяжении десяти столетий. Взаимопереплетение народов в нашу эпоху должно обеспечиваться иным государственным образованием, прецедента которому, возможно, еще не было в истории. Оно должно гарантировать безопасность, защиту гражданских прав, функционирование общих коммуникаций — словом, всё то, что мы закладываем в новую концепцию конфедеративного государства. Если это не будет реализовано, всё пространство рвется на куски. Мы усложним себе жизнь. Пока, например, Украина в Союзе, нет вопроса и о Крыме.

Анталл ответил: «Мы уважаем право народов на самоопределение, однако реализация этого права подразумевает и эффективное обеспечение прав национальных меньшинств. В том, что рушится империя, — трагедии нет. Могу привести в пример Австро-Венгрию. Трагедия появляется там, где границы искусственно разделяют людей. После Первой мировой войны Венгрия потеряла две трети своей исторической национальной территории и около половины населения.

С учетом всего этого, господин Президент, важно удержать процесс суверенизации в цивилизованных рамках, не допустить ливанизации¹⁶¹ страны. В современных условиях это может привести к еще более трагичным последствиям. Пример Югославии — перед глазами. Наши западные партнеры активно ищут пути преодоления югославского кризиса. Участия в этой деятельности мы ожидаем и от вашей страны».

Я заверил венгерского премьера, что, используя все возможности, буду добиваться реализации идеи конфедеративного государства, объединяющего суверенные, независимые государства. В обществе есть именно такой настрой. Уверен, что общество меня поддержит, здравый смысл подсказывает, что нельзя нам делиться¹⁶².

*Печатается по тексту публикации:
Горбачев М.С. Декабрь-91... С. 39–41.*

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ФРАНЦУЗСКОЙ ТЕЛЕКОМПАНИИ ТФ-1 ДЛЯ ПРОГРАММЫ «СЕМЬ НА СЕМЬ»

6 декабря 1991 года¹⁶³

Горбачев. ...Если Вы пройдете страну по меридианам и параллелям, вы обнаружите, что сегодня гораздо больше людей высказываются за сохранение Союза, чем во время референдума в марте этого года. Вот мое поле деятельности, вот что для меня важно.

...Народ Украины проголосовал за независимость, но он проголосовал и за Союз во время мартовского референдума. И итоги этого референдума по-прежнему в силе. Говорить сегодня о том, что результаты его в пользу отделения, — это политическое трюкачество. Придет время, и, возможно, потребуется, чтобы народ высказался по этому поводу. Сегодня мы стоим на пороге очень важных событий. Это еще только самое начало, хотя многие и говорят, что всё уже решено.

Не раз затрагивались в интервью внешние обстоятельства, в которых разворачивались у нас процессы, — позитивные и негативные моменты, которые не мешало бы учитывать нашим политикам.

Для меня очень интересно наблюдать, как партнеры, мои друзья, Ваш Президент господин Миттеран, канцлер Коль ведут дискуссию перед заседанием в Голландии в связи с новым этапом в развитии Европейского сообщества¹⁶⁴. О чем они говорят? Вчера господин Коль сказал, что без политического союза невозможно перейти к новому этапу. И речь уже идет о координации не только внутренней, но и внешней политики. Я сопоставил этот процесс современной интеграции с попытками у нас разъединить страну — такую

страну, где всё давно экономически, политически и во всех других отношениях перемешалось... Внутри страны у нас нет границ. Вы это знали? Даже при Советской власти по разным причинам принимались решения об изменении контуров некоторых республик, о передаче целых регионов из одной республики в другую. И никто в этом не видел проблемы, считалось совершенно нормальным, потому что это происходило внутри одной страны.

Или возьмите оборону. Это интересует всех: и вас, и нас. Вооруженные Силы размещены на огромном пространстве. Они дислоцированы в соответствии с определенной концепцией, исходя из того, что страна представляет собой единое целое. Затронув какую-то часть Вооруженных Сил, вы окажетесь в положении, при котором всё надо будет переделывать. Формировалось оборонное пространство, стратегическое пространство. Вы знаете, что это такое? Это не только ракеты. Это системы контроля, наблюдения, управления, расположенные на территориях всех республик...

Сенклэр. *Не считаете ли Вы Югославию «лабораторией» того, что может произойти в Советском Союзе?*

Горбачев. Я считал и считаю, что уроки югославского конфликта заслуживают серьезного изучения, осмысления. Во внутреннем плане для нас, политиков, самый главный урок — не следует опаздывать в политике. Думаю, мы допустили опоздание с процессом реформирования государства.

В политике никогда нельзя опаздывать. Не менее важный урок не только для внутренней политики, но и для внешней — нельзя делать ставку на силу. Силой ничего нельзя решить. Это еще раз подтверждает трагедия Югославии. Посмотрите, во что всё вылилось: города разрушены, экономика разрушена, убытки в миллионы долларов, а самое страшное — сколько жизней уже принесено в жертву, сколько раненых. Сколько горя!

Итак, ставка — только на политический диалог, на демократические методы, на взаимопонимание, на сотрудничество и компромиссы. Вот то, в чем я давно убежден. И поставил во главу угла своей внутренней и внешней политики. В отношении Югославии, я вижу, кое-кто подсутился, встал на сторону сепаратистов. Поспешив с признанием, подтолкнул процесс распада...

Сенклэр. *В то время, когда у вас в стране нарастает национализм и вы ищете пути, как ему противостоять, Европа пытается объеди-*

ниться. Если ли у Вас впечатление, что мы в Европе, во всей Европе, отдаляемся друг от друга всё больше и больше?

Горбачев. Я приветствую процесс интеграции. Прочность ЕС, его динамика — это позитивный фактор, и он обогащает хельсинкский процесс. Беседы мои с Президентом Франции и канцлером Германии еще больше убедили меня в мысли, что, если такой процесс будет идти только в одной части Европы и не будет идти в другой, хельсинкский процесс в целом пострадает.

В связи с этим хочу отметить конструктивную роль и широту взглядов Президента Франции. Мы говорим об общеевропейском доме, он говорит о конфедерации. Это правильный путь встречного поиска.

Как известно, не всегда идеи Президента Франции воспринимались с пониманием. Но жизнь показывает, что это — политик, который смотрит далеко вперед.

Сенклэр. По возвращении из «форосского плена» Вы сказали: «я вернулся другим человеком». В чем Вы изменились?

Горбачев. Люди в этой стране являются частью мировой цивилизации. Необходимо реформирование всех сфер жизни на базе глубоких демократических преобразований. Это было и остается моим выбором, и в этой части Горбачев не изменился. Но путч помог мне извлечь уроки. Очень суровые уроки. Самой большой моей ошибкой было то, что я позволил втянуть себя в дискуссию и в политическую борьбу между различными течениями демократов. Выясняли нюансы. В то время как перед нами была огромная страна, которая нуждалась в политических ответах. И надо было объединять все демократические течения, встать выше политических страстей, отдельных привязанностей. Здесь и моя ошибка.

Сенклэр. Вы изменились. От чего наиболее важного Вы отказались? От чего было труднее всего отказаться? Готовы ли Вы отказаться от Ленина на Красной площади и готовы ли Вы к переносу Ленина в другое место?

Горбачев. Я исповедую социалистическую идею. В христианстве тоже вижу стремление к лучшей жизни. Вижу ее в исканиях Кампанеллы, Томаса Мора и других мыслителей, в разных общественных течениях. Пока люди думают о своей судьбе, о смысле пребывания в этом мире, они будут продолжать искать ответы на вопрос, как улучшить жизнь. Если они перестанут искать, они перестанут быть людьми. Я лично думаю, что это — самое главное в социализме.

Это — поиск лучшей жизни, более справедливой. Я — за такой подход. В этом смысле я неистребимый социалист. Глубоко уважаю Ленина и знаю драму этого человека. И в словах, сказанных им, в его последних словах — о том, что он изменил точку зрения на социализм коренным образом, мы видим, что этот великий человек осознал, увидел под конец жизни, что происходило под его руководством, что происходило такое, чего он никоим образом не хотел и не должен был делать, будучи социалистом.

Знаю очень много фактов, которые могут сделать Ленина менее популярным, но это не снимает того, что он был величайшей фигурой, великим мыслителем, выдающимся политическим деятелем. Даже его ошибки служат важным уроком.

А что касается Мавзолея... знаете, я вообще категорически против каких бы то ни было актов вандализма, особенно гробокопательства.

Когда я нахожусь в Испании и вижу памятник Франко, понимаю испанцев, потому что это — их история. У нас тоже своя история состоялась. И Ленин является ее частью. Если бы я жил в то время, если бы участвовал в принятии решения, я бы был на стороне тех, кто хотел, чтобы тело Ленина, его прах, был захоронен по-русски. Но сегодня я бы советовал быть очень внимательным к памяти этого человека и, главное, к отношению людей к нему. Пусть люди, общество сами спокойно сделают выводы. Эти вопросы не решаются поднятием руки...

*Печатается по тексту публикации:
Горбачев М.С. Декабрь-91... С. 43–45, 160–162.*

ВСТРЕЧА С АМЕРИКАНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ, ПРИБЫВШЕЙ В СССР НА КОНФЕРЕНЦИЮ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ МОЛОДЕЖИ

7 декабря 1991 года¹⁶⁵

Горбачев. *(Приветствуя американских участников, выразил сожаление, что не смог принять участие в мероприятиях конференции. Он придает большое значение экономическому просвещению, ибо без этой основы невозможно создать рынок.)*

Сейчас на нас давит груз неотложных проблем — продовольствие, медикаменты, потребительский рынок. Этим приходится очень много заниматься, потому что если произойдет «обвал», то под угрозой окажется главное — наши преобразования, прорыв к рынку. А мы сейчас на пороге этого прорыва.

Но надо думать и о долгосрочных задачах. И если мы не создадим основу для рынка в системе образования, не подготовим людей, особенно новое, молодое поколение, то нельзя рассчитывать на успех, новые формы не закрепятся.

Сейчас самое главное нам не сорваться. Провал попытки переворота нанес удар по структурам, в которых концентрировались реакционные силы. И это открыло для нас большой шанс. Но последние месяцы сопровождались и негативными явлениями. Прежде всего путч сорвал подписание Союзного договора. И стоило невероятных усилий вернуть людей, политиков, экономистов к этому процессу.

Путчисты сорвали осуществление программы экономической стабилизации, подготовленной под руководством присутствующего здесь бывшего первого заместителя премьер-министра В.И. Щерба-

кова. В итоге мы потеряли много времени, и положение сейчас очень острое.

Сейчас много можно услышать хлесткого от журналистов и других. Но я часто говорю: сейчас реальная власть, реальные полномочия зависят не столько от занимаемой должности, сколько от способности воздействовать на людей, на быстро меняющуюся обстановку. И это типично для переходных периодов в любой стране. А мы сейчас отошли от одного берега, а к другому еще не пришли. И все-таки мы ближе к этому новому берегу.

Те силы, которые представляли путчисты, не видели для себя места в новой жизни, в новой экономике. Поэтому они пошли на преступление. Сейчас, в нынешней трудной ситуации, когда мы потеряли немало времени, нам надо действовать быстро и решительно и в то же время без суеты, чтобы не погубить всё. Надо найти оптимальный путь.

Вчера я говорил с французскими тележурналистами. Первый вопрос, который они задали: когда произойдет следующая попытка переворота? Я ответил, что самая большая опасность будет в том случае, если мы сорвемся, произойдет резкое ухудшение жизни, и люди выйдут на улицы. Это будет народ, и нельзя будет сказать, что это антидемократическое выступление. Но правые, вся реакционная сволочь, попытаются воспользоваться этим. Они только этого и ждут. Вот где опасность.

Поэтому мы признательны за помощь, которая нам оказывается в решении проблемы продовольствия. Хотя, надо сказать, некоторые делают это не без колебаний, даже США. Но в последнее время у нас с Президентом Бушем есть на этот счет хорошее взаимопонимание, которое воплощается в конкретные действия, и мы это ценим.

К сожалению, мы снова допустили просчет, заговорив об освождении цен, в то время как до этого нужно еще было кое-что сделать. Люди слышали — и смели всё, что еще оставалось на рынке. Как и правительство Рыжкова, как и следующий Кабинет, нынешнее правительство допустило ту же ошибку — поставило телегу впереди лошади.

Еще одна очень трудная проблема у нас — положение крупных производителей, трудовых коллективов больших государственных предприятий. Их представители были у меня. И они говорили, что если они останутся за бортом, то дело кончится плохо. Они — за реформы, за переход к рынку, поддерживают предпринимательство, новые формы собственности. Но при одном условии: государствен-

ные предприятия тоже должны получить свободу распоряжаться своим товаром и прибылью.

И наконец, наша система налогообложения. Это вообще темный лес. Но сейчас есть интересные предложения по ее реформированию, которые приняты Межгосударственным экономическим комитетом. Он заседал всю прошлую неделю. И мы можем говорить о том, что наметилось сотрудничество, взаимодействие между всеми республиками. Раньше этого не было.

Но я думаю, вы понимаете, что мы не сможем сдвинуть с места по-настоящему наши реформы, создать механизм сотрудничества республик, если не будет ясности — что у нас за Союз, какое у нас государство. Меня и журналисты спрашивают — Президентом чего я являюсь? Думаю, всё решится в этом месяце, в декабре.

Сегодня в Минске встречаются Ельцин, Шушкевич и Кравчук. А в понедельник (9 декабря) я встречаюсь с ними, а также с Назарбаевым. Будем обсуждать важнейшие вопросы государственности.

Есть две точки зрения. Одна состоит в том, что достаточно экономического соглашения и оборонительного договора между республиками.

[Пропуск в тексте архивной записи, л. 4.]

...и я буду делать всё для того, чтобы по всем каналам, всеми возможностями добиваться ее реализации. В обществе есть этот настрой, и я буду обращаться к людям и уверен, что общество меня поддержит. Ибо элементарный здравый смысл подсказывает, что нельзя нам делиться.

(Академик Е.П. Велихов и сопредседатель конференции с американской стороны Дж. Миллер, поблагодарив Президента СССР за внимание и рассказ о ситуации в стране, кратко рассказали о прошедшей в Москве с большим успехом конференции, о работе организации «Джуниор ачивмент», о создании в Советском Союзе сети центров на базе одной тысячи средних школ, где будет вестись обучение школьников азбуке современной экономики, подготовка молодых предпринимателей, причем не только теоретическая, но самая практическая. Советские студенты, школьники, их родители, по словам Дж. Миллера, с большим интересом и энтузиазмом участвуют в этой программе, молодежь втягивается в предпринимательство.)

Горбачев. *(Отметив в заключение исключительную важность отношений между СССР и США.)* Мы ушли от конфронтации, которая изматывала наши страны. Сейчас есть все предпосылки для подлин-

ного сотрудничества. Оно позволит нам модернизировать нашу экономику, наше общество, а для Соединенных Штатов откроет огромные возможности. Здесь — самый перспективный рынок, колоссальная научная база. Не случайно американский Конгресс обсуждает вопрос, как помочь нам спасти нашу Академию наук. Ведь она нужна не только нам.

Мы очень признательны нашим гостям, ибо то, что они делают, тоже очень важно и в плане советско-американского сотрудничества, и в плане содействия в реформировании нашей экономики. Подготовка людей — это просто жизненно необходимая предпосылка для этого.

Но есть и еще один момент, о котором я постоянно говорю лидерам государств. Сейчас цивилизация подошла к этапу глубинных сдвигов глобального характера, которые не могут не сопровождаться нестабильностью. Поэтому мы будем сталкиваться с проблемой безопасности, с проблемой, я бы сказал, руководства этим процессом глобальных перемен. Ни одна страна — ни США, ни Советский Союз, ни Япония — не могут обеспечить его в одиночку. К сожалению, в Америке кое-кто этого не понимает, и некоторые даже потирают руки, радуются ослаблению Советского Союза. Это, конечно, примитивное мышление.

Я был очень рад, что в Мадриде, когда по приглашению короля и Премьер-министра Испании мы с Президентом Бушем провели несколько часов в гостях у короля за неофициальной беседой, углубленно обсуждая глобальные перспективы¹⁶⁶, у нас было хорошее взаимопонимание об этой взаимозависимости наших стран и всего мира.

Ну, а после политиков кто может лучше всех воплотить эту взаимозависимость, взаимодействие? Конечно, молодое поколение. Когда в 1985 году в Женеве мы с Президентом Рейганом договорились об обмене с участием нескольких сотен школьников и студентов, то казалось, что это огромная цифра. А сейчас в этом деле участвуют уже тысячи и тысячи. И это полностью соответствует тому, о чем я сегодня говорил.

Еще раз благодарю вас и желаю успехов.

ИНТЕРВЬЮ УКРАИНСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ

7 декабря 1991 года¹⁶⁷

Горбачев. Для меня эта беседа имеет большое значение. Я так считаю — это будет беседа перед народом Украины.

Я не согласен с теми, кто голосование за независимость хочет представить одновременно и как голосование за разрыв с Союзом, за выход из Союза. Суверенитет, закрепленный голосованием на референдуме за независимость, дает возможность украинскому государству, народу Украины уверенно, ощущая себя полноправным хозяином на своей земле, участвовать во всем, решать все свои проблемы независимо.

У меня нет сомнений в том, что народ Украины за сотрудничество со всеми суверенными республиками, за новый Союз, за новые отношения. Не за разрушение, а за созидание нового. Я получаю на этот счет очень много информации. Месяц назад был опрос в Киеве, в Москве, в Ленинграде, в Красноярске, в Алма-Ате, в Новосибирске, кажется. Данные известны. Сейчас почти в тех местах провели новый опрос. И вот: в Москве 80 процентов высказались за сохранение Союза, естественно, обновленного, нового. В Киеве — 64 процента опрошенных, в Алма-Ате — 72.

Я не очень-то уж переоцениваю значение этих опросов. Но ведь есть другие данные, другая информация, живая человеческая. Вот такой факт, простой, думаю, понятный всем, кто нас слушает. Вернулся из отпуска водитель моей машины. У него случилась беда. Умер в Луганске дядька. Поехал на похороны и пробыл в Луганске

какое-то время. Говорит, там не мыслят себе отделение от Союза. Жили, говорят, и будем жить вместе... Вообще вопроса даже не возникает. Он спрашивает: ну вот ваши руховцы кричат — самостийная Украина! Отвечают: руховцы два раза к нам приезжали, мы им кое-что сказали, больше не появлялись. Ну а вот у вас будет референдум, за что будете голосовать? Проголосуем за независимость, но жили и будем жить в общем государстве.

Я думаю, не нужно ни политикам, ни журналистам, исповедующим какую бы то ни было точку зрения, навязывать народу мысль, что, проголосовав за независимость, народ пошел на разрыв всего и вся, с чем его связывали столетия совместной жизни с другими народами.

Корреспондент. *Речь идет не о разрыве связей. Но, коль нужна яность, очень хотелось бы услышать, как совместить независимость, ибо она или есть или ее нет, и создание нового Союза. Поскольку мы всё время говорим об этой диалектической связи, наверное, нужно разъяснить, как же будет реализована независимость в условиях Союза.*

Горбачев. Как Вы считаете, Германия независима?

Корреспондент. Да.

Горбачев. Франция независима?

Корреспондент. Ну, относительно.

Горбачев. Но независима, да?

Корреспондент. *Но весь мир интегрирован.*

Горбачев. Но независима?

Корреспондент. Независима.

Горбачев. Суверенное государство?

Корреспондент. Суверенное.

Горбачев. А Вы обратили внимание, какая у европейцев дискуссия идет перед встречей в Голландии¹⁶⁸? ЕЭС — это ведь не только экономическое сообщество. Там и парламент есть, и другие институты, политические, которые обслуживают всё сообщество. А теперь эти суверенные государства хотят подкрепить свою общность единым валютным союзом и политическим союзом. И канцлер Коль, и Президент Миттеран, выступая в эти дни, подчеркивают: если будет только экономический союз, но не будет политического,

схема не заработает. Идут на это сознательно, являясь суверенными. Делятся частью своего суверенитета, потому что видят в этом выгоду для себя, для своих стран. И никакую независимость от этого не теряют.

Корреспондент. *На их уровне это понятно...*

Горбачев. Почему Украина, или Россия, или Белоруссия, или Казахстан, или Кыргызстан потеряют свой суверенитет, если сами, независимо делают выбор? Почему не участвовать в создании, в строительстве нового Союза, такого Союза, который отвечал бы их интересам, причем нынешнему этапу развития Украины и других республик, нынешней их роли, их возможностям? Вместе определить круг вопросов, по которым надо сотрудничать на едином рынке. Иначе разрыв связей, иначе, ну Вы видите, к чему он уже пришел... Сотрудничать в делах обороны, а не тянуть каждому бремя вооружений. Ну и так далее.

Вы знаете, что в Эстонии разваливается труппа в театре оперы и балета: там работали люди многих национальностей. Теперь они разъехались. Кончился театр. Разваливаются научные центры, которые сотрудничали или с Москвой, или с Киевом. Вот поэтому ученые настаивают на том, чтобы были сохранены общие структуры, органичное взаимодействие. Это же человеческая жизнь, как ее можно рвать на куски? Так сложилась наша жизнь, а ее хотят насильствовать. Тот, кого демократия выплеснула на поверхность, не должен выступать в роли оракула, который всё знает наперед и которому ничего не стоит перечеркнуть то, что создавалось десять веков.

Никакой опасности нет для независимости и суверенности государств в новом Союзе. Особенно в таком, каким мы его задумали. Ведь в нем остается только то, что необходимо в интересах самих республик. Это и не мифический, и не тот бюрократический Центр, который держал всё и на всех давил. Это новый союзный Центр, если вообще стоит называть его Центром. Это межгосударственное, межреспубликанское образование. И формироваться он будет соответственно, на основе паритета республик.

Удивительно: самостоятельные, независимые государства Европы видят свой интерес во всё большей интеграции, а мы в этой трудной ситуации, когда надо менять экономику, когда идем к рынку и когда нужны новые структуры, когда конверсию надо проводить и такая нагрузка ложится на народ, на рабочий класс, на всех, — мы в это время разделяемся, расходимся. Уже очевидны огромные тя-

готы от этих разрывов. Останавливаются шахты, домны, потому что не поступает кокс и многое другое. И всё это потому, что нет согласованной политики, не функционируют государственные институты, которые должны обеспечивать сейчас работу экономики, создававшейся для одной страны. В такое время затевать раздел я считаю безумием.

Пусть, пусть нас слушают. Я скажу вам всё, чтобы на Украине знали, что в моем лице они имеют человека, который любит этот край, эту республику. Украинцы должны знать мое мнение. У меня никаких здесь нет политических расчетов. Я убежден: если мы сейчас допустим ошибку в вопросе о Союзе и заменим его чем-то непонятным, если мы ошибемся сейчас, то схлопочем на многие годы тяжелейшую ситуацию, не говоря уже о том, что может произойти в ближайшие месяцы и годы. Поэтому я должен говорить предельно откровенно.

Корреспондент. *Роль Центра в экономике могут заменить двусторонние соглашения между суверенными государствами.*

Горбачев. А Вы скажите, не приходит ли Вам в голову, что те, которые очень большую ставку делают на двусторонние связи, — это как раз люди, очень приверженные старой структуре? Не рыночным отношениям, не экономическим, а хотят по-прежнему командовать и распределять. Вы не задумывались над этим?

Перераспределение полномочий привело к тому, что вся экономика сейчас в руках республик. Правильно?

Корреспондент. *Почти вся.*

Горбачев. Ну да, правильно: почти вся... За исключением того, что нужно всем республикам. Что теперь? Двусторонние соглашения. Украина, например, заключает соглашение с Беларусью или Казахстаном. Подписали. Что за этим? Поставить столько-то и туда-то сахара, оттуда — угля коксующегося, оттуда — лист, руду и так далее. Договорились. Что после этого? Как выполнять?

Корреспондент. *В соответствии с договоренностью.*

Горбачев. Как выполнить? Вот мы с Вами руководители предприятий...

Корреспондент. *Да. Ищем транспортные связи, ищем ресурсы, которые должны...*

Горбачев. Подождите, подождите. Не то. Объемы и квоты по соглашению начинают реализовываться... Как? Дают заказ: вы должны поставить стальной лист туда-то...

Корреспондент. *Понятно.*

Горбачев. Государственный заказ?

Корреспондент. *Государственный заказ.*

Горбачев. Но надо государственный заказ дать Вам еще и на Россию, чтобы туда тоже что-то поставить, и в остальные 12 или 15 республик — тоже.

Корреспондент. *В соответствии с договоренностью...*

Горбачев. Вот так как раз «на основе двусторонней договоренности» и реализуется командно-административный метод управления экономикой.

Двусторонние связи — это трансформация бюрократического Центра, бюрократизма в управлении экономикой на уровень республик. Главное здесь, чтобы сидели паны во всех двенадцати республиках и делали то, что делал старый Центр. А руководители предприятий уже говорят, что это худший вариант. Центр старый ведь все-таки был далеко. А эти удавку держат каждый день на горле. Поставили барьеры, заборы: это отдавать, это не отдавать, это посылать, это не отправлять. И разорвали рынок, где производители должны быть главным действующим лицом, на двенадцать внутренних рынков.

Основа для экономики — единый рынок с общими правилами. И со свободой производителей. А роль государства — налоговая политика, стимулирование через налог в той или иной области. Сейчас очень важно поддержать крестьян, да вообще всех тех, кто направляет капиталовложения в сельское хозяйство. Это и надо сделать через налоги. Тогда капиталы пойдут.

Вот это и есть экономическое управление. А все остальное — это тиражированный старый Центр.

Мы находимся в русле собственной истории, шли своими путями. Европа — одним, мы — другим. Европа подошла к такому рубежу, когда поняла, что нужно объединиться. Это одна ситуация. И совершенно другая ситуация у нас. Мы десять веков плохо ли, хорошо ли, удачно или неудачно создавали вот такую реальность. Русские, украинцы, вообще славяне кровно участвовали в формирова-

нии этого мира, сложного, огромного. Сыграли в этом решающую роль. И расселились на огромной территории.

Десятки миллионов людей живут за пределами своих республик. Но они чувствуют, что живут в своей стране. Они ее граждане, имеют политические права, одинаковое социальное, трудовое законодательство. У них нет никаких ущемлений по этой части. Это же колоссальная реальность.

Дальше. Границ внутри государства нет. У нас административные границы. Никому в голову не приходило какие-то пограничные столбы забивать. Больше того, 70 процентов границ между республиками обозначены решениями райисполкомов, сельсоветов. Вот таковы мы.

Почему так было? А нам они не нужны были. И я сейчас подойду к самому острому вопросу, который нельзя ни в коем случае сбрасывать. Почему они нам не нужны были? Да потому, что мы считали это некоей условностью — только для хозяйственной деятельности. Вы помните, Липецкой области не было. Вдруг она появилась. Не было других областей, они появились. Крым в 54-м году оказался на Украине. Что это, плохо или хорошо? Я считаю, так, как сейчас сформировалась Украина, это очень полнокровная, интересная республика.

Все это нормально, потому что было в одной стране. И вопросов не возникало. Ну а теперь? Теперь давайте подумаем. Начали разделяться. И завтра четырнадцать или около того миллионов русскоязычного населения на Украине уже живут в другом государстве.

Вооруженные Силы тоже будем делить... Вот это уникальное, что есть только в Америке и у нас, оборонное пространство будем тоже рвать. А на нем задействованы стратегические силы, силы наблюдения и слежения за всей глобальной военной ситуацией. Это же безумие — завтра сформировать 15 или 12 армий.

И собственность армейскую тоже делить? Начинаем ее рвать, перевозить, чтобы создать 15 армий. Армия посмотрит, посмотрит на этих политиков и скажет: чёрт-те в чьих руках страна оказалась! Десять веков поколения создавали государство, после нас придут еще сколько поколений, а тут хотят перекроить весь этот огромный мир, переломать через колено судьбы миллионов людей...

...Ну что мы, глупее всех? В Испании, в Мадриде, Буш, король Хуан Карлос, Гонсалес три часа убеждали в необходимости сохранить Союз¹⁶⁹. Это поразительно. До чего же мы дожили...

Валенса, Президент Польши, призывал по нашему телевидению поддержать Горбачева в его стремлении сохранить Союз, не делить страну.

Надо Союз сохранить, иначе развал. И все погибнем в этом развале.

Корреспондент. *Мрачный прогноз.*

Горбачев. Мрачный. Но пришло время это сказать! Я не вижу сейчас другого пути, кроме реформирования через суверенизацию, через глубокое перераспределение полномочий. Союз должен быть новым — со скоординированной экономической, социальной, оборонной, внешней политикой, потому что это в интересах всех. Что значит скоординированность? Это значит — договорившись о главных подходах, о главных направлениях, все республики будут осуществлять свою деятельность самостоятельно, исходя из своих интересов.

Корреспондент. *А что делать, если, например, Ельцин введет либерализацию цен, как защитить жизненный уровень населения своей республики?*

Горбачев. Вот на этом пункте попрошу Вас остановиться, потому что тут собака зарыта. Смотрел я, как газеты и телевидение киевские подавали этот вопрос перед референдумом, перед голосованием, чтобы народ, так сказать, сориентировать: вот, мол, цены в Москве и вот цены в Киеве.

Уровень жизни на Украине будет зависеть от того, как вы будете вести дела с Россией и с другими республиками, какое будет сотрудничество.

Целую неделю совместно работали премьеры суверенных республик, согласовывали цены, налоги, долги, согласовывали меры по стимулированию производителей и так далее. Неделю сидели. Договорились. Это и есть защита интересов населения. И «защита» России от Украины, и Украины от России... А попытки друг друга «наказать» — нет! Все очень зависим друг от друга. Так сложилась страна. Это не то что Британская империя: откололись, отошли. Да и то был болезненный процесс, и до сих пор последствия сказываются.

Корреспондент. *Ну, Михаил Сергеевич, ничто ж не вечно под луной...*

Горбачев. Не в этом дело. Защититься можно, конечно, где-то в чем-то... окуклившись, изолировавшись. Но даже в ближней перспективе это аукнется. Потому что это ошибочная политика.

И кстати, я заметил: воюют республики за свой престиж, за свой суверенитет, а как они подминают самоуправление — местное, региональное? Например, Донецкая область — это же целое государство: 5,5 миллиона человек, миллионы тонн угля и стали. А как с ним обращаются?

Поехал я в Иркутск. Говорят, что республики, порушив Центр и забрав всё, считают процесс законченным. Как законченным? Главное ведь — регион, там предприятия, там коллективы, там вся реальная жизнь. Они готовы нести ответственность. Но надо дать им права распоряжаться частью товаров, прибылей и ресурсов.

Корреспондент. *На Украине политические силы делятся на федералистов и соборников...*

Горбачев. Вот тут бы хотел сказать, чтобы все слышали меня. Хочу, чтобы меня на Украине поняли — и украинцы, и русские, и все, кто там живет. Я очень хочу, чтобы Украина, какая она есть сейчас, такой и сохранилась. Очень хочу. Но убежден: если она пойдет по пути разрыва, то развернутся такие движения...

Меня ситуация в Югославии заставила очень глубоко задуматься. И поэтому я не могу не сказать нашим людям и говорю всему народу Украины: меня очень волнует то, что мы можем, не разобравшись, в атмосфере эйфории напутать, наломать дров, а потом несколько поколений будут разбираться.

Возьмите Прибалтику. Вы знаете, что Комиссия по защите прав человека при ООН уже заинтересовалась тем, что там происходит с правами национальных меньшинств?!

Корреспондент. *На Украине этого нет.*

Горбачев. Будет. Уверяю Вас, будет, если Украина уйдет. Смотрите, что происходит в Молдавии... Я не могу представить, чтобы украинцы и русские вдруг разошлись на этом самом ответственном и самом многообещающем этапе, когда действительно есть и новая Российская Федерация, Российское государство, и есть Украинское государство, и они вдруг начали бы рвать всё и, значит, — весь Союз!

И давайте мы, россияне, украинцы, славяне, не будем снимать с себя ответственности за то, что происходит в Союзе. Мы отвечаем и за сегодняшний день, и за то, что завтра будет. Поэтому я надеюсь, что меня слышат украинцы, и не только слышат ушами, но и сердцем, поймут, что я хочу донести до них свою глубокую тревогу.

И еще. Нередко слышу: вот, мол, власть от Горбачева уходит, а он цепляется за нее. Скажу на это: если бы Горбачев так держался за власть и для него было бы невыносимо делиться властью, он бы просто этого не начинал в 1985 году. Ему десятка лет хватило бы... побыть у власти, ничего не меняя. Но я начал процесс перемен и не откажусь от своего выбора.

Не мне это нужно, не мне. Но я несу, может быть, и самую большую ответственность, потому что начал и продолжаю стимулировать процесс преобразований, но не хочу допустить распада. И когда говорят, что это надо мне, чтобы остаться президентом, чтобы командовать... всё это чепуха, домыслы, дешевка, которую подбирают людям, сбивают их с толку. Нет, речь идет о судьбе народной.

Мы не должны, двинувшись от унитарного государства, где подавляются народы, их самостоятельность, их государственность, впасть в другую крайность — в распад, с тяжелейшими последствиями. Мы у черты. За этой чертой начинается анархия, хаос.

Не могу не сказать это людям, и пусть это они слышат, знают. Даже в новом Союзе понадобятся огромные усилия, чтобы преодолеть последствия начавшейся дезинтеграции, которая захватила не только государство, экономику, но и общество. Это очень всё серьезно.

И когда я сказал в обращении к парламентариям: «Отечество в опасности», я имел в виду именно эти опасности.

Корреспондент. *То есть, говоря о том, что Отечество в опасности, мы можем сегодня заверить, что танков не будет?*

Горбачев. Танки уже находятся на Украине. Если не пойдете оттуда наступать... Вы же понимаете, я веду политический разговор, но не надо забывать и о Карабахе. Трудно предсказать, что будет, если процесс будет развиваться остро, нестабильно. Могут быть спровоцированы какие-то силы и в армии. Мы должны особенно заботиться в это трудное время об армии. Она переживает труднейший период. Ни на минуту не забывать — это человек с ружьем, человек с оружием. Не забывать этого. Кто-то разыгрывает армейскую карту или просто подстрекает. Ну чем можно объяснить поведение властей в Прибалтике, когда они требуют: немедленно уходите, оккупанты?

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, Вы очень часто повторяете, что не мыслите себе Союз без Украины. Я бы хотел спросить, ну, скажем, 70 лет Союз существует без Польши и Финляндии. Вот сейчас —*

без Прибалтики. Почему же все-таки он не может существовать без Украины?

Горбачев. Так мы сформировались. Производительные силы развивались на основе очень глубокой специализации... Украина теснейшим образом связана со всем комплексом страны. И Россия тоже. Когда с некоторых российских трибун слышишь лихие заявления: мол, Россия всё одна сможет, стряхнет всех и пойдет одна вперед — это, я Вам скажу, блеф. От незнания реальностей, в лучшем случае. Энергетика общая, трубопроводы, коммуникации общие, всё это строилось под одну страну. Тюмень для всех осваивали, и все в этом участвовали. Точно так же металлургию на Украине развивали для всех. Такое создалось распределение труда и размещения производительных сил, что оно теперь диктует условия.

Как же можно рвать всё это? Нет, необходимо сотрудничество.

А человеческий вопрос: сколько украинцев за пределами Украины? Сколько русских на Украине? Я спрашиваю: кому это нужно? Кто-то увлекся сейчас, возомнил, что он великий политик... Нет, будут еще более умные политики, не будем преувеличивать свою роль на этой земле. Не надо играть легко, размахисто такими вещами, как государство, народ, Союз, оборона, безопасность, мир. На Западе все хотят, чтобы Союз сохранился, «третий мир» этого хочет. Одни мы... — у нас что, «крыша поехала»? Нет, я думаю, пройдет это. Я говорю с такой убежденностью, потому что чувствую и знаю настроения людей.

Корреспондент задал вопрос о родственных корнях Горбачева.

Горбачев. Мои корни по линии матери — в Черниговской губернии, а по линии отца — в Воронежской. Я люблю литературу украинскую, украинский язык — очень красивый, певучий.

Корреспондент. Вот, Михаил Сергеевич, почему народ и проголосовал за суверенитет — это боязнь потерять свой язык, свою культуру, свою песню.

Горбачев. Знаете, когда из Беларуси ко мне обратились с письмом 25 выдающихся деятелей культуры, заявляя, что гибнет белорусский язык, я встал горой на защиту. Стоял за то, чтобы этот вопрос нашел отражение в решениях государственных органов. В одной беседе сказал однажды, что народ — это Божье явление, творение и никто не вправе лишить его языка, его облика, черт...

Но как раз все эти вопросы можно решать в рамках нового Союза. При нынешней суверенизации всё становится на свои места —

как должно быть. Но и не должно обернуться тем, что уже начинается на Украине, — сражением против русского языка. И Вы не качайте головой, поскольку мы выяснили и мои корни, и я имею право так говорить. Имею моральное, человеческое право рассуждать так и вот с этими словами, добрыми, от сердца, от души, обратиться ко всей Украине. Ко всем народам Украины, ко всему народу — всё обдумать. Убежден, что надо быть вместе, как всегда были десять веков. Я думаю, послушают люди нас и что-то, надеюсь, все-таки западет им в душу.

Исхожу из того, что кроме лихих политиков есть еще нормальный народ, здравомыслящие люди. И эта сегодняшняя наша беседа им будет понятна. Очень надеюсь, что Украина сыграет свою незаменимую роль в строительстве нового Союза.

*Печатается по тексту публикации:
Горбачев М.С. Декабрь-91. С. 46–56.*

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СССР

9 декабря 1991 года¹⁷⁰

8 декабря 1991 года в Минске руководители Беларуси, РСФСР и Украины заключили соглашение о создании Содружества Независимых Государств¹⁷¹.

Для меня, как Президента страны, главным критерием оценки этого документа является то, насколько он отвечает интересам безопасности граждан, задачам преодоления нынешнего кризиса, сохранения государственности и продолжения демократических преобразований.

Это соглашение имеет позитивные моменты.

Участие в нем приняло украинское руководство, которое в последнее время не проявляло активности в договорном процессе.

В документе подчеркивается необходимость создания единого экономического пространства, функционирующего на согласованных принципах, при единой валюте и финансово-банковской системе. Выражается готовность к сотрудничеству в области науки, образования, культуры и других сферах. Предлагается определенная формула взаимодействия в военно-стратегической области.

Однако это документ такого значения, он настолько глубоко затрагивает интересы народов нашей страны, всего мирового сообщества, что требует всесторонней политической и правовой оценки.

В любом случае для меня очевидно следующее. Соглашение прямо объявляет о прекращении существования Союза ССР. Безусловно, каждая республика имеет право выхода из Союза, но судьба

многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов.

Неправомерно и опасно также заявление о прекращении действия общесоюзных правовых норм, что может лишь усилить хаос и анархию в обществе.

Вызывает недоумение скоропалительность появления документа. Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе Суверенных Государств, разработанный Государственным советом СССР.

В создавшейся ситуации, по моему глубокому убеждению, необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и соглашение, заключенное в Минске. Поскольку в соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой Съезд. Кроме того, я бы не исключал и проведение всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу.

*Печатается по тексту публикации
в газете «Известия», 10 декабря 1991 года.*

О ВСТРЕЧЕ С РУКОВОДСТВОМ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

10 декабря 1991 года

10 декабря в Министерстве обороны СССР состоялось совещание руководящего состава Вооруженных Сил.

Военные утверждают, что такие совещания традиционны — они проводятся в конце каждого года, и на них подводятся итоги выполнения планов боевой подготовки. Участвуют там обычно заместители министра, главкомы видов Вооруженных Сил, командующие родов войск, групп, округов, флотов, объединений, командиры соединений.

Особенностью нынешнего совещания, которое проводил министр обороны СССР маршал авиации Евгений Шапошников, стало то, что впервые в истории участие в нем приняли министры обороны, председатели комитетов обороны, парламентарии некоторых суверенных республик и, конечно же, присутствие и выступление на нем Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами, Президента СССР М. Горбачева.

Впервые он присутствовал на таком мероприятии летом 1985 года, после больших тактических учений в Белоруссии¹⁷². Но сейчас, после Беловежской Пуши, принятых там заявлений интерес к его выступлению перед офицерами и генералами был особенным.

Увы, журналистов в зал заседаний не допустили. Как стало известно корреспонденту «Известий», Президент в своем выступлении обрисовал нынешнюю ситуацию в стране, сказал, что коренные реформы в ней — объективная необходимость, как и решительное

преобразование Вооруженных Сил. Реализация этих реформ идет неровно, встречает сопротивление тех, кто спекулирует на переживаемых трудностях, пытается вести сепаратистский, дестабилизирующий курс.

Дезинтеграция, напомнил Президент свое Заявление по поводу соглашения, принятого в Беловежской Пуше, приобрела особо опасный характер. Ново-огаревский же процесс дает хороший шанс для выхода из кризиса. Надо сохранить Союз, сказал Горбачев. Этого требует наша ответственность перед тысячелетним прошлым и будущим. Говоря о Заявлении руководителей трех независимых республик, Президент подчеркнул: нам не нужна конфронтация, задача — консолидировать силы, взять всё положительное, что заключено в проекте Договора о ССГ и Заявлении трех руководителей, обсудить их в Верховных Советах республик и парламентским путем прийти к правовому решению.

Выступление М. Горбачева перед руководством Вооруженных Сил продолжалось около пятидесяти минут — с 16.45 до 17.35. Времени на то, чтобы выслушать мнение офицеров и генералов о ситуации в стране, армии и о волнующих их проблемах, у Президента, по-видимому, не хватило.

*Печатается по тексту публикации
в газете «Известия», 11 декабря 1991 года.*

ИНТЕРВЬЮ ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ» В. ТРЕТЬЯКОВУ

11 декабря 1991 года¹⁷³

Третьяков. *Не думаю, что в ходе интервью Вам было бы сподручно ответить еще на один вопрос, который я хотел Вам задать. Я всё больше убеждаюсь в правоте того, что большая политика — это и очень большая грязь.*

Горбачев. Если бы Вы задали этот вопрос, я бы сказал — да.

Третьяков. *Михаил Сергеевич, не считаете ли Вы, что Вы вступили в самый трудный период своей политической жизни?*

Горбачев. Именно так.

Третьяков. *Я буду спрашивать только о последних событиях и о том, что относится к ним. Не кажется ли Вам сегодня, что Ваша политика, нацеленная на подписание Союзного договора, и включенный в нее ново-огаревский процесс оказались ошибочными?*

Горбачев. Нет, я убежденный сторонник такого подхода, что Союзный договор как база для реформирования нашего унитарного многонационального государства просто необходим. И с точки зрения решения неотложных задач, я думаю, что без согласования между республиками реформа не пройдет. Согласование нам необходимо, потому что мы так сложились и деваться нам уже некуда. Сейчас делиться, размышлять, хорошо ли это получилось или нет, просто нет возможности. А согласование при большой степени свободы, какой, например, является расхождение по национальным

квартирам и создание национальных государств, даже в виде Содружества, я думаю, усложнит процесс согласования и взаимодействия. Это с точки зрения решения неотложных задач. Если говорить в принципиальном плане, я постарался в последнее время уделить много внимания анализу того, чем являлся в последнее время наш Союз. Ведь это не так, как было в Европе — соседние государства решили объединить, сложить свои усилия, чтоб было лучше (и то этот процесс идет там сложно), и начали создавать союз. Нет, тогда был бы один подход, и я был бы сторонником Содружества, но так, как идут к этому европейцы. Хотя они идут всё к большей и большей интеграции. А сегодня Коль и Миттеран нажимают, чтобы был не только экономический, валютный союз, но и политический союз, но и согласование в международной политике. Там сейчас это отчетливо звучит. Там, как говорят, роль Украины у них выполняет Великобритания.

Третьяков. *Они это даже назвали уже не Европейским экономическим содружеством, а союзом. Это просто еще один аргумент в Вашу пользу. Правда, идут они совсем от другой базы...*

Горбачев. Да, да. Я очень хочу быть свободным. Я хочу, чтобы никто не подозревал у меня каких-то коварных замыслов. Уже, видимо, пришло время сказать, что я не собираюсь претендовать на лидерство в каких-то новых структурах, выдвигать свою кандидатуру — для меня это вопрос неактуальный. А пресса запускает этот вопрос: вот гонит Горбачев под себя эти структуры. Это самое примитивное толкование. Нет, меня интересуют именно реальности. Реальности, какими является наш мир вокруг, его переплетенность — человеческая, экономическая, стратегическая, — ибо это затрагивает и стратегическую оборону, как она сформировалась, это затрагивает всех, все республики и даже Прибалтику. И там придется еще договариваться, ибо если разрушается часть структуры, то разрушается она вся. Это всё реальности. Эрозия будет происходить большая, и мы схлопочем очень плохую ситуацию. Поэтому я бьюсь за то, что нам нужно союзное государство, «мягкий Союз». «Мягкий» в том смысле, что суверенные государства сами договариваются и сами формируют тот Центр, который им нужен. Но обязательно Союз. Я уверен, что такую реальность должна обслуживать именно такая конструкция. Поэтому я считаю, что правильным был тот договорный процесс, который, собственно, был уже завершен к августу, и мы должны были подписать Союзный договор — осталось подписи поставить, и флаги уже стояли, и стол поставлен, и где

кто по алфавиту должен был сидеть, намечено и какие речи говорить, — всё было готово. Путч, помимо того, что вскрыл наши новые возможности и демократия уже показала свою силу, вместе с тем разрушил этот процесс, осложнил, подстегнул дезинтеграцию, и не только уже в рамках государства, но всего общества. И очень тяжело всё возвращать на круги своя. Вы задали для меня самый главный вопрос, я постарался, хоть и кратко, но сказать: я убежден, что нам нужен Союз. Я слышу всё, знаю другие точки зрения, но я хочу еще раз попросить, чтоб поразмышляли. Видите, как на Украине быстро — раз и затвердили...

Третьяков. Это понятно. И Вы пользовались таким оружием, если мне не изменяет память. Это нормальное оружие политика. Оно мне тоже не очень нравится. Элемент обмана, безусловно, присутствует, но...

Горбачев. Мне думается, мы заложили много бомб, если так пойдет, и запутали весь процесс. Теперь мы договорились с Борисом Николаевичем Ельциным, чтобы эта инициатива пошла в республики, и этим проявили уважение. Сейчас уже все получили соглашение, которое подписано тремя славянскими республиками. А то ведь и с этой точки зрения раскололи страну.

Третьяков. Михаил Сергеевич, у меня прямой вопрос. Вы за Союз. Я, откровенно говоря, тоже был бы очень рад, чтобы в этом смысле всё оставалось, как прежде. Но в конце концов неважно, Содружество или Союз. Вы за единое экономическое, политическое, правовое пространство, собственно, в этом суть Союза...

Горбачев. Да, чтобы обеспечивалось более эффективное взаимодействие.

Третьяков. Да. Но если это пошло не таким путем, как Вам хотелось, а путем подписания сначала этого трехстороннего соглашения, как мы называем между собой, «славянской антанты», потом кто-то присоединится, кто-то не присоединится, то в конце концов это все-таки 80 процентов территории СССР, три крупнейшие республики. В чем Вы видите коренные пороки именно этого документа, этого соглашения? Что отличает его в худшую сторону от того проекта, за который выступали Вы?

Горбачев. Прежде всего то, что я сказал, — это дезинтеграция.

Третьяков. *Но они же соединились втроем...*

Горбачев. Да, но они соединились на соглашении, которое имеет в виду, что произойдет процесс разъединения, и будет Содружество, то есть все будут независимые государства. И поэтому процесс согласования взаимодействия будет очень осложнен. Именно поэтому я и возражаю. Знаете, я ведь человек, который способен улавливать все движения, которые происходят в обществе, способен их нормально воспринимать, у меня нет комплекса по отношению к собеседникам. И тем более не могу не видеть и не реагировать на какие-то целые течения, тем более на такой факт, когда собрались три руководителя таких республик. Но я сейчас оставляю за пределами, что собрались только трое — и сразу соглашение, и чуть ли не объявили, что Союз «закрыт», что не действуют союзные структуры и законы. Это я не признаю. Это противоречит моим убеждениям. Есть предложения, есть мнения, есть политика, есть серьезные намерения иначе изменить процесс реформирования Союза — давайте, есть для этого у нас конституционные формы действия, но это я оставляю в стороне. А вот суть состоит именно в том, что я как Президент, пользуясь сегодня правами, которыми располагаю, буду делать так, чтобы этот процесс прошел в конституционных рамках. И надо дать возможность людям делать выводы. Если люди выскажутся за такой путь, это значит, что я расхожусь с ними. Но это не значит, что я отказываюсь от своей позиции. Нет. Эта моя позиция появилась не с ходу и не вчера. Я ее уже полтора года отстаиваю, когда я пришел к выводу, что мы не можем в этой стране разделиться. Так тут всё перемешалось и связалось. Границ внутренних нет, теперь надо их рисовать. Люди расселялись, невзирая на границы, области передавались из республики в республику... Говорят, что Горбачев подстрекает этими рассуждениями. Нет, я лишь обращаю внимание на факты, чтобы всё это было осмыслено при принятии решения. Вот моя мысль, и пусть люди примут решение. Им надо дать возможность принять решение.

Теперь я задам вопрос. Ну вот как в моем положении — Президента — относиться к тому, что был референдум, люди впервые в нашей отечественной истории высказались, а сегодня через это соглашение мы выходим на другой вариант межгосударственного образования. Это уже не Союз, не федерация, как на референдуме было... Нас критиковали уже и в августе, что мы отступаем от референдума. Но еще можно было доказывать, что это новый тип, реформированное союзное государство с большой степенью свободы,

децентрализации. А как сегодня я как Президент должен реагировать?

Третьяков. Но в референдуме, как во всяком опросе, всё зависит от постановки вопроса. Этот весенний референдум подвергался критике, и справедливой критике. Вы сами же предлагали проводить референдумы о республиках по поводу отделения, во всяком случае поддерживали эту идею. Тоже, по-моему, не очень логично, потому что постановка вопроса референдума: «Вы за независимость или против нее?» дает однозначный результат. Естественно, за независимость. По этому пути все и пошли. И Украина сейчас...

Горбачев. Я уже пояснял: я независимость не рассматриваю как вызов Союзу, а тем более выход из Союза. Только как реализацию своего суверенитета.

Третьяков. «Единый Союз» — это тоже слова, которые разные люди понимают по-разному. А есть реальный процесс распада. И опираться на цифры весеннего референдума, когда уже ситуация резко изменилась, это не самый убедительный путь. Вы считаете, что только путч прервал этот процесс, что если бы не он, то Союзный договор был бы подписан и выполнялся бы?

Горбачев. Я уверен.

Третьяков. А почему тогда отказались от последнего проекта Союзного договора, под которым уже стояли подписи руководителей многих республик?

Горбачев. Здесь большое влияние на умы и настроения оказал процесс дезинтеграции после путча, потому что некоторые занимали позицию, и демонстративно независимую позицию, отхода от сотрудничества, с тем чтобы противостоять, отмежеваться от того, что было связано с путчем. Это как следствие. А с другой стороны, предвыборные кампании, которые последовали вслед за этим, и многие политические шаги, которые были сделаны политиками, привели их в такое положение, когда у них мосты сожжены. Я знаю политиков, которые мне говорили, что им надо выиграть выборы и они должны маневрировать, но я теперь вижу, что некоторые из них так маневрировали, что они теперь уже не могут вырваться. И они изменили свои позиции. Это во-первых.

Во-вторых, я думаю, что то, что имело место не только в дни путча, но и после путча в деятельности руководства России, вызвало опасение. И это подстегнуло процессы размежевания и подтолкну-

ло процесс дезинтеграции. И еще — самое главное — у этих политиков есть надежда, я думаю, это иллюзия, что у них социально-экономическая ситуация немножко легче, что у них снабжение немного лучше, и провозглашение независимости даст возможность им в этом трудном переходе к рынку оградить себя, защитить себя. Но тогда позвольте спросить: а где же рынок и где это взаимодействие? Тогда рынок хоронится. И где надежды на единое экономическое пространство, на согласованные подходы, что только и может вывести нас из кризиса? Поэтому я думаю, что с выходом этих государств из Союза ситуация очень усложнилась. Я бы сейчас не в спешке всё оценивал, но полагаю, что то, что я доказываю, базируется на очень жестком анализе реальностей. Они проявятся в ближайшее время. Но я буду уважать любой выбор, если он будет конституционным.

Третьяков. *Я, в частности, и другие журналисты писали после путча — и за это получали и от сторонников Горбачева, и от сторонников Ельцина всякие неприятные замечания, — что союз Горбачева и Ельцина — это временный и тактический союз. Мне говорили: ты не прав, ты провоцируешь раскол между ними. Неужели Вы не понимали, что это временный тактический союз? А если понимали, то почему не учитывали?*

Горбачев. Я просто думаю, что то, что я сделал после августовского путча, это я должен был сделать. Более того, я в своих рассуждениях пришел к выводу, и об этом публично сказал, что это один из моих просчетов в тактике и реализации курса на преобразования. Мне надо было раньше, чем начался ново-огаревский процесс, пойти на объединение демократических сил, с тем чтобы мы быстрее продвигались по пути реформ. Тогда и в вопросах государственности, и в том, что касается экономических реформ, всё прошло бы более успешно и с меньшими издержками. Я думаю, что это очень серьезно. Но я и сейчас считаю, что в плане направленности видения ближайших перспектив у нас принципиальных расхождений с Ельциным нет. В методах, способах решения этих задач — есть. Серьезное расхождение — о концепции Союза. А это теперь скажется на всем.

Третьяков. *В последнее время Вы часто говорите о том, что используете все возможности, которые у Вас есть, для того чтобы придать событиям тот ход, который Вы считаете правовым, правильным. Вы оговариваетесь, что речь идет только о политических мерах, но все-*

таки сейчас постоянно возникает вопрос о Вашей роли как главнокомандующего Вооруженными Силами. Но вот следует серия последних перемещений в Генштабе, в Кремле (я имею в виду смену коменданта Кремля). Имеет ли это отношение к последним событиям?

Горбачев. Совершенно определенно я хочу сказать еще раз о том, что, кстати, говорил на очень широком совещании в Министерстве обороны, где присутствовали не только члены коллегии, командующие родами войск, командующие округами, но и командиры дивизий — я посоветовал их пригласить для этого разговора. Я как раз исхожу из того, и я употреблю свою роль главнокомандующего, чтобы, с одной стороны, прежде всего заботиться об армии, стараться сделать всё, чтобы не расшатывать ее, хотя это трудно в реформируемой стране — и в армии идут реформы, но тем не менее, чтобы этот важнейший государственный институт выполнял свою функцию строго по предназначению. Я не думаю, что тот политик, который встанет на путь использования вооруженных сил для достижения своих политических целей, заслуживает поддержки, он должен быть отвергнут, он должен быть проклят. Армия должна использоваться по прямому своему назначению. Та политика, которая рассчитывает пустить в ход танки, не достигнет своей цели. Это тупик.

***Третьяков.** Но если кто-то встанет на этот путь, а Вы, как главнокомандующий, будете иметь этот рычаг, Вы воспользуетесь им?*

Горбачев. Я сделаю всё, чтобы этого не произошло. Я думаю, армия так настроена. Я и на вчерашней встрече сказал, что никто не имеет права, и командиры должны это понимать, разыгрывать армейскую карту. Все мы, политики, должны четко понимать, что такое человек с оружием. Это должно быть исключено из политических решений.

***Третьяков.** Трудно предполагать, что в такой большой стране, с таким большим количеством оружия, большим количеством солдат, генералов и маршалов...*

Горбачев. Здесь должен быть консенсус. Все должны это понимать.

***Третьяков.** Вы договорились об этом с президентами Назарбаевым, Ельциным, другими?*

Горбачев. Да. Все высказались за то, чтобы армия выполняла свою роль. Я думаю, что, наверное, у них возникают опасения, потому что происходят какие-то процессы, которые вызывают беспокой-

ство в армии, идут сигналы о том, что в связи с разоружением, с сокращением есть недовольство, есть неустроенность людей — и это связывают с политикой. Нельзя сказать, что никто не реагирует на то, что происходит в армии. Нет, и я, и все президенты — мы с вниманием относимся к этим сигналам. И мы все стараемся общаться, чтобы не возникло недопонимания. Но я убежден, ничего нельзя решать силой. Это показала ситуация и у нас, и в Европе. Я не говорю, что не должны приниматься меры против преступной публики. Жесткие меры, закон — это должно быть. Если это примет угрожающие формы, если под угрозой будет жизнь людей, у нас есть закон о чрезвычайном положении. Но если на улицу вышли люди, недовольные политикой, недовольные тем, как складывается жизнь, протестуют, — этот вопрос танками не решить. Это абсурд. И политический тупик.

Третьяков. *А с чем связано смещение генерала Лобова с поста начальника Генштаба?*¹⁷⁴

Горбачев. Это связано как раз с тем, чтобы всё было стабильно, это не связано с тем, чтобы на чью-то сторону перетянуть кого-то и ослабить или усилить чью-то позицию. Кстати, я только что разговаривал с Лобовым, и мы договорились продолжить этот разговор... Возникла такая ситуация, что надо было сделать эту перегруппировку, чтобы не обострились отношения.

Третьяков. *Как Вы видели в свое время развитие национальных отношений в нашей стране, развитие этой ситуации с независимостью, с суверенитетом, Союзом? Я помню, как года три назад, я тогда работал в «Московских новостях», и при мне Егор Владимирович Яковлев получил от Валерия Чалидзе...*

Горбачев. Я помню эту статью американского политолога, он тогда, три года назад, определенно сказал: демократия в России — слишком большая роскошь, ибо это развяжет такие национальные движения, в том числе сепаратистские, что это трудно будет удержать.

Третьяков. *Но я говорю не о том, что было опубликовано*¹⁷⁵. *Я говорю о двух-трехстраничной записке, которую Егор Владимирович Яковлев через Александра Николаевича Яковлева передавал Вам.*

Там Чалидзе предлагал тот вариант, к которому в конечном итоге пришли и Вы. То есть для Прибалтики — отдельный статус и так далее, словом, примерно то, что было в царской России. Кстати, на мой

взгляд, русские цари часто вели национальную политику умнее, чем советские лидеры. Кроме Чалидзе, наверняка, Вам предлагали и другие варианты, наверняка, Вы сами об этом думали. И все-таки, почему Вы выбрали тот путь с отставанием от общественного развития в целом, от демократических сил, который, на мой взгляд, и привел к тупику? Только если Вы скажете, что народ не созрел, то этот аргумент мне известен. Какой следующий аргумент?

Горбачев. Хорошо, начну со следующего. Я давно понял, что если мы не будем реформировать наше многонациональное государство, то мои реформы в этой стране задохнутся. При всех несомненных достижениях предшествующей национальной политики, а они есть, было ясно, что то, что можно было на одном этапе держать в узде, и то не удавалось. Вы посмотрите, какие были репрессии, просто подавляли многое. Так нельзя было рассчитывать дальше в этом государстве вести национальную политику. Для меня это было ясно. Уже на каких-то ранних стадиях, когда я наблюдал реальные процессы и изучал решение этого вопроса в других странах, возвращался к истории нашего российского государства, где русские писатели ездили в Финляндию и придавали большое значение деятельности финского парламента, и говорили, что здесь, может быть, отрабатывается то, что понадобится для всей России. Итак, Вы сказали почти те же слова, что и я. Я несколько иначе это сформулировал. Действительно, царь видел в одних формах взаимодействие с народами Закавказья, с Польшей — другое, с Финляндией — третье, с Бухарой — четвертое, и так далее.

Та статья меня натолкнула на мысль, что процессы реформирования нашего государства выведут на то, что мы должны иметь в виду дифференцированные связи в новом Союзе. Но жизнь опережала нас, мы не успели это по-настоящему проработать. И здесь очень сильно вышли вперед, используя демократические процессы, движения сепаратистского толка. Всё смешалось, мы втянулись в политические дебаты, чтобы отсечь одно от другого, и, откровенно говоря, потеряли время. Затем, после выборов, после формирования новых Верховных Советов, и особенно в связи с приходом Ельцина на пост главы Верховного Совета России, развернулся очень острый этап, связанный с суверенизацией. И это вызвало процесс дезинтеграции, нестыковки законов, войну законов. Берите, сколько проглотите; как хотите, так и живите. При всем демократизме и большой содержательной части этих лозунгов, они вызвали и много такого, что мы теперь пожинаем вместе. Мы выбились из нормальной колеи, запоздали, и этот процесс принял хаотические формы, и мы

в результате схлопотали нынешнюю ситуацию. Суверенизация сопровождалась дезинтеграционными процессами, и сейчас я не могу взять на себя всю ответственность за то, что мы не смогли ввести в нормальное русло все эти преобразования государства, за то, что произошло. Тут вклад внесли многие. Участвуя в политическом противоборстве, стороны начали эксплуатировать и этот факт, чем еще больше осложнили этот процесс.

Третьяков. *Кто были Ваши советники по национальным отношениям раньше и кто это теперь? К чьему мнению Вы больше прислушивались?*

Горбачев. Я человек, который одному или даже двум мнениям сразу не поддаюсь. Я выслушивать умею, терпеливо, даже провоцирую критику в свой адрес. Но решения за мной и оценки за мной. Поэтому я использовал много мнений, много информации. Я изучил и наш внутренний опыт, и что в Канаде происходит, я изучил эти процессы в гражданской войне в США, я изучил эти вопросы в других странах, типы государств, например конфедерации, — когда были, почему от них отказались. Есть конфедерации, которые на самом деле федерации. Материала в моем распоряжении было очень много. Я старался его передать и руководителям республик, и здесь — политикам в Центре. Поэтому я не стал бы выделять кого-то, кто прямо оказал на меня влияние. Это мои убеждения на основе очень широкого сотрудничества со многими специалистами, с представителями многих республик. А сколько встреч было с прибалтийцами!

Третьяков. *Михаил Сергеевич, была ли ошибкой Ваша поездка в начале прошлого года в Литву¹⁷⁶, после которой окончательно стало ясно, что Прибалтика не останется в Союзе?*

Горбачев. Мы с вами находимся в уникальном состоянии — лицом к лицу с нами горячие процессы, а мы пытаемся не только управлять ими, а уже и анализировать. А вот идут сигналы со стороны Прибалтийских стран, которые получили независимость, погуляли по свету, а сейчас в Прибалтике уже начинают искать формы более тесного сотрудничества со всеми остальными республиками. Сложилась такая реальность, их никто к этому не подталкивает. Они думали, что, получив независимость, только из этого одного можно получить нечто невероятное. Но это нереально.

Третьяков. *Может быть, если бы их раньше отпустили, то они бы уже сотрудничали по полной программе?*

Горбачев. Это всё надо было пройти: перестроить и головы свои и нам, политикам, и в обществе. Ведь многое в принятии решений зависело от того огромного давления, которое оказывается на политиков. Вот вспомните о ценах. Помните, когда вдруг мы пришли к тому, чтобы начать процесс реформ цен? Все ученые говорили, что нельзя сейчас переходить на новые цены, хотя знали, что и принцип ценообразования никуда не годен, и цены не отражают реальностей. Практически вся наука выступила против. Когда это всё выплеснулось в газеты, я вынужден был в Мурманске произносить клятву, что цены мы повышать не будем¹⁷⁷. Потом мы заговорили о рынке. Как это было воспринято? Рынок предавался анафеме. А сейчас вроде всё нормально. Мой главный тезис, чтобы и в формах собственности, и в формах политического процесса люди сами должны сделать свой выбор. Согласитесь, что это не так всё просто. Другое дело, что может быть разная политика: или стимулировать эти процессы, создавать предпосылки — правовые, экономические, политические, — или наоборот. Есть старые структуры, которые сопротивляются. В этом смысле и важна роль политики и государства.

Третьяков. *Михаил Сергеевич, Вы уже сами затронули вопрос, который сейчас активно обсуждается. Это возможность Вашей отставки. Вчера по Российскому телевидению выступал Михаил Полторанин, он встречался с журналистами, и там этот вопрос тоже возник. Полторанин близок к Борису Николаевичу Ельцину. Относительно Вас Полторанин сказал следующее: Михаил Горбачев, безусловно, историческая фигура, и он может быть почетным президентом всего этого Содружества, сохраняющим свою неприкосновенность на весь срок своих полномочий (чтобы у него не было, как выразился Полторанин, «комплекса Хонеккера»¹⁷⁸), он может быть гарантом соблюдения прав человека, может быть координатором внешней политики и демократических сил и движений в стране... У меня сложилось впечатление, что это не сам Михаил Никифорович сфантазировал, а это есть некая часть некоего конкретного сценария. У меня два вопроса: не предлагалось ли Вам уже что-либо подобное? И как Вы оцениваете такую цепочку Ваших возможных функций?*

Горбачев. Я этого не слышал, это Вы мне впервые рассказываете. Нет, конечно, никаких обсуждений не было. Я должен сейчас употребить все свои возможности, а они не только властные, они связа-

ны с тем, что я, возможно, несу самую большую ответственность за всё то, что происходит, и чтобы получился позитивный результат, чтобы побыстрее выйти из этого кризиса системного и войти в обновленное общество. Для меня-то уже выбор сделан, для меня возврата быть не может, это исключено. И с этой точки зрения я буду использовать все возможности, которыми располагаю, до тех пор, пока не будет найдено согласованное решение, каким будет наше государство дальше, в какой форме оно будет и какие институты будут обслуживать или Союз, или Содружество, что это будет. Я сказал о своей приверженности. Я не вижу себя в какой-то иной роли, тем более в роли какого-то свадебного генерала. Нет. Но если я увижу, что это отвечает моим убеждениям и не противоречит тому, что я считаю для себя важным, то я еще раз всё обдумаю. Но если процесс уходит за пределы того Союзного договора, который мы разослали, то я не могу разделять ответственность за политику в другой структуре. Я не уверен, что это принесет пользу и даст нам возможность взаимодействовать, а раз не будет взаимодействия, то мы все будем обречены во всех республиках на испытания, и я не могу тогда на себя брать ответственность. Я могу ее взять, когда речь идет о реальном образовании, о реальных структурах. Нас ждут труднейшие месяцы в нашей истории. Поэтому, если мы получим образование, как на последнем Госсовете сказал вице-президент Казахстана, типа «облака в штанах»¹⁷⁹, то я в эти штаны не влезаю, пусть их носят другие.

Третьяков. *Все-таки Вы совершенно не видите в этом тройственном союзе никакой перспективы?*

Горбачев. Вы обратили внимание на то, что я сказал в своем заявлении? Оно вполне обдуманное. Я отсекаю то, как это делалось, тем более считаю неправомерными некоторые положения, которые, как по Маяковскому, «решили Америку закрыть»¹⁸⁰. Это я должен был сказать. А дальше я сказал, что есть позитивные моменты, которые перекликаются с Союзным договором. Там речь идет об общем рынке и о сотрудничестве в сфере образования, науки и культуры и так далее... То есть много совпадений. Поэтому я сказал: если это соглашение о Содружестве выдается как окончательный вариант, то для меня это неприемлемо. А если это как вклад, как то, что вместе с Союзным договором следует обсудить, синтезировать и выйти на какое-то общее понимание, то это другое дело. И там совершенно не ясны механизмы. Там ясно только то, что всё разрушается. А что же будет действовать? Там больше вопросов, чем ответов.

Третьяков. *А где Вы собираетесь искать ответы на эти вопросы? Надеюсь, не на этом мифическом шестом Съезде народных депутатов СССР, который, возможно, и не соберется?*

Горбачев. Я должен все эти вопросы поставить. У Президента есть свои функции и ответственность, о которых он должен помнить. Я должен напомнить, что вопрос на референдуме шел в одной форме — о союзном государстве. Я должен напомнить, что было это решение. И если есть необходимость еще раз определиться, то формой для этого может быть Съезд, ибо это все-таки конституционный процесс, а не просто — кто кого. Я должен подсказывать варианты — пусть выбирают. А позиция моя известна. Сегодня мы будем беседовать об этом с Борисом Николаевичем, потому что действительно процесс усложнился, запутался. В азиатской нашей части, в автономиях размышляют, что же произошло. Для меня это очень существенно. Я думаю, что и для руководителей трех республик это не безразлично.

Третьяков. *А с Кравчуком у Вас намечается встреча?*

Горбачев. Я приглашал его. И Шушкевича. Но они сказали, что мы договорились, что от их имени выступает Борис Николаевич. Я считаю необходимой и целесообразной такую встречу, чтобы выяснить, что произошло и где мы оказались. Назовем это Госсоветом или встречей руководителей республик и Президента — не важно. Какой бы выбор мы ни сделали, у нас столько забот, что мы должны во всем разобраться. Иначе на те беды, которые переживает народ, свалятся беды еще более тяжкие.

Третьяков. *А если они пригласят Вас на встречу в Минск, как в столицу тройственного союза?*

Горбачев. Это вообще надуманный вопрос. Этим они хотели снять некий вопрос о Центре. Но даже просто создание какого-то нового Центра, если бы это так было решено, потребовало бы миллионных затрат. Зачем это нужно?

Третьяков. *Но Вы пошли бы на то, если бы Вам сделали такое предложение — встретиться не в Москве, а в Минске?*

Горбачев. Я убежден, что Москва для встречи — хорошее место.

Третьяков. *Сейчас очень много говорят о попытке переворота с активным использованием военных сил. Что Вы можете сказать об этом?*

Горбачев. Я думаю, демократы на это не пойдут, это полностью дискредитировало бы их, окончательно. Если они к этому придут — какие они демократы? А реакционные силы... При всех их попытках собраться после путча, мобилизоваться, поиграть на трудностях, на том, что беспокоит наш народ, им не удастся использовать армию. Я в этом глубоко убежден. И военный переворот я исключаю.

Третьяков. *Я, честно говоря, тоже. И такой вопрос. Допустим, Вам не кажется идея СНГ привлекательной и перспективной. Но с Союзом так, как Вы его видите, тоже ничего не получается. И перед Вами встает дилемма: уходить или не уходить? Но, допустим, ситуация осложняется. И Ваш авторитет, Ваш международный политический вес может существенно помочь той, пусть не очень перспективной, на Ваш взгляд, идее Содружества независимых государств. Вы можете принести в жертву Ваше понимание концепции Союза и присоединиться?*

Горбачев. У меня такое впечатление, что я ответил на этот вопрос. Во-первых, я использую всё, чем располагаю, для того, чтобы быстрее этот вопрос был прояснен: в какой форме мы будем дальше жить и взаимодействовать? Это очень важно, потому что общество больше нельзя держать в таком состоянии. Я буду уважать выбор, который сделают представительные органы или сам народ. Вопрос в том, чтобы этот выбор происходил конституционно. Я категорический противник, чтобы сейчас на выяснении этого вопроса произошло... противостояние. Я думаю, что в политике надо использовать позитивные моменты этого соглашения, для того чтобы процесс был продолжен.

Третьяков. *И последний вопрос. Если вспомнить апрель 1985 года, начало перестройки, и если очутиться вновь в сегодняшнем дне, Вы можете себя назвать счастливым политиком, человеком, который счастливо провел эти уже почти семь лет?*

Горбачев. С точки зрения того, что так распорядилась судьба, что мне пришлось стать не просто участником, но и возглавить эти процессы, я считаю, что это редкая судьба. При всех испытаниях, которые выпали мне. Конечно, бремя это тяжелейшее. Я не знаю счастливых реформаторов. А вот судьбой я своей доволен. Это не значит, что я доволен каждым днем или тем или иным решением. Чего только сейчас не хотят сделать из Президента. Это даже омерзительно читать. И я это оставляю без внимания. Что мне дает силы в этой ситуации, равновесие духа (я нахожусь в нормальном, сбалансированном состоянии), это то, что я не ошибся в главном — встав на этот

путь, сам принял решение отказаться от той власти, которая ко мне пришла на каком-то этапе истории, встать на путь реформирования, причем тотального демонтажа всей системы.

Третьяков. *А все-таки Вы тогда не предполагали, как это всё пойдет?*

Горбачев. Это я оставляю для себя. Я кое-что уже сказал больше, чем обычно... Кто вообще знает замыслы Горбачева? А вот сейчас они выясняются. Сколько раз пытались выдать Горбачеву в его батаях на пленумах ЦК партии, что Горбачев исчерпал себя, потому что он в плену этих консерваторов, он не вырвется никогда, это у него в генах сидит.

Третьяков. *И я писал такое же...*

Горбачев. Ну вот. Чепуха это всё. Как раз я-то знаю всю эту машину. Если бы я из нее ушел, мы бы не добрались до этого. Где мы были? Последние пленумы вы же это наблюдали все. Это же был просто мордобой, когда я на каждом пленуме Лапциса защищал... А Вы вспомните съезд российский, когда — помните: всех членов Политбюро — к стенке! Размазать их! Раздавить!

Третьяков. *А Вы не преувеличивали их силы?*

Горбачев. Нет, нет. Это мощнейшая система. Я должен сказать, что задача сейчас состоит в том, чтобы быстрее формировать настоящий политический плюрализм. Без этого демократия жить не может. Очень важно, чтобы эти процессы шли побыстрей. Сейчас это главное. И это состояние, когда люди выбились из политической колеи, тоже содержит определенную опасность, ибо не действуют механизмы, на которые демократия должна опираться.

*Печатается по тексту публикации
в «Независимой газете», 14 декабря 1991 года.*

ПРЕЗИДЕНТ СССР ОТВЕЧАЕТ УЧЕНЫМ МИРА И САМ ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ

11 декабря 1991 года¹⁸¹

Ответы М.С. Горбачева на поставленные вопросы

Мне передали вопросы, которые интересуют инициаторов проекта «Уорлд медиа». Все они, строго говоря, отражают озабоченность судьбами советской науки, сохранением ее международных позиций. Меня, политика, тоже беспокоят эти проблемы. Наука — не только основа и предпосылка материального и духовного прогресса общества. В наше время ее роль по существу двойственна: она может быть для человечества и благом и злом.

Есть еще одна причина, которая побуждает меня постоянно размышлять над вопросами, интересующими инициаторов проекта «Уорлд медиа». Это — болезненные, драматические процессы, которыми сопровождается переход нашего общества от тоталитаризма к демократии. Каковы в этих условиях судьбы нашей науки? Может ли она выжить сама и помочь выжить всем народам нашей страны? Способна ли она внести свой вклад в укрепление международной безопасности, в развитие сотрудничества между государствами, в частности в Европе?

Коротко выскажу свое мнение.

Будущее нашей науки зависит от того, как сложится будущее страны, — это очевидно. Я убежден: какие бы формы ни приняла в дальнейшем государственность того сообщества народов, которое исторически сложилось в пределах Советского Союза, — мы оста-

немся великой державой. Союз Суверенных Государств будет, хотя на пути к нему еще и могут возникать определенные сложности.

Отсюда я делаю вывод: наша страна останется и впредь великой научной державой. Конечно, переживаемый нами кризис — не только экономический — не мог не отразиться на положении науки, научного сообщества страны. Дезинтеграционные процессы, а они у нас довольно сильны в последнее время, для науки особенно противопоказаны и опасны. И проблема тут не столько даже экономическая, сколько политическая. Кстати, наши ученые прекрасно это понимают и настойчиво требуют сохранения единого научного пространства в обновленном Союзе.

Наука обладает огромным потенциалом саморазвития. К сожалению, в не столь отдаленном прошлом он сковывался у нас тоталитарным режимом. Но с этим покончено безвозвратно.

Впрочем, ученые нуждаются не только в гарантиях свободы научного творчества, но и в соответствующем материальном обеспечении, в поддержке со стороны государства и общества. На преодоление экономических трудностей потребуется время. Но уверен: переход к рыночной экономике позволит вновь привести в действие и полностью раскрыть весь наш немалый производственный и научный потенциал. И это поможет восстановить и укрепить международные позиции нашей науки.

Меня спрашивают: не угрожает ли нашему научному развитию открытие границ и «утечка мозгов»?

Ни одно научное сообщество — даже в такой крупной стране, как наша, — не может полноценно развиваться в изоляции, без широкого обмена идеями и людьми. Стремление к свободному научному общению естественно и понятно. Но, как и во многих других областях нашей жизни, в науке переход в новое состояние происходит быстро и резко, и не лучшим образом.

У наших ученых, прежде всего наиболее перспективных, появилась реальная возможность получить работу за рубежом. И многие, особенно под давлением бытовых, материальных трудностей, стремятся воспользоваться этим. В результате «утечка мозгов» действительно становится одной из серьезных проблем.

Единственный способ избежать невосполнимого оттока научных кадров — создать ученым притягательные условия для работы дома.

Как Президент страны считаю необходимым сделать всё для того, чтобы свободная миграция ученых не превратилась в «улицу с односторонним движением». Ведь от этого в итоге обеднеет и международное научное сообщество, лишившись одного из своих

важнейших национальных центров. Чтобы этого не случилось, нужно смелее развивать новые, еще непривычные для нас формы международных научных связей: создавать совместные институты и лаборатории, шире участвовать в двусторонних и многосторонних проектах, международных конкурсах. В итоге, надеюсь, проблема «утечки мозгов» потеряет нынешнюю остроту.

Что касается возможности обеспечить перевод преимущественно оборонных научных исследований на гражданские, то я бы поставил вопрос шире. Сможет ли современная наука преодолеть наследие милитаризации научных исследований, доставшееся нам от «холодной войны»? Достанет ли нашей цивилизации зрелости и мудрости, чтобы отказаться от использования научных знаний для создания всё более совершенных средств уничтожения? Речь идет о пересмотре фундаментальных философских подходов к науке как способу познания и преобразования мира. О том, чтобы положить предел использованию науки в разрушительных, самоубийственных для человечества целях.

Для нас «конверсия» научных исследований с оборонных на гражданские цели — жизненно важная задача. Однако дело это не менее сложное, чем конверсия оборонной промышленности. Нелегко преодолеть инерцию мышления и путы «оборонного сознания», наследие засекреченности и изоляции. Не все ученые, даже высокой квалификации, смогут, вероятно, «найти себя» в новых условиях.

Тем важнее развивать международное научное сотрудничество наших и западных «оборонщиков». Нужна программа совместных исследований по вопросам коллективной безопасности. Особенно с учетом того, что сегодня ее нельзя обеспечить чисто военными средствами. Такой подход соответствовал бы и новому характеру международных отношений, и долгосрочным интересам мирового научного сообщества.

Наконец, последнее. Роль науки в перестройке межгосударственных отношений на началах равной безопасности, доверия и взаимовыгодного сотрудничества, безусловно, велика. Но сама наука, университеты, исследовательские центры в одиночку не решат ни одной политической проблемы. Тем более такой, как строительство новой Европы. Это — дело и правительств, и законодателей, и предпринимателей, и людей науки, искусства, политических партий, профсоюзов, церкви. Словом, это дело всеобщее, и только такая всеобщность гарантирует ему успех.

Конечно, формирование новой европейской общности невозможно без существенного углубления научных связей. Причем

я имею в виду не только естественные, но и общественные науки, которые еще не так давно использовались в качестве инструмента «холодной войны», разобщения людей и государств.

Мне кажется, мы должны сейчас уяснить себе простую истину: вклад ученых, вообще творческой интеллигенции в спасение и прогресс человечества связан не столько с их профессиональными знаниями, умением, навыками, сколько с их нравственной позицией, с желанием и готовностью активно сотрудничать со всеми, кто выступает за демократию, свободу, мир.

Надеюсь, наши ученые сознают это. И действительно помогут сохранить единое научное, духовное, человеческое, если так можно выразиться, пространство на территории переживающего мучительную трансформацию Союза, внесут свою лепту в возведение «общеевропейского дома».

Вопросы М.С. Горбачева к ученым

1. Наша страна твердо взяла курс на интеграцию в мировое сообщество. Каковы, на ваш взгляд, возможные главные направления и формы сотрудничества ученых мира с их советскими коллегами с учетом нынешнего трудного переходного для Союза периода?

2. Формирование нового миропорядка, видимо, по-новому ставит вопрос о предназначении науки в определении судеб общественного развития, отношений науки с политикой. Как бы вы сформулировали новый «нравственный кодекс» ученого? Чего, в свою очередь, ученые ожидают от политиков?

3. Какие надежды и опасения вы связываете с перспективами развития науки в XXI веке?¹⁸²

*Печатается по тексту публикации
в «Независимой газете», 11 декабря 1991 года.*

ВСТРЕЧА С СОВЕТСКИМИ ЖУРНАЛИСТАМИ

12 декабря 1991 года

Горбачев. Приветствую вас в этом зале заседаний Госсовета¹⁸³. Когда мы замыслили эту встречу с вами, я предложил: пригласите побольше журналистов, поговорим о жизни откровенно.

Считаю, что сегодняшняя пресса в целом успешно осваивает свою роль в новой ситуации. Хотя это не всегда у нее получается. Как, впрочем, у всех, кто ищет свое место в изменяющихся обстоятельствах. Тем не менее сегодня пресса — незаменимый фактор общественно-политической жизни. Поэтому для людей думающих, мыслящих, а тем более для Президента, повседневный анализ прессы просто необходим.

Сразу скажу, что я согласен далеко не со всем, что публикуется в газетах. Есть и такие, которые напоминают, пусть с другим знаком, средства массовой информации во времена монополии Компартии.

Вопрос. *Представителей таких изданий сюда пригласили, Михаил Сергеевич?*

Горбачев. Есть, есть. Очень важно, чтобы мы понимали, зачем мы друг другу нужны. Полезно послушать и самые крайние точки зрения, важно учиться культуре дискуссии и слушать друг друга. Сегодня события приобрели такое развитие, что, я думаю, разговор должен сосредоточиться на том, что находится в центре всеобщего внимания. Было бы странно, если бы мы с вами, встретившись здесь, ушли от того, что сейчас на повестке дня парламентов, вокруг чего

сегодня бьется мысль всей прессы и идет разговор в обществе. Обществу, это прямо надо сказать, уже надоела политика. И вот главный вопрос: что будет с нашей реформой, как выйти из кризиса, какая должна быть политика, какие предпринять шаги.

Вы, наверное, заметили, что после путча я добивался, чтобы тема Союзного договора была обозначена в качестве самого главного приоритета, потому что если не остановить ту дезинтеграцию, которая поразила страну, то общество получит такую ситуацию, в которой вырастает обычно диктатура в том или ином виде.

Может быть, сейчас молодым людям легче. Но нам — людям сформировавшимся, которые начали этот процесс уже зрелыми людьми, не просто ломать себя... Всё остальное ломать легче. И всё же, я думаю, главную — подготовительную, политическую, человеческую — работу при всех ошибках, просчетах или запоздалости решений, а иногда, наоборот, забеганий вперед, сделали. Общество уже нельзя вернуть «на круги своя». Его не загонишь туда никакой силой.

Вчера у меня был главный редактор «Независимой газеты». Он говорит: Москва полна слухами о военном перевороте. Я ответил, что это действительно слух, под которым никакой почвы нет. Во-первых, власть имущие сегодня не заинтересованы в перевороте. Это же демократы. При всех критических замечаниях в мой адрес с их стороны в число демократов я включаю и себя.

Предпринимаются попытки со стороны правых сил использовать нынешнюю ситуацию, но уверен, армия за ними не пойдет. В последние дни у меня были контакты и встречи, как и у Ельцина, с руководством Вооруженных Сил. Армия — это особый институт государства, гарант безопасности, стабильности общества, военнослужащие не должны поддаваться панике, это же военные люди. Нельзя допустить, чтобы человека с оружием, не с ружьем, а с оружием, провозиrowали, не проявляли о нем заботу. Это недопустимо.

Армия должна заниматься своими делами, реформироваться, совершенствоваться, но при этом должна сохранять выдержку, не поддаваться панике даже в трудных ситуациях. А трудностей немало: Прибалтика, Закавказье, да и другие регионы. Пусть политический процесс развивается в конституционных рамках, и в конце концов пусть народ делает выбор, или сам, или через свои представительные органы. За ним слово. Надо подчиниться. Приучить себя к этому.

Вчера, например, со ссылкой на иностранные газеты сообщают: в Кремле группа «Альфа», появились грузовики с бетоном. Пресса

не должна поддаваться на провокации. У нас время очень сложное. Люди устали. Обстановка накалена. Давайте не будем подбрасывать в этой обстановке еще керосина. Мы же хотим, чтобы нам удалось продолжить начатые реформы. В этом мы все, я думаю, заинтересованы.

Это было моим кратким вступлением. Теперь я хочу вас вернуть к тому, что считаю главным, — к вопросу о государстве.

Корреспондент. *Я в течение двух-трех дней внимательно слушаю радио, читаю газеты. Все пишут по-разному. Скажу о том, какое складывается впечатление в обществе. Складывается ощущение, что Союза нет, а Горбачев сегодня обязательно должен заявить о своей отставке. Все ждут Вашего выступления перед Верховным Советом и выступления Ельцина в первой половине дня.*

Горбачев. Мне сказали, что он уже выступил.

Корреспондент. *И все говорят: вопрос уже решен. И вообще Вам уже нашли место. Вот такое впечатление сложилось у людей по нашей прессе. Что Вы можете сказать? Ситуация, судя по тому, что Вы нам сказали в Вашем вступительном слове, совсем другая. Вы вчера с Борисом Николаевичем обсуждали эти проблемы, приходили к каким-то выводам. То, что публикуется в прессе, и то, о чем мы сейчас говорим, — это совсем разные вещи. Давайте проясним, что же происходит на самом деле?*

Горбачев. Ну, по-моему, процесс действительно приобрел совершенно другое течение, чем до встречи в Беловежской Пуще. Сейчас он вошел в другую колею. Вспомните, как у нас всё развивалось. Зима и весна нынешнего года были такими, что мы увидели: если не перешагнуть через препятствия, которые разделяли нас, руководителей республик, а также руководителей Союза и республик, то можно было ожидать очень крупного и опасного раскола в обществе. Уже стали раздаваться призывы: «Долой!» Все было очень остро. Вспомните призывы: идти на Кремль и вешать коммунистов. В общем, было ясно: происходит что-то такое, что мы должны немедленно остановить. Это было 23 апреля¹⁸⁴. Тогда был сделан первый шаг... Стало ясно, что по сравнению с задачами, которые мы решаем, вся эта возня (я, может быть, грубо говорю), всё это противоборство имеет подчиненный характер. Речь все-таки идет о национальной цели.

Итак, мы начали этот процесс, и он пошел. Он, может быть, шел бы быстрее, но его перенесли в рамки Совета Федерации. А Совет

Федерации включал в себя руководителей автономий, так что это был очень трудный процесс. Тем не менее, к началу августа согласовали Договор и решили его подписать. Но сформировалась сила, которая решила сорвать этот процесс. А в том, что происходило после августа, проявилась реакция на всё — и на Центр, и просто на ситуацию. Многие решили, что самозащиту и самосохранение можно искать только в большей независимости, самостоятельности. Это сильно подстегнуло процесс дезинтеграции. И тем не менее, удалось преодолеть опасность, выйти на тот Съезд¹⁸⁵, который при всей драматичности собственного положения тоже ощущал, в каком состоянии находится общество. Не всё на этом Съезде с точки зрения демократии проходило так уж чисто и гладко, но требовать этого было просто нереально. Именно там сформировались основные позиции: Союзный договор нужен, Экономический договор необходим. Были зафиксированы положения о единых Вооруженных Силах, о соблюдении обязательств, и речь шла об общей скоординированной политике. То есть получилось, что имеется база, основные положения для продолжения прерванного процесса...

На этой основе, посоветовавшись с товарищами, мы — эксперты, я и Борис Николаевич — начали работать и вышли на проект, на другой и, в общем, 14 ноября согласовали всё¹⁸⁶. Уступки уже там проявились, там была главная дискуссия. Четыре часа мы беседовали о том, что же нужно этому миру, этому обществу? Другое, обновленное, реформированное союзное государство, но государство, или это уже должен быть Союз в какой-то иной форме, или Содружество — все эти понятия были в работе. Эта дискуссия завершилась тем, что все мы пришли к мнению: все-таки должно быть союзное государство. И договорились по правилам. Это было вам сказано. Вы помните, я всю команду тогда пригласил и постарался, чтобы все перед вами сказали свое слово. Это тоже надо было сделать, чтобы общество знало...

25 ноября в связи с процессами, происходившими на Украине накануне референдума, возникла новая ситуация¹⁸⁷. Я приводил все аргументы и затем сказал: ну, хорошо, я уважаю вашу позицию. Если это ваш окончательный вариант, и вы считаете, что мы должны крест поставить на союзном государстве, даже реформированном, и должны перейти в другое, то это уже ваш выбор. Я прошу: посоветуйтесь. Я взял всех своих помощников, министров, которые участвовали в этом процессе, через некоторое время ко мне в кабинет пришли Борис Николаевич и Шушкевич. Они сформировали текст решения Госсовета относительно проекта Союзного договора,

который был согласован на базе высказываний и закрепленных положений, решений Госсовета от 14-го числа, где мы договорились о том, что Союз суверенных государств — это конфедеративное демократическое государство. Я внес свои замечания, они согласились, я вернулся к совместному обсуждению, и мы возобновили работу. Все расписались в этом решении Госсовета: «...направить разработанный Госсоветом Договор на одобрение...», имея в виду затем уже подписать его...¹⁸⁸

Вот, собственно, какой огромный путь был пройден... Поэтому когда в Заявлении в Беларуси говорится, что договорный процесс зашел в тупик, я спрашиваю себя: кто в тупике? Восемь республик согласовали, что быть союзному государству. В тупике Украина? Ну так давайте не будем все в этот тупик рваться, а вытащим Украину, найдем способы. И потом, смотрите, если взять то Соглашение: Украина «за» оборонный союз, Россия — «за»... Кравчук, выступая в своей президентской кампании, всё время подчеркивал, что нужно единство в том, что касается стратегических вопросов, а по другим, так сказать, поговорим еще. Причем речь шла не только о стратегических силах, но и о ПВО, Военно-Морском Флоте и так далее. Значит, тогда к этому Договору (а в Договоре это было) она могла присоединиться. Экономический договор Украина подписала. Значит, она могла присоединиться к этим статьям и вышла бы из тупика. Или она выступила бы как ассоциированный член, заявив, что участвует вот в таких-то соглашениях. Всё было бы честно и на основе Договора.

Я думаю, дело не в Украине. Украинский фактор, момент был использован руководством России, а его позиция давно известна...

Ну хорошо, что произошло, то произошло. Я сейчас не буду касаться того, что я сказал в своем заявлении относительно правовой и политической оценки договоренностей в Беларуси. Но ведь если исходить из них, то Союза уже нет, законы уже не действуют, и это значит, что ни государства, ни границ, и вообще ничего у нас нет, всё вне закона. Потому что основные институты регулируются союзным законодательством. И наконец, прекращается деятельность всех союзных органов. Ну, это мне напомнило знаменитого героя, который решил «Америку закрыть»...

Тем не менее я очень тщательно советовался с коллегами, собрал товарищей Шеварднадзе, трех Яковлевых, Бакатина, Примакова, Шахназарова, юристов и других. И мы основательно, несколько часов беседовали. Каков же итог размышлений? Надо отметить, что же конструктивного в этом соглашении. А конструктивное то,

что Украина включилась в договорный процесс, в поиск. Это очень важно.

Кроме того, в соглашении перечислено многое из того, что охватывается Экономическим договором. Практически дублируется. Наконец, есть попытка предложить какую-то формулу по военному вопросу, хотя она не безупречна (сказалось, может быть, отсутствие экспертов) и подлежит доработке. Значит, что-то есть.

Но нет государства, а из этого вытекает многое. Союзного гражданства нет. Я разговаривал с Борисом Николаевичем в понедельник. И мы беседовали накануне его поездки в Минск. Я ему приводил все новые и новые аргументы. Он же говорил: а вот Украина — вы гарантируете, что она будет в этом Договоре? Я уже чувствовал, что тут есть тайный замысел. Когда я увидел, что в Минск поехали Шахрай и Бурбулис, мне всё стало ясно. Бурбулис на каком-то этапе написал записку, она есть у меня и «гуляла» у всех. Наверное, вы ее видели под грифом «Строго конфиденциально»¹⁸⁹. В чем смысл этой записки? В том, мол, что Россия потеряла уже половину из того, что она выиграла после августовского путча, хитрый Горбачев плетет сети по восстановлению старого Центра и его будут поддерживать республики. Всё это не выгодно России, и этот процесс надо прервать. План Явлинского — это сильный Центр и так далее. Наш план состоит в следующем: независимые республики и государства и мягкий Союз для бракоразводных процессов. Не для того, чтобы сотрудничали, а для того, чтобы эта независимость была укреплена. Я уже это предвидел. Поэтому я настоятельно говорю: Борис Николаевич, как вы сможете Украину вовлечь в этот процесс? Подчеркиваю, что первый шаг состоит в том, что надо обсуждать и подписывать Договор. Моя задача — убедить, что россиянам надо первыми и обсуждать, и подписывать. И тогда Украина будет искать свое место. Никуда она не денется. Таковы реальности. И восемь республик подпишут. Всё согласовано. Но вот — нет! Я уже чувствовал — почему нет. Потому что российское руководство тяготит этот Центр. Всё это — реальности, и я из этого трагедии тоже не делаю.

Начал я задавать Борису Николаевичу вопросы. Вот такой простой вопрос: гражданство есть в содружестве? — Нет, это же независимые государства. — А как быть? К примеру, украинец или кто-то другой служит в Молдавии или в Алма-Ате. Понравилась девчонка, женился, работа есть, и там остался. И всё регулировалось законом, от рождения, как говорят, до похорон. Политические его права были защищены, где бы он ни жил, в любом уголке Союза; трудовые и социальные — также защищены. И всё остальное. А как будет

теперь? Вы мне начали задавать конкретные вопросы. И я на встрече с военными¹⁹⁰ спросил командующего Киевским округом: верно ли, что сегодня в Киевском округе 80 процентов офицеров и генералов — русские. Он подтвердил. Но завтра, когда процесс закончится и соглашение будет подписано, всё оборвется. Что, эти 80 процентов русских возглавят иностранные вооруженные силы, Вооруженные Силы каждой республики? Или взять пограничников. Завтра границу будут охранять граждане другого государства. Кроме того, сейчас границ нет внутри страны. Есть административное деление, у нас одна граница, а теперь все республики — независимые государства, как быть с границами? Боюсь, что мы закладываем такую бомбу обществу, которая рано или поздно взорвется. Меня всё это очень тревожит.

Итак, суммирую. Я думаю, что решение надо было искать в рамках реформирования Союза, чтобы не подтолкнуть дезинтеграционные процессы в обществе. Сейчас надо решать вопрос: обеспечит ли содружество необходимое взаимодействие для решения этих вопросов в экономике, финансах, политике, социальной сфере. Боюсь, что это будет очень трудно сделать. А как же двигаться вперед?

Какова теперь итоговая моя позиция? Эти вопросы необходимо вынести на Верховные Советы, чтобы всё решалось конституционно, в рамках законодательных органов. Мне сказали, что на Украине в соглашение внесли изменения — именно по вопросу о гражданстве. В нем было записано, что граждане могут свободно передвигаться. Но это уже изъяли и внесли другую формулу. Так что первые толчки уже начинаются.

Я должен признать случившееся реальностью. Мое отношение как Президента страны будет таковым: я буду уважать выбор представительных органов. Другого я не позволю себе. Но это не значит, что я не имею своей оценки, своей точки зрения. Я остаюсь на старой позиции. Я думаю, что сейчас, переходя к независимым государствам, мы вообще вызовем кризис, который может осложнить все реформы, поставить под угрозу всё.

Это как раз тот момент, когда надо действовать. Сейчас мы подошли к тому, что нужно отпускать цены. Это очень тяжелый, болезненный вопрос. Так надо ли на эту болезненность, на эту несогласованность еще добавить такой сложный политический процесс: мы начинаем делить то, что формировалось десять веков. Есть результаты референдума, я не могу их игнорировать. Есть решение Съезда о референдуме, он благословлял его. Возможности есть. Я предложил для общества варианты, путь оно думает. Я ни на чем

не настаиваю, я только способствую тому, чтобы этот процесс пошел. Если общество пойдет на это, это — его выбор.

Вчера мне звонил товарищ Назарбаев. Руководители среднеазиатских республик будут встречаться в Ашхабаде, советоваться. У них есть свое отношение, свои соображения. Они, наверное, их выскажут. Я буду внимательнейшим образом следить за этим процессом. Люди размышляют. Никакого давления оказывать я не хочу, но свою точку зрения до общественности я доводил и доводить буду, потому что убежден, что мы совершаем сейчас большую ошибку.

Если будет поставлен крест на союзном государстве, и я увижу, что этот процесс на каком-то этапе получает поддержку у республик, то я прямо поставлю вопрос о своем уходе. Вот моя позиция, полностью открытая вам со всеми нюансами. Я думаю, время такое, что надо всё говорить начистоту.

Вопрос. Михаил Сергеевич, думаю, что сейчас споры идут не между Кремлем и Белым домом. Я знаю, что сегодня, может быть впервые, и на Украине, и в России вздохнули спокойно. Я все-таки депутат от Украины, притом от той ее части, от Луганска, где проживает много русских. Там тоже большинство голосовало за независимую Украину, независимо от национальности. Потеря Украины была бы смертельной. Может быть, это соглашение о содружестве и есть спасение? И Вы знаете, я вспоминаю дискуссию 14-го числа. Ведь там тоже был главный вопрос: или Союз независимых государств, или реформированное союзное государство. Вот о чем был спор. Этот спор, по сути дела, опять вернулся на круги своя, но уже на базе минского соглашения и в него втянулись все республики.

Михаил Сергеевич, мы сегодня готовились к встрече с Вами и не слышали выступление Бориса Николаевича. Вы не могли бы немножко прокомментировать его? Ведь наверняка у Вас есть, что сказать.

Горбачев. Сам я его не слышал, мне сказали, что выступление было кратким. Ельцин сообщил, что Союз развален и нечего обвинять российское руководство в том, что оно его разваливает. Кравчук высказался более определенно: по его словам, Центр начал разваливать Союз с 1985 года. Поразмышляйте об этом. Это вам особое, домашнее задание. Я думаю, надо задуматься, о чем идет речь.

Вопрос. Михаил Сергеевич, в течение трех дней после совещания в Беловежской Пуще Вы встречались с разными людьми, в том числе

с военными. Как Вы считаете, есть ли надежды на компромисс? Если да, то какие?

Горбачев. Я думаю, просматривается определенный процесс. Это Соглашение будут обсуждать, может быть, как-то его обогащать, какие-то вопросы поставят под сомнение.

Я Вам скажу еще так. В общем-то, никто больше меня не заинтересован, чтобы наше дело не потерпело поражение. Для меня в этом вопросе персональной окраски нет. Вы знаете, что Горбачев способен делать компромиссы, ходы и тому подобное. Но есть вещи, через которые переступить нельзя.

Вопрос. *Михаил Сергеевич, представим себе ситуацию, что действительно процесс пойдет снизу, Союз будет образовываться снизу. Сегодня в Средней Азии будет принято какое-то решение, Закавказье как-то среагирует. Какие будут Ваши шаги?*

Горбачев. Вчера, когда мы говорили с Борисом Николаевичем, он сказал, что должен встретиться с Назарбаевым. Может быть, они собираются даже все трое поехать туда и поговорить. Встреча должна состояться. Я думаю, это Соглашение будет трансформироваться. Особенно в том, что касается механизма функционирования Содружества. Механизма функционирования этого сообщества не видно. Я вчера полтора часа с Борисом Николаевичем разговаривал. Беседа у нас была нормальная, спокойная, как всегда в последнее время. Я понял, что и он не знает, какие же органы будут в Минске. Но сегодня он уже сказал, что вроде бы не все они будут в Минске, что-то будет и в Москве. Предполагается, что в Минске будут встречи, а столичные структуры там размещаться не будут.

В республиках обдумывают предложение трех, обсуждают его в парламентах. И здесь есть вопрос. Если в ЕЭС два парламента: Европарламент и Парламентская ассамблея, то в Содружестве — ни одного. Когда исполнительная власть подминает всю демократию и прибирает всё к рукам, то это означает, что демократы у власти не очень настроены на демократию.

И еще: было Европейское экономическое сообщество, теперь провозглашен политический союз. Причем дрались за него. Коль сказал, что если не будет координации внешней политики государств, он Соглашение не подпишет. Вот такая шла борьба. Там роль Украины выполняла Великобритания. (Смех.) Она, кстати, подписала Соглашение, хотя по каким-то пунктам сделала оговорки. Вот и мы могли бы Договор подписать, а какие-то пункты оговорить. Это было бы нормально. Но тут другое.

Вопрос. Михаил Сергеевич, я хочу коснуться другой тяжелой психологической проблемы. Все руководители нынешних республик — бывшие члены КПСС, которую Вы возглавляли. Одни стали яркими националистами, другие — за раздел страны, третьи — против коммунизма. Но весь политический верх в нашей стране, весь (я подчеркиваю, что не только государственные деятели республик) — практически все бывшие члены одной партии. И теперь поставим себя на место граждан. Как верить всему политическому верху, если вчера все говорили одно, сегодня начали кусать друг друга, разбегаться по разным квартирам и так далее?

Горбачев. Я думаю, что ответ можно получить только от них. Что с этими лидерами происходит, мы видим, а что еще будет происходить, увидим. Что же касается позиций политиков, то они уже под контролем, не так, как это было раньше. И сегодня им уже не удастся вырваться из-под контроля пусть еще молодых, но уже демократически избранных органов — Советов. Должен сказать, что к обращению принизить роль представительных органов надо относиться очень взвешенно. Я не думаю, что представительные органы заняли лучшую позицию, когда они вообще сковали исполнительную власть и привели ее к параличу. Это недопустимо. Надо четко разделить законодательные и исполнительные функции. Но нельзя признать правильной или нормальной идею: а не пора ли разогнать эти Советы, чтобы дать возможность на этом этапе осуществить серьезные реформы, чтобы никто не мешал. Я думаю, здесь ответ на Ваш вопрос. Нужны демократические институты, полноправно функционирующие. И тогда будет видно, кто какую политику ведет.

Например, как можно утверждать, что коммунисты — это все негодяи (как кто-то мне сказал при встрече в российском парламенте, когда я вернулся из Крыма¹⁹¹), и надо, мол, выметать метлой всех коммунистов, весь социализм из Советского Союза! Я ему ответил: остановитесь, у вас «крыша поехала», что ли! Что значит — метлой? 18 миллионов членов партии, у них по 3–4 человека в семье, значит, 70–80 миллионов метлой? До этого даже самые большие мракобесы не додумались.

И потом, мы же видели, какой процесс шел в партии. В ней же как раз и родились те силы, которые взяли на себя смелость решительно пойти на реформы. Взяли на себя груз самой тяжелой ответственности. А ведь они могли и не брать. И мое поколение на 10 лет могло бы себе обеспечить спокойную жизнь. Но под нами уже всё клокотало начиная с 60-х годов. А все попытки начинать реформы душились. Проблемы уже давно стучались в нашем обществе. И на-

до было начинать. Идти в рынок или нет? Выбор был такой: а что хуже? Идти — тяжело, но если не пойдем, то будет еще хуже. Как идти — это другой вопрос.

Вопрос. *Какой Вы видите все-таки выход? Какой смысл вкладываете в Вашу новую, прозвучавшую сегодня, формулу о том, что Вы будете уважать выбор парламентов?*

Горбачев. Я считаю себя убежденным демократом. И был им на всех самых острых поворотах, даже тогда, когда руки опускались. Сейчас и правые, и левые никак не разберутся в том, что происходит. И пресса запуталась окончательно.

Сколько раз Горбачев получал чрезвычайные полномочия, но ни разу их не использовал! Подумайте и об этом.

Вопрос. *Михаил Сергеевич, Вы сказали сейчас очень серьезные слова о том, что, если республики поставят крест на Союзе, то Вы не вправе считать себя обязанным занимать пост Президента.*

Горбачев. В минском соглашении нет ни Президента, ни Верховного Совета.

Вопрос. *Означает ли это, что Вы заняли выжидательную позицию, давая процессу развиваться?*

Горбачев. Я не сказал бы, что занял выжидательную позицию. Я уже недели две почти каждый день выступаю по этому вопросу. Так что я не выжидаю, а излагаю свою точку зрения. Я обратился прямо к парламентариям. Встретился с белорусскими и украинскими журналистами, дал развернутое интервью французскому телевидению. Выступил перед руководящими кадрами Вооруженных Сил. И наконец, сделал заявление в связи с минским соглашением.

Я за то, чтобы общество сделало свой выбор сознательно. Я уже говорил и хочу повторить: совершается большая ошибка, разрушается государство.

Вопрос. *Михаил Сергеевич, Вы однажды сказали, что в определенный момент готовы обратиться через голову политиков...*

Горбачев. Я и делаю это прямо сейчас. Заявляю, что всё должно идти в рамках конституционного процесса.

Вопрос. *Михаил Сергеевич, мы действительно уважаем Вас как большого и реалистичного политика. Но, простите, создалось впечатление, что в последнее время чувство реализма Вам иногда изменяет. Я имею*

в виду некоторые моменты Вашего интервью Украинскому телевидению¹⁹². Отдаете ли Вы себе отчет в том, что сейчас базой общественного процесса становится Соглашение, а не Союзный договор, и что, жестко выступая в поддержку Союзного договора, Вы ставите себя в оборонительную позицию?

Горбачев. Мой подход состоит в том, что я проявляю уважение к другой точке зрения. Я уважаю конституционный процесс. Я буду уважать то, что, в конце концов, примут парламенты, и для меня тут проблемы нет.

Я просто хочу показать логику и возможные опасности, которые реализация вот этой концепции может вызвать. Мне не хочется ошибиться, но неразбериха может возникнуть, и я ее прогнозирую при таком столкновении двух мощных дезинтеграционных процессов. В экономике мы стоим перед проблемами. А если сейчас начать выяснять где чьи границы, кто где живет, кому где жить, чья армия... Я говорю, чтобы все слышали. Это сорвет процесс, похоронит его, создаст ситуацию, с которой будет разбираться совершенно другая структура.

Мы получим хаос, из которого уже демократическими путями не выберешься, придется применять жесткие меры, чего мне очень не хотелось бы. Надо быть очень внимательными, очень внимательными.

Я вчера Борису Николаевичу сказал: вы понимаете, к чему вы подталкиваете?

Вопрос. Борис Николаевич сказал, что армия поддерживает новый Союз снизу, то есть Содружество.

Горбачев. На моей встрече с руководством армии речь шла не столько о Союзе; может быть, у Б.Н. Ельцина шел об этом разговор, а у меня речь шла о том, что идет сложный процесс, армия должна сохранять спокойствие, выдержку.

Вопрос. А что же с ядерной кнопкой?

Горбачев. Будет объединенное командование, с кнопками там будут разбираться. Сегодня известно, где она находится, а там пусть разбираются. Это уже без меня.

Вопрос. Михаил Сергеевич! Не кажется ли Вам, что есть некоторые иллюзии. Например, народ высказался на референдуме в марте сего года. Но мы же помним, кто писал текст этого пункта по голосованию — товарищ Лукьянов, какой Верховный Совет утверждал эту формулировку.

И выборы на Украине подтвердили, что те украинцы, которые голосовали «за» год назад, потом фактически проголосовали против этого. У Вас тоже, в общем, сейчас позиция как у демократа достаточно мягкая, но вместе с тем она не очень определена. Вы говорите, что не будете мешать, но вместе с тем, Вы — Главнокомандующий, Вы — Президент, встречаетесь с армией, с представителями средств массовой информации и так далее. Может быть, занять более определенную позицию?

Горбачев. Самая определенная моя позиция состоит в том, что я сделаю всё, чтобы выбор народа по этому главному вопросу шел в конституционных рамках. Это, по-моему, самое главное.

Вопрос. *Ну, а как можно определить, что выбор уже состоялся? Сейчас три республики, затем, предположим, пять, поддержат это содружество, шесть, семь.*

Когда Вы скажете, что выбор уже произошел, и Вы уходите? Нельзя же исходить из того, что Содружество поддержат все 15 республик.

Горбачев. Этого не требуется, я думаю.

Вопрос. *Где же предел, по Вашему мнению?*

Горбачев. Я думаю, что это будут все те же 9–10 республик. Речь идет о том, что и 9, и 10 республик могут войти. Эта формула содружества ко многому, так сказать, не обязывающая, позволяет многим решиться и войти в него. Однако можно ли так обращаться с нашим государством, начинать его кроить? Где эти ножницы? И вообще, на каком основании? Иисус Христос не разделит нашего общества, оно перемешалось. Не стану перечислять все проблемы нашего общества. Упомяну лишь некоторые из них: 75 миллионов человек, проживающих за территориями своих национальных образований; оборона — вы знаете, что она опирается и на прибалтийские определенные коммуникации и объекты, в том числе стратегического назначения. Эти связи нельзя разрывать; наука — вы знаете, в Академии наук пошел процесс дезинтеграции, гибнут целые центры. Воспрепятствовать этому можно только на основе сотрудничества.

Ну и самое главное. Уровень кооперации у нас почти в полтора, два раза выше, чем в Европейском сообществе. И это существовало и существует в Союзе, а что будет в Содружестве — мне трудно предсказать. Но дело в принципе — зачем всё разрушать вместо того, чтобы дать простор рыночным механизмам и автоматизму этих механизмов?

А мы ринулись вперед, как будто охмелев, потеряв голову. Я вынужден это говорить. Слишком серьезна реальность, затрагиваю-

шая расселение людей, затрагивающая экономику, оборону, науку. Или возьмем сферу спорта. Спортсмены никак не добьются, чтобы кто-то сформировал и поддержал олимпийскую команду, которая может одержать победу. Вы понимаете, все вопросы стали очень сложно решаться. Сейчас. А что дальше будет, когда каждое государство — независимое и сотрудничает только на определенных принципах? Я очень сомневаюсь, что всё быстро получится. Мы, уходя от унитарности, которую я хороню, так сказать, возглавляя этот процесс, не смогли остановиться там, где это нужно. И пошли на разрывы, на развал, на распад...

[В записи, хранящейся в АГФ, пропущены листы 20 и 21.]

Вопрос. Михаил Сергеевич, Вы сами говорили, что государство формировалось тысячу лет. Ну, какая разница, как мы назовем его: Союзом или Содружеством. Всё равно, так сказать.

Горбачев. Вы понимаете, нет единой страны. Появятся новые государственные границы. Их установят, а у нас их не было. У нас внутри страны было административное деление. Теперь же будут государственные границы. Это же независимые государства. В общем, множество проблем.

Вопрос. Вы уверены, что мы избежим судьбы Югославии?

Горбачев. Борис Николаевич мне вчера говорил: не пугайте, ради бога, Югославией. Давайте делать всё, чтобы этого не случилось.

Вопрос. Михаил Сергеевич, оставляете ли Вы все-таки возможность для сотрудничества с Содружеством?

Горбачев. Институт Президента исчезает. Если исходить из Соглашения, о котором речь, то нет же страны, а нет страны, нет и Президента. Правда, президентов у нас сейчас много. Поэтому не так уже большая потеря одного из них. Страну мы потеряли — это важнее.

Тут пытаются создать видимость, что Горбачев стремится под себя подогнать структуру. Во-первых, если бы я так под себя греб эту власть, то не затевал бы все эти процессы. А я все-таки продвигал их, и они привели уже к колоссальным переменам. Я, между прочим, это и на Госсовете говорил: знаете, друзья, если вам тяжело под этим Президентом ходить, вам нужен другой, то я готов уйти.

Вы утверждайте структуру нового Союзного договора, а я тут же формулирую как приложение, что не буду участвовать в выборах

Президента, но стою за то, что нужна страна, реформированный Союз, но интегрированный, а не дезинтегрированный, он уже и так дошел до распада. Не могу участвовать в этом процессе и не буду. Вот вам ответ.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, Вы сказали сейчас очень хорошую фразу — давайте будем делать всё для того, чтобы не случилось как в Югославии. Ваши действия: что Вы сегодня, завтра намерены делать?*

Горбачев. Всё для того, чтобы процесс не вырвался из конституционных рамок.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, сейчас все создают свои партии. Скажите, Вы не собираетесь создать свою партию в поддержку Союза?*

Горбачев. Я приветствую создание партий. Демократии без партий не может быть.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, очень много шума вокруг средств КПСС за границы.*

Горбачев. Я уже пытался «копать» в этом направлении, но не докопался...

После заметки, которую повторила на днях «Советская Россия», а сначала появилась в «Правде», я поручил отыскать из числа бывших сотрудников аппарата ЦК КПСС того, кто занимался финансами. Наш товарищ Пансков, финансист, беседовал с товарищем Капанцом из финансово-бюджетного управления. Тот сказал, что никаких счетов за рубежом КПСС не имеет, ничего не перечислялось, кроме того, что шло по линии известного фонда помощи, возникшего еще во времена Третьего Интернационала. Суммы были небольшие. Америка помогала своим, Советский Союз — своим. Вот и всё. Был период «холодной войны». Затем появилось новое мышление — о нем забыли, как будто это произошло без Горбачева. А то, что вокруг нас происходит, не имело бы места, если бы мы не изменили всё, в том числе принципиально всю политику.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, а после подписания вот этого тройственного договора были у Вас какие-то контакты с Бушем, с Колем или с Миттераном, телефонные разговоры?*

Горбачев. Нет. Вообще, во всей этой истории больше всего меня поразило следующее. Мне в воскресенье (8 декабря) позвонил Шушкевич и сказал: «Мы здесь вышли на Соглашение, и я хочу Вам его зачитать». — Какое соглашение?» — спросил я. — «Да, вот...

знаете, это Соглашение уже поддерживают, мы тут говорили с Бушем». — «Вообще, это позор! — я ему говорю. — Вы разговариваете с Президентом Соединенных Штатов Америки, а Президента страны не информируете». Это стыдно, так не годится. Но тем не менее, я это пережил. Потому что есть страна, есть люди, о которых надо думать. Они сегодня стоят в очередях с утра до ночи. Меня никогда не выбивало из колеи, однако этот факт меня поразил: Шушкевич ставит меня в известность, а Борис Николаевич переговаривается с Бушем.

Корреспондент. *Считаете ли Вы, что происходящее сейчас в стране Вами не управляется?*

Горбачев. Ну, в общем-то то, что сейчас происходит, я считаю нормальным. Однако я перешагиваю и через это. Есть реальности, с которыми я должен считаться, но сейчас важно, чтобы этот процесс шел, все-таки не теряя политического характера. Для меня давно ясно было, что силой ничего не решишь. Конечно, бывает ситуация, когда нужна сила, могут возникнуть ситуации, когда нужно вводить чрезвычайное положение в стране, но всё же это исключение.

Корреспондент. *Мы получили вчера заявление известной Нины Андреевой. От лица своей партии она назвала то, что произошло, путем и предложила немедленно выпустить из Матросской Тишины Янаева, Язова, Крючкова.*

Горбачев. Она исключила меня из партии. Меня кто-то спросил, как Вы это рассматриваете? Я ответил, что это для меня — как орден.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, могу я задать один вопрос, который выходит за рамки нашей темы? В связи с тем, что произошло, в связи с тем, что Вы нам сказали, не считаете ли Вы, что сейчас возрос риск того, что к власти могут в ближайшее время прийти люди, программы которых основаны на идеях национал-патриотизма?*

Горбачев. Я должен сказать, этот риск есть.

Корреспондент. *Он возрос сейчас?*

Горбачев. Во всяком случае, некоторые из них увидели в этом заявлении Андреевой то, что отвечает их интересам.

Корреспондент. *Что Вы имеете в виду?*

Горбачев. Подход с позиции силы. Я думаю, что все мы понимаем свою ответственность. Это не произойдет. Что-то, а у русского

человека, да и у остальных, а у русских в особенности, не отнимешь умение жить с другими народами, ладить и делить всё. Нет, это для русской нации неприемлемо. Однако эту карту кто-то разыгрывает и пользуется любым случаем, чтобы так или иначе ее использовать.

Корреспондент. *А если всё же эти 9–10 республик присоединятся к этому Содружеству, риск станет меньше?*

Горбачев. Конечно. Я думаю, это все-таки произойдет, хотя, наверное, они что-то возразят, что-то внесут, какие-то свои позиции.

Корреспондент. *Если будет тот Союз, который Вы замыслили, останетесь ли Вы тогда?*

Горбачев. Безусловно. Тогда я готов себя отдать всего до конца. Я знаю, как надо объединять умы, ведь я руководил Госсоветом. Я уже полтора года воюю за то, что нам нельзя разделиться. Нам надо перераспределить полномочия. Вы помните это. Я давно выдвинул этот тезис. Соответствующее перераспределение полномочий сняло бы необходимость выяснять вопросы о границах и прочее. И в то же время полностью суверенные государства. Независимость? Хорошо. Суверенность? Суверенность! Что же при этом мешает? Выборы проводят сами, избирают кого хотят, никаких рекомендаций откуда-то, давления из Центра нет. Согласны участвовать в этом? Участвуйте. Не согласны — не участвуйте. Так что же, что же еще нужно?! То, с чем мы сталкиваемся сегодня, это уже политические амбиции, это уже влияние сепаратистских сил. Но позвольте, это не народные и не национальные интересы. Национальным интересам отвечает то, чтобы это союзное государство было реформировано, но сохранилось. Я уверен, что именно это отвечает национальным интересам.

А вообще, какое мы имеем право резать отечество как пирог? Мы пришли в сей мир на 60–70 лет, создавалось же наше государство десять веков, после нас будут жить поколения, а мы начали Отечество как пирог резать. Так что, разрежем пирог, выпьем и закусим? Нет! От меня этого не ждите! Это не позволяют мне ни мои убеждения, ни моя мораль, ни пост, который я занимаю.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич! Не столько вопрос, сколько надежда, пожелание. Мы хотим надеяться, что к Вашей реалистической оценке нового процесса не примешивается горечь поражения.*

Горбачев. Нет! Это исключено. Я об этом и Борису Николаевичу вчера сказал, мы с ним всегда говорим откровенно.

Члены Госсовета могут подтвердить — это моя неизменная позиция. Знаете, в конце концов каждый в политике делает выбор. Вот они сделали свой выбор коллективно, втроем, к ним присоединяются другие. И всё идет вроде бы пока нормально. Я хочу, чтобы так и шло. Но дальше смотрите сами.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, Вы возможность проведения Съезда еще видите?*

Горбачев. Я вижу также и возможность референдума. Я уже был в свое время инициатором референдума. Первого в истории нашего Отечества. Народ проголосовал тогда за Союз. Я уже говорил своим коллегам, что, выйдя на Союз Суверенных Государств, который я предложил определить как конфедеративное государство, мы отступили от того, что я понимал под обновленным Союзом, но всё же мы могли еще говорить о единой стране, едином Отечестве.

И, по чести говоря, надо было и новое образование — Союз Независимых Государств представить на суд народа. Пусть народ решит — согласен разделить страну или нет.

Корреспондент. *Если инициатива Брестской встречи будет доведена до конца, не согласились бы Вы участвовать в будущем в каких-либо структурах СНГ?*

Горбачев. Нет, но я готов участвовать в процессе окончательного перехода к новым структурам.

Я не разделяю позицию создателей СНГ, но обсуждаю с ними все интересующие их вопросы. После Минска я уже встречался с Ельциным, Назарбаевым, Муталибовым, и с Акаевым беседовал. Вчера опять Назарбаев звонил, он мне сказал, что азиатские республики собираются обсудить свою совместную линию в Ашхабаде. Так что я, как видите, участвую в этом процессе.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич! Есть еще один вопрос, может быть, не совсем по этой теме. Не так давно, анализируя экономическую ситуацию в распадающейся стране, Вы предостерегли, что в праведном возмущении народ может выйти на улицу.*

Горбачев. Это стало бы демократическим выступлением. Другое дело, что кто-то захочет спекулировать на этом.

Корреспондент. *Да, могут...*

Горбачев. Это могут сделать люди крайних убеждений, «политические спекулянты». Они воспользуются тем, что недовольства у людей хватает. Поэтому надо сделать всё для того, чтобы этого не произошло.

Корреспондент. *Как, по-Вашему, можно избежать использования недовольства народа реакционными силами?*

Горбачев. Я думаю, только через продолжение реформ. Весь вопрос — как идти, как их проводить? Вот Отто Лацис и тот молчит, а я ведь его неоднократно защищал на последних пленумах. Неужели напрасно?

Лацис. *Но я Вас тоже защищал. (Смех.)*

Горбачев. Ну тогда ладно, хотя я думаю, что ему не очень-то удалось показать, как нужно осуществлять реформы. Итак, главный вопрос — как проводить реформы, в какой последовательности? Это исключительно важно.

Во-первых, по пути реформ надо идти вместе. И я использовал всё свое влияние, чтобы убедить Бориса Николаевича и Госсовет в необходимости скорейшего поиска решений, создания общих структур управления. Команда Силаева подготовила пакет предложений по ценам, социальной защите, налоговой политике, подошла к вопросу о Банковском союзе. Есть всё необходимое, чтобы реформы заработали. Иногда говорят, что Россия пойдет на реформы первой, а остальные, мол, подтянутся. Но так не будет потому, что мы составляем единое целое, скрепленное сетью связей. Отсутствие единства увеличит трудности. А во-вторых, надо решительнее проводить реформы, развязать инициативу производителя, фермера, предпринимателя, торговца, госпредприятия. Это особенно важно для госпредприятий. На недавней встрече представитель Советов трудовых коллективов сказал мне, что, если на следующем этапе реформы госпредприятия останутся без внимания, и вы простимулируете только предпринимателей, а в условиях нашей работы ничего не изменится, то мы вам устроим путч и не такой, как в августе.

Рабочие требовали права распоряжаться конечным продуктом, частью прибылей. Этот вопрос надо решать, чтобы развязать инициативу госпредприятий. Здесь необходим и пакет защитных мер, особенно для малообеспеченных, иногда просто нищенствующих. При такой последовательности будет логичным и либерализация цен. А если всё свести к высвобождению цен, как это было у Рыжко-

ва, а потом Павлова, то на товарном рынке всё будет сметено. При чем каждый здесь защищает только себя, свой рынок. На Украине, готовя победу Кравчука, каждый день передавали, сколько колбаса стоит в Москве, а сколько в Киеве.

Голос. Но ведь цены надо отпускать в любом случае.

Горбачев. Согласен, но нужна последовательность шагов...

Голос. Последовательность как раз в том, что прежде всего отпускают цены. Без этого ничего не будет.

Горбачев. Я согласен, что это необходимо, но если не принять компенсирующих мер, то народ выйдет на улицы. Тогда уже ни российское, ни украинское руководство, никто ничего уже не сможет сделать. Мы должны всё сделать, чтобы этого не произошло.

Нам надо всем вместе выжить в нынешней ситуации. Я не могу не повторить, что считаю ошибкой то, что страну начали кроить, рвать, делить. Это уже не страна. Встает вопрос, кто теперь будет ее представлять в Организации Объединенных Наций? Мы можем лишиться места в Совете Безопасности.

Корреспондент. Нет ли у Вас ощущения, что Вас не слышат, и не потому, что пресса чего-то не сообщает или не передает какое-то Ваше интервью? У Вас нет ощущения вакуума?

Горбачев. У меня такого ощущения нет.

Корреспондент. А у нас есть.

Горбачев. У меня нет. Посмотрите, как понимается в стране идея независимости. Сотрудник посольства США побывал в Киеве и провел там в день референдума свой опрос. Все из 20 опрошенных высказались за независимость и вместе с тем 17 ответили, что они за Союз и за Украину в Союзе.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

В заключение встречи Горбачев достал из своей папки испещренный пометками текст.

Горбачев. Хотите знать, что сулит миру расчленение России? Вот что писал русский мыслитель Иван Ильин в начале века: «Расчленение организма на составные части нигде и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно

всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, гниения, всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянут весь мир. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. И это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира — европейские, азиатские — будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в возникшие малые государства. Они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания в опорных пунктах. Мало того, выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое господство в неустроенных и незащищенных новообразованиях, и мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже в послебольшевистском хаосе, особенно выдавая его за высшее торжество свободы, демократии и федерализма. [Это не я говорю, а то вы подумаете, что это — мои слова.] Откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки бразды правления и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране, или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижения, возвращения, отмщения, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия».

Вот этого нельзя допустить в любых вариантах. Я уверен, что мы делаем ошибку, вот почему я так серьезно обеспокоен. Опаснейшие мины заложены в историю нашего государства.¹⁹³

Печатается по тексту:

Грачев А.С. Дальше без меня... С. 207–208.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СССР В СВЯЗИ С ОТЗЫВОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РСФСР ИЗ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

12 декабря 1991 года

Верховные Советы Республики Беларусь и РСФСР приняли решение об отзыве своих представителей из Верховного Совета СССР. В связи с этим заявляю следующее.

Подобные решения в нынешней трудной политической и социально-экономической ситуации в стране не служат стабильности общества. Сейчас, когда на карту поставлена судьба государства, надо всё сделать, чтобы решения по этому главному вопросу были продуманными, взвешенными и безошибочными. А это можно сделать только на основе конституционности и нормального демократического процесса. Торопливость здесь недопустима, ибо она может обернуться тяжелыми последствиями для народов.

Призываю парламенты обеих республик еще раз вернуться к рассмотрению этого вопроса.

*Печатается по тексту публикации
в газете «Правда», 14 декабря 1991 года.*

БЕСЕДА СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ Д. ЭПЛЯРДОМ

13 декабря 1991 года

Горбачев. Приветствую Вас. Вы, конечно, хотите узнать, куда Вы приехали и что происходит.

У нас был процесс, который завершался. Он начался с проекта, который мы разработали с Ельциным и передали как наше предложение республикам. 25 ноября, когда мы утверждали этот документ, возникла очень серьезная дискуссия. Центральный вопрос был следующий: что у нас будет — союзное государство или союз государств. Кажется, чисто словесный спор. Но за ним стоит вопрос о том, будет ли у нас одна страна или мы разделимся на несколько стран, со всеми вытекающими отсюда последствиями для гражданства, экономики, Вооруженных Сил и так далее.

До «украинского феномена» у нас было понимание, что будет конфедеративное государство с едиными Вооруженными Силами, экономическим рынком, согласованной внешней политикой, валютой, банковским союзом, энергетикой, космической деятельностью, транспортом и связью, то есть все те сферы, где Союз работает для всех. Для этого предусматривался соответствующий небольшой Центр.

В ходе обсуждения мои коллеги заявили, что это должен быть Союз, но не союзное государство. Моя позиция была такова: хорошо, если хотите идти по этому пути, вы можете идти по нему без меня. В общем, в конце концов мы договорились, что будет конфедеративное государство.

Но после украинского референдума процесс с этой колеи сошел на другую колею. Это была идея российского руководства. Вроде бы для того, чтобы подключить Украину. Но Россия уже давно выдвигала эту идею. Я же считал, что это ошибка. Без союзного Центра у России получается совсем другая роль.

Посмотрите, что получилось после августовского путча, когда со стороны России были предприняты некоторые действия, выглядевшие как имперские. Но то, что произошло в дни переворота, на этот раз вызвало реакцию, и республики сказали, что это не пройдет.

Так что объективно Центр необходим. Он необходим России для того, чтобы она могла осуществлять свою роль. Он необходим и республикам как их Центр, где поддерживается паритет, где можно вести обсуждения, согласования и так далее.

После украинского референдума, однако, российское руководство вернулось к той старой концепции. Говорят, дескать, Россия никогда не была против Союза, но как без Украины? Это несерьезно. Ведь 8 республик готовы были подписать Союзный договор, в парламентах уже начались обсуждения. У меня на столе лежит заключение одного из комитетов российского парламента, который поддерживал Договор и даже предложил, что в Союзе необходимо иметь Конституцию, чего в Договоре не предусматривалось.

Как могла бы присоединиться Украина? Если бы она не захотела быть полноправным членом, то во всяком случае была бы членом оборонительного союза. Об этом ведь Кравчук говорил и когда был кандидатом в президенты, во всяком случае в отношении стратегических вооружений. Украина уже является участником Экономического договора. Она подписала бы соглашение о научно-техническом сотрудничестве и другие. В общем, можно было бы представить себе дифференцированные связи между Украиной и Союзным договором. Это вопрос времени, поиска.

Однако Президент России после украинского референдума вернулся к своей старой позиции. Вот где корни того, что произошло.

Моя позиция состоит в следующем: политики должны иметь дело с реальностями, считаться с ними. И вот есть эта реальность. Процесс пошел, и другие республики к нему присоединяются. Проявила интерес Молдова, о поддержке заявил Тер-Петросян. Позитивное отношение высказали республики Средней Азии, хотя они высказали замечания и осудили то, как это делалось. Они считают, что процесс должен идти на правовой основе.

Но это, повторяю, реальный процесс. И то, что в нем участвует Украина, — это позитивно. В Договоре о содружестве очень многое

взято из Союзного договора, Экономического соглашения. Короче говоря, если республики заняли такую позицию, то я, как Президент, должен принять это как реальность и содействовать этому процессу. Но нужно добиваться, чтобы он шел в законных рамках, чтобы это не выглядело, как получилось в Минске, за спиной парламента и народов.

Вот республики приняли решение об отзыве своих депутатов из Верховного Совета СССР. Я призвал их еще раз подумать. Ведь нельзя же действовать как разбойники с большой дороги. Я считаю, что если процесс начался, то он должен идти конструктивно, и я говорю им, что вы можете идти по этому пути уверенно.

Но вот чего нет в Соглашении — это механизма взаимодействия. Там лишь эскиз, экспромт. И если говорить в этой компании откровенно, то много несерьезного. Однако процесс пошел и получает поддержку. Правда, сначала я навалом получал телеграммы протеста. Но сейчас есть и телеграммы, где меня просят поддержать процесс и помочь сформировать Содружество.

Я настаиваю, чтобы процесс шел в конструктивных рамках, чтобы и стране, и миру было спокойно. Я слежу за тем, что происходит в отношении Вооруженных Сил, особенно стратегических сил. Вот почему и я, и Ельцин встречались с армейским руководством, причем на мою встречу я попросил пригласить комсостав, включая командиров дивизий. Они разделяют точку зрения, что всё должно быть решено законным образом и что никто не должен пытаться использовать армию в политических целях.

Я желаю этому процессу успеха. Больше нас с Яковлевым никто этого не желает. Ведь мы начинали всё это, шли, так сказать, с подножья этой горы. Поэтому я объективно заинтересован в успехе, даже не веря в эту концепцию. Так что если не успех, то пусть хотя бы будет полу-успех, чтобы разрыв не принял катастрофические формы, чтобы всё не обрушилось. Ведь это важно не только для нашей страны, но и для всего мира и особенно для Европы. Ведь если у нас обрушится, то плохо будет всем.

Я говорю каждый день с республиканскими руководителями. Сегодня два раза говорил с Ельциным. Говорил с Кравчуком. Я сказал ему: что ты рвешься к Вооруженным Силам. Он объявил себя Главнокомандующим, и я сказал ему, что не советую так поступать, более того, не допущу этого. Он мне отвечал, что никак не касается стратегических сил, но вот, дескать, Верховный Совет принял решение, и «я должен что-то делать».

Моя позиция состоит в том, что сначала необходимо в первоочередном порядке разработать оборонительный договор и распределить функции в этой области с учетом создания Содружества. Он обещал, что всё будет делаться только поэтапно, на основе соглашения. Я направил в Киев двух генералов для обсуждения этих вопросов.

Я говорил также на эту тему с Ельциным. И он сказал: мы никаких шагов не предпринимаем, всё в порядке. Так что наши партнеры на Западе могут чувствовать себя спокойно. В отношении стратегических сил всё абсолютно ясно, а с остальными войсками мы решим. Но я сказал Ельцину, что такие вопросы нельзя решать автоматически. Если у Украины будет полумиллионная армия, то она будет третьей по численности в Европе. Я думаю, и нашим партнерам небезразлично, идет ли этот процесс под контролем или происходит распад. В общем, на этот счет сейчас есть договоренности, и я сразу же после разговоров с Ельциным и Кравчуком просил передать об их содержании прессе.

Всё требует большой работы. В соглашении о Содружестве не предусмотрено совместных институтов. А сейчас общество очень дезинтегрировано как результат парада суверенитетов, всё нестабильно. И это надо преодолевать. Нельзя позволить, чтобы этот процесс еще более усугубился. Ведь из нестабильности рождаются диктатуры, и мы уже видим, как появляются «мохнатые морды». Поэтому механизмы надо создавать быстрее.

Здесь — центральная точка, по которой я расхожусь с моими коллегами из республик. В их подходе страна разделена. Вы можете сказать: но ведь и у нас это было, но мы этим переболели. Почему же Горбачев, вроде бы не консерватор, а не двигает здесь «новое мышление»? Но все-таки это разные вещи. У нас единое государство было всегда, оно расширялось концентрическими кругами и постоянно функционировало как единый организм, так шло расселение людей и так далее. Были, конечно, какие-то «включения», в частности Прибалтика, но это не главное.

И вот сейчас страну разделяют, и десятки миллионов людей оказываются вне своих государств. Я не представляю себе, как будут всё это кроить. Нет такого закройщика, который сможет это сделать. Они говорят, что всем будут даны гарантии и так далее. Но я утверждаю, что нельзя закладывать под будущее столько бомб. Все это потенциальные Карабахи. Ведь с Карабахом когда-то решили, и потом эта проблема возникала каждые десять лет. А тут — 12 миллионов

русских на Украине, 6 миллионов — в Казахстане, полмиллиона азербайджанцев в Грузии и так далее.

Я должен смотреть на эти вещи не просто как политик, а как государственный деятель — с точки зрения большой перспективы. И я говорю, что эти мины будут взрываться, что это будет происходить каждый раз, когда будет ухудшаться состояние экономики, возникать социальная напряженность и так далее. Но наши новые политики этого не понимают.

Миру повезло, что когда стало необходимо понять, что надо прекратить глобальную конфронтацию — иначе взорвемся, была когорта политиков, которая это осознала и действовала ответственно, зрело. А у нас сейчас на арену вышли новые политики, популисты, которые до сих пор занимаются обещаниями, не понимая, что надо уже отвечать перед людьми, что люди спросят с них. Вот и получается, что мне с ними тяжело, да и им со мной. Хотя, казалось бы, всё должно быть нормально, надо сочетать мой опыт и их. Но вот, видите, им хочется, так сказать, попробовать. Как мужчина с женщиной сходятся, детей нет, ну попробуем вместе жить. Но ведь у нас такая страна, что если тряхнет, то это же не Югославия!

Я вижу необходимость в конфедеративном союзе. А в ближайшей перспективе стоит вопрос, как согласовывать действия в движении к рынку. В аморфном образовании это будет сделать очень трудно. Я говорю: смотрите, Европейское сообщество преобразуется в Союз. Коль и Миттеран воюют с англичанами за это. Впрочем, вы уже договорились. И я ведь сам начал процесс ухода от унитарности. Но у Советского Союза 15 тысяч международных соглашений. Кто правопреемник? Кто займет место постоянного члена Совета Безопасности ООН? Кто будет выполнять договоры? Так что всё запутано, и раздел — это плохо и с внутренней, и с внешней точки зрения. А Союз, пусть даже «мягкий» — это было бы нормально для страны и для мира. Но не получилось. В народе — за Союз, а наши политики нет.

Я намерен использовать свой потенциал, свои политические возможности, положение Президента для того, чтобы обеспечить движение этого процесса в рамках законности, Конституции. Не дай Бог, если будет иначе. Я трижды сказал своим коллегам: дай Бог, чтобы вы преуспели. Я этого хочу. Но вот уже сюрприз с Украиной. Ратифицируя Соглашение, они внесли поправку: вместо свободы передвижения и открытых границ говорится о «беспрепятственных контактах» граждан. Поэтому я и спрашивал Ельцина: а вы во всем

разобрались? Он говорит: другое не проходит, через 10 лет, наверное, будет Союз, а сейчас не проходит.

Я ставлю вопрос о гражданстве. Вот, скажем, украинец служил в Алма-Ате, женился там и остался жить. И у него остались все права, социальная защита и так далее. А как теперь? Он говорит, что будет двойное гражданство. Но какое это будет иметь значение? Ведь вот вам уже Украина вместо свободы передвижения дает «беспрепятственные контакты». А 75 миллионов человек, которые живут вне своих государств? По талонам, что ли, будут ездить?

Дальше. Восемьдесят процентов офицеров и генералов войск, расположенных на Украине, — русские. Получается, что во главе украинских вооруженных сил — «иностранные офицеры». Что будем — гнать людей туда-сюда?

Или, например, на границах, так уж сложилось, в основном несут службу славяне. Значит, границы, скажем, Азербайджана тоже теперь охраняют «иностранцы». Всё это простые вопросы, но они их не обдумали. А внешние дела? Шеварднадзе за голову схватился!

Таким образом, наша задача сейчас состоит в том, чтобы наполнить Содружество содержанием, но делать это без грубого вмешательства. Поэтому я высказываюсь, когда меня спрашивают коллеги, через прессу довожу свою точку зрения. Я спросил, почему Россия и Беларусь отозвали своих депутатов? И сегодня Шушкевич собрал белорусских депутатов, чтобы найти формулу участия. Что касается России, то они, как они объяснили, отзывают народных депутатов СССР (скажем, Яковлева — ему не доверяют), а депутаты России в Верховном Совете СССР остаются, им доверяют.

Я буду использовать свои возможности, но не вижу необходимости звать людей на площади. Это недопустимо, народ устал. И вообще, народ смотрит на это так: пусть делают, может быть, получится.

Но я стою на прежней позиции: нельзя рвать страну, нельзя резать ее, как пирог, для закуски и выпивки. В то же время я занимаю сбалансированную позицию. Это не позиция противостояния. Сначала кое-кто говорил, что это второй путч. Но я против такой характеристики, это не нужно. Сейчас подключились Верховные Советы, и это реальность — процесс завязался, и пусть он идет.

Но очень важный вопрос — структуры. Я боюсь, что на нашу нынешнюю неразбериху и неорганизованность упадет еще и этот обвал, и последствия будут очень тяжелыми.

Теперь о том, чего мы ждем от наших партнеров, от «семерки», председателем которой является господин Мейджор. Должен сказать, что я очень удовлетворен сотрудничеством с ним. Его позиция

после июля приобрела большой масштаб, я чувствовал его большую расположенность к нам. Я знаю, что он понимает те процессы, которые у нас идут. Пожалуйста, передайте ему, что нельзя останавливать помощь. Надо ее увеличить. Надо всё сделать, чтобы спасти демократию у нас. А это значит, необходимо продовольствие, товары, медикаменты, надо не допустить, чтобы люди вышли на улицу.

Эплярд. Спасибо, господин Президент. Премьер-министр и министр иностранных дел просили меня прибыть сюда и передать их приветствия и наилучшие пожелания. Мы с восхищением следили за осуществляемыми Вами реформами, за тем, как Вы вели себя во время путча.

Горбачев. Да, после путча было трудно вернуть страну в колею, но нам удалось это сделать.

Эплярд. Перед мной были поставлены две задачи. Во-первых, из первых рук получить представление о последних событиях в Москве, Минске и Киеве. В этом плане Ваше изложение представляется чрезвычайно интересным и полезным. Я передам его нашему Премьер-министру и правительству.

Вторая задача заключалась в том, чтобы поднять именно те вопросы, о которых говорили Вы и которым на Западе придается большое значение. Это вопрос о международных обязательствах Советского Союза в новой ситуации. Речь идет, конечно, о договорах по СНВ, РСМД, обычных вооружениях, химическом оружии, большинство из которых разработаны и подписаны Вами.

Горбачев. Я буду всё делать для того, чтобы в Содружестве были определенные институты по координации внешней политики. Если нет, то будет каша, будет трудно осуществлять договоры и соглашения. Однако украинцы уже заменили координацию на «консультации в области внешней политики». Это плохо, неприемлемо. Давайте совместно действовать — я, Ельцин отсюда, а вы оттуда. Содружество в этих вопросах должно иметь лицо, и через это, видимо, можно решить вопрос о месте в Совете Безопасности ООН. А что касается разного рода визитов, договоров, проектов, то тут у республик огромная свобода.

Так что, видите, я воюю, как будто собираюсь работать с ними... Я делаю это потому, что главное — это чтобы дело удалось.

Эплярд. Важное значение имеет также выполнение обязательств по СБСЕ, особенно в области прав человека, положение меньшинств, принцип нерушимости границ, а также финансовые обязательства.

Горбачев. На этот счет договоренности подписаны, и они остаются в силе.

Эплард. Второй вопрос, который имеет огромное значение для Запада, касается контроля ядерного оружия.

Мы считаем, что то, что происходит, затрагивает наши интересы, ибо мы заинтересованы в стабильности. Мы сделаем всё возможное для того, чтобы сотрудничать в этом процессе в интересах сохранения стабильности. Как Вы отметили, Премьер-министр является координатором «семерки». К сожалению, из-за событий, связанных с совещанием в Маастрихте¹⁹⁴, он не сможет, как надеялся, прибыть до конца года в Москву.

Горбачев. Ну, наверное, и из-за событий в Москве. Жизнь обгоняет нас, история снова ускоряет свой ход.

Эплард. Но и при координаторе ФРГ мы будем сохранять большую заинтересованность в поддержке ваших реформ.

Горбачев. Надо бы попросить, чтобы еще на год оставили посла Брейтвейта.

Эплард. У нас железное правило, что по достижении 60-летнего возраста посол уходит в отставку. В случае победы на выборах Дж. Мейджора, господин Брейтвейт займет важный пост.

Горбачев. Передайте Джону, что я желаю ему победы. А с послом мы сработались. У нас с ним живое общение, не так, как с другими послами — раз в год на приемах. Так что, может быть, проверьте, действительно ли он достиг 60-летнего возраста.

Эплард. Он будет Вам очень хорошим и влиятельным другом в Лондоне.

Я очень рад, что Вы, господин Президент, провели со мной эту беседу. Очень важно продолжать контакты. Мы понимаем, что в вашей стране происходят исторические события. Они будут иметь воздействие на будущее каждого из нас. Мы будем продолжать с симпатией и огромным вниманием следить за ними.

Горбачев. Когда история ускорила свой ход, нам надо действовать адекватно. Надо сделать всё, чтобы процесс не вырвался из рук. Важны и действия наших партнеров. Рутинa здесь не подходит.

Эплард. Мы понимаем особый характер ситуации. Именно поэтому я прибыл так срочно. Мы готовы сделать всё возможное для того, чтобы содействовать стабильности, оказать экономическую помощь.

Горбачев. Спасибо. Прошу Вас передать привет Джону и Норме от меня и Раисы Максимовны. Мы очень ценим наши человеческие отношения.

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «ТАЙМ»

13 декабря 1991 года¹⁹⁵

Вопрос. *Наш журнал выходит в понедельник (16 декабря). Останетесь ли Вы к тому времени Президентом Советского Союза?*

Ответ. В понедельник? Я уверен, что останусь. Сейчас идет процесс, который возвращает нас на путь создания нового Союза. Мы двигались по этому пути до тех пор, пока референдум на Украине не создал новую ситуацию. Я утверждал, что на основе своего суверенитета Украина сможет найти собственное место в новом Союзе. Ее руководство подписало соглашение об экономическом сотрудничестве. Это было правильно. Кравчук также неоднократно заявлял, что ядерное оружие должно находиться под жестким контролем и единым командованием. Конечно, все республики, на территории которых размещено ядерное оружие, должны принимать определенное участие в решении того, как осуществляется этот контроль, но никто не ставил под сомнение идею, что руководство должно быть единым. Это два очень важных момента, и они пока позволяют нам заключить некий политический союз.

Меня всё время беспокоило то, что для Украины было бы опасным оказаться вне этого процесса. Российское руководство использовало бы это как предлог для того, чтобы предложить другую концепцию того, что должно прийти на смену Советскому Союзу.

Решение об отделении было неубедительным, необоснованным, плохо сформулированным. Я целиком выступаю за глубокую реформу и перераспределение власти, но они решили отделиться,

и это огромная ошибка. Если мы начнем разваливать нашу страну, нам будет просто гораздо труднее договориться друг с другом. И они думают, что ускорили этот процесс, но на самом деле нам угрожает опасность завязнуть в разнообразных спорах.

Я считаю, что, хотя мы должны перераспределить власть, это чревато различными опасностями. Важно, чтобы мы не сошли с правильного политического пути.

Вопрос. *Складывается впечатление, что Вы преисполнены гораздо большей решимости остаться на посту, чем когда Вы выступали по телевидению в четверг, неоднократно произнося слово «отставка»...*¹⁹⁶

Ответ. Если другие республики придут к общему решению, что они хотят сформировать Содружество, то я, как человек, преданный принципам демократии и конституционного правления, и исходя из своих убеждений и своей роли как Президента, должен буду уважать этот выбор.

Но я выступаю за поэтапный, постепенный процесс, который не будет способствовать развалу и хаосу. Это не означает, что я изменил свою позицию. Я много об этом думал и анализировал свою позицию очень критически. Возможно, я что-то упустил. Я способен на самоанализ. Я всегда был таким. Но пока что я не слышал никаких аргументов, которые убедили бы меня изменить свою позицию. Политический процесс должен продолжаться без вмешательства и в рамках Конституции.

Таким образом, я использую свои права как Президента, прежде всего как главнокомандующего Вооруженными Силами: самое важное, чтобы мы не потеряли контроль над ситуацией. Именно поэтому Борис Ельцин и я встречались по отдельности с руководителями Вооруженных Сил.

Я сказал им, что в этот переходный период армия может быть уверенной, что мы будем решать все эти вопросы — создания нового оборонительного союза, контроля над стратегическими силами и что делать с национальными армиями. Вооруженные Силы должны быть уверены, что о них позаботятся, что они будут важным государственным институтом и не будут объектом политических манипуляций.

Вопрос. *Продолжаете ли Вы считать, что возможно спасти Советский Союз как таковой?*

Ответ. Я хотел бы, чтобы это было возможно. Но у меня есть сомнения. Я не думаю, что Содружество дает больше надежд, чем предлагавшийся Союзный договор.

Посмотрите. (Горбачев вынимает отпечатанный документ на трех страницах из розовой папки с надписью «Срочно».) Это доклад о рассмотрении в Верховном Совете Украины минского Соглашения. Они ратифицировали его без обсуждения, затем добавили несколько поправок, ставящих условия к гарантиям в первоначальном документе в отношении открытых границ, свободы передвижения и свободного обмена информацией. Вы видите, что уже начинает происходить?

Вопрос. Можете ли Вы гарантировать, что в этот переходный период Вы сохраните контроль над «ядерной кнопкой»?

Ответ. Абсолютно. Всё будет оставаться так, как было всегда. Любые тревожные слухи здесь и за границей о том, кто будет держать палец на этой кнопке, безосновательны.

Вопрос. Но что Вы скажете о высказанной в Минске идее относительно совместного командования?

Ответ. Мы займемся этим в свое время. Я могу гарантировать, что всё будет хорошо. Сегодня я беседовал с Ельциным, и он сказал мне: «Михаил Сергеевич, что касается меня, то с моей стороны не будет предпринято никаких действий, которые приведут к неразберихе в Вооруженных Силах».

Однако более насущной проблемой является следующее: Кравчук провозгласил себя главнокомандующим вооруженными силами, размещенными на территории Украинской республики. Однако он не упоминал стратегические (ядерные) силы. Я связался с ним по своей секретной телефонной линии и сказал: «Вы знаете, что вы делаете? Вы подрываете весь процесс».

Кравчук ответил мне: «Я заверяю Вас, что в отношении стратегических сил ничего не изменится». Я сказал ему: «Вы должны публично объявить, что до подписания нового оборонительного союза никаких поспешных решений в отношении Вооруженных Сил приниматься не будет и что армия останется под единым командованием и под моим контролем. Не вносите неразбериху в эти вопросы! На нас смотрит весь мир. Не путайте людей!»

Мы с Кравчуком договорились, что всё будет решаться на взаимной основе и поэтапно. Я только что направил министра обороны Евгения Шапошникова для разработки процедур этого перехода. В действительности, что касается Вооруженных Сил, ничего не изменилось. Вам, американцам, не о чем беспокоиться.

Вопрос. Мы слышим много терминов: союз, конфедерация, содружество. Вы говорите о «мягком» союзе. Что Вы имеете в виду?

Ответ. Возможно, вы заметили, что сейчас я чаще задаю своим коллегам вопросы, чем сам даю ответы. Это щекотливая ситуация. Я не хочу, чтобы складывалось впечатление, будто я им что-то навязываю. Сейчас бытует необоснованное мнение, что Горбачев пытается возродить старый Центр и старые структуры. Но в действительности их уже не существует.

У меня было несколько вопросов к Ельцину, когда он посетил меня в понедельник (9 декабря). «Мне неясно, какое Содружество вы создаете, — сказал я. — Но и с политической, и с юридической точек зрения — это просто концепция, набросок, влекущий за собой самые разные сомнения и вопросы».

Тем не менее я попытался с самого начала ясно дать понять своим товарищам, что минское Соглашение имеет ряд позитивных аспектов. Если вы сравните экономическую часть Союзного договора с этим соглашением, вы увидите, что они идентичны.

В то же время я считал, что должен также указать на негативные стороны. Эти три республики не имеют права объявлять Советский Союз несуществующим. Они что, имеют в виду, что такой страны, как СССР, не существует даже в качестве объекта международного права? Если нет законов, распространяющихся на весь Союз в целом, то кто контролирует армию? Границы нашего государства также установлены союзным законодательством. То же самое касается наших территориальных вод и воздушного пространства, не говоря уже об отношениях с зарубежными странами. Какие же это демократы? Как они могут даже называть себя демократами? А как же наше общее обязательство создать правовое государство? Я сказал им всё это, и это несколько их отрезвило.

Вопрос. Авторы минского Соглашения расценивают некоторые заявления Вашингтона как поддержку их позиции. Какова Ваша точка зрения?

Ответ. С американской стороны Президент Буш и госсекретарь Бейкер являются для меня самыми важными людьми. В целом я всегда считал их политику конструктивной и благожелательной. Они считают процесс, происходящий в нашей стране, нашим внутренним делом.

Однако в последнее время, особенно накануне референдума на Украине, США предприняли некоторые шаги, которые, как я должен отметить, не были достаточно хорошо продуманы. Некоторые здесь расценивают их как попытку стимулировать сепаратизм

на Украине. Я сказал это Президенту, когда мы разговаривали по телефону.

Я хочу, чтобы все наши партнеры занимали сбалансированную, терпеливую позицию в отношениях с нами, особенно сейчас. Бейкер слишком поспешил, заявив: «Советского Союза больше не существует». Ситуация здесь быстро меняется. Пока мы еще пытаемся что-то решить, складывается впечатление, что США уже всё знают. Я не думаю, что это лояльно, особенно в отношении тех из нас, кто выступает за партнерство и всестороннее сотрудничество. В наших общих интересах, чтобы этот процесс завершился успешно, без каких-либо неожиданностей.

Вопрос. *Вы всё еще пользуетесь популярностью и авторитетом за границей. Помогает ли Вам это на переговорах с руководителями республик?*

Ответ. Мы ведем дела друг с другом как партнеры, а не как гладиаторы, вышедшие на арену. Я — человек уравновешенный и имею запас конструктивных идей, который ни в коей мере не исчерпан.

Вчера я направил послание парламентам России, Беларуси, проинформировав их, что они совершили ошибку, решив отозвать своих депутатов из Верховного Совета СССР. Я написал: «Если вы будете продолжать поступать подобным образом, сложится мнение, что вы делаете дела втайне и действуете в обход конституционных органов страны. Если это произойдет, остальной мир призадумается, с какими людьми он имеет дело. Вы станете не чем иным, как группкой бандитов-реформаторов. Кто будет уважать вас, если вы не можете уважать собственную Конституцию?»

Вопрос. *А что, если они просто проигнорируют Вас?*

Ответ. Они обращают на это внимание. В действительности мы ведем переговоры уже много дней. Я не могу позволить себе беспокоиться о том, что меня оскорбляют. Мы пытаемся идти навстречу друг другу. Мы должны действительно продумать это, а не импровизировать. Я использую всю свою политическую и юридическую власть, чтобы обогатить этот процесс, несмотря на то, что этот процесс я не признаю.

Взаимодействуя со своими коллегами, я попытаюсь довести до их сведения свою позицию и помочь им собраться и прийти к соглашениям. Но я не хочу быть почетным гостем на банкете. Я вижу свою роль не в этом. Я хочу участвовать в разработке рамок Содружества и наполнении их содержанием.

Сейчас происходит сближение между концепциями Союзного договора и Содружества. Будут использованы многие части Союзного договора. Главное различие заключается в том, что это будет содружество государств, а не единое государство.

Я считаю и продолжаю считать, что «более мягкий союз» с некоторыми институтами, которые я предлагал, был бы более разумным. Однако, к сожалению, мы уже разрушили связи между республиками, и национальная экономика терпит крах. Аморфное содружество не обеспечит того сотрудничества, которое нам нужно, поэтому, я думаю, это ошибочная концепция. Но я хочу превратить это из полной ошибки в неполную.

Вопрос. *Каковы в действительности Ваши отношения с Ельциным?*

Ответ. Мы расходимся по основным концепциям. Я — за сохранение Союза как государства. Я против того, что называю — разрезать пирог и съесть его с чаем. *(Горбачев рисует на листке бумаги; появляется изображение пирога, перечеркнутого крест-накрест.)* Кто имеет право резать нашу страну на куски?

Если этот процесс приведет к созданию Содружества, я признаю его как реальность. Хотя я не разделяю их концепцию того, что необходимо, я желаю им успеха. Но я не хочу, чтобы этот вопрос решался на улицах, и я использую весь свой авторитет для того, чтобы этот процесс развивался нормально и конституционно.

В то же время я по-прежнему твердо убежден, что мы совершаем ошибку. Я хотел бы трижды ошибаться. Но я хочу следовать этому курсу. Если процесс выйдет из-под контроля, тогда мне придется похоронить всё, чему я посвятил лучшие годы своей жизни.

Вопрос. *Вчера вечером Вы явно были возмущены действиями Ельцина.*

Ответ. Посмотрите, как вел себя Ельцин. Мы вместе руководили всем процессом заключения Союзного договора, направили его на обсуждение республик, и неожиданно Ельцин предлагает в Минске совсем другой подход. Я не могу согласиться с этим. Он даже мне не позвонил. Я узнал, что он беседовал с Джорджем Бушем, но не со мной. Не было никакой необходимости вовлекать в это Буша. Это вопрос моральных качеств Ельцина. Я не могу одобрить или оправдать такой стиль поведения. Это недопустимо.

Вопрос. *В таком случае, что Вы можете положить в основу Вашего партнерства с Ельциным?*

Ответ. Есть более высокие интересы, которые должны нас объединять. Горбачеву и Ельцину просто никуда от этого не уйти.

Вопрос. *Согласен ли с Вами Ельцин в отношении этих более высоких интересов?*

Ответ. Безусловно. На человеческом уровне нет никаких препятствий для того, чтобы вести с ним диалог. Мы разошлись в этой концептуальной проблеме Содружества.

Кто знает, может быть, я ошибаюсь. Но я твердо уверен в своей правоте. Однако, что касается меня, то это не должно мешать нашему сотрудничеству. Я надеюсь, что он чувствует то же самое.

Вопрос. *Каким образом Запад может содействовать процессу реформы?*

Ответ. Нам нужна ваша помощь сейчас. Немедленно. Перестаньте колебаться, или всем нам придется в конце концов заплатить более высокую цену. Вы должны содействовать реформе в Содружестве, и прежде всего в России. Она нуждается в срочной помощи в виде твердой валюты для снабжения рынка потребительскими товарами и ускорения перехода к конвертируемости рубля. Они хотят двигаться к этому быстрее, но не могут это сделать без стабилизационного фонда в несколько миллиардов долларов. Если вы оказали помощь Польше и Венгрии, то ее, безусловно, заслуживает и Россия.

Вопрос. *Может ли помощь Запада действительно изменить ситуацию для людей, стоящих в очередях?*

Ответ. Вы правы. Это результат наличия в обращении огромной массы денег и дисбаланса между предложением и спросом. Те, кто имеет деньги, могут позволить себе покупать дорогую колбасу. Те, у кого их нет, должны стоять в очереди за товарами, продаваемыми по контролируемым государством ценам. Однако необходимо установить на определенные товары фиксированные цены, которые могут платить менее состоятельные люди.

Вопрос. *Не произойдет ли так, что республиканские бюрократические аппараты просто займут место бюрократии прежнего Союза?*

Ответ. Республики ожесточенно боролись, желая уничтожить Центр и взять на себя его функции. Но как только им это удалось, процесс реформы резко застыл.

Вопрос. *Существует ли опасность еще одного переворота?*

Ответ. Мы обязаны обеспечить, чтобы этого не произошло. Я думаю, что о военном перевороте не может быть и речи. Ни я, ни Ельцин, ни демократы к этому не прибегнут. Это просто неприемлемо.

Однако, возможно, необходимы твердость и строгое обеспечение законности и дисциплины. В этот переходный период необходимо укрепление исполнительной власти, а не диктатуры. После своего поражения консерваторы и реакционеры собирают силы и надеются воспользоваться трудностями страны. Есть много недовольства, которое может быть использовано в определенном направлении. Но они не смогут поднять армию на путч.

Если мы и достигли чего-то в своей стране и в мире в целом, это происходило только, когда мы использовали политические средства.

Я не исключаю чрезвычайных мер в чрезвычайных ситуациях, особенно когда возникает угроза безопасности нашей страны. Откуда может исходить самая большая угроза? Если ситуация на рынке ухудшится еще больше, если предприятия будут закрыты, то это приведет к дальнейшему спаду и может заставить людей выйти на улицы с политическими требованиями.

Однако, если люди выйдут на улицы, самые разнообразные политические манипуляторы и авантюристы немедленно воспользуются ситуацией в собственных целях. Нашей самой важной задачей является предотвращение этого, независимо от партийной принадлежности. Поэтому мы должны направить помощь в районы, где напряженность наиболее велика: в Москву, Ленинград и на Урал.

Вопрос. *Можете ли Вы назвать тех, кто, возможно, воспользуется этой ситуацией?*

Ответ. Я думаю, что они принадлежат к старым структурам, где сосредоточены консервативные элементы. Они находились на разных уровнях партийного аппарата, в административной системе и военно-промышленном комплексе.

Вопрос. *А что Вы скажете о КГБ?*

Ответ. Я не стал бы беспокоиться на этот счет. Разведслужба разделена, так что она действует как нормальное агентство в любом цивилизованном государстве. Пограничная служба была изъята из этой структуры. Таким образом, связь облегчается. Председатель КГБ Вадим Бакатин возглавляет службу контрразведки, но ее функции теперь совершенно другие. Возможно, там есть отдельные лица, которые могли бы создать проблемы, но не организация как таковая.

Вопрос. *Президент Буш не хочет выбирать между Горбачевым и Ельциным. Как он может этого избежать?*

Ответ. Я думаю, что он должен очень четко изложить свою позицию. Жизнь вывела на первый план новое поколение политических деятелей. Есть опасность в том, что в важнейшее время перемен, когда решаются наша и ваша судьбы, некоторые политические деятели только-только вступают в мир большой политики. Я поощрял их поездки за границу. Я хотел, чтобы наши партнеры оценили этих новых политических деятелей. Возможно, они не считали это тактическим ходом Горбачева. Они думали, что, если Горбачев посылает их за границу, это означает, что с ним самим покончено и что теперь они должны иметь дело с нами, и они сделали неправильный выбор.

Этим новым политическим деятелям придется взять на себя бремя ответственности, но они нуждаются в закалке. Возможно, им трудно работать с Горбачевым, который уже прошел через многое и был проверен и закален опытом. Многие из этих новых политических деятелей остаются популистами. Они не показали себя творческими людьми. Они должны проявить себя. Они должны научиться приспосабливаться к ситуации, а не давать волю раздражению.

Что стоят личные амбиции, если они мешают и тормозят ваше движение по избранному пути? Сейчас они обвиняют Горбачева в том, что он тормозит движение вперед, мешает созданию этой новой ассоциации государств. Но я собираюсь следовать избранному курсу. Несмотря на свою способность быть гибким, я не собираюсь отказываться от своих принципов. Есть граница, которую я не перейду. Я не собираюсь качаться взад-вперед, как маятник.

Вопрос. *Мы пришли сюда сегодня, думая, что это, возможно, будет последним интервью с Горбачевым как с Президентом, но, судя по Вашим словам, это, по-видимому, не так.*

Ответ. Что касается моей работы, то главная цель моей жизни уже достигнута. Я чувствую себя удовлетворенным. Я прошел через такой опыт, что я считаю себя совершенно свободным. В то же время я чувствую, что собранный мною капитал должен быть полностью использован во имя свободы моей страны и международных отношений. И я чувствую в себе достаточно сил, чтобы продолжать свою работу.

ИЗ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА С ДЖ. БУШЕМ

13 декабря 1991 года¹⁹⁷

Горбачев. Минское соглашение трех президентов — это лишь эскиз, экспромт. Осталось много нераскрытых вопросов. И среди них главный — нет механизма взаимодействия [в объявленном СНГ].

Мой подход состоит в том, чтобы придать законный, правовой характер процессу преобразования государства. Я обратился к народным депутатам. Должна быть выражена воля народов, воля республик.

Однако обсуждение проекта Союзного договора в парламентах по существу сорвано. Попраны были договоренности между мной и руководителями республик.

В Минске было сделано весьма вольное заявление, что Советского Союза уже нет. Но тогда, значит, нет и законов, регулирующих общественный порядок, оборону, границы, международные связи и т.д. и т.п. Сделано это было тремя президентами под очень сомнительным историческим предлогом: они — Россия, Беларусь, Украина — были в 1922 году инициаторами образования СССР, поэтому-де они имеют право его и распустить. Это — дилетантский подход, попытка выдать нахрапистость за политическую культуру. И уж тем более нельзя это выдавать за проявление исторической ответственности.

И это вместо того, чтобы с участием всех республик разработать все необходимые документы, обсудить их в парламентах, в общем представительном законодательном органе, который и примет решение о том, что Советский Союз прекращает свое существование, а Содружество начинает свою жизнь.

*Печатается по тексту:
Горбачев М.С. Декабрь-91... С. 71.*

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С Ф. МИТТЕРАНОМ

14 декабря 1991 года

Миттеран. *Добрый вечер, господин Президент. Хочу сразу же передать Вам свои самые искренние и теплые чувства дружбы. Я звоню Вам сегодня с тем, чтобы именно сейчас, именно в этот момент выразить понимание тех усилий, которые Вы предпринимаете в ходе разворачивающихся событий.*

Горбачев. Благодарю Вас, господин Президент, за Ваши добрые слова.¹⁹⁸

[...]

Горбачев. После последней поездки¹⁹⁹, господин Президент, я приложил немало усилий, чтобы Ваши оценки отношений между странами и Ваше видение процессов, развивающихся в стране, стали бы достоянием самых широких кругов.

Действительно, возникла новая ситуация, которая поставила новые проблемы и вопросы. И поначалу казалось, что события развивались хотя и сложно, но нормальным образом. А потом они неожиданно сбились на другую колею. Во всем происходящем я руководствуюсь такими мыслями и концепциями: я исхожу из того, что страна у нас одна. Народов в ней проживает много, но страна — одна. И всем нам следует понять, что при обеспечении суверенитета каждого народа нужно сохранить единую страну. Сохранить, решая одновременно и проблемы суверенности в рамках, скажем, того же Содружества.

Миттеран. *А как дела сейчас?*

Горбачев. Сейчас моя позиция такова: если республики выскажутся не за Союз, не за союзное государство, то я как Президент должен буду уважать их выбор, следя за тем, чтобы процесс проходил в конституционном русле и шел нормально...

Сейчас надо сделать всё, чтобы направить весь процесс в нормальное конституционное русло. Повторю еще раз: я твердо намерен уважать выбор, который сделают суверенные республики. Это моя позиция, и я не намерен ее менять.

Если же участники Содружества будут продолжать действовать теми же методами, они будут рвать страну на части. А этого допустить нельзя. Но у меня складывается впечатление, что и они сами уже начинают это понимать.

Я вижу свою задачу в том, чтобы всячески содействовать нормальному процессу структурного построения Содружества, отлаживания механизма его функционирования и согласования политики. В общем, сделать всё, чтобы избежать катастрофы и распада страны.

Мне недавно позвонил Назарбаев и сказал, что участники встречи в Ашхабаде²⁰⁰ в целом поддержали идею Содружества, хотя при этом высказали много замечаний и поправок и предложили вынести окончательное согласование на Госсовет. Сегодня особенно важно проследить за тем, чтобы не был предпринят ни один шаг, способный привести весь процесс к дестабилизации и хаосу.

Я обратил внимание президентов на необходимость пересмотреть их решение об отзыве своих депутатов из союзного Верховного Совета, и мне показалось, что они стали осознавать важность этого.

Вчера я беседовал с Ельциным и Кравчуком о положении с Вооруженными Силами, особенно в свете недавних действий Кравчука, которые могут иметь далеко идущие серьезные последствия. Я направил в Киев двух генералов для обсуждения всех проблем, связанных с Вооруженными Силами, с тем чтобы решения в этой области принимались только совместно с остальными участниками процесса.

Вы, господин Президент, можете спросить: неужели же Горбачев, который обычно хорошо чувствует и знает ситуацию, умеет ее предвидеть и способен точно улавливать момент для решений, не хочет стать на новаторскую позицию в поддержку Содружества? Конечно, это не так. Дело в том, что нашей стране присуща одна особенность: на протяжении веков она складывалась и развивалась как единое, объединенное государство. И было бы неверно и неразумно рвать ее на куски путем принятия неконституционных решений.

Вы, конечно, вправе задать и другой вопрос: так что же это у меня за партнеры, которые не видят очевидной опасности, отбрасывают уже согласованные позиции и решения и — простите меня — ведут себя, как разбойники с большой дороги?..

Так как же я вижу свою роль в настоящий момент?

Думаю, что, используя свои президентские полномочия и весь свой политический вес, я должен буду сделать всё, чтобы начавшиеся процессы проходили в нормальных конституционных рамках и чтобы из возникшей формы Содружества выжать всё позитивное и всё то, что помогло бы нам избежать катастрофы.

Я намерен и далее осуществлять — хотя я это делал и до сего дня — жесткий контроль за стратегическими вооружениями, за ядерным оружием.

Не знаю, какие институты сложатся в Содружестве, процесс идет, и мне пока неясно, в какой форме и смогу ли я вообще в них участвовать.

Страна находится в тяжелейшем положении, и как Президент считаю, что должен быть выше всего суетного и негативного, что несут с собой происходящие события. Для меня главной заботой была и остается забота о людях, о благосостоянии народов страны.

А определенная суета, некоторая соревновательность и даже соперничество действительно имеют место среди моих партнеров на Западе. Я с грустью отмечаю, как даже некоторые солидные политики вдруг заторопились, стремясь в числе первых вскочить входящий поезд. Что поделаешь? Как говорят в этом случае французы: се ля ви.

Какова же теперь, на мой взгляд, роль наших западных партнеров? Думаю, она заключается в том, чтобы продолжать оказывать нам поддержку продовольствием, финансами и техническим содействием в нашем продвижении к рынку. И делать это нужно без колебаний, поскольку это — минимальные затраты, на которые должны пойти наши западные партнеры. Если же события обернутся катастрофой, то это будет означать установление диктатуры и возникновение опаснейших последствий не только для нашей страны, но и для Европы в целом. Кроме того, западным партнерам следует всячески доводить свою позицию до сведения участников нового процесса, в частности, доводить свое понимание того, что возникающее Содружество продолжает оставаться субъектом международного права. Иначе неизбежно возникнут многочисленные вопросы, связанные и с нашим членством в Совете Безопасности, и с контролем над ядерным оружием, и с договорами по стратегическим

и другим вооружениям, и с Хельсинкским процессом, и с соглашениями в финансово-экономической области. Не нужно забывать, что Союз имеет около 15 тысяч экономических договоров и соглашений. Всё это нужно знать и учитывать, иначе хаос неизбежен. А вот это как раз никому ни здесь, ни на Западе не нужно.

Мне очень хотелось бы, чтобы сейчас, в это труднейшее время, наши западные партнеры принимали исключительно взвешенные сбалансированные решения.

Думается, что участники нового процесса всё же должны получить, так сказать, сумму требований, — хотя нет, не требований, так как это означало бы вмешательство во внутренние дела, — а точек зрения и позиций, понимания того, как Запад видит налаживание своего сотрудничества с Содружеством.

Вот, господин Президент, в очень сжатой форме оценка положения, как я его вижу.

Миттеран. *Да, господин Президент, проблема возникла, она существует: республики явно желают быть признанными на международном уровне. Но Вы могли убедиться, что здесь, в Париже, мы пока проявляем крайнюю осторожность. Однако давление усиливается, и я вынужден отметить, что американцы действуют гораздо быстрее.*

Я буду постоянно информировать Вас о любых возникающих новых элементах. Сейчас же я звоню, чтобы Вы знали, что всё сказанное в прошлом остается в силе, как наиболее целесообразно отвечающее нашим взаимным интересам. Мы в Париже очень близки к Вам, господин Президент. Передайте наши наилучшие пожелания Вашей супруге и без колебаний звоните мне, если сочтете необходимым.

Горбачев. Спасибо, господин Президент. Думаю, что уже в ближайшее время нам потребуется продолжить обмен мнениями, так как здесь у нас события развиваются очень быстро.

Хочу еще раз подчеркнуть, что я не буду стоять на пути нового процесса, если он будет развиваться на основе законных решений Верховных Советов государств.

Желаю Вам всего доброго и прошу передать госпоже Миттеран самые искренние чувства и пожелания от меня лично и от моей супруги.

Миттеран. *Благодарю Вас, господин Президент, до свидания.*

БЕСЕДА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США ДЖ. БЕЙКЕРОМ

16 декабря 1991 года²⁰¹

Горбачев. Приветствую Вас как партнера и друга.

Бейкер. Спасибо.

Горбачев. Думаю, хорошо, что Вы с Президентом решили осуществить сейчас эту миссию²⁰². В интересах всех нас позаботиться о том, чтобы было продолжено то, что мы делали в последние годы. Есть вещи, которые важнее, чем наши интересы, карьера и даже взгляды.

Для меня самое главное, чтобы в стране, которая вступает в период действительно фундаментальных перемен во всех областях, процессы происходили в максимально возможной степени в конституционных рамках на основе политических решений, а не выливались в хаос, беспредел.

Я остаюсь привержен своей позиции о необходимости реформирования нашего многонационального, но тем не менее единого государства. И когда говорят, что этот процесс зашел в тупик, то это не так. Дело в другом, и Вы должны это знать.

25 ноября на заседании Государственного совета все мы приняли и подписали решение направить Союзный договор в Верховные Советы. Это было поддержано мною и всеми руководителями республик, которые присутствовали. Я лично говорил с руководителями шести республик, говорил с Назарбаевым. Уже на прошлой неделе проект должен был быть одобрен. Мои эксперты работали с экспертами Ельцина. Проект рассматривался в Верховном Совете России,

и у меня имеется заключение — положительное заключение — по результатам этого рассмотрения. Назарбаев хотел, чтобы проект был одобрен 10 декабря...

Я не хочу сейчас вдаваться в причины того, что произошло. Это наша забота, это ответственность, которая пусть лежит на нас. Может быть, до некоторой степени были просчеты и даже серьезные ошибки с моей стороны. Возможно, они были и с вашей. Но сейчас не в этом дело. Сейчас мы имеем дело с реальностями, которые важны и для нас, и для вас.

Я вижу свою роль в том, чтобы использовать возможности Президента, вообще мои политические возможности для того, чтобы этот процесс, который пошел сейчас через республики, процесс создания Содружества Независимых Государств, не привел к еще большей дезинтеграции страны. А такая угроза есть, и она реальна.

Как опытный человек Вы понимаете, что Соглашение, заключенное в Минске, можно легко принять, но на его основе невозможно жить. Это очень общая схема. Это похоже на наше с Президентом Рейганом заявление в Женеве, что ядерная война недопустима, в ней не может быть победителя. Но возникает вопрос: что же дальше?

Я вижу свою роль в том, чтобы помочь этому процессу обрести выраженные формы, черты, обрести принципы и главное — механизмы, чтобы он мог жить. Сейчас более или менее — подчеркиваю, более или менее — проработан вопрос о Вооруженных Силах. Вопрос, который особенно интересует всех нас здесь и в мире, вопрос, который важен для наших партнеров. Все же остальные вопросы требуют еще большой работы. Тем временем общество находится в состоянии неопределенности, нестабильности, дезинтеграции. А времени очень мало, и действовать необходимо срочно.

Я и мои давние коллеги, которые здесь присутствуют, хотим своим участием помочь становлению принципов и институтов Содружества, выработке процедур, обеспечивающих преемственность. В этом ключе я буду действовать до тех пор, пока буду считать это необходимым и целесообразным, учитывая мою конституционную ответственность за страну, за происходящее в ней, за последствия этого. При этом — не впадая в эмоции, а в духе максимальной ответственности.

Я желаю им успеха, хотя не верю, что у них получится. Тем не менее хочу, чтобы у них получилось, ибо если будет иначе, то под угрозой окажется всё, что мы сделали, и будущее. Но это, так сказать, философия. Учитывая, что Вы говорили уже с двумя министрами

и с Ельциным²⁰³, хотел бы услышать Вашу оценку этих бесед и готов обсудить с Вами всё, что Вас интересует.

Бейкер. Большое спасибо. Прежде всего хочу подчеркнуть, что мы сделали всё возможное, чтобы не втягиваться в те политические вопросы, которые считаем относящимися к вашим внутренним делам. Мы стремились к этому раньше и продолжаем стоять на этом и в ходе нынешнего визита.

Вы, сидящие за этим столом, являетесь уже несколько лет нашими партнерами и — что еще важнее — нашими друзьями. Вы остаетесь нашими друзьями и, возможно, как я сказал представителям прессы, останетесь нашими партнерами. Произойдет ли это — внутреннее дело вашей страны. Но в любом случае вы наши друзья. И нас очень огорчает, когда мы видим, в том числе в ходе этого визита, что к вам проявляется неуважение. Хочу честно сказать вам, что мы против этого.

Вчера вечером у меня был хороший разговор с Э.А. Шеварднадзе. Он сказал нам то, что только что подчеркнули Вы сами: Вы видите Вашу ответственность в том, чтобы трансформация происходила упорядоченным и конституционным путем, ибо если этот процесс не увенчается успехом, то дезинтеграция еще более усилится со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для советского народа и для внешнего мира.

Мы разделяем Вашу точку зрения о том, что Брестское соглашение является лишь оболочкой. Более того, уже имели место противоречивые заявления, заявления, противоречащие даже положениям этого соглашения.

Горбачев. Да, я говорил о такой возможности и оказался пророком. Пророчество сбылось очень быстро, а я этого не хочу. Поэтому мне приходится вмешиваться, я несколько раз говорил с Кравчуком и Ельциным, и считаю важным действовать таким образом, чтобы не сорвать этот процесс, не допустить обострения ситуации.

Я хотел, чтобы наша беседа была в этом узком составе потому, что мы хорошо друг друга знаем и можем говорить без ограничений. Если Украина уже поставила под сомнение положение об открытых границах, свободе передвижения и выбора места жительства и работы, а вместо этого говорит лишь о контактах на основе соглашений; если вместо координации внешней политики говорится о консультациях в области внешней политики; если далеко не полная формула по вопросам обороны также подвергается изменению, то ясно, что минская концепция потребует еще большой доработки. Если 12 декабря, в тот день, когда Ельцин выступал в Верховном Совете, Верховный Совет Украины принял решение

о введении купонов, то есть вторых денег, которые будут обращаться наравне с рублем, если Кравчук объявил себя главнокомандующим, то меня это не может не беспокоить.

Может возникнуть ситуация, когда в процессе дальнейшей разработки и углубления этих договоренностей что-то произойдет и Украина отойдет. Кравчук уже, возможно, не поедет в Алма-Ату. Последние два дня Назарбаев дважды мне звонил, и он очень обеспокоен. В Ашхабаде они более зрело оценили то, что может произойти. Может так случиться, что Россия топнет ногой, скажет, надоела нам вся эта суета. Такой настрой давно есть. Топнуть-то можно, но что дальше? Ситуация может обостриться, и решения уже будут приниматься по-другому. Уже есть признаки авторитарных подходов. И в такое трудное время к этому можно даже отнестись с пониманием, хотя А.Н. Яковлев с этим, наверное, не согласится. Ну еще с авторитаризмом можно какое-то время жить, хотя демократы всерьез обеспокоены. На их съезде, который шел два дня, звучал вопрос: что происходит с демократами, когда они оказываются у власти? Один известный демократ, Попов, уже решил уйти.

Но я боюсь, что дело может обернуться не просто авторитаризмом. Положение очень трудное, и, если республики не договорятся, то распад может еще более усугубиться, и произойдет худшее. Я имею в виду диктатуру. А люди так замордованы, что общество может даже поддержать ее.

Вот почему я хотел бы, чтобы соглашение о Содружестве состоялось, чтобы оно не сорвалось. Я хотел сказать Вам доверительно об этом потому, что мы сейчас все об этом думаем.

Бейкер. *Я хотел бы очень доверительно сказать следующее. На встрече сегодня утром нам дали понять, что между Вами и Ельциным сейчас обсуждается своего рода переходный период от середины декабря до середины января, в течение которого будет проведена работа по осуществлению Брестского соглашения. Я хотел бы спросить, если Вы считаете возможным это обсуждать с нами, таково ли и Ваше понимание.*

И второй вопрос: что мы должны делать сейчас, если Вы считаете важным, чтобы Брестское соглашение было реализовано? В частности, как, по Вашему мнению, мы должны относиться к просьбам о дипломатическом признании? Наконец, как Вы видите будущее Вооруженных Сил в контексте Брестского соглашения?

Нам сказали, что Содружество будет примерно таким же, как Британское содружество, за исключением одного момента. Это оборонный компонент. В сфере совместной обороны будет входить всё, кроме сухо-

путных войск, а именно стратегическое и тактическое ядерное оружие, авиация, ПВО и ВМФ...

Горбачев. Таким образом, необходим был процесс, и я сказал: давайте подумаем, каким он будет. Учитывая необходимость выработки позиции азиатских республик и то, что тогда еще не высказался российский парламент, мы предполагали, что этот процесс займет до середины января. Так что такое понимание существует, в контексте этого они должны были скорректировать некоторые свои шаги. Например, они уже было объявили, что Министерство внешних сношений СССР закрывается. Мы договорились, что процесс будет развиваться, будут обретать очертания институты Содружества, и тогда мы решим относительно существующих ведомств. На время успокоилось, но вдруг я узнаю, что за моей спиной уже принимают решения по весьма серьезным вопросам.

Они сделали весьма вольное заявление, что Советского Союза уже нет. А значит, нет Конституции, нет законов, всего, что регулирует оборону, режим границ, нет роли в ООН и так далее. Это такой дилетантский подход, что культура, особенно политическая культура...

Я помню, как Вы с Шеварднадзе много работали над разработкой механизмов осуществления договоров, чтобы были ответы на вопросы — что, как, когда? А здесь судьба государства решается на основе такой импровизации.

Таким образом, первым и главным условием является, чтобы процесс шел в конституционных рамках. И я думаю, ваша позиция должна заключаться в том чтобы добиваться этого, ибо это отвечало бы интересам всех нас.

Как быть с признанием? Я думаю, надо действовать без суеты. Во-первых, надо посмотреть, как вырисуется Содружество, будет ли оно субъектом международного права. Тогда, когда выяснятся отношения Содружества и мира, будет ясно с признанием. В противном случае может сорваться или осложниться процесс работы, и это будет невыгодно и для Содружества и всего мира, и для США как наших партнеров.

Бейкер. *Я хотел бы отметить, что нас не просят о признании Содружества. Речь идет о признании отдельных государств.*

Горбачев. Я понимаю. Надо увязать это с оформлением Содружества в жизнеспособное образование.

Сейчас реальной поддержкой нам была бы дополнительная продовольственная помощь. Есть опасность, что ситуация достигнет критической массы и просто взорвется, и это сметет все правительства.

Относительно будущего Вооруженных Сил. Если Содружество сложится в более определенных формах, то это будет лучше для Вооруженных Сил. Поэтому важно стимулировать формирование такого Содружества, используя все возможности влияния, в том числе вопрос о признании.

Надо иметь в виду один момент, касающийся азиатских республик. Украина, вернее не она, а нынешние ее политики, не заинтересована в их участии. Эти политики заинтересованы в основном лишь в ресурсах России. Это, конечно, ошибка, причем очень серьезная. Если эти республики почувствуют, что их отталкивают, то это осложнит процесс и, возможно, заставит их думать о других ходах. Это затруднит и решение вопроса о Вооруженных Силах. В целом азиатский элемент играет сейчас позитивную роль. Они заняли сейчас более цивилизованную и более европейскую позицию, чем европейские республики. Однако можно предположить что у них есть и резервная позиция, предполагающая большую интеграцию с мусульманскими государствами. А это уже была бы тема для особого разговора между нами. Во всяком случае, в Алма-Ате они обсуждали продолжение строительства железной дороги на Пекин и в Стамбул.

Итак, важно не изолировать эти республики, а наоборот, включать их. Они могут оказать здоровое влияние, в том числе и в вопросе о Вооруженных Силах. Здесь у них позиция четкая. Они за единые Вооруженные Силы и особо строгий контроль за ядерным оружием.

Сейчас можно слышать немало заявлений о переводе всего ядерного оружия в Россию, о том, что она возьмет на себя все долги, будет правопреемником Союза по всем большим вопросам. Конечно, такие заявления могут делаться только от неопытности и высокомерия. Более крепких выражений употреблять здесь не буду.

Таким образом, необходимо, чтобы было полноценное соглашение о Содружестве, с тем чтобы канализировать этот процесс во всех областях в правильном направлении, чтобы было все-таки яснее, что будет исходить в мир с этого пространства.

Бейкер. *Нам говорят, что на встрече в Алма-Ате поддержат Брестское соглашение. Я думаю, что вопрос о том, что является необходимым с конституционной точки зрения, является здесь по существу политическим вопросом. Но хотелось бы спросить, если встреча произойдет и республики поддержат Брестское соглашение, хотя оно имеет отмеченные нами недостатки, что еще, на Ваш взгляд, необходимо, чтобы считать, что процесс идет в конституционных рамках? При этом я понимаю, что у нас нет здесь никакой роли. Просто хотелось бы знать Вашу позицию.*

Горбачев. Потребуется по крайней мере заключительное заседание Верховного Совета. После подписания и присоединения других республик необходим обмен ратификационными грамотами как выражение официальной позиции государств Союза, а затем сессия Верховного Совета СССР для правового оформления прекращения существования СССР и начала существования Содружества. Кроме того, ко времени проведения этой заключительной сессии необходимо, чтобы было очерчено основное содержание оборонительного союза, была ясна схема строительства и управления Вооруженными Силами, особенно стратегическими. Верховный Совет мог бы на этом завершить свою миссию и самораспуститься. Содружество независимых государств создало бы новые органы и институты.

И еще один момент: необходимо, чтобы было соглашение относительно внешней политики. Международное сообщество должно знать, с кем оно имеет дело — то ли это десять государств и внешних политик, то ли политическое образование, имеющее согласованную внешнюю политику и выступающее в качестве преемника Советского Союза, в частности в Совете Безопасности ООН, а также по важнейшим договорам, заключенным СССР.

Я не исключаю и даже уверен, что Верховный Совет поддержит соглашение о Содружестве Независимых Государств. Ведь жизнь требует, чтобы мы не теряли время. Но он может и не взять на себя ответственность «закрыть» СССР и выскажется за референдум или плебисцит, несмотря на всю политическую усталость.

Меня сейчас критикуют, дескать, Горбачев хочет подорвать идущий процесс и потому требует созыва Съезда народных депутатов и так далее. Но я понимаю ответственность момента, понимаю, какой вопрос мы решаем: одно государство прекращает существование, была одна страна, пусть и с противоречиями, а теперь она начинает делиться на независимые государства. То есть надо делить весь массив экономики, человеческих связей и т.д. и т.п. Это очень серьезно, это может решать только народ. И если поставить вопрос: вы за Союз или Содружество, то будет получен четкий ответ.

Как Президент я не мог не высказаться на этот счет. Ведь я предложил референдум о будущем Союза, и он состоялся, люди высказались. Я ведь не могу просто забыть, что участвовало 80 процентов населения и 75 процентов высказалось за Союз.

Я думаю, что в нынешней напряженной ситуации Верховный Совет сочтет, что нет необходимости в проведении референдума. И это даже хорошо. И всё же я постоянно говорю своим коллегам, что надо обезопасить себя на будущее. Ведь принимается исключи-

тельно важное решение, такие решения принимаются всего несколько раз в истории.

Бейкер. *А что произойдет, если будет референдум и значительное большинство, скажем, в четырех республиках, выскажется за Содружество независимых государств, а в целом по стране большинство будет за Союз? Значит ли это, что несколько республик объединятся в Содружество и в то же время будет Союз в уменьшенном виде?*

Горбачев. Я думаю, если будет референдум, то люди выскажутся за Союз. Все опросы указывают, что, в то время как политики выступают за более «мягкие» формы сотрудничества, люди по-прежнему за Союз. Мы даже получаем письма, где нас ругают за то, что мы так легко отказываемся от Союза. Впрочем, не исключено, что поддержат и Содружество. Скорее всего, Верховный Совет не сочтет возможным проведение референдума, но лучше было бы этот вопрос снять.

Шеварднадзе. *Без этого решение будет не очень конституционным. Ведь был референдум о Союзе. Всего месяц назад люди высказались за единую страну. Кто отменил это?*

Горбачев. Получается, что демократы хоронят демократический выбор народа.

Шеварднадзе. *На Украине 70 процентов тогда высказались за Союз.*

Бейкер. *Но на другом референдуме они высказались за независимость.*

Горбачев. За это все высказались. Кто же хочет быть зависимым? Меня вот что волнует: попав в эту ловушку с договорным процессом, мы теряем время, а в феврале или марте может произойти такое, что сметет всех нас. Ибо идет процесс обвала экономики. Поэтому так важно закончить дискуссии, положить конец этой политической шизофрении.

Бейкер. *Совершенно правильно.*

Горбачев. Ельцин мне постоянно говорит: не пугайте людей. Конечно, мое положение очень деликатное, но я не могу не предупреждать людей.

Бейкер. *Действительно, сейчас, когда идут многочисленные дискуссии о форме нового государственного образования — будет ли это Союзный договор, Содружество или что-то иное, — не предпринимается никаких конкретных действий по решению проблем, нерешенность которых может всё сместить. Вот почему мы внесли предложение о проведении конференции по координации гуманитарной помощи вашей стране, так как считаем, что ситуация зимой может быть значительно хуже, чем предполагалось.*

Горбачев. Абсолютно верно.

Бейкер. Нам представляется, что надо мобилизовать акцию, аналогичную усилиям международного сообщества в Персидском заливе. Мы считаем, что проблема столь остра, что заслуживает проведения международной конференции.

Горбачев. Я уверен, что Ельцин, как мы с ним договаривались, поднимал в разговоре с Вами вопрос о необходимости, помимо продовольственной помощи и товарной интервенции, предоставления 5–10 миллиардов долларов для перехода на конвертируемость рубля. Такая сумма — мелочь по сравнению с тем, что произойдет, если ситуация взорвется. Конечно, самую большую цену заплатим мы, но и другие тоже.

Бейкер. Нет, он этот вопрос не поднимал.

Горбачев. А мы с ним договаривались. Это реальная необходимость.

Бейкер. Мы это понимаем. Это предлагалось, и, в частности, этот вопрос ставился перед европейцами. Но помимо стабилизационного фонда, как мы понимаем, есть срочная необходимость в помощи медикаментами и продовольствием этой зимой в силу остроты ситуации. Я упомянул об этом потому, что полностью согласен с Вашими словами: время разговоров прошло, разговоров слишком много, а действий нет.

Я знаю, как Вы мучились с вашей бюрократией, и хочу поделиться тем, что происходит буквально сейчас. Мы подготовили две большие партии лекарств, которые погружены в большие транспортные самолеты. Это уже шестнадцатый рейс помощи. Конечно, само по себе это не так много — на сумму 6 миллионов долларов. Помощь предназначена для больниц в Москве, Минске и Ереване. Однако посол сообщает мне, что какое-то ведомство, кажется российское, не согласно допустить сотрудников Международного Красного Креста в страну для контроля за распределением помощи. А одной из главных трудностей в мобилизации крупной помощи американцев и других стран как раз и является то, что многим кажется, что значительная часть помощи разворовывается и не попадает по назначению.

Горбачев. Моя позиция состоит в том, что во всех областях — кредиты, финансы, капиталовложения — у нас должны быть институты и механизмы, в которых присутствуют не только наши люди, но и представители ЕС, США. А вся бюрократия у нас сейчас в республиках, на предприятиях. Именно она тормозит земельную реформу, акционирование, приватизацию.

Вот еще о чем хочу сказать. Процесс обретения Содружеством реальных очертаний может осложняться тем, что у людей нет ощу-

шения того, что Содружество означает расчленение страны. Люди всё же думают, что у нас останется одна страна, что сохранятся все потоки — экономические, культурные, человеческие. Вот Назарбаев говорит: ведь мы вместе, все вместе будем выкарабкиваться. Но для того, чтобы это ощущение сохранилось, надо очень тщательно обдумать принципы и механизмы, которые будут способствовать сохранению реально существующих связей и формированию новых в процессе реформ, движения к рынку. Это очень важно, ибо если люди будут чувствовать, что Содружество означает еще большую дезинтеграцию, что оно не спасет нас от разрыва всего, что у нас есть, то мы такое схлопочем, что будет страшная реакция.

Это является моей последовательной позицией, на которой я стою. Считаю, что нужно дезинтеграцию остановить, ибо если всё взорвется, то все наши прогрессивные модели рухнут, и это дискредитирует любой курс перемен.

Бейкер. *Нам объяснили так: Содружество будет состоять из 10 отдельных, совершенно независимых государств, у каждого из которых будет своя внешняя политика. Будут определенные экономические связи, пока не ясно, какие. Будет также совместная ответственность в области обороны, в стратегической области. У республик не будет собственных ВВС, но сухопутные войска будут принадлежать им.*

Горбачев. Я после Минска беседовал с Борисом Николаевичем, при этом присутствовал Назарбаев. Я задавал вопросы, и, кажется, это были для него мучительные минуты. Во-первых, я спросил: у независимых государств будут свои сухопутные войска? Он сказал: «Да». Значит, после того, как они в Алма-Ате подпишут соглашение, у Украины появится сухопутная армия в количестве 470 тысяч человек.

Шеварднадзе. *Больше, чем у объединенной Германии.*

Горбачев. На 100 тысяч человек больше.

Бейкер. *Мы спросим об этом в Киеве.*

Горбачев. Они, конечно, скажут: нам такая армия не нужна. Но особенность в том, что сухопутные войска размещаются вдоль границы. Но тогда и России придется думать о своих сухопутных силах, о том, какие они будут и где. Вот и подумайте: как делить, кого куда перевозить? Это же ужас какой-то. И я спрашиваю: вы идиоты или ответственные политики?

Сегодня в Киевском военном округе 80 процентов офицеров и генералов — русские. Мне это подтвердил в Министерстве обороны командующий округом. И конечно, украинские демократы

захотят очистить армию от такого количества русских. Но это же будет безумие. Я об этом спрашивал, но ответов не получал.

Говорят, что Горбачев утратил чувство реальности. Но я задаю Ельцину все эти вопросы потому, что они важны для людей. Ведь всё это не продумано. Например, вопрос о гражданстве. Теперь 12–14 миллионов русских будут жить в другом государстве, за границей. Ельцин говорит, что этот вопрос будет решаться посредством двойного гражданства. Но я привожу такой пример. Допустим, парень с Украины служил в Казахстане, там женился, остался жить. Если есть общее гражданство, то у него остаются все права, вся социальная защита и так далее. А если нет, то что происходит с гражданскими правами, со всей структурой человеческих отношений? Все это разрушается.

Страусс. *Господин Президент, я хотел спросить, как Вы представляете себе развитие событий в случае каких-то альтернативных подходов. Например, если будет референдум или какое-то решение Верховного Совета или группы республик. Я вполне могу представить себе, что 21 декабря республики договорятся, но потом со временем рассорятся. Но это всё же произойдет совсем не сразу. Однако вопрос заключается в том, как тем временем будет идти жизнь?*

Горбачев. Конечно, они соберутся 21 декабря, но возникает вопрос, что они будут подписывать. Я думаю, что нужно подписать документ, в котором признается необходимость создания Содружества на основе определенных принципов и, в то же время, необходимость создания механизмов и обеспечения перехода. Вот это и необходимо нам внушать им. Ведь пока всё это лишь заклинания, а с политической и экономической точек зрения ничего не проработано.

Я напомнил Ельцину: вы первыми признали Балтийские государства, подписали с ними договоры, где обеспечивается защита гражданских прав. А результат? В Латвии и других республиках принимаются законы о гражданстве, согласно которым возникает категория граждан второго сорта. И кто это? Русские. Вот что делают демократы, в защиту которых вы сражались десятилетиями.

Когда мы говорили с прибалтами, то отмечали, что у нас есть на территории этих республик объекты стратегической обороны, космической связи, раннего предупреждения. Они говорили: об этом договоримся. А что происходит сейчас? Сейчас кричат: «Русские, уходите прочь!» Как вам кричат в некоторых странах. А ведь говорили, что будет процесс, что это потребует времени. Вот цена заклинаний, когда нужна реальная политика.

Бейкер. То, что Вы сказали, абсолютно верно. Как знает Эдуард, когда вопрос обсуждался в правительстве США и кое-кто у нас выступал за усиление давления на вас по Прибалтике, я всегда прибегал к этому аргументу. Ведь сейчас в граждан второго сорта превращаются и русские, а в Литве и поляки. Мы хорошо помним заявления Ландсбергиса и прекрасно видим, что происходит сейчас.

Именно поэтому нас очень волнует то, что происходит здесь. Мы не хотим, чтобы это опять произошло. Мы знаем, что происходит, когда дезинтеграция доходит до наименьшего общего знаменателя. Нам известно, что происходит в Чечено-Ингушетии, Приднестровье. Мы видим, что происходит в Югославии. Мы от этого предостерегали. Понимаем, что это может произойти и здесь, причем с гораздо большим насилием.

Горбачев. Именно.

Бейкер. Вот почему еще в сентябре 1989 года, когда мы с Эдуардом встретились в Вайоминге, я сказал: для вас сейчас самое главное — прийти к Союзному договору. И мы знаем, как много сил Вы приложили, чтобы добиться этого.

Горбачев. Путчисты отсекали эту возможность буквально за день до подписания.

Мы с Вами поговорили откровенно и доверительно. Хочу еще раз подчеркнуть: идет реальный процесс, и необходимо включиться в него, использовать политические возможности и влияние для того, чтобы обогатить его, скорее привести к завершению. Иначе — огромная опасность. Политик должен думать о стране, о народе, который переживает критическое время. Если сделан такой выбор, то я постараюсь помочь процессу, чтобы он шел стабильнее, обогатился.

А Вам я желаю успеха в Вашей трудной миссии. Надеюсь, она позволит Вам лучше понять ситуацию, позволит нам, даже в этой трудной ситуации, поддерживать эффективное сотрудничество. Прошу Вас передать привет и наилучшие пожелания Джорджу Бушу от всех нас, хорошо знающих его.

Бейкер. Большое спасибо. Я отметил Ваши слова: необходимо использовать вопрос о признании для того, чтобы способствовать процессу формирования Содружества.

Горбачев. Формирования полнокровного и жизнеспособного Содружества.

Бейкер. Это я тоже запишу.

Горбачев. Иначе страна погибнет, а это будет беда для всех.

БЕСЕДА С ГРУППОЙ УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АНАТОМИЯ НЕНАВИСТИ»

17 декабря 1991 года²⁰⁴

Горбачев. Я приветствую идею проведения конференции на такую тему. Собственно, в основе всей моей деятельности, начиная с 1985 года, лежит мысль о том, чтобы отделить политику от ненависти в любой ее форме. Эта цель еще не достигнута, но мы двигаемся в этом направлении.

Очень трудно соединить политику с моралью. Если вернуться к тому, как мы формировали новое мышление, обращаясь к общечеловеческим ценностям, вобравшим в себя интересы, идеи и опыт столетий, то выбор тогда был сделан правильный. Я написал тогда книгу, думаю, несовершенную, — «Перестройка и новое мышление»²⁰⁵. Она написана, я бы сказал, газетным языком, но люди, видимо, поняли, что дело не в стиле, а в том, за что выступает, к чему призывает автор. Речь в книге о том, как изменить политику в стране и вне ее.

Было время, когда мы платили издателям валютой, чтобы они издавали книги наших руководителей. Но эта книга оказалась прибыльной, ее опубликовали более чем в ста странах тиражом почти 5 миллионов экземпляров. Она уже принесла несколько миллионов долларов, в том числе 800 тысяч — в этом году. На личные цели я их не тратил, и в нынешнем году тоже собираюсь передать в больницы и школы.

Но главное, конечно, не в финансовых результатах, а в том, что книгу до сих пор читают.

Надеюсь, что и на вашей конференции не было опровергнуто то, что я старался выразить в этой книге и своей политикой. И вам удалось обогатить своими идеями поиски новых отношений между людьми и между странами, народами в этот момент развития цивилизации, когда она столкнулась с гигантскими проблемами.

Сейчас, я убежден, наступило самое трудное время для политики нового мышления. Оно подвергается серьезнейшему испытанию. Здесь присутствуют люди, которые помнят, что еще несколько лет назад я говорил, что перестройка и новое мышление — настолько глубокий и драматичный феномен, что надо быть готовыми к острейшим проблемам, испытаниям, к явлениям дестабилизации. И если не удержаться, то можно погубить всё то, что так нужно нашей цивилизации.

И особенно здесь, в этой стране мы столкнулись с труднейшей задачей. Ведь здесь был создан мощнейший в мире тоталитарный режим. Демонтировать его — это поистине Гераклов труд. И самое главное состояло в том, чтобы сделать правильный выбор.

Мы сделали выбор. В политике — плюрализм, свободные выборы, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, движение к правовому государству. Мы поняли, что экономика не обретет динамизм, если не дать ей пружину, не дать людям мотивацию. Отсюда — необходимость экономической свободы, изменения отношений собственности, необходимость рынка, где обеспечивалась бы соревновательность, возможность каждому реализовать свой потенциал.

В стране, где люди говорят на 120 языках, невозможно двинуться вперед, если не будет реформирована государственность.

И, наконец, наше общество было одним из самых милитаризованных. Масштабы и цена этого огромны.

Я постоянно ставил перед моими американскими собеседниками вопрос: какой Советский Союз хотят видеть Соединенные Штаты? Какими хотим видеть Соединенные Штаты мы? Казалось бы, ответ ясен. Если спросить рядового человека, то он скажет: мы должны понимать друг друга, сотрудничать друг с другом. А вот у политиков всё не так просто. Но, слава богу, мы все-таки поняли, что надо делать.

Я критикую политиков не потому, что надо, дескать, разгонять их. Хорошо, что идет новое поколение политиков, что создаются ассоциации молодых политиков и политологов. Нам ведь было нелегко, мы все-таки были еще в плену старых догм, стереотипов мышления. Новому поколению будет легче.

Вернусь к тому, что я сказал: сейчас самое трудное испытание для нового мышления. Драматическое время. Но я приветствую ваше прибытие к нам в такой момент, проведение такой важной дискуссии, в которой мы все нуждаемся. Ведь жизнь продолжается и мы и новые поколения должны учиться понимать науку жизни, а значит, преодолевать ненависть, подозрения, учитывать взгляды и интересы друг друга. Ведь каждый человек — это божье творение, хотя я как атеист вкладываю в эти слова свой смысл.

Вот что мне хотелось сказать на этой встрече — к сожалению, выступить на самой конференции у меня нет возможности.

Визель. Мы понимаем это. Спасибо, что Вы нашли для нас время.

Я уже не в первый раз встречаюсь с Вами. И почему-то каждый раз встреча приходится на очень драматический момент.

Горбачев. А у нас все последние 6–7 лет — драматические. Главное, чтобы драма не вылилась в трагедию.

Визель. В этом доме собрались люди, наиболее подходящие для обсуждения этой темы. Это государственные и общественные деятели, ученые из Европы и Америки, два писателя из Польши, которых Вы знаете. Это люди, обладающие огромным влиянием на международное общественное мнение.

Мы стремились дать анализ феномена ненависти, подумать, что можно сделать, чтобы бороться с ней, — повсюду и особенно в вашей стране, которая переживает бурные перемены, исторические конвульсии. В такое время ненависть не просто возможна, но и почти неизбежна. Как Вы — как человек и как лидер великой страны — справляетесь с этим?

Горбачев. Вопрос о том, что происходит у нас сейчас, — это главный вопрос.

В последние несколько дней я должен был не раз выступать, давать интервью. Это нужно было для того, чтобы у нас опять наладился определенный процесс. Я по-прежнему убежден в том, что должен использовать все свои конституционные и политические возможности, чтобы канализировать этот процесс, освободить его от эмоциональных наслоений и жесткой конфронтации.

Если бы я был просто политиком или академическим юристом, то я мог бы дать критический анализ тех методов и способов, к которым прибегли в решении проблемы Союза. Но в моем положении я этого не делаю.

Если Верховные Советы — органы представительной власти — считают необходимым создание Содружества Независимых Государств, то я сказал, что буду уважать их выбор. При этом я остался

приверженным той точке зрения, что у нас одна, единая страна и ее расчленение лишь усугубит наши проблемы. Поэтому я — за «мягкий» политический союз, за союзное государство другого типа. Но могут ли политики идти против потока, против решений, которые принимают Верховные Советы? Нет.

Более того, я хочу использовать мои возможности и мою роль для того, чтобы обогатить начавшийся процесс, содействовать его успеху. Почему? Потому что есть вещи более важные, чем политический процесс сам по себе, чем формы, которые он принимает.

Страна перегружена такими проблемами, что втягиваться сейчас в политическую борьбу — это был бы пир во время чумы. Может быть, сейчас последняя возможность взяться, наконец, за эти проблемы. Время на исходе, если их срочно не решать, то станет невозможным продолжение того курса, который мы начали.

Мы не должны допустить взрыва. Поэтому я сделаю максимум возможного для того, чтобы процесс шел в конституционных формах и был обогащен. Ведь в минском Соглашении больше вопросов, чем ответов. Это самая общая схема. Сейчас предстоит встреча руководителей республик в Алма-Ате. Я собираюсь направить на их рассмотрение некоторые важные идеи, соображения.

Сейчас очень важно, чтобы солидарность наших зарубежных партнеров оставалась эффективной. Может быть, начавшийся процесс позволит остановить дезинтеграцию, возобновить сотрудничество между республиками. Но остается проблема экономики, где нарушены все связи, идет падение производства. И если после либерализации цен по-прежнему не будет товаров, продовольствия, то это вытолкнет массы людей на улицу. А это чрезвычайно опасно, мы должны всё сделать, чтобы этого не допустить.

Поэтому любые разногласия надо сейчас отодвинуть в сторону. Это мелочь в сравнении с тем, что может произойти, если будет взрыв. Поэтому я желаю им успеха, — чтобы сохранить курс реформ.

Здесь присутствует Адам Михник. Он может подтвердить, что хотя в Польше ситуация носит менее драматический характер, даже там люди испытывают большое недовольство, и в результате силы, которые еще недавно полностью отвергались обществом, получили на недавних выборах значительную поддержку. Это сигнал. Так же как и то, что Президент Румынии вынужден был отказаться от свободных цен, вновь ввести регулируемые цены.

Так что главная наша проблема сейчас в экономике. Но тот демократический капитал, который накоплен в процессе реформ, идеологическое раскрепощение, интеллектуальная свобода — это будет

проявляться и позволит нам в будущем идти вперед более уверенно. Главное сейчас не сорваться, в этот критический момент для судьбы нашей демократии.

Визель. *Нас так же, как и Вас, беспокоит: может ли ход истории оказаться обратимым? Возможно ли в некоторых республиках повторение ГУЛАГа?*

Горбачев. Я думаю, что теперь уже невозможно отбросить страну в прошлое. Мы слишком многое в последние годы узнали, но если нестабильность будет продолжаться, то естественным следствием может стать диктатура. Думаю, нельзя исключать, что могут потребоваться авторитарные методы. Но только в той мере, в которой это необходимо, чтобы была возможность продолжить демократические перемены, остановить дезинтеграцию.

Визель. *Я, будучи верующим евреем, встречался в ходе этой поездки с евреями в Москве и Киеве. Они испуганы. Что Вы могли бы сказать в этой связи? Мы знаем, что Вы публично осудили антисемитизм. Но нам известно о деятельности таких организаций, как «Память», мы видели антисемитские издания, карикатуры.*

Горбачев. Сегодня все общество охвачено беспокойством, в том числе и граждане еврейской национальности. Что касается опасности того, что они подвергнутся особой угрозе, то, думаю, мои коллеги согласятся, что сегодня такая опасность меньше, чем два-три года назад. Правда, кое-кто продолжает подбрасывать идеи «жидомасонского заговора» и так далее, но они не находят поддержки, наоборот, наталкиваются на негативную реакцию общества.

Годовщина трагедии в Бабьем Яре послужила для меня поводом выступить с заявлением, в котором высказано мое личное отношение к антисемитизму и любым другим подобным проявлениям. В церемонии, посвященной этой годовщине, принял участие А.Н. Яковлев, который зачитал мое заявление²⁰⁶.

Хорошо, что у нас восстановлены дипломатические отношения с Израилем. Наши люди отмечают и ценят также то, что многие видные представители финансовых кругов — евреи активно участвуют в оказании помощи нашей стране, осуществлении больших проектов.

Спасибо вам за внимание, на этом я прощаюсь с вами.

ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

18 декабря 1991 года²⁰⁷

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, здравствуйте. Покажите, пожалуйста, Ваше удостоверение.*

Горбачев. Есть у Президента удостоверение, есть.

Корреспондент. *А кем подписано, Михаил Сергеевич?*

Горбачев. Ревенко. Руководителем аппарата.

Корреспондент. *То есть новое?*

Горбачев. Ну да.

Корреспондент. *Действительно по...*

Горбачев. Пока действительно. Если уж создается Содружество, пусть всё будет конституционно, и нынешние институты власти отменит последняя сессия Верховного Совета СССР.

Корреспондент. *Сколько весит та самая большая тяжесть, которая на Вас лежит?*

Горбачев. Вы опять про «ящичек», или, как его называют, чемоданчик? (Горбачев взвешивает на ладони устройство вызова секретаря.) Да, приблизительно столько же... Но это не самая главная тяжесть, этот ящичек. Меня тут всё время спрашивают, счастливый ли я человек. Я ответил, что главное дело моей жизни сбылось, но сейчас идет через меня, через всех нас такой горячий поток событий, обжи-

гает всё больше. Понимаете, вот я думаю, что мы еще не вполне осознаем, ни вместе, ни по отдельности, что мы были одна страна, а теперь разделены. Ведь мироощущение должно измениться! Ну жил человек, плохо ему стало, потерял точку опоры, плюнул на всё, решил жить заново, уехать. Встал и улетел, к друзьям на другой конец страны, в деревню... А теперь будет зависеть не от твоего решения, а чьего-то разрешения. Ведь у нас не ощущались административные границы между республиками, автономиями. Но теперь начнется самый тяжкий процесс — превращение границ административных в государственные. Это очень опасные переделы. Очень опасные повороты событий.

Корреспондент. *Ваш давний соперник по выборам в Президенты ВС СССР А.М. Оболенский охарактеризовал нынешние события не как «поворот», а как государственный переворот. Хотя нам кажется, у людей после Беловежской Пути появилась хоть какая-то надежда на ясность.*

Горбачев. Я не скажу, что это государственный переворот, я не пойду на это. Союз трансформируется в Содружество. Естественно, что Союз имел свои структуры, а Содружество будет иметь свои механизмы функционирования. Тут ничего неестественного, сверхъестественного нет. Раз на смену одной системы, скажем, приходит другая система, то она имеет свои особенности, свои законы развития и существования. Тут всё нормально. Но вот как переходить к этому? Я всё время, откровенно скажу, осаждаю моих коллег от того, чтобы они выпрыгивали за пределы Конституции, за пределы правового подхода. Это очень важно. Ибо у людей даже появилось ощущение, о котором Вы сказали, что это своеобразный переворот, только без танков. И я Борису Николаевичу вчера порекомендовал: если вы, демократы, настоящие, если вы за реформы, если вы идете к правовому государству, не буду перечислять все цели, то вы должны всё делать, исходя из демократических ценностей и на основе демократических правил.

Сейчас вырисовывается облик этого Содружества, идет подготовительная работа к новым структурам. Это естественно. Но не безболезненно, и это вызывает реакцию острую. Содружество, когда оно придет в Алма-Ате к итогу и Соглашение будет подписано²⁰⁸, подойдет к решающей стадии. После обмена ратификационными грамотами надо, естественно, провести заключительную сессию Верховного Совета. Это мне кажется абсолютно необходимым, просто... абсолютно. Верховный Совет фиксирует прекращение сущест-

вования Союза, и на основе всех документов соучредителей Содружества он открывает страницу другой жизни, другой эпохи в жизни этих народов, государств. Я не хочу затруднить процесс, раз уж такой выбор республик. Я просто хочу до конца быть последовательным, что это народное дело. Это не Фронина дело, и не Горбачева, и не Дмитрия (Муратова), он еще моложе, это всех нас дело. Кстати, и тех поколений, которые были до нас.

Корреспондент. *Интервью с Вами мгновенно «устаревают». Происходит масса событий, меняется жизнь, и меняется, как нам кажется, Ваша точка зрения. Ваша позиция уже стала лояльнее, мягче...*

Горбачев. Нет, не совсем точно. Я сказал: «не участвую». Но как политик, — а политик всякий может считаться политиком, если он видит реальности и воспринимает их, — я буду уважать этот процесс. Больше того, я хочу, чтобы был успех. Даже сказал трижды: дай Бог успех... При этом моя позиция принципиальная не изменилась. Я — за государство. Но буду использовать свои возможности, как-то помогать, чтобы из этого процесса что-то родилось живое, а не выкидыш какой-то очередной. Нужно, чтобы появилось что-то жизнеспособное.

Корреспондент. *Вы сказали про свои президентские полномочия, на днях перепугали в «Тайме» всех словами о том, что Вы используете свои полномочия главнокомандующего.*

Горбачев. Да Вы что?²⁰⁹ Я говорил на встрече с военными, и сейчас скажу: никто, никто не имеет права «разыгрывать» армейскую карту. Я сказал, что сделаю, пока главнокомандующий, всё, чтобы армия обеспечивала стабильность и безопасность и не стала элементом розыгрыша. Уверен: военный переворот исключен, и народ не примет, и армия не пойдет. Единственная опасность — с улицы. Если выйдут недовольные люди, а политические проститутки и спекулянты их подтолкнут.

Корреспондент. *Что будет с Вами?*

Горбачев. Вот в Алма-Ате всё закончится, и я буду ждать Вашего звонка, чтобы сообщить о судьбе Президента.

Корреспондент. *Нелегкий для Вас вопрос. Ваша политическая биография была, увы, постоянно связана с цепью предательств со стороны коллег. И появившееся в Ваше отсутствие письмо ленинградского химика...*

Горбачев. Кого?

Корреспондент. *Нины Андреевой.*²¹⁰

Горбачев. Ну да.

Корреспондент. *...и запрошенные за спиной Президента чрезвычайные полномочия для премьер-министра Павлова, и финансовые аферы партии, о которых, по Вашим словам, не знал Генсек... Понятно, что без ведома Крючкова группа «А» не штурмовала бы Телецентр в Вильнюсе и не взрывала бы энергоблок ТВ в Баку, но и о действиях ближайшего соратника Вы тоже не знали... Вы обманывали или Вы обманывались?*

Горбачев. Вы задали сложный вопрос. Что ж, назовем вещи своими именами. Я знал, что задуманные реформы заденут многих. Я знал, что придется многим жертвовать и часто менять тактику, чтобы изменялись страна, народ и им не помешали бы на первом же этапе.

Всем казалось, ну Горбачев, ну консерватор, а мне было видно, что мы два года двигаем лозунги, а на сто километров от Москвы всё тихо. А помните январский Пленум ЦК («кадровый», 1987 года) какой был острый и сильный. Впервые был очень серьезный анализ, серьезные оценки... Но — монолит! Мощные структуры, никакого движения не приемлют. Значит, если мы не «включим» процесс снизу, всё обречено. Как были обречены многие попытки реформирования нашего государства. Мы с вами можем вспомнить, сколько их было, попыток, на нашей памяти. Как только доходило до положения партии, до роли — реальной — народа в выборах власти, всё кончалось, ибо задевало самое главное... Правящий партийный класс снова выступал от имени народа.

Вот тогда, на XIX партийной конференции²¹¹, мы начали разговор о разъединении законодательной, исполнительной, судебной власти, о возвращении партии ее естественной роли — роли политической организации. Заговорили тогда о плюрализме мнений, политический плюрализм был еще впереди...

И вот тут суть ответа на ваш вопрос. Мы задели многие интересы, и что увидели — началось противостояние и партийной номенклатуры, и государственных структур, и военно-промышленного комплекса, да и просто людей, приверженных старым ценностям, старой идеологии. Я всё это видел! Не видел этого тот, кто не хотел. Начиная с российского съезда Компартии, год подряд шла борьба просто уже не на жизнь, а на смерть. Были уже реальные лица, преданные консерваторам, ездили по городам и весям, готовили протесты, собирали группы партийцев. И всё это шло на стол Генсеку, всюду упреки, что он предает то левых, то правых. Как вести себя?

Атакам и нажимам подвергался я колоссальным. Надо было решить, что делать. Пойти на решительную схватку — кажется, нормально. Но нет еще поддержки народа, еще общество не готово, а в самой партии зреет недовольство. Поэтому, вызывая жесточайшие упреки, раньше решили обновить самые сильные структуры. Вы вспомните обновленный ЦК, обновление секретарского «комплекта», трижды обновились обкомы, секретари. А затем — свободные выборы. Они при всех их издержках подняли народ. И я старался дотянуть до предела, я тянул до последнего, чтобы никто не мог остановить пошедшую вперед страну. Что, думаете, я не знал, что удар последует со стороны консервативных кругов партии, объединившихся с ВПК? Знал — и держал их рядом. Может быть, этим многое и объясняется в вашем вопросе...

А они тоже тянули время, тоже боялись, что народ за ними не пойдет, ждали его недовольства, но вдруг — Союзный договор. Надежда на стабилизацию страны, в которой они уже не найдут себе места. Смотрите! Уже стулья расставлены в Кремле, по алфавиту республики, уже знамена каждой за спиной стоят, уже вот он, стол Президента, Президент говорит речь — всё, я уже порядок утвердил. Шрифт выбран был для договора, всё решено. И они увидели, что настал последний миг.

Я вам скажу: год назад или полтора года назад, если бы они пошли тогда, как в августе, всё бы состоялось. Это стоит понять.

Поэтому, как говорят, шла работа «в стане». Между прочим, это объяснение, почему я не распрощался с постом Генсека, который, в общем-то, меня за горло держал. Все же цепляли, все, в представители демократических движений...

Корреспондент. *Есть на Вас хорошая карикатура. Идет Горбачев по проволоке, и две корзины справа и слева. В одной сидят левые, в другой правые. Одни говорят «Чуть-чуть левее», правые кричат «Чуть-чуть правее...» И все-таки одна из Ваших ошибок в том, что Вы вовремя не объединялись с демократическими силами и не пошли вот тогда вместе в наступление...*

Горбачев. На каком-то этапе я не уловил момент. В политике очень важна не только направленность, не только этап, но еще и момент. Как для любого сражения, так и тут. Потому что, в общем-то, я под давлением ситуации уже должен был создать сильный союз с демократами. В феврале эти митинги и войска. Уже возникала угроза диктатуры. Я увидел реально опасность. И тогда немедленно предложил встретиться с руководителями республик в Ново-Огареве...

На декабрьском Съезде народных депутатов²¹² дискуссия: включать ли вопрос о Президенте, его отчет в повестку дня. И Анатолий Иванович (Лукьянов) так маневрировал с постановкой этого вопроса, чтобы разгорячить народ. Я же видел, я же рядом сижу. Я говорю: что ты делаешь и с какой целью? Всё муть, муть какая-то, чтобы раскалить, накалить. Всё это была продуманная акция поднажать на Президента. Надо было, я думаю, раньше, осенью девяностого, мне уже всё понять. Мне бы именно тогда и заняться поиском форм сотрудничества, по крайней мере провести круглый стол, встречи... Вот это время было потеряно. И оно дорого, в общем, обошлось. Но все-таки удалось выйти на ново-огаревский процесс!

Корреспондент. *Вы одновременно победили и — проиграли. И ликвидационная комиссия Верховного Совета держит в своих планах и «опечатывание» кресла Президента. Вы станете в оппозицию новой власти?*

Горбачев. Для меня вопрос, о котором я думаю постоянно.

Корреспондент. *Оказавшись с демократами после путча, Вы сейчас не с ними.*

Горбачев. И все-таки я сейчас не могу поставить под сомнение, что кто-то начал менять курс, уходить от демократических преобразований... Это остается. Кстати, с Борисом Николаевичем мы этот вопрос тоже затрагивали... Ему показалось, что Движение демократических реформ трансформируется в оппозиционную партию... Я не так понимаю. Я всё время себя держал. И с Шеварднадзе мы беседовали, и с Поповым, и с Яковлевым. Речь идет о том, что демократы не должны оставлять без внимания, оценки того, что ставит под угрозу ценности демократические. Чтобы тенденции к неправовым методам, которые проявились в начальной стадии, не стали господствующими. Это во-первых.

Во-вторых, лидеры ДДР настаивают и подчеркивают, что радикализация экономических реформ должна быть максимально продуманной, взвешенной, с тем чтобы не привести в такое состояние общество, которое бы его заставило выступить против реформ. А вот когда кто-то из выступающих предложил провозгласить ДДР оппозиционным движением, и Яковлев, и Шеварднадзе ему разумно сказали: ну знаете, наше движение охватывает все республики, и если в одной республике наметились какие-то диктаторские тенденции, антидемократические, там движение должно выступить против. Но это не значит, что всё движение должно быть сразу сориентировано на оппозиционные позиции. Я думаю, что у них по-

зияция — конструктивное сотрудничество, включающее поддержку всего позитивного, что делается, и критика того, что внушает опасение.

Корреспондент. *И все-таки мы не поняли. Вы сами ощущаете себя оппозиционным политиком или нет?*

Горбачев. Нет. Хотя в эту концепцию Содружества не верю. Но раз пошли республики, я не могу, не считаю возможным в нынешней сложнейшей ситуации в обществе противопоставить эти концепции до такой степени, чтобы расколоть общество. Это, знаете, был бы пир во время чумы.

Корреспондент. *У Бека в «Новом назначении» описывается такая болезнь: «сшибка» — конфликт между внутренним состоянием личности и необходимостью выполнять свои функциональные обязанности. Возможно, показалось, но Вы сейчас описали симптомы именно этой болезни.*

Горбачев. Знаете, я все-таки не раздваиваюсь. Есть интересы, которым я подчиняюсь и как политик, и как человек. Если создание Содружества поможет согласию людей, надо смирить свою гордыню.

Корреспондент. *У нас есть ощущение, что созданием Содружества Вы в какой-то степени пугаете. Вы сами когда-то говорили, что нам «подбрасывают» то идеи о голоде, то катастрофе, а теперь и у Вас появились похожие интонации...*

Горбачев. Откровенно: у меня этого не было, и я сейчас не хочу никого запугивать. Но об опасностях — я должен сказать? Именно об опасностях. Я думаю, что самые большие опасности связаны с двумя моментами: с расчленением страны и с выяснением вопросов гражданства.

Вы представляете ограниченное границами и паспортами передвижение в мире, где 75 миллионов живет за пределами своих родных мест? Вот об этом я думал, когда говорил, что мы заложим страшные бомбы.

Вот я Борису Николаевичу тоже сказал: Борис Николаевич, ну вот Россия под твоим воздействием первой признала прибалтов, заключили вы с ними соглашения. И всё там вроде хорошо записали, что касается граждан. А теперь мы беседуем с Бейкером, и он недоумевает — чёрт-те что происходит. Появились граждане второго сорта!..

Корреспондент. *Пришла свобода, а с ней и первые аресты...*

Горбачев. Или заверяли: да нет, всё... с войсками договоримся, сроки вывода будут, этапы и так далее. А теперь мы что слышим с вами? Убирайтесь! Да мало — убирайтесь. Уже в гарнизон не поступает продовольствие и в магазин не пойдешь. Я никого не пугаю — лишь говорю о необходимости преодоления таких опасностей.

Корреспондент. *И все-таки и единый рубль сохраняется, Украина не уходит...*

Горбачев. Вы понимаете, еще непонятно, объединение это или разъединение.

Корреспондент. *Брак для развода? Вряд ли.*

Горбачев. Вот, вот. Вы знаете, какая концепция была у Бурбулиса? Нужен «мягкий Центр» для того, чтобы осуществить бракоразводный процесс к независимым государствам²¹³. Тут сыграл свою роль украинский феномен. Ведь договорный процесс был практически согласован. Кроме Украины, согласие всех было договор подписывать! Я со всеми переговорил. Назарбаев должен был на Верховном Совете одобрить. Белорусы — то же самое. И Россия! У меня на столе лежали заключения комиссии, позитивные. Даже предлагали, чтобы была конституция общая. Оставалась Украина. Тупик. Мы что же, должны были вытащить Украину из тупика или всем в тупик рвануть?..

Не знаю, что произошло. Не знаю. Но коль произошло уже, надо помогать.

Корреспондент. *Возвращаясь к вопросу о предательствах в Вашей жизни. Ведь была, кажется, возможность более надежной опоры для Президента. Знаете, 25 ноября 1990 года врач аэропорта «Внуково» Нина Алексеева зафиксировала смерть человека, при котором нашли курительную трубку и 55 рублей. Это был Мераб Мамардашвили. Один из величайших философов века. Ваш друг. Вы общались с ним последние годы?*

Горбачев. Увы, нет. Он и Левада Юрий мои университетские друзья. Мы даже к девушкам в одну комнату ходили, где моя будущая жена жила. Обаятельнейший был человек, уже тогда выделялся из всех нас. Он-то действительно был человеком чести и морали. Жаль, после университета пути разошлись, но на годовщину после его гибели я где-то в газете увидел его маленький портрет... А за его работами Раиса Максимовна следила...

Корреспондент. Если можно, еще вопрос, деликатный. Мы знаем, что 27 августа, когда путч уже позади, жена Президента жгла его личные письма. Вы и она опасаетесь за свою судьбу?

Горбачев. Дело, наверное, не в этом. Те письма были очень личными и открытыми. Когда Раиса Максимовна стала писать на основе своего дневника после Фороса записки, я и узнал, как много моих писем, еще до женитьбы написанных, сохранилось... Я обнаружил в тех письмах много суждений, от которых не отказывался и не откажусь. У Раисы Максимовны есть чувство какого-то очень глубокого, личного отношения к тому внутреннему миру, который нас связывает. Мы вообще с ней против того, чтобы дети давали интервью, выходили на какие-то контакты с прессой. Ну пусть хоть семья Президента останется нетронутым островом, куда можно возвращаться спокойно. Думаю, от одного ощущения, что на этот остров может кто-то забраться, рыться на нем, если, не дай Бог, повторится что-то похожее на август, она это сделала. Я пришел, говорит: я сожгла всё. И плачет.

Корреспондент. Все-таки Вацлав Гавел был прав, говоря о том, что Президент не может жить нормальной, человеческой жизнью. Михаил Сергеевич, такой странный вопрос. Может быть, даже детский: у Вас сейчас есть в кармане деньги?

Горбачев. В кармане нет. В портмоне, в сейфе, вместе с удостоверением — есть. А как же? И дочке помогать надо.

Корреспондент. Михаил Сергеевич, Вы всем говорите «ты»?

Горбачев. Дома говорю. Ну и... Так сложилось, что я говорю близким, людям, которых уважаю. Кстати, друзья юности, когда звонят, тоже на «ты». Но... согласен. Я думаю, кто-то обратил внимание, что Президент, наверное, иногда слишком свое обращение «упрощает». Это, конечно, вопрос культуры, из комсомола эта традиция пошла. Вот, осталась.

Корреспондент. Последний вопрос. Вы уже говорили со многими политиками мира. Как Вы их ориентировали?

Горбачев. Однозначно: надо помочь реформам. Через Содружество — так через Содружество. Лишь бы содействовать демократии и реформам. Я говорил — и никто меня не смог опровергнуть, что у нас контроль за ядерным оружием по-прежнему жестче, чем у американцев даже. А еще я чувствовал: они по-прежнему к нам

с уважением и интересом относятся — это плоды нашей политики, и теперь нам есть на кого опереться...

Корреспондент. *Нам, видимо, пора прощаться...*

Горбачев. Знаете, «Комсомолка» два раза только про меня напечатала положительные материалы. В 1960-м году карточку, где среди других был студент МГУ Горбачев, а потом, году в 89-м, перепечатала ее еще раз.

Корреспондент. *До свидания, Михаил Сергеевич. И Вам — за всё — большое спасибо.*

*Печатается по тексту публикации
в газете «Комсомольская правда», 24 декабря 1991 года*

ИЗ РАЗГОВОРА С РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПАЛАТ И КОМИТЕТОВ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ПО ПРОВЕДЕНИЮ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

18 декабря 1991 года

...Собрали необходимое количество подписей и говорят: направляем их Вам, Президенту. Я тоже за то, чтобы провести заключительную сессию Верховного Совета, которому Съезд народных депутатов в начале сентября передал все свои конституционные права. Нельзя сбрасывать со счетов, что был референдум, проведенный по решению Съезда. Это нравственный вопрос. Но и юридический, вопрос ответственности. Это проявление уважения и законности. Я должен напомнить обществу о его возможностях и правах. Это мой долг. И когда беседовал с Президентом Ельциным, тоже советовал ему воспользоваться этой возможностью, получить юридический, правовой акт, где было бы зафиксировано всё, что сделано по формированию Содружества.

Вы спрашиваете: а не примирился ли я с тем, что происходит, может быть, потом все вернутся к тому, что нужно общее государство? Руководители республик высказывают примерно такие же соображения — мол, через этап дифференциации, дезинтеграции суверенные государства потом добровольно придут к новому общему государству... Но пока дорога «может привести и в ад».

Год этот самый трудный... Всё надо сделать, чтобы не оказаться в ситуации, когда людям останется единственное — выступить и заявить о своем недовольстве. Это может произойти. И это будет откат. Вот почему я пекусь об успехе Содружества.

Эту мысль я довожу и до своих партнеров на Западе. Они сейчас должны быть очень внимательными. Когда искали выход из Персидского кризиса, мобилизовали всё — и политическую волю, и ресурсы. А кризис нашей страны гораздо опаснее для всех. И чтобы его преодолеть, от всего мира требуется сопричастность, сотрудничество.

Итак, год трудный, год больших перемен, принятия важнейших решений. И поэтому особенно нужна согласованная политика всех республик. Потому и отстаивал я идею Союза. Но не получилось. Теперь хочу, чтобы максимально жизнеспособным было Содружество. Если не заработают механизмы взаимодействия, то процесс станет еще более болезненным. Уверен: те, кто соберется в Алма-Ате двадцать первого декабря, представляют всё это себе не хуже меня.

А что касается отношений с внешним миром — не будем полемизировать, что упустили мы, что — наши партнеры. Важно — на что мы рассчитываем сейчас. Я за то, чтобы сейчас наши партнеры — и Соединенные Штаты, и европейцы — преодолели колебания и пошли решительно на оказание реальной поддержки.

Пока что много встреч, заседаний, совещаний, открытых, закрытых, все всё вроде понимают, сочувствуют. Но дело идет медленно. Мы надеемся, что наши партнеры поняли наконец срочность помощи. И в первую очередь надо поддержать Россию, которая выполняет роль локомотива реформы. Это обернется общим выигрышем.

А останусь ли я Президентом? Это будет зависеть от процесса формирования Содружества. Как только он войдет в решающую фазу и появятся документы, которые будут означать, что Советский Союз завершает свою историю и мы стоим перед началом новой эпохи, тогда приму окончательное решение.

Когда это будет — после 21-го, после Алма-Атинской встречи? Возможно. После Нового года? Возможно. Но я должен быть твердо уверен, что процесс завершился.

Я не могу вести себя так, будто вот вдруг меня обидело что-то. Это несерьезно для Президента, тем более когда вся страна в поиске. И ее судьбу, ее выбор мы должны ставить выше всего.

Впрочем, одни хотят, чтобы я вообще не уходил, другие, наоборот, хотели бы, чтобы я давно ушел. Это всё проявление демократии, которая возникла, скажу, не без моего участия.

*Печатается по тексту:
Горбачев М.С. Декабрь-91... С. 90–91.*

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ ВСТРЕЧИ В АЛМА-АТЕ ПО СОЗДАНИЮ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

19 декабря 1991 года²¹⁴

Уважаемые товарищи!

Перед встречей, которая определит, каковы будут отношения между новыми суверенными государствами и какое место они вместе и раздельно займут в мировом сообществе, хочу поделиться с вами некоторыми соображениями.

Полагаю, у меня есть на это право — и моральное, и политическое.

Ратификация соглашения о создании Содружества Независимых Государств Верховными Советами РСФСР, Украины, Беларуси и готовность Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана войти в состав учредителей Содружества²¹⁵ коренным образом изменили ситуацию. Государственная форма жизни многочисленных народов великой страны начинает свою новую историю. На ее территории образуются несколько независимых государств. На смену длительному и трудному историческому процессу формирования единой страны приходит процесс ее разъединения, расчленения. И он также не будет легким. Тут не должно быть никаких иллюзий. Очевидно, что общество еще не осознало, что это — поворот колоссального масштаба, затрагивающий основы жизни народов и граждан.

С самого начала перестройки мы шаг за шагом шли к тому, чтобы все республики обрели подлинную независимость. Но я всё время настаивал на том, что нельзя допустить распада страны. Таково

было и есть мое понимание воли народов, выраженной на референдуме, — как их стремление к независимости при сохранении целостности исторического союза. Эта мысль и это беспокойство лежали в основе моей формулы о «Союзе суверенных государств», которая первоначально встретила вашу поддержку.

Пишу вам не для того, чтобы возвращаться к дискуссии на эту тему. Сейчас реальностью становится идея Содружества независимых государств. И важно, жизненно важно, чтобы этот самый сложный процесс не усилил разрушительные тенденции, наметившиеся в обществе. Ведь для всех очевидно, что переход будет происходить в обстановке глубочайшего экономического, политического и международного кризиса, значительного снижения жизненного уровня.

Со всей серьезностью я отнесся к тому, что содержится в документах, принятых в Бресте и Ашхабаде, в ратификационных постановлениях Верховных Советов трех республик. Обдумывая свои соображения, я учитывал и общественную реакцию внутри и вне страны, вопросы, которые остались открытыми.

Смысл соображений в том, чтобы очертить минимум положений, без которых Содружество в современных условиях, как мне представляется, не сможет стать жизнеспособным.

Среди них, оговорюсь сразу, есть вещи очевидные, которые все вы признаете. Но я тоже не могу их не зафиксировать в своем послании.

Первое. Должно быть четко зафиксировано понимание Содружества как многонационального образования при абсолютном равенстве не только самих государств, но и живущих в них национальностей, всех религий, традиций, обычаев, геополитического местонахождения.

Наиболее подходящим названием поэтому для Содружества мне представляется: «Содружество европейских и азиатских государств» (СЕАГ).

Второе. Мало просто официально признать Декларацию прав человека и демократических свобод. При уникальной расселенности людей на огромных пространствах, где на протяжении веков перемешивались и пересекались судьбы миллионов семей, где десятки миллионов смешанных браков, проблема открытости границ и гражданства должна быть проработана особенно тщательно.

Уверен, что у всех, кто не заражен национализмом и сепаратизмом, а это сотни миллионов, неизбежно возникнет чувство утраты «большой Родины». А когда практически начнется процесс государственного, административного и прочего размежевания, определе-

ния условий гражданства, это затронет очень многих самым непосредственным образом — в быту, на производстве, в человеческих связях.

Поэтому, возможно, на какой-то довольно длительный период придется согласиться с нормой — «гражданин Содружества», наряду с гражданством в соответствующем государстве.

Боюсь, что, если это всё не будет обдумано, решено и надежно гарантировано, концепция Содружества будет отвергнута на народном уровне.

Третье. Для стабильности Содружества решающее значение имеет создание социально ориентированной рыночной экономики, беспрепятственное развитие и защита всех форм собственности. Я разделяю мнение тех, кто считает необходимым подтвердить решимость участников Содружества соблюдать Договор об экономическом сообществе и завершить работу над комплексом приложений, предусматривающих необходимые условия создания общего «евразийского рынка». В том числе — согласованные меры по таким важным вопросам, как валютно-финансовая и банковская система, методика ценообразования и налогообложения, таможенные сборы, бюджетные ассигнования на оборону и другие общие цели.

Я убежден: потребуются соответствующие структуры экономического взаимодействия в рамках Содружества.

Убежден я и в другом: всё это станет возможным, заработает на благо людей и народов только в условиях действительных гарантий экономических прав и свобод личности, их безусловной защиты в законе и на практике.

Четвертое. С полной ответственностью и знанием дела относительно целостной системы военно-стратегической безопасности страны могу сказать, что малейшие попытки дезинтегрировать эту систему чреваты бедой международного масштаба.

С точки зрения утверждения реального суверенитета членов Содружества делить эту сложнейшую и крайне дорогостоящую систему нет никакой необходимости. Договаривающиеся стороны могли бы определить безотлагательно структуры единого контроля и главнокомандования стратегическими силами, включая все основные военно-технические и научно-оборонные компоненты. Коллективное командование — это абсурд. Коллективным может быть контроль за состоянием и содержанием вооруженных сил и за проведением согласованной военной политики.

Совместного решения требует и проблема реформирования и сокращения армии. Это теперь — крупнейшая социальная про-

блема. Одновременно это проблема политической безопасности на территории всей страны, которой пока принадлежат испокон века единые вооруженные силы.

Пятое. Самостоятельная, суверенная деятельность каждого члена Содружества на мировой арене правомерна. Но если есть Содружество, а это политическое образование, то должно быть и его политическое представительство в мировом сообществе. По типу, скажем, Европейского сообщества, которое является субъектом международного права. Отказывать в таком статусе Содружеству нельзя еще и потому, что от СССР оно унаследует статус ядерной сверхдержавы. От такого наследства так просто не избавиться. Иначе произойдет срыв международного доверия, будет нарушен Договор о нераспространении ядерного оружия, который все суверенные члены Содружества вроде бы обязались подтвердить.

Я не представляю себе, как можно сохранить общую стратегическую оборону без минимума общей внешней политики.

Самое разумное было бы иметь структуру по делам внешних сношений, приспособив ее к нуждам и принципам Содружества, включая и вопрос о членстве в Совете Безопасности ООН.

Подписи Союза стоят под важнейшими документами эпохи — декларациями и договорами. Остаются действующими 15 000 внешнеэкономических соглашений. Просто это всё перечеркнуть — значило бы с первых шагов нанести ущерб международному престижу Содружества и его реальным интересам.

Так же как все члены Содружества, очевидно, подтвердят свою приверженность принципам современной демократии (свободные выборы, разделение властей, политический, идейный, религиозный плюрализм, правовое государство, гражданское общество, права человека), они должны воспринять и внешнеполитический курс, построенный на новом мышлении. Он получил признание во всем цивилизованном мире.

Шестое. Будет нанесен невосполнимый урон духовному развитию всех народов, если уже сейчас члены Содружества не договорятся о координации (и о ее органах) в области науки и культуры, языка межнационального общения, охраны памятников, об источниках содержания музеев, мирового класса театров, библиотек, архивов, крупнейших институтов, лабораторий, обсерваторий и т.п.

Седьмое. О процедуре правопреемства. Начинать новую эпоху в истории страны надо с достоинством, с соблюдением норм легитимности. Одной из причин исторических несчастий наших наро-

дов являются как раз грубые разрывы, разрушительные перевороты, захватные методы в ходе общественного развития.

И есть предпосылки, есть и опыт, чтобы действовать в рамках демократических правил.

Поэтому я предложил бы после ратификации документа о Содружестве и обмена ратификационными грамотами провести заключительное заседание Верховного Совета СССР, который принял бы свое постановление о прекращении существования Советского Союза и передаче всех его законных прав и обязательств Содружеству европейских и азиатских государств.

Таковы мои самые общие соображения. Они продиктованы ответственностью за конечный успех великого дела, начатого в 1985 году.²¹⁶

*Печатается по тексту публикации
в газете «Правда», 20 декабря 1991 года.*

ИЗ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА С Г. КОЛЕМ

20 декабря 1991 года

Коль. *Введи меня в курс дела. Что там у вас происходит, что завтра будет? Какие последние оценки ситуации накануне встречи в Алма-Ате? Куда идет процесс? Уверен ли ты, что она состоится, как ты вообще смотришь на всё это?*²¹⁷

Горбачев. Первое, отказ от Договора о Союзе Суверенных Государств как конфедеративного, союзного государства — серьезная политическая ошибка стратегического порядка. Исторически страна так сложилась, что надо идти не по пути разъединения, расчленения и разрывов, а по пути перераспределения полномочий. И не только между республиками, но и внутри республик, между регионами — на основе самоуправления. И дать всем этим «иерархиям» возможности и права, а значит, возложить на них и ответственность. В конкретном городе, в конкретном районе те, кто несет ответственность, кто избран демократически, должны иметь реальные возможности принимать решения, люди-то живут там... А что происходит: как только на смену одному бюрократическому Центру пришли бюрократические центры в республиках, процесс реформ приостановился. От того, что мы получаем 10 или 12 бюрократических центров, производителю не стало легче. Стало даже хуже, потому что рука местного бюрократа на горле — это потяжелее и чувствительнее, чем рука далекого Центра. Оттуда труднее достать. И новые центры начинают командовать: с кем держать свя-

зи, куда везти продукцию — в эту сторону можно, а туда нельзя, создают барьеры, причем командуют в самом худшем стиле. А ведь мы идем к рынку. А рынок — это собственник, имеющий право распоряжаться своей собственностью, распоряжаться конечным продуктом, выбирать, что ему делать, на какие выходить контакты с другими производителями, действовать по ситуации в условиях конкуренции, установить выгодные взаимоотношения.

Коль. *Какая твоя позиция в отношении встречи в Алма-Ате?*

Горбачев. Моя позиция остается той же. Но страна в таком положении, что нельзя терять времени. Раз процесс пошел в другом направлении, надо быстрее пройти организационную стадию. Я обратился с письмом к участникам встречи в Алма-Ате, высказал свои соображения и свои опасения...

Если эта встреча завершится созданием Содружества, я сделаю то, о чем не раз говорил. Вне Союза я не вижу необходимости и возможности продолжать свою государственную деятельность, это не отвечает моим представлениям.

Я не могу отступить от своих принципиальных позиций. А сейчас пока делаю то, что обязан делать, ибо я связан со страной и народом, с политикой, с курсом, который ты знаешь и на который ориентировался в своей германской политике.

Нахожусь сейчас в трудном положении. Собственно, не я, а страна. Вчера направил письмо в Алма-Ату... Не верю в успех, но хочу, чтобы у них получилось.

Коль. *Какое твое место в этом будущем Содружестве?*

Горбачев. Если в Алма-Ате процесс формирования Содружества конституируется и его участники выйдут на ратификацию этого соглашения, я уйду в отставку и не буду надолго откладывать это решение²¹⁸.

Я уже говорил, что не буду участвовать в процессе дезинтеграции государства. Уйду в отставку и займусь общественной деятельностью. Ельцин беспокоится, не возглавляю ли я оппозиционные силы. Я сказал ему: «До тех пор, пока ты будешь двигать вперед демократические реформы, я буду тебя поддерживать».

Ты можешь спросить, почему я не ухожу уже сейчас. Понимаешь, это ведь мое дело, которое я начал. Поэтому я не хочу, чтобы процесс вышел из конституционных рамок, а само Содружество стало выкидышем. Слишком много для меня значит то, что все мы, в том числе ты и я, сделали за эти годы и в мире, и в Европе.

Коль желает ему выдержки, обещает позвонить еще раз. Горбачев в ответ благодарит за присланный накануне рождественский подарок и обещает:

Поднимая бокал в новогоднюю ночь, а мы обязательно это сделаем, мы вспомним о твоём приветe.

Печатается по тексту:

Горбачев М.С. Декабрь-91... С. 97–99;

Грачев А.С. Дальше без меня... С. 229–230.

М.С. ГОРБАЧЕВ

О ТЕЛЕФОННОМ РАЗГОВОРЕ С Ф. МИТТЕРАНОМ

21 декабря 1991 года²¹⁹

Первым из государственных деятелей, с кем я разговаривал после Алма-Атинской встречи, был Франсуа Миттеран... С первых же слов — доброжелательных и дружеских, как всегда, — я ощутил, что он понимает, что произошло. Его прежде всего интересовало мое душевное состояние и мои намерения.

Я поблагодарил его за внимание, которое он уделял мне всегда лично, за его отношение к нашей стране, за сотрудничество и, конечно, выразил свои ответные чувства. Кратко проинформировал его о решении, принятом в Алма-Ате²²⁰. Подтвердил, что я намерен считаться с реальностями и буду делать всё, чтобы Содружество обрело нормальный ритм развития, подчеркнул свою заинтересованность в том, чтобы новое межгосударственное объединение стало жизнеспособным.

Вновь выразил беспокойство по поводу того, что не вижу в решениях руководителей суверенных государств четких представлений о механизмах взаимодействия. Не определены и формы преемственности в отношении бывшего Союза. Выразил беспокойство по поводу позиции Украины — в том виде, как сейчас, она может очень серьезно затруднить продвижение реформ и в России.

Говорил Франсуа Миттерану и о том, что я очень хотел бы, чтобы Россия и Украина действовали вместе. Выйти из кризиса поодиночке — иллюзия. Поделился с французским Президентом и своими тревогами по поводу того, что если недовольство населения

приобретет массовый характер, то все реформы и все попытки двигаться к новой экономике окажутся под ударом. И это был бы удар для всех — не только для наших народов.

Сообщил также Миттерану о том, что в ближайшие дни объявлю о своем решении оставить пост Президента. Сказал ему, что буду искать новые формы деятельности, для того чтобы продолжить огромное дело, которое мы начали, в том числе и в сотрудничестве с Францией, с ее Президентом лично. Накоплен огромный политический потенциал...

*Печатается по тексту:
Горбачев М.С. Декабрь-91. С. 99.*

ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»

21 декабря 1991 года²²¹

Корреспондент. Михаил Сергеевич, каким Вы видите будущее Содружество? Только что Б.Н. Ельцин заверил господина Бейкера в том, что ядерного оружия в России не будет, и почти сразу же Нурсултан Назарбаев заявляет о сохранении ядерного потенциала на земле Казахстана. Не симптом ли это дальнейших противоречий между независимыми государствами и по другим вопросам, скажем, в экономической политике, и так далее?

Горбачев. Вы задаете самый больной вопрос, который мучил меня последние годы, когда у нас пошли процессы суверенизации. Мы сразу стали заниматься выяснением — чей закон старше в иерархии власти: Центра или республики. Начались нарушения исполнительных функций, которые быстро вызвали паралич власти и развал экономики. Я чувствовал — мы движемся к катастрофе. Любое решение Центра встречало со стороны республик возражения: не вмешивайтесь, вы нарушаете суверенитет. Конечно, было ясно: старые структуры власти себя изжили. Они требовали коренного обновления — нового законодательства, новых государственных институтов, определения в другой системе взаимодействия мест Центра и республик, новых экономических связей, построенных на принципиально иной основе. Да, страна должна была стать другой. Но во всех случаях она может выжить только будучи единой — в ее рамках вполне могли бы существовать независимые государства на основе бывших республик, с общим координирующим все их

действия Центром. Так я понимаю гарантию от возможных опасений того, о чем Вы меня спросили. Но вот теперь пошли иные процессы. Возникло Содружество Независимых Государств без общего Центра. Каким же оно может стать? Из Минского соглашения это понять трудно. Оно скорее схематично и концептуально. Но этого мало для обеспечения жизненного взаимодействия всех равноправных членов Содружества. Нужны общие институты, способные осуществить государственные принципы, нужна конституционная преемственность от бывшего Союза. Иначе не заработает экономический механизм. Да и не только это. Много непредвиденного может произойти, если не проработать в деталях все сложные аспекты новых взаимоотношений между членами Содружества. Именно об этом и писал я в своем обращении к руководителям, собравшимся в Алма-Ате.

Корреспондент. *Не грозит ли соглашение о Содружестве вспышкой национализма с очередным исходом беженцев? И что в этом случае ждет многонациональную Россию?*

Горбачев. И об этом говорилось в моем обращении к тем, кто собрался в Алма-Ате. Я считаю, что перед нами могут возникнуть возможности многих «карабахов». И опять-таки всё будет зависеть от того, какие конституционные нормы станут действовать в странах Содружества.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, давайте немного пофантазируем. Предположим, Украина получила заем, достаточный для обеспечения конвертируемости своего карбованца. Сохранит ли она в этом случае свои обязательства по отношению к другим членам Содружества?*

Горбачев. Пусть на этот счет никто не строит иллюзий. Выбираться из сложившегося кризиса, набирать темп экономики можно только общими усилиями. Так мы сложились исторически. Попытки насиловать единую экономическую систему, к сожалению, уже имеют место, и что мы получаем в результате — спад производства, остановка предприятий, массовые увольнения. Нет, это обреченный путь. Даже такие могучие республики, как Россия или Украина, если бы самонадеянно, уповав на свое богатство, попытались освободиться от бремени экономики других регионов, они навлекли бы своими действиями на уже существующие дезинтеграционные процессы еще дополнительные и привели бы к окончательному развалу свое народное хозяйство. Это абсолютно нереальная перспектива.

Корреспондент. Вы сказали в одном из своих интервью, что согласны с Б.Н. Ельциным на 80 процентов. А в чем не согласны?

Горбачев. Я бы откинул проценты, не в них суть! Всё, что говорит Борис Николаевич о направленности реформ, полностью совпадает с моими представлениями. Движение к рынку не вызывает сомнений теперь даже у самых консервативных представителей разных течений.

Ну, а если говорить о моей позиции по этому вопросу, она достаточно широко известна. Еще на предыдущих партийных съездах я настойчиво утверждал: дорога к рынку единственно правильная для общества. И Борис Николаевич, и я одинаково понимаем выгоду рыночных отношений, когда человек себя чувствует самостоятельным хозяином и в процессе производства, и в отчуждении продукта собственного труда, и в конкуренции за право лучше производить и больше зарабатывать. Но вот что касается темпов и методов преобразования нашей экономики в рынок и последовательности ее шагов продвижения к частному способу производства — вот тут у меня свое мнение.

Россия — локомотив реформ, который действительно должен привести в действие всю хозяйственную цепочку республиканских экономик. Но добиться успехов можно только всем сообща. Одной России, как бы ни был велик ее потенциал, не справиться с решением задачи. Кроме того, рынок — это же не просто самоцель. Он должен заработать на благо человека. Для этого следует запустить целую систему мер, и главная среди них — стимул производителя. Не будет производитель заинтересован в своем деле, не появится и товар. Какой же тут рынок? Вы представьте, что произойдет при отпускаемых ценах в условиях падающего производства. Цены подпрыгнут необыкновенно высоко.

Люди, зная о грядущем росте цен, должны четко представлять те защитные механизмы, что общество им гарантирует. Если речь идет, скажем, о работающем в области производства, дайте ему возможность зарабатывать столько, сколько необходимо для жизни в этой обстановке. Для тех, кто зависит от бюджета государства — учителей, врачей, студентов, пенсионеров, других категорий граждан, — необходимы заблаговременные меры для спокойного восприятия меняющегося уровня цен. Иначе люди могут оказаться просто беззащитны перед ростом дороговизны.

Ну и, наконец, надо срочно принимать антимонопольный закон. Ведь особенность нашей экономики именно в том, что два, три каких-нибудь предприятия способны диктовать свои условия всей

стране, оставляя в стороне интересы простого человека. Вот в разговоре с Борисом Николаевичем я акцентировал его внимание на этой последовательности шагов движения к рынку.

Корреспондент. Многие полагают, что ошибки были допущены Вами в самом начале перестройки. Может быть, надо было начинать не с политических преобразований, а запустить, как Вы называете, локомотив производства. И тогда удалось бы избежать всех нынешних трудностей. Многие до сих пор вспоминают, как после смерти Сталина, в бытность Маленкова, произошло нечто подобное за счет решительного перераспределения инвестиций между группами «А» и «Б» и передачи колхозникам дополнительных наделов. Прилавок тогда наполнился довольно быстро — через год-полтора. Может, и сейчас следовало развернуть производство мелких сельскохозяйственных машин, провести в районах их выставки и заинтересовать крестьян в единоличном способе обработки земли, а уже потом приватизировать сначала мелкое кустарное производство, потом более крупное и приступить к реконструкции политической надстройки?

Горбачев. Ну что же, это старый спор. Он вылился в широкую дискуссию еще в преддверии XXVIII съезда²²². Тогда в мой адрес посыпались обвинения в том, что я подменяю цели перестройки. Кстати, и ваша газета выступала тогда с аналогичными упреками. Я не соглашался с этими доводами, и вот почему. В постановке Вашего вопроса много разумного. Вначале и я стоял на такой же позиции. Вспомните, с чего всё начиналось? Мы создавали программы стимулирования легкой и пищевой промышленности, выделив для их осуществления около 75 миллиардов рублей, подключали сюда и военные предприятия. На выставках уже начали появляться первые образцы. Пытались с помощью инвестиций и особенно финансовых стимулов активизировать развитие сельского хозяйства. Этот сектор стал уже потихоньку выбираться: из пяти тысяч колхозов четыре тысячи стали давать прибыль.

Но тут все уперлось в машиностроение. Базовая промышленность застряла на старой технологии. Расходы на производство газа, нефти, цемента были непомерно дороги. Мы проиграли свою страну в семидесятые годы. Радовались — капитализм загнивает, а у нас всё хорошо. На самом деле в этот период упустили время, необходимое для структурных преобразований и внедрения высоких технологий. И что получилось — оказалось, для настоящего развития села группы «Б» у нас нет машиностроения. Технологические закупки на 40 процентов составляла новая техника для химии, так как это и

удобрения, и химические волокна, и стройматериалы. Пытались заняться развитием отечественного машиностроения, в частности электронного. Увеличили затраты почти вдвое, и... ничего не заработало.

Система прогнила настолько, что становилась тормозом на пути всего нового. Тогда попытались на ВАЗе, Сумском заводе сначала ввести новый опыт хозяйствования, распространили его на пять министерств. Оказалось, выборочный метод не оправдывает себя, нужно было распространить его на всё народное хозяйство. Принимая новые законы и реформируя экономику, мы повторяли все ошибки предшественников. Время частных реформ прошло. Стало ясно — надо двигаться к рынку. Потребовалось набраться духу, чтобы во всеуслышание заявить — старая система требует замены.

После острого январского Пленума²²³ партийный аппарат почувствовал для себя опасность. Демократические реформы стали как воздух необходимы обществу, и в то же время они представляли угрозу партийному эшелону, незаконно отнявшему власть у народа. Кто дал партии такое право — управлять страной? Кто подавлял в людях инициативу, творческое начало, насаждал психологию уравниловки? Чтобы расковать человека, освободить его для свободных действий, нужны были коренные преобразования — политические и экономические. К сожалению, в процессе демократических реформ нами были допущены просчеты, процессы вырвались из-под контроля, сепаратизм подтолкнул политическую дестабилизацию в национальных регионах, и это всё тяжело отразилось на наших делах.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, одна из загадок времени — Ваш принцип личного подбора кадров. Ведь всех своих оппонентов Вы сами вызвали на большую политическую арену. Как можно объяснить такой выбор «союзников»?*

Горбачев. Разгадка проста. Я за то, чтобы во всем превалировал политический процесс — свободный выбор, обмен и плюрализм мнений. Раньше мы все были опутаны паутиной лжи. Мы все вращались друг вокруг друга, захлебываясь от восторга, лицемерили, определяя морально-политический облик каждого человека, радостно голосовали за единое решение... Но вот подул ветер демократических перемен, а с ним наступило пробуждение гражданской совести. Появились разные течения в политике, стали формироваться индивидуальные точки зрения. Меня привлекает достойный оппонент, если к тому же он обладает политической культурой. Хуже политический монополизм, что приводил нас к загниванию общества. Мы видели это на примере Москвы в период правления Гришина

и Промыслова, встречали это явление в Казахстане и на Украине. Да где только этого не было! Я всегда стараюсь стать на позицию своего оппонента, и если есть чему поучиться у него, с удовольствием это делаю. Кроме того, демократическая разносторонность показала — кто есть кто. И мы воочию увидели лицо каждого из нас. Я лично расположен к сотрудничеству за одним столом с представителями разных партий, кроме, разумеется, тех, кто откровенно проповедует реакционную суть.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, почему Вы не предприняли превентивные меры, получив через Бессмертных предупреждение от господина Байкера о готовящемся путче, а Президенту Бушу сообщили, что здесь всё спокойно?*

Горбачев. Для меня это сообщение не послужило новостью. Разве не видно было, как проходили последние партийные форумы, на которых постоянно провозглашали: «Долой Горбачева!» А последний пленум, где 32 секретаря составили коллективный протест против Генсека?²²⁴ По мере того, как власть уходила от партии к народу, сопротивление становилось более жестким. Моя задача состояла в том, чтобы сдержать этот процесс до тех пор, пока партия перестанет представлять опасность для народа и не уступит полностью дорогу демократии. Ведь когда в Форосе гэкачеписты изложили мне свои требования, я им ответил, что нового для меня они ничего не привезли. С этим же я две недели назад уехал из Москвы. По-прежнему стою, сказал им я, за подписание ново-огаревского договора о взаимодействии республик, за реформирование партии, для чего и назначен съезд в ноябре, за осуществление антикризисной реформы в экономике. Вы не согласны? Что ж, пусть нас рассудят народ, сессия, съезд, наконец. Для того и существуют демократические институты. Да нет, была бы у них голова на плечах, наверное, прежде всего они подумали бы обо всем этом. В чем тут я ошибся действительно — что не мог предположить такой безмозглости...

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, Вы первый, кто открыл дверь по настоящему смелым и радикальным реформам, и Ваше имя будет в почетном списке великих людей России. Тем более обидно, что часто его используют в недобрых целях. Сейчас возможны «бунты голодных очередей», может быть, Вам надо предпринять шаги для восстановления исторической справедливости по отношению к Горбачеву?*

Горбачев. Сейчас не то время, когда надо мобилизовать прессу на защиту моего имени. Я не упрекаю людей — они тут ни при чем.

Тяжелая жизнь, нехватка продовольствия, угроза безработицы, бесконечные очереди — всё это вызывает озлобление, и отсюда в адрес Горбачева и тех, кто рядом с ним, направлены неллицеприятные слова. Я уверен, люди понимают, что страна выбрала правильный путь, хотя он и изобилует большими трудностями. Хуже было бы, если бы ничего не предпринималось, вот когда мог произойти социальный взрыв! Сейчас не надо никого винить — людям надо просто понять: впереди тяжелые зима и лето, дальше придет облегчение, и тогда станет ясно, ради чего все эти жертвы. Станет интересно читать газеты и слушать радио, смотреть не только развлекательные программы, но и интересоваться окружающей нас жизнью. Я знаю — это время скоро наступит.

Корреспондент. *В чем будет заключаться Ваша политическая активность, если отставка Президента станет реальностью?*

Горбачев. Если осуществится Соглашение о Содружестве Независимых Государств, то тогда отставка станет реальной. Но это не означает, что я оставляю политику. У меня большой интерес к тому, чтобы начатые мною процессы завершились успешно. Я больше, чем кто-либо, заинтересован в их удаче и буду всячески этому содействовать. Если же они приобретут другой характер — и мои действия будут адекватными. Средства для этого есть.

Корреспондент. *Как известно, Вы осуществляете шефство над поступлением и распределением в Союз бесплатной благотворительной помощи из западных стран. Известно ли Вам, что этими дарами торгуют у многих станций метро по тридцать рублей за банку. Правда, инвалидам и ветеранам эти же банки достаются по четыре рубля. И что же получается: ничего не подозревающий Запад оказывает помощь нашей торгово-преступной мафии. Может быть, как это принято во всем мире, будет правильно раздавать эту помощь бесплатно нуждающимся, коль она и есть бесплатная?*

Горбачев. С этим мы столкнулись впервые, когда после стихийного бедствия поступила помощь народу Армении²²⁵. Тогда уже стало ясно, что в то время, как мир сердечно откликается на чужую беду, у нас находятся люди без стыда и совести, способные извлекать из чужого горя личную выгоду. Но сейчас созданы общественные органы, призванные надзирать за распределением здесь благотворительной помощи. Они уже начали оказывать содействие в этом деле. Вчера я разговаривал с комиссией немецких врачей, они заверили меня, что остались довольны распределением привезенных

ими медикаментов — всё попало кому следует. Значит, выход — в создании общественных механизмов контроля за доведением помощи до окончательного адреса. Относительно возмутительных фактов спекуляции, о которых Вы мне рассказали, я обязательно поинтересуюсь этим, и меры мы примем.

Корреспондент. *Не кажется ли Вам признаком мракобесия то, что в стране, где всегда был один из самых высоких образовательных уровней народа в мира, сейчас разваливают просвещенческие программы. Не хватает средств для выпуска учебной и периодической литературы, хотя они с лихвой находятся для бульварной и авантюрной литературы. Будущее поколение имеет перспективу остаться невеждами.*

Горбачев. Утрата интереса к образованию народа будет самой тяжкой ошибкой из всех. Все страны, где происходил прорыв в новое качество общества, начинали именно с образовательных программ. Иностранные представители, с которыми мне часто доводится говорить, отмечают как бесспорное достижение широкую образованность нашего народа, и отсюда его огромный потенциал возможностей. И это видно — народ, не зная до этого рыночных систем, быстро учится овладевать ими и легко входит в новую экономику. Конечно, происходит это, в первую очередь, за счет образованности. Я не говорю уже о науке. Западные страны буквально ведут охоту за ее представителями у нас. Опасаясь ее развала, они даже готовы финансировать работы, в которых они заинтересованы. Мы никак не можем допустить развала образования нации! Но это опять-таки возможно только в случае сохранения единого образовательного и научного пространства в пределах страны при общем взаимодействии республик.

Корреспондент. *Будете ли писать новую книгу, когда получите больше свободного времени?*

Горбачев. Да, и не одну. Мне есть что сказать. О чем будет там говорить? Я расскажу в следующем интервью.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, Ваш взгляд на положение, которое сложилось в руководстве Москвы.*

Горбачев. Я переживаю за тяжелое положение москвичей. Несмотря на сложившуюся ситуацию, по просьбе Лужкова я был вынужден лично обратиться к Делору и Колю с просьбой, чтобы до 1 января они оказали Москве экстренную помощь в связи с возникшим здесь бедственным положением. Неправильно, что республи-

лики срывают поставки в Москву, ведь Москва делает так много для всей страны. Мало болеть душой, надо еще и предпринимать что-то. Поэтому, зная, что многое осложнилось в последние дни, я прилагаю все силы и использую свои максимальные возможности для исправления положения. Москва заслуживает того, чтобы с ней считались. Раньше на союзном уровне, теперь на уровне России и лично ее Президента Москва всегда должна ощущать постоянную заботу.

Ну, а что касается вопросов, которые ставит ваше руководство, думаю, они правы, — Москве нужно больше самостоятельности, чтобы она могла действовать, свободно распорядиться собственным потенциалом. Сейчас Москва ограничена в возможности реализации своих прав. Это тоже, как и союзные решения: они доходили до республик и не получали дальнейшего развития, даже если речь шла о Москве. Я уже не говорю о других областях и городах — те просто пасынки. В Иркутске мне говорили — мы хотим и готовы взять на себя ответственность за город, но нам для этого необходимы властные права. Республика должна ими поделиться.

Корреспондент. *Находясь у Вас, нельзя обойти вопрос о дальнейшей судьбе Эриха Хонеккера. Что же в конце концов его ожидает?*

Горбачев. Мне не по душе всё, что развернулось вокруг этой истории. Моя позиция в этом вопросе известна, и я не отказываюсь от нее — считаю, вопрос с Хонеккером должен решаться исключительно на основе принципов гуманности.

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, что бы Вы пожелали москвичам в канун Нового, тревожного года?*

Горбачев. Я хочу, чтобы москвичи не впадали в растерянность и не утрачивали надежд. Моя жизнь была долгие годы связана с Москвой, этот огромный город всегда был центром стабильности. Хотя отсюда начинались всегда новые этапы движения общества — лучшие и худшие, — он всегда оставался стабильным. Я люблю москвичей, у меня много здесь друзей среди рабочих и интеллигенции. Хорошо зная их, я возлагаю на них свои надежды. Москва должна оставаться авангардом движения к реформам, и никак нельзя допустить, чтобы здесь что-либо произошло. Я от всей души хочу поздравить москвичей с Новым годом, хотя и трудным, но полным новых надежд.

*Печатается по тексту публикации
в газете «Московская правда», 24 декабря 1991 года.*

ИЗ БЕСЕДЫ С ВЕДУЩИМ ТЕЛЕКОМПАНИИ ЭЙ-БИ-СИ ТЭДОМ КОППОЛОМ

21 декабря 1991 года²²⁶

Разговор по существу начался со знаменитого ответа Черчилля на вопрос: чем отличается политик от государственного деятеля?

Горбачев. Черчилль сказал: политик думает об очередных выборах, а государственный деятель — о будущем. Так вот, думая о будущем в контексте того, что происходит, полагаю, что нас ждет процесс очень сложный. Он несет в себе столько сюрпризов! Но важно не потерять направление. Роли будут меняться. Перегруппировка сил будет происходить. Единственное, что я считал бы недопустимым, опасным — это расчленение, разъединение, взаимоотчуждение.

Здесь главные два момента, которые я сформулировал в результате долгих раздумий.

Во-первых, ближайшие задачи очень серьезные, а общество уже перенапряжено проблемами. И его нельзя еще перегружать новыми, связанными с разъединением, расчленением. Общество может не выдержать. Наоборот, сейчас, как никогда, нужно взаимодействие, согласование. Только вместе можно выбраться. Легче будет и сотрудничать с партнерами за рубежом, а не только внутри страны. Поэтому нужен Союз. Я за него выступал и выступаю.

Во-вторых, надо отдавать себе отчет в той реальности, какой является именно эта страна. Это же не просто взяли стул или стол, сколотили за смену или за час-два: заготовки есть, гвозди и молоток

есть, сбили — и всё. Нет. Десять веков шло очень сложное развитие. Очень трудно шло. Сформировался массив человеческий, политический, стратегический. Всё это очень серьезно. И в разъединении такого массива — самая большая опасность и для нашей страны, и для всех других.

Исходя из обеих этих посылок, первой и второй, я оставил в стороне всё, отложил в сторону свои убеждения и поддержал выход на Содружество, чтобы была хоть какая-то степень взаимодействия. Не знаю, как пойдет, хочу, чтобы были позитивные результаты, иначе это опасно для всего того, что мы делали и здесь, и вовне, в том числе вместе с вами и со всеми народами.

И естественно, раз речь не идет уже о союзном государстве, то наступает момент, когда я должен принять решение о себе. Я об этом уже не раз говорил и именно так буду действовать. Поэтому, как только буду иметь на руках документы из Алма-Аты, в течение короткого времени я это сделаю.

Тем не менее вижу необходимость в новых формах продолжать свою общественную и политическую деятельность, чтобы помогать начавшемуся процессу. Это превыше всего. Очень не хотел бы, чтобы всё это захлебнулось. Тогда бессмысленно всё, что за эти годы было сделано... на такой риск пошли, на такие крупнейшие решения!..

Коппол. *Смогли бы Вы удержать власть, если бы захотели?*

Горбачев. Видите ли, есть такая порода людей, которая меняет свои взгляды, позиции для того, чтобы остаться на плаву. И уж тем более, чтобы власть удержать. Для меня это неприемлемо. Перед Вами человек, все-таки расположенный к движению мысли, к реформам, к переменам и встречным движениям, к компромиссам. Тем не менее это всегда в рамках моего выбора, в рамках принципов, а не просто — без руля и ветрил.

Так вот — насчет того, смог бы я удержаться у власти или нет...

Если бы мне было безразлично, что происходит, и главным было находиться «в структурах», то, наверное, вопрос не представлял бы большой сложности. Но речь идет о гораздо большем. Тем не менее не намереваюсь держаться за власть. Считаю, что всё должно происходить в конституционных, демократических рамках. Для меня это вопрос высшего принципа. Поэтому я всё делал, чтобы было именно так, хотя процесс всё время вырывался из этих рамок. В прессе уже пошел гулять термин: по аналогии с августовским путчем заговорили о «пушинском перевороте», имея в виду Беловежскую Пушу.

С такой оценкой согласиться не могу. Хотя у меня с самого начала были замечания и по правовой стороне дела, и относительно неконституционности некоторых решений. Я это высказал в своем заявлении после Минска, в том числе и по поводу того, что сделано там всё от имени только трех республик. Но тогда я занял позицию — поддержать процесс, поскольку есть настрой на Содружество.

Дело ведь не во власти, а в существе того, что происходит здесь, в стране. И раз договорный процесс перешел в другую колею и получил поддержку республик, с этим надо считаться.

Коппол. *Вы помните судьбу Уинстона Черчилля, которому нация была стольким обязана, особенно во время войны с фашистами, однако на первых же парламентских выборах в 1945 году ему пришлось уйти. Тогда ему мы не могли посмотреть в глаза. Сейчас я смотрю Вам в глаза... Что происходит у Вас в душе?*

Горбачев. Беспокойство за страну. Боюсь, как бы не сорвался процесс преобразований, а это может случиться, если окажется нежизнеспособным Содружество. Не могу скрывать и не скрываю, постарался довести свою позицию до моих коллег, руководителей республик, до всей страны и мировой общественности. Пока же думаю: поскольку процесс идет открыто и опирается на мнение представительных органов, мой долг — помочь сохранить курс преобразований. В общем-то, ведь в основе идет демократический процесс...

Хорошо, я расскажу притчу о царе, который хотел узнать главную мудрость жизни и поручил написать своим мудрецам. Они долго работали, сначала написали сорок томов, потом, когда царь уже умирал, свели всё к одной фразе: «Человек рождается, страдает и умирает».

Коппол. *Это именно то, что я рассчитывал от Вас услышать, господин Президент...*

Печатается по тексту:

Горбачев М.С. Декабрь-91... С. 100–102;

Грачев А.С. Дальше без меня... С. 233–234.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ДЖ. МЕЙДЖОРОМ

23 декабря 1991 года

Горбачев. Джон, дорогой, здравствуй!

Мейджор. Михаил, я рад слышать Ваш голос, спасибо, что Вы позволили. Я попросил об этом разговоре, чтобы обсудить некоторые вещи. Во-первых, мы с напряженным интересом следим за бурным развитием событий в вашей стране, думаем о Вас.

Горбачев. Джон, я рад, что мы сейчас беседуем. Конечно, события в нашей стране — даже при самом оптимистическом взгляде — нельзя не назвать трудными. Что, я думаю, самое главное? Я думаю: пусть не Союз, но, главное, чтобы всё, что происходит сейчас в нашей стране, не привело к большим потерям для нас здесь и для вас.

Я считал и продолжаю считать — это моя позиция, — что для нас наилучшим вариантом было бы союзное государство, обеспечивающее более тесное сотрудничество, взаимодействие. Но есть реальный процесс, есть реальная позиция республик. И сейчас я думаю о том, какой должна быть моя роль, как она должна осуществляться адекватно тому, что реально происходит.

Я очень хотел бы, чтобы эта новая форма, новое образование — Содружество — привела к большему сотрудничеству и взаимопониманию между республиками на основе соответствующих механизмов эффективного взаимодействия. Ибо в конечном счете это самое главное. Очень важно сейчас, чтобы это происходило в рамках политического процесса, конституционных норм, согласия.

Да, я остаюсь привержен своей позиции. Но я вижу происходящий процесс как он есть. Слава Богу, пока что он идет так, как я сказал. Я пока что не вижу опасности, что дело пойдет так, как случилось в Югославии. Для меня это самое главное. Надеюсь, и для тебя. Остальное в конечном счете жизнь расставит по местам.

Сегодня с 12 часов, то есть уже шесть часов подряд, у меня идет разговор с Ельциным. Мы исходим из понимания нашей общей ответственности перед страной, перед вами, чтобы все начатое в последние годы было продолжено. Я постараюсь, несмотря на различие в подходах, чтобы Содружество жило. Очень велика опасность того, что оно не будет жизнеспособным. Сейчас нет более важной задачи, цели, чем сохранить сотрудничество и взаимодействие. А как мы все это назовем, прояснится потом.

Я хочу помочь Ельцину. У него сейчас непростая роль. Я сказал ему: до тех пор, пока будут продолжаться демократические преобразования, реформы, я буду оказывать ему поддержку и даже защищать от нападков.

Теперь — что касается ядерного оружия. Здесь нет оснований с вашей стороны для каких-либо опасений. Поддерживается и будет поддерживаться впредь самый строгий, надежный контроль.

Я очень хочу, чтобы Содружество выдержало испытание временем. Потому что я, может быть, больше, чем кто-либо в этом заинтересован. Я подчеркиваю, что оно должно базироваться на существенных принципах и соответствующих институтах.

У меня просьба к вам: будьте очень внимательны к тому, что у нас происходит. И надо помочь Содруеству, прежде всего — России. Это сейчас — главное. Отбросить все рутинные подходы, поддерживать усилия, направленные на реформы.

Ты сейчас завершаешь выполнение функций координатора «семерки». Я благодарю тебя за все, что ты сделал. Очень многое особенно изменилось после лондонской встречи. И это произошло не без тебя. Мы хотим, чтобы это было продолжено.

Спасибо тебе за дружбу. От меня и от Раисы Максимовны самый сердечный и теплый привет Норме. Мы полюбили ее. Мы с тобой — политики, а она прежде всего человек. А стало быть, сделали мы вывод, и ты такой же человек. Спасибо вам обоим.

Я буду продолжать играть роль в том, чтобы тот курс, который мы вместе выработали, был продолжен. Надеюсь, что то, что между нами возникло, было не данью времени, а гораздо большим — и в политическом, и в человеческом плане. Надеюсь, что мы будем поддерживать контакты — искренние и доверительные.

В течение ближайших двух дней я выступлю с заявлением о своем решении.

Мейджор. Большое спасибо, Михаил, за всё, что ты сказал мне, ясно и всесторонне обрисовав положение.

Когда мы смотрим в будущее, мы думаем о том, что нельзя потерять то, что достигнуто. Отсюда стремление помочь вашей стране, в основе которого лежит осознание того, что ты сделал в последние несколько лет.

Что бы ни произошло дальше в связи с решением, о котором ты намерен объявить в ближайшие два дня, нет сомнений в том, что ты обеспечил себе особое место в истории страны и всего мира. Мы понимаем, какими трудными будут предстоящие месяцы. Хочу еще раз сказать, что мы испытываем чувство искренней любви к тебе и Раисе. Будем рады видеть вас у нас в гостях, в какой бы роли вы ни приехали. Заверяю вас в этом сейчас и на будущее.

Я буду счастлив, если смогу содействовать продолжению и развитию того, что сделано в последние несколько лет. Нас тоже волнует вопрос, выдержит ли Содружество испытание временем. Конечно, есть опыт нашего Содружества. Оно существует уже 150 лет — и держится. Может быть, и у вас в стране это получится.

Я рад, что вопрос о контроле ядерного оружия решается надежно и гарантированно. Рад, что, по твоему мнению, происходящее у вас между республиками отличается от того, что происходит в Югославии.

Мы очень надеемся, что ты сможешь продолжать взаимодействие в различных формах с Ельциным. Это отвечало бы интересам и других республик.

Есть также один конкретный вопрос. Я хотел бы узнать твою оценку тех трудностей, которые предстоят нынешней зимой в продовольственном снабжении крупных промышленных центров, а также в обеспечении кормов для животноводства. Мы сейчас активно рассматриваем вопрос о том, как мы могли бы помочь вам, и хотелось бы знать твою оценку.

Я очень хотел, чтобы между нами состоялся хотя бы краткий разговор. Надеюсь, что мы и дальше будем поддерживать тесный контакт. Я звоню из своего загородного дома. Норма просит передать самый сердечный привет тебе и Раисе и надежду, что мы скоро вновь увидимся — в России или в Лондоне.

Наконец, хочу выразить большое удовлетворение в связи с тем, что и в эти трудные дни ты здоров и «в порядке».

Горбачев. Дорогой Джон, спасибо за то, что ты сказал, за теплоту и внимание. Мы с Раисой Максимовной полюбили вас, и хотя мне

не очень свойственна такая слабость, я не могу об этом не сказать. Мы до сих пор помним слова Нормы, сказанные в Москве, когда вы были у нас по дороге в Китай.

Я не прощаюсь. Думаю, мы и дальше будем сотрудничать. Время такое, что возможны всякие изменения, крутые повороты. Может быть, в такое время они и необходимы, и даже неизбежны.

Сейчас самое главное — поддержать Россию. Она взяла на себя роль локомотива реформ. Но именно здесь сейчас самое большое социальное напряжение, самая острая ситуация — в Москве, в Питере, на Урале.

Давайте окажем поддержку — мы здесь, а вы там — Ельцину, чтобы он смог добиться успеха, ибо это касается всех нас. Сейчас нам необходимо, во-первых, продовольствие, во-вторых, лекарства, в-третьих, корма — зерно, соевый шрот, протеины. Ельцин решительно настроен на смешанную экономику, на предпринимательство, на создание рынка. Джон, нельзя терять времени, время ушло, надо срочно помогать России. Это хочу еще раз подчеркнуть — не кому-то другим, а именно России.

Мейджор. *Мне это ясно.*

Горбачев. Нужна также финансовая помощь, чтобы рубль стал крепким и стабильным. Джон, нельзя жалеть на это 5–10–15 миллиардов. В противном случае, если процесс преобразований, над которыми мы работали вместе, будет сорван, придется всем заплатить цену в десять, в сто раз большую. Как политик, но и как крупный эксперт в финансовой сфере ты это не можешь не понимать.

Говорю об этом как человек, поставивший всю свою жизнь на дело радикальных перемен всей нашей жизни: это сейчас необходимо. Говорю со всей откровенностью, может быть, даже злоупотребляя нашей дружбой. Я теперь в ином положении и, наверное, могу себе это позволить.

Надеюсь, что в недалеком будущем мы с вами увидимся.

Мейджор. *Спасибо, Михаил, за эти откровенные слова. Я целиком и полностью понимаю смысл этого обращения. Надеюсь на скорую встречу. До свидания.*

Горбачев. До свидания, Джон.

М.С. ГОРБАЧЕВ О БЕСЕДЕ С ПОСЛОМ ИТАЛИИ В СССР Ф. САЛЛЕО

24 декабря 1991 года

...Итальянский посол Фернандо Саллео нанес мне визит и передал послание от Президента Коссиги и личное, написанное от руки, письмо Председателя Совета Министров Джулио Андреотти. Это было теплое, искреннее письмо, отражавшее дружескую близость, которая установилась между нами за эти годы. Оно меня очень тронуло.

Через посла передал следующее: судьба нас с Джулио Андреотти свела на очень важном отрезке истории. Мы оказались участниками больших событий и смогли не только уяснить для себя вызов времени, но и ответить на него практически. Пошли навстречу друг другу и установили такой уровень сотрудничества, который представляет собой совершенно новое явление в мировой политике. Это, сказал я, останется с нами.

Отвечая на вопросы посла, сказал, что до тех пор, пока будут продолжаться реформы, демократические процессы в обществе, я буду поддерживать соответствующую политику. Кстати, Ельцин в разговоре со мной выразил удовлетворение, что во время его визита в Италию договорились о кредитах, об экономической поддержке России. Для России сейчас это очень важно. Тут ситуация, пожалуй, самая тяжелая. Много разных опасностей. И на это наложился процесс распада СССР и формирование Содружества. Очень трудный и болезненный. Главное — чтобы он не сорвался.

По вопросу о Союзе и Содружестве у меня одно из важных расхождений с Ельциным. Но раз республики вышли на Содружество, я не только считаюсь с этой реальностью, но и буду в пределах своих возможностей содействовать тому, чтобы оно укреплялось. Повторяю, сейчас особенно важно, чтобы у России был позитивный результат в движении после 1 января. Реакционные силы уже показывают зубы. И если недовольство людей выхлестнется на улицу, эти силы подхватят это недовольство и могут натворить бед. Основные события начнутся со 2 января. И здесь очень важно, чтобы сформировались и начали действовать институты сотрудничества, согласования между государствами СНГ.

Главная забота, чтобы состоялись реформы. Нужно построить новую систему, причем так, чтобы она заработала. И если мы не перестаемся, решить эту задачу можно.

Штурм тоталитаризма, как видите, оказался очень непростым, потому что сидит он во всех нас. Это не просто какой-то четко очерченный объект, его микробы разлиты по всему организму сообщества, глубоко сидит в общественном сознании. Вот почему так трудно даются перемены и преобразования.

Посол говорил о том, что отношения, которые сложились у меня с Президентом Италии и с господином Андреотти, отражают чувства всех итальянцев. Заверил меня, что в Италии понимание того, что сделано было за эти годы, глубоко проникло в сознание людей, определило и их эмоциональный подход, и их поддержку политика, который на первый план выдвинул общечеловеческие, моральные критерии.

*Печатается по тексту:
Горбачев М.С. Декабрь-91... С. 109–110.*

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ КАНАДЫ Б. МАЛРУНИ

24 декабря 1991 года

Малруни. Привет, Михаил.

Горбачев. Приветствую тебя, дорогой друг. Слышно, как из Москвы. Спасибо за твое письмо, которое мне передали. Спасибо тебе и Миле за дружбу. Готов тебя выслушать, а потом сам скажу несколько слов.

Малруни. Я хотел кое-что сказать и попросить твоего совета.

Я не знаю, что будет происходить в эти ближайшие дни, но уверен, твой личный вклад в историю страны и мира поистине уникален. Твои усилия в деле демократизации СССР, модернизации экономики страны можно охарактеризовать только одним словом — героические. Они оставляют неизгладимый след в мире, равно как и твой вклад в дело разоружения и всеобщего мира.

Хочу сказать, что мы в Северной Америке хорошо усвоили одну вещь: у политики есть жесткая сторона, но вклад политика со временем получает должную оценку. Как правило, это происходит уже после его ухода, когда его достижения сравниваются с делами его преемников. Думаю, что и по этому, и по любому другому критерию твой вклад будет оценен как большой, впечатляющий и непреходящий.

Горбачев. Спасибо за эти добрые слова. Я очень ценю то, что мы смогли сделать вместе за эти годы. Время распорядилось так, что нашлись политики, которые почувствовали импульсы событий. Я хочу отдать должное моим коллегам, тебе, Джорджу Бушу, европейцам, всем, с кем вместе мы работали.

Ты знаешь, что несколько лет назад в беседах с тобой, с Джорджем, с другими партнерами я предсказывал, что то, что мы начали, дав импульс переменам в нашей стране и обновлению международных отношений, — это такой глубокий процесс, что он неизбежно несет в себе элементы нестабильности. Мы должны быть готовы к этому, чтобы удержать курс демократических перемен. Сейчас — именно этот этап. Есть большие возможности, но есть и опасности. Надо это понять и действовать соответственно. И главное — ни в коем случае не паниковать в этой трудной ситуации.

Я считал и продолжаю считать, что мы сможем справиться с нашими проблемами и задачами только в рамках политического процесса, обеспечивающего взаимодействие между республиками. Считал и сейчас считаю, что это возможно в том случае, если страна останется единой, если она будет союзным государством.

К сожалению, события пошли по другой колее, и это связано с многочисленными опасностями. Но я намерен использовать свою роль и свой потенциал, чтобы Содружество было жизнеспособным, имело институты и механизмы для организации сотрудничества в политической области и в проведении реформ. Это — самое главное.

Пока у нас здесь все-таки одно общество, одна страна, одна экономика, одна армия, и всё переплетено. И если пойдут слишком далеко по пути разделения, то это может погубить реформы на их решающем этапе.

Вчера я провел несколько часов с Ельциным. Присутствовал также Яковлев, который сейчас рядом со мной и шлет Вам привет и наилучшие пожелания.

Малруни. *Спасибо. Мы хорошо помним господина Яковлева и ценим его.*

Горбачев. Вчера, беседуя с Ельциным, я всё время подчеркивал: сейчас надо всё сделать для того, чтобы было максимальное сотрудничество республик — насколько это возможно в рамках Содружества. Хотя сделать это будет труднее, чем в Союзе.

Я знаю, какими большими правами наделены у вас в Канаде провинции. Но тем не менее есть сферы, которые отданы Центру: оборона, внешняя политика, общие правила игры в экономике, налогообложение и другие. Я хочу того же и для нашей страны. Но пока — обернулось вот так...

Однако я считаю: сейчас надо отбросить политические разногласия, не допустить конфронтации. Общество в очень трудном состоянии, и нельзя допустить, чтобы оно раскололось.

В Содружестве еще много неясного. Но одно продумано тщательно, и я могу в этом заверить, ибо сам участвовал в этом процессе. Речь идет о контроле за стратегическими и другими ядерными вооружениями. Я уверен и хочу, чтобы вы были уверены: он будет обеспечиваться строго и надежно.

Все остальное требует большой работы. А времени нет. Я буду использовать свое влияние, чтобы в Содружестве налаживалось сотрудничество.

В ближайшее время я приму свое решение. Естественно, я не уйду из политики и общественной жизни. У меня большие планы, и думаю, мы сможем продолжить контакты и сотрудничество.

Я хочу обратить твое внимание, Брайан, на следующее: сейчас необходимо оказать большую поддержку России. Здесь очень острая социальная ситуация, и в то же время — на России большая ответственность за то, чтобы реформы в стране пошли. Самое главное сейчас — не погубить курс демократических преобразований. Я хочу, чтобы был успех, несмотря на то, что сохраняю критическое отношение к идее Содружества.

Хочу еще раз поблагодарить тебя за дружбу, за взаимопонимание. Надеюсь, что мы будем поддерживать контакты. Работы впереди много.

Малруни. *Михаил, позволь сначала спросить, как прошла вчерашняя встреча с Ельциным — был ли он настроен конструктивно, положительно и уважительно? И как следствие этого, считаешь ли ты, что Канаде и другим странам следует быстро идти к официальному признанию и оказанию поддержки России?*

Горбачев. Я думаю, что позиция канадского правительства и других стран должна состоять в том, чтобы помочь Содружеству в главном, то есть ваши шаги должны стимулировать сотрудничество и взаимодействие республик. Я намерен действовать здесь и, надеюсь, так же будете действовать вы, чтобы наладился процесс взаимодействия. Разлад, дезинтеграция имели бы опасные последствия для нашей страны, Европы и мира. Тут могут возникнуть такие неожиданности, с которыми мы уже не сможем справиться.

Поэтому, я думаю, что с вашей стороны было бы правильно быстро идти к признанию, но необходимо ясное понимание новой ситуации, подтверждение позиций Содружества и республик по важнейшим вопросам.

30 декабря в Минске состоится встреча глав государств. Будут обсуждаться важные вопросы, и некоторые вещи прояснятся. Конечно,

со всеми этими политиками вам еще предстоит много работы, многое надо будет наладить, а им — освоить и понять.

Малруни. Я очень внимательно тебя выслушал. Не знаю, какие у тебя планы на будущее, но хочу заверить, что у меня и у Милы особое уважение к тебе и Раисе. Вы оба внесли колоссальный вклад в улучшение отношений между нашими странами. От себя лично и от имени всех канадцев хочу сказать, что мы были бы счастливы приветствовать тебя и всю твою семью у нас в стране, готовы оказать вам самое теплое гостеприимство, если ты решишь принять приглашение одного из университетов или исследовательских центров или отдохнуть у нас с Канаде. Передаю тебе теплые пожелания и прошу считать это нашим приглашением.

Горбачев. Спасибо, Брайан, за всё это. Для меня сейчас главная забота — здесь, в этой стране. Есть и некоторые планы во внешней сфере, касающиеся поездок, контактов. О некоторых своих планах я вскоре объявлю. Еще раз благодарю тебя и Милу, обнимаю, крепко жму руку.

Малруни. Взаимно. Большое спасибо, надеюсь — до скорой встречи.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С ПРЕЗИДЕНТОМ США ДЖ. БУШЕМ

25 декабря 1991 года

Горбачев. Приветствую тебя, Джордж.

Буш. Привет, Михаил. Очень рад, что ты позвонил, спасибо.

Горбачев. Начну с личного — поздравляю тебя с рождественскими праздниками, всего наилучшего тебе, Барбаре, всей вашей семье.

Я размышлял, когда сделать свое заявление — во вторник или в среду, но с учетом всего решил сделать это сегодня в конце дня.

По традиции начну. Через два часа я сделаю Заявление по московскому телевидению, оно будет передаваться и в Америке. В этом кратком Заявлении я сообщу о своем решении.

Я направил письмо тебе, Джордж. Надеюсь, ты его вскоре получишь. О главном я в нем сказал. Хочу сейчас, перед своим выступлением по телевидению, еще раз подтвердить: я очень ценю то, что мы сделали вместе с тобой — сначала в качестве вице-президента, а затем Президента США.

Надеюсь, что все руководители Содружества, и прежде всего России, понимают, какой капитал мы накопили за годы сотрудничества как в отношениях между нашими странами, так и в целом в мировой политике, понимают свою ответственность перед страной и перед миром.

Я по-прежнему убежден, что сотрудничество республик в рамках Союза позволило бы быстрее решить наши проблемы. Но развитие пошло не по тому пути, который я отстаивал. Тем не менее я намерен использовать свой политический авторитет и свою роль,

чтобы помочь Содружеству стать жизнеспособным и результативным.

Я доволен договоренностью, которая достигнута в Алма-Ате относительно ядерного и стратегического оружия. Надеюсь, что и по другим вопросам, от которых зависит будущее Содружества, в Минске 30 декабря будут приняты решения, способствующие налаживанию сотрудничества и взаимодействия республик. Это сейчас самое главное.

Джордж, я хочу высказать одно замечание. Конечно, учитывая независимость республик, надо идти по пути их признания. Но я хотел бы, чтобы вы учитывали один момент, имеющий важное политическое значение для будущего страны, Европы и всего мира: не дезинтеграцию, не разрушительные процессы, а сотрудничество — вот что надо стимулировать, и это наша общая обязанность. Хотел бы это акцентировать.

Теперь что касается России. Это второй акцент того, что я хотел сказать. У меня на столе лежит Указ Президента СССР. В связи с прекращением выполнения мной обязанностей Верховного Главнокомандующего я передаю право на использование ядерного оружия Президенту Российской Федерации.

Я придаю большое значение тому, что всё идет до конца в конституционных рамках, всё находится под надежным контролем. Как только я сделаю свое Заявление, Указ вступит в действие. Так что вы можете спокойно праздновать Рождество, спокойно спать этой ночью.

Сейчас мы все — и я, и, надеюсь, ты, как и другие мои партнеры — должны сделать всё возможное, чтобы поддержать Россию, которая взяла на себя главное бремя ускорения реформ в стране.

Что касается меня, то я не собираюсь уходить прятаться в тайгу. Я буду оставаться в политике, в общественной жизни. Мысль моя состоит в том, чтобы помочь налаживанию процессов у нас в стране, утверждению нового мышления в мировой политике.

Представители американской прессы много раз спрашивали меня о том, что я думаю об отношениях с тобой. Я хотел бы, не только через прессу, но и непосредственно тебе в этот день сказать, что очень высоко оцениваю наше сотрудничество, партнерство, дружбу. Наши роли могут меняться, и они фактически изменятся. Но то, что между нами сложилось и совместно сделано, останется навсегда.

От себя и от Раисы передаю самые теплые приветы и наилучшие пожелания в этот рождественский день.

Буш. Михаил, прежде всего хочу тебя поблагодарить за этот телефонный звонок. Я с большим интересом выслушал твои соображения о приоритетах на будущее. Хочу заверить, что мы сохраним заинтересованность в ваших делах. Будем очень стараться помочь, особенно Российской республике, учитывая те проблемы, с которыми она сейчас сталкивается и которые могут обостриться зимой.

Я очень рад, что ты не собираешься «прятаться в тайге», будешь продолжать политическую и общественную деятельность. Уверен, что это пойдет на пользу новому Содружеству.

Я написал тебе письмо, которое будет отправлено сегодня. В нем я выражаю свое убеждение, что сделанное тобой войдет в историю и будущие историки в полной мере оценят твои достижения.

Я с удовлетворением отмечаю то, что ты сказал по вопросу о ядерном оружии. Этот вопрос имеет важнейшее международное значение. Я приветствую то, как ты и руководители республик подошли к нему. Я также отмечаю твои слова о том, что передача права применения Ельцину осуществляется в конституционных рамках. Хочу заверить, что мы и впредь будем самым тесным образом сотрудничать в этом важном вопросе.

Теперь о личном. Я обратил внимание на твои замечательные, вполне определенные высказывания об отношениях, сложившихся у тебя со мной и с Джимом Бейкером. Я очень ценю эти слова, они в точности отражают и мои чувства.

Твой звонок застал меня в Кемп-Дэвиде. Мы здесь с Барбарой и с тремя из наших внуков, другие сейчас во Флориде и в Вирджинии. Хочу сказать, что мы бережем площадки для игры в «подковку», где ты в прошлом году сделал точное попадание. Я храню воспоминания о наших встречах и беседах и пишу об этом в моем письме.

Надеюсь, что наши дороги вскоре снова сойдутся. Ты будешь здесь желанным гостем, мы рады будем тебя принять — после того, как всё уляжется — может быть, здесь, в Кемп-Дэвиде.

Мое дружеское отношение к тебе неизменно и по мере дальнейшего развития событий будет таковым всегда. На этот счет не может быть никаких сомнений.

Конечно, я буду с должным уважением, открытостью и позитивно — и, надеюсь, на прогрессивной основе — строить отношения с руководителем Российской республики и руководителями других республик. Мы будем вести дело к признанию, с полным уважением суверенитета каждой республики. Будем работать с ними по широкому кругу вопросов, как работали с вами. Но это никак не повлияет на мою решимость поддерживать контакты с тобой, прислушиваться к твоим соображениям

уже в твоём новом качестве, беречь нашу дружбу с тобой и Раисой. Мы с Барбарой очень дорожим ею.

Итак, в этот особый день в году, в день исторического перепутья я салютую тебе и благодарю за всё, что ты сделал ради мира, благодарю за дружбу.

Горбачев. Спасибо, Джордж. Я был рад услышать то, что ты сказал. Это были очень теплые слова и очень важные мысли. Желаю тебе всего доброго.

Буш. Всего доброго. До свидания.

Горбачев. До свидания.

Печатается по тексту: АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

М.С. ГОРБАЧЕВ

О ТЕЛЕФОННОМ РАЗГОВОРЕ С Г.-Д. ГЕНШЕРОМ

25 декабря 1991 года

(Г.-Д. Геншер — последний из иностранных деятелей, с кем Горбачев говорил, будучи еще Президентом.)

...Меня обрадовал его звонок: значит, старая дружба не ржавеет, сказал я ему. Вспомнили с ним о том, что нам удалось вместе сделать хорошего в эти годы, — и для наших стран, для Германии, для Европы. О том, как от встречи к встрече, начиная с 1986 года, нарастало и укреплялось доверие друг к другу, взаимопонимание, накапливался опыт практического взаимодействия. То, что наработано, — это не на одно поколение вперед, согласились мы. И пусть те, кто придет после нас, попытаются доделывать начатое на благо народов обеих стран и всей Европы.

Сказал я ему, как и Бушу, что в тайгу не собираюсь, буду заниматься общественной деятельностью, содействовать реализации идей, которыми мы руководствовались, сближая Восток и Запад, уводя обе стороны от противостояния и «холодной войны».

Геншер заверил меня, что дружба остается, будет продолжение контактов, обмен мнениями, тем более что бурный поток жизни не оставит нас без хлопот. Он благодарил меня за то, что было сделано для объединения Германии, сказал: «Сердца и благодарность немцев навсегда останутся с Вами».

ОБРАЩЕНИЕ К СОВЕТСКИМ ГРАЖДАНАМ

25 декабря 1991 года

Выступление по Центральному телевидению Президента СССР

Дорогие соотечественники! Сограждане!

В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным соображениям.

Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны.

События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться.

И после Алма-Атинской встречи и принятых там решений моя позиция на этот счет не изменилась.

Кроме того, убежден, что решения подобного масштаба должны были бы приниматься на основе народного волеизъявления.

Тем не менее я буду делать всё, что в моих возможностях, чтобы соглашения, которые там подписаны, привели к реальному согласию в обществе, облегчили бы выход из кризиса и процесс реформ.

Выступая перед вами последний раз в качестве Президента СССР, считаю нужным высказать свою оценку пройденного с 1985 года

пути. Тем более что на этот счет немало противоречивых, поверхностных и необъективных суждений.

Судьба так распорядилась, что, когда я оказался во главе государства, уже было ясно, что со страной неладно. Всего много: земли, нефти и газа, других природных богатств, да и умом и талантами Бог не обидел, а живем куда хуже, чем в развитых странах, всё больше отстаем от них.

Причина была уже видна — общество задыхалось в тисках командно-бюрократической системы. Обреченное обслуживать идеологию и нести страшное бремя гонки вооружений, оно — на пределе возможного.

Все попытки частичных реформ — а их было немало — терпели неудачу одна за другой. Страна теряла перспективу. Так дальше жить было нельзя. Надо было кардинально всё менять.

Вот почему я ни разу не пожалел, что не воспользовался должностью Генерального секретаря только для того, чтобы «поцарствовать» несколько лет. Считал бы это безответственным и аморальным.

Я понимал, что начинать реформы такого масштаба и в таком обществе, как наше, — труднейшее и даже рискованное дело. Но и сегодня я убежден в исторической правоте демократических реформ, которые начаты весной 1985 года.

Процесс обновления страны и коренных перемен в мировом обществе оказался куда более сложным, чем можно было предположить. Однако то, что сделано, должно быть оценено по достоинству.

Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали, и потому, что еще не научились пользоваться свободой. Тем не менее проделана работа исторической значимости:

— ликвидирована тоталитарная система, лишившая страну возможности давно стать благополучной и процветающей;

— совершен прорыв на пути демократических преобразований. Реальными стали свободные выборы, свобода печати, религиозные свободы, представительные органы власти, многопартийность. Права человека признаны как высший принцип;

— началось движение к многоукладной экономике, утверждается равноправие всех форм собственности. В рамках земельной реформы стало возрождаться крестьянство, появилось фермерство, миллионы гектаров земли отдаются сельским жителям, горожанам. Узаконена экономическая свобода производителя, и начали набирать силу предпринимательство, акционирование, приватизация;

— поворачивая экономику к рынку, важно помнить — делается это ради человека. В это трудное время всё должно быть сделано для его социальной защиты, особенно это касается стариков и детей.

Мы живем в новом мире:

— покончено с «холодной войной», остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны.

Еще раз хочу подчеркнуть, что в переходный период с моей стороны было сделано всё для сохранения надежного контроля над ядерным оружием.

— мы открылись миру, отказались от вмешательства в чужие дела, от использования войск за пределами страны. И нам ответили доверием, солидарностью и уважением;

— мы стали одним из главных оплотов по переустройству современной цивилизации на мирных, демократических началах;

— народы, нации получили реальную свободу выбора пути своего самоопределения. Поиски демократического реформирования многонационального государства вывели нас к порогу заключения нового Союзного договора.

Все эти изменения потребовали огромного напряжения, проходили в острой борьбе, при нарастающем сопротивлении сил старого, отжившего, реакционного — и прежних партийно-государственных структур, и хозяйственного аппарата, да и наших привычек, идеологических предрассудков, уравнилительной и иждивенческой психологии. Они наталкивались на нашу нетерпимость, низкий уровень политической культуры, боязнь перемен.

Вот почему мы потеряли много времени. Старая система рухнула до того, как успела заработать новая. И кризис общества еще больше обострился.

Я знаю о недовольстве нынешней тяжелой ситуацией, об острой критике властей на всех уровнях и лично моей деятельности. Но еще раз хотел бы подчеркнуть: кардинальные перемены в такой огромной стране, да еще с таким наследием, не могут пройти безболезненно, без трудностей и потрясений.

Августовский путч довел общий кризис до предельной черты. Самое губительное в этом кризисе — распад государственности. И сегодня меня тревожит потеря нашими людьми гражданства великой страны — последствия могут оказаться очень тяжелыми для всех.

Жизненно важным мне представляется сохранить демократические завоевания последних лет. Они выстраданы всей нашей историей, нашим трагическим опытом. От них нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом. В противном случае все надежды на лучшее будут похоронены.

Обо всем этом я говорю честно и прямо. Это мой моральный долг.

Сегодня хочу выразить признательность всем гражданам, которые поддержали политику обновления, включились в осуществление демократических реформ.

Я благодарен государственным, политическим и общественным деятелям, миллионам людей за рубежом — тем, кто понял наши замыслы, поддержал их, пошел нам навстречу, на искреннее сотрудничество с нами.

Я покидаю свой пост с тревогой. Но и с надеждой, с верой в вас, в вашу мудрость и силу духа. Мы — наследники великой цивилизации, и сейчас от всех и каждого зависит, чтобы она возродилась к новой современной и достойной жизни.

Хочу от всей души поблагодарить тех, кто в эти годы вместе со мной стоял за правое и доброе дело. Наверняка каких-то ошибок можно было бы избежать, многое сделать лучше. Но я уверен, что раньше или позже наши общие усилия дадут плоды, наши народы будут жить в процветающем и демократическом обществе.

Желаю всем вам всего самого доброго.

Печатается по тексту :

Грачев А.С. Дальше без меня... С. 266–270.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Заседание Государственного совета СССР
14 ноября 1991 года

Выступления при обсуждении экономических вопросов

Явлинский. Нужно решить ряд вопросов политического уровня. Ни эксперты, ни специалисты, ни я, ни вы решить не можем... К этим вопросам относятся следующие.

Первое. Какой минимально необходимый перечень соглашений, который нужно премьер-министрам республик сейчас парафировать для того, чтобы можно было Договор представлять в парламенте? Вот здесь изложены основные соглашения об образовании Банковского союза, об урегулировании прав собственности, о разделении долгов, о принципах и механизме обслуживания внешнего долга и так далее. Из них нужно выбрать минимально необходимые, которые республики считают, что без них нельзя. И четко уже определиться, что вот это — минимально необходимый набор соглашений. Тогда премьер-министры будут работать над этим кругом, они завизируют.

Назарбаев. Вы нам скажите: что выбирать будем?

Явлинский. Я считаю, что нужно обязательно вот такие: об образовании Банковского союза; о принципах и механизме обслуживания внешнего долга; о согласованной политике в области налогов; о бюджете; о дефиците; о ценах и объемах поставок; о порядке перехода на общие международные нормы для тех, кто не входит в Сообщество; об условиях введения национальных валют, чтобы тот,

кто вводит, не нанес ущерба. Это нужно. Этого достаточно, на мой взгляд.

Ельцин. (Считает.) Восемь.

Явлинский. Да, восемь. И еще здесь есть один интересный вопрос, который я хотел вам задать. Главная претензия к Договору такая, что не будут выполнять, будут нарушать и так далее. У меня есть предложение: можно сделать жесткое и однозначное Соглашение по санкциям. Взаимным. Оно будет действовать как для двусторонних вещей, так и для многосторонних. Будет единообразный порядок. Если все об этом договорятся, тогда легче спрашивать друг с друга, почему то или иное не выполнено. Поэтому я хотел обратиться к вам вот с чем. Понимаете, когда какой-то импульс идет с вашего уровня, это одна работа, когда этот импульс с вашего уровня не идет, это совсем другая работа. Но сейчас она уже просто подошла к...

Горбачев. Григорий Алексеевич, кто меня ввел в заблуждение, что Российская Федерация не участвовала пока в разработке Соглашения?

Явлинский. Там не было правительства. С тех пор, как принимал участие Сабуров, и до тех пор, пока правительство не было сформировано, оно своих представителей не направляло.

Ельцин. Пока Соглашение отрабатывалось, был Сабуров. А потом был этот период — вакуум, когда не было правительства. И я обвинения не принимаю, даже если оно исходит от Григория Алексеевича.

Горбачев. Короче говоря, принимать. Борис Николаевич, сейчас решающая, завершающая фаза всего этапа соглашений. И если какая-то республика не будет принимать, это будет тормозить весь процесс. А уж Россия...

Явлинский. С восьмью названными сейчас соглашениями все главы государств согласны. Это минимально необходимый перечень, больше не нужно.

Назарбаев. Согласны.

Акаев. Еще раз повторите об образовании Банковского союза...

Явлинский. Банковский союз: внешний долг, налоги, бюджет, предельный дефицит, цены. Международные экономические отношения с государствами, входившими в СССР и не вошедшими в Союз.

Ельцин. А как с теми государствами, которые вошли в Экономический союз, но не хотят входить в политический?

Явлинский. Это эксперт нужен...

Ельцин. Но Вы же не эксперт.

Явлинский. Ну, вообще говоря, эксперт.

Горбачев. Короче, короче, Гриша. Какой вопрос главный?

Явлинский. Будет ли проводиться самостоятельная политика тех, кто вошел и в политический, и в экономический союзы по отношению к тем, кто вошел только в Экономический союз?

Горбачев. А что тут для тебя нового, если я тебе еще после Алматы давал поручение о соотношении экономического и политического союзов. Помнишь?

Ельцин. А он говорит: я эксперт.

Явлинский. На моем уровне я могу ответить. Но мне хотелось бы, чтобы на это ответили здесь.

Горбачев. При обсуждении этого вопроса на Госсовете пришли к выводу, что внутри политического союза, на этой территории, образуется единый общесоюзный рынок с общими принципами внутренних цен, валюты и так далее.

Явлинский. Значит, члены политического и экономического союзов приходят к выводу, что тот, кто вошел и в политический, и экономический союзы, говорят, что остальные, желающие войти в экономический союз, могут войти только как ассоциированные члены.

Горбачев. И на определенных условиях. Для этого и нужны соглашения. Но к этому мы должны вернуться уже после Договора и всё урегулировать.

Ельцин. Они договор об Экономическом сообществе подписали, а теперь им говорят — нет, подвиньтесь.

Горбачев. Но они пока еще не ратифицировали...

Ельцин. Армения, Молдова, Украина еще не подписали. Азербайджан...

Муталибов. Мы, может быть, завтра подпишем.

Горбачев. Я всегда оставался оптимистом.

Явлинский. Я хотел бы сказать, что республики, которые не собираются входить в политический союз, но входят в экономический, с большим волнением относятся к этому вопросу. Они подозревают, что государства, вошедшие в политический союз, заявят свою политику по отношению к тем, кто в политический союз не вошел.

Горбачев. Но мы сегодня все записали. На первую часть договорились.

Голос. Григорий Алексеевич, Вы считаете, что на создание фонда регионального развития идти не надо?

Явлинский. Я считаю, что надо, но есть два тупиковых соглашения — одно по фонду регионального развития, а второе — по собственности. Решить их в короткое время невозможно.

Следующий вопрос — порядок принятия решений в Банковском союзе. Предложены три варианта. Главы государств должны определиться.

Третья сфера — вопрос совместного ведения. Наиболее сложный вопрос — что входит. Все государственные предприятия и объекты на территории являются его собственностью...

Ельцин. Да Вы что?

Явлинский. Всё то, что в России, то всё — России. И предприятия, объекты, отнесенные к сфере совместного ведения, передаются в общую собственность с закреплением пая каждого государства. Вопрос о доле каждого государства решается специальным соглашением. Наверняка возникнут споры по таким объектам, как Байконур, БАМ и тому подобным.

Теперь состав сфер совместного ведения...

Голос. Мы определились уже в проекте Договора.

Ельцин. Мы сегодня прошли политический Договор, и там есть сферы совместного действия. Вы оттуда возьмете. Мы уже согласовали.

Явлинский. Там что — и энергетическая система? и космос?

Горбачев. Нет только морского транспорта... А как вы разделите трубопроводы? Это транспорт.

Ельцин. Почему разделим? Мы задвижки поставим на границе. И всё.

Голос. А мы вам тоже задвижки огромные поставим в Средней Азии...

Ельцин. *(Перебивает.)* Я считаю, что России вредить опасно.

Горбачев. Товарищи, вы же в политическом союзе... Вам-то что?

Шушкевич. А все-таки по железнодорожному транспорту... Технология должна быть общей, а собственность должна быть республики.

Явлинский. Если вы говорите, что это сфера совместного ведения, тогда вы будете создавать совместный орган управления этой штукой. А если этого не сделаете, то это не сфера совместного ведения.

Ельцин. Возьмите из проекта Союзного договора. Мы сегодня договорились. Там есть транспорт. И давайте не будем расшифровывать.

Горбачев. А как Морской флот?

Ельцин. Морской флот — республик. У кого есть море.

Голос. А у кого нет?

Ельцин. Ну, мы поможем. *(Оживление в зале.)* Заключим договор.

Горбачев. В Союзном договоре записано: «транспорт». Имеется в виду тот транспорт, который работает на весь Союз. А на Союз работают и МПС, и трубопроводы, и морской транспорт — он тоже общий.

Ельцин. А я понимаю «транспорт» — только железнодорожный.

Горбачев. Борис Николаевич, ведь морской транспорт — это детище всех независимых республик...

Ельцин. Временно... Через два-три месяца, когда немножко схлынет эта перевозка хлеба и так далее, постепенно начнется передача флота по портам, к которым они приписаны.

Горбачев. Что же, значит, Украина у нас заберет половину транспорта и Прибалтика?

Ельцин. Нет. Мы с Прибалтикой создали государственные комиссии, которые должны это имущество разделить.

Горбачев. А почему же мы с другими не делим?

Ельцин. А они не отделяются от нас. Мы всегда можем с ними договориться.

Горбачев. Значит, это общее?

Ельцин. Это общее, но российское. Но общее... *(Смех в зале.)*

Явлинский. Равны все, но некоторые более равны, чем остальные.

Ельцин. Оставляется в Договоре только «транспорт». И всё...

Горбачев. Атомная энергетика? Мы же договаривались.

Ельцин. Атомная энергетика — это другое дело. И Атомнадзор общий.

Явлинский. Имеется в виду, что все государственные предприятия, которые относятся к этим системам, будут совместного ведения.

Горбачев. А вот это — статистика, метрология, стандарты, геодезия? Это у нас везде прошло, это же общее должно быть.

Ельцин. Это надо сверить. Мы их, видите, решаем порознь. Поэтому можем решать по-разному. Вот метрология...

Горбачев. Одни решат, что аршин, а другие... И еще нужно два метра каждому, кубических... Вот язвительный человек. Знает, что ему только два кубических метра нужно, он жизнь изматывает свою.

Явлинский. Ну, карты будем делать одинаковые?

Горбачев. Конечно.

Ельцин. Посмотрите статистику. Нужно проводить капитальную реформу статистики.

Горбачев. И, кстати, это — МЭКу.

Ельцин. Заставить МЭК.

Явлинский. Если МЭК создается как реакционный орган, чтобы портить всё, то его не надо создавать. А если он создается как прогрессивный орган, который будет тащить республики вперед, — это другое. Статистика нужна межреспубликанская.

Ельцин. Мы отбросили ЦСУ и создаем специальную систему информатики России, которая бы всё могла выдать.

Явлинский. Надо определиться: будет ли в Экономическом союзе межреспубликанская служба статистики, описывающая всё экономическое пространство. И экономическое, и народонаселение, и миграционные процессы, и экология. В масштабе всего Союза.

Горбачев. А как же! Без этого общий рынок невозможен.

Шушкевич. Значит, это не надо обсуждать.

Явлинский. Нет, надо. И не случайно Борис Николаевич задумался.

Шушкевич. Но это же есть в структуре МЭК.

Явлинский. Эта структура не годится. Это самостоятельное ведомство не должно быть структурой МЭК ни при каких обстоятельствах. Иначе МЭК будет диктовать — какие давать данные.

Горбачев. Соглашаемся. Дальше четвертый раздел.

Явлинский. Вопрос налогов. Это тоже надо решать с экспертами. ...Значит, перечень применяемых налогов, вот пункт «а», пункт «б». Порядок применения акцизов.

Ельцин. Э, нет, нет, нет.

Горбачев. Пусть правительство обсудит, поручение даст... Иначе всё будет стоять.

Явлинский. Далее: принципы обслуживания внешнего долга. Абсолютно срочное дело.

Ельцин. Сверхсрочное — это Банковский союз. То, что сейчас делает Госбанк, Григорий Алексеевич, опять никого не спрашивая, это просто...

Явлинский. Он мне не подчиняется. Ни в какой мере.

Горбачев. Давайте не будем слушать сейчас.

Явлинский. Теперь — политика ценообразования. Здесь два предложения: то, что Борис Николаевич предложил, и то, что согласовывалось: как это лучше сделать, что надо быть готовыми. И в том, и в другом случае — либерализация цен, но два разных подхода.

Ельцин. Я считаю, что их надо объединить. Разовое, но согласованное... То есть мы должны согласовать.

Горбачев. И согласовали. В том числе — что и как, на что сохраняем, на что регулируем.

Явлинский. Борис Николаевич, здесь в обоих случаях конструкция, предложенная Вами. Но акцент «а» стоит самостоятельно, а «б» — согласованно.

Ельцин. Нет, нет. «А» стоит в текущем году — разовое. А в «б» разового нет. Это разное дело. Там в «б» может быть эволюционное, а в «а» — революционное.

Горбачев. Тут самая большая революция, проводимая самостоятельно отдельными государствами.

Ельцин. Нет, это согласовано. Разовое и в текущем году. Мы между собой договорились.

Явлинский. Дальше следует вопрос — это бюджет. Сколько выделяется денег МЭКу? В записке я обращал внимание на то, что все механизмы, которые сегодня работают, в основном работают по инерции. Чтобы подхватить этот процесс, необходимо до конца года определиться с Договором. Если он будет ратифицирован тремя основными парламентами, то потом основные реформы можно будет проводить на основе этого Договора. Если этого не случится, то с 1 января все прежние механизмы останавливаются, а новые мы создать не успели. Вот этот разрыв становится очень опасным. На это я хотел обратить внимание.

Поскольку Борисом Николаевичем был задан вопрос относительно меня лично, я просил бы до ратификации Договора и введения его в силу меня лично ни на какие должности не назначать. Для меня это вопрос принципиальный. Я буду работать только на основе Договора, который будет ратифицирован парламентами. Тогда я буду считать орган, в котором я работаю, легитимным. На данном этапе Иван Степанович работает, вот пусть и работает. А я буду продолжать заниматься Договором, как и эти два с половиной месяца.

Горбачев. Так. Пошли дальше. Чего только в переходный период у нас не бывает. Продолжаем работать. О бюджете хочу дать слово товарищу Раевскому. Сюда, сюда, к микрофону.

Раевский. Уважаемые товарищи, вы знаете, что после двухдневного рассмотрения в палатах Верховного Совета вопроса о финансировании неотложных расходов октября по союзному бюджету решение отложено до принятия общего решения о бюджете на IV квартал. В принципе это совпадало с нашими предложениями, которые мы внесли полтора месяца назад на МЭК. Но, к сожалению, сама шоковая ситуация, те суммы бюджетного дефицита, которые мы вынуждены выкатить, потребовали дополнительного рассмотрения этих вопросов. В том числе однажды вызвали сюда

восемь министров финансов союзных республик, которые подключались реально с предложением о сокращении расходов бюджета. В принципе они присоединились к тем предложениям по сокращению расходов, которые вносили мы. Поэтому те цифры, которые мы сейчас представляем, можно считать апробированными полномочными представителями республик, которым непосредственно были открыты все возможности ознакомления с отдельными статьями бюджета. Я не знаю, нужно ли мне говорить о факторах сегодня?

Горбачев. Нужно.

Раевский. Тогда, чтобы действительно восстановить формальную логику, учитывая вот это — действительно шоковую цифру, с которой мы столкнулись, — я должен сказать следующее. Когда в середине прошлого года Верховный Совет Союза принимал пакет законов, состоящих из законодательства о налогах и целого ряда законов, связанных с реализацией различных социальных программ, из них самый крупный был, как вы помните, закон о пенсиях. В качестве рабочего документа на Верховном Совете была проведена записка бывшего министра финансов о том, что принятие всего этого пакета законов приведет к тому, что дефицит бюджетной системы с будущего года вырастет до 186 миллиардов рублей. Причем я хочу сказать, что тогда еще не было закончено рассмотрение всего этого пакета законов. Потом, многие, видимо, помнят, появилась цифра, которую назвал Борис Николаевич Ельцин, дефицита бюджетной системы 240 миллиардов, как я помню. Это тоже, я могу подтвердить, вполне реальная цифра, которая существовала на тот момент и лежала в качестве расчетов на столе начальника нашего бюджетного управления. Представлять бюджет такой цифрой — это значило признать ту ситуацию, в которой сегодня находится страна, когда мы имеем дефицит бюджета в 300 миллиардов, и последствия его мы все видим.

Поэтому в бюджете были заложены при его утверждении два момента, один из которых, я считаю, что, может быть, сделано правильное решение. Второе недостаточно, возможно, продумано. Первое — это был введен налог с продаж. У него была, действительно, экономическая основа. Может быть, там не вся продумана была система его взимания, но было предложено. Около 100 миллиардов рублей это давало дополнительных доходов по всей бюджетной системе Союза, и в том числе непосредственно в Союз приходило 30 миллиардов рублей доходов.

Кроме того, было предложено (и это, вот я уже сказал, может быть, недостаточно продумано было), чтобы значительная часть расходов бюджета была вынесена за баланс бюджета и представлена в виде так называемого фонда стабилизации экономики, 68 миллиардов рублей. И там находились расходы, жизненно важные для страны, — практически все инвестиции в топливно-энергетический комплекс, субвенции союзным республикам, расходы по конверсии и так далее. И вот эти две бомбы практически заложили в первый запал, как говорится, в разрушение бюджета, потому что они рассыпались с самого начала.

И самые такие жгучие и необходимые ключевые вопросы бюджета, вовлеченные в фонд стабилизации, были подкреплены внебюджетными источниками, хилыми какими-то, средствами от приватизации и так далее. Они остались сразу без финансирования практически. Ну и вы помните, что произошло с налогом с продаж. Он под давлением общественного мнения постепенно стал отменяться.

Горбачев. Сколько мы на нем потеряли?

Раевский. Союзный бюджет потерял 18 миллиардов рублей.

Горбачев. А общий?

Раевский. Общий — это у нас 30 процентов. Значит, где-то миллиардов 50 потеряли республики на этом.

Горбачев. А за счет того, что приватизация и прочее — то, что на фонд стабилизации пойти должно было. Сколько там мы недополучили?

Раевский. Там около 30 миллиардов рублей было заложено в средства от приватизации. Но там все источники были, Михаил Сергеевич, такие, которые явно... что они должны были провалиться...

Так было, например, с изъятием амортизации у предприятий. Тут же предприятия поднялись на ноги и стали возражать против этого.

Горбачев. Это в нашем Экономическом соглашении мы записывали тогда?

Раевский. Нет. В самом Экономическом соглашении только бюджет был, а это было принято...

Ельцин. Общая цифра. Это бюджет открытый был на Верховном Совете.

Раевский. Значит, это не последние беды, которые произошли с Союзным бюджетом. После этого был принят ряд решений и на союзном уровне, и на республиканском уровне, которые резко из-

менили и доходы, и расходы по бюджету. Какие это решения? Наиболее крупные я назову. Кабинет министров принял решение о налоговых льготах для нефтяной и газовой промышленности. В основном это связано с налогами на экспорт, для того, чтобы создать собственные инвестиционные фонды. Это 15 миллиардов рублей сразу выпало из союзного бюджета.

Кроме того, вот этим постановлением, которое подверглось всеобщей критике (но оно действует — это Постановление 160), будут предоставлены дополнительные льготы отдельным отраслям промышленности в зависимости от того, на что они направляют свои прибыли. Это тоже дает около 6 миллиардов рублей.

Следующий и очень сильный удар был нанесен апрельской реформой цен.

Ельцин. Стабилизационный фонд еще не назвал..

Раевский. Стабилизационный фонд — это потом. Я сейчас называю чисто бюджетные вещи. Апрельская реформа цен. Дело в том, что сами параметры, обозначенные реформой цен, и меры социальной защиты были трудно выполнимы. Ну, достаточно сказать, что нужно было направить 85 процентов выручки от повышения цен на компенсационные выплаты. Выручки от повышения цен, даже не от прибыли, связанной с повышением цен. У нас даже таких налогов нет, чтобы 85 процентов забрать из бюджета, а потом направить на социальные выплаты. Поэтому это не удалось выполнить ни на уровне Союза, ни на уровне республик. Отсюда и те дефициты, которые возникли в бюджете республик.

Но в союзном бюджете это было еще отягощено и тем, что бюджет союзный сам не имеет собственной такой доходной базы, только в части налога с продаж дополнительные поступления были связаны. И поэтому те удорожания социальной сферы и других сфер совместного ведения, оборонных расходов и других, которые возникли в союзном бюджете, практически остались без финансирования. Это дало тоже 31 миллиард рублей дополнительно к ухудшению баланса союзного бюджета.

Вот все подобные факторы привели к тому, что такие плановые (условно говоря, потому что в план они так и не были введены) факторы ухудшения баланса бюджета вылились в 160 миллиардов рублей. Только плановые факторы. Кроме того, к сожалению, все мы понимаем, что и сама экономическая конъюнктура в этом году складывалась не лучшим образом. Поэтому и союзный бюджет, как и бюджеты республик, дополнительно потерял то, что выпало в связи с тем, что конъюнктура покатила вниз.

Горбачев. А то проговорите бюджет, а потом скажете, что платить нечем.

Раевский. И особенно с сокращением экспортных доходов. За этот счет выпал из доходов союзного бюджета 41 миллиард рублей. Я должен сказать, что с начала мая месяца, когда мы столкнулись с этой ситуацией, мы приняли решение, тогда как раз зарабатывалась еще, вы помните, программа совместных действий Кабинета.

В этой программе были предусмотрены согласованные решения о финансировании расходов бюджета по сниженным жестким нормам. Что это, например, означает для социальной сферы? Это означает, что на такие расходы, как капитальный ремонт, мы выдаем только 25 процентов. На такие расходы, как отопление, — 75 процентов. И только на то, что связано с оплатой труда, пенсиями и пособиями, медикаментами и питанием в медицинских учреждениях и других учреждениях, которые финансируются из союзного бюджета, то это финансируется полностью. Значит, это нам дает где-то около 50 миллиардов экономии, то есть это перекрывает, скажем, факторы, связанные с выпадением доходов, связанных с ухудшением экономической конъюнктуры, но никак не компенсирует то, что вы предложили.

С фондом стабилизации положение еще более катастрофическое, потому что там практически не поступают доходы, а возможности экономии, скажем, финансирования мы, конечно, используем в какой-то мере. Но тем не менее это не дает возможности полностью перекрыть те потери, которые по этому фонду складываются. Дефицит этого фонда с учетом тех поступлений, которые мы получаем все-таки или ожидаем получить, составляет 51 миллиард рублей.

Голос. Ужас!

Раевский. Значит, таким образом дефицит в целом бюджете Союза вырастает по вводу до 204 миллиардов рублей.

Горбачев. Сколько процентов?..

Явлинский. 371 миллиард у нас уточненный бюджет. 204 на 371 — 54 процента.

Ельцин. Это развал, полный развал денег.

Раевский. Да, это, конечно, страшная бомба для всей денежной системы Союза.

Ельцин. Народное хозяйство уже даже не может функционировать. Менее 30... А тут 50.

Раевский. Я с этим готов согласиться. Сейчас, при формировании бюджета на IV квартал, надо по возможности уйти от этого подбюджета. Этот фонд стабилизации, социальная защита населения — это страшно путает и не дает возможности маневра. Мы решили, что на IV квартал должен быть представлен совокупный бюджет.

Горбачев. А вы посчитали, если взять совокупно, весь бюджет, не только союзный?

Раевский. Последний раз мы утвердили 450 миллиардов рублей общий госбюджет в целом. После мы стали утверждать только союзный бюджет.

Горбачев. Но вы же знаете республиканский.

Раевский. Где-то порядка 700 миллиардов. Такого не было ни в одной стране мира. Мы просто не приучены и не умеем экономически управлять этим. Первая задача: ликвидировать эту двусторонность, когда бюджетные расходы и доходы раскладываются по каким-то трем фондам. Вторая задача — всемерное сокращение расходов. На IV квартал мы предусмотрели экономию 22 процента. Третья задача — ради чего и составлялся чрезвычайный бюджет, — обеспечить преемственность финансирования и передачи того хозяйства, которое с 1 января переходит в юрисдикцию союзных республик, неразоренным. Если мы его квартал не будем финансировать, то там, где сегодня растут цветы и трава, завтра вряд ли будут.

Ельцин. А я вчера представителям зарубежной банковской системы сказал, что около 20 процентов, а не 54. Совокупный. Я не уточнял просто, чтобы мне особо не врать. А тут — 54.

Горбачев. Итак, какие решения мы должны принять? Всё известно, доходы ясные, расходы известные. Значит, речь идет о том, что мы должны принять решение за счет кредитов.

Ельцин. Нельзя кредиты. Это ошибочно.

Раевский. Расходы IV квартала в совокупном бюджете — все три бюджета вместе — где-то 125 миллиардов рублей. Мы ожидали, что получим в союзный бюджет примерно 35 миллиардов. То есть дефицит бюджетной системы Союза на IV квартал 90 миллиардов. К сожалению, октябрь показывает ухудшение ситуации. Расходы мы более или менее держим под контролем. Но поступление доходов ухудшилось. Ожидали в октябре 10 миллиардов доходов, а вчера Виктор Владимирович Геращенко уточнил, что поступило только 4,4 миллиарда. Республики замыкаются на решение своих проблем и прекращают отчисления в союзный бюджет. Наиболее болезненно решение Украины. С 1 сентября они прекратили перечисления, 6 миллиардов недопоступит только

по Украине. Так что дефицит в 90 миллиардов — это очень оптимистично.

Чем его можно покрыть? Только кредитами банка. Это завуалированная денежная эмиссия, но другого пути у нас сегодня нет.

Ельцин. Если дефицит бюджета погашается кредитом, фиктивной реформой, это безумие, это невозможно. Надо искать другие источники. Мы не можем не идти на реформы. И другие пути есть.

Раевский. Борис Николаевич, союзный бюджет не имеет собственных источников доходов.

Горбачев. То, что мы отказались от прямых налогов, проявляет свои плюсы и минусы.

Ельцин. Есть другие пути. Первое — это выпуск ценных бумаг.

Раевский. Их невозможно выпустить на союзном уровне потому, что нет правопреемника Союза.

Ельцин. Выпустите их через республики. Это сократит общий дефицит. А сколько за счет приватизации получили? Мелочи?

Раевский. Ничего не получили. Идет какая-то дикая приватизация. Не было это организационно продумано, и неизвестно, куда идут от нее деньги.

Горбачев. Хорошо, какая всё же альтернатива?

Раевский. Кроме той, которую я предложил, сегодня нет. Всё остальное требует времени, которого тоже нет. Из Верховного Совета нажимают, чтобы мы продолжили финансирование. Я сказал: без письменного решения не подпишу ни рубля, как бы там больно ни было и какие бы студенты на площади ни были. Там вокруг этого идет какая-то игра.

Ельцин. Ну, хорошо. Такое предложение. Михаил Сергеевич, может, это, конечно, сложное и тяжелое, но всё же надо как-то выйти из положения. Перейти с 1 апреля на свободные цены. Месяц. Мы этим месяцем можем очень серьезно поправить.

Раевский. Борис Николаевич, мы в ноябре. И в середине ноября должны заплатить государственную плату в бюджетных учреждениях союзного ведения. Борис Николаевич, скажу о ценах. Вводить свободные цены, не реформировав нашу налоговую систему, это было бы, я думаю, преждевременно. Потому что на сегодня введение (так же, как это было с повышением цен), наоборот, программирует ухудшение дефицита. Подумайте, Борис Николаевич. У нас налог с оборота практически приказал долго жить. Новый налог с добавленной стоимости мы не ввели.

Ельцин. Введем обязательно. При новых ценах тут же вводим новый налог — на добавочную стоимость.

Раевский. Значит, налоговая ставка на прибыль у нас составляет только 35 процентов, или 32 процента в России, а с налогами и льготами вообще 28 процентов. Таких налоговых ставок нет ни в одной стране мира. Поэтому мы от повышения цен получаем гораздо меньше в бюджет. Будем говорить так: получаем гораздо меньше, чем вынуждены финансировать дополнительные расходы бюджетов учреждений и компенсационные расходы по населению и так далее. Это просчитано у вас и у нас. Любое повышение цен, не связанное с реформированием бюджетной налоговой системы, вызывает только ухудшение бюджетного баланса.

Ельцин. Я понимаю (я не профессионал, а дилетант), что речь идет о том, что нужно иметь жесткий бюджет при переходе на свободные цены. Не просто даже и не только реформированный, а жесткий. В этом году все вместе мы с вами его распустили...

Горбачев. Товарищ Раевский, а если сказать так. Расход от утвержденных, кроме тех, что связаны с компенсациями или с повышением цен, все другие статьи: финансирование обороны, содержание госаппарата, медицина... Мы перерасходовали за 9 месяцев?

Раевский. Перерасход только по двум статьям: обслуживание государственного долга и программа Чернобыль, которую принял Верховный Совет. Все остальные статьи — экономия. А вот по запланированным доходам недополучили 70 процентов. Октябрь мы уже прожили, но надо рассчитаться с подрядными организациями, поставщиками. Ноябрь вот-вот кончится. Останется декабрь.

Ельцин. Надо сейчас прекратить финансирование всех промышленных строителей, промышленных объектов, кроме социальной сферы. До конца года.

Голос. Строители не будут работать, они взбунтуются.

Раевский. Это будет не экономия, а задолженность. Из-за одного месяца, который мы сэкономим, всё равно катастрофу, которая уже случилась, не предотвратить.

Ельцин. Вот мы в сентябре утвердили чрезвычайный бюджет, сверхжесткий, по России. Октябрь прошел «ноль в ноль», что и надо было сделать. Расходы и доходы на одном уровне. По республике мы выйдем по году на дефицит 8 процентов.

Горбачев. Это значит, вы кому-то недопоставили, в том числе в Союз.

Ельцин. То, что нам полагается в союзный бюджет, мы перечисляем. Конечно, без стабилизационного фонда.

Раевский. Из Экономического соглашения по России вытекает 34 миллиарда рублей в союзный фонд. А общая цифра — 46.

Ельцин. Как же так? У нас с вами утверждена цифра 23,4, без стабилизационного фонда. Мы рассчитываемся сейчас полностью.

Раевский. Цифра 23 — это финансирование общесоюзных программ. А всего набирается 46 миллиардов рублей.

Горбачев. Представь себе, что бюджет 250 или сколько там, и Россия только 23 миллиарда.

Ельцин. Я не знаю, сидели мы — Павлов, Силаев — у Вас в кабинете. Вы согласились.

Силаев. Задолженности нет никакой. Налог по экспорту был полностью союзный, а поскольку мы по экспорту крупно проваливаемся — на 40 процентов, то это тоже идет в недобор в бюджете. А фиксированная цифра такая. И она полностью будет выплачиваться.

Назарбаев. Мы дали всё, что у нас имелось, — 100 процентов.

Ельцин. Мы тоже дали 100. Я считаю, фиксированных.

Горбачев. Борис Николаевич, это всё несерьезно — чтобы в союзный бюджет от России только...

Ельцин. Я всегда обсуждаю с Вами вопросы серьезно.

Горбачев. 270 миллиардов рублей — и от вас 23 миллиарда? А от кого же тогда остальные?

Ельцин. Это значит, и не нужен такой Союз. О чем и речь, к чему мы и пришли.

Раевский. Дело в том, что в союзном бюджете, исходя из Закона о налогообложении, который принят Верховным Советом Союза, была учтена половина ставки — 35 процентов, половина должна была поступать в союзный бюджет. Это 19 миллиардов рублей. Россия, как вы знаете, приняла решение об одноканальном отчислении всего налога на прибыль только в республиканский бюджет. А мы к этому времени успели в союзном бюджете учесть на основе Закона, принятого Верховным Советом СССР, уже 17 процентов.

Ельцин. Нет, тут вы ошибаетесь. Мы приняли фиксированно тоже.

Горбачев. Иван Степанович — премьер российский — напоминает, что речь идет о согласованных 140 или 135.

Силаев. По подсчету с нас полагалось 160, но мы дали согласие на 139.

Горбачев. Расчеты были на 160 миллиардов, насчитали 139...

Раевский. Эта тема была и на Комитете, когда мы первый раз вели разговор. Он был достаточно острый, в отношении меня лично, хотя я как кур в ощип попал с этими делами. Но на сегодня, когда наступил ноябрь, уже всякие распри, поиски виноватого — беспред-

метны. Задача, которую мы поставили перед чрезвычайным бюджетом, — обеспечить преемственность финансирования и передачи республикам неразоренного хозяйства.

Голос. Задача невыполнимая.

Раевский. Она выполнима с точки зрения объектов, которые мы должны профинансировать. Но она разрушительная с точки зрения дележа системы, потому что это — дополнительные деньги, выпущенные в обращение. Денежная эмиссия может составить 130 миллиардов рублей.

Ельцин. Если вы будете еще брать кредит на погашение дефицита бюджета, совсем разрушите денежную систему. Она вообще не будет действовать в Союзе. Кто спросил, выпуская эмиссию? Хотя согласовали бы. У нас в Экономическом соглашении записано: выпуск эмиссии согласовывается. И в Госсовете — объем эмиссии, сроки.

Горбачев. Россия и другие республики, осуществляя свои меры и свои программы, ни разу не согласовывали их.

Раевский. Катастрофические дефициты есть и во многих других республиках. В Азербайджане он половину бюджета составляет, и, чтобы его профинансировать, они прибегают к услугам своего центрального банка. Так и Россия тоже. Центральный банк России выделил на кредитование бюджета...

Горбачев. Товарищ Герашенко, по эмиссиям скажите что-то, какой механизм действует и как получается?

Герашенко. Я бы начал с того, что можно сделать. Совершенно правильно было доложено, что у нас нет превышения расходной части, при том скрупулезном рассмотрении этих вопросов Верховным Советом. На мой взгляд, внесение чрезвычайного бюджета на IV квартал в той или иной форме, в той или иной сумме опять даст возможность новому Верховному Совету посмотреть расходную часть. Но вся проблема, как было совершенно правильно сказано, — в доходной части. Вопрос возникает: как можно финансировать дефицит бюджета?

Борис Николаевич совершенно правильно сказал, что во многих странах дефицит бюджета финансируется через выпуск казначейских векселей. Казначейские векселя обычно выпускают казначеи Министерства финансов. Это может выпускаться не только федеральным органом, но и, скажем, земельными. Вопрос возникал у нас в самом начале в законе банковском — и союзном, и республиканском. Везде решительно надо переходить на новый способ финансирования.

Но давайте с вами прагматически представим, какого рода процентную ставку должен нести вексель в наших нынешних условиях развивающейся инфляции, чтобы население (даже понимая, что министерства финансов и экономики республик останутся), как говорится, с удовольствием и добровольно скупили эти векселя. Ставка должна быть достаточно высокой. Я думаю, при том, что говорит пресса о возможной инфляции, где-то должна быть 30–40 процентов. Но откуда возьмутся эти источники, если смотреть в целом на весь бюджетный и финансовый план страны? Если у них есть деньги в сберкассе, частично, возможно, из кармана, может, купят этот вексель. С точки зрения общегосударственного бухгалтерского учета, это тот самый источник. Единственно, что здесь у нас вводится как бы контрольный орган — общественное мнение и отношение в обществе, покупает оно казначейские векселя или не покупает. Если оно перестает покупать, тогда действительно нельзя с республиканскими и с государственными расходами жить в долг, хотя все страны (или почти все страны) имеют дефицит своих бюджетов, живут в долг.

Ельцин. 3–5 процентов.

Герашенко. К национальному продукту.

Ельцин. Тогда 0,3.

Герашенко. К сожалению, у нас этот год идет так... Но дальше, видимо, мы все-таки должны иметь в виду еще следующее. В тех же самых Соединенных Штатах Америки (видимо, Вам Борис Николаевич об этом говорил) по существу финансирование дефицитных бюджетов государства шло с 1913 года по 1952-й через необходимость федеральной резервной системы покупать те обязательства, которые выпускали казначеи. И только в 52-м году — через 40 лет — им сказали: вы не обязаны покупать, вы можете покупать как метод регулирования денежной массы, но вы не обязаны...

Поэтому, на мой взгляд, мы сталкиваемся с одной простой истиной: если мы — специалисты, руководители республик-государств — видим, какие расходы на оставшееся время можно сократить (или это увидят депутаты), значит, у нас дефицит подождет. Хотя, на наш взгляд, таких возможностей за оставшиеся вот эти полтора месяца довольно мало. Мы можем не выделить деньги, скажем, Министерству обороны или оборонному комплексу. Значит, у нас возрастет просрочка кредитов, которые выданы промышленным оборонным предприятиям и тем, продукция которых уже произведена, а расчетов нет. В конце концов банки, естественно, предъявят счета с начисленными процентами, бюджету это станет еще дороже. Ну, и все-

таким бюджет их, как говорится, из общего котла, к которому имеют отношение все республики, финансирует по божеским ставкам... Поэтому, на мой взгляд, в оставшееся время другого выхода нет. Это нам позволяет существующим законом о Госбанке СССР, и нет никакого противоречия с существующими банковскими законодательствами республик.

В какой-то степени это будет решение Верховного Совета. Найдут они, что сократить — будет прекрасно. Не найдут — значит, мы, наверное, этот год должны закончить, к сожалению, с таким ужасным дефицитом. Я не думаю, чтобы Верховный Совет СССР или Верховные Советы республик в оставшееся время вдруг могут взять и принять новую налоговую ставку на прибыль. Потому что мы должны исходить из того, что у нас по сравнению с началом года счета, на которых предприятия держат средства, остатки кредитов, увеличились вдвое. Но мы в то же время должны, анализируя ситуацию, понимать, что у нас, по существу, оптовые цены выросли тоже вдвое. Поэтому в этом росте не было такого большого инфляционного заряда...

Поэтому можно обложить, может быть, предприятия в определенной степени, пока они в основном принадлежат госсектору, необходимостью купить казначейские векселя краткосрочного, скажем, годового характера. Если в то же время мы хотим очень быстро начать приватизацию, то, по существу, у тех, кто будет покупать предприятия, часть их активов (то есть денежных средств, находящихся сейчас на текущих счетах) будут вложены в казначейские векселя даже краткосрочного характера... Необходимо все эти вопросы прорабатывать, и прорабатывать согласованно, потому что за этим возникнут следующие вопросы. Республики будут выпускать казначейские векселя со своими ставками, не координируя эти ставки и время выпуска между собой...

Но я немножко, кажется, забежал вперед. Поэтому, мне кажется, выхода никакого все-таки другого нет. И это я говорю не оттого, что пытаюсь загнать членов Госсовета в какой-то угол или, как говорится, оправдать какие-то действия или, как говорит Борис Николаевич, не действия, а давление Государственного банка. К сожалению, такова ситуация.

Теперь что касается денежной эмиссии. Да, денежная эмиссия в этом году у нас растет как никогда. Эмиссия наличных денег за десять месяцев составила уже 82,6 миллиарда рублей. Этот рост объясняется тем, что у нас выросли денежные доходы за десять месяцев по сравнению с 1990 годом на 71,3 процента, причем рост доходов

квартал от квартала, месяц от месяца всё время возрастает. В то время как во втором квартале, скажем, доходы населения выросли на 60 процентов (отчасти это отставание компенсационных мер), в октябре доходы увеличились против соответствующего периода 1990 года в два с четвертью раза.

К сожалению, у нас идет отставание расходов населения, и здесь разрыв темпов увеличивается. И промышленность, и товарооборот не могут угнаться за ростом денежных доходов...

Горбачев. Когда Вы цифры называете, это всё несопоставимые вещи. Вы берете прошлый год — одно номинальное значение рубля и его наполнения, а в этом году, Вы говорите, что в два раза больше эмиссии, но это другой рубль.

Голос. Нет, это сопоставимо — цены.

Герашенко. Нет, нет, мы тут не сопоставляем. Вы знаете, я не очень согласен с теми сопоставлениями, которые делались у нас иногда в прессе, когда количество наличных денег сравнивается, скажем, с объемом товарной массы, существующей в стране, и говорят, что вот у нас товарное наполнение рубля. Во-первых, если говорить о товарном наполнении рубля, то надо брать всю денежную массу и сравнивать ее с тем экономическим потенциалом. То есть я имею в виду тут все основные средства промышленности, которые у нас есть. Так?

Горбачев. Хорошо. Как диктовалась эмиссия? Откуда?

Герашенко. Эмиссия всегда у нас согласовывалась между всеми республиками. То есть, хотя у нас кассовый план, начиная с середины прошлого года, не утверждается Кабинетом министров или Советом Министров, тем не менее любые, так сказать, кассовые планы поквартально с республиками мы обязательно согласовывали. И правление Госбанка пыталось проводить в этом случае довольно жесткую линию.

Но поскольку у нас не работают какие-либо факторы, сдерживающие рост денежных доходов, особенно на производстве, с ростом производительности труда, со снижением себестоимости, то здесь по существу нас... Предприятия имеют деньги на своих счетах. А раз они имеют деньги на своих счетах, они имеют полное юридическое право требовать оплаты того труда, который по существующим нормам будет оплачен. Здесь никакого банковского контроля Центральный банк или коммерческий банк провести не может.

Из этих 83 почти миллиардов 53 миллиарда падает на РСФСР. Называя эту цифру, я ни в коем случае не говорю какого-либо упрека. Естественно, что тот экономический потенциал и экономический

вес, который приходится на РСФСР, и дает эту цифру. Если исходить из темпов денежной эмиссии, она в РСФСР идет той же самой тропой, что и в прошлом году. Здесь никакого упрека в сторону, скажем, Центрального банка РСФСР, мы сделать не можем. То есть, чем болеет экономика всей страны, тем же болеет, естественно, экономика РСФСР. Но в то же время надо сказать, что когда идут упреки насчет того, что у нас, мол, кредитная эмиссия создает все эти проблемы, с этим согласиться нельзя.

Основные проблемы у нас две: это необузданный рост денежных доходов без связи с производством и те проблемы, которые связаны с дефицитами бюджетов — как союзного, так и республиканских. Если смотреть на чисто кредитную эмиссию, то можно сказать, что у нас кредиты в народное хозяйство за девять месяцев выросли лишь на 245 миллиардов рублей, или на 67,2 процента. То есть, если сравнивать с ростом оптовых цен, тут рост меньше, чем требовалось.

Тут радоваться, к сожалению, нечему — он связан с падением производства... Рост денежных доходов без связи с производством приводит к накачке прибыли предприятий. Они могут выплачивать зарплату, которую не позволяют существующие правила. И падение доходной базы бюджета из-за того, что, на мой взгляд, налоговая ставка, которая принята, для нашей доли явно не подходит.

Горбачев. Еще один вопрос. Вы разобрали счета на 50 миллиардов. Что это за счета, о которых контрольная палата Верховного Совета доложила?

Герашенко. Этот счет (по тем данным, которые у нас имеются) был образован постановлением правительства в 1939 году. На этот счет поступали средства при исполнении бюджетов страны и, как вы знаете, у нас дефицит бюджета был только три военных года: 1941, 1942, 1943, а потом впервые он появился только в 1968 году. Но, правда, катастрофическое состояние бюджета, острого дефицита стало идти в основном с 1982 года.

На этот счет поступали средства при исполнении союзного бюджета, то есть та экономия, которая образовывалась в течение года... Здесь можно иметь два подхода: говорить, что эта система совершенно неправильная, что весь тот плюс, который есть, должен, по существу, идти в хозяйственный центр на бюджет следующего года. Но я думаю, что те идейные установки, которые тогда существовали (наша экономика самая правильная, бюджет социалистического государства не может быть при плановой системе в дефиците), и в то же время случайные происшествия (какие-то стихийные

бедствия или необходимость, скажем, срочного вложения средств в оборонные или еще какие-то мероприятия) толкнули правительство на то, чтобы отдельными специальными решениями каждый раз этот счет создавался, и затем он постоянно пополнялся. Обычно все использования из этого счета шли по постановлениям правительства. Мы такую подборку сейчас заканчиваем.

Горбачев. А почему не докладывалось это никому и никогда?

Герашенко. Тут я должен сказать следующее. Во-первых, это никакие не секретные счета. Они существовали в балансе Банка, и не было никакого грифа секретности, хотя мы, естественно, первому или второму газетчику не сообщали и не говорили. Они в каждом годовом отчете Государственного банка фигурировали, и когда рассматривался Советом Министров и, возможно, Президиумом Совета Министров вопрос о заключительных оборотах по бюджету, я думаю, что министр финансов был обязан о такого рода операциях докладывать Кабинету министров. Было так или было не так, я судить не могу, поскольку это не наша епархия.

Горбачев. Вот первый замминистра финансов не знал об этом.

Голос. Нет, но я могу сказать, что другой заместитель министра все-таки знал, который бюджетом ведает, и начальник бюджетного управления...

Горбачев. Силаев, знал ты о таком?

Силаев. Нет, ни на одном Президиуме в течение пяти лет моей работы мы такого вопроса никогда и не слышали. *(Шум в зале.)*

Герашенко. Были, я помню, какие-то решения, когда возникал вопрос, подписывались постановления — вот эти расходы произвести не за счет текущего бюджета, а за счет средств, накопленных ранее...

Раевский. Первая запись, которую мы нашли в Минфине, — 1974 год. После этого эти счета существуют. Пункт 38 этого постановления: «Разрешить Минфину направить средства союзного бюджета в сумме 2 миллиарда 300 миллионов рублей, образовавшихся в результате перевыполнения в 1974 году плана доходов бюджета, на финансирование народного хозяйства по плану на 1975 год».

Горбачев. То, что там есть на самом деле, это, конечно, скрывали... Вроде бы образовалось при выполнении, а не то, что ведется на протяжении 50 лет. Есть закрытый счет, который никто не знает.

Раевский. Мне трудно сказать, как это произошло, но факт такой: все запасы по поступлению на счет № 214 определены постановлениями правительства. Последняя такая запись, насколько свидетельствует моя справка, была сделана в 1983 году.

Горбачев. А после этого не поступали?

Раевский. После этого на этот счет № 214 — нет...

Силаев. Но вам это неплохо, что 50 миллиардов есть.

Раевский. Сейчас на эту сумму можно сократить бюджетный дефицит.

Герашенко. Надо ли использовать эти средства? Насколько я понял, Борис Николаевич против. Я бы такое мнение поддержал. Во-первых, это заначка. У каждого рачительного хозяина она должна быть.

Горбачев. А для чего она должна быть?

Герашенко. А вот случилось стихийное бедствие...

Горбачев. А сейчас у нас какое бедствие?

Герашенко. У нас сейчас бедствие не стихийное, а экономическое.

Голос. Но экономическое бедствие сделано нашими собственными руками.

Герашенко. Михаил Сергеевич, нам так или иначе придется делить весь внутренний долг. Я не уверен, что при разделении этого госдолга всё будет разделено до копейки. Вполне возможно, какие-то суммы останутся. Ну, не можем мы на себя, на республику принять. И тогда эта сумма может быть использована так же, как и средства, скажем, от приватизации — использоваться на погашение госдолга...

Горбачев. Подождите... Вы гоняете сейчас. С одной стороны, вы ничего не предлагаете — как выйти из этой ситуации бюджетной, дефицитной, даже как увязать оставшийся четвертый квартал. А с другой стороны, так сказать, вы просто... вроде как попали и давайте, выкручивайтесь... Если речь идет о 50 миллиардах, хорошо, пусть для урегулирования всяких споров, которые могут возникнуть, 20 миллиардов оставить при разделе внутреннего долга. Но 30 можно же сюда, чтобы сократить, снять в бюджете.

Раевский. Надо оформить тогда кредитом в банке.

Горбачев. Да.

Герашенко. Это можно. Михаил Сергеевич, мы же не можем с точностью сейчас сказать, как сложится на самом деле бюджет до конца года. Если Минфин рассчитывал, что он в октябре месяце получит доходов десять миллиардов с маленьким хвостиком, а вместо десяти получил четыре, то же самое может произойти в ноябре, и то же самое может произойти в декабре. Тогда что, в конце декабря тоже выходить с какой-то новой цифрой? Или на вот такое падение законной части союзного бюджета, по решению Госсовета или, скажем, Верховного Совета, можно будет использовать часть этих

денег. Причем я не исключаю, что часть депутатов при рассмотрении этого вопроса в Верховном Совете будут говорить о том, что нужно пустить и все 50 миллиардов. Поэтому мне казалось, что тактически начинать с этого вопроса было бы неправильно.

Ельцин. Есть предложение: попросить предприятия, которые будут иметь на 1 января на своих счетах значительные суммы, чтобы они купили ценные бумаги или вложили их как угодно. Как взаимовыручка.

Герашенко. Это дефицит бюджета не уменьшит. Это просто будет другой способ финансирования, а дефицит останется. Минфин республики просто вытащат казначейские векселя, которые будут куплены.

Горбачев. Борис Николаевич говорит о другом. У них будут ограничены возможности бездумно наращивать зарплаты.

Герашенко. Если мы будем просить добровольно, они всё равно будут платить своим рабочим зарплаты, чтобы те куда-то не убежали.

Ельцин. Если хорошо обратиться — отдадут. Половину отдадут.

Горбачев. Борис Николаевич, товарищи, у меня такое предложение: на этот вопрос нам, Госсовету, должен быть внесен ответ премьерами. Пусть три дня сидят безвыездно. И пусть не ссылаются на всякие занятия. Но для этого вы должны их освободить и посадить вместе с минфинами и банками. И пусть пока этот разговор останется между нами. Если будут спрашивать, скажем: поручения даны.

Силаев. В проекте постановления пункт 3: процедура финансирования. Она осуществлялась через сегодняшние структуры: министерство, комитеты, финансовые управления. Их упразднение с завтрашнего дня, 15-го, изымает из обращения механизм финансирования. Предлагается перенести срок ликвидации с 15 ноября на 15 декабря. В крайнем случае до 1 декабря.

Ельцин. Нет.

Силаев. Иначе не у кого будет получать зарплату.

Ельцин. Есть другой выход: открыть счета ликвидационным комиссиям.

Раевский. Я не представляю, как ликвидационные комиссии, имея совершенно другие функции, будут заниматься финансированием. Их обязанность, чтобы ничего не украли...

Ельцин. А надо, чтобы в ликвидационные комиссии вошли финансисты и чтобы у них был счет.

Раевский. Финансисты завтра разбегутся. Я-то знаю, что и сегодня действует только мое товарищеское убеждение моих товарищей по работе.

Ельцин. Какое товарищеское убеждение? Просто мы, по-товарищески, пока не закрыли счета.

Раевский. Нет. Есть лишь чувство долга и чувство товарищеской ответственности. Ко мне приходили другие заместители министров, все до одного. Они уже имеют другие возможности для начала работы.

Ельцин. Мы предупреждали с 1 ноября.

Раевский. У меня за два месяца не истрачена зарплата. Ее некуда тратить.

Горбачев. Что Вы предлагаете?

Раевский. То же, что Иван Степанович.

Горбачев. Так что — весь аппарат будет работать на «нет»? Мы можем взять какую-то структуру. Пусть финансовое управление остается. Они должны работать.

Ельцин. С ликвидационной комиссией.

Раевский. Они всё равно должны работать под маркой министерства. Распорядителем кредитов является министр или его полномочный зам.

Ельцин. Это — подпольный канал.

Горбачев. Правоохранительный какой-то орган...

Ельцин. В соответствии с соглашениями, которые и будут подписаны. А МЭК — структура чисто экономическая. И тогда департаменты не нужны. А то сколько там нагородили.

Горбачев. Тогда только те департаменты, которые нужны. В ограниченном виде. Правительство — как исполнительный орган. А МЭК — это экономика. И можно председателя МЭК сделать первым заместителем Председателя правительства. Уловили схему?

Ельцин. Уловили. Но каким документом мы должны сейчас создать Совет глав правительств? Если вот только здесь записать. У нас другого выхода нет.

*Печатается по тексту стенограммы:
РГАНИ. Фонд № 121. Опись № 3.
Дело № 117. Л. 72–144.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Проект

ДОГОВОР о Союзе Суверенных Государств

Государства, подписавшие настоящий договор, исходя из провозглашенных ими деклараций о государственном суверенитете и признавая право наций на самоопределение;

учитывая близость исторических судеб своих народов и выражая их волю жить в дружбе и согласии, развивая равноправное взаимовыгодное сотрудничество;

заботясь об их материальном и духовном развитии, взаимообогащении национальных культур, обеспечении общей безопасности;

желая создать надежные гарантии прав и свобод граждан;

решили на новых началах создать Союз Суверенных Государств и договорились о нижеследующем.

I. Основные принципы

Первое. Каждая республика — участник договора — является суверенным государством. Союз Суверенных Государств (ССГ) — конфедеративное демократическое государство, осуществляющее власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники договора.

Второе. Государства, образующие Союз, сохраняют за собой право на самостоятельное решение всех вопросов своего развития, га-

рантируя равные политические права и возможности социально-экономического и культурного прогресса всем народам, проживающим на их территории. Участники договора будут исходить из сочетания общечеловеческих и национальных ценностей, решительно выступать против расизма, шовинизма, национализма, любых попыток ограничения прав народов.

Третье. Государства, образующие Союз, считают важнейшим принципом приоритет прав человека в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, другими общепризнанными нормами международного права. Всем гражданам гарантируются возможность изучения и использования родного языка, беспрепятственный доступ к информации, свобода вероисповедания, другие политические, социально-экономические, личные права и свободы.

Четвертое. Государства, образующие Союз, видят важнейшее условие свободы и благосостояния своих народов и каждого человека в формировании гражданского общества. Они будут стремиться к удовлетворению потребностей людей на основе свободного выбора форм собственности и методов хозяйствования, развития общесоюзного рынка, реализации принципов социальной справедливости и защищенности.

Пятое. Государства, образующие Союз, самостоятельно определяют свое национально-государственное и административно-территориальное устройство, систему органов власти и управления. Они признают общим фундаментальным принципом демократию, основанную на народном представительстве и прямом волеизъявлении народов, стремятся к созданию правового государства, которое служило бы гарантом против любых тенденций к тоталитаризму и произволу.

Шестое. Государства, образующие Союз, считают одной из важнейших задач сохранение и развитие национальных традиций, государственную поддержку образования, здравоохранения, науки и культуры. Они будут содействовать интенсивному обмену и взаимообогащению гуманистическими духовными ценностями народов Союза и всего мира.

Седьмое. Союз Суверенных Государств выступает в международных отношениях в качестве суверенного государства, объекта международного права — преемника Союза Советских Социалистических Республик. Его главными целями на международной арене являются прочный мир, разоружение, ликвидация ядерного и другого оружия массового уничтожения, сотрудничество госу-

дарств и солидарность народов в решении глобальных проблем человечества.

Государства, образующие Союз, являются субъектами международного права. Они вправе устанавливать непосредственные дипломатические, консульские связи, торговые и иные отношения с иностранными государствами, обмениваться с ними полномочными представительствами, заключать международные договоры и участвовать в деятельности международных организаций, не ущемляя интересы каждого из государств, образующих Союз, и их общие интересы, не нарушая международные обязательства Союза.

II. Устройство Союза

Статья 1. Членство в Союзе

Членство государств в Союзе является добровольным.

Участниками настоящего договора являются государства, непосредственно образующие Союз.

Союз открыт для вступления в него других демократических государств, признающих договор. Принятие в Союз новых государств осуществляется с согласия всех участников настоящего договора.

Государства, образующие Союз, сохраняют право свободного выхода из него в порядке, установленном участниками договора.

Статья 2. Гражданство Союза

Гражданин государства, входящего в Союз, является одновременно гражданином Союза Суверенных Государств.

Граждане Союза имеют равные права, свободы и обязанности, закрепленные законами и международными договорами Союза.

Статья 3. Территория Союза

Территория Союза состоит из территорий всех государств — участников договора.

Союз гарантирует нерушимость границ государств, которые в него входят.

Статья 4. Отношения между государствами, образующими Союз

Отношения между государствами, образующими Союз, регулируются настоящим договором, а также другими, не противоречащими им договорами и соглашениями.

Государства — участники договора строят свои взаимоотношения в составе Союза на основе равенства, уважения, суверенитета,

невмешательства во внутренние дела, разрешения споров мирными средствами, сотрудничества, взаимопомощи, добросовестного выполнения обязательств по настоящему договору и межреспубликанским соглашениям.

Государства, образующие Союз, обязуются: не прибегать в отношениях между собой к силе и угрозе силой; не посягать на территориальную целостность друг друга; не заключать соглашений, противоречащих целям Союза или направленных против других государств — участников договора.

Обязательства, перечисленные в настоящей статье, распространяются на союзные (межгосударственные) органы.

Статья 5. Вооруженные Силы Союза

Союз Суверенных Государств имеет единые Вооруженные Силы с централизованным управлением.

Цели, назначение и порядок использования единых Вооруженных Сил, а также компетенция государств — участников договора в сфере обороны регулируется соглашением, предусмотренным настоящим договором.

Государства — участники договора вправе создавать республиканские вооруженные формирования, функции и численность которых определяются указанным соглашением.

Не допускается использование Вооруженных Сил Союза внутри страны, за исключением их участия в ликвидации последствий стихийных бедствий, экологических катастроф, а также случаев, предусмотренных законодательством о чрезвычайном положении.

Статья 6. Сфера совместного ведения государств — участников договора и многосторонние соглашения

Государства — участники договора образуют единое политическое и экономическое пространство и основывают свои отношения на закрепленных в настоящем договоре принципах и предоставляемых им преимуществах. Отношения с государствами, не входящими в Союз Суверенных Государств, основываются на общепризнанных нормах международного права.

В целях обеспечения общих интересов государств — участников договора устанавливаются сферы совместного ведения и заключаются соответствующие многосторонние договоры и соглашения:

- об экономическом сообществе;
- о совместной обороне и коллективной безопасности;
- о выработке и координации внешней политики;

- о координации общих научно-технических программ;
- о защите прав человека и национальных меньшинств;
- о координации общих экологических программ;
- в области энергетики, транспорта, связи и космоса;
- о сотрудничестве в области образования и культуры;
- по борьбе с преступностью.

Статья 7. Полномочия союзных (межгосударственных) органов

Для реализации общих задач, вытекающих из договора и многосторонних соглашений, государства, образующие Союз, делегируют союзным органам необходимые полномочия.

Государства, образующие Союз, участвуют в реализации полномочий союзных органов посредством их совместного формирования, а также специальных процедур согласования решений и их исполнения.

Каждый участник договора может путем заключения соглашения с Союзом дополнительно делегировать ему осуществление отдельных своих полномочий, а Союз, с согласия всех участников, передать одному или нескольким из них осуществление на их территории отдельных своих полномочий.

Статья 8. Собственность

Государства — участники договора обеспечивают свободное развитие, защиту всех форм собственности

Государства — участники договора передают в распоряжение органов Союза имущество, необходимое для осуществления возложенных на них полномочий. Это имущество является совместной собственностью государств, образующих Союз, и используется исключительно в их общих интересах, включая ускоренное развитие отстающих регионов.

Использование земли, ее недр и других природных ресурсов государств — участников договора для реализации полномочий союзных органов осуществляется в соответствии с законодательством этих государств.

Статья 9. Бюджет Союза

Порядок финансирования государственного бюджета и контроля за его расходной частью устанавливается особым соглашением.

Статья 10. Законы Союза

Конституционной основой Союза Суверенных Государств являются настоящий договор и Декларация прав и свобод человека.

Законы Союза принимаются по вопросам, отнесенным к ведению Союза, и в пределах полномочий, переданных ему настоящим договором. Они обязательны для исполнения на территории всех государств — участников договора.

Государство — участник договора в лице его высших органов власти вправе опротестовать и приостановить действие на своей территории закона Союза, если он нарушает настоящий договор.

Союз в лице его высших органов власти вправе опротестовать и приостановить действие закона государств — участников договора, если он нарушает настоящий договор.

Споры решаются посредством согласительных процедур либо передаются в Верховный суд Союза, который принимает окончательное решение в течение одного месяца.

III. Органы Союза

Статья 11. Формирование органов Союза

Органы Союза Суверенных Государств, предусмотренные настоящим договором, формируются на основе свободного волеизъявления народов и полноправного представительства государств, образующих Союз.

Организация, полномочия и порядок деятельности органов власти, управления и правосудия устанавливаются соответствующими законами, не противоречащими настоящему договору.

Статья 12. Верховный Совет Союза

Законодательную власть Союза осуществляет Верховный Совет Союза, состоящий из двух палат: Совета Республик и Совета Союза.

В Совет Республик входят по 20 депутатов от каждого государства, образующего Союз, делегируемых их высшими органами власти.

РСФСР имеет в Совете Республик 52 депутата. Другие государства — участники договора, имеющие в своем составе республики и автономные образования, дополнительно делегируют в Совет Республик по одному депутату от каждой республики и автономного образования. В целях обеспечения суверенитета государств — участников договора и их равноправия — при голосовании в Совете Республик применяется правило консенсуса.

Совет Союза избирается населением Союза по избирательным округам с равной численностью избирателей. При этом гарантируется представительство в Совете Союза всех государств — участников договора.

Палаты Верховного Совета Союза совместно принимают в состав Союза новые государства, заслушивают Президента Союза по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики Союза, утверждают союзный бюджет и отчет о его исполнении; объявляют войну и заключают мир.

Совет Республик принимает решения об организации и порядке деятельности органов Союза Суверенных Государств, рассматривает вопросы отношений между республиками, ратифицирует и денонсирует международные договоры Союза; дает согласие на назначение правительства Союза.

Совет Союза рассматривает вопросы обеспечения прав и свобод граждан и принимает решения по всем вопросам компетенции Верховного Совета за исключением тех, которые относятся к компетенции Совета Республик.

Законы, принятые Советом Союза, вступают в силу после одобрения Советом Республик.

Статья 13. Президент Союза

Президент Союза — глава конфедеративного государства.

Президент Союза выступает гарантом соблюдения договора о Союзе Суверенных Государств и законов Союза; является главнокомандующим Вооруженными Силами Союза, представляет Союз в отношениях с зарубежными государствами, осуществляет контроль за выполнением международных обязательств Союза.

Президент Союза избирается гражданами Союза в порядке, установленном законом, сроком на пять лет и не более чем на два срока подряд.

Статья 14. Вице-президент Союза

Вице-президент Союза избирается вместе с Президентом Союза. Вице-президент Союза выполняет по уполномочию Президента Союза отдельные его функции.

Статья 15. Государственный совет Союза

Государственный совет Союза создается для согласованного решения наиболее важных вопросов внутренней и внешней полити-

ки, затрагивающих общие интересы государств — участников договора.

Государственный совет состоит из Президента Союза и высших должностных лиц государств — участников договора. Работой Государственного совета руководит Президент Союза.

Решения Государственного совета носят обязательный характер для всех органов исполнительной власти.

Статья 16. Правительство Союза

Правительство Союза является органом исполнительной власти Союза, подчиняется Президенту Союза, несет ответственность перед Верховным Советом Союза.

Правительство Союза возглавляется премьер-министром. В состав правительства входят главы правительств государств — участников договора, Председатель Межгосударственного экономического комитета (первый заместитель премьер-министра), заместители премьер-министра и руководители ведомств, предусмотренных соглашениями между государствами — участниками договора.

Правительство Союза формируется Президентом Союза по согласованию с Советом Республик Верховного Совета Союза.

Статья 17. Верховный суд Союза

Верховный суд Союза принимает решения по вопросам соответствия законов Союза и законов государств — участников договора настоящему договору и Декларации прав и свобод человека; рассматривает гражданские и уголовные дела межгосударственного характера, включая дела по защите прав и свобод граждан; является высшей судебной инстанцией по отношению к военным судам. При Верховном суде Союза создается прокуратура, осуществляющая надзор за исполнением законодательных актов Союза.

Порядок формирования Верховного суда Союза определяется законом.

Статья 18. Высший арбитражный суд Союза

Высший арбитражный суд Союза разрешает экономические споры между государствами — участниками договора, а также споры между предприятиями, находящимися под юрисдикцией различных государств — участников договора.

Порядок формирования Высшего арбитражного суда определяется законом.

IV. Заключительные положения

Статья 19. Язык межнационального общения в Союзе

Участники договора самостоятельно определяют свой государственный язык (языки). Языком межнационального общения в Союзе государства — участники договора признают русский язык.

Статья 20. Столица Союза

Столицей Союза является город Москва.

Статья 21. Государственная символика Союза

Союз имеет Государственный герб, флаг и гимн.

Статья 22. Порядок изменения и дополнения договора

Настоящий договор или отдельные его положения могут быть отменены, изменены или дополнены только с согласия всех государств, образующих Союз.

Статья 23. Вступление договора в силу

Настоящий договор одобряется высшими органами власти государств, образующих Союз, и вступает в силу после его подписания их полномочными представителями.

Для государств, его подписавших, с той же даты считается утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года.

Статья 24. Ответственность по договору

Союз и государства, его образующие, несут взаимную ответственность за выполнение принятых обязательств и возмещают ущерб, причиненный нарушениями настоящего договора.

Статья 25. Преемство Союза

Союз Суверенных Государств является правопреемником Союза Советских Социалистических Республик. Правопреемство осуществляется с учетом положений статей 6 и 23 настоящего договора.

*Печатается по тексту публикации
в газете «Правда», 27 ноября 1991 года.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Заседание Государственного совета СССР
(вторая часть)
25 ноября 1991 года

Выступление Б.Н Ельцина

Ельцин. Да, я хотел с учетом присутствия здесь очень узкого круга сказать, что, детально обсудив несколько дней назад еще раз весь пакет реформ, приняв уже 14 из этих постановлений и указов Президента, [мы решили] с 1 декабря уже начинать их реализацию. Хотелось бы согласовать, в основном конечно, время, когда надо будет отпустить цены — и оптовые, и розничные. Конечно, для этого должна быть проведена большая работа, и она проводится. Это и консолидация бюджетов России и Союза, и налоговая реформа. Это цены и социальная компенсация, то есть это такая социальная защита — упреждающая — малоимущих. Это реформа регулирования внешнеэкономической деятельности. Мы приняли решение о либерализации внешнеэкономической деятельности, максимальной причем либерализации. Это и такие же возможности стабилизации экономики в этот период. Имеются просчитанные варианты, в том числе текущие задачи на зимний период. Это устранение диспропорций в финансовых потоках в связанных с этим республиках, цены, компенсации. В общем работа идет очень большая.

Мы вводим вот эту социальную защиту, которая включает в себя: первое, минимальную заработную плату, минимальную пенсию, стипендию, различные, кроме стипендий, дотации. Дальше увеличиваем зарплату в два раза в бюджетных организациях. То есть это здравоохранение, народное образование, органы внутренних дел.

После того как очень долго советовались, мы также решили, что нам нельзя уходить от этого вопроса, — в два раза повысить денежное довольствие военнослужащих. Причем с учетом того, что у нас все-таки, действительно, должен быть консолидирующий бюджет, мы берем на себя денежное довольствие всей армии, всех военнослужащих, не только расположенных на территории России, увеличивая объемы военного довольствия так же, как и заработную плату в бюджетной сфере, в 1,9 раза с декабря, а у военных — с 1 января.

Дальше. Мы отпускаем с 1 декабря заработную плату вообще, то есть верхнего потолка не будет. Будет так называемая рыночная заработная плата, которая зависит от того, как предприятие работает и вместе с профсоюзом устанавливает определенный потолок, то есть не потолок, а определенную заработную плату на какой-то период.

Дальше мы сняли ограничения по фонду потребления и не устанавливали его предприятиям, опять-таки предприятия сами решают. Дальше система натуральной выдачи. Она связана с гуманитарной помощью со стороны государства. Мы конкретно сейчас создали специальный комитет по гуманитарной помощи и его отделения в наиболее трудных, опасных точках России, где возможно массовое...

Горбачев. Это комитет как государственная структура?

Ельцин. Да. В государственной структуре. А кроме этого еще так называемые общественные комитеты честных людей, которые как бы еще ведут контроль и за этим. Мы вступили сейчас в конкретные контакты со странами, такими как Япония, Германия, Франция. Определяется объем и точки, и договорились с военными, что вся транспортная авиация будет задействована на эти цели. И чтобы не в Москве нам сосредотачивать все вот эти продовольственные ресурсы, а именно в таких точках, как Урал, Кузбасс.

Горбачев. В пределах расписанных российских квот?

Ельцин. Да, конечно, в пределах квот.

Горбачев. И кроме того, что сами еще найдете.

Ельцин. Да, да. Безусловно. Мы так и договорились, что страны будут расписаны. Ну а мы, кроме этого, еще в Канаде, скажем, отдельно закупили часть зерна и других продуктов, на Тайване, в других странах. Ну это уже помимо квоты.

Гуманитарная помощь (вот я особенно сейчас почувствовал в Германии) может быть значительной, потому что этот процесс идет снизу. Этот процесс идет не какими-то законами, постановле-

ниями, скажем, в Германии, а это просто бросили клич руководители — и Коль, и Вайцзеккер, и другие. И народ откликается очень хорошо, так сказать, уже сейчас. Вот, говорят: там 12 тысяч тонн уже лежит продуктов, вот там — столько и вот там — столько. То есть уже сейчас только организация переброски вот этих продуктов питания. Всё это требует очень жесткой системы бюджетной. На сегодня по расчету у нас получается 20 процентов дефицит бюджета. Его, конечно, от союзного сейчас невозможно как-то разделять, поскольку вы понимаете бюджетную систему республик, понятно, что Россия значительно большую долю несет на себе. Этот бюджет, конечно, должен быть действительно консолидирующим. При жесткой системе бюджета и доведении хотя бы расчетного дефицита бюджета до 10–14 процентов мы считаем, что можно было бы (это и по опыту других стран мира)...

Горбачев. Валового?

Ельцин. Валового. Можно было бы переходить на свободные цены с 16 декабря. Конечно, это тяжелый шаг. Одно дело — критиковать руководство, а другое дело уже вступать как бы в конфликт с людьми, поскольку жизнь будет, конечно, ухудшаться. Наш основной принцип и расчет такой, что период роста цен будет продолжаться примерно шесть месяцев. Если мы укладываемся в шесть месяцев, то всё, за исключением, может быть, некоторых точек, народ может выдержать. В течение всего вот этого повышения цен, эта кривая — рост цен и оптовых, и розничных — может быть в 3–5 раз выше. Но ни в коем случае нельзя проводить денежную реформу именно в период вот этого роста. Денежная реформа должна быть проведена в переходе этой кривой на горизонталь, ну а потом уже и на некоторое снижение цен. Но это уже к осени следующего года.

Горбачев. Тем более, всё равно для реформы нужно шесть месяцев подготовки.

Ельцин. Да, безусловно. Что нас беспокоит? Прежде всего нас беспокоит — удастся ли нам удержаться на общем рублевом денежном рынке. Что если (а сейчас всё больше и больше финансистов, специалистов приходят к такому мнению), допустим, Украина вводит свою валюту (Прибалтика уже ввела свою денежную единицу), то рублевая интервенция в Россию будет такова, что сметет вообще всё. И нам не удержаться тогда. И тогда придется давать обратный ход. То есть нам нужно всячески удержать сейчас Украину от этого и для них, я бы сказал, недостаточно продуманного шага. Он потом и по ним ударит очень тяжело. Но они далеко пошли сейчас. Они переходят на купоны. Это, кстати, тоже будет нелегко и россиянам,

и Белоруссии, и всем другим соседям Украины. Но если переход на уже новые знаки, тогда надо будет делать обратный ход.

Горбачев. В общем, нужна договоренность.

Ельцин. Да, нужна договоренность. Причем, вы знаете, они так вот официально вроде и не говорят, что — нет, купоны и всё. А на самом деле (нам это сейчас через разведку стало известно), что, в общем, они заказ сделали и деньги начинают печатать. Это будет одно из главных серьезных препятствий, потому что есть в мире страны, которые на эту реформу так же разом переходили с третьего захода. С одного не получалось. Только раз — встретятся с недовольством людей и так далее, и откат назад; со второго — откат назад, с третьего, например, в Бразилии. Ну а другие, как, допустим, Мексика, она сразу пошла нормально. Через два-три месяца уже было падение цен. Болгария — хорошо, Чехословакия — неплохо.

Я вот как раз был сейчас на одной земле бывшей Восточной Германии, ГДР — это Бранденбургская земля, поизучал. Они же тоже сейчас встретились с такими же проблемами. Ну, им проще, поскольку у них нет вопросов по денежной единице, потом, у них огромная помощь оказывается западной частью Германии. Но и то они встретились с такими трудностями, которых, ну в общем, они не ожидали. Вот эта проблема.

Дальше. Проблема изменения налоговой системы. Анализ законов по налогообложению, которые приняты Союзом, Россией, показал, что эта система сейчас на такой переход к экономическим реформам не годится, и требует серьезной коррекции сам Закон о налогах. Надо вводить налоги на добавочную стоимость. Ну, коротко говоря, там ряд таких моментов, что надо законы менять. Изменить законы можно достаточно быстро, по крайней мере в декабре месяце. Но там же не только закон изменить, а должна быть очень разветвленная налоговая система, налоговая комиссия специальная. Мы ее сейчас в принципе создали, приняли соответствующее решение. Но сейчас нужны кадры. Кадры там должны быть надежные, хорошо оплачиваемые. Сразу, конечно, мы эту налоговую систему полностью на всю Россию не создадим.

Дальше. Мы имеем в виду с точки зрения социальной защиты натуральные выплаты, особенно тем, кто совсем нище живет. И хотим удержаться при всем росте цен на 2/3, но не просто потребительской корзины, а минимальной потребительской корзины. Это то, что, возможно, сегодня у нас есть: при всем росте цен удержаться на 2/3 потребления от сегодняшнего положения. Вот в эти шесть месяцев, которые...

Горбачев. На одну треть, вы считаете, произойдет снижение жизненного уровня по сравнению с сегодняшним?

Ельцин. По сравнению с сегодняшним. А сегодня у нас, если считать официально, 2/3 практически живет ниже этой черты бедности.

Горбачев. Две трети?

Ельцин. Ну, если считать официально, то это — пятьсот с лишним рублей. Мы рассчитываем, если вот эти 2/3, то можно было бы тогда все-таки как-то удержать народ от массовых больших недовольств. Хотя, я говорю, что в отдельных регионах это, видимо, не удастся. Очень важно, когда этот указ опубликовать. Ну до него у нас еще будет примерно около десятка решений.

Горбачев. Вы имеете в виду указ о ценах?

Ельцин. О либерализации цен. У нас, кроме 14, еще десяток — система работы промышленности и так далее. В общем, там много различных постановлений и указов, и они должны быть до 16-го числа (*декабря*). Торговая сеть считает, что им двое суток достаточно будет для того, чтобы провести переоценку и так далее. Короче говоря, если 16-го числа, то можно было бы в пятницу вечером по телевидению, а в субботних газетах уже дать. А 16-е — это понедельник. Сейчас разъехались у нас группы по России рассказывать, что это такое. Я выступил по телевидению, потом сейчас члены правительства выступают и в газетах, и по телевидению, и разъехались по местам специалисты, которые занимаются разработкой программы, чтобы объяснить людям, что это такое. Вот там и немцы, и болгары, и чехи говорят, что если хорошо людям объяснить... Вот болгары, допустим, обошлись, даже ни одной забастовки не было. Хотя цены росли у них три месяца. Выросли в три раза. Они социально защищали малоимущих. Примерно так же, как мы. И так постоянно работая с народом, они все-таки удержались от всплесков.

Конечно, решение это очень трудное, тяжелое для нас. Понимаем, что мы на себя навлекаем очень большой поток критики и так далее. Но, наверное, это можно как-то выдержать, должно хватить мужества, потому что сколько приходилось сейчас разговаривать с экономистами, специалистами и политиками, руководителями государств, все считают, что другого выхода нет. Это последний наш шанс. Нет другого шанса. Мы не выживем, даже зиму, считай, не выживем, если мы не пойдем на такой шаг.

Конечно, мы имели в виду с республиками безусловно скоординировать действия и, главное, договориться о едином числе перехода на свободные цены. Потому что иначе мы просто друг у друга

отсосем, так сказать, товары. Я буду договариваться как-то с Украиной и Вас прошу, Михаил Сергеевич, их предостеречь...

Горбачев. Фокин не приехал? Не отпустили? Вчера на эту часть приглашали. Пригласим, Борис Николаевич.

Ельцин. Сомнения такие вызывает, что они ведут немножко, может быть, такую политику...

Что еще? Я твердо заявил, что мы это дело уже осуществляем: с теми республиками, которые не подписывают политический Договор, мы немедленно, с 1 декабря, переходим на расчеты по мировым ценам.

Горбачев. С 1 декабря?

Ельцин. С 1 декабря. Ну, с учетом того, что сегодня договорились, что договор может быть в течение декабря, то, может быть, с 1 января.

Горбачев. Чтобы не ломать. Год заканчивается.

Ельцин. Может быть, да. Хотя мы перешли с Молдовой, мы перешли с Прибалтикой, по крайней мере, по части продукции. С Украиной мы сделали расчеты. Расчеты показывают, что Украина сразу теряет примерно 10–12 миллиардов долларов при переходе в расчеты с нами по мировым ценам на валюту.

Голос. Это разница.

Ельцин. Да, разница. То есть им, конечно, не выдержать такую разницу. Ну, пошли на то, что мы им снизили, на следующий год снижаем поставку нефти. Вместо 50–52 миллионов мы даем 40 миллионов. Но расчет все-таки пока вот такой. Подписываете политический Договор, тогда, пожалуйста, мы можем вернуться.

Горбачев. Долго мы искали это слово — преимущества. Записали фразу, слово.

Ельцин. Да, да. Потом мы хотим, конечно, упорядочить и наши внутренние расчеты с республиками, которые входят сейчас в Союз, особенно, скажем, на нефть, газ. Вот такие сырьевые ресурсы, потому что нельзя сегодня работать, когда, действительно, стоимость нефти дешевле стоимости воды.

Но мы должны с вами договориться вместе с Иваном Степановичем (*Силаевым*) установить единую какую-то [стоимость]. Причем хотелось бы, может быть, это сделать прямо даже с 1 декабря, не дожидаясь 1 января, чтобы нам какой-то для бюджета немножко тут в этом плане навар иметь...

Горбачев. Борис Николаевич, Вы не коснулись, когда о ценах говорили, что часть будет...

Ельцин. Я сейчас как раз к этому перехожу. Мы имеем в виду, что на часть товаров останутся все-таки государственные фиксированные цены — примерно на 15 различных материалов, продуктов, товаров. Что сюда входит? Это нефть, уголь, сланцы, топливо всех видов. Из продуктов питания — молоко. Мы так записали: «некоторые виды хлеба», то есть дифференцированно, скажем, хлеб. Его закупочную стоимость, безусловно, сделать рыночной, а розничную цену хлеба — часть сортов отпустить на рынок, а часть сделать стабильной, может быть, даже по карточкам, но стабильную, чтобы мог самый-самый нищий все-таки хлеб иметь.

Горбачев. Чтобы одновременно шли и рынок, но и защита.

Ельцин. Мы такое опробовали на Москве. Подняли цены там до 3–4 рублей, и одновременно два сорта всё время держали, по карточкам хлеб был. И мы сбили волну очередей именно за счет этого.

Я там перечислил молоко, некоторые виды хлеба, дальше соль, спички, детское питание, водка.

Горбачев. Правильно, правильно. Хлеб и водка — это одно и то же.

Ельцин. А как же? Это очень важно.

Горбачев. Кое-кто хлеб не ест, а водку...

Ельцин. Это очень важно. Другое дело, что, конечно, цена была поднята разово, но не во столько раз, во сколько она повысится при свободных ценах. Будет государственно фиксированная цена.

Может быть, я что-то упустил из товаров, но я готов прямо официально вам направить и, конечно, прошу согласиться и согласованно действовать в отношении сроков перехода на свободные цены.

Главная опасность у нас сейчас — это Украина, это новая валюта Украины. Я думаю, что в этом году к этому не придут, технически не готово пока еще. Хотя дело там идет, но, видимо, в следующем году могут это провести. Для этого нам надо серьезно готовиться. Мы на территории России фабрику «Гознак» взяли в свою собственность как обычное предприятие. А то, что, допустим, союзные органы захотят там заказывать, пожалуйста, пусть заказывают. На предприятии будет государственный заказ. Ну, соответствующая, конечно, роль... Эмиссия будет совместно с МЭК.

Горбачев. По регулированию оптовых цен что-нибудь?

Ельцин. Нет. Это всё. О регулировании я сказал уже. Я сказал — нефть, уголь и так далее — это оптовые цены. А о розничных ценах я не сказал. Керосин, бензин тоже не будет свободно. А может быть, цена вырастет, но будет государством фиксированной.

Голос. Борис Николаевич, а денежные знаки при этом у вас увеличатся или уменьшатся?

Ельцин. Сейчас я скажу. У нас всего пять фабрик денежных знаков, одна — на Украине, четыре — в России. Денежная масса, конечно, в обороте возрастет.

Горбачев. Тут автомат срабатывает.

Ельцин. И нам придется здесь идти на это дело... Как следует не занимались, но у нас есть возможности ввести дополнительные мощности на 200 миллиардов рублей, но всё равно это не покрывает. Общая масса денег должна быть около одного триллиона.

Голос. На республиках, главное, не отразится? Не ощутим мы?

Ельцин. Нет, я говорю, что это, видимо, всё равно с точки зрения объемов, которые может дать денежная эмиссия, к сожалению, действительно с нами никто не согласовывал. Это шло автоматом, но автоматом таким это не должно быть. Это все-таки объемы денежных знаков должны как-то между республиками [согласовываться] или мэковский комитет... Это слишком серьезный вопрос. Главы государств должны между собой определять.

Силаев. С учетом 500-рублевых купюр Госбанк считал, что с массой можно справиться.

Ельцин. Мы имеем в виду, что вплоть до 5000 купюры. Потом — переход на ценные бумаги. Мы сейчас уже пошли довольно смело на ценные банковские бумаги. Потом сам объем товарной массы, знаете, он все-таки нас будет ограничивать, объем очень большой денег в обращении. Сначала, видимо, вырастет, а потом он должен как-то стабилизироваться. Но это тоже через несколько месяцев. Конечно, всех, кто более-менее нормально проходил этот процесс... Кстати, я говорю: никто не сказал, что это надо опять постепенно. Сейчас это просто невозможно.

Горбачев. Нет, уже всё исчерпано.

Ельцин. Да, сейчас невозможно. Все-таки они проходили до пика два-три месяца обычно. Два-три месяца до роста цен до определенного пика, а дальше — горизонталь. Когда горизонталь идет, то есть достаточен уровень цен, он уже не повышается. Он не требует добавочных денег.

Голос. Они же вводили цены более-менее нормально?

Ельцин. Нет, нет, что вы. Ни в Болгарии, ни в Чехословакии — ни товаров по карточкам... Конечно, у нас более глубокий кризис и более в рискованной зоне мы осуществляем, но у нас другого выхода нет.

Мы, например, решаем это все — и правительство, и Григорий Алексеевич (*Явлинский*) здесь принимал участие в обсуждении — концепция одна и та же. Тут каких-то новых, совершенно оригинальных поворотов нет, но основа — на укрепление всей налоговой и кредитно-финансовой, денежной системы, создание широкой сети банков. У нас их сейчас около полутора тысяч только коммерческих, не говоря о государственных банках.

Горбачев. Борис Николаевич, еще вопрос относительно прикидки возможного спада производства.

Голос. Какие-то меры смягчающие...

Ельцин. Специальные меры есть и специальное постановление, которое я должен завтра подписать...

Горбачев. Стимулирование производителя.

Ельцин. Да, да, примерно вот так. О работе промышленности и так далее.

Горбачев. Именно.

Голос. А антиинфляционные меры?

Ельцин. Тоже предусмотрены.

Горбачев. С конвертируемостью рубля это что — решение, указ, уже реакция какая?

Ельцин. Нормальная пока реакция, пока совсем плохо не будет, как-то народ будет выдерживать. Если на грани голода, тогда, конечно, начнутся волнения.

Лубенченко. Борис Николаевич, Вы там обратили внимание на один момент. Он, наверное, важный, да? Пропаганда и создание соответствующего настроя по аргументации этих мер, о которых Вы говорите.

Ельцин. Да.

Лубенченко. Но в настоящий момент у меня такое ощущение, что нет нормальной аргументации, и не очень-то пресса выступает с позитивной точки зрения. А до 16-го числа осталось не очень много.

Ельцин. Да, но мы хотели просто специально уменьшить этот разрыв по времени, чтобы зря ажиотажа такого не было. А сейчас мы вот эту работу разворачиваем. Человеку трудно аргументировать, что «будешь жить хуже». Но аргументация такая есть финансистов, экономистов, что другого выхода у нас нет.

Голос. Последний шанс, последний шаг.

Каримов. А как простому рабочему видеть? Нас-то убедить можно. А как простого человека убедить?

Ельцин. Ну вот болгары за два месяца примерно начали эту пропагандистскую работу. Открыто стали говорить. Причем они пошли даже на то, что за два месяца объявили уже число. И стали с народом говорить. Ну, эта система у них была и раньше. Они, когда были случаи повышения цен, это объявляли заранее. И потом уже начинали с народом работать.

Каримов. Борис Николаевич, скажите, а вот Вам не кажется, что лучше бы разделить весь процесс этот на какие-то этапы? Я имею в виду, не показав народу, что защищаете интересы наиболее уязвимых слоев населения, не разработав этот механизм... Вам не кажется, что произойдет такой навал, ну, как снежный ком. Одно на другое, и удержать обстановку будет очень трудно.

Ельцин. Надо было начинать четыре года назад, если по классике. А у нас сейчас времени для классики уже нет. Понимаете? Мы только упреждающую немножко социальную защиту делаем на месяц.

Каримов. Вот это главный вопрос.

Ельцин. На месяц. Нет, у нас всё разработано и приняты все решения.

Каримов. Так вы же 15-го числа уже повышаете, а система защиты еще не работает.

Ельцин. А с 1 декабря мы зарплату повышаем.

Каримов. Но они же еще не получили.

Ельцин. Не получили, но они решение знают. Решение напечатано, и указы, и постановления.

Каримов. Я не в порядке критики, я просто задаю вопрос.

Ельцин. Я понимаю, я Вам отвечаю.

Каримов. Этот риск не является очень большим?

Ельцин. Риск есть, это да. Но, наверное, мы все-таки не пошли, если бы не верили, что мы можем выиграть.

Каримов. В конечном итоге.

Ельцин. В конечном итоге. Ну а сейчас бездействовать преступно просто. То, что мы потеряли этот год, прошлый год, сейчас уже ставит нас в такие условия, что... Смотрите, программа «500 дней» была — разрушили, еще программа — нет, еще программа — нет. И вот два года ходим-ходим вокруг этого. Сейчас уже всё, сейчас у нас обратного хода нет. Я говорю, что мы уже идем по узенькой тропиночке по краю ущелья, одна нога уже болтается.

Голос. Вот такой вопрос. Конечно, уже жизнь приперла, отступать некуда. Но вот Вы говорите, что готовите или готов уже у Вас

указ, который предусматривает антимеры, чтобы в условиях освобождения цен не упал физический объем производства, и какие-то антиинфляционные меры, которые прекратили бы всплеск инфляции или смягчили ее. Не могли бы Вы, скажем, раздать нам [проекты]. Мы бы тоже умы сложили свои, может, что-то еще добавили. А то мы всё время только и ждем газеты. Раз мы должны согласованную политику вести, мы на стадии ее подготовки должны быть участниками. А не просто ведомыми в общем строю за Вами.

Ельцин. Хорошо. Ну почему, ведите Вы.

Голос. Нет, я согласен, что Вы ведете, но...

Ельцин. Мы с удовольствием за Вами пошли бы, если бы...

Голос. Если бы Вы нам проекты дали, мы, может быть, что-то тоже свое добавили...

Ельцин. Хорошо. Мы вам передадим весь пакет принятых четырнадцати и то, что мы уже подготовили, что будет принято на этой неделе.

Печатается по тексту стенограммы:

РГНИ. Фонд № 121. Опись № 3.

Дело № 123. Л. 2–25.

Выступление Г.А. Явлинского

Явлинский. Первое, что хотел бы сказать, поскольку это моей профессией является, занимаюсь почти всю свою сознательную жизнь, я хочу сказать, что то, что взял на себя Борис Николаевич, это, вообще говоря, беспрецедентное дело для политика. Беспрецедентное, пожалуй, не имеющее сравнения. Если сравнить с Эрхардом или еще с кем, это несравнимо. Эрхард делал это в годы оккупации, он не избирался, он не свергался. Ни в одной стране мира вот так никто на себя не брал.

Ельцин. И страховой полис от оккупационных властей.

Явлинский. Эрхард — ученый, который вводил меры в условиях, когда вся ситуация была абсолютно простабилизована. Мог давать 40 марок, мог не давать 40 марок. После поражения в войне... Это первое.

Второе. Конечно, для того, чтобы мне что-то говорить, нужно видеть программу, еще что-то такое для того, чтобы углубленно дискутировать этот вопрос. Но я должен высказать то, что я думаю.

То есть я считаю, что чрезвычайные меры чрезвычайно опасны. Мера этой опасности — это вопрос, который, конечно, нуждается в определенности.

И это лишний раз подчеркивает, на какой шаг идет Борис Николаевич. И я хотел бы обратиться ко всем присутствующим, проникнуться в этом отношении, потому что фактически он идет один. Потому что те, кто сегодня являются членами правительства, это другие фигуры и другая ситуация. Опасность этой истории заключается в том, что инфляция, которая в мире является самым страшным социально-экономическим явлением, не только переходит из подавленной ситуации в открытую ситуацию, но она просто, уже начиная с декабря, в связи с принимаемыми мерами примет шквальный, лавинообразный характер. У инфляции есть особенность в том, что она поражает буквально все сектора экономики и социальной жизни. И она ударит по банкам, по кредитам, она ударит по инвестициям, она ударит по базовым отраслям. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что правы те специалисты, которые говорят: «Что нам сегодня уже терять? У нас и так почти всё развалилось, и развалилось не из-за политики сегодняшнего дня, а предыдущего». Верно, посмотрите, что происходит с нашей торговлей, посмотрите, что случилось с товарами народного потребления. Эти отрасли практически развалились. Их спасти невозможно, их надо переделывать.

Но опасность ситуации заключается еще и вот в чем. Она заключается в том, что топливно-энергетический комплекс продолжает еще работать. Я специально проанализировал этот комплекс (российский в основном), он работает относительно прилично. Спад, происходящий в этом комплексе, связан со спадом в потребляющих отраслях. Но если не считать нефть — там особая ситуация.

Вот та история, которая сейчас произойдет, надо отдавать себе отчет, что она заденет еще те секторы экономики, на которые на сегодня мы не сильно обращаем внимания, которые работают как бы по инерции. И возврат топливно-энергетического комплекса через два-три месяца, в зависимости от цикла после прохождения всей цепочки, будет очень мощный. И когда цены вернутся, то весь этот круг событий представляется чрезвычайно рискованным. Именно потому, что часто бывает, что первые два-три месяца срываются стабилизационные программы. Они срываются из-за того, что есть попытка зажать доходы, прижать их, ущемить, сбалансировать ситуацию за счет цен. В данном случае мы отпускаем и цены, и доходы. Ситуация начинает нарастать со страшной силой. К концу года

у нас будет два триллиона денежной массы. Она увеличится более чем в два раза за этот год. Какое предложение товаров будет осуществляться со следующего года? Вопрос.

Я хочу сказать, что, на мой взгляд, риск в этом деле очень и очень высокий. Я не могу этого не сказать прямо... Я воздерживаюсь от полной оценки этого мероприятия, потому что для того, чтобы дать полную оценку, нужно иметь фактические расчеты и прогнозы, которыми в данный момент я не располагаю. Опасения и сомнения, которые у меня есть, заключаются в том, что это нестандартно, в смысле хода. Это прорыв за счет открытия всего этого дела и раскручивания до предела. Последствия могут оказаться очень серьезными. Использую опыт, который мне известен в других странах, например, в Польше.

Я хотел бы призвать вас обсудить еще один вопрос. Необходимо принять решение о том, что все будут делать, если народ окажется на улице. Как кто будет себя вести, что люди будут говорить, что вы им будете говорить и как вы будете действовать. В каком-то смысле, в экономическом смысле, при такой постановке вопроса, как она сделана сегодня, ситуация запрограммирована.

Удастся ли Борису Николаевичу своим авторитетом удержать людей, чтобы они вытерпели. Шесть месяцев — колоссальный срок, Борис Николаевич. Вы сами понимаете. Наши люди вообще не привыкли к этому. Они будут просто, я даже не могу подобрать слово, они просто будут вообще... Потому что шесть месяцев всё будет нарастать.

Акаев. Рвать и метать.

Явлинский. Я не знаю, рвать или метать. Это будет тяжелейшее. И только на его авторитете эта конструкция может держаться. Вообще вся эта конструкция, извините, построена на этом человеке. Никакой другой человек не может взять на себя такое. Шесть месяцев — это очень много. Это страшно болезненный длительный процесс. Представьте себе, что не везде это получилось. Разные ситуации в разных регионах, разные ситуации в разных автономиях. Масса входящих и привходящих политических партий. Нужно иметь четкий план действий.

Я исхожу из следующего опыта. Когда я изучал опыт в Польше, это был январь-февраль. Я там пробыл январь-февраль-март, как раз когда Бальцерович начал реформу. Несмотря на то, что там еще были старая армия и старая безопасность, Мазовецкий собрал всех: армию, безопасность, внутренние войска, всех. У них был разработан план. План был очень тайный. Об этом мне сообщала наша

разведка, когда я там был, они узнали как, кто и где должен действовать в том случае, если это случится. Но они входили в эту ситуацию в условиях, несравнимых с тем, как мы туда входим.

Вот поэтому, мне кажется, что этот вопрос... Я ни на чем не настаиваю, я считаю, что, может быть, Иван Степанович сам со своими структурами будет рассматривать этот вариант. Я думаю, что нужен определенный характер рассмотрения. Я отнюдь не говорю, что нужно пользоваться войсками, я просто говорю, что нужно представлять то, что делать, если это всё начнется. А это может начаться.

И наконец, то, что все вопросы, которые здесь сегодня назывались, — это все вопросы правильные. Они прямо связаны с тем Договором, который подписан всеми присутствующими. Там все есть соглашения по этому поводу, через них и надо всё это делать, потому что они позволят учесть массу нюансов, массу тонкостей, которые нужны для того, чтобы определиться с этим вопросом.

И еще я хотел высказать свое личное мнение. Я хотел подчеркнуть два критических момента. Я не доверяю украинскому руководству. У меня есть основания для этого. Можете меня критиковать, как угодно. И в этом смысле опасения Бориса Николаевича я понимаю. Я знаю, что Канада печатает деньги. Я знаю, какие конкретно фирмы печатают деньги. Я видел купоны, отпечатанные во Франции... Мне всё это известно. Я знаю это из международных источников, потому что я всё время веду там переговоры. Если Эстония или Латвия выкинет какой-нибудь номер, Россия справится. Если Украина начнет канализировать деньги в Россию — будет беда. Здесь будут терпеть страшные муки, а им не будет конца. Это — как дырка в лодке. Сделать дырку в лодке для того, чтобы вода вытекла. Она только и будет, что натекает туда. И я полностью разделяю тезисы, которые говорил Борис Николаевич, что денежная реформа делается на подъеме, а не на спаде. Зачем же на спаде делать реформу, чтобы потом что — делать новую?

Сейчас делать реформу — это ж надо всю финансовую систему переделать и всю бюджетную. И запускать в нее деньги. А в нынешнюю систему запустить новые деньги — это значит потом встать перед задачей снова делать денежную реформу. И с людьми нельзя так обращаться. Единственный наш резерв, что они еще этого не нюхали. Если провалить одну денежную реформу, то я не знаю, кто потом будет иметь какой-либо кредит для проведения другой реформы. В Бразилии, о которой сказал Борис Николаевич, там люди вообще уже наплевали на все экономические реформы. Там

было их столько, что их вообще всё это не интересует. Там абсолютно бесполезное дело даже разговаривать с людьми. Поэтому там все новые реформы будут просто провалены. Там никто ничего не ждет и никто ничего не хочет. Там все, кто имеет деньги, вкладывает их в другой стране, а эта страна просто загнивает. Загнивает до такой степени, что даже трудно себе представить. Там с образованием, например, ситуация такая. Там миллионы женщин не связывают, извините, за откровенность, чтобы вы просто поняли об уровне образования, половой акт с рождением ребенка. Они не знают, что между этими двумя вещами существует связь. Вот что там происходит. Из-за того, что деньги постоянно вывозятся. Вот какое горе.

Горбачев. Не самый страшный недостаток в образовании.

Явлинский. Представление о жизни очень трагическое.

И второе, на чем я хотел бы еще остановиться. Если взвешивать шансы того, насколько это может получиться, здесь надо будет отчетливо отдавать себе отчет, что вся эта штука может сорваться и всё может полететь вверх тормашками. Тогда надо иметь представление, что тогда делать, потому что очень рискованное дело.

Шушкевич. Разрешите вопрос. Скажите, пожалуйста, а как Вы будете прогнозировать вот при этом подходе ситуацию на Украине, если она введет свои деньги сейчас, на фоне этих реформ?

Явлинский. Я могу Вам сказать мой подход. Я считаю, что ничего у Украины сейчас не выйдет... Она нанесет удар по России сумасшедший, но и сама для себя ни одну задачу не решит.

Шушкевич. А нельзя ли пояснить вот это.

Явлинский. Почему так произойдет? Я объясню очень просто.

Горбачев. Ты давай, потому что Станислава Станиславовича тоже заставляют, чтобы он деньги печатал.

Шушкевич. Всё время у нас говорят: «Долой Верховный Совет! Долой правительство! Вы дураки! Украина вводит деньги, а вы, значит, сидите!» «Сидите и ждете. Вы преступники!» Вот такая штука.

Явлинский. Значит, я поясняю. Введение денег, как это понимает Украина, — это введение новых бумаг. Они из Канады привезут большие вагоны этих денег, ну, в шутку могу сказать, на которых будет изображен товарищ Кравчук или кто. И вот эти деньги они начнут раздавать, например, запускать в систему как купоны и продавать потом в магазинах только на эти деньги и не продавать на рубли, которые, конечно, будут в России.

Но не в этом смысл создания новой денежной системы. Смысл создания новой денежной системы заключается в том, что создается новая вся финансовая система. Через нее в меру обеспеченности этих денег чем-либо, по определенному курсу с другими валютами, потихонечку запускается новая валюта. Смотрите, как по шагам это стараются делать прибалты. И то, сколько они об этом говорят, но они еще ничего не начали делать.

Кроме того, если это конфискационная денежная штука, то это вообще делается не так. Это делается совсем секретно, всё там такое. С таким гомоном, как это у них происходит, это так не делают.

Значит, так, как они запускают эти деньги, это будут карточки или купоны, которые неизвестно где и как будут ходить. Они будут продаваться на рубли. Они будут покупаться на рубли российскими гражданами, которые захотят что-то купить на Украине. Кто-то будет ими торговать. Обменный курс сразу не получится. Вот.

Кроме того, нужны границы, уважаемые товарищи. Границы. Баня какая-нибудь, ларек. Надо же точно знать, что этот ларек украинский, и что там деньги будут украинские, и что налог он платит так вот, а не иначе, что это именно — всё это принадлежит Украине, и так далее.

То есть я хочу сказать, что внедрение новых денег — это самый сложный социально-экономический механизм, который должен быть продуман со всех точек зрения — что делать со вкладами, что делать со счетами. И кроме того, должен быть заключен платежный союз с Белоруссией, с Россией, со всеми, потому что завтра же останутся. Ну, российские предприятия скажут, что мы ваши деньги не признаем. Их же нигде в мире не признают, а вы нам... На ваши деньги ничего не можете купить. Нас не интересуют ваши деньги. Мы не возьмем ничего, потому что нигде мы не сможем вашими деньгами рассчитаться. И всё.

Значит, это же стопор для всей этой истории.

Мы предложили в этом пакете правила, в соответствии с которыми республики должны рассматривать проблемы денег — новых денег. У меня такое впечатление (и мои беседы с иностранными специалистами свидетельствуют о том), что в этом вопросе слишком много такой легковесной предвыборности.

Горбачев. Во всех последних информациях, которые идут и с Запада, с финансовых кругов, особый нажим на единство банковской системы и единой валюты при переходе. Иначе ничего не сделают.

Явлинский. Нет, но я еще раз хочу подчеркнуть, что все должны признать, что на сегодняшний день ситуация такова, что все живут

на валюту России. Россия имеет право очень многие вопросы решать по отношению к валюте. Укрепление валюты находится в интересах всех. Всякий шаг в сторону хорошей российской валюты интересен всем. Никто сегодня другую валюту ввести не может. Это медицинский факт, который отрицать просто нет смысла.

С другой стороны, попытки нескоординированного введения валюты наносят удар России и не решают никакой проблемы. Значит, ответ на ваш вопрос коротко звучит таким образом: перестройка финансовой и бюджетной системы — главная часть валютной реформы. Главная часть — не печатание новых купюр, бумажек, а главная часть — это перестройка всей валютной, финансовой, бюджетной системы, включая налоговую и кредитную. Ничего они не готовы, и они не сделают этого. Это просто факт.

Шушкевич. Вы, честно говоря, меня не убедили, потому что если это они планомерно готовят по всем направлениям — и с точки зрения границ, и обеспечения материальными ценностями вводимой своей валюты, возможно, получают, получают кредиты в поддержку этой валюты, — тогда они просто выиграют. И они покажут, что у них на какое-то время, пусть короткое, будет в общем-то жизненный уровень не так падать, как в России. И этого достаточно, чтобы они остались на плаву.

Явлинский. Я хотел бы на этот счет сказать то, что, может быть, не могут сказать другие присутствующие. Я не думаю, что для них вопрос с границами уже закончен. Я не думаю, что у них есть обеспеченность. Я знаю их положение с точки зрения ресурсов, которые могут быть подложены под деньги. Я не думаю, что там что-то есть. И они думают, что Россия может с ними делиться тем, чего у нее самой нет, кроме недр. Как вы знаете историю с золотом. Там нет ничего. Нечем делиться. И я не думаю, что кто-либо в мире даст такие кредиты, которые обеспечат эту... Я вам могу сказать, что для того, чтобы вводить в России валюту, надо 20 миллиардов. Кто 20 миллиардов даст? А Украине надо, ну, восемь. Кто им даст? Никто сейчас не даст. Ни Канада, никто. И потом там «семерка» им не даст, даже если Канада захочет. Поэтому мне представляется, что такое усиленное педалирование этого вопроса во многом очень сомнительно, чтобы не употреблять более сильного выражения. Вот все те факторы, которые, Вы сказали, Вас не убедили, вот я этих факторов не вижу. Не вижу. Их нет на самом деле.

Лубенченко. Григорий Алексеевич! А где здесь материальные основания увеличения товарной массы? За счет чего она будет увеличиваться?

Явлинский. Нет, здесь вообще ни в одном случае нет никакого увеличения товарной массы, потому что здесь просто происходит такая шквалообразная, лавинообразная балансировка. Товарная масса лежит в магазине, та, которая есть сегодня, не увеличившись ни на йоту, но люди ее не могут купить. Но они ее видят. Вот и всё.

Лубенченко. Нет, но у реформы же должен быть прежде всего базисный выход — это товарная масса.

Явлинский. Нет, нет, это вы не торопитесь...

Лубенченко. Если увеличивается товарная масса, тогда это всё бесплодно.

Явлинский. Вы знаете, вы не торопитесь, это — не задача первого этапа реформы. Там с увеличением товарной массы при той структуре производства, которая есть у России, — этот вопрос остается открытым. Еще долгое время будет открытым.

Горбачев. Григорий Алексеевич! Поскольку частные вопросы иссякают и мельчают, я задаю главный вопрос: есть другой выбор, альтернативный? Вот опасность огромная. Есть предложения с меньшей опасностью?

Явлинский. Ну, видите ли, я хотел ответить еще на один частный вопрос.

Горбачев. Ну, давайте, я думал, уже кончились частные вопросы. Нам же выбор надо делать.

Явлинский. Есть еще вопрос о либерализации цен, о чем надо сказать. Поскольку, как вы знаете прекрасно, нет приватизации, нет массы других вещей. Либерализация цен может превратиться в децентрализацию... Она просто уйдет с одного уровня ее установления на другой. Это то (да вы знаете всё это), что сейчас стало камнем преткновения. Лозунг, который вы сказали: «Вам либерализация», теперь стали рассматривать далеко не в каждом... Для либерализации нужна конкуренция, частная собственность, приватизация, соответствующая кредитная политика, нужна вся атмосфера рынка. Тогда это либеральная цена, она свободна. А просто отпустить с уровня правительства, так тогда она перескочит на уровень оптовой базы или на уровень торгового, на уровень завода. Но это не значит, что она свободна. Это даже еще не цена спроса и предложения. Отсюда можно сразу представить следствие: что эта децентрализованная цена может не давать того результата, который дает либерализация цен. Это может длиться не шесть месяцев, а вообще чёрт знает сколько...

Каримов. Григорий Алексеевич, Вы извините, как раз вот Константин Дмитриевич задает вопрос, может быть в другом виде, что

при отсутствии вот этой инфраструктуры, о которой Вы говорите, не приведет ли это к очень длительному падению производства, сокращению производства?

Явлинский. Я говорил, что инфляция традиционно связана с разрывом хозяйственных связей, остановкой производства, спадом и безработицей. Когда у вас каждый день растут цены, связи между предприятиями рвутся к чертям. Там ничего не работает. Рвутся связи просто. И всё. Наша вся история уже год [тянется]. С прошлого года все хозяйственные связи рвутся именно из-за того, что инфляция...

Что касается Вашего вопроса, Михаил Сергеевич, есть ли другой выход? Не знаю, время ли сейчас говорить о других выходах. Уже решение принято, линия заявлена. Сейчас не время морочить голову. Приняли линию, так надо топать.

Горбачев. Это не ответ. Ты давай экономически, а не политически.

Явлинский. Ну что теперь говорить? Понимаете, Вы иногда задаете такой вопрос... Извините, я проведу аналогию. Человек прыгнул с высокого этажа. Он уже в полете. Вы спрашиваете: может ли он что-то сделать? Да ничего он уже не может!

Горбачев. А я тебе другое скажу. Вот он прыгнул с самолета. И думает: когда же ему выгоднее открыть парашют? Страховаться.

Явлинский. Так это при условии, что есть парашют.

Горбачев. Ну, а я тебе задаю [вопрос] как специалисту...

Явлинский. Вы меня спрашиваете, можно ли его догнать и надеть на него парашют? Я очень сомневаюсь. Полет идет.

Горбачев. Нет, нет, нет! Ты маневрируешь. И оставляешь нас наедине с собой. Ну, это дело твое.

Явлинский. Хорошо. Ну, как я маневрирую? Я не маневрирую. Я очень сомневаюсь в этом деле. Очень сомневаюсь.

Горбачев. Ну, что ты тогда посоветуешь, если сомневаешься? Есть сомнения — скажи. Ты же не хочешь нас погубить? *(Смех в зале.)*

Явлинский. Как я вас могу погубить?

Горбачев. Если ты сомневаешься, скажи — что лучше нам вот в этой обстановке. Не будем мы возвращаться.

Ельцин. Он несколько раз говорил, но, к сожалению, не приняли.

Горбачев. Ну, ладно. Хорошо. Вспомнили: тогда... Начнем вспоминать тогда.

Явлинский. Ну, что можно еще? Можно сесть всем вместе, обсудить детали, подробности. Посмотреть конкретно. Вы понимаете, я тоже нахожусь в затруднительном положении. Я же не знаю, а вдруг у них есть парашют.

Горбачев. Да не один.

Явлинский. То, что прыгнули, это видать. А есть ли парашют или нет парашюта, я не знаю. А Вы меня спрашиваете, как ему правой, левой руками шевелить.

Горбачев. А ты хотел, чтобы тебе задавали легкие вопросы? Что там в Бразилии? Да? Ты вот ответь, что у нас делается, а не в Бразилии...

Явлинский. Михаил Сергеевич, нельзя же всё время так: делать, а потом спрашивать, что теперь делать. Я считаю, что на данном этапе есть какой выход? Попробовать обсудить. Не хочу я противопоставлять...

Горбачев. А вот скажи: успеем мы обсудить и договориться, чтобы 16-го действовать?

Шушкевич. То есть прыгнули все вместе или только Россия прыгнула? (*Голоса.*)

Явлинский. Сейчас все должны помогать России всеми силами. То есть — все мы прыгнули вместе? Конечно.

Шушкевич. Мне не понятна Ваша позиция. Вы говорите, что положение безвыходное. Я Вас не понимаю. Вы говорите, что все прыгнули и летим неизвестно куда и без парашюта.

Горбачев. В Киев, на горку Владимирскую.

Явлинский. Я просто говорю, что сейчас все должны сплотиться вокруг России, потому что она на самом деле героический поступок совершает. Риск такой огромный, что даже трудно представить. Вот, все вместе.

Горбачев. Это уже литературная часть твоего выступления, а у нас экономическая тема.

Явлинский. Если не сплотимся, если будем так же нескоординированно действовать, риск будет увеличиваться. Потом, сегодня Борис Николаевич говорил про Украину. Вот еще четыре месяца, три месяца, два месяца назад он так не думал, что это настолько серьезно. Они начинают углубленно анализировать, они видят, что нескоординированность этих действий может...

Силаев. Григорий Алексеевич, можно еще один вопрос? Вот Борис Николаевич — они уже решение приняли, директивы еще какие-то будут. Можно ли остальным республикам этого не делать?

Явлинский. Нет, нельзя.

Горбачев. Он сказал, что нет. Это тут ясный вопрос.

Явлинский. Все должны понять, что они теперь все заложники той лодки, капитан которой...

Шушкевич. С той дыркой, о которой Вы сказали в начале.

Явлинский. Ну, дырку лучше не ковырять шире. Поэтому лучше с этой дыркой ехать. Я не знаю, нужно ли это говорить на парламентах и какую огласку этому давать, но это все должны понимать сразу. И главное сейчас — не сталкивать республики.

Акаев. Но 16 декабря мы не успеем согласованно... *(Голоса.)*

Явлинский. Есть, конечно, другой способ. Вот вы меня спросили, меня мучает совесть, что я не отвечаю. Стабилизационная программа начинается с того, что обрезаются бюджет, зажимаются доходы, отменяются социальные программы. И вот в этом мужество, что вынуждены делать.

Ельцин. Что мы и делаем. *(Голоса.)* Нет, нет. Потом другие социальные программы, которые имеют 20–30 миллиардов, мы их сокращаем.

Горбачев. Ранее принятые?

Голос. Очень интересная ситуация получается на Украине: они рубль не отменяют, вводят у себя свои деньги. Эти рубли накапливают и делают интервенцию на Россию, Казахстан этими рублями. А внутри у них работает своя валюта.

Горбачев. А наш должен быть ответ Чемберлену.

Голос. Так что-то же надо делать против этого!

Явлинский. Михаил Сергеевич, здесь вот такая история: если только — особенно в разгар реформы — они сбрасывают сюда деньги, то это может кончиться вообще межнациональным столкновением. Это страшная история!

Ельцин. Это аккуратно надо.

Явлинский. То есть, если вот Борис Николаевич как вмажет и скажет: что это вы на нас интервенцию денежную ведете, вы чего? Мы тут мучаемся, а вы наши мучения делаете неограниченными во времени. Это будет страшно!

Горбачев. Ну, точно так же Украина должна знать, что адекватный ответ ее шагам должен быть. Это ж абсолютно! Ни одно экономическое сообщество никогда не оставляет без ответа такие вещи, ни одно, у него есть и механизмы.

Шушкевич. Сейчас на нас сбрасывание денег Литвы идет очень интенсивно, у них и зарплата выше.

Горбачев. Вот это уже всё то, что требует ответа, да. Кстати, часть этих шагов ответных уже Борис Николаевич назвал, вплоть до перехода на другие рубли.

Явлинский. У меня есть колоссальные сомнения.

Горбачев. Ну, у тебя еще больше сомнений, если ничего не делать. Ты сказал, что с января — всё.

Явлинский. Если вообще ничего не делать, то, конечно, наступит это всё.

Горбачев. Хорошо.

Явлинский. Михаил Сергеевич, солидаризироваться мне с этим очень трудно, я не видел ничего...

Горбачев. Да я и не говорю о солидарности...

*Печатается по тексту стенограммы:
РГАНИ. Фонд № 121. Опись № 3.
Дело № 123. Л. 43–63.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Документы, подписанные руководителями
Беларуси, России и Украины
в Беловежской Пуше
8 декабря 1991 года

Заявление глав государств Республики Беларусь, РСФСР, Украины

Мы, руководители Республики Беларусь, РСФСР, Украины,

— отмечая, что переговоры о подготовке нового Союзного договора зашли в тупик, объективный процесс выхода республик из состава Союза ССР и образования независимых государств стал реальным фактом;

— констатируя, что недальновидная политика Центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества;

— принимая во внимание возрастание социальной напряженности во многих регионах бывшего Союза ССР, что привело к международным конфликтам с многочисленными человеческими жертвами;

— осознавая ответственность перед своими народами и мировым сообществом и назревшую потребность в практическом осуществлении политических и экономических реформ, заявляем об образовании Содружества Независимых Государств, о чем сторонами 8 декабря 1991 года подписано Соглашение.

Содружество Независимых Государств в составе республики Беларусь, РСФСР, Украины является открытым для присоединения

всех государств — членов Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения.

Государства — члены Содружества намерены проводить курс на укрепление международного мира и безопасности. Они гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР, обеспечивают единый контроль за ядерным оружием и его нераспространение.

8 декабря 1991 года, г. Минск

Председатель Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевич;

Президент РСФСР Б. Ельцин;

Президент Украины Л. Кравчук

*Печатается по тексту публикации
в газете «Советская Беларусь», 10 декабря 1991 года.*

Соглашение о создании Содружества Независимых Государств

Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как государства — учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование.

Основываясь на исторической общности наших народов и сложившихся между ними связях, учитывая двусторонние договоры, заключенные между Высокими Договаривающимися Сторонами, стремясь построить демократические правовые государства,

намереваясь развивать свои отношения на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы, экономических или любых других методов давления, урегулирования спорных проблем согласительными средствами, других общепризнанных принципов и норм международного права,

считая, что дальнейшее развитие и укрепление отношений дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между нашими государствами отвечают коренным национальным интересам их народов и служат делу мира и безопасности,

подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, Хельсинкского заключительного акта и других документов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе,

обязуясь соблюдать общепризнанные международные нормы о правах человека и народов,
договорились о нижеследующем:

Статья 1.

Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств.

Статья 2.

Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют своим гражданам независимо от их национальности или иных различий равные права и свободы. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон гарантирует гражданам других сторон, а также лицам без гражданства, проживающим на ее территории, независимо от их национальной принадлежности или иных различий гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека.

Статья 3.

Высокие Договаривающиеся Стороны, желая способствовать выражению, сохранению и развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности населяющих их территории национальных меньшинств и сложившихся уникальных этнокультурных регионов, берут их под свою защиту.

Статья 4.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях, содействовать широкому инфор-

мационному обмену, добросовестно и неукоснительно соблюдать взаимные обязательства.

Стороны считают необходимым заключить соглашения о сотрудничестве в указанных областях.

Статья 5.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают и уважают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках Содружества.

Они гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества.

Статья 6.

Государства — члены Содружества будут сотрудничать в обеспечении международного мира и безопасности, осуществлении эффективных мер сокращения вооружений и военных расходов. Они стремятся к ликвидации всех ядерных вооружений, всеобщему и полному разоружению под строгим международным контролем.

Стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерной зоны и нейтрального государства.

Государства — члены Содружества будут сохранять и поддерживать под объединенным командованием общее военно-стратегическое пространство, включая единый контроль над ядерным оружием, порядок осуществления которого регулируется специальным соглашением.

Они также совместно гарантируют необходимые условия размещения и функционирования, материального и социального обеспечения стратегических вооруженных сил. Стороны обязуются проводить согласованную политику по вопросам социальной защиты и пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей.

Статья 7.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают, что к сфере их совместной деятельности, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты Содружества, относятся: координация внешнеполитической деятельности; сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики; сотрудничество в развитии систем транспорта и связи; сотрудничество в области охраны окружающей среды, участие в создании всеобъемлющей международной системы экологической

безопасности; вопросы миграционной политики; борьба с организованной преступностью.

Статья 8.

Стороны осознают планетарный характер чернобыльской катастрофы и обязуются объединять и координировать свои усилия по минимизации и преодолению ее последствий.

Они договорились заключить в этих целях специальное соглашение, учитывающее тяжесть последствий катастрофы.

Статья 9.

Споры относительно толкования и применения норм настоящего Соглашения подлежат разрешению путем переговоров между соответствующими органами, а при необходимости — на уровне глав правительств и государств.

Статья 10.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон оставляет за собой право приостановить действия настоящего Соглашения или отдельных его статей, уведомив об этом участников Соглашения за год.

Положения настоящего Соглашения могут быть дополнены или изменены по взаимному согласию Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 11.

С момента подписания настоящего Соглашения на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР.

Статья 12.

Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР.

Статья 13.

Настоящее Соглашение не затрагивает обязательств Высоких Договаривающихся Сторон в отношении третьих государств.

Настоящее Соглашение открыто для присоединения всех государств — членов бывшего Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения.

Статья 14.

Официальным местом пребывания координирующих органов Содружества является город Минск. Деятельность органов бывшего Союза ССР на территориях государств — членов Содружества прекращается.

Совершено в городе Минске 8 декабря 1991 года в трех экземплярах каждый на белорусском, русском и украинском языках, причем три текста имеют одинаковую силу.

За Республику Беларусь: С. Шушкевич, В. Кебич

За РСФСР: Б. Ельцин, Г. Бурбулис

За Украину: Л. Кравчук, В. Фокин

*Печатается по тексту публикации
в газете «Советская Беларусь», 11 декабря 1991 года.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

**Заявление, подписанное руководителями
среднеазиатских республик СССР
на встрече в Ашхабаде
13 декабря 1991 года**

Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Таджикистан, Туркменистан и Республика Узбекистан, главы государств Назарбаев Н.А., Акаев А.А., Набиев Р.А., Ниязов С.А., Каримов И.А. в соответствии с договоренностями, достигнутыми на встречах в Алма-Ате (1990 г.) и в Ташкенте (1991 г.), собрались на очередную консультативную встречу в Ашхабаде, где обсудили ситуацию, сложившуюся после подписания в Минске Соглашения о создании Содружества Независимых Государств. В результате всестороннего обмена мнениями и анализа политической обстановки участники встречи заявляют следующее:

Стремление лидеров Республики Беларусь, РСФСР, Украины создать на месте ранее бесправных республик объединенные в содружество независимые правовые государства воспринимается нами с пониманием. Минская инициатива по созданию Содружества Независимых Государств с участием в нем Украины носит позитивный характер. Однако соглашение об этом явилось для нас неожиданностью.

Участники совещания согласны с утверждением о том, что процесс новой интеграции субъектов прежнего СССР на основе решений пятого Съезда народных депутатов СССР зашел в тупик. Неудачная политика Центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства,

катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества.

Участники встречи полагают, что:

— необходима координация усилий по формированию Содружества Независимых Государств;

— создание Содружества Независимых Государств должно осуществляться на правовой основе;

— должно быть обеспечено равноправное участие субъектов бывшего Союза в процессе выработки решений и документов о Содружестве Независимых Государств, при этом все государства, образующие Содружество, должны быть признаны в качестве учредителей и указаны в тексте Соглашения как Высокие Договаривающиеся Стороны;

— следует учесть в этих документах, решениях и соглашениях исторические и социально-экономические реалии республик Средней Азии и Казахстана, которые при подготовке Соглашения о Содружестве, к сожалению, не принимались во внимание;

— Содружество Независимых Государств должно гарантировать равноправие всех наций и народностей, защиту их прав и интересов;

— Содружество Независимых Государств не может образовываться по этническому, конфессиональному или любому иному признаку, нарушающему права человека и народов;

— Содружество Независимых Государств признает и уважает территориальную целостность и неприкосновенность ныне существующих границ;

— в интересах сохранения стратегической стабильности в мире целесообразно обеспечить единый контроль над ядерным оружием и объединенное командование войсками стратегического сдерживания и военно-морскими силами;

— ранее заключенный Договор об экономическом сообществе необходимо подтвердить и завершить работу над ним в полном объеме.

Исходя из вышеизложенного, мы заявляем о готовности стать равноправными соучредителями Содружества Независимых Государств, учитывающего интересы всех его субъектов. Вопросы формирования Содружества Независимых Государств должны быть рассмотрены на совещании глав суверенных государств.

Участники консультативной встречи с пониманием относятся к тому, что Республика Узбекистан окончательно определит свою

позицию по участию в Соглашении о Содружестве Независимых Государств после проведения 29 декабря сего года всенародных выборов Президента.

К настоящему Заявлению прилагаются согласованные на встрече предварительные поправки и предложения к подписанному в Минске Соглашению о Содружестве Независимых Государств.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев,
Президент Республики Кыргызстан А.А. Акаев,
Президент Республики Таджикистан Р.Н. Набиев,
Президент Туркменистана С.А. Ниязов,
Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов

г. Ашхабад, 13 декабря 1991 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Документы, подписанные руководителями
одиннадцати бывших советских республик
в Алма-Ате
21 декабря 1991 года

Алма-Атинская декларация

Независимые государства

— Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация (РСФСР), Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина,

стремясь построить демократические правовые государства, отношения между которыми будут развиваться на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета и суверенного равенства, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы и угрозы силой, экономических и любых других методов давления, мирного урегулирования споров, уважения прав и свобод человека, включая права национальных меньшинств, добросовестного выполнения обязательств и других общепризнанных принципов и норм международного права;

признавая и уважая территориальную целостность друг друга и нерушимость существующих границ; считая, что укрепление имеющих глубокие исторические корни отношений дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества отвечает коренным интересам народов и служит делу мира и безопасности; осознавая свою ответственность за сохранение гражданского мира и межнационального согласия; будучи приверженными целям и принципам Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, заявляют о нижеследующем:

взаимодействие участников Содружества будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием.

В целях обеспечения международной стратегической стабильности и безопасности будет сохранено объединенное командование военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием; стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерного и (или) нейтрального государства.

Содружество Независимых Государств открыто с согласия всех его участников для присоединения к нему государств — членов бывшего Союза ССР, а также иных государств, разделяющих цели и принципы Содружества.

Подтверждается приверженность сотрудничеству в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков.

С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование.

Государства — участники Содружества гарантируют в соответствии со своими конституционными процедурами выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и соглашений бывшего Союза ССР.

Государства — участники Содружества обязуются неукоснительно соблюдать принципы настоящей декларации.

За Азербайджанскую Республику: А. Муталибов;
за Республику Армения: Л. Тер-Петросян;
за Республику Беларусь: С. Шушкевич;
за Республику Казахстан: Н. Назарбаев;
за Республику Кыргызстан: А. Акаев;
за Республику Молдова: М. Снегур;
за Российскую Федерацию (РСФСР): Б. Ельцин;
за Республику Таджикистан: Р. Набиев;
за Туркменистан: С. Ниязов;
за Республику Узбекистан: И. Каримов;
за Украину: Л. Кравчук

Алма-Ата,
21 декабря 1991 года.

Протокол Совещания глав независимых государств

Исходя из закрепленного в Соглашении о создании Содружества Независимых Государств и в Алма-Атинской декларации положения о сохранении под объединенным командованием общего военно-стратегического пространства и единого контроля над ядерным оружием, Высокие Договаривающиеся Стороны согласились о нижеследующем:

до решения вопроса о реформировании Вооруженных Сил поручить командование Вооруженными Силами маршалу Шапошникову Е.И.

Предложения по этому вопросу внести к 30 декабря 1991 г. на рассмотрение глав государств.

Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств

Государства-участники Содружества, ссылаясь на статью 12 Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, исходя из намерения каждого государства выполнять обязательства по Уставу ООН и участвовать в работе этой организации в качестве полноправных членов, учитывая, что первоначальными членами ООН являлись Республика Беларусь, СССР и Украина, выражая удовлетворение тем, что Республика Беларусь и Украина продолжают участвовать в ООН в качестве суверенных независимых государств, будучи преисполнены решимости содействовать укреплению международного мира и безопасности на основе Устава ООН в интересах своих народов и всего международного сообщества, решили:

1. Государства Содружества поддерживают Россию в том, чтобы она продолжила членство СССР в ООН, включая постоянное членство в Совете Безопасности и других международных организациях.

2. Республика Беларусь, РСФСР, Украина окажут другим государствам Содружества поддержку в решении вопросов их полноправного членства в ООН и других международных организациях.

Соглашение о координационных институтах Содружества Независимых Государств

1. Для решения вопросов, связанных с координацией деятельности государств Содружества в сфере общих интересов, создать высший орган Содружества — «Совет глав государств», а также «Совет глав правительств».

2. Поручить полномочным представителям государств Содружества внести к 30 декабря 1991 года на рассмотрение Совета глав государств предложения об упразднении структур бывшего Союза ССР, а также о координационных институтах Содружества.

Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия

Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация (РСФСР) и Украина, именуемые в дальнейшем «государства-участники», подтверждая свою приверженность нераспространению ядерного оружия, стремясь к ликвидации всех ядерных вооружений, желая содействовать укреплению международной стабильности, согласились с нижеследующим:

Статья 1

Ядерные вооружения, входящие в состав объединенных стратегических вооруженных сил, обеспечивают коллективную безопасность всех участников Содружества Независимых Государств.

Статья 2

Государства — участники настоящего Соглашения подтверждают обязательство о неприменении ядерного оружия первым.

Статья 3

Государства — участники настоящего Соглашения совместно вырабатывают политику по ядерным вопросам.

Статья 4

До полной ликвидации ядерного оружия на территориях Республики Беларусь и Украины решение о необходимости его применения принимается по согласованию с главами государств — участников Соглашения Президентом РСФСР на основе процедур, разработанных совместно государствами-участниками.

Статья 5

1. Республика Беларусь, Украина обязуются присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 года в качестве неядерных государств и заключить с МАГАТЭ соответствующее соглашение о гарантиях.

2. Государства — участники настоящего Соглашения обязуются не передавать кому бы то ни было ядерного оружия или другие ядерные взрывные устройства и технологии, а также контроль над такими ядерными и взрывными устройствами, ни прямо, ни косвенно; равно как никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами.

3. Положения пункта 2 настоящей статьи не препятствуют перемещению ядерного оружия с территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины на территорию РСФСР с целью его уничтожения.

Статья 6

Государства — участники настоящего Соглашения в соответствии с международным договором будут содействовать ликвидации ядерного оружия. К 1 июля 1992 года Республика Беларусь, Республика Казахстан и Украина обеспечат вывоз тактического ядерного оружия на центральные предзаводские базы для его разукomплектирования под совместным контролем.

Статья 7

Правительства Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации (РСФСР), Украины обязуются представить договор по СНВ на ратификацию в Верховные Советы своих государств.

Статья 8

Настоящее Соглашение подлежит ратификации. Оно вступит в силу на 30-й день после сдачи всех ратификационных грамот на хранение правительству РСФСР.

За Республику Беларусь: С. Шушкевич;
за Республику Казахстан: Н. Назарбаев;
за Российскую Федерацию: Б. Ельцин;
за Украину: Л. Кравчук

Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной

Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация (РСФСР), Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина на равноправных началах и как Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств вступает в силу для каждой из Высоких Договаривающихся Сторон с момента его ратификации.

На основе Соглашения о создании Содружества Независимых Государств и с учетом оговорок, сделанных при его ратификации, будут выработаны документы, регламентирующие сотрудничество в рамках Содружества.

Настоящий протокол является составной частью Соглашения о создании Содружества Независимых Государств.

Совершено в г. Алма-Ате 21 декабря 1991 года в одном экземпляре на азербайджанском, армянском, белорусском, казахском, кыргызском, молдавском, русском, таджикском, туркменском, узбекском и украинском языках. Все тексты имеют одинаковую силу. Подлинный экземпляр хранится в архиве Правительства Республи-

ки Беларусь, которое направит Высоким Договаривающимся Сторонам заверенную копию настоящего Протокола.

За Азербайджанскую Республику: А. Муталибов;
за Республику Армения: Л. Тер-Петросян;
за Республику Беларусь: С. Шушкевич;
за Республику Казахстан: Н. Назарбаев;
за Республику Кыргызстан: А. Акаев;
за Республику Молдова: М. Снегур;
за Российскую Федерацию (РСФСР): Б. Ельцин;
за Республику Таджикистан: Р. Набиев;
за Туркменистан: С. Ниязов;
за Республику Узбекистан: И. Каримов;
за Украину: Л. Кравчук

*Печатается по тексту публикации
в газете «Правда», 23 декабря 1991 года.*

Примечания

¹ Заседание Государственного совета СССР 14 ноября 1991 года проходило не в Кремле, где обычно проходили заседания этого органа, а в Ново-Огареве. Основным вопросом было обсуждение проекта нового (политического) Союзного договора. Затем рассматривались вопросы структуры МЭК и другие экономические вопросы.

В заседании принимали участие Президент России Б.Н. Ельцин, Председатель Верховного Совета Беларуси С.С. Шушкевич, Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, Президент Азербайджана А.Н. Муталибов, Президент Кыргызстана А.А. Акаев, Председатель Верховного Совета Туркмении С.Н. Мурадов, заместитель Председателя Верховного Совета Таджикистана А.И. Искандаров. Президент Узбекистана И.А. Каримов дал согласие на участие в заседании, но к его началу не успел прилететь. Отсутствовали представители Украины и Армении. Председатель Верховного Совета Украины Л.М. Кравчук не намеревался участвовать в работе Госсовета СССР до проведения референдума в республике 1 декабря 1991 года. Президент Армении Л.А. Тер-Петросян находился в США.

Грачев пишет: «Заседание в Ново-Огареве началось с громовых раскатов. Приехавший последним Ельцин хмуро прошел в комнату на первом этаже, где Горбачев собрал уже прибывших участников. Сам его вид не предвещал безмятежного заседания.

Как оказалось, он был взбешен поступившей к нему информацией о том, что Горбачев на пресс-конференции по поводу выхода своей книги якобы “проходился” по адресу российского руководства в связи с событиями в Чечено-Ингушетии.

— Раз вы критикуете Россию, — бросил он Горбачеву, — мы будем отвечать. Выходит, кончились наши новые отношения, которые продолжались всего три месяца после августа.

Горбачев опешил. Положение осложнялось тем, что отвечать Ельцину приходилось в присутствии собравшихся других республиканских лидеров. Те, почувствовав неуместность своего присутствия при “семейной сцене”, один за другим выбрались из комнаты.

Горбачев постарался успокоить российского президента, сказал, что не имел в виду осложнять его жизнь. Больше того, он ведь постарался выразить поддержку его позиции в пользу сохранения целостности России и обещал в подтверждение своих слов показать стенограмму пресс-конференции. Ельцин, несмотря на примирительный тон Президента, еще некоторое время не мог остыть. Ворчал по поводу «горбачевского» телевидения, которое-де постоянно повторяет его критические высказывания в адрес российского руководства, негодовал из-за того, что россияне дискриминируют в вопросах распределения дачных поселков и домов отдыха. Однако «пар был выпущен», и можно было открывать заседание». (Грачев А.С. *Дальше без меня... Уход Президента*. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. С. 143.)

² Имеется в виду высказывание Г.Э. Бурбулиса в так называемом «Меморандуме Бурбулиса» (или по-другому в «Аналитической записке Бурбулиса»). Официальное название документа — «Стратегия России в переходный период».

3 октября 1991 года в газетах появилось сообщение о состоявшейся накануне традиционной встрече российских депутатов с госсекретарем Геннадием Бурбулисом. Как пишет «Независимая газета», «последний высказал ряд сугубо индивидуальных, по его же признанию, соображений, объединявшихся в некую единую концепцию. Во-первых, как считает Бурбулис, Российская Федерация обязана заявить наконец о своей независимости (Декларация о государственном суверенитете во внимание не бралась). Причем сделать это необходимо наиболее выигрышным для России путем...».

Бурбулис, вероятно, ставил перед собой задачу лишь намекнуть, какие шаги собирается сделать в недалеком будущем российское руководство. Эти намеки он делал, исходя из только что состоявшейся между ним и Б.Н. Ельциным подробной беседы. В начале сентября Ельцин уехал на отдых в Сочи. 24 сентября к Ельцину приехал Бурбулис. Он привез документ, который, возможно, сыграл существенную роль в представлении Ельцина, куда именно следует грести в сложившейся обстановке. Горбачев даже считал, что эта роль была едва ли не решающей. Документ назывался «Стратегия России в переходный период».

В «Меморандуме» был анализ чрезвычайной ситуации, сложившейся в стране, и предложения, что следует без промедления делать, подготовленные группой Егора Гайдара, в которую входили Владимир Машиц, Андрей Нечаев, Алексей Головков, Константин Кагаловский, Андрей Вавилов и другие.

В документе говорилось, что следует различать политическую обстановку до путча и после него: до августа республики сообща боролись против Центра, после него между Россией и ее бывшими коллегами по Союзу обозначились противоречия. В значительной мере они были объективными, связанными с различным уровнем развития экономики, запасами природных ресурсов, но в какой-то степени и субъективными — не все республики одинаково представляли себе, в какую сторону теперь им следует двигаться в своем историческом развитии. Эти противоречия и начинал использовать Центр. «Объективно России не нужен стоящий над ней экономический Центр, занятый перераспределением ее ресурсов, — говорилось

в “Меморандуме”. — Однако в таком Центре заинтересованы многие другие республики. Установив контроль над собственностью на своей территории, они стремятся через союзные органы перераспределять в свою пользу собственность и ресурсы России. Так как такой Центр может существовать лишь при поддержке республик, он объективно... будет проводить политику, противоречащую интересам России».

Отсюда делался вывод, что России следует взять курс на экономическую независимость при «мягком», «временном» политическом союзе с другими республиками, то есть создавать не декларируемое, а подлинно независимое российское государство с собственной валютой, собственным бюджетом, национальным банком, собственной налоговой системой, таможенной и пограничной службами...

Заключительная часть «Меморандума» была посвящена тому, какова должна быть роль Президента РСФСР в преодолении хозяйственного кризиса и восстановлении экономического роста. Для этого, по мнению авторов, требуется, во-первых, высокое общественное доверие к политическому лидеру и, во-вторых, высокий профессионализм исполнителей... Провал таких попыток происходит либо из-за того, что слабой оказывается политическая власть, либо по причине, что сильные политические фигуры пренебрегают советами экономистов-профессионалов. *(Из открытого источника Интернета: <http://www.yeltsincenter.ru/en/node/2571>.)*

«Известия» 3 октября 1991 года опубликовали комментарий по этому поводу Государственного советника РСФСР С.Б. Станкевича: «С эффектом разорвавшейся бомбы можно сравнить впечатление, которое произвело на отечественных и зарубежных политиков заявление Госсекретаря РСФСР Геннадия Бурбулиса о том, что Россия “может и должна стать” правопреемником Союза ССР и всех его структур.

В первую очередь это заявление означает, что Россия незамедлительно должна стать государством... В высказывании Госсекретаря России говорится лишь о готовности республики стать правопреемником и, разумеется, далеко не всех полномочий и функций Союза... Это относится, например, к контролю над ядерным оружием. ...Если в ближайшие дни стороны не выработают решение по этому вопросу, то единственным естественным правопреемником выглядит в этой ситуации Россия. Но здесь не должно быть произвольных и односторонних действий. Необходим интенсивный диалог с республиками, и такой диалог уже идет.

По мнению Станкевича, из прежнего Союза ССР будет создан Союз государств, за что высказалось большинство республик. А это ситуацию меняет в принципе: только государство может быть представлено в Совете Безопасности ООН, но не Союз государств. Россия также может выступить и правопреемником по большинству международных обязательств прежнего Союза ССР, ибо большая часть долгов ляжет на нее. И республика готова к этому...»

7 октября «Известия» опубликовали сообщение о позиции Н.А. Назарбаева: «Все республики будут против того, чтобы одна из них была правопреемником такого государства, как СССР». Президент Казахстана сказал об этом, выступая на конференции ряда общественных организаций и движений по созданию партии «Народный конгресс Казахстана». «То, что создано всем народом, является достоянием всех, и так и должно

быть», — добавил он. На конференции принято заявление, в котором отмечается, что заявление Геннадия Бурбулиса и Сергея Станкевича может «сорвать заключение экономического союза суверенных государств».

Документ имел гриф «Строго конфиденциально», но тем не менее «ту-лял» по столам, что дало возможность ознакомиться с ним широкому кругу лиц. 2 октября «Меморандум» был рассмотрен на заседании Политического консультативного совета. Представляется, что тогда его значение в должной степени оценено не было. Его приняли к сведению.

Горбачев позднее писал: «...В чем смысл этой записки? В том, мол, что Россия потеряла уже половину из того, что она выиграла после августовского путча, хитрый Горбачев плетет сети, реанимирует старый Центр, и его будут поддерживать республики. Все это невыгодно России, и это надо остановить, прервать. План Явлинского — это, мол, сильный Центр и т.п. Российский план состоит в другом: независимые республики и государства и некое образование для “бракоразводных” процессов. Не для того, чтобы сотрудничать, а для того, чтобы независимость превратилась в отделение...» (Горбачев М.С. *Декабрь-91. Моя позиция*. М.: Издательство «Новости», 1992. С. 35.)

³ Межреспубликанский экономический комитет СССР был образован на паритетных началах союзными республиками в соответствии с Законом СССР от 5 сентября 1991 года «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период». Был подотчетен Президенту СССР, Государственному совету СССР и Верховному Совету СССР. На основании договора об Экономическом сообществе (между союзными республиками и республиками, заявившими о выходе из состава СССР) от 18 октября 1991 года и в соответствии с постановлением Государственного совета СССР от 14 ноября 1991 года МЭК стал исполнительным органом Экономического сообщества — Межгосударственным экономическим комитетом.

⁴ В октябре 1989 года Э. Хонеккер был снят со всех партийных и государственных постов, в декабре — исключен из СЕПГ. После объединения Германии в 1990 году судебные власти Германии выдали ордер на арест Хонеккера, обвиняемого в том, что он санкционировал убийство граждан ГДР, пытавшихся перебежать в ФРГ. Со ссылкой на данные западногерманской полиции, называлось 118 убитых. Также Хонеккеру были предъявлены обвинения в злоупотреблении властью и хищении государственного имущества. Он укрывался сначала в берлинской больнице «Шарите», а с 3 апреля 1990 года в советском военном госпитале около Потсдама. В марте 1991 года Хонеккер с супругой Маргот выехали в Советский Союз, о чем 13 марта 1991 года посол СССР в Бонне официально уведомил правительство ФРГ. Несколько месяцев Хонеккер жил в СССР в качестве «личного гостя» Президента СССР, но 10 декабря 1991 года министр юстиции РСФСР Н. Федоров потребовал, чтобы он в трехдневный срок покинул страну. Хонеккер с 11 декабря нашел убежище в посольстве Чили в Москве. Однако 29 июля 1992 года был экстрадирован из России в Германию администрацией Б.Н. Ельцина. Судебное преследование против него было прекращено в ФРГ ввиду крайне тяжелого состояния здоровья. В январе 1993 года Хонеккер получил разрешение на выезд в Чили, где проживала со своей семьей его дочь. Там 29 мая 1994 года он умер.

⁵ Грачев пишет: «На перерыв разошлись с двумя вариантами формулировки. Одна была представлена Ельциным, вторая — Горбачевым. При перепечатке помощники догадались снять упоминания об авторстве и обозначили их, как на конкурсе, анонимно: номер 1 и номер 2 — для того чтобы избежать нового конфликта самолюбий.

Смысл компромисса был уже очевиден — единое конфедеративное государство (по Горбачеву), лишенное единой конституции (по Ельцину).

За время обеда, прослушав зачитанную самим Горбачевым стенограмму его высказываний о Чечне и убедившись, что подвоха не было, Ельцин окончательно успокоился и даже пришел в хорошее расположение духа.

— Смотрите, как плохо начали и как хорошо заканчиваем, — сказал он, как бы изумляясь этому». (*Грачев А.С. Дальше без меня... С. 148.*)

⁶ Свою точку зрения о новом Союзном договоре М.С. Горбачев высказывал на многих встречах. В данном случае, вероятнее всего, имеется в виду пресс-конференция во время презентации его книги «Августовский путч: причины и следствия», состоявшейся в Москве 12 ноября 1991 года. (*См. данное Собрание сочинений. Т. 29. С. 344–360.*)

⁷ Н.А. Назарбаев был избран Президентом Казахской ССР Верховным Советом республики 24 апреля 1990 года. 1 декабря 1991 года (одновременно с референдумом о независимости и выборами Президента на Украине) состоялись первые всенародные выборы Президента Республики Казахстан, в ходе которых Назарбаев получил поддержку 98,7% избирателей.

⁸ Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР была образована в 1921 году на части территории бывшей Таврической губернии; в 1945 году преобразована в Крымскую область. Передача Крымской области из состава РСФСР в состав УССР была осуществлена на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года. Изменение территории республик не входило в полномочия Президиума Верховного Совета СССР. Согласно действовавшей тогда Конституции СССР 1936 года, этот вопрос находился в ведении Верховного Совета СССР, который утвердил Указ своего Президиума Законом СССР от 26 апреля того же года. Это противоречило Конституции РСФСР 1937 года, согласно которой территория РСФСР не могла быть изменена без ее согласия.

Необходимость передачи объяснялась общностью экономики, территориальной близостью и тесными хозяйственными и культурными связями между Крымской областью и Украинской ССР.

20 ноября 1990 года Б.Н. Ельцин и Л.М. Кравчук подписали договор, по которому РСФСР и УССР договорились признавать и уважать территориальную целостность республик в ныне существующих в рамках СССР границах.

20 января 1991 года в Крыму прошел референдум о воссоздании автономного статуса региона. Вопрос был сформулирован так: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?» «За» проголосовало 93% крымчан. 12 февраля 1991 года Верховный Совет Украинской ССР принял закон о восстановлении Крымской АССР в пределах Крымской области в составе УССР. Через четыре месяца соответствующие изменения были внесены в Конституцию УССР и Крымская область была преобразована

в Крымскую АССР в составе УССР. Таким образом, результаты референдума не были учтены. Неопределенность положения Крыма усилилась после провозглашении Украиной независимости 24 августа 1991 года.

⁹ Материалы о передаче Н.С. Хрущевым части казахстанских земель Узбекистану в середине 1950-х — начале 1960-х годов встречаются в основном в мемуарной литературе. Упоминается о следующих эпизодах.

Осенью 1956 года Узбекистану был передан Бостандыкский район с плодородной землей и многотысячными отарами овец.

Хрущеву приписывалась идея сконцентрировать производство хлопка в республиках Средней Азии с доминирующей ролью Узбекской ССР. В связи с этим рассматривался вариант передачи Узбекистану трех областей на юге Казахстана.

Кроме того, по инициативе Хрущева в 1960 году был образован Целинный край, куда вошли Акмолинская, Костанайская, Кокшетауская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области. Целинный край формально был в составе Казахстана, фактически же подчинялся руководству СССР. Край наделялся огромными привилегиями, финансовые ассигнования и материальные ресурсы получал, минуя республиканские органы, непосредственно из Москвы. Был упразднен в 1965 году вскоре после смещения Хрущева.

¹⁰ Внеочередной пятый Съезд народных депутатов СССР проходил 2–5 сентября 1991 года.

¹¹ Речь идет об Александре Владимировиче Руцком — военном летчике, генерал-майоре в отставке. В 1985–1988 годах Руцкой участвовал в боевых действиях в Афганистане. В ходе одной из операций в апреле 1986 года его самолет был сбит. После лечения Руцкой в апреле 1988 года вернулся в Афганистан. В августе 1988 года был сбит истребителем ВВС Пакистана, попал в плен. 20 августа 1988 года передан советским дипломатическим представителям в Исламабаде в обмен на гражданина Пакистана, обвиненного в шпионаже против СССР. С 10 июля 1991 года по 25 декабря 1993 года вице-президент Российской Федерации (РСФСР). Должность была упразднена 25 декабря 1993 года в связи с вступлением в силу Конституции РФ, в которой она не была предусмотрена.

¹² М.С. Горбачев имеет в виду беседу с заместителем министра сельского хозяйства США Р. Краудером и помощником Президента США Э. Хьюиттом 13 ноября 1991 года. (См. *данное Собрание сочинений*. Т. 29. С. 383–390.)

¹³ Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик — договор об объединении в союзное государство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Украинской Социалистической Советской Республики, Белорусской Социалистической Советской Республики и Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики был подписан 29 декабря 1922 года на конференции делегаций от съездов Советов этих четырех республик. Утвержден 30 декабря 1922 года на первом Всесоюзном съезде Советов.

¹⁴ На момент подписания Договора об образовании СССР каждая из вошедших в его состав республик уже имела свою Конституцию. Первый Всесоюзный съезд Советов в декабре 1922 года принял решение о разработке общесоюзной Конституции. Первая Конституция была принята вторым съездом Советов 31 января 1924 года. Вторая Конституция СССР («Сталинская») утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Со-

юза ССР от 5 декабря 1936 года. Третья Конституция («Брежневская») принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва.

¹⁵ Обсуждение Союзного договора затянулось. Уже поздно вечером перешли к экономическим вопросам. После небольшого перерыва к членам Госсовета присоединились эксперты-экономисты и другие специалисты, не участвовавшие в первой части заседания.

¹⁶ Имеется в виду заседание Государственного совета СССР 4 ноября 1991 года. (См. данное Собрание сочинений. Т. 29. С. 232–299.)

¹⁷ Так в стенограмме. В действительности Г.А. Явлинский не был членом Госсовета СССР, куда входили высшие должностные лица республик. С конца августа 1991 года он являлся заместителем руководителя Комитета по управлению народным хозяйством СССР в ранге вице-премьера (руководитель Комитета — И.С. Силаев), с 2 октября 1991 года одновременно — член Политического консультативного совета при Президенте СССР.

¹⁸ Далее были заслушаны сообщения заместителя председателя Комитета по управлению народным хозяйством СССР, члена Политического консультативного комитета при Президенте СССР Г.А. Явлинского; заместителя министра финансов СССР В.А. Раевского и председателя правления Государственного банка СССР В.В. Герашенко. (См. Приложение 1, с. 530–553.)

¹⁹ Пресс-конференция, по свидетельству всех ее участников, была очень короткой. «Правда» 16 ноября 1991 года писала: «...Участие в ней приняли Президент СССР М. Горбачев, Президент РСФСР Б. Ельцин, Президент Казахстана Н. Назарбаев, Председатель Совета Министров Республики Беларусь С. Шушкевич, Президент Кыргызстана А. Акаев, Председатель Верховного Совета Туркменистана С. Мурадов, заместитель Председателя Верховного Совета Таджикистана А. Искандаров. Некоторое удивление представителей прессы вызвало то, что не принял участия в пресс-конференции Президент Азербайджана А. Муталибов.

Все участники встречи единодушно высказались за то, что политический Союз суверенных государств жизненно необходим. И решение это родилось не за светлыми занавесками ново-огаревской усадьбы в одночасье — оно продиктовано жизнью, кризисной ситуацией в стране. Многие срочные экономические реформы тормозятся, пробуксовывают порой именно из-за того, что нет между бывшими республиками политического согласия...»

Корреспондент «Правды» отметил: неизвестно, затрагивались ли на заседании проблемы Чечено-Ингушетии и других северокавказских республик. «Однако по замечаниям участников заседания можно было догадаться: межнациональным отношениям в стране они придают исключительно важное значение. М. Горбачев, во всяком случае, прямо сказал, что в конфликтующих республиках есть силы, которые не хотят ни примирения, ни согласия. Они-то и подталкивают к продолжению ожесточенного противоборства...»

Отвечая на вопрос корреспондента «Известий» о возможных сроках заключения Договора о ССГ, Горбачев сказал: «У нас у всех желание двигать этот процесс насколько возможно быстрее. И вместе с тем нельзя торопиться. После следующего заседания Госсовета пойдет основной процесс, который можно будет раскладывать по времени. Но главное — не поте-

рять темп и не увязнуть в политических баталиях». («Известия», 15 ноября 1991 года.)

Грачев пишет: «Горбачев приемами умелого пастыря завел всю великолепную семерку (на самом деле — шестерку, так как Муталибову удалось ускользнуть от журналистов) в зал с сияющими прожекторами телекамер. Отвечать на первый вопрос он предоставил Борису Николаевичу. Оставшись один на один с требовательно смотревшей и слушавшей его страной, тот торжественно возвестил:

— Договорились, что будет Союз — демократическое конфедеративное государство.

...После слов Ельцина остальные члены Госсовета и даже пресса почувствовали себя спокойнее. И уже почти как дружеский обмен привычными колкостями воспринимались реплики Ельцина в адрес Горбачева:

— Правда, мы не всегда Вас понимали.

И удалой ответ Президента:

— Это неважно, лишь бы потом присоединились». (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 150–151.)

О своих отношениях с Б.Н. Ельциным того периода сам М.С. Горбачев позднее говорил так: «Спрашивается, что же это за человек — Ельцин? Вот мы договариваемся. Не по пустякам — о судьбе государства. Через день-два новая ситуация, и он начинает позицию менять. Назарбаев был тверд и последователен в вопросах Союза до конца. Ельцин говорит одно, а сам ведет закрытую линию, тоже до конца. И так не раз. Мы договариваемся, а он потом идет и делает иначе. Как только я куда-то уехал, он здесь что-то предпринимает, чтобы внести смуту в стране...» (Из интервью М.С. Горбачева. См.: «Российская газета», № 244, 14 декабря 2011 года.)

²⁰ Министр иностранных дел Индии Мадхавсинха Соланки прибыл в Советский Союз с официальным визитом 14 ноября 1991 года. В тот же день он встречался с И.С. Силаевым, руководителями экономики СССР и России. Беседа М.С. Горбачева с М. Соланки состоялась 15 ноября, после чего министр иностранных дел Индии встретился с Б.Н. Ельциным.

²¹ Соланки, подчеркнув, что для Индии Горбачев давний и пользующийся полным доверием друг, передал ему личное послание Премьер-министра Индии Нарасимха Рао.

Далее Соланки сказал: «В последнее время события в Советском Союзе развиваются с головокружительной скоростью. Мы с восхищением следим за Вашими усилиями, направленными на предотвращение распада Советского Союза, поиски новых путей строительства обновленной страны. Успех Ваших усилий нужен не только Советскому Союзу, он важен для мира и стабильности в Европе, Азии и во всем мире.

Мы в Индии оптимистически смотрим на будущее Советского Союза. Мы верим, что из полосы временных испытаний Советский Союз выйдет укрепившимся и обновившимся. Решающую роль в этом сыграют те демократические ценности, которые Вы принесли в общество в процессе перестройки политической жизни и государственного строя вашей страны.

По любым меркам Советский Союз является и останется великой державой. И не только в силу прежних своих достижений, но и благодаря тому огромному человеческому и материальному потенциалу, который определяет его будущее. Для мира чрезвычайно важно, чтобы влияние Совет-

ского Союза и впредь осуществлялось в интересах мира, сотрудничества, разоружения, особенно ядерного.

В 1986 году Вы и наш покойный премьер-министр Раджив Ганди подписали Делийскую декларацию о безъядерном и ненасильственном мире. Начавшийся процесс ядерного разоружения получил мощный импульс в результате Вашего ответа на инициативу Президента Буша, что полностью соответствует духу Делийской декларации. Мы приветствуем эти шаги и готовы взаимодействовать с вами в их реализации.

Мы убеждены, что Советский Союз будет и впредь взаимодействовать со странами «третьего мира» в деле создания нового, справедливого, основанного на демократических ценностях мирового порядка в рамках эффективной и сильной многосторонней системы под эгидой ООН. Мы верим, что Советский Союз будет и впредь поддерживать законные устремления развивающихся стран в плане создания благоприятной международной среды для их развития...

В ходе моих переговоров с министром Панкиным я говорил о некоторых проблемах, возникших у нас в последнее время, и с Вашего разрешения хотел бы кратко упомянуть о них сейчас.

Некоторые из этих проблем приводят к серьезным сбоям в индийско-советском сотрудничестве. Они являются результатом далеко идущих изменений в обеих наших странах. Мы хорошо понимаем, что окончательное решение этих проблем может быть найдено лишь после того, как сложатся новые политические и экономические структуры. Однако мы считаем, что если некоторые из этих проблем не будут рассмотрены срочно на высоком политическом уровне, ситуация может ухудшиться до такой степени, что это нанесет ущерб интересам обеих наших стран. Мы убеждены, что этого не произойдет, что благодаря Вашему интересу и вмешательству вскоре удастся найти взаимоприемлемые решения... Мы просим Вас, чтобы эти решения не затягивались. Мы готовы к обсуждениям и переговорам на этот счет на уровне экспертов и старших должностных лиц после моего визита и в свете тех политических указаний, которые, как мы надеемся, будут даны.

Я не хочу углубляться в подробности, отмечу лишь, что Индия является надежным рынком сбыта советских машин и оборудования, а наши выплаты по кредитам всегда были в высшей степени аккуратными. Мы продолжали четкие поставки сельскохозяйственной продукции и товаров широкого потребления, необходимых для СССР, даже тогда, когда поставки необходимых нам товаров советской стороной сокращались, что привело к росту нашего технического кредита СССР и увеличению масштабов финансового дефицита — а против этого наверняка будет возражать МВФ.

Мы просили бы, чтобы до тех пор, пока обе страны не смогут перейти в своих расчетах на свободно конвертируемую валюту, сохранялись нынешние механизмы в торговле, о которых наши правительства договорились в июле 1990 года. Вы заверяли нас, что не будет каких-либо изменений в условиях поставок военной техники без взаимной договоренности. Поэтому сейчас необходимо срочно заключить протокол о торговле на 1992 год, в рамках которого поставки продукции, имеющей для нас стратегическое значение, сохранялись бы на нынешнем уровне, если их нельзя увеличить. Мы пока не знаем, с кем мы должны заключать этот протокол — с Центром или республиками.

Хочу подчеркнуть, что установленное в 1978 году соотношение рубля и рупии является сейчас нереалистическим, искажает условия торговли и приводит к увеличению внешнего долга Индии. Поэтому важно договориться о новом соотношении, которое четко отражало бы рыночную цену соответствующих валют.

Кредиты, которые предоставлены Советским Союзом и до сих пор не использованы, должны и впредь оставаться доступными для нас. Надо сказать, что 50% новых энергетических мощностей, которые предстоит ввести, зависят от этих кредитов...

И последнее. Наша национальная безопасность в весьма значительной степени зависит от стабильных поставок военной техники и технологии из Советского Союза, особенно сейчас, когда за нашей границей существует очаг угрозы в лице Пакистана, ведущего подрывные, террористические действия против нашей страны. В итоге нынешних трудностей может возникнуть ситуация, когда наша оборонная готовность может оказаться в серьезной опасности.

Учитывая перемены, происходящие в Советском Союзе, мы уже несколько месяцев назад решили укрепить отношения между Индией и республиками. Начало этому процессу было положено визитом Президента Узбекистана Каримова. Мы хотим, чтобы этот процесс продолжался. В то же время мы будем и впредь действовать строго в рамках конституционно-го устройства Советского Союза...». (АГФ. Фонд № 1, опись № 1.)

²² Стенограммы заседания Государственного совета СССР 14 ноября 1991 года см. в *данном томе* с. 13–85.

²³ По словам Грачева, итоги заседания Государственного совета СССР 14 ноября 1991 года Горбачев оценивал положительно. Грачев вспоминал: «Еще несколько дней после этого заседания Горбачев не мог “остыть”. Он с подробностями рассказывал о всех его перипетиях тем членам своего окружения, которых не было на заседании, как бы вновь переживая драматические моменты борьбы, столкновения аргументов и характеров, острое ощущение риска и победы». (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 152.)

²⁴ В беседе с М.С. Горбачевым участвовали главный редактор журнала «Штерн» Р. Шмидт-Хольц, заместитель главного редактора И. Шильдт, московский корреспондент журнала И. Фосвинкель и советская журналистка А. Безыменская. «Независимая газета» опубликовала выдержки из интервью, предварив его фразой: «Мы публикуем наиболее интересные, на наш взгляд, отрывки из стенограммы, касающиеся внутриполитических проблем. Возможно, наш выбор и не совпадет с выбором журнала «Штерн», который опубликует свою версию интервью в четверг (*то есть 21 ноября*)».

²⁵ «Вчера» — по словам М.С. Горбачева, то есть 14 ноября 1991 года, в Ново-Огареве проходило заседание Государственного совета СССР (см. *данный том*. С. 13–85); 13 ноября Горбачев встречался с представителями Всеобщей Конфедерации профсоюзов СССР (см. *данное Собрание сочинений*. Т. 29. С. 391–410); в Мадриде Горбачев находился 28–30 октября в связи с открытием Мирной конференции по Ближнему Востоку (см. *там же*. С. 125–178).

²⁶ Официальной датой создания Театра имени Вахтангова считается 13 ноября 1921 года. Торжественных мероприятий в честь 70-летия театра в 1991 году не проводилось. Однако к этой круглой дате был возобновлен

спектакль «Принцесса Турандот» в новой редакции режиссера Г.М. Черняховского, премьера которого состоялась 13 ноября 1991 года.

²⁷ Встреча М.С. Горбачева с руководителями министерств образования состоялась 10 сентября 1991 года.

²⁸ Торжественное заседание, посвященное 170-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского, проходило 11 ноября 1991 года в Колонном зале Дома Союзов. С докладом о творчестве писателя выступил Ю.Ф. Карякин. На мероприятии присутствовали М.С. и Р.М. Горбачевы.

²⁹ Визит Президента России Б.Н. Ельцина в Германию (по приглашению канцлера Г. Коля) проходил 21–23 ноября 1991 года.

³⁰ 15 ноября 1991 года Президент РСФСР Б.Н. Ельцин подписал серию Указов и Постановлений, которые, по мнению экспертов, означали начало борьбы российского руководства за рынок в соответствии с новой концепцией и свидетельствовали о том, что Ельцин намерен не только выступать с решительными заявлениями относительно реформы, но и решительно действовать, без согласования с другими республиками.

Указы Президента РСФСР: «Об отмене ограничений на заработную плату и на прирост средств, направляемых на потребление», «О повышении заработной платы работников бюджетных организаций и учреждений», «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)», «О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории РСФСР», «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР». Постановления Правительства РСФСР: «О порядке введения минимального размера оплаты труда в РСФСР», «О мерах по финансовому обеспечению экономической реформы и защите финансовой системы РСФСР», «Об организации работы в связи с ликвидацией министерств и других органов государственного управления СССР», «О регулировании поставок нефти и продуктов ее переработки за пределы РСФСР», «О торговых представительствах СССР за рубежом». *(Полностью текст Указов и Постановлений опубликован в «Российской газете» 19 ноября 1991 года.)*

³¹ В конце архивной записи приводится комментарий Г.Х. Шахназарова, в котором он обобщает свои впечатления от высказанного на совещании: «Тон разговора такой: линия в отношении Ельцина — подталкивать к принятию определенных решений, убеждать. Но Ельцин стоит на своем. У него горизонт мышления узок, а уж если он во что-то уверует — цепляется, как бульдог». (АГФ. Фонд № 10, опись № 2.)

³² Эмир Кувейта Джабер аль Ахмед ас-Сабах прибыл в Москву с кратким рабочим визитом 18 ноября 1991 года. В тот же день его принял М.С. Горбачев. На беседе присутствовали: с советской стороны — советник Президента СССР К.Н. Брутенц; с кувейтской стороны — посол Кувейта в Москве А. Дуэйдж. Программа визита эмира также включала встречу с Б.Н. Ельциным.

³³ Резолюция Совета Безопасности ООН № 678 «Ситуация в отношениях между Ираком и Кувейтом» принята 29 ноября 1990 года.

³⁴ Беседа М.С. Горбачева с Премьер-министром Израиля И. Шамиром состоялась 29 октября 1991 года в Мадриде. (См. данное Собрание сочинений. Т. 29. С. 145–149.)

³⁵ Б.Д. Панкин был назначен послом СССР в Великобритании 19 ноября 1991 года.

³⁶ «Ю.С. Ньус энд Уорлд Рипорт» (англ. — «U.S. News & World Report») — один из ведущих еженедельников США, издается в Вашингтоне. М.С. Горбачев принял 19 ноября 1991 года главного редактора журнала Мортимера Зукермана и заведующего московским бюро журнала Дугласа Стэнглина. Встреча продолжалась 1 час 20 минут и проходила в Кремле.

³⁷ Видимо, М.С. Горбачев имеет в виду беседу с руководителями Национальной ассоциации губернаторов США, состоявшуюся в Москве 11 ноября 1991 года. (См. данное Собрание сочинений. Т. 29. С. 332–335.)

³⁸ М.С. Горбачев встречался с делегатами второго Межреспубликанского Союза трудовых коллективов 19 октября 1991 года. (См. данное Собрание сочинений. Т. 29. С. 63–78.)

³⁹ М.С. Горбачев познакомился с Дж. Гэлбрейтом во время визита в США 7–10 декабря 1987 года. 8 декабря в советском посольстве в Вашингтоне состоялась встреча Горбачева с американской общественностью, в которой участвовал и Гэлбрейт.

⁴⁰ Президент США Дж. Буш приветствовал назначение Э.А. Шеварднадзе министром внешних сношений СССР. Перед встречей с членом Политического консультативного совета при Президенте СССР А.Н. Яковлевым Буш заявил: «Мы его хорошо знаем и испытываем к нему глубокое уважение. У Шеварднадзе много друзей в этой стране. Мы будем работать с ним в тесном контакте».

Министр иностранных дел и по делам Содружества Д. Хэрд заявил: «Назначение Шеварднадзе еще раз продемонстрировало твердое намерение Советского Союза проводить последовательный внешнеполитический курс. Рассудительность, опыт и мужество этого политического деятеля обеспечит огромные преимущества не только Советскому Союзу, но и всему мировому сообществу в целом». (См.: «Известия», 20 ноября 1991 года.)

⁴¹ В беседе приняли участие: первый заместитель министра финансов Великобритании Н. Уикс, первый заместитель министра финансов США Д. Малфорд, статс-секретарь Министерства финансов ФРГ Х. Кёллер, генеральный директор Министерства экономики и финансов Франции Ж.-К. Трише, генеральный директор Министерства экономики и финансов Италии М. Драги, заместитель министра финансов Японии Т. Тсино, заместитель министра финансов Канады Д. Додж.

⁴² Первая встреча заместителей министров финансов стран «большой семерки» с главами правительств двенадцати республик (кроме прибалтийских) проходила в Москве 27–28 октября 1991 года. Обсуждались вопросы внешних контактов и, в частности, проблемы выплаты внешнего долга СССР. Итогом встречи стал меморандум о взаимопонимании в отношении погашения долга иностранным кредиторам со стороны СССР и его правопреемников. Речь шла о солидарной ответственности республик по долгам СССР. Первоначально планировалось, что вторая встреча откроется 9 ноября в Киеве, но она была перенесена на более поздний срок в Москву. Второй раунд переговоров с «семеркой» открылся 18 ноября и завершился встречей с М.С. Горбачевым 20 ноября.

⁴³ На тот момент Украина, Узбекистан и Азербайджан отказались присоединиться к Меморандуму; неясным также оставался вопрос с Грузией.

⁴⁴ Поездка Горбачева в Лондон для встречи с главами государств — участниками «семерки» проходила 17–19 июля 1991 года. (См. *данное Собрание сочинений*. Т. 27. С. 13–92.)

⁴⁵ Имеется ввиду телефонный звонок М.С. Горбачева Дж. Мейджору после того, как Президент СССР подписал Указ о назначении нового посла СССР в Великобритании.

⁴⁶ Бывший Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер обратилась к руководителям Запада с призывом оказать помощь СССР и странам Восточной Европы в проведении экономических реформ. «Запад вряд ли окажется невиновным, если русский народ, который столь отважно поднялся против танков и КГБ в августе, будет голодать этой зимой и начнет основательно разочаровываться в рыночной экономике», — предупредила М. Тэтчер, выступая 16 ноября 1991 года в Совете по международным отношениям в Лос-Анджелесе. (См.: «Правда», 19 ноября 1991 года) [Совет по международным отношениям — частная американская организация в сфере международных связей.]

⁴⁷ М.С. Горбачев посетил Мадрид 28–30 октября 1991 года в связи с открытием Международной конференции по Ближнему Востоку. Оттуда он, по приглашению Ф. Миттерана, вылетел во Францию, где находился 30–31 октября в Лаче (президентский хуторок в Пиренеях).

⁴⁸ Сессия Совета НАТО на уровне глав государств и правительств проходила в Риме 7–8 ноября 1991 года. Рассматривались вопросы о дальнейших преобразованиях этого союза и об усилении политических акцентов в его деятельности. По итогам встречи была принята «Римская декларация сессии Совета НАТО о мире и сотрудничестве».

⁴⁹ Первая сессия Верховного Совета СССР нового состава (XIII созыва) начала свою работу 21 октября 1991 года. На втором совместном заседании Совета Союза и Совета Республик 20 ноября 1991 года присутствовали народные депутаты СССР, не являющиеся членами палат, а также представители от Азербайджана, Молдовы и Украины в качестве наблюдателей. Председательствовал Председатель Совета Республик Верховного Совета СССР А.Т. Алимжанов.

⁵⁰ 4 ноября 1991 года начальник Управления Генеральной прокуратуры Союза ССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности В.И. Илюхин возбудил уголовное дело в отношении Президента СССР М.С. Горбачева за измену Родине по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР, поскольку, по его мнению, для этого были объективные показания. 5 ноября Горбачев получил от Генерального прокурора СССР Н.С. Трубина уведомление об этом, сообщение также прошло в вечерних выпусках телевизионных новостей. Продолжения расследования уголовного дела не последовало, так как решение Илюхина было отменено Генеральным прокурором СССР.

⁵¹ Имеется в виду Ахалтекинская экспедиция — военная операция Русской армии по покорению племен текинцев, живших в Туркмении, проведенная в 1880–1881 годах под руководством М.Д. Скобелева. В туркменских СМИ используется название Геоктепинское сражение.

Племена текинцев, насчитывавшие 80–90 тысяч человек, обитали в оазисе Ахал-Теке, где построили крепость Геок-Тепе (современное написание Гёкдепе). Штурм цитадели был предпринят 12 января 1881 года. За стенами

крепости находилось примерно 10 тысяч воинов и около 40 тысяч гражданских жителей, собравшихся там со всего оазиса. Русским войскам удалось захватить Геок-Тепе. Началась массовая резня.

Начиная с 1991 года 12 января в Туркменистане отмечается как национальный День памяти всех туркменистанцев, погибших в боях за свободу и независимость Отчизны.

⁵² Вечером 20 ноября М.С. Горбачев вылетел в Иркутск. Как оказалось, это была его последняя поездка в качестве Президента СССР. Поездка эта, судя по всему, не была запланирована заранее. Грачев пишет: «...Выиграв важный для него раунд политической борьбы на Госсовете [14 ноября], Горбачев принял неожиданное решение — закрепить его результаты давно откладывавшейся поездкой по стране. Непосредственным толчком, по-видимому, стал пришедший на этот период официальный визит Ельцина в Германию. Представляла себе (по собственному опыту), насколько легко будет российскому президенту заполнить своей внушительной фигурой телеэкран и сводки новостей, Горбачев решил поквитаться с ним его же оружием — поездкой “в глубинку”. Ему хотелось перед решающими боями за Союз проверить температуру в обществе, выяснить на местах отношение людей к его программе обновления единого государства, к реалиям рыночной экономики и к нему самому...»

Решение о поездке было принято стремительно, и программу первого дня пребывания в Иркутске президент уточнял уже в самолете.

В этой поездке он намеревался и вести себя, и выглядеть по-новому. Вот почему впервые на борт его самолета были приглашены журналисты, не сразу поверившие своей профессиональной удаче. Ночной полет в Сибирь был долгим, и вскоре после взлета журналистов пригласили в президентский салон...» (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 155.)

Среди сопровождавших в поездке М.С. Горбачева лиц были помощник Президента Г.Х. Шахназаров, пресс-секретарь А.С. Грачев, консультанты А.И. Вольский и В.М. Ярин.

⁵³ Во второй половине дня 20 ноября 1991 года на территории НКАО, в районе села Каракенд, потерпел катастрофу вертолет Ми-8 внутренних войск МВД СССР, на борту которого находились высокопоставленные чиновники Азербайджана и наблюдатели от России и Казахстана, всего вместе с экипажем 23 человека. Все погибли. В Азербайджане эти трагические события были восприняты как диверсия — вертолет был сбит выстрелами из крупнокалиберного оружия с земли, предположительно армянскими вооруженными силами. В Баку начались стихийные многотысячные митинги с требованием к Верховному Совету и Президенту Азербайджана Аязу Муталибову навести порядок в Карабахе или уйти в отставку. Муталибов обратился к согражданам с заявлением, в котором заверил, что в отношении виновных будут приняты соответствующие меры по всей строгости законов Азербайджана. Правительство Армении также выступило с заявлением. В нем, в частности, осуждалась позиция некоторых средств массовой информации и политических кругов, поспешивших до начала расследования причин трагедии и окончательных выводов компетентной комиссии строить догадки по этому поводу. После гибели вертолета отношения между Арменией и Азербайджаном резко обострились. Азербайджанская сторона считала происшествие терактом, армянская охарактеризовала случившееся

с Ми-8 как крушение. Позже власти Армении заявили, что это был несчастный случай. В 2016 году опубликовано журналистское расследование, согласно которому целостность черных ящиков была нарушена, так что истинную причину гибели вертолета так и не установили.

⁵⁴ Беседа продолжалась два часа. Грачев охарактеризовал ее как «исповедальную». По его словам, Горбачев много рассказал о себе журналистам в ту ночь и произнес слова, которые вполне могли бы стать девизом его уникальной политической карьеры: «Совесть моя чиста — впервые в истории страны была предпринята попытка ее цивилизованно очеловечить».

Под конец беседы на вопрос, как относится к его работе мать, ответил: «Наверное, как любая мать на ее месте. Она мне не раз говорила: “Зачем ты связался со всем этим...”» (*Грачев А.С. Дальше без меня... С. 155, 156.*)

⁵⁵ Корреспондент «Восточно-Сибирской правды» С. Верещагина в публикации 22 ноября 1991 года отмечала, что визит Горбачева в Иркутск «вообще-то оказался как снег на голову всем; похоже, и руководителям области тоже. Глава администрации едва успел оформить, наконец-то, отпуск и лишь день провести “на свободе”, как вдруг позвонили из Москвы:

— У Горбачева “окно”. Примете?

— Конечно! — как можно предположить, развел руками Ножилов, тем более что давно уже приглашал Президента. Но Михаилу Сергеевичу всё было недосуг...

В предварительную программу, составленную кабинетом главы администрации, он внес коррективы буквально с борта самолета. Поэтому в плане появились школа, детская больница, на которую Михаил Сергеевич полтора года назад выделил личных, “гонорарных”, сто тысяч долларов, встреча с ветеранами, посещение магазинов. Его интересовали перепрофилирование заводов оборонного значения, которые подчиняются союзным министерствам, экологические проблемы, лес, связи Иркутской области с республиками».

⁵⁶ Журналисты разных изданий подчеркивали, что Горбачев прилетел на том же самом самолете, который доставил его из Фороса в Москву в августе 1991 года — «Ил-62М» с надписью «Советский Союз» над иллюминацией.

⁵⁷ «Восточно-Сибирская правда» в публикации 22 ноября 1991 года писала, что встречавших было не много — человек сто. На поле выпустили лишь тех, чьи кандидатуры были обговорены заранее. Горбачев со всеми тепло обменялся рукопожатием. Он пробыл среди встречавших минут семь, а потом как-то мягко, но настойчиво всех отпустил. Дальнейшую поездку Горбачев совершал на бело-голубом зилевском микроавтобусе «Юность», доставленном в Иркутск спецрейсом из Москвы.

⁵⁸ Местные журналисты сетовали, что им не удалось попасть на завод из-за режима секретности предприятия. Несмотря на предварительные заявки, уверения пресс-секретаря областной администрации, что газетчики будут обязательно рядом с Президентом, разрешение получить не удалось. (См.: «Восточно-Сибирская правда», 22 ноября 1991 года.)

Грачев отмечал: «...Его (*Горбачева*) выступления перед рабочими, депутатами и военными в Иркутске, учеными и чабанами Кыргызстана едва достигали Москвы и в кудем, лаконичном виде излагались газетами. Пресса не скрывала подозрительного отношения к истинным мотивам поездки

Президента, усматривая в ней продолжение политического противостояния Горбачева с Ельциным. Характерным был заголовок в «Известиях»: «Битва за Москву: Ельцин в Германии, Горбачев в Сибири, народ в очередях»». (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 156.)

⁵⁹ После посещения завода Горбачев должен был поехать в частный магазин фирмы «Октябрь» в другой части города, на улице Оммулевского. Но не успел кортеж отъехать от авиазавода, как тут же остановился напротив государственного продовольственного магазина. Это была незапланированная остановка. Зиловский микроавтобус Президента мгновенно окружили жители микрорайона, женщины с детьми, пенсионеры. Президенту пришлось выдержать шквал очень нелегких и неприятных вопросов.

Продовольственный магазин на улице Оммулевского, до которого потом все-таки добрался Президент, был приватизирован его работниками. По мнению горожан, беседовавших с Горбачевым, работал лучше, чем многие государственные торговые точки.

Газета «Правда» 22 ноября 1991 года о посещении магазинов написала так: «Президент посетил два магазина — государственный и акционерный. Какой лучше?

— Оба не вдохновляют, — ответил он. — Но в акционерном получше.

Михаил Сергеевич не знал: к тому магазину глубокой ночью подогнали рефрижератор, откуда выгружали фрукты, овощи, консервы и прочее».

О подготовке к приезду Президента писала и «Восточно-Сибирская правда» 27 ноября 1991 года: «...Но, к сожалению, в Иркутске, как, впрочем, и в других городах страны, он не увидел истинного положения вещей.

Магазин на Оммулевского, как образец продовольственного снабжения Иркутска, оставил, наверное, у Михаила Сергеевича хорошее впечатление. Он несколько подивился развитию частного предпринимательства, высоким ценам, но все-таки остался доволен.

Простой люд, кто пришел в магазин в надежде увидеть главу государства и что-то купить по случаю его приезда, тоже не ошибся. Наивно полагая, что здесь всегда так, решили для себя, что хоть изредка, но будут отовариваться в магазине, принадлежащем Александру Королькову.

Суеверные и дальновидные граждане постарались все же набить свои сумки в тот день. Ожидая появления Президента, они по-цивилизованному, с достоинством стояли в очередях. Ругаться и скандалить при «ломящихся» от дефицитов полках никому, видно, не хотелось. ...Такого ассортимента не помнят жители окрестных улиц, постоянные покупатели... В понедельник заглянула в магазинчик... Опустели многие полки, лотки с овощами, убрали несколько лишних весов, исчезли очереди.

...А жаль все-таки, что магазин на Оммулевке оказался единственным, куда завезли Президента. Жаль, что ему не пришла в голову мысль — сделать внеплановую остановку и заглянуть в какой-нибудь продмаг. И вообще, жаль, что он так быстро уехал».

⁶⁰ 16 ноября 1991 года в Иркутске открылся съезд народных депутатов всех уровней — от поселкового до Верховного Совета СССР, избранных на территории Иркутской области. Присутствовали представители общественных организаций, движений. Его участники обсуждали один вопрос: о статусе области. Поскольку этот областной съезд назвал себя общественным форумом, то есть митингом, он принял всего лишь резолюцию. В роз-

данном делегатам проекте резолюции поддерживалось обращение сессии Областного совета к высшим органам власти России о признании Иркутской области государственным образованием, равноправным и самостоятельным субъектом РФ наряду с краями и республиками. В резолюции отмечалось, что проводимая в России реформа государственности неоправданно затягивается и носит непоследовательный характер. Это проявляется в том, что Верховный Совет РСФСР ущемляет экономические, политические, социальные интересы населения краев и областей. Необходимым условием стабильности российской государственности является равноправие всех субъектов Федерации по основополагающим экономическим и политическим правам, закрепление их в Конституции РСФСР. (См.: «Известия», 18 ноября 1991 года.)

Что касается «намека» П.Г. Бунича, то, возможно, имеется в виду его выступление на радио 19 ноября 1991 года, в котором он коснулся вопроса автономии Иркутской области.

⁶¹ Встреча, которая по программе должна была занять час, продолжалась два с половиной часа. «Более 500 присутствующих встречали его стоя и аплодисментами, чего не приходилось наблюдать в последнее время. Возможно, это была дань уважения к гостю, но и после часового общения зал также аплодисментами провожал его». (См.: «Известия», 21 ноября 1991 года.)

Когда участники встречи уходили с завода, то одного из помощников Президента спросили: «Где же Медведев с чемоданчиком, в котором кнопка от ядерной войны? Ходят всякие слухи, в том числе и по страницам газет».

«А Медведева нет, — ответил он. — Да, в салоне самолета его не видно было. А кнопка есть — вон в том чемоданчике. Теперь Валерий Пестов неотлучно при нем. После августа...» (См.: «Рабочая Трибуна», 23 ноября 1991 года.)

⁶² Встреча проходила в областном Совете ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил.

⁶³ Встреча проходила вечером в Доме Советов. Это было последнее мероприятие, запланированное на первый день поездки М.С. Горбачева.

⁶⁴ См. примеч. 60.

⁶⁵ Листвянка (прежнее название Лиственичное) — поселок, расположенный на берегу Байкала, где находятся Лимнологический институт и Байкальский экологический музей.

⁶⁶ В совещании по проблемам Байкала участвовали: директор Лимнологического института АН СССР Михаил Грачев, член-корреспондент Академии наук СССР Григорий Галазий, глава администрации области Юрий Ножилов, председатель областного комитета по охране природы и природопользованию Юрий Удодов и другие. Специально на это совещание прибыл народный депутат РСФСР Геннадий Фильшин, который, по его словам, представляет в парламенте страны байкальское лобби.

⁶⁷ «Восточно-Сибирская правда» от 26 ноября 1991 года в публикации о пресс-конференции особо подчеркнула, что в ней смогли принять участие все желающие, поскольку списков не составлялось и документы ни у кого не проворались.

⁶⁸ Закончив пресс-конференцию, Горбачев вылетел в столицу Кыргызстана Бишкек.

⁶⁹ Анонсируя приезд Горбачева в Кыргызстан, газета «Слово Кыргызстана» 21 ноября 1991 года писала: «В Бишкек прибывает Президент СССР М.С. Горбачев. Михаил Сергеевич, Кыргызстан так ждал Вас! И вот ожидания сбылись. Вопреки осеннему похолоданию и подорожанию нашей несытной и невеселой жизни, республика гостеприимно и душевно приветствует Вас, Человека и Президента, на древней и доброй земле Ала-Тоо!»

«Известия» 23 ноября 1991 года отмечали: «За годы перестройки М. Горбачев ни разу не побывал в этой республике, что в свое время у жителей Киргизии вызывало даже некоторую обиду и зависть к соседям, которым, как казалось, Президент уделял больше внимания. Интерес к его визиту и сегодня вроде бы не угас. В аэропорту в честь Президента была устроена теплая церемония встречи. На центральных улицах Бишкека развешены транспаранты-приветствия...»

Газета «Слово Кыргызстана» 26 ноября 1991 года писала: «Прежние руководители Страны Советов не обходили нашу республику стороной. Правда, Иосиф Сталин ни разу не побывал в благословенном южном крае, но он вообще почти не ездил по стране. А вот Никита Хрушев дважды приезжал в Кыргызстан — в 1957 и 1964 годах. Толпы народа приветствовали Первого секретаря, на ипподроме были поставлены юрты для высокого гостя и хозяев — тосты следовали один за другим... Был в республике Леонид Брежнев — после этого началась реконструкция сельмашзавода имени Фрунзе».

Автор публикации отмечал, что Горбачева тоже ждали, и напомнил, как на одном из Пленумов ЦК или активе Чингиз Айтматов сделал официальное приглашение.

⁷⁰ Корреспондент газеты «Слово Кыргызстана» В. Никсдорф 26 ноября 1991 года писал в ней: «Мне приходилось в числе других корреспондентов не раз встречать в аэропорту руководителей самого высокого ранга — отечественных и зарубежных. Но не упомянул столь тщательного внимания к нам со стороны служб безопасности. Надо признать, охрана Президента — на высоком уровне, и это можно приветствовать. Видимо, анализ августовского путча, в ходе которого даже личный охранник Президента генерал Медведев, не попросившись, покинул шефа, заставил сделать необходимые выводы. И в аэропорту, и далее по ходу визита журналисты могли вблизи наблюдать за великолепной работой сильных, плечистых ребят, которые оказались верными Горбачеву в Форосе, и тут не отходили от него ни на шаг.

Больше полутора часов представители прессы ждали в “накопителе” аэропорта “Манас” прибытия Президента и его команды, нас допустили к самолету только в самый последний момент».

⁷¹ Встреча проходила в конференц-зале республиканской Академии наук. На встрече присутствовал Президент Кыргызстана А. Акаев.

⁷² По дороге на завод М.С. Горбачев посетил Ошский базар. В. Никсдорф («Слово Кыргызстана», 26 ноября 1991 года) писал: «Не знаю, был ли приятно удивлен Президент обилием продуктов. Думаю, что ни он сам, ни Раиса Максимовна на базар не ходят. В конце концов должны же оставаться у главы государства хоть какие-то привилегии! К тому же походы

на базар приносят, если говорить честно, не только положительные эмоции, но и головную боль. Особенно сейчас, когда буквально за последние две-три недели цены взлетели очень высоко и кусаются, словно злые, изголодавшиеся псы. Продавцы мяса и птицы задавали Михаилу Сергеевичу одни и те же вопросы: где взять корма? Наверное, ни Буш, ни Миттеран подобных вопросов от своих фермеров в жизни не слышали, да и что мог ответить людям наш Президент?»

⁷³ Газета «Сельская жизнь» 26 ноября 1991 года опубликовала разговор журналиста Л. Калашникова с работницами завода сельхозмашиностроения имени Фрунзе:

«**Калашников.** Как вы оцениваете приезд в республику Михаила Сергеевича Горбачева?

Работница. Как оцениваем? Без надежды на улучшение нашей жизни, по крайней мере в обозримом будущем...

Другая работница. А я и не думала, что услышу от Горбачева что-то обнадеживающее. И вообще пришла, надеясь на Раису Максимовну поглядеть. Но он прилетел на этот раз без нее. А хотелось бы сказать ей что-то по-бабьи...»

⁷⁴ А. Юрков в своих публикациях пересказывает запомнившиеся ему разговоры в кругу окружавших Горбачева людей. В частности, он приводит разговор в цеху завода сельхозмашин в Бишкеке. «В плотную охранно-мужскую массу вокруг Президента как-то проникла женщина, маленькая, не молодая и не юркая. Нашей массой несет ее к выходу. Дневной дворовый свет пригвоздил женщину к месту, толпа вынуждена ее обтекать.

— Он что, уходит? — обиженно протестует женщина.

— Уходит, мать, время кончилось.

— Он что, не поговорит со мной? — еще надеется женщина.

— Нет, а какая нужда?

— Нужда у меня — не у него.

— Понимаешь, мать, время у него...

— А у меня нужда.

— А что за нужда-то?

— Квартиры нет.

— Мать, он не по этому делу, не по квартирам.

— А мне какое дело, что не по этому. Мы со стариком 30 лет на заводе, а квартиры нет. Уже на пенсии, а квартиры все нет...» (*«Рабочая Трибуна», 26 ноября 1991 года*).

⁷⁵ Кантская машиноиспытательная станция изначально специализировалась на сертификации сельскохозяйственных машин и оборудования. Позднее там было налажено племенное животноводство, производство молочных продуктов. «Правда» 25 ноября 1991 года писала: «Кантская машиноиспытательная станция всегда была обязательным пунктом в программе посещения высоких гостей. Производство здесь действительно налажено на самом современном уровне. Так же высока здесь всегда была и социальная база работников. Но перед жестокими реалиями нашей распадающейся страны не устоял, видимо, и этот островок благополучия. На машиноиспытательной станции в Кантском районе женщины жаловались, что невозможно отоварить даже талоны, а в коммерческих магазинах все просто не по карману».

⁷⁶ По дороге на Кантскую машиноиспытательную станцию Горбачев остановился у коммерческого магазина. В публикации в газете «Слово Кыргызстана» 26 ноября 1991 года отмечалось, что в магазин «буквально перед самым приходом гостя навезли всяких продуктов, и витрины смотрелись весьма симпатично. Правда, люди — некоторым никогда не угодишь! — возмущались: зачем такая показуха. В обычные дни тут хоть шаром покати, а Горбачеву, видимо, решили пустить пыль в глаза. Ну, во-первых, трудно заподозрить нашего Президента в наивности, во-вторых, местные торговцы доказали, что когда захотят — умеют, и наконец, в-третьих, люди все же без покупок не разошлись. Поэтому, на мой взгляд, не стоит злословить по поводу пусть не особенно великого, но всё же определенного наличия продуктов — хорошо, если у людей останется добрая память о приезде Президента».

⁷⁷ Полностью приватизированный Кеминский район служил в республике чем-то вроде плацдарма для перехода от социализма к капитализму. На базе бывшего колхоза «Красный октябрь», утонувшего в долгах, разорившегося и получившего «волю» — то есть разрешение на приватизацию и образование фермерских хозяйств, люди становились собственниками. Как писал А. Юрков в «Рабочей Трибуне» 26 ноября 1991 года: «...одни — великолепными хозяевами, в которых уже угадываются завтрашние миллионеры; другие, пройдя в поисках сельхозтехники все коридоры власти и оставшись при единственной тягловой силе — ишаке, завтра, возможно, разорятся и уйдут с земли».

Но странное дело, в глаза предъявляя счет Горбачеву за то-то и то-то, жали ему руку и благодарили: что дал свободу стране и республике; право выбора гражданину, уважение, возвеличил до хозяина. И в юрте говорили это, и в степи, и в цехе, и в чинном бархатно-мраморном зале. Говорили как Президенту великой страны, которая и защитит, и помирит, и спросит, и согреет».

Кеминский район Чуйской области знаменит еще и тем, что в селе Кызыл-Байрак родился первый Президент Киргизии Аскар Акаев.

⁷⁸ В то время как вереница машин, сопровождавших Горбачева, мчалась в сторону гор, голубой микроавтобус «Юность» Президента СССР неожиданно свернул и устремился к неказистым постройкам в ста метрах от шоссе. «За оградой овцы, во дворе дети, да “Жигуль” приткнулся к собачьей пристройке. Горбачев сразу к хозяину, по пути успевает поздороваться с его розовощеками смуглыми детьми». (*«Рабочая Трибуна», 26 ноября 1991 года.*)

⁷⁹ Встреча М.С. Горбачева с общественностью Кыргызстана состоялась вечером 23 ноября в зале заседаний Верховного Совета республики. Встречу открыл Президент Кыргызстана А. Акаев, затем выступил Горбачев.

⁸⁰ Среди в общем-то положительных публикаций о визите Горбачева в Кыргызстан бросилось в глаза, что газета «Вечерний Бишкек» в кратких информационных сообщениях называла Горбачева — «Президент ССГ (бывший СССР)».

А. Калашиков (*«Сельская жизнь», 26 ноября 1991 года*) отмечал: «Кстати, как никогда, большому числу журналистов местной прессы была предоставлена возможность освещать визит Президента. Однако не обошлось и без “курьезов”. Когда от фотокорреспондента КырТАГа Е. Петрийчука руководство потребовало сделать снимки о пребывании М.С. Горбачева

для местных и союзных изданий, тот отказался. Фотожурналист Е. Петричук не желает пропагандировать человека, развалившего Советский Союз, приведшего страну к межнациональным конфликтам...»

Были и другие эпизоды негативного характера по отношению к Горбачеву. В последней публикации, посвященной поездке Горбачева (*«Рабочая Трибуна»*, 26 ноября 1991 года), А. Юрков писал: «Готовилось ли покушение на Михаила Сергеевича Горбачева во время его поездки в Иркутск и Бишкек? Этот вопрос возник в связи с тем, что по местному иркутскому радио прозвучала недвусмысленная угроза в адрес Президента, высказанная в прямом эфире.

Как стало известно редакции “РТ” из очень осведомленных источников, в Бишкеке, за несколько часов до приземления президентского самолета в аэропорту “Манас”, в милицию позвонил неизвестный и предупредил о готовящемся покушении на Президента страны. Затем раздался еще один звонок аналогичного содержания.

Соответствующие службы засекли оба телефона, откуда звонили. Один оказался телефоном-автоматом. — Прибывший наряд не обнаружил никого поблизости. Видимо, позвонивший тут же скрылся.

Второй телефон оказался квартирным. И звонил по нему реальный человек — некто Леонид К. Прибывшие детективы обнаружили его в весьма подвыпившем состоянии.

— С кем по пьянке не бывает, пошутил, — попытался увернуться Леонид. Похоже, шутка эта даром ему не пройдет. А пока ею серьезно занимаются следователи».

⁸¹ После этой встречи Президент СССР и сопровождающие его лица направились в аэропорт «Манас», где состоялась церемония проводов. Перед отлетом в Москву в кратком интервью корреспонденту Центрального телевидения М.С. Горбачев вновь подчеркнул позитивные начала в политике нашего республиканского руководства и Президента А.А. Акаева, который прилагает все усилия к укреплению межнационального и гражданского согласия.

⁸² Грачев пишет: «...Напоминанием об их (Горбачева и Ельцина) неотвратимом противостоянии стало и то, что самолет Горбачева вернулся в Москву из Бишкека за час до прилета Ельцина на этот же аэродром из Германии. Дисциплинированный поверенный в делах ФРГ, прибывший во Внуково-2 заблаговременно, не знал куда спрятаться.

В аэропорту было холодно — почему-то не работало отопление. Обычная встреча с ближайшим окружением (оформлявшаяся ранее как заседание Политбюро) из-за холода и неумолимо, как шаги командора, приближавшегося российского президента была скомкана. Собеседники рассеянно слушали Президента, воодушевленного результатами поездки, и разъехались с облегчением...» (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 156–157.)

⁸³ В. Никсдорф (*«Слово Кыргызстана»*, 26 ноября 1991 года) писал: «...Страна и мир, в отличие от прежних времен, вяло реагировала на поездку Горбачева. Руководитель президентской пресс-службы А. Грачев даже выговорил корреспонденту ТАСС Б. Грищенко, который освещал поездку, что, мол, агентство не передает об откликах — союзных и зарубежных. Но, видимо, не было этих откликов, раньше так хорошо “организованных”. Я слушал в эти дни радио “Свобода” — сообщали о гибели вертолета в Ка-

рабахе и реакции на это Азербайджана, о предстоящих выборах в Таджикистане, о визите Бориса Ельцина в Германию.

Конечно, сделай Горбачев какие-нибудь, пусть не сенсационные, но из ряда вон выходящие заявления, уверен — телетайпы из Бишкека заработали бы на всю мощь. Но слов было сказано не так уж и много и каких-то необычных мыслей тоже не несли...

⁸⁴ Грачев вспоминал: «Встречи с журналистами во время многочисленных переездов и перелетов создавали у Горбачева ощущение, что через них он постоянно говорит со всей страной. Увы, это было уже не так. Я помню, как он долго обдумывал свое заключительное выступление в Бишкеке — искал главную идею. Вместе с помощниками перебрал предложенные ими варианты и всё отверг. Потом, походив по комнате, сказал:

— Ну а если так: главное — это то, что этап разрушения закончился, демократы взяли верх. Теперь более ответственная и трудная задача: созидание. (И начал перечислять: первое, второе... четвертое...)

Кто-то удивленно спросил:

— Где же Вы это всё хотите сказать?

Горбачев помолчал, потом неожиданно грустно усмехнулся и ответил:

— А нигде...» (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 156.)

⁸⁵ В заседании Государственного совета СССР участвовали представители семи республик: Президент России Б.Н. Ельцин, Председатель Верховного Совета Беларуси С.С. Шушкевич, Президент Узбекистан И.А. Каримов, заместитель Председателя Верховного Совета Таджикистана А.И. Искандаров, вице-президент Казахстана Е.М. Асанбаев, Президент Кыргызстана А. Акаев, Президент Туркменистана С.А. Ниязов. Президент Азербайджана А.Н. Муталибов не прибыл на заседание Госсовета в связи со сложной обстановкой в республике. В обсуждении приняли участие председатели обеих палат Верховного Совета СССР А.Т. Алимжанов и К.Д. Лубенченко, председатель Межгосударственного экономического комитета И.С. Силаев, министр внешних сношений СССР Э.А. Шеварднадзе, В.В. Бакатин, Е.И. Шапошников.

⁸⁶ Вторая часть заседания (закрытая) была посвящена подготовке к началу экономической реформы в России.

⁸⁷ См. примеч. 53.

⁸⁸ М.С. Горбачев посетил Иркутск 21–22 ноября 1991 года. (См. *данный том*, с. 153–165.)

⁸⁹ См. примеч. 29.

⁹⁰ Е.М. Асанбаев отсылает к поэме В.В. Маяковского «Облако в штанах».

⁹¹ В перерыве члены Госсовета обменялись мнениями:

«Ельцин. Верховным Советам рассмотреть и всё. Определить делегации и им поручить окончательную доработку в связи с замечаниями.

Шушкевич. И будут эмоции... Поэтому зачем нам обострять... Вы согласны?

Голос. Я согласен. И первый вариант меня полностью устраивает, а второй вариант...

Голос. Парафирование...

Голос. Нельзя парафировать...

Асанбаев. ...Нельзя отменять мое предложение. Я прошу правильно понять Казахстан. Если вдруг я здесь подпишу, для наших коллективных уси-

лий — парафировать или не парафировать, — то эти вопросы многие не поймут.

Голос. Уходить надо будет тогда... Если парламент не примет мое решение, тогда я либо позицию свою должен менять, или уйти. Поэтому вот этот проект давайте подработаем, если какие-то вопросы есть — их обсудим. Его на публикацию. А решение Госсовета — принять в основном.

Асанбаев. Если каждый раз заново начинать дебаты, то никогда ни один документ мы не примем. Значит, там, где вы, Борис Николаевич, в тот раз договорились, если есть отклонения, давайте их снимем. Если появились новые статьи и по ним замечания — снимем. Потом опубликуем это и ваши замечания пропустим через Верховные Советы... Но опять, если он (*Горбачев*) стоит на том, что «в основном» не надо, давайте поставим текст на Госсовет.

Шушкевич. Борис Николаевич! Если опубликовать слово “в основном”, так действительно конца не будет. А вот если написать, что Госсовет два варианта рассмотрел, надо опубликовать эти варианты — у вас ведь замечания по трем-четырем статьям. Опубликуют в газете, а народ прочитает... Проведут сессию, примут окончательное решение, уполномочат людей для подписания этого документа.

Единственное что, слово “в основном” дает возможность каждому из нас иметь свободу действий и не связывать себя...

Голос. Если общий хурал не примет какие-то замечания... голову тоже не снимаем.

Ельцин. Ведь в прошлый раз тоже так было — по двухканальной смете бюджета. Мы же не согласились. И было решение Госсовета — вынести на Верховный Совет. Верховному Совету удалось как-то сагитировать.

Конечно, я буду отстаивать тот текст, который у нас есть. Но я решил немного предвосхитить и поизучать мнения комитетов и комиссий Верховного Совета. Это изучение и привело меня вот в эти дни к тому, что есть замечания. Если парафировать, то я должен приложить к этому документу это протокольное заявление. Или, если Госсовет сегодня просто скажет — направить выработанный документ для обсуждения Верховным Советом. И не писать “согласованный”. Или “в основном согласованный”. Согласен и с этим вариантом.

Акаев. Это самое лучшее.

Асанбаев. Потом для народа всё же надо определить срок, имея в виду раздаться с этим документом до конца года.

Ельцин. У нас Верховный Совет работает и до конца года будет работать. У нас проблем не будет.

Голоса. У нас тоже не будет...

Асанбаев. Соберите тогда президиум, пропустите через комитеты. Не обязательно через сессии. Мы часто так делаем.

Ельцин. Для того, чтобы подписать Договор в текущем году, — заключение Совета.

Голос. Вы через неделю после выборов будете принимать присягу...

Каримов. Если будут еще провокации против меня проводить отсюда, еще неизвестно, что будет... Поэтому не хотелось бы мне об этих вещах говорить — это вопрос отдельный. Но речь идет о другом. Не надо диктата. Навязывать... Я против диктата. И в этих вопросах все-таки, к сожалению,

хочу немного вспомнить. Ваш Кебич — он управляемый человек или неуправляемый?

Шушкевич. Есть иногда. В общем управляемый, но...

Каримов. Почему он за всех всегда говорит?

Шушкевич. Он эмоциональный человек. Вы имеете в виду... цену заявления...

Каримов. У каждой республики есть свое мнение. Пусть это мнение остается ее мнением. Не надо в данном случае навязывать какие-то...

Во-вторых, Борис Николаевич, я хочу сказать, что мы с Экономическим соглашением еще не разделились. Народу тоже объяснить надо об этих соглашениях... Какой договор должен быть... Люди должны почувствовать...

Ельцин. Я — за... Я хочу сделать так, чтобы мягко обошлось бы с Верховным Советом. В прошлый раз нам это удалось, всем нам с вами. Так и сейчас. Если мы жестко поставим — только так! — Верховный Совет может...

Голос. Взбрыкнуть.

Ельцин. Да. Поэтому какой-то люфт, небольшой люфт дать Верховному Совету. И всё. И скажем сейчас Горбачеву, что мы лично — члены Госсовета — будем отстаивать ту часть, по которой...

Голос. Давайте, сформулируйте тогда, к чему мы пришли.

Акаев. Борис Николаевич сформулировал. Это самая лучшая формула.

Голос. Опубликовать и направить на рассмотрение Верховным Советам?

Голоса. Нет, опубликовать потом.

Голос. Направить на рассмотрение Верховным Советам согласованный "в основном"... Больше ничего... Срок надо — до конца года.

Ельцин. "...имея в виду до конца года подписание Договора"... Нет, может, не "имея в виду". Там точку поставить... Продолжение очень важное: "Завершить работу".

Шушкевич. "Обращаемся к Верховным Советам союзных республик с настоятельной просьбой завершить рассмотрение и уполномочить..."

Асанбаев. Рекомендовать Верховным Советам...

Шушкевич. Нельзя рекомендовать. Просить.

Акаев. Просить — это правильно.

Ельцин. Конечно, мы направим это решение и Украине.

Я скажу, меня это очень волнует. Если Украины не будет, для нас это будет тяжелый удар. Это надо иметь в виду. Подпишем, не подпишем, но если Украина не подпишет, то тогда она будет принимать другие решения.

Голос. Там всё поставлено так, что она не подпишет в этом году. Это точно.

Ельцин. Я тоже так думаю.

Каримов. Я поэтому и говорю: не надо насиловать сейчас. Если мы Украину спровоцируем, она вообще упразднится и скажет...

Ельцин. "Решение Госсовета" называется, да?

Голос. Постановление.

Ельцин. Тогда вверху: "Постановление Госсовета от 25 ноября". Прочитайте еще раз.

Асанбаев. "Направить Верховным Советам государств — участников Договора согласованный в основном проект Договора о Союзе Суверенных Государств». Точка. "Просить Верховные Советы рассмотреть этот проект".

Ельцин. “Завершение этой работы в текущем году”.

Асанбаев. А “подписание” не нужно?

Шушкевич. Давайте не будем — “подписание”. Это мы как бы начинаем про итоги...

Ельцин. Да, да, да.

Шушкевич. Будут язвить комментаторы: “Завершить работу в текущем году”.

Ельцин. А если: “подготовить к подписанию...” Вот так?

Асанбаев. “Подготовить проект к подписанию в текущем году”.

Ельцин. Может быть, 29 декабря подпишем.

Голос. Да, символический день.

Ельцин. Подпишем... Я согласен такое решение принять. Дальше буду отстаивать тот вариант, который мы с вами... Первый вариант. Буду отстаивать, выступать на Верховном Совете. Ну, а там как получится...

Голос. А там уж как решат.

Голос. Можно было бы и в Молдову направить.

Шушкевич. Честно говоря, я думаю, что у нас пройдет этот первый вариант». (РГАНИ. Фонд № 121. Опись № 3. Дело № 122. Л. 38–50.)

⁹² См. примеч. 88.

⁹³ Имеется в виду образование Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 года.

⁹⁴ Имеется в виду выступление М.С. Горбачева на сессии Верховного Совета СССР 20 ноября 1991 года. Вопрос об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период задал заместитель председателя Совета Республик Верховного Совета СССР от Республики Таджикистан Р.З. Мирзоев. Вслед за ним член Совета Республики Верховного Совета СССР от РСФСР А.А. Котенков попросил уточнить: какова законная сила решения Государственного совета? (См. данный том, с. 144–145.)

⁹⁵ 17–24 мая 1983 года М.С. Горбачев (на тот момент член Политбюро, секретарь ЦК КПСС) во главе делегации Верховного Совета СССР посетил с официальным визитом Канаду. Посол СССР в Канаде А.Н. Яковлев участвовал в подготовке визита и сопровождал делегацию в поездке по стране.

⁹⁶ М.С. Горбачев находился в Кыргызстане 22–23 ноября 1991 года. (См. в данной том, с. 165–175.)

⁹⁷ Имеется в виду «Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству», принятая на конференции 29 стран Азии и Африки в Бандунге (Индонезия) в апреле 1955 года, в которой сформулированы десять принципов сотрудничества афро-азиатских стран: 1) уважение основных прав человека, целей и принципов Устава ООН; 2) уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; 3) признание равенства всех рас и всех наций, больших и малых; 4) воздержание от интервенции и вмешательства во внутренние дела других стран; 5) уважение права каждой страны на индивидуальную или коллективную оборону; 6) воздержание от использования соглашений о коллективной обороне в частных интересах какой-либо из великих держав и от оказания нажима на другие страны; 7) воздержание от актов или угроз агрессии или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны; 8) урегулирование всех международных споров мирными средств-

вами; 9) содействие взаимным интересам и сотрудничеству; 10) уважение справедливости и международных обязательств.

⁹⁸ Грачев пишет: «После того, как все члены Госсовета поставили свои подписи под совместным коммюнике, означавшим скорее эпитафию Союзу, чем провозглашение “нового смелого мира”, Горбачев предпринял попытку повторить коллективный выход к прессе, который после предыдущего заседания Госсовета вдохнул во всех надежду. Однако второй раз заставить себя врасплох ни Ельцин, ни другие “республиканцы” не дали. Горбачеву пришлось выдержать натиск изголодавшейся прессы в одиночку, и, лишенный необходимости оглядываться на своих коллег по Госсовету, он не скрывал своего раздражения, подтвердив, что на нынешнем заседании республиками был сделан шаг назад от Союза. В конце концов у него больше не оставалось других союзников, кроме общественного мнения того, что уже перестало быть государством, но еще, безусловно, оставалось единой страной». (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 167.)

⁹⁹ Проект Договора о Союзе Суверенных Государств был опубликован 27 ноября 1991 года. (См. Приложение 2, с. 554–562.)

¹⁰⁰ Имеется в виду Закон СССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» от 5 сентября 1991 года.

¹⁰¹ М.С. Горбачев цитирует фразу из выступления вице-президента Казахской ССР Е.М. Асанбаева на заседании Государственного совета СССР 25 ноября 1991 года.

¹⁰² Вторая часть заседания была посвящена подготовке к началу экономической реформы в России. На вторую часть заседания остались члены Госсовета СССР или их заместители, к ним присоединились эксперты по обсуждаемому вопросу.

¹⁰³ Далее с сообщением выступил Б.Н. Ельцин. Текст его выступления см. в Приложении 3, с. 563–584.

¹⁰⁴ Текст выступления Г.А. Явлинского см. в Приложении 3, с. 573–584.

¹⁰⁵ Встреча М.С. Горбачева с представителями Советов трудовых коллективов состоялась 19 октября 1991 года. (См. данное Собрание сочинений. Т. 29. С. 63–78.)

¹⁰⁶ Одна из первых попыток урегулирования азербайджано-карабахского конфликта была предпринята в 1991 году, после провала августовского путча. 20–23 сентября посредническая миссия, возглавляемая президентами России и Казахстана Б.Н. Ельциным и Н.А. Назарбаевым, посетила Баку, Степанакерт и Ереван. По итогам визита 23 сентября в Железноводске было подписано коммюнике, которое ставило целью создать условия для начала переговорного процесса. Из десяти пунктов Коммюнике наиболее важным являлся первый, в котором говорилось, что необходимыми и обязательными условиями урегулирования конфликта до 1 января 1992 года являются: прекращение огня, отмена всех неконституционных актов Азербайджана и Армении по НКАО, признание полномочий законных органов власти, вывод из зоны конфликта всех вооруженных формирований за исключением внутренних войск МВД и МО СССР. По истечении этого срока присутствие всех вооруженных формирований и их действия признаются сторонами незаконными и будут пресекаться внутренними войсками МВД СССР, а участники вооруженных формирований подлежат привлечению к установленной законом ответственности. В остальных пунктах содержа-

лись положения относительно поэтапного, начиная с пустующих сел, возвращения депортированного населения; незамедлительного освобождения заложников; обеспечения в двухнедельный срок нормального функционирования железнодорожного транспорта, воздушных сообщений, систем связи и коммуникаций, автомобильных дорог. Также говорилось о формировании посредниками рабочих групп наблюдателей, в функции которых входило разработка предложений, подготовка официальной информации о событиях в зоне конфликта, контроль за освобождением заложников. Особо оговаривалось, что положения настоящего Коммюнике не могут рассматриваться как право посредников вмешиваться во внутренние дела суверенных государств — Азербайджанской Республики и Республики Армения.

¹⁰⁷ См. примеч. 53.

¹⁰⁸ 17 октября 1991 года Л.А. Тер-Петросян был избран первым Президентом независимой Республики Армении. 11 ноября он официально вступил в должность.

¹⁰⁹ 19 ноября 1991 года министр обороны СССР Е.И. Шапошников сделал официальное заявление для советских журналистов о позиции Министерства обороны в связи с центробежными тенденциями в стране, о претензиях некоторых республик на боевую технику и вооружения Советской Армии и Военно-морского флота, о готовности Министерства обороны выполнять решения Съезда народных депутатов СССР и Государственного совета о единстве советских Вооруженных Сил. К позиции Министерства обороны СССР присоединилось Министерство внутренних дел СССР в лице министра В.П. Баранникова.

В заявлении двух министерств говорилось, что несмотря на то, что Государственный совет СССР на своем заседании 14 ноября принял решение сохранить единые Вооруженные Силы, а также определил основные направления реформирования Министерства внутренних дел СССР и внутренних войск МВД СССР, в некоторых республиках предпринимают законодательные акты и действия, направленные на разрушение системы обороны, подрыв единства Вооруженных Сил, расшатывание централизованного управления и единоначалия. Министерство обороны и МВД СССР расценивают это как антиконституционные и незаконные действия и будут твердо пресекать их в соответствии с действующим законодательством. (См.: «Известия», 19, 20 ноября 1991 года.)

¹¹⁰ По окончании заседания, за рабочим ужином, Горбачев провел совещание. Грачев пишет: «Ироволив "гостей", Горбачев оставил на ужин свою рабочую бригаду, включая Явлинского. Последняя новоогаревская вечеря была скромной и выглядела как товарищеский ужин. Никто не заботился о президентском протоколе, и не из-за того, что за столом не было президента, а просто потому, что все, включая его самого, очень устали». (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 170.)

¹¹¹ В беседе участвовали: с советской стороны министр внешних сношений СССР Э.А. Шеварднадзе, помощник Президента СССР К.Н. Брутенц; с иранской — заместитель министра иностранных дел ИРИ М. Ваэзи, заместитель министра иностранных дел ИРИ А. Малеки, депутат Собрания исламского совета (меджлиса) ИРИ С. Хаджадж, посол ИРИ в Москве Н. Изади.

¹¹² См. примеч. 101.

¹¹³ Мадридская Мирная конференция при участии представителей Израиля, палестинцев и арабских стран проходила с 30 октября по 1 ноября 1991 года по совместной инициативе США и СССР, с ООН в качестве наблюдателя. Целью конференции было достижение в течение года соглашений о временном урегулировании арабо-израильского конфликта, в частности, соглашений о палестинском самоуправлении на основе резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН.

Подготовка к арабо-израильским мирным переговорам началась в феврале 1991 года после окончания войны в Персидском заливе и освобождения Кувейта от иракской оккупации. Регион неоднократно посещал госсекретарь США Дж. Бейкер, в «челночной» дипломатии активно участвовал министр иностранных дел СССР А.А. Бессмертных. Приглашение на Мирную конференцию в Мадриде было оглашено 18 октября 1991 года в Иерусалиме и было подписано Дж. Бейкером и новым министром иностранных дел СССР Б.Д. Панкиным. Они же являлись сопредседателями конференции. Делегации Израиля, Египта, Сирии и Ливана состояли из 14 представителей каждая, в то время как иордано-палестинская делегация включала 28 представителей. Израильскую делегацию возглавил премьер-министр Ицхак Шамир. Руководителем совместной иордано-палестинской делегации являлся министр иностранных дел Иордании К. Абу Джабер, а отдельную иорданскую делегацию возглавил бывший министр здравоохранения Иордании, генерал в отставке А. аль-Маджали, палестинскую — Хейдар абд-аль Шафи. При открытии конференции Президент СССР М.С. Горбачев и Президент США Дж. Буш выступили с речами.

¹¹⁴ На беседе присутствовали: с советской стороны — Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР К.Д. Лубенченко, Председатель Совета Национальностей ВС СССР А.Т. Алимжанов, помощник Президента СССР А.С. Черняев, посол СССР в Испании И.С. Иванов; с испанской стороны — посол Испании в СССР Х. Куэнка; делегацию возглавлял представитель Испанской социалистической рабочей партии Х. Бенегас.

¹¹⁵ Последние встречи М.С. Горбачева с Ф. Гонсалесом Маркесом были в Мадриде во время открытия Мирной конференции по Ближнему Востоку. Вечером 29 октября 1991 года, во время ужина, данного королем Испании Хуаном Карлосом, состоялась беседа с участием М.С. Горбачева, Дж. Буша и Ф. Гонсалеса Маркеса. (См. данное Собрание сочинений. Т. 29. С. 150–159.) 30 октября, после выступления Горбачева при открытии конференции состоялась их беседа, после которой они провели совместную пресс-конференцию. (См. там же. С. 164–173 и 174–179.)

¹¹⁶ См. примеч. 88.

¹¹⁷ См. примеч. 59 и 76.

¹¹⁸ См. примеч. 101.

¹¹⁹ Представляет интерес дневниковая запись А.С. Черняева от 1 декабря 1991 года: «...Между прочим, в ворохе информации никто не заметил, что Ельцин в интервью “Известиям” за 25 ноября прямо сказал, что не подпишет Союзного договора, если этого не сделает Украина». (Черняев А.С. *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. М.: РОССПЭН, 2008. С. 1030.)

Упомянутое Черняевым интервью Ельцин дал корреспонденту «Известий» Александре Луговской утром 25 ноября, за час до начала заседания Государственного совета. Большая часть интервью была посвящена итогам поездки российского Президента в Германию и реформам в России. На вопрос журналистки: что может этим реформам помешать, Ельцин сказал, что его тревожит бесконтрольная интервенция денег в Россию, и на заседании Госсовета он снова будет ставить вопрос о передаче Госбанка СССР России. А на следующий вопрос — готовится ли Россия к переходу на собственный национальный рубль? — Ельцин ответил: «Только в ответ на переход больших республик. Допустим, Украины, что нанесет, несомненно, большой удар российской финансовой системе. На сегодняшнем Госсовете я буду вынужден сказать: пока Украина не подпишет политический договор, свою подпись не поставит и Россия...» Опубликовано это интервью будет 29 ноября. То есть перед началом заседания Госсовета его содержания, кроме корреспондента и ближайшего окружения Ельцина, никто, включая Горбачева, не знал. Но уже было заранее известно, что Л.М. Кравчук в Ново-Огарево не придет. Так что, видимо, отправляясь на заседание, Ельцин уже знал, что парафирования Союзного договора не будет.

¹²⁰ В.А. Медведев в своей рабочей записи приводит конкретный перечень заданий, которые М.С. Горбачев дал своим помощникам и советникам: «Наши силы распределяются следующим образом. Помощники по внешнеполитическим вопросам — Черняев (общие проблемы), Брутенц (Ближний Восток), Загладин (сферы межгосударственных отношений), Гусенков (протокольные дела и Африка). Работа Госсовета — Шахназаров.

Правовые вопросы — В.Ф. Яковлев. Экономика — Медведев, Ожерельев. Пресс-служба — Грачев. Секретариат — Остроумов. Оборонная политика — Кокошин. Культура, религия, молодежь — Егоров. Нужны будут также советники по науке и образованию, а также по внешнеэкономическим проблемам.

Всем поручается подготовить соображения о содержании своей работы на инициативной основе. Все проекты указов будут пропускаться через наш аппарат, равно как и информация о деятельности Президента». (АИФ. Фонд № 10, опись № 2.)

¹²¹ Грачев пишет об этом совещании: «На нем он [Горбачев] коротко рассказал о своей поездке по стране. Его основные впечатления: люди настроены на перемены, готовы к тому, что за них придется платить снижением жизненного уровня, но при этом требуют от Центра — делайте что-нибудь реальное. И второе, вдохновившее его наблюдение: повсюду, от Иркутска до Бишкека, всех беспокоит судьба Союза — “Если не сохранить его, будет беда”. Приятно удивлен был Президент и неожиданно теплым приемом населения. Он убедился в том, что значительная часть людей “на периферии” сочувствует ему и готова поддержать...

По своему обыкновению, для того чтобы “выпустить пар”, накопившийся за предыдущий день, он в деталях рассказал о состоявшемся заседании Госсовета, сделав упор на те итоги, которые оставляли или хотя бы не перечеркивали надежду на изменение ситуации к лучшему:

— Трудно работать с людьми, которые каждый раз меняют позицию по погоде, — пожаловался он. — Получается, что даже пресса больше пере-

живает за судьбу Союза, чем некоторые так называемые ответственные политики.

Ельцин, как он [Горбачев] считал, на этом заседании взял на себя обязательство в дальнейшем согласовывать с республиками свои указы об освобождении цен и последующие этапы реформы.

— Без этого она превратится в авантюру, — Горбачев использовал слово, не произнесенное Явлинским. — Уже сейчас получается, что поезд пустили, а всем надо бежать впереди и выкладывать рельсы.

Свой политический штаб вместе с экспертами он попросил дать политический и социологический прогноз реакции общества на неизбежное ухудшение жизни в связи с реформой. И сделать это в виде своего рода политического календаря.

— А то к весне правые готовятся уже не захватывать, а просто подбирать власть.

Помощники посоветовали ему в условиях, когда неблагоприятная экономическая “текучка” ляжет на плечи республиканских правительств, сосредоточиться на глобальных аспектах деятельности Президента как олицетворения единства страны, ее геостратегической роли и места в мировой политике, ее культурного и нравственного потенциала...» (Грчев А.С. *Дальше без меня... С. 171–172.*)

¹²² Федерация экономических организаций Японии — одна из наиболее влиятельных организаций частных предпринимателей, осуществляющая координацию действий предпринимателей в промышленности, финансах, торговле, являющаяся связующим звеном во взаимоотношениях государства и бизнеса. В делегацию, возглавляемую вице-президентом Федерации Т. Яхиро, входило порядка 40 человек — руководящих деятелей крупнейших корпораций Японии в сфере транспорта, энергетики, банковского дела, финансов и торговли, приехавших в Советский Союз, чтобы ознакомиться с конкретными объектами, определить возможности содействия реформам в СССР и, в частности, в России.

¹²³ По инициативе газеты «Майнити» была сформирована делегация, в которую вошли видные представители японских деловых кругов. Делегация посетила СССР в декабре 1990 года. 7 декабря в Кремле ее принял М.С. Горбачев. Визит Горбачева в Японию проходил 16–19 апреля 1991 года. Встреча с японскими бизнесменами, о которой упоминает Яхиро, состоялась 17 апреля. (См. данное Собрание сочинений. Т. 25. С. 244–257.)

¹²⁴ Заседание Государственного совета СССР 27 ноября 1991 года было полностью посвящено обстановке в НКАО. В заседании принимали участие: Президент СССР М.С. Горбачев, Президент Азербайджана А.Н. Муталибов, Президент Армении Л.А. Тер-Петросян, Президент России Б.Н. Ельцин, Председатель Верховного Совета Беларуси С.С. Шушкевич, заместитель Председателя Верховного Совета Таджикистана А.И. Искандаров, Президент Туркменистана С.А. Ниязов, вице-президент Казахстана Е.М. Асанбаев, Председатель Верховного Совета Кыргызстана М. Шеримкулов, заместитель Председателя Кабинета министров Узбекистана Б.С. Хамидов. Среди приглашенных на заседание: министр внешних сношений СССР Э.А. Шеварднадзе, министр внутренних дел СССР В.П. Баранников, руководитель Межреспубликанской службы безопасности В.В. Бакатин, министр обороны СССР Е.И. Шапошников, командующий

Пограничными войсками И.Я. Калиниченко, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР В.Н. Лобов, командующий внутренними войсками МВД СССР В.Н. Саввин, заместитель Председателя Верховного Совета Российской Федерации Ю.М. Воронин и другие.

Выступления М.С. Горбачева печатаются полностью, выступления других участников даются в сокращении, частично — в изложении.

¹²⁵ Из-за задержки рейсов к началу заседания не успели приехать Е.М. Асанбаев, М. Шеримкулов и Б.С. Хамидов.

¹²⁶ Перед началом заседания Государственного совета М.С. Горбачев принял делегацию Федерации экономических организаций Японии. Поделиться впечатлениями о встрече ему не удалось, так как его перебил Б.Н. Ельцин:

«Ельцин. Телевидение только на лад пошло...

Горбачев. Телевидение? Я их не смотрю, Борис Николаевич, не могу тебе ничего сказать, что по телевидению. Думаю, что я верно поступаю.

Ельцин. У меня есть информация.

Горбачев. Да брось ты требовать эту информацию, спокойнее будет. Главное нам ясно.

Ельцин. Реклама началась, поэтому я беспокоюсь.

Горбачев. Не одного только Ельцина, но и Горбачева, что ли?.. Я думаю, Госсовет весь надо.

Ельцин. Госсовет? Правильно, правильно.

Горбачев. И министров показывать. Баранников вернулся — показать, что жив-здоров, вернулся». (РГАНИ. Фонд № 121. Опись № 3. Дело № 127. Л. 2–3.)

¹²⁷ См. примеч. 53.

¹²⁸ После того, как 30 августа 1991 года Верховный Совет Азербайджанской ССР провозгласил независимость Азербайджана, 2 сентября на совместной сессии Нагорно-Карабахского областного и Шаумяновского районного советов народных депутатов Азербайджанской ССР было провозглашено создание Нагорно-Карабахской Республики, официально так и не признанной. 26 ноября Верховный Совет Азербайджана принял постановление о ликвидации Нагорно-Карабахской области, согласно которому НКАО ликвидировалась как национально-территориальное образование, а районы Нагорного Карабаха переименовывались и переподчинялись новообразованным центральным органам.

¹²⁹ См. примеч. 106.

¹³⁰ 12 января 1989 года Президиум Верховного Совета СССР своим Указом «О введении особой формы управления в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР» с 20 января 1989 года ввел особую форму управления при сохранении статуса Нагорного Карабаха как автономной области в составе Азербайджанской ССР, были приостановлены полномочия Совета народных депутатов НКАО и его исполнительного комитета, был создан Комитет особого управления.

¹³¹ Казахский район (также встречается вариант наименования Газакский) — район на западе Азербайджана.

¹³² Республиканский оргкомитет по НКАО Азербайджанской ССР был создан в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабах-

ской автономной области». Он подчинялся непосредственно ЦК Компартии Азербайджана, Президиуму Верховного Совета Азербайджанской ССР. Возглавлял Оргкомитет В.П. Поляничко.

¹³³ Речь идет о беспорядках на этнической почве в Баку 13–20 января 1990 года, сопровождавшихся массовым насилием в отношении армянского населения, грабежами, убийствами, поджогами и уничтожением имущества. Жертвами погромов стали, по разным данным, от 48 до 90 человек (согласно некоторым источникам — до трехсот человек).

¹³⁴ Речь идет о встрече с представителями совместной Комиссии по урегулированию положения в НКАО, на которой присутствовали народные депутаты РСФСР Е.М. Кожокин и В.Н. Подопригра.

¹³⁵ О вариантах, в частности, говорил Е.М. Кожокин. Г.Х. Шахназаров, присутствовавший на встрече, записал слова Кожокина: «Происходит настоящий геноцид со стороны азербайджанцев по отношению к армянскому населению. Хороших решений не осталось. Есть два плохих.

Первое. Вывод всех войск, в том числе МВД, обязательно с техникой. Армия может нанести удар по Нахичевани и перекрыть границу с Турцией.

Второе. Усилить группировку, укрепить ее оружием.

Есть варианты:

- а) может быть, вступить в контакт с лидерами Народного фронта;
- б) уже на этой стадии пригласить в качестве посредников ЕС и ООН;
- в) воздействовать через Турцию и Иран;
- г) ультиматум и экономические санкции.

Было безумие у армян, теперь у азербайджанцев. Перенести ответственность за контроль над ситуацией с Муталибова на Верховный Совет Азербайджана и Национальный фронт.

д) переговоры перенести в Москву и вести их с участием посредников». (См.: АГФ. Фонд № 10, опись № 2.)

¹³⁶ Постановление о создании Нагорно-Карабахской Республики было принято 2 сентября 1991 года.

¹³⁷ Кто-то из участников заседания (в стенограмме фамилия его не указана, он обозначен как «Голос») подошел к карте, чтобы обрисовать ситуацию на армяно-азербайджанской границе: «Здесь на границе есть три района, где постоянно бывают обстрелы с обеих сторон. Это Горийский район (напротив Лагинский), это Иджеванский район (напротив Казахский) и Ноемберянский (тоже Казахский). Все конфликты совершаются в этих трех районах... В апреле-мае они выставили заставы и прекратились стычки. Это все-таки две советские армии. Они могут найти общий язык. Совершенно не нужен лишний контингент. Заставы обеспечат безопасность границы... Так что не надо слишком драматизировать. И в Карабахе внутренние войска, которые там стоят, в состоянии контролировать ситуацию. А призывы к разуму, к совести уже никому не помогут».

Тер-Петросян заметил: «Если мы сегодня не определим правовой статус Карабаха, ничего не получим. Нужна политическая база, а потом все эти мероприятия по разоружению. Если мы этого не сделаем, никаких переговоров не будет».

На этом был объявлен перерыв на обед, которым Горбачев воспользовался, чтобы продиктовать проект решения Госсовета.

¹³⁸ После того как были розданы экземпляры отпечатанного машинистками текста, участники заседания, как говорится, с карандашом в руках, приступили к обсуждению формулировок, предложенных Горбачевым. В окончательном варианте Постановление «О мерах по стабилизации обстановки в НКАО и приграничных районах Азербайджанской Республики и Республики Армения» выглядело так:

«В целях создания условий для урегулирования обстановки, сложившейся вокруг Нагорно-Карабахской области Азербайджанской Республики, обеспечения безопасности граждан Азербайджана и Армении, проживающих в приграничных районах, предотвращения развития конфликта, чреватого еще более тяжелыми последствиями и для этих республик, и для всей страны, Государственный совет СССР постановляет:

1. Обратиться к Верховному Совету Азербайджанской Республики и Верховному Совету Республики Армения с предложением отменить все акты, изменяющие правовой статус Нагорно-Карабахской автономной области, зафиксированный в Конституции СССР. Восстановить на территории НКАО конституционный порядок.

2. Безотлагательно продолжить в соответствии с Железноводским коммюнике переговоры полномочных делегаций обеих республик с участием представителей РСФСР и Казахстана.

Считать необходимыми прямые переговоры между президентами Азербайджанской Республики и Республики Армения для выработки условий полной нормализации отношений между двумя суверенными государствами.

3. Рекомендовать президентам Армении и Азербайджана принять меры по прекращению огня и выводу всех незаконных вооруженных формирований из зоны конфликта, обеспечению безопасности населения. Урегулировать воздушное сообщение между двумя республиками, исключив несанкционированные полеты. Образовать на участках наибольшей напряженности вдоль границы между двумя республиками полосу безопасности, режим и глубину которой определить в ходе переговоров.

Министерству внутренних дел СССР и Министерству обороны СССР оказать содействие в решении этих задач.

4. Государственный совет СССР обращается к народам Азербайджана, Верховному Совету Республики с призывом: несмотря на всю остроту ситуации и накопившиеся обиды, незамедлительно возобновить работу железнодорожного транспорта, газопровода и других коммуникаций, связанных с жизнеобеспечением Армении и Нахичеванской автономной республики Азербайджана».

Грачев отмечает: «С заседания Госсовета лидеры двух независимых государств вышли вместе. Их мирную, почти дружескую беседу успело снять и показать телевидение. Так же, как и выражение обреченности на их лицах. Ибо хотя Госсовет подтвердил, что политики бывшего Союза еще способны договариваться друг с другом, надежды на то, что их договоренности будут претворяться в реальность, таяли с каждым днем». (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 174.)

¹³⁹ Заседание Государственного совета СССР 27 ноября 1991 года было последним, больше Госсовет не собирался. Но в различных источниках встречается упоминание о двух постановлениях Госсовета, датированных

10 декабря 1991 года, — № 23 «О внесении изменений в Постановление Государственного совета СССР от 27 ноября 1991 года “К вопросу об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР”» и № 24 «О Государственных премиях СССР». По имеющимся в распоряжении составителей материалов (официальные сообщения в средствах массовой информации, записи самого Горбачева и его помощников и советников) можно сделать вывод, что, возможно, решение принималось заочным опросом, что в то время практиковалось в отдельных случаях в порядке исключения.

¹⁴⁰ Беседа состоялась в Кремле. Интервью брали главный редактор «Народной газеты» Иосиф Середич и политический обозреватель Анатолий Майсеня. По словам Горбачева, это интервью, кроме как в самой газете, нигде опубликовано не было. Михаил Сергеевич с небольшими сокращениями поместил его в книге «Декабрь-91. Моя позиция». (М.: Издательство Новости, 1992. С. 17–28.) В данном Собрании сочинений текст дается по публикации в «Народной газете».

¹⁴¹ Речь идет об ужине, который был дан королем Испании Хуаном Карлосом вечером 29 октября 1991 года. (См. данное Собрание сочинений. Т. 29. С. 150–159.)

¹⁴² См. примеч. 47.

¹⁴³ Встреча руководителей государств, входящих в НАТО, проходила 7–8 ноября 1991 года в Риме. (См. примеч. 48.) Об ее итогах М.С. Горбачева информировал дипломатический советник Председателя Совета Министров Италии У. Ваттани, которого Президент СССР принял в Москве 11 ноября 1991 года. (См. данное Собрание сочинений. Т. 29. С. 343–331.)

¹⁴⁴ Куропаты — лесное урочище на северо-восточной границе Минска, где были обнаружены массовые захоронения. Белорусская общественность узнала о расстрелах в Куропатах в июне 1988 года, когда в газете «Літаратура і мастацтва» опубликовали статью Евгения Шмыгалева и Зенона Поздняка под названием «Куропаты: дорога смерти» с предисловием Василя Быкова. В публикации утверждалось, что с 1937 по 1941 год в этом районе ежедневно совершались казни. Точное количество жертв не было установлено, по разным данным от 7 тысяч до 250 тысяч человек.

Статья послужила основанием для возбуждения Прокуратурой БССР уголовного дела. Была организована правительственная комиссия, проведены следственные мероприятия — раскопки и эксгумация могил. По результатам этих работ комиссия сделала вывод, что, действительно, в 1937–1941 годах в Куропатах органами НКВД производились массовые расстрелы советских граждан. Но так как установить личности погибших, конкретные мотивы казней и лиц, исполнявших приговоры, на тот момент не представилось возможным, в ноябре 1988 года дело было закрыто.

Появилось и другое мнение — в Куропатах захоронены не жертвы политических репрессий, а жертвы немецко-фашистского геноцида времен Второй мировой войны.

Общественная комиссия под председательством Валентина Корзуна, в которой преобладали члены Компартии, в июне 1991 года направила в Прокуратуру СССР собранный ею материал, якобы свидетельствующий, что в Куропатах захоронены жертвы немецких оккупантов. К такому же

выводу пришла независимая общественная комиссия, созданная в ноябре 1991 года во главе с бывшей подпольщицей Марией Осиповой. На протяжении 1990-х годов следствие по делу несколько раз возобновлялось.

В июне 1988 года было проведено первое шествие белорусских общественных объединений к месту захоронения под лозунгами осуждения преступлений сталинизма. В октябре 1988 года многотысячное шествие было разогнано внутренними войсками с применением спецсредств, что вызвало негодование значительной части общества. С того времени такие шествия стали повторяться каждый год, проводились также многочисленные митинги и демонстрации, публиковались статьи в газетах и журналах, организовывались выступления по радио и телевидению. Активизировались националистические движения.

¹⁴⁵ Здесь в вопросе журналиста допущена неточность: поездка М.С. Горбачева в Белоруссию состоялась не в марте, а 26–28 февраля 1991 года. (См. данное Собрание сочинений. Т. 24. С. 299–339.)

¹⁴⁶ Встреча проходила в Кремле. Эрнст Неизвестный пришел в сопровождении своих близких друзей того времени — А.С. Черняева и Ю.Ф. Карякина. На беседе присутствовал А.С. Грачев. Беседа началась в 16 часов. Как заметил Грачев: «Встреча продолжалась почти два часа, и в этом тоже отразилось новое для президента состояние свободы. Его не теребили телефонные звонки, от него не требовали срочно разрешить пограничный конфликт или организовать поставку продуктов. Он всё меньше принадлежал своей государственной функции и всё больше самому себе... и вечности». (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 177.)

¹⁴⁷ Речь идет о так называемом «Треугольнике Скорби» — задуманном Эрнстом Неизвестным комплексе монументов памяти жертвам политических репрессий. Предполагалось создание памятников в трех городах — Магадане, Воркуте и Екатеринбурге. Первый из них — «Маска Скорби» — был открыт в Магадане 12 июня 1996 года, второй — «Маска Скорби: Европа-Азия» — под Екатеринбургом 20 ноября 2017 года. Третий монумент (в Воркуте) так и не был создан.

¹⁴⁸ Речь идет о выступлении М.С. Горбачева в российском парламенте 23 августа 1991 года. (См. данное Собрание сочинений. Т. 27. С. 256–277.)

¹⁴⁹ 31 мая 1989 года отмечалось 90-летие Леонида Максимовича Леонова. Горбачев лично поздравил писателя в его квартире, преподнес букет роз. Беседа продолжалась около полутора часов.

¹⁵⁰ Газета «Известия» 29 ноября 1991 года под заголовком «Однокашники по университету встретились в Кремле» опубликовала сообщение об этой встрече. В нем, в частности, отмечалось: «Скорее душевная, нежели деловая, беседа, не имевшая заданной программы, касалась как творческих планов скульптора, так и современных общественно-политических проблем».

А.С. Черняев в дневниковой записи от 28 ноября 1991 года отмечает: «...М.С. открылся до предела... Будто в братском застолье. И политическое кое-что сказал впервые... Назвал себя диссидентом с 1953 года... Посмотрим, как отзовется эта встреча, которую зафиксировали десятки корреспондентов и ТВ-операторов. Говорят, Эрнст по выходе от М.С. был "с достоинством сдержан", без эйфории (сам я не слышал)... Хотя даже для меня самораскрытие М.С. показалось необычным... А как для "постороннего"?

Ведь перед ним “человек века”, перевернувший мир!» (Черняев А.С. *Совместный исход. Дневник двух эпох*. С. 1028.)

¹⁵¹ Публикацию беседы в «Литературной газете» предваряло вступительное слово Ю.П. Шекочихина: «Кто он? Разрушитель империи? Или ее сторонник? Демократ? Или коммунист? Лауреат Нобелевской премии мира? Или человек, разрушивший мир и порядок на одной шестой части суши? Давший нам свободу? Или — лишивший нас элементарного благополучия?»

Думаю, что нет более загадочной фигуры в современной истории, чем Михаил Горбачев.

Я помню весенний митинг в центре Москвы, на котором кричали, подерживая очередного оратора (оракула?): «Горбачева — до-лой! Горбачева — до-лой!» Но я помню и те августовские преддассветные часы перед Белым домом, когда, принимая кортеж Руцкого или Силаева за его, президентский, толпа скандировала восторженно: «Пре-зи-дент! Пре-зи-дент!»...

Он вошел на престол, как Хозяин великого военного монстра, — и тут же покори нас тем, что отличался от всех владельцев державы, бывших до него. Куда проще было бы (по крайней мере сколько бы еще анекдотов родилось!), если бы Черненко сменил Гришин, а Гришина — Романов, а Романов — какой-нибудь еще, уже достаточно состарившийся для этой роли лидер. Мы бы жили, рассуждая о политике лишь на прокуренных кухнях, втихомолку читая Солженицына (рискуя сесть на годика два за недозволенное чтение) и проклиная глушилки, мешающие нам слушать свободные голоса по “Свободе” и “Голосу Америки”. Он сломал привычный, сложившийся из поколения в поколение “советского народа” образ жизни. Он сделал то, что было бы гибелью для его предшественников, — уничтожил дистанцию между Вождем и подданными. Может быть, делать это в традиционно рабской стране было смертельно для его благополучия. Его стали ругать — сначала робко, гордясь своей смелостью и приседая от удивления, что за эту критику не подъезжают к дому “воронки”, потом всё увереннее, смелее, напористее. Потом уже — считая это как должное, и если вчера, еще вчера трибуноносители начинали свои речи со здравий “верным ленинцам”, то уже сегодня часто те же самые люди хвастаются друг перед другом своей ненавистью к нему (“Лигачев хотя бы был искренним”, — бросил он мне фразу во время нашей беседы).

То есть, понимаю я сейчас, как это обычно бывает в истории — самыми громкими оказывались голоса у рабов. У тех рабов, для которых слабость Хозяина всегда означала их рабскую силу.

Он наделал много ошибок, но почему его ошибки мы воспринимаем эмоциональнее, чем ошибки его предшественников? Может быть, потому, что он именно НАМ дал вольную на одной шестой части суши. И поплатился за это. И, может быть, поплатится еще больше.

Ох, была бы у нас другая страна! Такому лидеру завидовал бы весь честный мир! Но у нас же не Буш сменил Рейгана! Систему — Система...

Может быть, он еще сам не понимает, почему его имя проклинаят в очередях (он же тоже приехал к нам не из Австралии, а из Ставропольского крайкома партии): ведь из поколения в поколение общество, искусственно лишенное права на собственность, именно на Хозяина взваливало всю ответственность за колбасу и хлеб. Но он, уже неизвестно какой президент

и какой страны, с упорством миссионера твердит о духовной свободе, о безрассудной жестокости правителей, о справедливом выборе образа мыслей и пространства жизни.

Как мы еще его вспомним...

Может быть, об этом я думал, когда вечером в прошлый четверг возвращался пустынным кремлевским коридором после долгой беседы с ним один на один». («Литературная газета», № 48, 4 декабря 1991 года.)

¹⁵² Газета «Известия» 29 ноября 1991 года писала: «... в среду (27 ноября) анонимный представитель американской администрации сообщил журналистам, что США “начнут двигаться в сторону признания Украинской республики, если ее население, как ожидается, проголосует в воскресенье (1 декабря) за независимость от Советского Союза”. Лидеры американских украинцев, которых в тот же день принял Буш, подтвердили после встречи в Белом доме эту информацию. Но при этом уточнили: Президент США не обещал им “немедленного признания” независимости Киева.

До этого появлялись сообщения, что внутри американской администрации существуют расхождения по этой проблеме. Буквально накануне агентство Рейтер сообщало со ссылкой на официальных лиц, что Соединенные Штаты твердо намерены “придать более высокий уровень своему диалогу с богатой, владеющей ядерным оружием Украиной после воскресного голосования за независимость, но не пойдут на прямое признание”. Судя по многим другим источникам, Рейтер в данном случае очень точно формулировал позицию Буша и его ближайшего окружения».

Последовала реакция со стороны Президента СССР. Грачев пишет: «... В самый канун голосования, когда даже по правилам внутренней политики всякая предвыборная агитация должна прекращаться, из Белого дома пришел малопривлекательный для Горбачева сигнал. В форме традиционной “утечки” для прессы поступила информация о том, что в случае, если Украина проголосует за независимость, США установят с ней дипломатические отношения.

Расценить это иначе как поощрение сепаратистских настроений на Украине и прямую попытку повлиять на результаты выборов было невозможно. С этой новостью мы с Черняевым пришли к Горбачеву. Тот тут же связался с Шеварднадзе. Министр явно не хотел обострять отношений с американцами и посоветовал “не принимать эти неофициальные разговоры всерьез”.

Тем не менее возмущенный Горбачев продиктовал мне короткое сообщение пресс-службы Президента СССР, в котором выражалось “недоумение” Кремля по этому поводу. Американцы почувствовали, что поторопились и перешли грань приличия, в связи с чем 30 ноября Буш позвонил Горбачеву...» (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 177.)

Журналист «Известий», готовивший материал, опубликованный 29 ноября, сетовал: «Можно согласиться с тем, что в заявлениях анонимных источников в администрации есть доля “бестактности”, есть элемент “вмешательства в ход предстоящего референдума”. Может быть. Но стоило ли по этому случаю предпринимать столь серьезные дипломатические демарши?»

Черняев в дневниковой записи от 30 ноября пишет: «Из МИДа (извиняюсь — МВС) позвонили: Буш хочет говорить с М.С. по телефону в 16.00.

Я сообщаю об этом Горбачеву. Он: “Да зачем это?! Меня не будет... (подумал)... Пусть соединяют, где я окажусь”.

Вот такая реакция: с одной стороны, сработал шелчок (наше с Грачевым сообщение ТАСС о признании Украины), с другой, он был зол, обиделся... И ему было неприятно общаться с Бушем.

Ровно в 16.00 (никуда он не смог уехать) начался разговор. И М.С. в своей обычной “доброжелательной и открытой” манере стал “приветствовать” Джорджа...» (Черняев А.С. *Совместный исход. Дневник двух эпох.* С. 1029.)

¹⁵³ Из воспоминаний Дж. Буша о разговоре с Б.Н. Ельциным, который состоялся вскоре после разговора с М.С. Горбачевым: «...Примерно через три четверти часа я уже говорил с Ельциным. Мы обсудили с ним те же самые вопросы, что и с Горбачевым, и я выразил свою озабоченность по поводу стабильности Союза. Его взгляды заметно отличались от взглядов Горбачева. Он понял причины моей озабоченности, подчеркнул, что до сих пор за Союз высказались лишь семь республик — пять мусульманских и только две славянские (Белоруссия, теперь называющаяся Беларусью, и Россия). Это беспокоило его, так как означало, что два самых больших (и русских) государства останутся в меньшинстве.

“Я буду с Вами, как всегда, откровенен, — сказал он. — Думаю, что если Украина не войдет... то такой Союз будет очень слабым. Я сказал сегодня Горбачеву, и сказал это вчера в газетном интервью, что если Украина не войдет в Союз, то это создаст проблемы для России”. Он полагал, что если Украина проголосует за независимость, то она не будет подписывать новый договор. “Считаю, что новый украинский Президент не будет вести переговоры с Горбачевым, а начнет переговоры с Россией”, — добавил он. Из-за важности российско-украинских отношений в случае, если украинцы выберут независимость, России придется признать Украину вне зависимости от того, подпишет это новое государство Союзный договор или нет. “Прямо сразу?” — спросил я. “Да, нам надо будет сделать это немедленно, — твердо сказал он. — ...Горбачев об этом еще не знает. Он все еще думает, что Украина подпишет договор”. Ельцин добавил, что он встретится с новым Президентом Украины в декабре для обсуждения базы новых отношений между ними...

“Мы не можем рисковать разрывом связей между Россией и Украиной, — сказал он. — Сейчас я с узким кругом советников напряженно размышляю о том, как сохранить Союз... Отношения с Украиной для нас важнее, чем со среднеазиатскими республиками, которые мы только и делаем, что кормим”. Он попросил меня не раскрывать содержания нашего разговора до тех пор, пока не будут опубликованы итоги референдума». (Буш Дж., *Скоукрофт Б. Мир стал другим.* М., 2004. С. 490.)

¹⁵⁴ См. примеч. 8.

¹⁵⁵ Необходимость в срочном разговоре с Б.Н. Ельциным появилась 29 ноября 1991 года на заседании Политического консультативного совета при Президенте СССР. (См. примеч. 156.) Черняев записал в дневнике: «Они просидели четыре часа + Бурбулис и Гайдар. Речь шла: так, мол, нельзя — оставлять Центр без средств к существованию. До чего-то договорились. Но еще в 6 часов в Ореховой комнате сидели эксперты и формулировали “документ”». (Черняев А.С. *Совместный исход...* С. 1029.) По итогам встреч

Горбачев и Ельцин подписали соглашение о «консолидированном» бюджете Союза и России.

Грачев пишет об этой встрече: «...[встреча] была посвящена “рассмотрению ситуации с исполнением союзного бюджета в IV квартале 1991 года”. Приставив к виску союзного президента финансовый пистолет, Ельцин получил от него обещание “существенного сокращения расходов союзного бюджета”. Взамен Россия подтвердила свою готовность “взять на себя ответственность по гарантиям кредитов Госбанка СССР, предоставляемых для осуществления минимально необходимых согласованных расходов в IV квартале 1991 года”.

Ельцин имел все основания быть довольным итогом встречи. Ему не только удалось подрезать сухожилия монстру союзной номенклатуры, но и продемонстрировать всем, что даже сама президентская власть в Союзе перешла к нему на содержание». (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 181.)

Газета «Правда» 2 декабря 1991 года поместила краткое сообщение об этой встрече: «...Руководство Госбанка СССР объявило о том, что нет больше наличных для выплаты пенсий, зарплаты служащим, жалования военным.

Эту проблему и обсуждали в субботу (30 ноября) президенты страны и России М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин. Комментируя эту встречу, американская газета “Вашингтон пост” отмечает, что Б. Ельцин “после многочасовых переговоров согласился выкупить фактически обанкротившееся центральное правительство, взяв на Россию бюджетные обязательства и вводя широкие сокращения расходов”. По окончании встречи президенты заверили, что деньги в декабре для выплаты зарплаты есть.

Куда же делись наши рубли? Это несколько прояснил, выступая по телевидению, вице-премьер российского правительства Егор Гайдар. Инфляция идет так быстро, что печатные станки, хотя и работают с полной нагрузкой, уже не могут обеспечить потребности. В других странах, где происходило подобное, заранее выпускали крупнокупюрные банкноты. Мы же, оказывается, опоздали и с этим — только-только поставлены на поток двухсотрублевки. В скором времени пятисотки и тысячные.

Правда, Б. Ельцин заявил, что он не намерен выправлять бюджетные проблемы простой чеканкой новых денег, а обещает резко сократить правительственные расходы, и отныне банковская платежеспособность будет гарантироваться Россией...»

¹⁵⁶ Заседание Политического консультативного совета при Президенте СССР 29 ноября 1991 года началось с сообщения М.С. Горбачева о работе Государственного совета СССР. По словам Грачева, «...как было потом сообщено прессе, “единодушно высказались за безотлагательное заключение Союзного договора”». (См.: Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 181.)

А.С. Черняев приводит в дневнике рассказ А.Н. Яковлева об этом заседании: «Яковлев сказал, что на Политическом консультативном совете в пятницу, который заседал с 3 до 10 вечера, все — Попов, Собчак, Явлинский, сам А.Н., Егор Яковлев... — словом, первое поколение перестройки, приспомятывая регионалка, решительно выступили за Союз и осудили линию Ельцина, которая ведет к социальному взрыву и совершенно явно авторитарная “до хамства”. Готовы были, говорит А.Н., тут же образовать формальную оппозицию и сочинить декларацию, где сказать об этом.

Шаталин предложил “лично” тут же выступить по ТВ и “разоблачить” все ходы Ельцина». (Черняев А.С. *Совместный исход. Дневник двух эпох*. С. 1030.)

Грачев пишет: «...Обсуждали, как реагировать на решения, которые без какой-либо оглядки на Кремль одно за другим принимало российское правительство, затягивая с каждым оборотом винта, как на гарроте (*орудие казни*), обруч на шее Союза.

На этот раз речь шла о прекращении кредитования Госбанка СССР, что автоматически останавливало выплату платежей всем, кто зависел от союзного бюджета, включая армию. Сообщение об этом пришло в разгар заседания Политсовета. Получив его из ТАСС, я молча положил эту депешу на стол перед Президентом. После обмена взволнованными восклицаниями и телефонных переговоров с председателем Госбанка, решено было пригласить для прояснения ситуации Ельцина. Горбачев встретился с ним на следующий день». (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 181.)

¹⁵⁷ Телефонный разговор состоялся по инициативе канцлера ФРГ. М.С. Горбачев заметил: «Мы — друзья. И разговор, как всегда, был предельно откровенным. Характерны и вопросы, которые затрагивались...» (Горбачев М.С. *Декабрь-91...* С. 36.)

¹⁵⁸ Так в тексте. На самом деле встреча с Колем, о которой упоминает Горбачев, состоялась не в мае, а 5 июля 1991 года в «Межигорье» — государственной правительственной резиденции, расположенной в селе Новые Петровцы Вышегородского района Киевской области. (См. данное Собрание сочинений. Т. 26. С. 360–382.)

¹⁵⁹ «Обращение Президента СССР к парламентариям страны» было подписано М.С. Горбачевым 2 декабря 1991 года, разослано в парламенты республик на следующий день, а вечером 3 декабря Горбачев выступил с ним по Центральному телевидению.

¹⁶⁰ Печатается по книге М.С. Горбачева «Декабрь-91. Моя позиция». У Горбачева беседа с И. Анталлом датирована 5 декабря, в воспоминаниях А.С. Грачева «Дальше без меня...» — 6 декабря.

¹⁶¹ «Ливанизация» (производное от Ливана) — это политическое размежевание в стране по вероисповедальному признаку и разрушительная общенациональная война между многочисленными группировками во имя узкопонимаемых верований, против всех форм взаимозависимости, гражданского взаимодействия и общественного сотрудничества. В литературе встречается определение «ливанизации» как глубокого разделения общества по этноконфессиональным и социальным признакам, активного вмешательства внешних сил, применения методов насилия, выходящего за границы непосредственной зоны конфликта.

¹⁶² Рассказ Горбачева дополняет Грачев: «В разговоре с Горбачевым Анталл, разумеется, не мог не упомянуть и о 1956 годе. Вот парадокс: в то время, как вторжение стран Варшавского договора в 1968 году в Чехословакию уже было, после соответствующей политической “классификации”, передано в архив, в отношении венгерских событий, сопровождавшихся неизмеримо большим насилием и кровью, сохранялась формальная двусмысленность. Ни Президентом СССР, ни советским парламентом не были официально произнесены слова покаяния и осуждения этого акта вооруженного вмешательства во внутренние дела соседнего дружественного государства и “братского” народа. Заявление пресс-службы Горбачева на этот

счет в ответ на вопрос, заданный на одном из брифингов, в отсутствие подтверждающих его слов Президента могло расцениваться как моя собственная инициатива.

Анталл, упомянув об этом еще не урегулированном вопросе, сказал, что, по мнению венгерской стороны, нет никаких причин для того, чтобы к оценке событий 56-го года в Венгрии относиться иначе, чем к августу 68-го в Чехословакии, и повторил слова, сказанные им самим советскому послу Стукалину еще в 1989 году, когда находился в полулегальной политической оппозиции:

— Если вы снимете наручники с наших рук, мы станем вашими самыми искренними друзьями.

Анталл, как выяснилось, не только очевидец, но и участник будапештских событий ноября 1956 года, даже был приговорен к смертной казни. Он сказал Горбачеву, что первый огонь по советским солдатам в те дни открыли не повстанцы, а тайная полиция, спровоцировав их тем самым на ответные действия.

— В ту пору в Венгрии не было угрозы развития событий в сторону фашизма, — сказал он. — Вы можете, господин Президент, со спокойным сердцем дать свою оценку прошлому и не предадите память погибших в Будапеште советских граждан.

С этими словами он передал Горбачеву памятную медаль, изображавшую рукопожатие.

Явно тронутый рассказом, Горбачев заверил его, что решительно настроен подвести черту под прошлым, и обещал в ближайшее время публично подтвердить оценку советским руководством этой «трагической страницы» в истории двух народов. Эту возможность Горбачев нашел полчаса спустя на совместной пресс-конференции, которую они провели с Анталлом по окончании переговоров». (*Грачев А.С. Дальше без меня... С. 186–187.*)

¹⁶³ Интервью для программы «Семь на семь» французской телекомпании ТФ-1 предназначалось для Франции и Европы. Беседу провела ведущая программы Анн Сенклэр. Интервью вышло в эфир 8 декабря.

Грачев пишет: «Его предыдущее развернутое интервью французским журналистам осталось в далеком 1985 году. Именно с него 6 лет назад для французских телезрителей начался нескончаемый телесериал горбачевской перестройки, в котором было всё, что нужно для захватывающего телеромана: интрига и страсть, сюрпризы и драма. И было много больше, чем нужно для триллера, — реальная драма народа, страны и ее лидера, требовавшая, по словам Пастернака, от ее главного актера “не читки, а полной гибели всерьез”».

Сейчас, постаревший на 6 лет, Горбачев уходил в политическое прошлое, но в тот вечер он был раскован и неотразим...» (*Грачев А.С. Дальше без меня... С. 188–189.*)

Упомянутое Грачевым интервью Горбачев дал журналистам ТФ-1 И. Мурузи, А. Денверу и Д. Бромберже 30 сентября 1985 года в связи с предстоящим визитом Горбачева во Францию. (*См. данное Собрание сочинений. Т. 2. С. 535–550.*) Визит проходил 2–5 октября 1985 года. (*См. там же. Т. 3. С. 13–51.*)

¹⁶⁴ Совещание глав двенадцати европейских государств — членов ЕЭС, на котором были приняты решения принципиального значения, проходило в голландском городе Маастрихте 9–10 декабря 1991 года.

¹⁶⁵ Во встрече участвовали сопредседатели конференции: с советской стороны — академик Е.П. Велихов, с американской стороны — Дж. Миллер. Участвовали также видные деятели американского бизнеса: президент корпорации «Экссон» С. Ризо, издатель журнала «Форчун» Н. Суонсон, один из руководителей компании «Фрэнк Рассел» Б. Игл, президент инвестиционной фирмы «Кейбл энд Хауз» В. Хауз, заместитель министра финансов США Дж. Робсон, а также В.И. Щербаков.

¹⁶⁶ Речь идет об ужине, который был дан королем Испании Хуаном Карлосом для М.С. Горбачева, Дж. Буша и Ф. Гонсалеса вечером 29 октября 1991 года. На это мероприятие дам не приглашали — предостоял «мужской разговор». (См. *данное Собрание сочинений*. Т. 29. С. 150–159.)

¹⁶⁷ Горбачев пишет: «Никто в печати этой беседы не публиковал, хотя по московскому и киевскому телевидению она передавалась. Согласился я на интервью при условии: корреспондент задает любые вопросы, но ответы должны быть полностью переданы по телевидению». (*Горбачев М.С. Декабрь-91... С. 45.*)

Насколько было выполнено условие Горбачева насчет полной трансляции, трудно сказать. А.С. Черняев в записи от 8 декабря (вечер) упоминает: «Только что по радио: Ельцин, Кравчук, Шушкевич договорились о создании Содружества Независимых Государств... И завтра (+ Назарбаев) будут обсуждать это с Горбачевым. Соглашение открытое — могут присоединиться другие... Вот и всё! Назарбаев, прилетев, в аэропорту сожалел о Союзе, вызвал хоть бы оборонительный Союз заключить, чтобы единое командование осталось...»

М.С., наконец, должен решиться. По ТВ пропустили фрагмент из его интервью украинскому корреспонденту, которое он давал вчера...» (*Черняев А.С. Совместный исход*. С. 1033.) И чуть дальше, в том же отрывке: «...Я только что слушал — 1,5 часа — записанное интервью М.С. (по Украинскому ТВ...)» (Там же. С. 1034.)

¹⁶⁸ См. примеч. 164.

¹⁶⁹ См. примеч. 115, 166.

¹⁷⁰ Заявление было оглашено диктором в программе «Время» в 21 час.

¹⁷¹ 8 декабря 1991 года руководители России, Украины, Беларуси (Б.Н. Ельцин, Л.М. Кравчук, С.С. Шушкевич) на встрече в Беловежской Пуще объявили: «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Они подписали «Заявление глав государств об образовании Содружества Независимых Государств» и «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств». (См. *Приложение 4*, с. 585–590.) В российскую делегацию на переговорах входили: Г.Э. Бурбулис, С.М. Шахрай, Е.Т. Гайдар, А.В. Козырев, В.В. Илюшин.

О событиях в Беловежской Пуще Горбачев узнал от Шушкевича, который по поручению Ельцина и Кравчука позвонил Горбачеву на дачу и сообщил, что собравшиеся в Беловежской Пуще три руководителя «вышли на соглашение», и зачитал подписанный документ. Он проинформировал Горбачева и о том, что Главком Вооруженных Сил СССР Е.И. Шапошников

поставлен в известность об их договоренности и уже состоялся разговор Ельцина с Бушем.

¹⁷² Упомянутое совещание проходило в Минске 10 июля 1985 года.

¹⁷³ Текст интервью предварялся вступительным словом В. Третьякова, озаглавленным «“Политическое завещание” Президента СССР?»: «Я думаю, важно сказать несколько слов о том впечатлении, которое осталось у меня от встречи с Михаилом Горбачевым в столь драматичный и для всей страны, и для него лично момент. Напомню, что беседа состоялась прямо накануне встречи Горбачева с Ельциным, закончилась за десять минут до нее. Горбачев был спокоен, уравновешен, ироничен. Мне показалось, он принял для себя какое-то очень важное решение, и именно это решение служило ему опорой для сохранения спокойствия. Вместе с тем, я думаю, Михаил Горбачев знает или верит, что знает, какой-то “особый ход”, с помощью которого он выйдет из этой сложной ситуации с наименьшими потерями для себя и для своей политики. И, кроме того, он не видит того человека, которому с легким сердцем смог бы вручить как своему преемнику высшую власть над процессами, идущими на пространстве бывшего СССР. Нужен такой преемник или нет — другой вопрос, но оставаться без преемника вовсе — слишком сложная для большого реформатора ситуация...» (*«Независимая газета»*, 14 декабря 1991 года.)

¹⁷⁴ Указ о снятии В.Н. Лобова с поста начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР был подписан М.С. Горбачевым 7 декабря 1991 года. На эту должность тем же Указом был назначен В.Н. Самсонов.

¹⁷⁵ Статья В.Н. Чалидзе, после многолетнего запрета на публикации в СССР, появилась в партийном журнале «Коммунист» в 1989 году.

¹⁷⁶ Поездка М.С. Горбачева в Литву состоялась 11–13 января 1990 года. (См. данное *Собрание сочинений*. Т. 18. С. 69–132.)

¹⁷⁷ М.С. Горбачев совершил поездку в Мурманскую область 30 сентября — 2 октября 1987 года. (См. данное *Собрание сочинений*. Т. 7. С. 460–503.)

¹⁷⁸ См. примеч. 4.

¹⁷⁹ См. примеч. 101.

¹⁸⁰ В стихотворении В.В. Маяковского «Христофор Колумб» фраза звучит так: «Я б Америку закрыл, / слегка почистил, а потом опять открыл — / вторично». Ранее похожее предложение встречается у М.Е. Салтыкова-Шедрина в черновом варианте текста «Современной идиллии», где «ретивый начальник» получает проект, автор которого требует «закрыть Америку».

¹⁸¹ Предисловие «Независимой газеты»: «Год назад несколько крупных западных газет по инициативе французской “Либерасьон” решили выпускать совместное приложение. Так родилось международное издание “Уорлд медиа”. Первые его выпуски, посвященные геополитической ситуации в мире и массовым миграциям населения, имели большой успех у читателей.

Начиная с третьего номера, который сейчас готовится к печати в 27 странах мира, в этом проекте участвует и “Независимая газета”. Среди других участников проекта — английская “Гардиан”, немецкая “Тагесшпайтунг”, итальянская “Стампа”, испанская “Эль Паис”, американская “Кристен сайенс монитор”, влиятельные газеты Бельгии, Голландии, Дании, Аргентины, Бразилии, Израиля, Индонезии и ряда других стран.

Тема очередного выпуска “Уорлд медиа” — роль науки в современном мире. Этот выпуск открывается ответами известных политических деятелей на вопросы крупных ученых всех континентов. Среди “интервьюеров” — академик Виталий Гольданский, французский океанолог Жак Ив Кусто, японский химик Кэнити Фукуи, американский палеонтолог Стефен Джей Гулд и астрофизик Фан Личжи, которого называют “китайским Сахаровым”. По просьбе “НГ” на вопросы ученых ответил Президент СССР Михаил Горбачев. Политические деятели, участвовавшие в этом заочном “круглом столе”, имели возможность задать ученым любые встречные вопросы». (*«Независимая газета», 11 декабря 1991 года.*)

¹⁸² Ответы ученых на вопросы Президента СССР опубликованы в русскоязычном издании «Уорлд медиа».

¹⁸³ Грачев пишет об этой встрече: «...Поначалу мы планировали ее проведение в новом пресс-центре, который специально готовили для президентского аппарата. Однако после Минска всем стало ясно, что этим зданием будут пользоваться другие.

Войдя в зал Госсовета, где уже собрались человек сорок журналистов, Горбачев направился было к своему привычному председательскому месту, однако я перехватил его и предложил сесть в середине стола. Горбачев понимающе кивнул: он принимал правила игры.

Как бы извиняясь, он сказал журналистам: “Я привык на этом месте: Политбюро заседало здесь, Госсовет заседал здесь”». (*Грачев А.С. Дальше без меня... С. 204.*)

¹⁸⁴ 23 апреля 1991 года в Ново-Огареве на встрече М.С. Горбачева с руководителями девяти союзных республик (России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Азербайджана) было подписано Совместное заявление «О безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса» (так называемое «Заявление десяти» или «9+1»). (*См. данное Собрание сочинений. Т. 25. Приложение 4. С. 478–481.*)

¹⁸⁵ Внеочередной пятый Съезд народных депутатов СССР состоялся 2–5 сентября 1991 года.

¹⁸⁶ Имеется в виду заседание Государственного совета СССР 14 ноября 1991 года. (*См. данный том, с. 13–85.*)

¹⁸⁷ Речь идет о заседании Государственного совета 25 ноября 1991 года. (*См. данный том, с. 176–277.*)

¹⁸⁸ М.С. Горбачев впоследствии неоднократно ссыался на решение Госсовета 14 ноября, в котором семь республик, участвовавших в заседании, высказались за создание нового политического союза. Он приводил публикацию газеты «Известия» от 15 ноября 1991 года. (*См.: Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция. С. 8–11; Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 594–596.*) В ней, в частности, говорилось: «...В конце концов участники сошлись на том, что будет Союз Суверенных Государств — конфедеративное государство, включающее делегированные государствами-участниками функции.

Позиция России, Борис Ельцин: Трудно сказать, какое число государств войдет в Союз, но у меня твердое убеждение, что Союз будет.

Казахстан, Нурсултан Назарбаев: Республика всегда стояла за сохранение Союза, безусловно, не того, который был, а за Союз, который реально сегодня существует, это союз суверенных государств — самостоятельных

и равноправных. Я на этой позиции стою, выражая мнение большинства населения Казахстана. Каким будет этот Союз в конечном счете — конфедеративным или каким-то другим, покажет будущее.

Беларусь, Станислав Шушкевич: По моему убеждению, вероятность образования нового союза существенно возросла. Я думаю, Союз будет.

Кыргызстан, Аскар Акаев: Присоединяюсь к коллегам. Я полон уверенности — Союз будет.

Туркменистан, Сахат Мурадов (Председатель Верховного Совета Республики): На состоявшемся на днях заседании Верховного Совета все депутаты высказались за то, чтобы наша республика была в составе Союза Суверенных Государств.

Таджикистан, Акбашо Искандаров (заместитель Председателя Верховного Совета): Наша республика с самого начала была за Союз. После сегодняшнего заседания появилась уверенность, что он будет...»

¹⁸⁹ См. примеч. 2.

¹⁹⁰ Имеется в виду встреча М.С. Горбачева с руководителями Вооруженных Сил СССР в Министерстве обороны СССР 10 декабря 1991 года. (См. *данный том*, с. 395–396.)

¹⁹¹ Встреча М.С. Горбачева с российскими депутатами состоялась 23 августа 1991 года. (См. *данное Собрание сочинений*. Т. 27. С. 256–277.)

¹⁹² Интервью Украинскому телевидению М.С. Горбачев дал 7 декабря 1991 года. (См. *данный том*, с. 382–392.)

¹⁹³ Грачев пишет: «Вечером в информационной программе Российского телевидения этой встрече был посвящен лаконичный, но выразительный репортаж, в котором не было обильных цитат и высказываний Президента. Было его лицо, его жесты и чашка чая в его руке. Чашка, на стенке которой телекамера вместе с оператором и миллионами телезрителей долго, как будто стремясь запомнить, разглядывала нарисованный герб Советского Союза.

В вышедшей на следующий день “Комсомольской правде” отчет о встрече Горбачева с журналистами заканчивался словами: “Он сделал всё, что мог. И то, что мог сделать только он”». (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 208.)

¹⁹⁴ См. примеч. 164.

¹⁹⁵ Интервью у М.С. Горбачева брали корреспонденты «Тайм» Струоб Талбот и Джон Кохан.

¹⁹⁶ Видимо, Талбот, задавший этот вопрос, имел в виду беседу М.С. Горбачева с советскими журналистами 12 декабря 1991 года. (См. *данный том*, с. 416–436.)

¹⁹⁷ Разговор состоялся поздно вечером по инициативе Президента США. Дж. Буш интересовался ситуацией в нашей стране, высказываемыми в этой связи оценками.

¹⁹⁸ В стенограмме, хранящейся в АГФ, в этом месте пропущена часть страницы текста. Как пишет А.С. Грачев, к моменту начала разговора Горбачев уже прочитал посвященные ему выдержки из выступления Ф. Миттерана в программе «Семь на семь» и был тронут высказываниями французского Президента в его адрес. (См. Грачев А.С. *Дальше без меня*. С. 211.)

¹⁹⁹ Имеется в виду поездка М.С. Горбачева во Францию 30–31 октября 1991 года. После завершения мероприятий, связанных с открытием Международной конференции по Ближнему Востоку в Мадриде, Горбачев,

по приглашению Президента Франции, провел два дня в личной резиденции Миттерана в Лаче (президентский хуторок в Пиренеях). (См. данное Собрание сочинений. Т. 29. С. 178–214.)

²⁰⁰ 13 декабря 1991 года в Ашхабаде состоялась встреча президентов пяти центральноазиатских государств, входящих в состав СССР, — Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Итогом встречи стало Заявление, в котором государства согласились войти в организацию Содружество Независимых Государств при условии обеспечения равноправного участия всех государств-участников в качестве учредителей. Текст документов, принятых на встрече, см. в *Приложении 5*, с. 591–593.

Назарбаев вспоминал: «...Мы собрались у Ниязова в Ашхабаде, до трех часов утра обсуждали ситуацию: то ли мы не признаём упразднения Союза, а Горбачева признаём Президентом — но какой Союз без России? То ли создаём среднеазиатскую конфедерацию — это Ниязов предложил, но экономика-то у нас общая, армия единая, рубль один и тот же, 1150 боеголовок в Казахстане... Как же можно вставать в конфронтацию с Россией? Результат вы знаете: договор о создании СНГ все подписали, теперь расхлебываем». (Из беседы Президента Казахстана Н. Назарбаева с главными редакторами московских газет 15 апреля 1995 г. // *Общая газета*. 1995, 27 апреля — 3 мая.)

«Беловежская встреча вызвала далеко не однозначную реакцию. Кто-то стал эксплуатировать “жареную” идею славянского государственного образования и предлагать в противовес ему немедленно создать “туркестанскую конфедерацию”. Страшно подумать, что бы случилось, пойдя мы на поводу у подобных провокаторов, стремившихся разделить наши народы по этническому и конфессиональному признакам. Руководители пяти независимых государств, собравшиеся в Ашхабаде, категорически отвергли мысль о создании альтернативного блока, проявив разумный, взвешенный подход к нынешним реалиям. Было принято заявление, предварительные поправки и предложения к подписанному в Минске соглашению о СНГ. Главы государств Казахстана и Средней Азии подчеркнули, что с пониманием относятся к стремлению лидеров России, Украины и Беларуси создать на месте ранее бесправных республик независимые правовые государства, удовлетворены возвращением Украины в русло интеграционного процесса». (Из «*Казахстанской правды*» // Назарбаев Н.А. *Пять лет независимости*. Алматы, 1996, с. 40–56.)

²⁰¹ На беседе присутствовали Р. Страусс, Д. Росс, М. Татуайлер, Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев, А.С. Черняев.

²⁰² Госсекретарь США Дж. Бейкер заявил в интервью газете «Вашингтон Пост», что в ходе своей поездки 15–18 декабря 1991 года в Москву, Киев и Минск он намерен содействовать мирному решению проблем бывшего Советского Союза. «Я постараюсь использовать наше влияние, каким бы скромным оно ни было, для того, чтобы ситуация развивалась ненасильственным и позитивным путем», — подчеркнул госсекретарь. («*Правда*», 9 декабря 1991 года.) Из Москвы Бейкер вылетел в Алма-Ату.

²⁰³ Накануне беседы с М.С. Горбачевым, вечером 15 декабря 1991 года, Дж. Бейкер встречался с Э.А. Шеварднадзе, а утром 16 декабря — с Б.Н. Ельциным; также состоялась беседа госсекретаря США с министром обороны СССР Е.И. Шапошниковым.

²⁰⁴ Международная конференция «Анатомия ненависти» открылась в Москве 15 декабря 1991 года. Конференция была посвящена поиску путей разрешения этнических, национальных, религиозных конфликтов в период перехода к политической свободе и демократии, способов искоренения ненависти между людьми.

Горбачев направил письменное послание участникам конференции, однако им показалось этого недостаточно, и они добились приема в Кремле.

Среди участников встречи были: Нобелевский лауреат Эли Визель (США), бывший посол США в СССР Джек Мэтлок, Бронислав Геремек и Адам Михник из Польши, Франсуа Леотар из Франции.

²⁰⁵ Книга М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» вышла в ноябре 1987 года одновременно на русском и английском языках. Позднее перепечатана в данном *Собрании сочинений М.С. Горбачева* (Т. 8. С. 11–236).

²⁰⁶ 50-летие трагических событий в Бабьем Яре отмечалось 29 сентября 1991 года. 5 октября в Киеве состоялся митинг-реквием, на котором личный представитель Президента СССР А.Н. Яковлев зачитал послание М.С. Горбачева и возложил от его имени цветы.

²⁰⁷ Интервью опубликовано под заголовком «Горбачев уходит и остается. Интервью с первым и последним Президентом СССР».

В предисловии говорилось: «Давайте сразу условимся: эта беседа с Президентом Горбачевым — не прощание с Михаилом Горбачевым. И мы в предисловии не станем перечислять вехи его пути, должности, ошибки и поступки. Горбачев не сумел изменить в лучшую сторону бытовую жизнь людей, но он изменил самих людей. В этом и драма, и заслуга.

Он не умел делать колбасу, зато знал, как давать свободу. Если кто-то уверен, что важнее первое, у него вряд ли будет и то, и другое. Умный человек из его окружения очень точно сказал: “Он перестает быть властителем и становится политиком. Он уже не сможет по-прежнему управлять, но, безусловно, сумеет сам по себе влиять на многое”». (*«Комсомольская правда», 24 декабря 1991 года.*)

Интервьюировали Горбачева Д. Муратов и В. Фронин.

²⁰⁸ На 21 декабря 1991 года в Алма-Ате было назначено совещание глав одиннадцати государств (бывших советских республик, кроме Прибалтийских государств, а Грузия была представлена наблюдателем), договоренность о котором была достигнута после того, как президенты пяти среднеазиатских республик на встрече в Ашхабаде 13 декабря 1991 года приняли Заявление, в котором государства согласились войти в организацию Содружество Независимых Государств при условии обеспечения равноправного участия всех государств-участников в качестве учредителей. (См. *примеч. 200.*)

²⁰⁹ А.С. Грачев вмешался: «Цитата Горбачева из интервью “Тайм” была перевернута в наших газетах. Там не было — вообще не было — даже намек на использование военной силы». (См.: *«Комсомольская правда», 24 декабря 1991 года.*)

²¹⁰ Речь идет о статье Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами», опубликованной в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 года и явившейся по сути дела манифестом консервативных сил, выступающих против политики перестройки.

²¹¹ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза проходила 28 июня — 1 июля 1988 года.

²¹² Имеется в виду четвертый Съезд народных депутатов СССР, который проходил 17–26 декабря 1990 года. Материалы Съезда см. в данном Собрании сочинений. Т. 23.

²¹³ См. примеч. 2.

²¹⁴ См. примеч. 208.

²¹⁵ См. примеч. 200.

²¹⁶ Горбачев подписал и направил «Обращение к участникам встречи в Алма-Ате по созданию Содружества Независимых Государств» руководителям республик, участвующих в совещании, 19 декабря. На следующий день, 20 декабря, оно было опубликовано в центральных газетах. Обращение осталось без ответа. Горбачева в Алма-Ату не пригласили.

²¹⁷ Горбачев, рассказывая об этом телефонном разговоре, отмечает: «Обо всем этом Коль спрашивал с несвойственным ему волнением, даже с тревогой... Я понимал беспокойство канцлера Германии. Ведь он имел дело с огромной страной, мощным Союзом — международной величиной, на которой сегодня многое держится. И потерять ее — большая опасность. Каждый большой политик за рубежом это понимал». (*Горбачев М.С. Декабрь-91... С. 97, 98.*)

²¹⁸ Грачев зафиксировал время: о своей предстоящей в ближайшие дни отставке Президент впервые официально заявил 20 декабря в 22 часа 45 минут по московскому времени.

²¹⁹ Грачев отмечает, что Президент Франции стал первым, кто позвонил Горбачеву после принятого в Алма-Ате решения о прекращении существования СССР. «По-видимому, он не хотел повторения ситуации с несостоявшимся телефонным звонком в Форос». (*Грачев А.С. Дальше без меня... С. 231.*)

20 августа 1991 года, когда Горбачев был изолирован в Форосе и связь была отключена, Миттеран пытался до него дозвониться. Но у телефонистов был приказ «Соединение не производить», и телефонный разговор в тот день не состоялся. (*См.: «Правда», 6 ноября 1991 года.*)

Грачев пишет: «От французского общественного мнения не укрылось явное замешательство, с которым в Елисейском дворце 19 августа было воспринято сообщение об августовском путче в Москве. Президент явно поторопился упомянуть в тот день о контакте с Янаевым и полученном от него послании и, безусловно, запоздал с выражением осуждения путча и своей поддержки интернированному Горбачеву.

...Все эти нюансы начали быть забываться, однако масла в затухавший огонь неожиданно подлила фраза, непонятным образом попавшая во французский текст книги Горбачева, посвященной августовскому путчу. Вместо: “Должен был позвонить матери, но не получилось”, — начала гулять фраза: “Должен был позвонить Миттеран”.

Причиной, видимо, была спешка, в которой готовилась и переводилась книга, из-за чего в текст перевода и вкралась ошибка. Во всяком случае, сам Горбачев, пожав плечами, сказал, отвечая на мой прямой вопрос: “Не представляю, откуда это взялось. Ты же понимаешь, я очень щепетилен в оценках поведения даже людей вокруг меня. Неужели ты думаешь, что я был настолько небрежен по отношению к зарубежному лидеру, да еще такому,

как Миттеран, расположение которого к себе я хорошо ощущаю и высоко ценю"...» (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 108–110.)

Об этом эпизоде говорилось на совместной пресс-конференции Горбачева и Миттерана французской телекомпании «Антенн-1» 30 октября 1990 года во время пребывания Горбачева во Франции. О поездке Горбачева во Францию см. примеч. 199. Пресс-конференция «Антенн-1» опубликована в *данном Собрании сочинений*, т. 29, с. 201–214.

²²⁰ На встрече в Алма-Ате 21 декабря 1991 года была принята «Алма-Атинская декларация» — декларация о целях и принципах Содружества Независимых Государств, его основах. Декларация подтвердила Беловежское соглашение, указав, что с образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование. К Содружеству Независимых Государств (Белоруссия, Россия и Украина) присоединились Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. Тексты «Алма-Атинской декларации» и других документов, принятых на совещании, см. в *Приложении 6*, с. 594–600.

²²¹ Интервью провел Эрик Котляр. В начале газетной публикации он подчеркнул, что интервью состоялось в два часа после полудня. «В это время в далекой Алма-Ате решалась судьба Союза и его Президента...» По словам Котляра, «Президент, может быть, в последние часы своего пребывания в Кремле принял нас гостеприимно. Если среди его личных помощников было заметно нервное оживление, сам Михаил Сергеевич выглядел бодро и уверенно. Не обращая внимания на тележурналистов, жадно ловящих глазками телекамер прощальные мгновения уходящей семидесятигигрехлетней эпохи великой державы, столько раз восхищавшей и повергавшей в ужас человечество, Президент обстоятельно отвечал на наши вопросы, как бы подводя итоги не только неудачам перестройки, но и порочной идее старого Союза, перестроить который ему так и не удалось...» («*Московская правда*», 24 декабря 1991 года.)

²²² XXVIII съезд КПСС проходил 2–13 июля 1990 года.

²²³ Речь идет о Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 27–28 января 1987 года. Основной вопрос, стоявший в повестке дня, — «О перестройке и кадровой политике партии».

²²⁴ Имеется в виду Пленум ЦК КПСС 24–25 апреля 1991 года. (См. *данное Собрание сочинений*. Т. 25. С. 330–346.)

²²⁵ Речь идет о землетрясении в Спитаке (город на северо-западе Армянской ССР) 7 декабря 1988 года.

²²⁶ «Уход» — так назвала свою программу американская компания Эй-Би-Си. Ее представители появились в Москве 17 декабря с намерением уговорить Горбачева снять «для истории» последние дни Советского Союза. Грачев пишет: «Замысел поначалу казался несбыточным — Горбачеву еще предстояло убедить самого себя, что дороги назад, в союзное прошлое, даже если назвать его будущим, уже нет. Кроме того, сам по себе жанр передачи, “взгляд из Кремля”, нескромность камеры, разглядывающей сокровенные уголки традиционно “запретного” даже для советских людей Кремлевского дворца, — всё это было настолько непривычно, что вызывало у Президента инстинктивное сопротивление. И все-таки, вооружившись терпением, тактом и поддержкой телевидения, возглавляемого Егором

Яковлевым, и президентской пресс-службы, американцы добились своего. Даже охрана махнула на них рукой...

Образовав вместе с советским телевидением единую команду, американцы снимали всё, что им позволили: посетителей, которые приходили к Горбачеву, его последние телефонные переговоры с зарубежными лидерами, последнюю прогулку по Кремлю и его уход из опустевшего дворца. Они знали, что снимают эпилог советской истории...

“Энкормэн” (ведущий) компании Тэд Кошпол, в сущности, повторил журналистский подвиг своего соотечественника Джона Рида, сняв в Кремле последние дни той состарившейся революции, которая на заре века “потрясла мир”. Кошпол появился в моем (*Грачева*) кабинете в Кремле в пятницу 20 декабря, проделав 8 тысяч километров по воздуху для того, чтобы услышать, что никто не может обещать ему эксклюзивного интервью с Президентом, что у того масса других дел, что никому в стране нельзя будет объяснить, почему репортаж о последних днях Советского государства делает американец и, наконец, главное:

— Вы должны понять, что завтра в Алма-Ате начнется встреча республиканских лидеров, и мы пока не знаем, чем она кончится.

Кошпол был в замешательстве. Он прилетел в Москву на два дня, чтобы в непринужденной обстановке, желательно на даче у камина, побеседовать с выдающимся Президентом Великого Государства накануне его ухода из мира политики в историю, и рассчитывал быть дома к рождественскому ужину. И поначалу был даже уязвлен тем, что к его приезду ничего не было готово.

— Вы можете мне гарантировать, что если я проведу Рождество здесь, а не со своей семьей, то по крайней мере получу то, на что рассчитываю? — спросил он у меня.

— Нет, — честно ответил я ему. — Единственное, что я могу вам обещать, — это то, что вы сможете приходить в Кремль каждый день, пока будете в Москве, и наблюдать, что здесь происходит. А может быть, и снять кое-что из того, что увидите.

Тэд решил остаться.

При прощании с Горбачевым после последней из целой серии бесед, состоявшихся у них в эти дни, он поблагодарил Президента за время, которое тот ему уделил. Горбачев не благодарил Кошпола, но, мне кажется, он был признателен ему за то, что тот оказался среди людей, не оставивших его наедине с его отставкой. Своим интересом и даже сопереживанием он подтверждал Президенту: мир отдаст себе отчет в том, что уйдет из политики и из облика его страны вместе с уходом из Кремля Горбачева...» (*Грачев А.С. Дальше без меня... С. 227, 228.*)

Грачев рассказывает, как перед отъездом домой Кошпол зашел к нему в пресс-службу поблагодарить за сотрудничество. Прощаясь, он сказал: «Уход Президента стал для меня примером поразительного достоинства...» (*Там же. С. 234.*)

Указатель имен

Акаев Аскар (род. 1944) — вице-президент, в 1989–1990 годах президент Академии наук Киргизской ССР. В 1989 году депутат первого Съезда народных депутатов СССР, член Верховного Совета СССР. С 1990 года Президент Киргизии. После так называемой «революции тюльпанов», сопровождавшейся погромами и бесчинствами, 4 апреля 2005 года сложил полномочия президента. В дальнейшем — преподаватель в МГУ. — 25, 34, 56, 57, 60, 61, 78, 79, 166, 171, 173, 181, 186, 193, 195, 196, 206, 210, 216, 217, 219, 220, 223, 225, 227, 228, 242, 243, 245, 246, 255, 265, 267, 433

Алексеев Сергей Сергеевич (1924–2013) — член-корреспондент РАН. Лауреат Государственной премии СССР. С 1988 года директор Института философии и права Уральского отделения АН СССР. В 1989–1991 годах народный депутат СССР, председатель Комитета конституционного надзора СССР. С 1992 года председатель совета Исследовательского центра частного права при Президенте РФ. В 1994 году вышел из состава Президентского совета в знак протеста против начала военных действий в Чечне. — 61, 62

Алимжанов Ануар Турлыбекович (1930–1993) — казахский писатель, публицист, общественный деятель. В 1981–1991 годах председатель Казахского агентства охраны авторских прав. В 1990–1993 годах народный депутат Казахской ССР. В марте-октябре 1991 года президент Ассоциации коммерческого телевидения и радиовещания Казахской ССР. С 29 октября по 26 декабря 1991 года председатель Совета Республик Верховного Совета СССР. Под его председательством 26 декабря 1991 года Совет Республик принял Декларацию № 142-Н о прекращении существования СССР, тем самым признав беловежское Соглашение о прекращении существования СССР и об образовании СНГ. — 202, 206, 213, 260, 274, 290

- Анасагасты (Anasagasti), Иньяки* (род. 1947) — венесуэльско-испанский политический деятель. Родился в Венесуэле в семье члена Баскской националистической партии, эмигрировавшего после Гражданской войны в Испании. Образование получил в Испании, как и его отец, вступил в Баскскую националистическую партию. Вернулся в Венесуэлу, сотрудничал с радио Эускади и журналом «Гудари». В 1980 году переехал в Испанию. В 1986–2012 годах депутат Генеральных кортесов Испании. — 291
- Андреева Нина Александровна* (род. 1938) — химик, сотрудник Ленинградского технологического института имени Ленсовета (ЛТИ). С 1989 года председатель политисполкома Всесоюзного общества «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы». С ноября 1991 года генеральный секретарь ЦК Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКПБ). — 349, 431, 480
- Андреотти (Andreotti), Джулио* (1919–2013) — в 1972–1973, 1976–1979 и 1989–1992 годах Председатель Совета Министров Италии. Неоднократно министр (финансов, обороны, промышленности, казначейства), в 1987–1989 годах министр иностранных дел Италии. — 55, 117, 515, 516
- Андропов Юрий Владимирович* (1914–1984) — в 1967–1982 годах председатель КГБ. С ноября 1982 года — Генеральный секретарь ЦК КПСС, одновременно с июня 1983 года — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. — 343
- Анталл (Antall), Йозеф* (1932–1993) — с 1989 года председатель партии Венгерский демократический форум. С 1990 года премьер-министр Венгерской Республики. — 371, 373
- Арафат (Arafat), Ясир* (1929–2004) — с 1969 года председатель Исполкома Организации освобождения Палестины. В 1989 году провозглашен «Президентом государства Палестина». С 1996 года глава Палестинской национальной администрации, Верховный главнокомандующий палестинскими вооруженными силами. Лауреат Нобелевской премии мира. — 284
- Арбатов Георгий Аркадьевич* (1923–2010) — академик АН СССР, основные труды по проблемам мировой экономики и международных отношений. С 1957 года работал в журналах «Новое время», «Коммунист», «Проблемы мира и социализма». В 1964–1967 годах в аппарате ЦК КПСС. В 1967–1995 годах директор Института США и Канады АН СССР (затем РАН). С 1976 года кандидат в члены ЦК КПСС, с 1981 года член ЦК КПСС. В 1974–1989 годах депутат Верховного Совета СССР, в 1989–1991 годах народный депутат СССР. — 342
- Асанбаев Ерик Магзумович* (1936–2004) — в 1988–1989 годах заместитель Председателя Совета Министров Казахской ССР, в 1989–1990 годах секретарь ЦК, член Политбюро ЦК Компартии Казахстана. В апреле 1990 — октябре 1991 года Председатель Верховного Совета Казахской ССР. Член ЦК КПСС в 1990–1991 годах, народный депутат

СССР в 1991 году. В октябре–декабре 1991 года вице-президент Казахской ССР. С 1993 года член Совета безопасности Республики Казахстан, с февраля 1996 по июль 2000 года посол Республики Казахстан в Германии. С июля 2000 года на пенсии. — 83, 191, 192

Бакатин Вадим Викторович (1937–2022) — с 1985 года первый секретарь Кировского обкома КПСС. В 1987–1988 годах первый секретарь Кемеровского обкома КПСС. В 1988–1990 годах министр внутренних дел СССР, с 1991 года член Совета безопасности при Президенте СССР. В августе–ноябре 1991 года председатель КГБ СССР. В ноябре 1991 — январе 1992 года председатель Межреспубликанской службы безопасности. С марта 1992 года вице-президент Международного фонда экономических и социальных реформ — «Реформа». — 154, 155, 205, 228, 233, 234, 311, 312, 354, 420, 453

Бальцерович (Balcerowicz), Лешек (род. 1947) — польский экономист и политик. Организатор и вдохновитель польских экономических реформ (так называемой «шоковой терапии»). В августе 1989 года вошел в первое правительство «Солидарности». С сентября 1989 по декабрь 1991 года вице-премьер, министр финансов, глава Экономического комитета при Совете министров Польши. После отставки научный сотрудник Университета Брауна (Провиденс) и Центра анализа европейской политики (Вашингтон) в США. С 1994 до января 2001 года председатель партии «Союз свободы». С октября 1997 по июнь 2000 года заместитель премьер-министра, министр финансов Польши. В 2000–2001 годах советник Президента Грузии Э.А. Шеварднадзе. В 2001–2007 годах председатель Национального банка Польши. С октября 2008 года член Европейской экспертной группы по разработке рекомендаций по предотвращению последствий мирового финансового кризиса в странах Евросоюза. — 254

Баранников Виктор Павлович (1940–1995) — с 1988 года заместитель министра внутренних дел Азербайджанской ССР, в 1990–1991 годах министр внутренних дел РСФСР. Во время августовского путча 1991 года был одним из организаторов обороны «Белого дома». С 23 августа по декабрь 1991 года министр внутренних дел СССР. В 1992–1993 годах министр безопасности РФ. В июле 1993 года освобожден от должности «за нарушение этических норм, а также за серьезные недостатки в работе». В сентябре 1993 года, в противостоянии Президента РФ Б.Н. Ельцина и Верховного Совета России, встал на сторону российского парламента, и.о. Президента А.В. Руцкой назначил его на должность министра безопасности России. 4 октября 1993 года арестован по обвинению в организации массовых беспорядков и уволен с военной службы. В феврале 1994 года амнистирован постановлением Государственной думы РФ. — 77, 259, 264

- Безыменская Александра Львовна* (род. 1961) — журналист, член правления Союза переводчиков. — 92–95
- Бейкер (Baker), Джеймс Эддисон* (род. 1930) — в 1975–1976 годах заместитель министра торговли в администрации Дж. Форда. В 1981–1985 годах руководитель аппарата сотрудников Белого дома, в 1985–1988 годах министр финансов в администрации Р. Рейгана. В 1989–1993 годах госсекретарь США (при президенте Дж. Буше). — 350, 351, 353, 449, 460, 462–465, 467–469, 471, 483, 499, 504, 523
- Бек Александр Альфредович* (1902/03–1972) — советский писатель. Автор романов на производственные темы и о Великой Отечественной войне. — 483
- Бектемисов Амангельды Иманакышевич* (1945–2001) — с 1884 года заместитель министра строительства предприятий тяжелой индустрии, заместитель министра строительства, заместитель министра монтажных и специальных строительных работ Казахской ССР. В 1989–1991 годах председатель Госкомитета Казахской ССР по материально-техническому снабжению. С 29 ноября по 26 декабря 1991 года председатель МЭК Экономического сообщества. В 1992–1994 годах глава Восточно-Казахстанской области, в 1994–2001 годах президент государственной акционерной компании «Кен Дала». — 268
- Бенегас (Benegas), Хосе Мария* (1948–2015) — член Испанской социалистической рабочей партии. В 1989–2011 годах депутат Генеральных кортесов Испании. — 291–293
- Бернштейн (Bernstein), Эдуард* (1850–1932) — немецкий публицист и политический деятель, социал-демократ, идеолог ревизии марксизма (бернштейнианства), теоретик реформизма. — 358
- Бессмертных Александр Александрович* (род. 1933) — работал в системе МИД СССР: заведующий отделом, заместитель министра, посол в США. С января по август 1991 года министр иностранных дел СССР. Президент Внешнеполитической ассоциации России. Председатель Всемирного совета экс-министров иностранных дел. — 504
- Болдин Валерий Иванович* (1935–2006) — с 1981 года в аппарате ЦК КПСС. В 1990–1991 годах член Президентского совета СССР, руководитель аппарата Президента СССР. В августе 1991 года принял участие в путче и образовании ГКЧП. Был арестован, в феврале 1994 года амнистирован постановлением Государственной Думы РФ. — 341
- Боннэр Елена Георгиевна* (1923–2011) — общественный деятель, правозащитник. В 1972 году вышла из КПСС по политическим мотивам. В 1974 году организовала фонд помощи детям политзаключенных, была одним из учредителей Московской Хельсинкской группы. Вдова академика А.Д. Сахарова; была председателем общественной комиссии по увековечиванию его памяти. — 36
- Брежнев Леонид Ильич* (1906–1982) — с 1964 года Первый секретарь, затем Генеральный секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1977 года — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. — 347

- Брейтвейт (Braithwaite), Родрик Квентин* (род. 1932) — в 1984–1988 годах заместитель министра иностранных дел Великобритании. В 1988–1992 годах посол Великобритании в СССР. В 1992–1993 годах советник премьер-министра Великобритании по вопросам внешней политики, председатель объединенного комитета по вопросам национальной безопасности, в 1994–2002 годах управляющий директор и старший советник «Дойче банка». — 445
- Брумберг (Brumberg), Абрахаам (Аб)* (1926–2008) — американский писатель и редактор. Писал о Советском Союзе, Восточной Европе и еврейских проблемах. — 345
- Бунин Павел Григорьевич* (1929–2001) — член-корреспондент РАН. С 1975 года заведующий кафедрой Московского института управления имени Орджоникидзе, с 1990 года проректор Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР, член ЦК КПСС. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. Член Государственной Думы РФ первого и второго созывов. С 1990 года возглавлял Союз арендаторов и предпринимателей СССР (затем России). — 158
- Бурбулис Геннадий Эдуардович* (род. 1945) — в 1983–1989 годах заместитель директора Всесоюзного института повышения квалификации специалистов Министерства цветной металлургии СССР (Свердловск), полномочный представитель Председателя Верховного Совета РСФСР — заведующий отделом Верховного Совета РСФСР. В 1989–1990 годах народный депутат СССР, член Комитета Верховного Совета СССР по вопросам работы Советов, развития управления и самоуправления. Член координационного совета Межрегиональной депутатской группы. В 1991 году руководитель президентской избирательной кампании Б.Н. Ельцина. Был одним из разработчиков Беловежского соглашения, оформившего распад СССР, и подписал его за Россию вместе с Президентом Ельциным. С июля 1991 по ноябрь 1992 года государственный секретарь РСФСР (с мая 1992 года — госсекретарь при Президенте РФ), одновременно с ноября 1991 по апрель 1992 года заместитель Председателя Правительства РФ. В 1994–2004 годах сопредседатель Всероссийского движения професионалов «Люди дела». Депутат Государственной Думы первого и второго созывов. С 2001 года член Совета Федерации от администрации Новгородской области, в 2007–2010 годах советник Председателя Совета Федерации. В 2011–2014 годах проректор Международного университета в Москве. — 20, 421, 484
- Бутрос-Гали (Boutros-Ghali), Бутрос* (1922–2016) — египетский дипломат, 6-й Генеральный секретарь ООН (1992–1996 годы). — 359
- Буш (Bush), Барбара* — супруга Дж. Буша. — 354, 521, 532, 524
- Буш (Bush), Джордж Герберт Уокер* (1924–2018) — 41-й Президент США (1989–1993 годы), от Республиканской партии. В 1976–1977 годах директор ЦРУ. В 1981–1989 годах вице-президент США. — 56, 65, 109,

110, 113, 116, 137, 146, 262, 325, 342, 350–354, 363, 371, 381, 430, 431, 449, 451, 454, 455, 471, 504, 517, 518, 521–524

Валенса (Wałęsa), Лех (род. 1943) — один из основателей (1980) и лидер профобъединения «Солидарность» (до 1991). С декабря 1990 по 1995 год Президент Польши. Лауреат Нобелевской премии мира. — 368, 370, 388

Веляти (Velayati), Али Акбар (род. 1945) — в 1979–1980 годах заместитель министра здравоохранения Исламской Республики Иран. В 1980–1981 годах депутат Собрания исламского совета (парламента). В 1981–1997 годах министр иностранных дел Ирана. — 278, 281–286

Велихов Евгений Павлович (род. 1935) — академик АН СССР (затем РАН), Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР. Труды по физике плазмы, магнитной гидродинамике, управляемому термоядерному синтезу. С 1975 года руководил советской термоядерной программой. В 1986 году один из руководителей ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. С 1988 года директор Института атомной энергии им. Курчатова, в 1992–2015 годах президент Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», с декабря 2015 года почетный президент НИЦ «Курчатовский институт». — 380

Визель (Wiesel), Эли (1928–2016) — американский и французский еврейский писатель, журналист, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии мира 1986 года «За приверженность тематике, посвященной страданиям еврейского народа, жертвам нацизма». — 474, 476

Вирганская Ирина Михайловна (род. 1957) — дочь Михаила Сергеевича и Раисы Максимовны Горбачевых. Вице-президент Горбачев-Фонда, президент «Клуба Раисы Максимовны», кандидат медицинских наук, профессиональный менеджер. — 334

Воронин Юрий Михайлович (род. 1939) — в 1988–1990 годах заместитель Председателя Совета Министров Татарской АССР. В 1990–1993 годах народный депутат РСФСР, член Верховного Совета РСФСР, председатель Комиссии по вопросам бюджета, планам, налогам и ценам. С ноября 1991 по октябрь 1993 года заместитель Председателя Верховного Совета РФ, член Совета безопасности РФ. Депутат Государственной Думы РФ второго созыва. С 2000 года аудитор Счетной палаты РФ. Позднее президент Лиги «Российское Отечество», цель которой — поддержание контактов с бывшими соотечественниками. — 315, 316

Воронцов Николай Николаевич (1934–2000) — доктор биологических наук, главный научный сотрудник Института биологии развития АН СССР имени Н.К. Кольцова. Лауреат Государственной премии СССР. С августа 1989 года председатель Государственного комитета СССР по охране природы. В марте-ноябре 1991 года министр природо-

пользования и охраны окружающей среды СССР. В марте-октябре 1989 года народный депутат СССР, в 1990–1991 годах народный депутат РСФСР. Депутат Государственной Думы РФ первого созыва. С 1991 года вице-президент Российской академии естественных наук. — 44, 147

Гавел (Havel), Вацлав (1936–2011) — чешский драматург, один из составителей «Хартии-77». С 1968 года председатель объединения «Круг независимых писателей», запрещенного в 1969 году. За политическую деятельность неоднократно подвергался судебному преследованию. С ноября 1989 года лидер оппозиционной организации «Гражданский форум». В декабре 1989 года на сессии Федерального собрания ЧССР избран Президентом ЧССР. В июле 1992 года ушел с поста президента. С января 1993 по февраль 2003 года Президент Чешской Республики. — 485

Гайдар Егор Тимурович (1956–2009) — с 1987 года руководитель отдела экономики журнала «Коммунист». В 1990 году редактор отдела экономической политики газеты «Правда». С весны 1991 года директор Института экономической политики при Академии народного хозяйства СССР. С ноября 1991 года заместитель Председателя Правительства РСФСР и министр экономики и финансов (до февраля 1992 года). В июне 1992 года назначен и.о. Председателя Правительства России, но в декабре 1992 года не был утвержден Съездом народных депутатов РФ на этом посту. После ухода в отставку директор Института экономических проблем переходного периода, консультант Президента РФ. В сентябре 1993 — январе 1994 года министр экономики и первый заместитель Председателя Правительства РФ. Один из руководителей партий «Демократический выбор России» и «Союз правых сил» (СПС). Руководитель фракции «Выбор России» в Государственной Думе первого созыва (1993–1995) и депутат (фракция СПС) Госдумы третьего созыва (1999–2003). В 1996–1999 годах член совета директоров ОАО «Вымпелком». В 2000–2004 годах председатель СПС. — 97, 269

Галазий Григорий Иванович (1922–2000) — советский и российский ученый-биолог, академик РАН. С 1954 года директор Байкальской лимнологической станции АН СССР, с 1961 года директор Лимнологического института Сибирского отделения АН СССР, с 1987 по 1995 год директор Байкальского экологического музея. Депутат Государственной Думы РФ второго созыва (1995–1999). — 161

Гасанов, Гасан Азиз оглы (род. 1940) — с 1981 года секретарь ЦК Компартии Азербайджана. С января 1990 по февраль 1991 года Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР. В 1990–1991 годах член ЦК КПСС. С февраля 1991 по март 1992 года Премьер-министр Азербайджанской Республики. С апреля 1992 года постоянный пред-

- ставитель Азербайджанской Республики при ООН. С сентября 1993 года министр иностранных дел Азербайджана. В феврале 1998 года освобожден от должности за незаконные действия, допущенные МИД страны при строительстве и организации эксплуатации в столице гостиницы «Европа». Депутат Милли Меджлиса (парламента) Азербайджанской Республики в 1996–2000 годах. — 317
- Геншер* (Genscher), *Ганс-Дитрих* (1927–2016) — в 1974–1992 годах вице-канцлер и министр иностранных дел в коалиционных правительствах ФРГ. В 1974–1985 годах председатель Свободной демократической партии (СвДП). — 97, 524
- Герашенко Виктор Владимирович* (род. 1937) — в 1985–1989 годах первый заместитель председателя правления Банка внешнеэкономической деятельности СССР, в 1985–1991 годах председатель правления Государственного банка СССР. В 1992–1994 и 1998–2002 годах председатель правления Центрального банка России. Член ЦК КПСС в 1990–1991 годах. В 1996–1998 годах председатель правления Международного Московского банка. В декабре 2003 года избран депутатом Государственной Думы РФ четвертого созыва от фракции «Родина». В июне 2004 года избран председателем совета директоров нефтяной компании «ЮКОС», в связи с чем сложил полномочия депутата Госдумы. — 59, 271
- Гитлер* (Hitler) (*настоящая фамилия Шикльгрубер*), *Адольф* (1889–1945) — с 1921 года фюрер немецкой Национал-социалистической партии. С 1933 года рейхсканцлер фашистской Германии. — 97
- Гонсалес Маркес* (González Marqués), *Фелипе* (род. 1942) — в декабре 1982 — мае 1996 годов Председатель правительства Испании. В 1974–1997 годах генеральный секретарь Испанской социалистической рабочей партии. — 109, 287, 296, 325, 381
- Горбачева Раиса Максимовна* (1932–1999) — супруга М.С. Горбачева. Первой из жен советских глав государства покончила с традицией «невидимых кремлевских жен» и взяла на себя роль «первой леди СССР». Была одним из организаторов Советского фонда культуры. — 334, 337, 344, 354, 445, 484, 485, 512, 513, 522, 524
- Грачев Андрей Серафимович* (род. 1941) — работал в аппарате ЦК КПСС, был заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС, пресс-секретарем Президента СССР М.С. Горбачева. С 1992 года политический обозреватель еженедельника «Московские новости», с 1996 года член редакционной коллегии журнала «Новое время», собственный корреспондент «Нового времени» в Париже. — 91
- Грачев Павел Сергеевич* (1948–2012) — в 1985–1988 годах командир воздушно-десантной дивизии в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, Герой Советского Союза. С декабря 1990 года командующий Воздушно-десантными войсками СССР. В августе 1991 года по приказу ГКЧП обеспечил прибытие в Москву 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (город Тула), взявшей

под охрану важные объекты столицы. Затем отказался от участия в реализации плана силового захвата Верховного Совета РСФСР, наладил контакты с российским руководством, и по его приказу для защиты Белого дома были направлены находившиеся в распоряжении генерала А.И. Лебеда танки. 23 августа 1991 года Указом Президента СССР назначен первым заместителем министра обороны СССР — Председателем Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам. В феврале-июне 1992 года первый заместитель главкома Объединенными Вооруженными Силами СНГ. С мая 1992 по июнь 1996 года министр обороны РФ. С ноября 1993 года член Совета безопасности России. В ноябре 1994 года включен в Группу руководства военными действиями в Чечне. С декабря 1997 года советник генерального директора компании «Росвооружение», с апреля 1998 по апрель 2007 года главный военный советник генерального директора ФГУП «Росвооружение» — «Рособоронэкспорт». С апреля 2000 года президент Регионального общественного фонда «ВДВ — боевое братство». С 2007 года руководитель группы советников генерального директора Омского производственного объединения «Радиозавод им. А.С. Попова». — 314

Грибанов В.М. — в 1991 году член Совета Республик Верховного Совета СССР от Республики Беларусь. — 141

Гришин Виктор Васильевич (1914–1992) — в 1967–1985 годах первый секретарь Московского городского комитета КПСС. В 1971–1986 годах член Политбюро ЦК КПСС. Герой Социалистического Труда. — 503

Губарев Виктор Андреевич (род. 1949) — до 1989 года заместитель директора опытно-экспериментального машиностроительного завода «Нефтемаш» (Краснодарский край). В 1989–1991 годах народный депутат СССР, председатель подкомиссии, заместитель председателя Плановой и бюджетно-финансовой комиссии Совета Союза. — 140

Гуров Александр Иванович (род. 1945) — юрист, генерал-лейтенант милиции. После окончания юридического факультета МГУ в Управлении уголовного розыска СССР. В 1988–1991 годах начальник Шестого главного управления МВД СССР по борьбе с организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом. В 1990–1993 годах народный депутат РСФСР, член Комитета Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью. 12 декабря 1991 года, являясь членом Верховного Совета РСФСР, проголосовал за ратификацию Беловежского соглашения о прекращении существования СССР. Депутат Государственной Думы РФ третьего, четвертого и пятого созывов. — 345

Гэлбрейт (Galbraith), Джон Кеннет (1908–2006) — американский экономист, дипломат. Преподавал в крупнейших университетах США и Канады, а также в Парижском университете. Советник кандидатов Демократической партии на президентских выборах — Э. Стивенсона

(1951 и 1956 годы), Дж. Кеннеди (1960 год) и сенатора Ю. Маккарти (1968 год). Автор теории «нового индустриального общества». — 112

Делор (Delors), Жак (род. 1925) — в 1981–1984 годах министр экономики и финансов Франции. В 1985–1995 годах председатель Комиссии европейских сообществ (руководящий орган ЕЭС). Позднее президент ассоциации «Наша Европа» и президент Международной комиссии ЮНЕСКО по проблемам образования в XXI веке. — 506

Дементей Николай Иванович (род. 1930) — в 1979–1989 годах секретарь ЦК Компартии Белоруссии. В 1989–1990 годах Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. В 1990–1991 годах Председатель Верховного Совета БССР. — 333, 334

Додж (Dodge), Дэвид Эллисон (род. 1943) — канадский экономист. В 1991–1997 годах заместитель министра финансов Канады. В 1998–2001 годах заместитель министра здравоохранения Канады. С 1 февраля 2001 по 31 января 2008 года Управляющий Банка Канады. С мая 2008 года канцлер Королевского университета, с 2014 года, после выхода на пенсию, почетный канцлер. — 117

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) — русский писатель. — 95, 336

Драги (Draghi), Марио (род. 1947) — итальянский экономист и государственный деятель. В 1991–2001 годах генеральный директор Казначейства Италии, одновременно в 1993–2001 годах председатель Комитета по приватизации Совета министров. В 2005–2011 годах председатель Банка Италии. В 2011–2019 годах председатель Европейского центрального банка. С февраля 2021 по июль 2022 года Председатель Совета Министров Италии. — 117

Ельцин Борис Николаевич (1931–2007) — с 1976 года первый секретарь Свердловского обкома КПСС. С апреля 1985 года заведующий Отделом ЦК КПСС, с июля 1985 по февраль 1986 года секретарь ЦК КПСС. С декабря 1985 года первый секретарь МГК КПСС. В 1987 году снят с поста первого секретаря МГК, назначен первым заместителем председателя Госстроя СССР — министром СССР. В 1989 году избран народным депутатом СССР. В 1990–1991 годах Председатель Верховного Совета РСФСР. В 1991–1999 годах Президент Российской Федерации. С 1 января 2000 года на пенсии. — 14–18, 20, 22–28, 30–69, 71–77, 80–85, 87, 95–97, 100, 147, 176–181, 184–218, 222–234, 241–248, 253–275, 280, 298, 309–313, 316–319, 323, 325, 326, 328, 329, 344, 347, 348, 351–354, 361, 380, 388, 399, 402, 403, 405, 407, 409, 417–419, 421, 423, 424, 427, 429, 431, 433, 434, 438, 440–442, 444, 447–449, 451–454, 457, 460, 462, 463, 467–470, 478, 482, 483, 487, 495, 499, 501, 502, 512, 513, 516, 518, 519

Ерин Виктор Федорович (1944–2018) — в органах внутренних дел с 1964 года, в том числе в 1988–1990 годах первый заместитель министра внутренних дел Армянской ССР. С октября 1990 года заместитель министра внутренних дел РСФСР. С сентября по декабрь 1991 года первый заместитель министра внутренних дел СССР. С января 1992 по июнь 1995 года министр внутренних дел России, одновременно с октября 1993 года член Совета безопасности РФ. В 1995–2000 годах заместитель директора Службы внешней разведки РФ. С 2001 года на пенсии. — 259

Ермаков Николай Александрович (род. 1939) — генерал-лейтенант, с 1962 года в КГБ СССР, с 1979 года помощник заместителя председателя КГБ, с 1983 года начальник отдела борьбы с незаконным оборотом наркотиков, с 1986 года заместитель начальника Главного управления КГБ СССР. В 1991 году председатель Таможенного комитета при Кабинете министров СССР. В 1992–1998 годах председатель Комитета по защите экономических интересов РФ при Президенте РФ. В 1998–1999 годах председатель Государственного комитета РФ по рыболовству. — 46

Жириновский Владимир Вольфович (до 1964 года Эйдельштейн) (1946–2022) — в 1983–1990 годах руководитель юридического отдела в издательстве «Мир». Основатель и с 1990 года председатель Либерально-демократической партии России (ЛДПР). Один из старейших депутатов Государственной Думы РФ, начиная с первого созыва. С 1993 до января 2000 года и с декабря 2011 года руководитель фракции ЛДПР в Государственной Думе. С января 2000 до декабря 2011 года заместитель Председателя Государственной Думы. Кандидат в президенты Российской Федерации (1991 год — 7,81%; 1996 год — 5,78%; 2000 год — 2,7%; 2008 год — 9,35%; 2012 год — 6,22%; 2018 год — 6,75%). С июля 2012 года — член Государственного совета Российской Федерации. — 348

Игнатенко Виктор Васильевич (род. 1959) — юрист, специалист в области конституционного и административного права. До 1990 года преподаватель Иркутского университета. С 1990 года заместитель председателя, с 1994 года председатель Иркутского областного Совета народных депутатов. В 1994–1996 годах на преподавательской работе в Иркутской государственной академии. В 1996–1997 годах председатель комиссии по социально-культурному законодательству Законодательного собрания области. В 1997–2008 годах и с декабря 2010 года председатель избирательной комиссии Иркутской области. С сентября 2009 по октябрь 2016 года заместитель губернатора Иркутской области. С декабря 2017 по июнь 2020 года уполномоченный

- по правам человека в Иркутской области. С июня 2018 года и.о. ректора Байкальского государственного университета. — 155, 159
- Игнатенко Виталий Никитич* (род. 1941) — журналист, лауреат Ленинской премии. В 1986–1990 годах главный редактор журнала «Новое время». В 1990–1991 годах руководитель пресс-службы, помощник Президента СССР. С августа 1991 по сентябрь 2012 года генеральный директор ИТАР-ТАСС, одновременно с мая 1995 по март 1997 года заместитель Председателя Правительства РФ. С февраля 1998 года председатель совета директоров ОРТ. С ноября 2012 года член Совета Федерации РФ от администрации Краснодарского края. — 343
- Ильин Иван Александрович* (1883–1954) — русский философ, писатель и публицист. — 335
- Исаков Эсенгул* — фермер хозяйства «Кызыл-Суу» Кеминского района Кыргызстана. — 171
- Исанов Насирдин Исанович* (1943–1991) — с 1983 года министр строительства Киргизской ССР, с 1986 года заместитель председателя Государственного строительного комитета Киргизской ССР, с 1988 года председатель Иссык-Кульского облисполкома. С декабря 1990 года вице-президент, с января 1991 года Премьер-министр Республики Кыргызстан. В 1991 году народный депутат СССР. В ноябре 1991 года погиб в автомобильной катастрофе. — 166
- Искандаров Акбаршо Искандарович* (род. 1951) — в 1987–1990 годах первый секретарь Ванчского райкома Компартии Таджикистана. В 1990–1992 годах заместитель, в августе–ноябре 1992 года Председатель Верховного Совета Таджикистана. Одновременно в октябре–декабре 1991 и сентябре–ноябре 1992 года и.о. Президента Таджикистана. С марта 1993 года временный поверенный в делах, а затем посол Республики Таджикистан в Туркмении (с 1993 года), Казахстане (с 2001 года) и Монголии (с 2004 года). С 2008 года посол по особым поручениям МИД Республики Таджикистан. — 39, 190
- Ишимов Бексултан Бекмолдоевич* (род. 1947) — генерал-лейтенант милиции. С 1988 года заместитель министра внутренних дел Киргизской ССР, с 1989 года заведующий государственно-правовым отделом ЦК Компартии Киргизии. С 1990 года депутат Верховного Совета Киргизской ССР, в 1991 году член Совета Республик Верховного Совета СССР, председатель подкомитета по делам обороны и безопасности, заместитель председателя Комитета по обороне и безопасности межпарламентской ассамблеи государств СНГ. С 1992 года на различных должностях в Верховном Совете Кыргызстана и администрации Президента Кыргызстана. В 1999–2008 годах начальник Академии МВД Кыргызской Республики. С 2008 года на пенсии. — 148, 149
- Кампанелла (Campanella), Томмазо* (1568–1639) — итальянский философ, поэт, политический деятель. — 345, 355

- Капанец Николай* — бывший сотрудник финансово-бюджетного управления аппарата ЦК КПСС. — 430
- Каримов Ислам Абдуганиевич* (1938–2016) — в 1983–1986 годах министр финансов, в 1986 году заместитель Председателя Совета Министров, председатель Госплана Узбекской ССР. С декабря 1986 года первый секретарь Кашкадарьинского обкома партии, в 1989–1991 годах первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. В 1990–1991 годах член Политбюро ЦК КПСС. С 1990 года Президент Республики Узбекистан. С сентября 1991 года председатель Народно-демократической партии Узбекистана. — 13, 57, 181, 182, 201, 203–205, 212, 213, 218–221, 232, 243, 244, 246–248, 253–257, 266, 273, 274
- Карякин Юрий Федорович* (1930–2011) — литературовед, писатель, публицист и общественный деятель. В 1960–1965 годах редактор, консультант, заместитель заведующего отделом редакции журнала «Проблемы мира и социализма» (Прага), в 1965–1966 годах спецкор газеты «Правда». В 1989–1991 годах народный депутат СССР; в 1991 году член Высшего консультативно-координационного совета при Председателе Верховного Совета РФ; в 1993 году член Президентского совета; сопредседатель общества «Мемориал». — 336
- Касо (Caso) Х.Р.* — депутат Генеральных кортесов Испании от Демократического и социального центра. — 291, 294
- Кебич Вячеслав Францевич* (род. 1936) — в 1985–1990 годах заместитель Председателя Совета Министров, председатель Госплана Белорусской ССР. В 1990–1994 годах Премьер-министр Республики Беларусь. С 1994 года глава Белорусского торгово-финансового союза. — 84, 333
- Кёлер* (нем. *Köhler*, англ. *Koehler*), *Хорст* (род. 1943) — в 1990–1993 годах статс-секретарь министерства финансов ФРГ. В 1993–1998 годах президент Ассоциации сберегательных банков Германии. В 1998–2000 годах управляющий Европейским банком реконструкции и развития в Лондоне. В 2000–2004 годах директор Международного валютного фонда. С 1 июля 2004 по 31 мая 2010 года Президент ФРГ. — 117
- Кинг (King), Мартин Лютер* — младший (1929–1968) — американский баптистский проповедник, общественный деятель и активист, получивший известность как самый заметный представитель и лидер движения за гражданские права чернокожих в США с 1954 года до своей смерти. В 1968 году планировал провести национальную забастовку в Вашингтоне, названную Кампанией бедных людей, но был убит 4 апреля 1968 года в Мемфисе. — 360
- Кириллов Владимир Иванович* (род. 1945) — до 1989 года старший научный сотрудник Воронежского политехнического института. В 1989–1991 годах народный депутат СССР, член Комиссии Совета Союза по вопросам труда, цен и социальной политики. — 139

- Коль (Kohl), Гельмут (Хельмут)* (1930–2017) — в 1982–1998 годах федеральный канцлер ФРГ. В 1973–1998 годах председатель Христианско-демократического союза. — 117, 361–363, 374, 383, 424, 430, 442, 494–496, 506
- Коппол (Koppel), Тэд* (род. 1940) — американский тележурналист, наиболее известный как ведущий программы Nightline с момента создания программы в 1980 году до 2005 года. Один из самых выдающихся серьезных интервьюеров на американском телевидении. — 508–510
- Корнеев Виктор Николаевич* (род. 1957) — советский и белорусский политик и общественный деятель, активист рабочего движения и защитник прав человека, основатель многочисленных неправительственных организаций. До 1989 года наладчик станков с числовым программным управлением Гомельского радиозавода. В 1989–1991 годах народный депутат СССР, член Совета Республик Верховного Совета СССР от Республики Беларусь. В 1991–1994 годах заместитель председателя Гомельского городского Совета депутатов. — 146
- Коссига (Cossiga), Франческо* (1928–2010) — с 1983 года Председатель Сената, в 1985–1992 годах Президент Италии. — 515
- Косыгин Алексей Николаевич* (1904–1980) — в 1964–1980 годах Председатель Совета Министров СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1948–1952 и в 1960–1980 годах. Дважды Герой Социалистического Труда. — 166
- Котенков Александр Алексеевич* (род. 1952) — до 1990 года заместитель начальника политотдела Биробиджанского гарнизона Еврейской автономной области, в 1990–1993 годах народный депутат РСФСР (РФ). В августе–декабре 1991 года член Совета Республик Верховного Совета СССР, председатель Комитета по обороне и безопасности. С 1992 по декабрь 1993 года начальник Государственно-правового управления Президента РФ, член Комиссии по рассекречиванию документов КПСС. С ноября 1992 по март 1993 года глава временной администрации зоны чрезвычайного положения на территориях Северной Осетии и Ингушской Республики в период осетино-ингушского вооруженного конфликта. В 1994–1996 годах заместитель министра РФ по делам национальностей и региональной политике. С февраля 1996 по октябрь 2013 года представитель Президента РФ в Государственной Думе. С ноября 2013 года советник генерального директора Государственной корпорации «Российские технологии». — 145
- Кравчук Леонид Макарович* (1934–2022) — с 1970 года в аппарате ЦК Компартии Украины. С 1989 года секретарь, в июне–сентябре 1990 года второй секретарь ЦК Компартии Украины. С июля 1990 года Председатель Верховного Совета УССР. Первый Президент Украины в 1991–1994 годах. — 13, 17, 33, 362, 363, 380, 409, 420, 423, 435, 439–441, 446, 448, 457, 462, 463

Крючков Владимир Александрович (1924–2007) — с 1978 года заместитель председателя, в 1988–1990 годах председатель КГБ СССР. Член Политбюро ЦК КПСС в 1989–1990 годах. В 1990–1991 годах член Президентского совета СССР. Один из организаторов августовского путча 1991 года. Был арестован, в феврале 1994 года амнистирован постановлением Государственной Думы РФ. — 341–344, 431, 480

Кудрявцев Владимир Николаевич (1923–2007) — академик АН СССР (затем РАН), в 1973–1988 годах директор Института государства и права АН СССР. В 1989–1991 годах народный депутат СССР, член Комитета Верховного Совета СССР по законодательству. В 1990–1991 годах руководитель группы научного обеспечения Комиссии по подготовке нового Союзного договора. Лауреат Государственной премии СССР. С 1992 года вице-президент РАН. — 14, 15, 25–27, 31, 34, 36–38, 41, 47, 49, 52, 54, 56, 57, 60–63, 66, 67, 199

Кузнецов Герман Серапионович (род. 1948) — с февраля 1987 года второй секретарь Фрунзенского горкома Компартии Киргизии. В январе 1991 — июле 1993 года вице-президент Республики Кыргызстан, член Президентского совета Республики. С 19 августа по 6 сентября 1991 года и.о. председателя КГБ Киргизской ССР. С июля 1993 по март 1994 года первый заместитель председателя Государственного комитета РФ по экономическому сотрудничеству с государствами — членами СНГ, затем заместитель министра РФ по сотрудничеству с государствами — участниками СНГ, с марта 1996 года заместитель министра финансов РФ, одновременно с декабря 1996 года руководитель Гохрана РФ. В ноябре 1999 года освобожден от занимаемых должностей, в дальнейшем на различных должностях в компаниях «Алмазы России — Саха», «Севералмаз». С августа 2003 года занимается предпринимательской деятельностью — 166, 298

Кулик Геннадий Васильевич (род. 1935) — в 1965–1988 годах на разных должностях в Министерстве сельского хозяйства РСФСР. В 1989–1990 годах председатель Госагропрома РСФСР. В 1990–1991 годах министр сельского хозяйства и продовольствия РСФСР, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. В 1992–1994 годах консультант фирмы «Инекс-Интерэкспорт». В сентябре 1998 — мае 1999 года заместитель Председателя Правительства РФ по вопросам сельского хозяйства. Депутат Государственной Думы РФ первого, второго, третьего, четвертого и пятого созывов. — 137

Кучеренко Виктор Григорьевич (1931–1996) — до 1989 года председатель исполкома Донецкого областного Совета народных депутатов; в 1989–1991 годах народный депутат СССР, председатель Плановой и бюджетно-финансовой комиссии Верховного Совета СССР. — 125

- Ландсбергис Витаутас Витаутович* (род. 1932) — профессор Вильнюсской государственной консерватории, в 1989–1991 годах народный депутат СССР. В марте 1990 — ноябре 1992 года председатель Верховного Совета Литовской ССР (Литвы). — 471
- Ларраньяга Э.* — депутат Генеральных кортесов Испании от баскской партии Эуско Альяртасуна. — 291
- Лацис Отто Рудольфович* (1934–2005) — в 1960–1964 годах литературный сотрудник, старший консультант еженедельника «Экономическая газета»; в 1964–1971 годах — литературный сотрудник, специальный корреспондент, экономический обозреватель газеты «Известия»; в 1971–1975 годах — редактор-консультант, заведующий отделом журнала «Проблемы мира и социализма»; в 1975–1986 годах — старший научный сотрудник, заведующий отделом Института экономики мировой социалистической системы АН СССР; в 1987–1991 годах — первый заместитель главного редактора журнала «Коммунист»; с 1991 года политический обозреватель газеты «Известия», с августа 1997 года соучредитель и политический обозреватель газеты «Новые Известия». — 411, 434
- Лебедев Юрий Альфредович* (1953–2018) — изобретатель, специалист в области геологоразведки. В 1990–1993 годах народный депутат РСФСР (РФ), член Совета Республик Верховного Совета СССР от РСФСР. В 1991–1992 годах председатель Инновационного совета при Председателе Совета Министров РФ, позднее глава Консорциума инновационных фирм. — 147, 148
- Левада Юрий Александрович* (1930–2006) — в 1956–1988 годах, после окончания философского факультета МГУ, работал в научных институтах Академии наук СССР. В 1969 году, будучи начальником сектора Института конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ), «за идеологические ошибки в лекциях» был лишен звания профессора. В 1988 году Левада и ядро сотрудников сектора ИКСИ перешли на работу в незадолго до этого созданный Всесоюзный (с 1992 года — Всероссийский) центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). С 1988 года руководитель отдела, с 1992 года директор ВЦИОМ. — 484
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич* (1870–1924) — организатор КПСС и основатель Советского государства. С Октября 1917 года Председатель Совета народных комиссаров РСФСР, с 1922 года — СССР. — 44, 98, 151, 174, 356, 376, 377
- Леонов Леонид Максимович* (1899–1994) — русский советский писатель, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда. — 337, 358
- Лобов Владимир Николаевич* (род. 1935) — с 1984 года командующий войсками Среднеазиатского военного округа. С января 1987 года заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. По поручению М.С. Горбачева разработал проект военной реформы. Однако, встретив несогласие министра обороны СССР Д.Т. Язов

ва, в ноябре 1988 года отстранен от должности. С января 1989 года заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР — начальник штаба Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского договора. После роспуска Варшавского договора с июня 1991 года начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе. После августовского путча 1991 года начальник Генерального штаба СССР. С октября по декабрь 1991 года член Совета обороны при Президенте СССР. С января 1992 года военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны, с мая 1992 года военный советник Президента РФ. С декабря 1993 года уволен в запас. После создания в 2008 году Службы генеральных инспекторов — генеральный инспектор Управления генеральных инспекторов Министерства обороны РФ. — 74–76, 404

Лубенченко Константин Дмитриевич (род. 1945) — в 1981–1990 годах доцент кафедры теории государства и права МГУ. В 1989–1991 годах народный депутат СССР, заместитель председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству. В октябре 1991 года избран Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР. С января 1992 года советник председателя Конституционного суда России, генеральный директор Парламентского центра Верховного Совета РФ. В 1994–1998 годах заместитель председателя Центрального банка России. С января 2000 года — полномочный представитель Правительства РФ в Государственной Думе РФ. — 203, 206, 207, 211, 213–219, 221, 232–234, 248, 257, 261–263, 266–268, 271, 275, 276

Лужков Юрий Михайлович (1936–2019) — с 1986 года начальник управления по науке и технике Министерства химической промышленности СССР. С 1987 года первый заместитель, с 1990 года председатель Мосгорисполкома. В 1991 году избран вице-мэром города Москвы и назначен председателем Правительства Москвы. В 1992–2010 годах мэр Москвы. В 2001–2010 годах сопредседатель Высшего совета партии «Единая Россия». Отправлен в отставку с поста мэра Указом Президента РФ «в связи с утратой доверия», одновременно вышел из партии. После отставки декан факультета управления крупными городами Международного университета в Москве (МУМ). — 506

Лукьянов Анатолий Иванович (1930–2019) — в 1983–1987 годах первый заместитель, затем заведующий Общим отделом ЦК КПСС. В 1987–1988 годах секретарь ЦК КПСС, заведующий Отделом административных органов ЦК КПСС. С марта 1989 года первый заместитель, с марта 1990 по август 1991 года Председатель Верховного Совета СССР. В ноябре 1991 года арестован по обвинению в участии в заговоре с целью захвата власти, в декабре 1992 года в связи с болезнью освобожден из-под стражи, в феврале 1994 года амнистирован постановлением Государственной Думы РФ. С 1993 года член Центрального исполнительного комитета КПРФ, с 1995 года член Прези-

- диума ЦК КПРФ. Депутат Государственной Думы РФ первого, второго и третьего созывов. Член Союза писателей России. — 55, 343, 344, 427, 482
- Лютер (Luther), Мартин* (1483–1546) — немецкий христианский богослов; бывший монах-августинец; инициатор Реформации, в ходе которой возникает протестантизм как одно из трех (наряду с православием и католицизмом) главных направлений христианства; переводчик Библии на немецкий язык. — 337
- Максимов Владимир Павлович* (род. 1948) — писатель, поэт, член Союза писателей России. Окончил охотоведческий факультет Иркутского сельскохозяйственного института, затем аспирантуру Ленинградского зоологического института, работал на Беломорской биологической станции, затем в Лимнологическом институте на Байкале. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького и окончательно сосредоточился на литературной деятельности. Автор ряда книг стихов и прозы. — 163
- Малофеев Анатолий Александрович* (род. 1933) — с 1982 года первый секретарь Гомельского, с 1985 — Минского обкомов Компартии Белоруссии. С апреля 1990 года председатель Минского областного Совета народных депутатов, с ноября 1990 года первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. В 1985–1991 годах член ЦК КПСС, в 1990–1991 — член Политбюро ЦК КПСС. С 1992 года заместитель председателя Главного управления государственных материальных ресурсов Совета Министров Республики Беларусь. Первый заместитель председателя Парламентского собрания Союза Беларуси и России (от Республики Беларусь). — 334
- Маленков Георгий Максимилианович* (1902–1988) — политический и государственный деятель, в 1953–1955 годах Председатель Совета Министров СССР. — 502
- Малруни (Mulroney), Мартин Брайан* (род. 1939) — в 1984–1993 годах Премьер-министр Канады, в 1983–1993 годах председатель Прогрессивно-консервативной партии. — 60, 117, 517–520
- Малруни (Mulroney), Мила* — супруга М.Б. Малруни. — 520
- Малфорд (Mulford), Дэвид Кэмпбелл* (род. 1937) — с 1984 года помощник секретаря, с 1988 по 1992 год заместитель секретаря по международным делам Министерства финансов США. С января 2004 по февраль 2009 года посол США в Индии. В 2009–2016 годах заместитель председателя Международной ассоциации Credit Suisse. Приглашенный специалист ФБР и Стэнфордского университета. — 116
- Мамардашвили Мераб Константинович* (1930–1990) — философ, с 1957 года редактор-консультант в журнале «Вопросы философии». В 1961–1966 годах заведующий отделом журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге. В 1966–1969 годах заведующий отделом Института

- международного рабочего движения Академии наук СССР. В 1970–1971 годах в Институте общественных наук при ЦК КПСС. В 1974–1980 годах старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР. В 1980–1990 годах главный научный сотрудник Института философии АН Грузинской ССР (Тбилиси). — 340, 484
- Маркс (Marx), Карл* (1818–1883) — основоположник научного коммунизма, организатор I Интернационала (1864). — 357
- Маяковский Владимир Владимирович* (1893–1930) — русский, советский поэт. — 238, 408
- Медведев Николай Павлович* (род. 1952) — до 1990 года заместитель председателя Саранского городского Совета народных депутатов. В 1990–1993 годах народный депутат РСФСР (РФ). В 1991 году член Совета Республик Верховного Совета СССР от РСФСР. В 1993–1994 годах начальник Управления Администрации Президента РФ по работе с территориями и связям с Верховным Советом. В 1994–1995 годах заместитель министра РФ по сотрудничеству с государствами — участниками СНГ. Депутат Государственной Думы РФ второго созыва. В дальнейшем профессор кафедры политических наук Российского университета Дружбы народов, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, директор Института региональной политики. — 140
- Мейджор (Major), Джон* (род. 1943) — с 1986 года министр социального обеспечения Великобритании, с 1987 года главный секретарь министерства финансов, с июля по октябрь 1989 года министр иностранных дел и по делам Содружества. С октября 1989 года министр финансов. С ноября 1990 по май 1997 года Премьер-министр Великобритании, лидер Консервативной партии. Член британского парламента в 1979–2001 годах. — 107, 443, 445, 511, 513, 514
- Мейджор (Major), Норма* — супруга Дж. Мейджора. — 445, 512, 514
- Миллер, Дж.* — сопредседатель конференции по экономическому образованию молодежи (Москва, декабрь 1991 года). — 380
- Мирзоев Рамазон Зарифович* (род. 1945) — до 1989 года первый секретарь Дангаринского райкома Компартии Таджикистана. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. В 1991 году заместитель председателя Совета Республик Верховного Совета СССР. С 1992 года управляющий делами Совета Министров Республики Таджикистан. С 1995 года посол Республики Таджикистан в Российской Федерации, с 2001 года посол в Иране. В 2010–2014 годах директор государственного учреждения Дирекции по зоне затопления Рогунской ГЭС. — 144
- Миттеран (Mitterand), Даниель* — супруга Ф. Миттерана. — 459
- Миттеран (Mitterand), Франсуа* (1916–1996) — первый секретарь Французской социалистической партии в 1971–1981 годах, в 1981–1995 годах Президент Франции. — 117, 345, 374, 383, 398, 430, 442, 456, 457, 459, 497, 498

- Михник (Michnik), Адам* (род. 1946) — польский общественный деятель, журналист, в 1968–1989 годах один из наиболее активных представителей политической оппозиции. В 1980–1989 годах советник мазовецкого отделения движения «Солидарность». Создатель (1989 год) и главный редактор (до 2007 года) ежедневной «Газеты Выборча». В 2002 году опубликовал разоблачительные материалы о коррупции в высших органах власти Польши, печатался за рубежом, читал лекции в Принстонском университете США. — 475
- Миядзава (Miyazawa), Киити* (1919–2007) — с 1967 года депутат Палаты представителей парламента Японии. С 1986 по декабрь 1988 года министр финансов, одновременно с ноября 1987 по декабрь 1988 года заместитель премьер-министра, а с ноября 1991 по август 1993 года Премьер-министр Японии. В 1991–1993 годах председатель Либерально-демократической партии Японии. В 1999 и в 2002 годах вновь занимал пост министра финансов. В 2003 году завершил свою политическую карьеру. — 118, 300
- Мор (More), Томас* (1478–1535) — английский гуманист, государственный деятель и писатель, один из основоположников утопического социализма. — 376
- Московский Юрий Сергеевич* (род. 1942) — экономист, с 1971 года в Управлении делами Совета Министров СССР на разных должностях. С декабря 1987 по апрель 1992 года председатель Внешэкономбанка СССР. — 119
- Мубарак (Mubarak), Мухаммед Хосни* (1928–2020) — с 1975 года вице-президент, в 1981–2011 годах Президент, верховный главнокомандующий вооруженными силами Египта. В октябре 1981 — январе 1982 года одновременно премьер-министр. С 1980 года генеральный секретарь, с января 1982 года председатель Национал-демократической партии Египта. С июля 1989 года председатель Организации африканского единства. В феврале 2011 года отстранен от власти и лишен всех постов. — 286, 359
- Муньос-Алонсо (Muñoz-Alonso), Алехандро* (1934–2016) — в 1989–2000 годах депутат Генеральных кортесов Испании от Народной партии, в 2000–2015 годах член Сената, в том числе в 2004–2006 годах вице-президент Сената. — 291
- Мурадов Сахат Непесович* (1932–2011) — в 1985–1990 годах ректор Туркменского политехнического института. В январе–ноябре 1990 года первый заместитель, а с ноября 1990 по май 2001 года Председатель Верховного Совета Туркменской ССР (с 1995 года — Меджлис). С 2001 года на пенсии. — 15
- Муратов Дмитрий Андреевич* (род. 1961) — журналист, правозащитник. В 1987–1992 годах сотрудник «Комсомольской правды». Главный редактор «Новой газеты» (1995–2017 и с 2019 года), один из ее основателей. Лауреат Нобелевской премии мира 2021 года «за усилия

- по защите свободы выражения мнений, которая является предпосылкой демократии и прочного мира». — 427
- Муталибов Аяз Ниязи оглы* (род. 1938) — с 1982 года председатель Госплана, заместитель Председателя Совета Министров Азербайджанской ССР. В 1989–1990 годах Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР, в 1990 году первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана. В мае 1990 — марте 1992 года первый Президент Азербайджана. 6 марта 1992 года под давлением Народного фронта Азербайджана (НФА) подал в отставку. 14 мая на сессии Верховного Совета был возвращен на пост президента. В тот же день ввел в Баку чрезвычайное положение и комендантский час. После захвата власти сторонниками НФА 15 мая переехал в Россию. В 2000 году вернулся к политической деятельности, возглавил Партию гражданского единства, с августа 2003 года сопредседатель Социал-демократической партии Азербайджана. — 16, 36, 42, 57, 61, 64, 67, 68, 74–78, 85, 224, 227, 260, 263, 266–268, 279, 307, 309, 311, 314, 315, 433
- Назарбаев Нурсултан Абишевич* (род. 1940) — с 1973 года на партийной работе. С 1979 года секретарь ЦК Компартии Казахстана, с 1984 года Председатель Совета Министров, в 1989–1991 годах первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. С февраля 1990 года Председатель Верховного Совета, с апреля 1991 года Президент Казахской ССР, с декабря 1991 по март 2019 года Президент Республики Казахстан. — 14–21, 23–38, 40, 43–46, 49–61, 63–69, 71, 77, 83–85, 186, 290, 309, 380, 403, 423, 424, 433, 457, 460, 461, 463, 469, 484, 499
- Нарасимха РAO (Narasimha Rao), Памулапарти Венката* (1921–2004) — лидер партии Индийский национальный конгресс (ИНК[И]) после убийства Р. Ганди. В июне 1991 — мае 1996 года Премьер-министр Индии. Вскоре после отставки был обвинен в коррупции и признан виновным в подкупах, позднее приговор был отменен. — 89
- Неизвестный Эрнст Иосифович* (1925–2016) — скульптор. Участник выставки в Манеже в 1962 году, посвященной 30-летию Московского отделения Союза художников. В числе других художников-авангардистов подвергся критике Н.С. Хрущева. Был исключен из Союза художников. После отставки Хрущева в 1964 году стал получать заказы от советского правительства, но был не удовлетворен необходимостью работать в духе социалистического реализма. В 1977 году эмигрировал в США, работал в Колумбийском университете. В 1990-х годах часто приезжал в СССР. Умер и похоронен в США. — 336, 337
- Ниязов Сапармурад Атаевич* (1940–2006) — с 1970 года в аппарате ЦК Компартии Туркменистана, с 1980 года первый секретарь Ашхабадского горкома партии. С 1984 года в аппарате ЦК КПСС. С марта 1985 года Председатель Совета Министров Туркменской ССР. С декабря 1985 года первый секретарь ЦК КП Туркменистана, с января 1990 —

- одновременно Председатель Верховного Совета Туркменской ССР. С октября 1990 года Президент Туркменистана. — 181, 247, 248
- Ножиков Юрий Абрамович* (1934–2010) — в 1988–1991 годах председатель исполкома Иркутского областного Совета народных депутатов. В 1990–1993 годах народный депутат РСФСР (РФ). С сентября 1991 по апрель 1997 года глава администрации Иркутской области. — 155, 159
- Оболенский Александр Митрофанович* (род. 1943) — в 1971–1992 годах сотрудник Полярного геофизического института Кольского научного центра АН СССР (город Апатиты, Мурманская область). В 1989–1991 годах народный депутат СССР. С марта 1994 года президент телерадиокорпорации «Восток» (город Орел). С 1998 года на пенсии. — 478
- Павлов Валентин Сергеевич* (1937–2003) — с 1986 года первый заместитель министра финансов СССР; председатель Госкомитета СССР по ценам; с 1989 года министр финансов СССР. С января 1991 года премьер-министр. В августе 1991 года вошел в состав ГКЧП. Был арестован. В 1994 году амнистирован. В 1994–1995 годах президент «Часпромбанка», в 1996–1997 годах советник Промстройбанка. С 1998 года вице-президент американской фирмы BMS в Москве, вице-президент Вольного экономического общества России, директор Института исследований и содействия развитию регионов и отраслей при Международном Союзе экономистов. — 435, 480
- Панкин Борис Дмитриевич* (род. 1931) — в 1982–1990 годах посол СССР в Швеции; с мая 1990 по август 1991 года посол СССР в ЧСФР. В дни августовского путча оказался единственным послом СССР (но не единственным дипломатом), осудившим ГКЧП. 28 августа 1991 года указом Президента СССР назначен министром иностранных дел СССР. Освобожден от должности 19 ноября 1991 года. С 1 октября по 25 декабря 1991 года член Совета обороны при Президенте СССР. С 19 ноября 1991 по сентябрь 1993 года посол СССР, затем РФ в Великобритании. С 1993 года на пенсии. — 78, 79, 97, 107, 114, 118, 230, 275
- Пансков* — бывший сотрудник аппарата ЦК КПСС, занимавшийся финансами. — 430
- Перальта Ортега (Peralta Ortega), Рикадро* (род. 1951) — испанский политик, юрист, в 1989–1997 годах депутат Генеральных испанских кортесов от Объединенных левых сил. — 291
- Петр I Великий* (1672–1725) — русский царь с 1682 года (правил с 1689 года), первый российский император (с 1721 года). — 100
- Петраков Николай Яковлевич* (род. в 1937) — экономист, академик АН СССР (затем РАН), директор Института проблем рынка РАН. В 1965–1990 годах на разных должностях (последняя — заместитель директо-

- ра по научной работе) в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) АН СССР. С января 1990 года помощник Генерального секретаря ЦК КПСС по экономическим вопросам, с апреля 1990 года — помощник Президента СССР по экономике. Народный депутат СССР (1989–1991), депутат Государственной Думы РФ первого созыва. С 1996 года председатель совета Инвестсбербанка. — 342, 354
- Пирмухамедов Солтан* (род. 1946) — в 1991 году член Совета Республик Верховного Совета СССР от Туркменистана, председатель Комитета по межреспубликанским отношениям. В 1991–1992 годах заведующий Орготделом аппарата Президента Туркменистана. В 1992–1995 годах первый секретарь Ашгабатского шахеркома (горкома). В 1996–2012 годах посол Туркменистана в Узбекистане. — 145, 146
- Полторанин Михаил Никифорович* (род. 1939) — в 1986–1988 годах редактор газеты «Московская правда», с 1988 — политический обозреватель Агентства печати «Новости». В 1989–1991 годах народный депутат СССР. С июля 1990 по ноябрь 1992 года министр печати и информации РФ, в 1992 году одновременно заместитель Председателя Правительства РФ. В 1992–1993 годах руководитель Федерального информационного центра РФ. — 407
- Поляничко Виктор Петрович* (1937–1993) — комсомольский и партийный деятель. С 1985 года советник Б. Кармаля, затем Наджиба в Афганистане. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. Позднее секретарь ЦК Компартии Азербайджана, глава временной администрации на территориях Северно-Осетинской ССР и Ингушской республики. Погиб 1 августа 1993 года. — 311
- Попов Гавриил Харитонович* (род. 1936) — в 1978–1988 годах декан экономического факультета МГУ. В 1988–1991 годах главный редактор журнала «Вопросы экономики». В 1989–1991 годах народный депутат СССР. В 1990 году депутат Моссовета, затем его председатель. В 1991–1992 годах мэр Москвы. С конца 1991 возглавлял Российское движение демократических реформ, с 1995 года член президиума Политического консультативного совета при Президенте РФ, с 1996 года член совета директоров банка «Аэрофлот». Председатель российского политического общественного движения «Социал-демократы», президент фонда Плеханова. — 56, 354, 482
- Посный Виктор Федорович* — в 1991 году директор Бишкекского завода сельскохозяйственного машиностроения. — 168
- Примаков Евгений Максимович* (1929–2015) — академик АН СССР (затем РАН), лауреат Государственной премии СССР. В 1977–1985 годах директор Института востоковедения АН СССР, в 1985–1989 годах директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. С декабря 1991 года директор Службы внешней разведки России, с 1996 года министр иностранных дел, в сентябре 1998 — мае 1999 года Председатель Правительства Российской Феде-

- рации. С 1999 года лидер избирательного блока «Отечество — Вся Россия»; депутат Государственной Думы РФ третьего созыва. В 2001–2011 годах председатель правления Торгово-промышленной палаты РФ. Член Президиума РАН. — 420
- Промыслов Владимир Федорович* (1908–1993) — в 1963–1986 годах председатель Исполнительного комитета Моссовета. С 1986 года на пенсии. — 504
- Пуго Борис Карлович* (1937–1991) — с 1977 года первый заместитель, с 1980 года председатель КГБ Латвийской ССР. В 1984–1988 годах первый секретарь ЦК Компартии Латвии. В 1988–1990 годах председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. С декабря 1990 года министр внутренних дел СССР. С марта 1991 года член Совета безопасности СССР. В августе 1991 года был членом ГКЧП. Покончил жизнь самоубийством. — 345
- Раевский Владимир Абрамович* (род. 1938) — в 1974–1989 годах начальник управления Министерства финансов СССР; с 1989 года заместитель министра, с 21 декабря 1991 по 4 февраля 1992 года министр финансов СССР. С 1992 года вице-президент Вольного экономического общества России (ВЭО), одновременно в 1992–1995 годах вице-президент «Нефтехимбанка», в 1995–2007 годах президент аудиторской фирмы «Международный консультативно-правовой центр по налогообложению». В дальнейшем член Совета старейшин ВЭО, член Международного союза экономистов. — 58, 59
- Рахманова Марина Николаевна* (род. 1939) — до 1990 года заведующая кафедрой поликлинической педиатрии Оренбургского медицинского института. В 1989–1991 годах народный депутат СССР, с 1990 — председатель Комитета Верховного Совета СССР по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства. — 150
- Ревенко Григорий Иванович* (род. 1936) — в 1985–1990 годах — первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины. С 1984 года в аппарате ЦК КПСС. В конце 1991 года руководитель Администрации Президента СССР. — 44, 68, 214, 252, 269, 477
- Рейган (Reagan), Рональд Уилсон* (1911–2004) — 40-й президент США (в 1981–1989 годах), от Республиканской партии. — 112, 113, 381, 461
- Рекордер (Recorder) Л.* — депутат Генеральных кортесов Испании от каталонского объединения Конвергенция и Союз. — 291
- Руперес (Rupérez), Хавьер* (род. 1941) — испанский политический деятель, дипломат и писатель. В 1979–1983 и 1986–2000 годах депутат Генеральных кортесов Испании от Народной партии. В качестве дипломата работал в Эфиопии, Польше, Финляндии, Швейцарии. Представлял Испанию на Мадридской сессии Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1980–1982 годы) и в НАТО (1982–1983 годы). В 2000–2004 годах посол Испании в США. Постоян-

- ный автор национальных газет и ведущих периодических изданий Испании. Читает лекции в университетах Испании и США. — 291
- Рыжков Николай Иванович* (род. 1929) — с 1975 года заместитель министра тяжелого и транспортного машиностроения СССР. С 1979 года заместитель председателя Госплана СССР. В 1982–1985 годах секретарь ЦК КПСС, в 1985–1990 годах член Политбюро ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР. В 1995 году лидер избирательного блока «Власть — народу!» В 1996–1998 годах председатель исполкома Народно-патриотического союза России. Депутат Государственной Думы РФ второго и третьего созывов. — 154, 434
- Рыжов Юрий Алексеевич* (1930–2017) — академик РАН, лауреат Государственной премии СССР. В 1986–1992 годах ректор Московского авиационного института имени С. Орджоникидзе. В 1989–1991 годах народный депутат СССР, председатель Комитета Верховного Совета СССР по науке и народному образованию, культуре и воспитанию. В 1991 году заместитель председателя Высшего консультативно-координационного совета при Председателе Верховного Совета РСФСР, член Политического консультативного совета при Президенте СССР. В 1992–1998 годах посол РФ во Франции. — 342
- Сабах Джабер Аль-Ахмед ас-Сабах (al-Ahmed Sabah)* — в 1991 году эмир Кувейта. — 100, 102–106
- Саввин Василий Нестерович* (1939–2020) — последний командующий внутренними войсками МВД СССР, первый командующий внутренними войсками МВД России. С 1985 года начальник Управления внутренних войск МВД СССР по Западной Сибири, с 1987 года — по Северо-Западу и Прибалтике. С сентября 1991 года командующий внутренними войсками МВД СССР, с 1992 года — МВД России. 23 декабря 1992 года снят с должности в результате разногласий с руководством МВД России и с членами Правительства России по вопросам финансирования внутренних войск и их использования в урегулировании межнациональных конфликтов. С 1993 года в отставке. — 310, 311, 314
- Саллео (Salleo), Фердинандо* (род. 1936) — итальянский дипломат, работал в дипломатических представительствах Италии во Франции, США, ЧССР, ФРГ. В 1988–1989 годах генеральный директор экономического департамента МИД Италии. С мая 1989 по 1993 год посол Италии в СССР (Российской Федерации). В 1995–2003 годах посол Италии в США и одновременно Постоянный наблюдатель Италии при Организации американских государств. — 515
- Сенклер, Анн* (род. 1948) — французская теле- и радиоведущая. В 1984–1997 годах ведущая программы «7/7» — еженедельного воскресного вечернего новостного и политического шоу на телеканале ТФ-1. — 375, 376

- Силаев Иван Степанович* (род. 1930) — в 1981–1985 годах министр авиационной промышленности СССР. С 1985 года заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1990–1991 годах Председатель Совета Министров РСФСР. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. В 1991–1994 годах постоянный представитель Российской Федерации при Европейских сообществах в Брюсселе. С 1994 года президент Международного союза машиностроителей. С 1995 года председатель совета Московского межрегионального коммерческого банка. — 58–60, 80–84, 97, 125, 128, 137, 140, 203, 205, 208, 212, 222, 223, 246, 248, 249, 251, 252, 257, 262, 263, 266–272, 274, 276, 277, 361, 371, 434
- Скоукрофт (Scowcroft) Брент* (род. 1925) — в 1975–1977 — помощник Президента США по национальной безопасности (в администрациях Р. Никсона и Дж. Форда). В 1977–1983 годах директор «Нэшнл бэнк оф Вашингтон». В 1983–1984 годах — председатель Комиссии по стратегическим силам (Комиссия Скоукрофта), в 1985–1986 годах член Комиссии по контролю над военными программами (Комиссия Паккарда). В 1989–1993 годах помощник президента США по национальной безопасности в администрации Дж. Буша. — 350
- Смоленцев Евгений Алексеевич* (1923–2017) — в 1977–1987 годах заместитель Председателя Верховного суда СССР, в 1988–1989 годах Председатель Верховного суда РСФСР, в 1989–1991 годах Председатель Верховного суда СССР. В 1992–1998 годах консультант Верховного Суда Российской Федерации. — 61, 62
- Собчак Анатолий Александрович* (1937–2000) — в 1982–1989 годах заведующий кафедрой Ленинградского государственного университета. В 1988 году директор кооператива «Юридическая помощь». В 1989–1991 годах народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, член Межрегиональной депутатской группы. С декабря 1991 года сопредседатель Движения демократических реформ. С июня 1991 по июнь 1996 года мэр Ленинграда — Санкт-Петербурга. Поддержал Ельцина во время его конфликта с Парламентом в 1993 году. В сентябре 1998 года против Собчака возбудили уголовное дело по обвинению в злоупотреблении должностными полномочиями. Уехал во Францию, в январе 1999 года заявлял о возможности своего обращения к французским властям с просьбой о предоставлении политического убежища. В июле 1999 года вернулся в Россию. — 354
- Соланки (Solanki) Мадхавсинха* (1927–2021) — в 1991 году министр иностранных дел Индии. — 86, 89, 90
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович* (1879–1953) — один из руководящих деятелей КПСС и Советского государства. В 1922–1953 годах Генеральный секретарь ЦК РКП(б), ВКП(б) (с 1925 года), КПСС (с 1952 года). — 502
- Стародубцев Василий Александрович* (1931–2011) — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР. С 1964 года предсе-

- датель колхоза, с 1987 года — агропромышленного объединения «Новомосковское» Тульской области. Одновременно с 1986 года председатель Всероссийского совета колхозов, в 1990–1991 годах Крестьянского союза СССР. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. В 1991 году арестован по делу ГКЧП, освобожден по амнистии в 1994 году. В 1997–2005 годах губернатор — глава администрации Тульской области. С 2007 года депутат Государственной Думы РФ от КПРФ. — 345
- Страусс (Strauss), Роберт Шварц* (1918–2014) — американский юрист. По окончании Второй мировой войны поселился в Далласе, где основал небольшую юридическую фирму, которая со временем превратилась в международную корпорацию Akin Gump Strauss Nauer & Feld LLP. В 1970-х годах глава Национального комитета Демократической партии США, торговый представитель США, посол по особым поручениям на Ближнем Востоке, руководил избирательной кампанией Дж. Картера. После неудачной попытки Картера на переизбрание на второй президентский срок вернулся к юридической деятельности, оставаясь при этом в период президентства Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего ключевым политическим игроком в Вашингтоне. С августа 1991 по ноябрь 1992 года посол США в СССР, затем в РФ. — 351, 470
- Тер-Петросян Левон Акопович* (род. 1945) — с 1972 года на научной работе в Институте литературы АН Армении, с 1978 года — в Институте древних рукописей «Матенадаран» им. Месропа Маштоца. В 1988–1989 годах лидер комитета «Карабах». С 1989 года член, председатель правления Армянского общенационального движения. В 1990–1991 годах Председатель Верховного Совета Армении. В 1991–1998 годах Президент Армении. — 260, 267, 307–309, 311, 318, 319, 439
- Тимофеев Тимур Тимофеевич* (1928–2013) — советский и российский экономист, историк, политолог. С 1966 по 2002 год основатель и бессменный директор Института международного рабочего движения АН СССР (после 1991 года — Институт сравнительной политологии РАН). С 2003 года руководитель Центра междивизиационных исследований Института Европы РАН. Лауреат Государственной премии СССР. — 355
- Третьяков Виталий Товиевич* (род. 1953) — российский журналист, политолог. В 1976–1988 годах работал в Агентстве печати «Новости». В 1988–1990 годах — в редакции газеты «Московские новости». С 1990 до начала лета 2001 года главный редактор «Независимой газеты». В 2001–2020 годах автор и ведущий телепрограммы «Что делать? Философские беседы» на телеканале «Культура». В 2001–2013 годах генеральный директор — главный редактор «Независимой издательской группы “НИГ”». В 2008–2013 годах генеральный

- директор Фонда содействия развитию образования в области журналистики «Медиалогия». С 2008 года декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова. — 397–404, 406–411
- Трише (Trichet), Жан-Клод* (род. 1942) — в 1987–1993 годах глава Французского казначейства, заместитель председателя Международного валютного фонда, заместитель главы Всемирного банка. В 1993–2003 годах директор Банка Франции. С 2003 по 2011 год председатель правления Европейского центрального банка. — 117
- Тсино (Tsino) Т.* — в 1991 году заместитель министра финансов Японии. — 118
- Уикс (Wicks), Найджел* — заместитель министра финансов Великобритании, представитель Премьер-министра Великобритании, присутствовавший на встречах «семерки». — 115, 116, 118, 122
- Федоров Святослав Николаевич* (1927–2000) — офтальмолог, Герой Социалистического Труда. Организатор и директор (с 1986 года) Межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза». В 1989–1991 годах народный депутат СССР. — 299
- Фокин Витольд Павлович* (род. 1932) — с 1987 года председатель Госплана УССР, с ноября 1990 по август 1991 года Председатель Совета Министров УССР, с августа 1991 по октябрь 1992 года Премьер-министр Украины. С 1993 года президент Международного фонда гуманитарных и экономических связей Украины с Российской Федерацией. — 17
- Франко Баамонде (Franco Bahamonde), Франсиско* (1892–1975) — генерал, в 1936 году возглавил мятеж против Испанской республики. Глава испанского государства (каудильо) в 1939–1975 годах и вождь Испанской фаланги в 1937–1975 годах, диктатор Испании. — 377
- Фронин Владислав Александрович* (род. 1952) — с 1974 года на разных должностях в редакции газеты «Комсомольская правда». В 1986–1988 годах заведующий отделом ЦК ВЛКСМ. В 1988–1995 годах главный редактор «Комсомольской правды». В 1995–1996 годах руководитель пресс-центра Движения «Наш дом — Россия». С 1996 года заместитель главного редактора, с 2001 года главный редактор «Российской газеты». — 479
- Хабиев В.* — экономист, член-корреспондент АН СССР. — 162
- Хашеми-Рафсанджани (Hashemi-Rafsanjani), Али Акбар* (род. 1934) — в 1979–1980 годах член Исламского революционного совета (высший орган власти Исламской Республики Иран), заместитель министра, затем руководитель министерства внутренних дел. С июля 1980 по август

- 1989 года председатель Собрания исламского совета (парламента). С октября 1981 года член Высшего совета обороны. С июня 1988 года и.о. верховного главнокомандующего вооруженными силами Ирана. В 1989–1997 годах президент Исламской Республики Иран. Баллотировался на выборах президента в 2005 году, но не был избран. — 278, 279, 281, 284, 286
- Хонеккер (Honecker), Эрих* (1912–1994) — в 1976–1989 годах Председатель Государственного совета ГДР. В 1976–1989 годах Генеральный секретарь ЦК СЕПГ. В октябре 1989 года снят со всех партийных и государственных постов; в декабре исключен из СЕПГ. После объединения Германии подвергался арестам. Умер в Чили. — 34, 97, 407, 507
- Хрущев Никита Сергеевич* (1894–1971) — с 1939 года член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1953–1964 годах Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958–1964 годах Председатель Совета Министров СССР. На XX (1956 год) и XXII (1961 год) съездах партии выступил с критикой культа личности Сталина. В 1964 году смещен со всех занимаемых постов и отправлен на пенсию. — 40, 166, 344
- Хуан Карлос I (Juan Carlos I)* (род. 1938) — до десятилетнего возраста жил с родителями в Италии, Швейцарии и Португалии. В 1948 году по предложению Франко переехал в Испанию. В 1969 году в соответствии с законом о наследовании поста главы государства объявлен будущим королем — официальным преемником Франко и получил титул принца Испании. С ноября 1975 года, после смерти Франко, король Испании. — 381
- Хусейн (Hussein), Саддам* (1937–2006) — с 1979 года Президент Иракской Республики, председатель Совета революционного командования, глава правительства; верховный главнокомандующий; генеральный секретарь регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения. После вторжения американских войск в Ирак казнен. — 102, 103
- Цыкало Ростислав Иванович* — в 1989–1991 годах народный депутат СССР. Член Совета Союза Верховного Совета СССР от РСФСР. — 138
- Чалидзе Валерий Николаевич* (1938–2018) — правозащитник, диссидент, публицист, физик. С 1972 года в США — издатель и редактор, историк, автор многочисленных публикаций. В 1989 году, после многолетнего запрета на публикации в СССР, статья Чалидзе появилась в партийном журнале «Коммунист». В 1990 году ему возвращено советское гражданство. — 404, 405
- Черниченко Юрий Дмитриевич* (1929–2010) — в 1986–1991 годах секретарь правления, сопредседатель секретариата Союза писателей СССР. С 1989 года сопредседатель писательской организации «Апрель»,

- первый секретарь Содружества союзов писателей. В 1989–1991 годах народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы. С 1991 года — секретарь правления Российского союза писателей. В 1993–1995 годах — депутат Совета Федерации РФ Федерального Собрания РФ первого созыва. Председатель Крестьянской партии России. — 143
- Черновил Вячеслав Максимович* (1937–1999) — украинский политический деятель, публицист, литературный критик, диссидент. В конце 1980–1990-х годов один из лидеров украинского националистического движения и основателей Народного руха Украины. Инициатор провозглашения Декларации о государственном суверенитете Украины 16 июля 1990 года и Акта провозглашения независимости Украины 24 августа 1991 года. Погиб в автокатастрофе. — 33
- Черняев Анатолий Сергеевич* (1921–2017) — с 1961 года работал в Международном отделе ЦК КПСС. В 1986–1991 годах помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, затем Президента СССР по международным вопросам. С 1992 года советник Горбачев-Фонда. — 91, 175
- Черчилль (Churchill), Уинстон Леонард Спенсер* (1874–1965) — в 1940–1945 и 1951–1955 годах Премьер-министр Великобритании. В годы Второй мировой войны один из инициаторов создания антигитлеровской коалиции с США и СССР. — 508, 510
- Шамир (Язерицкий), Ицхак* (1915–2012) — до 1955 года занимался предпринимательской деятельностью. В 1955–1965 годах заместитель генерального директора израильской разведки «Моссад». С 1970 года член партии «Херут». В 1970–1975 годах член Исполнительного комитета, в 1975–1977 годах — председатель Исполнительного комитета, с сентября 1983 — председатель партии «Херут» и лидер блока правых сионистских сил. С 1973 года депутат кнессета (парламента), в 1977–1980 годах — спикер кнессета, в октябре 1983 — сентябре 1984 года — премьер-министр и министр иностранных дел. В сентябре 1984 — октябре 1986 года заместитель премьер-министра и министр иностранных дел, в 1986–1992 годах премьер-министр Израиля. — 104
- Шапошников Евгений Иванович* (1942–2020) — Маршал авиации. С 1987 года командующий ВВС Группы советских войск в Германии, с 1988 года заместитель, а с июля 1990 года главнокомандующий ВВС — заместитель министра обороны СССР. В 1990–1991 годах член ЦК КПСС. В время событий 19–21 августа 1991 года предложил министру обороны Д.Т. Язову вывести войска из Москвы и разогнать ГКЧП. С августа 1991 по январь 1992 года министр обороны СССР. В октябре-декабре 1991 года член Совета безопасности при Президенте СССР. Вышел из КПСС и способствовал департизации Вооруженных Сил СССР. С февраля 1992 года главнокомандующий Объединенными

Вооруженными Силами СНГ. В сентябре 1993 года пост главного командующего ОВС ликвидирован. С января 1994 по август 1996 года представитель Президента России в государственной компании по экспорту и импорту вооружений и военной техники «Росвооружение». С ноября 1995 по март 1997 года генеральный директор авиакомпании «Аэрофлот — российские международные авиалинии». С марта 1997 по март 2004 года помощник Президента России по вопросам развития космоса и авиации. С 2003 года советник генерального директора «ОКБ Сухого», с 2006 года президент партнерства «Безопасность полетов». — 41, 264, 314, 315, 395, 448

Шаталин Станислав Сергеевич (1934–1997) — академик АН СССР (затем РАН), лауреат Государственной премии СССР. В 1976–1986 годах сотрудник Всесоюзного НИИ системных исследований, в 1986–1989 годах работал в Институте экономики и прогнозирования научно-технического прогресса. С декабря 1989 года член Государственной комиссии по экономической реформе. В 1990 году возглавлял рабочую группу по разработке единой союзной программы перехода к рыночной экономике («500 дней»). С 1991 года глава Международного фонда экономических и социальных реформ «Реформа». В 1994 году создал коммерческую организацию Финансовый союз «Шаталин и Ко». — 342

Шахназаров Георгий Хосроевич (1924–2001) — член-корреспондент АН СССР (затем РАН). Труды по политической науке, государственному праву и теории международных отношений, футурологии. Лауреат Государственной премии СССР. В 1961–1964 годах работал в редакции журналов «Политическое самообразование» и «Проблемы мира и социализма». В 1964–1988 годах консультант, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС. В 1988–1991 годах помощник Генерального секретаря ЦК КПСС. В 1990–1991 годах народный депутат СССР. В 1991 году советник Президента СССР. В 1991–1992 годах президент Фонда социально-политических исследований. С 1992 года советник президента Горбачев-Фонда. — 420

Шахрай Сергей Михайлович (род. 1956) — до 1989 года преподаватель МГУ. В 1989 году общественный консультант Комитета по законодательству Верховного Совета СССР. В 1990–1993 годах народный депутат РСФСР (РФ). С июля 1990 по ноябрь 1991 года председатель Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству. 12 декабря 1991 года проголосовал за ратификацию Беловежского соглашения. С декабря 1991 по 20 апреля 1992 года заместитель Председателя Правительства РФ. С ноября 1992 по январь 1996 года член Совета Безопасности РФ. Депутат Государственной Думы второго созыва. С октября 1997 года член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия. В 1997–2000 годах член совета директоров ОАО «Газпром-Медиа». С ноября 2000 года заместитель руководителя, с ноября 1994 года руководитель аппарата Счетной палаты

- России. С декабря 2003 года заместитель председателя Совета Российского союза налогоплательщиков. С сентября 2008 года член Совета при Президенте РФ по физической культуре и спорту. С ноября 2009 года член Межведомственной комиссии по вопросам повышения качества высшего юридического образования. С января 2011 года член научного совета при Совете Безопасности РФ. С 2018 года главный редактор журнала «Вопросы истории естествознания и техники». — 198, 421
- Шеварднадзе Эдуард Амаросиевич* (1928–2014) — в 1968–1972 годах министр внутренних дел Грузинской ССР. В 1972–1985 годах первый секретарь ЦК Компартии Грузии. В 1985–1990 годах член Политбюро ЦК КПСС. В 1985–1990 годах министр иностранных дел СССР, в ноябре–декабре 1991 года министр внешних сношений СССР. С марта 1992 года председатель Госсовета, глава Республики Грузия, с октября 1992 — Председатель Верховного Совета Грузии, с ноября 1995 по ноябрь 2003 года Президент Грузии. — 79, 114, 227–231, 233, 236, 278, 281–285, 316, 317, 343, 351, 353, 354, 420, 443, 462, 464, 467, 471, 482
- Шеримкулов Медеткан* (род. 1939) — с 1985 года ректор Киргизского государственного института физической культуры, председатель партийной комиссии при ЦК Компартии Киргизии, в 1987–1990 годах член бюро ЦК Компартии Киргизии. С декабря 1990 по сентябрь 1994 года Председатель Верховного Совета Республики Кыргызстан. — 166
- Шильдт Й. (Schildt J.)* — в 1991 году заместитель главного редактора германского журнала «Штерн». — 94–98
- Широбоков Игорь Иннокентьевич* (род. 1948) — журналист, до 1980 года заведующий отделом газеты «Советская молодежь», в 1980–1985 годах собкор «Комсомольской правды» по Иркутской области, Бурятской АССР и Якутской АССР. В 1991–1997 годах полномочный представитель Президента РФ в Иркутской области. — 155
- Шмидт-Хольц (Schmidt-Holz), Рольф* (род. 1948) — в 1988–1994 годах главный редактор журнала «Штерн» — 92, 94
- Шуховцов А.И.* — в 1991 году член Совета Республик Верховного Совета СССР от Казахской ССР. — 148
- Шушкевич Станислав Станиславович* (род. 1934) — в 1986–1990 годах проректор Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. В 1990–1991 годах первый заместитель Председателя Верховного Совета Белорусской ССР. В 1989–1991 годах народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы. С сентября 1991 года по январь 1994 года Председатель Верховного Совета Республики Беларусь. После выхода на пенсию читает лекции в университетах Польши, России, США, Литвы. — 14, 16, 18, 20–22, 24, 27, 29–34, 43, 44, 49, 53, 54, 65, 66, 69–74, 78, 82, 83, 176, 177, 180–183, 185–187, 189, 190, 192, 193, 195, 201, 202, 210, 226, 227, 231, 246, 253, 266, 275–277, 323, 328, 333, 380, 409, 419, 430, 443

Шекочихин Юрий Петрович (1950–2003) — российский журналист, писатель и драматург, сценарист, телеведущий. В 1980–1996 годах редактор отдела исследований «Литературной газеты», с 1996 года заместитель главного редактора, редактор отдела исследований в «Новой газете». Депутат Государственной Думы РФ второго и третьего созывов. — 338–349, 356, 357

Щербаков Владимир Иванович (род. 1949) — в 1986–1988 годах начальник отдела заработной платы Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам. В 1988–1989 годах первый заместитель заведующего отделом совершенствования управления народным хозяйством Аппарата Совета Министров СССР. В 1989–1991 годах председатель Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам. В марте–ноябре 1991 года заместитель Премьер-министра СССР и одновременно министр экономики и прогнозирования СССР (Министерство заменило упраздненный Госплан). Во время августовского путча 1991 года формально возглавлял правительство СССР в связи с болезнью В.С. Павлова. После провала путча претензий к В.И. Щербакову предъявлено не было. С 1991 года глава Международного фонда содействия приватизации и иностранным инвестициям «Интерприватизация». С 1994 года председатель совета директоров компании «Автотор». — 378

Эдамуро (Edamura), Сумио (род. 1932) — в 1990–1994 годах посол Японии в СССР, затем в РФ, позднее посол по особым поручениям Министерства иностранных дел Японии. — 302

Энгельс (Engels), Фридрих (1820–1895) — один из основоположников научного коммунизма, друг и соратник К. Маркса. С 1870 года член Генерального совета I Интернационала. — 337

Эплярд Д. — в 1991 году специальный представитель правительства Великобритании. — 438, 444, 445

Эрхард (Erhard), Людвиг (1897–1977) — западногерманский экономист и государственный деятель. Первый министр экономики ФРГ с сентября 1949 по октябрь 1963 года. В 1963–1966 годах федеральный канцлер ФРГ. С марта 1966 по май 1967 года председатель Христианско-демократического союза. — 243

Явлинский Григорий Алексеевич (род. 1952) — работал на различных должностях во Всесоюзном НИИ управления угольной промышленности, в Госкомтруде СССР. С 1989 года начальник отдела и секретарь Государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе, затем председатель Госкомиссии РСФСР по экономической реформе. В 1990 году заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, в 1991 году экономический советник Председателя

- Совета Министров России, заместитель председателя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР. С октября по декабрь 1991 года член Политического консультативного комитета при Президенте СССР. В дальнейшем возглавил Центр экономических и политических исследований (ЭПИцентр). В октябре 1993 года стал одним из основателей избирательного объединения «Яблоко», в 1993–2008 годах председатель партии «Яблоко». Депутат Государственной Думы первого, второго и третьего созывов. — 13, 59, 60, 118, 119, 121, 122, 223, 243, 245, 255, 256, 259–265, 267, 269, 272, 299, 345, 421
- Язов Дмитрий Тимофеевич* (1923–2020) — Маршал Советского Союза. С 1984 года командующий войсками Дальневосточного ВО. С января 1987 года заместитель министра обороны СССР. С мая 1987 по 1991 год министр обороны СССР. В августе 1991 года вошел в состав ГКЧП, был арестован; год спустя уголовное дело в части «измена Родине» было прекращено. С 1998 года главный военный советник Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. — 345, 431
- Яковлев Александр Николаевич* (1923–2005) — с 1953 года в аппарате ЦК КПСС. В 1973–1983 годах посол СССР в Канаде. В 1983–1985 годах директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. В 1985–1986 годах заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС. С марта 1986 по июль 1990 года секретарь ЦК КПСС. С июня 1987 по июль 1990 года член Политбюро ЦК КПСС. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. С октября 1988 года председатель Комиссии ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930–1940-х и начала 1950-х годов. С марта 1990 по январь 1991 года член Президентского совета СССР. В 1992–1993 годах вице-президент Горбачев-Фонда. С 1993 года председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. С 1993 года руководитель Федеральной службы по телевидению и радиовещанию, председатель Российской государственной телерадиокомпании «Останкино»; в 1995–1998 годах председатель совета директоров Общественного российского телевидения (ОРТ). В 1995–2000 годах председатель Российской партии социальной демократии. — 79, 218, 275, 299, 343, 354, 404, 420, 440, 443, 463, 476, 482, 518
- Яковлев Вениамин Федорович* (1932–2018) — в 1987–1989 годах директор ВНИИ советского законодательства. В 1989–1990 годах министр юстиции СССР. С 1991 по январь 2005 года председатель Высшего Арбитражного Суда СССР (с 1992 года — РФ). С января 2005 года советник Президента РФ. — 58, 219, 220, 420
- Яковлев Егор Владимирович* (1930–2005) — журналист. С 1956 года сотрудничал в центральных газетах. Организатор и главный редактор (1967–1968) журнала «Журналист». С 1968 года спецкор газеты «Известия».

С 1986 года заместитель председателя Агентства печати «Новости» и главный редактор газеты «Московские новости». В августе 1991 — ноябре 1992 года председатель Всесоюзной телерадиокомпании (с 1992 года Российская телерадиокомпания «Останкино»). Учредитель (1991) и по 2002 год главный редактор «Общей газеты». — 354, 404, 420

Янаев Геннадий Иванович (1937–2010) — в 1986–1990 годах секретарь, заместитель Председателя, а с апреля по июль 1990 года Председатель ВЦСПС. С июля 1990 года член Политбюро и секретарь ЦК КПСС. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. С конца декабря 1990 по август 1991 года вице-президент СССР. В августе 1991 года участвовал в путче как и.о. Президента СССР. Был арестован, в феврале 1994 года амнистирован постановлением Государственной Думы РФ. — 56, 208, 344, 431

Яничек Х. — в 1991 году директор Международного института сравнительных социальных исследований. — 355–360

Яхиро (Yahiro), Тосикуни (1915–2001) — японский бизнесмен. Вице-президент Федерации экономических организаций Японии, председатель совета директоров «Мицуи буссан». — 300, 303–305

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.С. ГОРБАЧЕВА

(14 ноября — 25 декабря 1991 года)

- Ноябрь, 14.* Утром, перед началом заседания Государственного совета СССР, состоялся разговор с Г.А. Явлинским. Провел заседание Государственного совета СССР. Подписал Указ о присвоении звания «Мать-героиня» с вручением ордена «Мать-героиня» москвичкам, родившим и воспитавшим десять и более детей.
- Ноябрь, 15.* Принял министра иностранных дел Индии Мадхав-синха Соланки. Разговор с А.С. Черняевым и А.С. Грачевым об итогах заседания Государственного совета СССР 14 ноября. Состоялся разговор с Б.Н. Ельциным. Дал интервью журналу «Штерн». Подписал Указ «О Прибалтийском военном округе».
- Ноябрь, 16.* Принял в Кремле художника Михаила Шемякина, который подарил Михаилу Сергеевичу альбом дисков с песнями своего друга Владимира Высоцкого.
- Ноябрь, 17.* В Ново-Огареве работал над подготовкой материалов для выступления на сессии Верховного Совета СССР. Провел совещание с советниками и помощниками по текущим вопросам.
- Ноябрь, 18.* Принял эмира Кувейта шейха Джабера аль-Ахмеда ас-Сабаха. Подписал Указ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел СССР». Подписал Указ «О назначении Сергеева В.М. полномочным представителем председателя Межгосударственного экономического комитета». Подписал Указ «Об освобождении Замятина Л.М. от обязанностей Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Великобритании» в связи с уходом на пенсию.

Не позднее
19 ноября.

Направил письмо координатору «большой семерки» Дж. Мейджору.

Ноябрь, 19.

Дал интервью американскому журналу «Ю.С. Ньюс энд Уорлд Рипорт».

Подписал Указ о назначении Панкина Б.Д. Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Великобритании, освободив его от должности министра иностранных дел СССР.

Подписал Указ о назначении Шеварднадзе Э.А. министром внешних сношений СССР.

Позвонил Дж. Мейджору в связи с назначением нового посла СССР в Великобритании.

В соответствии со сложившимся этикетом М.С. Горбачев представил сотрудникам Министерства внешних сношений СССР нового руководителя ведомства — Э.А. Шеварднадзе.

Подписал Распоряжение о назначении А.С. Черняева специальным помощником по международным вопросам.

Ноябрь, 20.

Беседовал с представителями «большой семерки».

Выступил на сессии Верховного Совета СССР, ответил на вопросы депутатов.

Вечером, после выступления на сессии Верховного Совета СССР, вылетел в Иркутск. На борту самолета беседовал с журналистами, приглашенными сопровождать его в поездке.

Получил сообщение о гибели военного вертолета Ми-8 на территории НКАО в районе армянского села Каракенд. Направил соболезнование Президента СССР родным и близким погибших в авиационной катастрофе вертолета.

Ноябрь, 21.

Прилетел в Иркутск в два часа ночи по местному времени.

С 10 часов утра начались встречи. Знакомство с Иркутском началось с посещения экспериментальной средней школы № 47, которая только открылась той осенью. Побывал в классах, беседовал с учениками и педагогами, интересовался обеспеченностью школы всем необходимым.

Затем посетил Иркутский авиационный завод, где выпускаются Су-27 и МиГ-29. Осмотрел цеха, беседовал с рабочими. В конференц-зале состоялась встреча с сотрудниками и руководством предприятия.

Далее было запланировано посещение частного магазина в другой части города. По пути туда Президент незапланированно остановился у государственного продовольственного магазина.

Во второй половине дня посетил областную детскую клиническую больницу, на переоснащение которой перечислил из своих гонораров за книгу, вышедшую за рубежом, 350 тысяч долларов.

«Михаила Сергеевича водили по кабинетам, отделениям, больничным палатам, и он, судя по всему, мог быть доволен: деньги действительно истрачены с пользой. Закуплено ценнейшее импортное оборудование для исследования нервных болезней, болезней желудка, печени, почек, в том числе аппарат “искусственная почка”. Во многом благодаря этой долларовой инъекции детская стала по оснащенности лучшей в области.

Поэтому, поблагодарив Горбачева за его благородный поступок, медики больницы вручили ему на прощание письмо с просьбой еще раз помочь в оснащении больницы недостающим оборудованием. И Горбачев пообещал: как только получит гонорар за очередную книгу — непременно поможет». (*«Восточно-Сибирская правда»*, 23 ноября 1991 года.)

Встретился с ветеранами войны и труда.

Вечером в Доме Советов прошла встреча с руководителями области, народными депутатами областного и городского Советов, руководителями крупных предприятий.

Ноябрь, 22.

Второй день поездки начался с посещения Иркутского высшего военного авиационного инженерного училища. Михаил Сергеевич побывал в классах и лабораториях, беседовал с курсантами и преподавателями, интересовался организацией учебного процесса, технической базой военного вуза. Как отмечалось в *«Восточно-Сибирской правде»* 23 ноября 1991 года, встреча была короткой, но очень насыщенной.

Из Училища направился в поселок Листвянка на Байкале. Посетил Байкальский экологический музей, участвовал в совещании по проблемам озера. После совещания дал пресс-конференцию для местных и приехавших журналистов.

По окончании пресс-конференции вылетел в столицу Кыргызстана Бишкек. В аэропорту «Манас» дал крат-

кое интервью корреспонденту Кыргызского телевидения.

Уже через 40 минут после прибытия в Бишкек состоялась встреча с большой группой ученых и общественных деятелей республики.

Ноябрь, 23.

По дороге на Завод сельскохозяйственного машиностроения имени М.В. Фрунзе заехал на Ошский базар. Посетил Кантскую машиноиспытательную станцию, затем — фермерские хозяйства в Кеминском районе Чуйской области Кыргызстана. В Кантском районе посетил магазин.

Вернулся в Бишкек. В честь Президента СССР дан обед, на который был приглашен республиканский актив.

Вечером в зале заседаний Верховного Совета республики состоялась встреча с общественностью республики. После чего возвратился в Москву.

Ноябрь, 25.

Провел заседание Государственного совета СССР. В перерыве состоялась пресс-конференция. По окончании заседания за рабочим ужином с помощниками и советниками, включая Г.А. Явлинского, провел совещание.

Подписал Указ «Об утверждении Временного положения о Центральной службе разведки СССР».

Ноябрь, 26.

Беседовал с министром иностранных дел Исламской Республики Иран А.А. Велаяти, который передал Горбачеву личное письменное послание от Президента Ирана Хахеми-Рафсанджани.

Принял делегацию конгресса депутатов Генеральных кортесов Испании

Провел совещание с помощниками и советниками.

Подписал Указ «О членах бывшего Кабинета министров СССР».

Мэр Дубровника Полянич направил в адрес М.С. Горбачева послание, в котором призывал советского Президента присоединиться к Обращению группы нобелевских лауреатов, выступивших за то, чтобы уберечь от разрушения исторические ценности уникального города. В письме содержалось также приглашение Горбачеву посетить Дубровник.

Ноябрь, 27.

Утром беседовал с вице-президентом Федерации экономических организаций Японии Т. Яхиро.

Состоялась встреча с представителями совместной Комиссии по урегулированию положения в НКАО, на ко-

торой присутствовали народные депутаты РСФСР Е.М. Кожокин и В.Н. Подопригора.

Провел заседание Государственного совета СССР. По окончании заседания ответил на вопросы журналистов. После чего состоялся разговор с Э.А. Шеварднадзе и А.Н. Яковлевым.

Направил поздравительную телеграмму председателю Федерального собрания Чехословакии А. Дубчеку в связи с его 70-десятилетием. Горбачев высоко оценил роль, которую играет А. Дубчек в возрождении Чехословакии, и пожелал ему крепкого здоровья, энергии, долголетия.

Газета «Правда» опубликовала сообщение о том, что в форме «утечки для прессы» поступила информация о том, что в случае голосования Украины за независимость США установят с ней дипломатические отношения. А.С. Грачев и А.С. Черняев доложили М.С. Горбачеву. Состоялся разговор по этому вопросу, на который был приглашен Э.А. Шеварднадзе. Горбачев продиктовал текст реплики пресс-службы Президента СССР с выражением недоумения по этому поводу.

Ноябрь, 28.

В Кремле дал интервью журналистам «Народной газеты» (Минск).

Встретился с Эрнстом Неизвестным.

Вечером беседовал с Юрием Щекочихиным.

Подписал Указы: «О Государственной комиссии по реорганизации органов государственной безопасности», «Об утверждении Временного положения о Министерстве внутренних дел СССР», «Об утверждении Временного положения о Межреспубликанской службе безопасности».

Ноябрь, 29.

Провел заседание Политического консультативного совета при Президенте СССР.

Ноябрь, 30.

В первой половине дня состоялся разговор с Б.Н. Ельциным при участии Г.Э. Бурбулиса и Е.Т. Гайдара. Разговор продолжался четыре часа. Речь шла о том, что нельзя оставлять Центр без средств к существованию. Состоялся телефонный разговор с Президентом США Дж. Бушем по инициативе последнего.

Вечером в разговоре с В.А. Медведевым поделился впечатлениями о встрече с Ельциным, сообщил о телефонном разговоре с Бушем.

Декабрь, 2.

Провел совещание с А.С. Черняевым, Г.Х. Шахназаровым и А.Н. Яковлевым по подготовке «Обращения

Декабрь, 3.

Президента СССР к парламентариям страны». Подписал Обращение и разослал в парламенты республик. В Кремле состоялась беседа с правящим бургомистром Берлина, видным деятелем ХДС Э. Диппенгом.

После объявления предварительных результатов голосования на Украине и в Казахстане связался по телефону с Л.М. Кравчуком и Н.А. Назарбаевым, поздравил их (в предварительной форме, в ожидании поступления официальных результатов) с избранием президентами своих государств.

Посол Великобритании Р. Брейтвейт передал Горбачеву послание от Дж. Мейджора, в котором конкретно перечислялись обязательства «семерки» по оказанию продовольственной и медицинской помощи, интеграции Союза в мирохозяйственные связи.

Вечером говорил по телефону с Б.Н. Ельциным по поводу признания независимости Украины.

Беседовал с директором Международного института сравнительных социальных исследований Х. Яничком.

Состоялся телефонный разговор с Г. Колем по инициативе канцлера ФРГ.

Вечером выступил по Центральному телевидению с «Обращением Президента к парламентариям страны».

Подписал Закон «О реорганизации органов государственной безопасности».

Подписал Указ «Об утверждении Временного положения о Комитете по охране государственной границы СССР».

Ю.М. Батурин, не сумев встретиться с Горбачевым, оставил записку: «Михаил Сергеевич, сегодня много новостей из Белого дома относительно Союзного договора, в том числе и неафишируемых. Завтра будет подготовлено заключение Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР». К этой записке прилагались два документа. Один — замечания к проекту договора Комиссии Совета Национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям. Замечания датированы 29 ноября и свидетельствуют о том, что депутаты решительно настроены в пользу Союзного договора. Более того, комиссия считала, что вопрос о формировании союзного бюджета, его доходной части должен быть определен в самом

договоре, без ссылок на какие-то другие соглашения. Тем самым депутаты фактически высказались за необходимость федеральных налогов и сборов. И другие замечания носили конкретный, деловой характер, расширяли сферу совместных действий, функции союзных органов. (См.: *Горбачев М.С. Жизнь и реформы.* Кн. 2. С. 597.)

Декабрь, 4.

Состоялся телефонный разговор с Президентом Республики Польша Л. Валенсой.

Подписал Указ «О создании Совета по гуманитарной помощи при Президенте СССР».

Декабрь, 5.

В Кремле прошла встреча с Б.Н. Ельциным. Встреча проходила за закрытыми дверями. Об ее итогах «Российская газета» 6 декабря 1991 года опубликовала один абзац: «Без Украины Союзный договор не мыслится, но вместе с тем он должен быть подписан, так как иной альтернативы нет. Такой вывод был сделан на встрече в Кремле Михаила Горбачева и Бориса Ельцина». А.С. Грачев пишет: «После встречи, состоявшейся у Горбачева, оба президента порознь сообщили прессе, что они “не мыслят Союза без Украины”, при этом Ельцин сказал, что “надо будет всё сделать, чтобы убедить украинцев присоединиться к Союзному договору”. Правда, он сделал оговорку, которая в тот день не привлекала особого внимания: “Если этого не получится, надо будет подумать о других вариантах”». (Грачев А.С. *Дальше без меня...*». С. 184.)

Участвовал во встрече с ветеранами войны и труда по случаю 50-летия исторической битвы у стен Москвы. Встреча проходила в Центральном доме Советской Армии, на ней присутствовал также министр обороны СССР Е.И. Шапошников.

Обсуждал с Г.Х. Шахназаровым вопросы, связанные с подготовкой материалов для беседы с Б.Н. Ельциным, А.М. Кравчуком и Н.А. Назарбаевым, назначенной на 9 декабря. Шахназаров высказал предположение, что 8 декабря в Минске лидеры славянских государств сойдутся на «содружестве» или «сообществе»... «Надо искать промежуточное решение. Горбачев просил найти аргументы в пользу подписания Союзного договора в нынешнем виде... После обсуждения согласился на возможность “ассоциированного членства Украины”». (Шахназаров Г.Х. *С вождами и без них.* М.: Вагриус, 2001. С. 480.)

Декабрь, 6.

Беседовал с Премьер-министром Венгрии Й. Анталлом. По окончании беседы Горбачев и Анталл провели совместную пресс-конференцию.

Дал интервью французской телекомпании ТФ-1.

Возложил венок к Могиле Неизвестного солдата в честь 50-летия битвы под Москвой. Президента СССР сопровождали Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев, Е.И. Шапошников, В.В. Бакатин, Е.М. Примаков, И.С. Силаев, В.А. Медведев, А.С. Черняев и А.С. Грачев.

В связи с исключительно сложной ситуацией, сложившейся в Москве с обеспечением населения продовольствием, направил телеграммы Президенту Украины Кравчуку Л.М., Председателю Верховного Совета Республики Беларусь Шушкевичу С.С., Президенту Казахской ССР Назарбаеву Н.А., Президенту Республики Молдова Снегуру М.И. В телеграммах подчеркивалось, что в городе запасов мяса, масла животного, сахара и растительного масла осталось на несколько дней. Такое положение чревато массовыми протестами против проводимых демократических реформ, серьезным социально-политическим обострением. Президент СССР просит сделать всё возможное по обеспечению немедленной отгрузки в Москву продуктов питания в счет продовольственных соглашений на 1991–1992 годы. (См.: «Правда», 7 декабря 1991 года.)

Созвонился с Кравчуком и Назарбаевым, чтобы договориться о встрече в Москве 9 декабря с ними, Ельциным и Шушкевичем. Кравчук и Назарбаев ответили согласием, договоренность с Ельциным и Шушкевичем была достигнута ранее.

Декабрь, 7.

Встретился с американской делегацией, прибывшей в СССР на конференцию по экономическому образованию молодежи.

Дал интервью Украинскому телевидению.

Подписал Указ об освобождении В.Н. Лобова с должности начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР и назначении на эту должность В.Н. Самсонова.

Декабрь, 8.

Руководители России, Украины, Беларуси (Б.Н. Ельцин, Л.М. Кравчук, С.С. Шушкевич) на встрече в Беловежской Пуще объявили: «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Они подписали «Заявление глав государств об образовании Содружества Незави-

- симых Государств» и «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств». В российскую делегацию на переговорах входили: Г.Э. Бурбулис, С.М. Шахрай, Е.Т. Гайдар, А.В. Козырев, В.В. Илюшин. О событиях в Беловежской Пуше Горбачев узнал от Шушкевича, который по поручению Ельцина и Кравчука позвонил Горбачеву на дачу и сообщил, что собравшиеся в Беловежской Пуше три руководителя «вышли на соглашение», и зачитал подписанный ими документ. Также проинформировал Горбачева о том, что главком Вооруженных Сил СССР Е.И. Шапошников поставлен в известность об их договоренности и уже состоялся разговор Ельцина с Бушем.
- Декабрь, 9.* Выступил с Заявлением Президента СССР в связи с Беловежским соглашением.
- Декабрь, 10.* Встретился с руководством Вооруженных Сил СССР в Министерстве обороны СССР. Сессия Верховного Совета Казахской ССР началась с острой критики интервью М.С. Горбачева Украинскому телевидению. Его слова о том, что «Россия может потребовать часть территории нынешнего Казахстана», были расценены как «провокационные». (См.: «Правда», 11 декабря 1991 года.)
- Декабрь, 11.* Утром состоялся разговор с В.Н. Лобовым в связи с его отставкой с поста начальника Генерального штаба СССР. Затем состоялась встреча с Б.Н. Ельциным. Дал интервью главному редактору «Независимой газеты» В. Третьякову. В «Независимой газете» опубликованы ответы Горбачева на вопросы ученых мира. Телефонный разговор с Н.А. Назарбаевым по инициативе Президента Казахстана, в котором Назарбаев проинформировал Горбачева о предстоящей встрече руководителей среднеазиатских республик в Ашхабаде, на которой будут обсуждаться отношение и предложения республик к «Соглашению о создании Союза Независимых Государств», подписанному в Беловежской Пуше.
- Декабрь, 12.* Встретился с советскими журналистами. Направил обращение к парламентам Республики Беларусь и РСФСР в связи с отзывом их представителей из Верховного Совета СССР.

Верховный Совет РСФСР ратифицировал Соглашение о Содружестве Независимых Государств. В связи с этим вечером состоялся разговор с А.С. Черняевым. В частности, Горбачев «подивился оскорблениям космонавта Севастьянова, заявившего с трибуны парламента: документ слабый, но хорошо, что “эра Горбачева” кончилась...» (См.: Черняев А.С. *Совместный исход... Запись от 12 декабря*. С. 1036.)

Декабрь, 13.

В Ашхабаде открылась встреча президентов Республики Казахстан, Республики Кыргызстан, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан. Принял специального представителя правительства Великобритании Д. Эпларда.

После окончания беседы с Эплардом провел совещание с А.С. Черняевым и А.Н. Яковлевым по текущим вопросам.

Состоялись телефонные разговоры с Б.Н. Ельциным и Л.М. Кравчуком о положении с Вооруженными Силами.

Дал интервью журналу «Тайм».

Вечером состоялся телефонный разговор с Дж. Бушем по инициативе американского Президента.

На встрече в Ашхабаде принято «Заявление глав среднеазиатских республик СССР», в котором говорилось о готовности среднеазиатских республик войти в состав Содружества Независимых Государств.

Декабрь, 14.

Состоялся телефонный разговор с Н.А. Назарбаевым, который проинформировал Горбачева об итогах встречи руководителей среднеазиатских республик в Ашхабаде.

По предварительной обоюдной договоренности состоялся телефонный разговор с Президентом Франции Ф. Миттераном.

Вместе с Р.М. Горбачевой встретился с членами известной рок-группы из Германии Scorpions. Встреча состоялась благодаря содействию газеты «Бильд» и Центра Стаса Намина. Группа дважды приезжала в СССР (1988 год — Ленинград, 1989 год — Москва). В 1990 году была записана композиция «Ветер перемен», рассказывающая о приезде группы в СССР, ставшем возможным благодаря перестройке, начатой Горбачевым. В 1991 году песня стала международным хитом, группа записала ее русскую версию, которая осенью 1991 года была послана Горбачеву.

Декабрь, 15.

Направил приветствие участникам конференции «Анатомия ненависти».

По свидетельству А.С. Черняева, начальнику личной охраны Президента СССР В.Б. Пестову объявили, что с 16 декабря охрана М.С. Горбачева переходит в подчинение службы Президента РСФСР. (См.: Черняев А.С. *Дневник двух эпох...* С. 1037.)

Вечером состоялся разговор с Г.В. Старовойтовой по ее просьбе.

Декабрь, 16.

Беседовал с госсекретарем США Дж. Бейкером.

Декабрь, 17.

Состоялась беседа с группой участников международной конференции «Анатомия ненависти».

Состоялась встреча с Б.Н. Ельциным. На встрече обсуждались итоги переговоров с госсекретарем США Дж. Бейкером, вопросы образования Содружества Независимых Государств, предстоящая встреча глав независимых государств в Алма-Ате. Президенты согласились с тем, что процесс перехода союзных структур в новое качество должен завершиться к концу 1991 года. В этот срок прекращается действие всех союзных структур, часть из них переходит под юрисдикцию России, остальные ликвидируются. (См.: «Российская газета», 18 декабря 1991 года.)

Направил приветствие участникам международной конференции «Современные проблемы федерализма». «Правда» опубликовала сообщение о том, что Президент СССР утвердил новый текст военной присяги.

Декабрь, 18.

Дал интервью газете «Комсомольская правда».

Состоялась встреча с руководителями палат и комитетов Верховного Совета СССР и представителями инициативной группы народных депутатов по проведению Съезда народных депутатов СССР. «Президент СССР полагает, что в переходном периоде следует провести заключительное заседание сессии союзного парламента, чтобы цивилизованным путем объявить о передаче функций новой межгосударственной структуре представительной власти». («Правда», 19 декабря 1991 года.)

В рамках подготовки съемок по проекту «Уход», организованному американской телекомпанией Эй-Би-Си при участии Советского телевидения, встретился с менеджером компании Ричардом Капланом.

Опубликовано сообщение о том, что германская газета «Бильд» назвала М.С. Горбачева «Почетным немцем».

- Декабрь, 19. 1991 года», отметив тем самым его заслуги в деле объединения Германии.
Подписал и направил «Обращение к участникам встречи в Алма-Ате по созданию Содружества Независимых Государств».
- Декабрь, 20. Состоялся разговор с Ю.Ф. Карякиным.
Канун Алма-Атинской встречи. В Москве затишье — Ельцин и его приближенные вылетели в Казахстан. Грачев пишет: «Горбачев остается в Кремле в непривычной для себя роли — впервые за шесть лет перестройки он не только не лидер и даже не участник главных политических событий, а их объект и вынужден ждать от одиннадцати присяжных, удалившихся в Казахстан, приговора своей стране, своему политическому проекту и себе самому. Он сделал всё, что считал необходимым и что смог, и сегодня ему остается лишь имитировать привычную занятость союзного Президента, хотя бы для того, чтобы отвлечься. Он пытается реагировать на тревожное письмо заместителя мэра Москвы Ю. Лужкова — в 350 магазинах города нет мяса. Посылает телеграммы с просьбой ускорить поставки в Москву руководителям теперь уже независимых от Центра республик и областей. Намеивается попросить об экстренной помощи Коля и Гавела, с надеждой хватается за обещания гуманитарной помощи, о которой сообщает пришедший на прием американец.
И все-таки отвлечься от Алма-Аты невозможно... (Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 228–229.)
Принял президента Международной внешнеполитической ассоциации Дж. Гаррисона, который прибыл в Москву с грузом медицинского оборудования и лекарств на сумму в 10 миллионов долларов.
Встретился с писателем И.Л. Беляевым (давний приятель, однокашник Горбачева).
Вечером звонок Г. Коля.
- Декабрь, 21. В полдень по московскому времени за закрытыми дверями руководители 11 суверенных государств на встрече в Алма-Ате достигли договоренности о прекращении существования СССР.
Сообщалось также, что к соглашению об образовании Содружества Независимых Государств, которое подписали 8 декабря Россия, Украина и Беларусь, присоединились на правах учредителей еще восемь республик

бывшего Союза, в том числе Молдова. Таким образом, в Содружество вошли все республики, кроме Грузии и государств Балтии. Вопрос о присоединении Грузии остался пока открытым, так как находящиеся в Алма-Ате представители не обладали достаточно высокими полномочиями.

Лидеры 11 республик, образовавших Содружество Независимых Государств, приняли Обращение к Президенту СССР Михаилу Горбачеву, в котором уведомляли его о прекращении существования Советского Союза и института президентства СССР и благодарили Горбачева за его большой положительный вклад. (См.: Грачев А.С. *Дальше без меня...* С. 230–231.)

В связи с поступившей из Алма-Аты информацией провел совещание с А.Н. Яковлевым, А.С. Черняевым и Э.А. Шеварднадзе.

Горбачеву позвонил Ф. Миттеран. Разговор продолжался 20 минут. Президент Франции стал первым, кто позвонил Горбачеву после принятого в Алма-Ате решения о прекращении существования СССР.

Дал интервью американской телекомпании Си-Би-Эс. На вопрос об отношении к Ельцину Горбачев ответил: Мы знаем и оценили его в роли оппозиционера, в том числе защитника демократии. В роли же государственного деятеля ему еще предстоит пройти проверку властью и ответственностью. Вопрос о пожелании Ельцину. Горбачев: Думаю, побольше демократизма не помешает. Вопрос: Каковы шансы на выживание Содружества? Горбачев: Важно, чтобы оно не оказалось мыльным пузырем. Вопрос: Вы не считаете, что Ельцин и другие лидеры республик Вас унижают? Горбачев: Я оставляю всё это на совести этих людей. Мне приходится быть выше эмоций. (См.: Грачев А.С. *Дальше без меня...* С.232.)

Дал интервью газете «Московская правда».

В конце рабочего дня состоялся разговор с ведущим американской телекомпании Эй-Би-Си Тэдом Копполом в рамках проекта «Уход».

Декабрь, 22.

Вместе с Г.И. Ревенко и Г.Х. Шахназаровым готовился к встрече с Б.Н. Ельциным «для передачи дел».

Подготовили к обсуждению с Ельциным несколько проектов совместных указов: о прекращении деятельности и о трудоустройстве работников Аппарата Пре-

зидента СССР и Межгосударственного экономического комитета, о создании «Горбачев-Фонда», об условиях отставки Президента СССР. Отдельно должны были обсуждаться вопросы о государственных и частично смешанных с ними партийных архивах, находившихся в Кремле, а также о процедуре передачи секретных шифров «ядерной кнопки».

Декабрь, 23.

С 12 часов началась встреча с Б.Н. Ельциным в Ореховой комнате «для передачи дел».

В 18 часов состоялся заранее запланированный телефонный разговор с Премьер-министром Великобритании Дж. Мейджором.

После разговора с Мейджором продолжился разговор с Ельциным. Встреча продолжалась в течение десяти часов.

Декабрь, 24.

Принял итальянского посла Ф. Саллео, который передал Горбачеву послание от Президента Коссиги и сугубо личное, написанное от руки письмо Председателя Совета Министров Джулио Андреотти.

Состоялся телефонный разговор с Премьер-министром Канады Б. Малруни.

Попрошался со своим Аппаратом. В зале заседаний Политбюро ЦК КПСС, а последнее время — Государственного совета собралось около пятидесяти сотрудников Аппарата Президента СССР — помощники, советники, руководители различных служб. Повторив информацию об уже известных результатах встречи в Алма-Ате, сказал, что эпоха Союза завершается: «Завтра я намерен выступить с заявлением об отставке». Рассказал о результатах состоявшейся накануне встречи с Ельциным. Подчеркнул, что двусторонняя комиссия под руководством представителей двух президентов займется трудоустройством людей. О себе коротко сказал, что намерен заняться общественной деятельностью в создаваемом Горбачев-Фонде. (*Подробнее см.: Грачев А.С. Дальше без меня... С. 239–240; Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. С. 484–485; Рабочие записки В.А. Медведева, Г.Х. Шахназарова. АГФ. Фонд № 10, опись № 2.*)

После встречи с Аппаратом состоялся разговор с ближайшими соратниками, во время которого Горбачев более подробно рассказал о встрече с Ельциным. Обсуждались основные вопросы, связанные с началом деятельности Фонда.

Декабрь, 25.

Остаток дня прошел в консультациях по поводу юридических аспектов регистрации Фонда, мобилизации его учредителей — в этом качестве согласились выступить Э.А. Шеварднадзе и С.С. Шаталин.

Подписал прощальные письма государственным деятелям, с которыми работал на протяжении шести лет: Его Превосходительству Джорджу Бушу, Президенту Соединенных Штатов Америки, и госпоже Буш; Его Превосходительству господину Гельмуту Колю, Федеральному канцлеру Федеративной Республики Германии, и госпоже Коль; Его Превосходительству господину Франсуа Миттерану, Президенту Французской Республики, и госпоже Миттеран; Его Превосходительству господину Джону Мейджору, Премьер-министру Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, и госпоже Мейджор; Его Превосходительству господину Джулио Андреотти, Председателю Совета Министров Итальянской Республики; Его Превосходительству господину Брайану Малруни, Премьер-министру Канады; Их Величествам Хуану Карлосу I, королю Испании, и королеве Софии; Его Превосходительству господину Фелипе Гонсалесу, Председателю правительства Испании, и госпоже Кармен Ромеро Лопес; Его Превосходительству Леху Валенсе, Президенту Польши; Господину Рейгану; Госпоже Маргарет Тэтчер и господину Денису Тэтчеру; Его Превосходительству господину Ро Дэ У, Президенту Республики Корея; Его Превосходительству господину Мауно Койвисто, Президенту Финляндской Республики; Его Превосходительству господину Хосни Мубаракку, Президенту Арабской Республики Египет; Президенту Сирийской Арабской Республики Хафезу Асаду; Его Превосходительству господину Ицхаку Шамиру, Премьер-министру Государства Израиль; Его Превосходительству господину Вацлаву Гавелу, Президенту ЧСФР; Его Превосходительству господину Хашеми-Рафсанджани, Президенту Ирана; Премьер-министру Норвегии госпоже Гру Харлем Брундтланд. (*Письма опубликованы в книге М.С. Горбачева «Декабрь-91. Моя позиция» (М.: «Новости», 1992), с. 124–134.*)

Состоялся телефонный разговор с Дж. Бушем.

Состоялся телефонный разговор с Г.-Д. Геншером (последний из иностранных деятелей, с кем Горбачев говорил, будучи еще Президентом).

Подписал Указ «О сложении Президентом СССР полномочий Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР и упразднении Совета обороны при Президенте СССР».

Выступил с Обращением к советским гражданам.

Составление, редакция, примечания, указатель имен,
даты жизни и деятельности М.С. Горбачева:

В.Т. Логинов, Н.Ф. Королева

Горбачев М.С.

Г 67 Собрание сочинений. Том 30. Ноябрь-декабрь 1991 / Горбачев-
Фонд. — М.: Издательство «Весь Мир», 2022. — 704 с.

ISBN 978-5-7777-0892-2

УДК 323+327
ББК 66.2

Михаил Сергеевич Горбачев
Собрание сочинений
Том 30
Ноябрь-декабрь 1991

Редактор *М.М. Беляев*
Художник *Е.А. Ильин*
Верстка *Е.А. Поташевской*
Корректор *Е.В. Феоктистова*

Подписано в печать 21.11.2022. Формат 60 x 90¹/₁₆
Печать офсетная. Печ. л. 44,0

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
Тел.: +7 (495) 632-47-04, +7 (903) 623-17-38
<http://www.vesmirbooks.ru>
E-mail: info@vesmirbooks.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

